Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (5)

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО :: 1922

№ 2672. (Р. Ц. Москва). № 815. 25.000 экз.

16-я типография М. [illegible] Х.

Вихрь.

Драма в 4-х действиях.

Вяч. Шишков.

„Восстанет против них дух силы и, как вихрь, разнесет их".
(Притчи Соломона, гл. 5, ст. 23.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Петр — зажиточный крестьянин, лет 45-ти, крепкий, чернобородый, брови густые, волосы в скобку.

Варвара — жена Петра, хворая, преждевременно увядшая.

Влас — их сын.

Назар — отец Петра, благообразный лысый старик, в голосе и манере ласковость.

Катерина — жена Власа.

Ванька-Пастух — молодой парень, с хитринкой.

Митька-Смерть — юродивый парень, всегда одет смертью, в длинном белом балахоне, с косой. Лицо то открыто, то закрыто наголовником, смотря по обстоятельствам. Говорит гнусаво, тягуче, старушьим голосом. Хохот громыхающий, дикий, злобно-таинственный, наводящий ужас.

Юзеф — пленный, лет 30-ти.

Старшина.

Мотря, Настя, Палага, Фиска — молодые солдатки.

Первый солдат.

Второй солдат.

Офицер.

Урядник.

Старуха Дарья.

Антон — изувеченный солдат, сын ее, муж Мотри.

Женщина.

Гости на свадьбе, народ.

Между первым и вторым действиями проходит полтора года, между вторым и третьим — год, между третьим и четвертым — неделя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Просторная изба Петра. Он недавно оженил сына. Съезжий праздник*—престол. Гости из своего села и соседних деревень. Девицы, парни, мужики. Назар угощает гостей пивом: нацедит в жбан и подает крайнему. Жбан идет по гостям, сидящим на лавках вдоль стен, возвращается Назару, вновь наполняется и передается дальше. Веселая вечорка. Занавес поднимается в самый разгар песни.

Хор (громко.) Снежки бе-е-елые пуши-и-сты-ы
При-и-инакры-ы-ыли все поля-а-а. Поля!
Женский хор. Одного-о-о-о лишь не накры-ы-ы-ли да го...
Хор (громко). Го-о-рюшка лю-у-у-утого мово-о-о. Мово!
Женский хор. Среди-и и-и поля кусто о-очик да о...
Хор (громко). О-о-о-динё о-о-ошенек стои ит. Стоит!

(Ванька-Пастух, в лаптях, стоит посреди избы, размахивает руками, тренькает на балалайке, с вывертом притопывает—хочет плясать.)

Ванька. Ну, чего тянете!.. быдто дохлую корову за хвост. Надо весёлое, с плясом. Ух, ты но-о!.. Чтобы изба дрожала, потому што...

Девица. А ты пошто в лаптях?

Ванька. Я-то?

Парень. Поди, не пахать поехал... Вечорка здесь, гульба...

Ванька. Здеся-то?

Девица. Да у него и сапог-то нету...

Ванька. Врешь. Это у меня-то?

Мужик. Его сапоги в лесу растут.

Ванька. Врешь. Есть сапоги. Да еще какие. С подковками. Только не сшитые. В лаптях сподручней. Эх ты но-о!..

Голоса. Ха-ха!... Удалой ты парень.

Ванька. Кто? Я-то? Завей горе веревочкой!

Голоса. Спляши ка, Ванюшенька, спляши...

Ванька. А не спляшу, что ли... Хы!..

Петр (стоит с женой Варварой возле печки). Да поудалей ты. В случае чего, и я бы приударил.

Голоса. Вот, вот, Петр Назарыч...

Ванька. У тебя больно борода большая: того гляди наступишь.

Голоса. Пляши, знай. Чего—борода. Пляши!

Петр. А что? Унывать нечего, ребята... Значит, урожай сняли добрый...

Голоса. — Лучше требовать нельзя...
— Сыты будем...
— Пивов наварим, браги...
— Пей, не хочу! Жить можно...

Петр. Вот, слава те Христу, сынка оженил... Все честь-честью... Эвота какую королеву высватал...

Голоса. — Пара.
— Самая краса...
— Куда краше...

(Все гости смотрят в передний угол на молодых Власа и Катерину, сидящих в обнимку.)

Ванька. Парочка, баран да ярочка.

Голоса. — По всему селу первая.
— По всей волости.

Влас. Нет, братцы! По всему свету белому. (Целует Катерину.)

Петр (прищелкнув пальцами и прикрякнув). Эх ты, смачно как. Любо!

Ванька. Хы-хы-хы! Ловко... Влас Петрович, вкусно? Катерина, каково? А? А вот я гляжу-гляжу, да и сам женюсь, потому што...

Девичьи голоса. — Да за тебя и пойти-то никто не подумает.
— Нечего сказать, жених.

Ванька. Это за меня-то? Девки, да вы в уме ли? За меня-то? За пастуха-то? Я самый богатеющий мужик. А что? Вот балалайка, а вот и лапти.

Гости (смеются). — Ишь, какой богатый.
— Богатый и есть.
— Миллионщик.

Ванька. А не богатый, что ли? У меня в губернии домище сгрохан, о семи жердях с подъездом... Низ деревянный, верх кирпичный... Хы-хы-хы!.. Кругом бегом...

Гости (смеются).

Ванька (проходит гоголем не торопясь по кругу, тренькает на балалайке, запевает):

Эх, мамка по миру ходила,
Мне тальяночку купила,
Все кусочки продала
Балалайку завела...
Эх, ты но, завей горе веревочкой!

Гости (смеются).

Ванька. Еще у меня, братцы, есть разны вещи, молоток да клещи, да чайник безо дна, только ручка одна. Совсем новенький... Хы-хы. Вот я какой богатый господин потому што...

Гости (смеются). — Ну, и говорок.
— Экой язык-то у тебя.
— Ваня-пастушок, а что ж ты плясать-то?

Ванька. Мать честная! Я и позабыл совсем... (Бросается на середину избы, ударяет по струнам балалайки, притопывает.) В присядку, что ли?

Петр. Валяй! Только повеселей. Подсобим.

Ванька. Ладно, не учи... Сам шашнадцать годов в ниверситете обучался. (Выкидывает ногами козла и запевает:) [1])

Ну, ребята, пляшитё!
Не жалейте лапти-тё!
Подхва-а-тывай!

Хор. Ну, ребята, пляшитё,
Не жалейте лапти-тё...

Ванька. Ежли эти стопчетё,
Батька новы сплететё!
Подхва-а-тывай!

Хор. Ежли эти стопчетё,
Батька новы сплететё!

Ванька. Эй, плясуны, в круг! Об это место!.. Айда!

(Несколько парней и девок бросаются плясать, к ним пристает и **Петр.** Ванька гикает, носится, подпрыгивает, свистит. Разудалый русский пляс, песня. Изба ходуном ходит.)

Хор (ударяя в ладони). Ну, ребята, пляшит!
Не жалейте лапти-тё!
Ежли эти стопчетё,
Батька новы сплететё!

---

[1]) На мотив — „Барыня“.

Голоса (резкие, громкие, подбавляющие жару):
— Веселей!
— Ну, поудалей. С присвистом!
— Эй, Мишка, свистни!
— Айда, айда..
— Рой землю каблуками!
— Рой!.. Вот так!

Хор. Ну, ребята, пляшитё,
Не жалейте лапти тё!..

(Вдруг среди пляса порывисто распахивается дверь, входит запыхавшийся старшина с цепью на груди, в руках бумага.)

Старшина (трясет бумагою). Мир честной! Мир честной!..

(Все враз смолкают, останавливаются.)

Старшина. Православные! Война!

(При слове „война" быстро входит Митька-Смерть, лица не видать, прикрыто балахоном, останавливается у косяка и все время стоит не шелохнувшись.)

Петр (подходит не торопясь к старшине). Как война? Какая война? Что ты.

Старшина. Здорово, Петр Назарыч, здорово, хозяюшка молодая, да молодой хозяин. Здорово, мир честной... Враг войну объявил нам. Из города курьер прискакал. Мобилизация объявлена... Война.

Митька-Смерть (при общей тишине страшно хохочет). Хо-хо хо!.. Хо-хо-хо!..

(Сидящие вскакивают, оцепенение прошло, подходят к старшине.)

Голоса. — Неужто война?
— Го о-осподи.
— Царица небесная...
— Война...

Старшина. Кроволитье будет большое. Много держав ввязалось в драку..

Голоса. — Господи! Что-то будет, что-то будет...
— Ой-ти мнёшеньки, спаси Христос...
— Недаром вчерашнюю ночь собаки выли...
— А наша бабушка видела старца в лесу. Плачет сидит старец, горькими разливается. А тут враз пропал, как сгинул.
— Война...
— Война. Война.
— Сказывают, планида по небу гуляет... Звезда хвостом...
— Ой, Господи, помилуй нас.. Война.

Старшина. Война, хрещеные.. Прогневили мы Господа бога.. Кровь рекой польется... Погибель всем, погибель.

Митька-Смерть. Хо-хо-хо!.. Хо-хо-хо!..

Голоса. — Ой, кто это?! Кто ржет?
— Кто это?

(Митьку в суматохе не замечают.)

Старшина. Православные! Парни, мужики. Краснобилетники белобилетники... Завтра к утренней заре все в волость. Мобилизация... Много народу требуют.

Голоса. А оттуда?

Старшина. В город.

Голоса. — Как? Пошто в город?
— Сразу?

Старшина. Сразу. Спешно. Строгий приказ. И тебя, Влас Петрович, огорчить должон. Заберут. И тебя, Степан, и тебя, и тебя. Да без малого всех возьмут.

Входит народ с улицы. Начинается плач. Девки обнимают парней. Слышны выкрики: „Война, война". - „Братец. — Сестрица... Мамынька! Сынок, соколик". Влас обнимает плачущую Катерину. К нему бросается на шею мать. Петр подходит, дедушка Назар подходит.)

Ванька. Бабы, девки!.. Чего вы, дуры, воете? А я-то на что же, потому што. Я останусь.

Старшина (строго). И тебе, молодчик, красной шапки не миновать.

Ванька. Кому это, мне-то? Нет, я не пойду.

Старшина. По-ойдешь...

Ванька. Я, дяденька-старшина, останусь. Я не люблю воевать.

Старшина. Малоль бы чего.

Ванька. У меня левая нога очень короткая, конешно потому што...

Старшина. Врешь.

Ванька. У меня и сапогов нет, дяденька, одни лапти. Не возьмут меня?

Старшина. За милую душу заберут.

Ванька. Я не люблю воевать. У меня, дяденька, вот этот глаз ничего не видит. Кривой я... А этот чуть-чуть, конешно...

Старшина. Эй, мужики! По домам, по домам! Нюни распускать некогда. Эй, бабы!.. Марш! Еще успеете наплакаться.

(Все толпясь, помаленьку, выходят. Старшина следит глазами.)

Старшина При полной аммуниции явиться. Эй, запасные! Сразу же в поход.

(Влас крупно шагает взад-вперед, рассуждая сам с собою. Потом идет к сундуку. Катерина стоит у стола, понурив голову.)

Назар (подает старшине жбан). Отпей-ка вот. Пивца-то. Ох, господи.

Петр. Кушай-ка.

Старшина. Благодарим покорно. Не до пива тут... (Пьет).

Ванька. А женатиков берут, аль нет? Я женюсь.

(Старшина, не отрываясь от жбана, топает и трясет головой.)

Петр. Берут... Не смотрят.

(Ванька утирает слезы, идет, понурив голову, к выходу.)

Старшина. Пиво доброе. Этакая беда-то стряслась... А?

Ванька (возвращаясь). А как же коровы? Стадо-то? Нешто пастухов берут?

Старшина (кричит): А подь ты к корове на рога! Надоел!.. Берут.

Ванька (кричит). тоись, как это берут?! Врешь!.. Нешто возможно взять человека, да с места и стащить. Нешто это порядок? У меня одних быков—пять штук в стаде. Это озорство! (Сквозь слезы.) На-ка, выкуси, чтоб я пошел.

Старшина (грозно). Ты, парень, потише. (Смягчаясь.) Да ведь тебя, дурня, никто и не тянет на войну-то. Гуляй пока, рости.

Ванька (в широкой улыбке). Ну? Ах ты. Чего ж ты настращал-то как. Хы хы-хы!.. Так, значит, гулять, конешно? (Убегая.) Эй, бабы! Девки! Стой!..

Ну, ребята, пляшитё,
Не жалейте лапти-тё!.. (Скрывается в сенях.)

Влас (сердито кричит ему вслед). Эй, ты! Попой еще!

(В окно сияет молния, грохочет гром.)

Все (крестятся). Свят, свят, свят...

Назар. Вот он Илья-то пророк, батюшка. (Крестится.)

Варвара. Ильин день завсегда с грозой живет. Ой ты, Власушка ты наш...

Старшина. Ну, памятный день сегодня.

Варвара (утирая слезы). Из-за чего же это война-то, господин старшина, батюшка?

Старшина. Неизвестно. Стало быть, цари не поладили чего не то.

Петр. Нас спрашивать не станут.

Влас (он роется в сундуках, разыскивая аммунициию. Сердито). Не станут? Вот то-то что не спрашивают... Мы бы им...

Старшина. Наше дело маленькое.

Влас (еще более раздражаясь). Маленькое?! Они своими боками попытали бы... А то выпишут указ—народ иди! Эвот я, почитай, мальчишкой был в Японскую-то войну. Реки корейские солдатскими телами прудили. Как трава под косой народ ложился. И теперь то же самое? Где же правда-то? Где Бог-то?!

Варвара. Забыл нас истинный Христос.

Петр. Забыл и есть.

(Молния. Гром.)

Все (крестятся). Свят, свят, свят.

Назар. Не Он нас, а мы Его, Батюшку, забыли... Свят, свят, свят... Варвара, зажги-ка богову свечу.

Варвара. Сейчас. (Зажигает.) Свят, свят, свят.

Назар. А лампу-то прикрутить надо. (Тушит лампу. В избе полумрак.)

Петр. Сила небесная. Эко громыхает как.

Влас. Погоди, еще не так громыхнет. Головы, как кочны, полетят с плеч. У-ух!

Старшина. Я пойду. Поздно уж. Нет ли дерюжинки какой накрыться? Дождь. (Варвара подает ему дерюгу.) Прощайте-ка. (Идет к двери.) Дак собирайся, смотри, Влас Петров. Время идет... Пожалуй, пора и в волость ехать. (Уходит.)

(Варвара валится на кровать и воет. К ней подходит Катерина.)

Влас (крупно шагает по избе.) Черти!.. Ух, черти! Верно рабочие-то толковали: к чорту всех царей, тогда и войнам крышка. Ну, пошто народу друг с другом воевать? Земли, что ли, у врага мало стало?

Петр. Экие дела какие. Канитель какая... А?

Влас. А ежели тесно—приходи, живи у нас. Токсь, прямо не из-за чего стало бы народу драться. А это цари все, да графья с князьями. Да богачи-милльонщики. Тьфу! Вот ужо по всем церквам указ... „Мы Божьей милостью"... Милость! Нешто это милость?! (Трясет рукой к божнице.) Это окаянство... Попущение! (Гром. Молния.)

Варвара. Свят, свят, свят... Что ты, сынок, что ты?

Влас. Вина сюда!.. Водки! Водки! (Хлопает кулаком в стол и, повалившись головой, плачет. Семейные окружают его, Катерина и мать целуют в голову.)

Петр. Не тужи, сынок, крепись.

Назар. Эх, внучек, внучек... Болезный мой.

Катерина. Власушка, желанный. Родименький.

Варвара. Господи ты, Господи. Светы мои дорогие. Сыночек мой ненаглядный... Ой...

Влас (приподымая голову). Катеринушка, голубонька моя... Вот какая у нас вышла с тобой свадьба. Давно ли оженились-то?.. Эх, тяжко...

Екатерина. Власушка!

Варвара. Сыночек родненький. Дитятко!

Петр. Бог даст, освободят еще.

Все (крестятся). Давай то Бог, давай-то Бог.

Влас (встает). Кого, меня-то? Этакого-то? Медведя-то? Ну, батюшка с матушкой,—собирайте-ка меня. Один конец. (Безнадежно машет рукой.)

Женщины (суетятся). Сейчас, сейчас... Ой, дитятко мое, дитятко.

Влас. Вот пришел с войны. Работать принялся. Катерину себе высватал, женился... Да я бы теперь этими ручищами чорта своротил. Я бы!.. Эх, да чего тут толковать. Только бы жить да радоваться... А вот...

Петр. Только бы жить да радоваться, сынок. Такая краля баба-то у тебя...

Влас. Ну, что поделаешь. Судьба велит.

Назар. Судьба. Это верно, что судьба. Ежели судьба допустит, жив-здоров будешь. Ну, а ежели...

Петр. Чего тут вперед загадывать. Бога пытать.

Влас. Нет, батюшка, чую... Вот тут чую, у сердца.

(Варвара, прислушиваясь, бросается от сундука к сыну, валится на колени передним, плачет.)

Петр. Ну, ты! Чего ты...

Влас. Встань, матушка, встань... Уймись. Теперь уж не поможешь. Царь велел. (Поднимает ее. С желчью.) Царь велел!.. Бог попустил. (Трясет рукой.)

Назар. Не вороши, внучек, Господа, не вороши. Это людское дело. Не божье, людское. Обгадил себя весь мир, вся земля. Содом кругом, ненависть, всякий грех, распутство... Вот Бог и наслал грозу. Оглянитесь, мол, люди, кто вы есть... Звери вы! По-звериному живете вы!.. Я мир вам проповедывал, я любовь вам проповедывал, а вы что? Вот ударю молнией и поражу. (Молния. Гром.)

Все (крестятся) Свят, свят, свят.

Влас. Я, пока что, сбегаю проститься к крёстной. Да давайте-ка попрощаемся и с вами как след быть. А то живо подвода подкатит. Недосуг тогда. (Все подходят к нему.)

Назар. Варвара, сними-ко образок Николы угодника Христова.

Влас (берет Катерину за руки). Катеринушка, краса моя. Прощай... Не довелось нам с тобой пожить в мире да в согласьи... Прощай, родная. Прощай... Нет, нет да и вспомни... В мыслях подержи меня... Влас, мол, у меня есть, супруг, мол, тяжко там ему... Да, да... Тяжко. (Задумывается.) Ну, что же... Вот, голубка, белая моя лебедушка... Прощай. (Обнимает ее. Катерина плачет.) Соблюдай себя. Одним венцом нас с тобой крыли, вокруг налою водили. Помни!

Назар (Власу). Становись-ко, милый внучек, на колени. Честь честью надо благословить.

Влас. Постой минутку. (К отцу.) Батюшка! Вот тебе жена моя... Береги... Береги... Больше ничего не скажу. Береги... Матушка, и ты тоже...

Петр и Варвара Не сумлевайся. Что ты.

Влас. Ну, а теперь благословляйте... Эх, матушка! Жалко мне тебя. Дюже нездорова ты, хвораешь. Эх, не увидать мне тебя больше. Не хотел говорить, да уж... (Отвертывается, лицо скорбное.)

Варвара. Коротки мои денечки, дитятко мое. Не себя жалко, участь твою жалко горькую. Дитятко, Власушка...

Назар. Никто как Бог.

(Влас опускается на колени, отец, мать и дед благословляют его, целуют.)

Влас. Ну, пойду. Спасибо вам. Живите... Направляется к выходу.)

Назар и Варвара. Стой, стой!.. Нельзя за порог. Присядь... Садись, а то пути не будет. Все кроме Власа садятся.)

Назар. Да и помолись еще Богу, Власушка, у родного образа...

Влас останавливаясь,. Богу? (Пауза.) Что-то сердце не лежит молиться. Не охота, мол...

Митька-Смерть. Хо-хо-хо! Хо-хо-хо!

(Молния, грома не слышно. Все вдруг оборачиваются на хохот. Катерина вскрикивает и хватается за Варвару.)

Влас. Митька, это ты? (Молчание.)

Петр. Он самый.

Варвара. Что ты народ стращаешь. И без тебя тошнехонько.

Влас. Уходи!.. А то я тебя. Кого ты хоронить собрался?!

Назар (руку козырьком, шагает вперед на Митьку). Да кто это? Не видно ничего... Господи, помилуй. Свят свят, свят.

Влас Вон!! Схватывает с лавки сапог и швыряет в Митьку.) Вон!!

(Митька с хохотом выхватывает из-под балахона гармошку, со всех сил растягивает мехи и под оглушительные звуки орёт диким, страшным голосом.)

У-а-а-а!.. Аaaaa—уааааа!

Уа-а а!.. Аааа-уа-а-а! (Уходит.)

(Сильный гром. Все крестятся, кроме Власа.)

Назар. Господи, отведи грозу. Дай тихий час на землю нашу.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Та же изба Катерина шьет. Пленник Юзеф играет на скрипке. Он говорит по-русски хорошо, с небольшим акцентом, не сразу находя слова. Назар чинит хомут.

Назар. (когда пленник кончил задушевную игру и положил скрипку). Этакий ты мастерина играть-то... Скажи на милость — струна, жила простая, а точно человек выговаривает. Оказия!

Юзеф. У нас, старый, все играют на музыке. Много... И поют... Не скучный народ у нас.

Назар. Эх люди, люди... И чего не живется? Жить бы да жить ладком. Нет, война. Иди кровь проливать. За что, кому какая корысть от этого? Нешто по-божьи это?

Юзеф (закуривает). Народу не надо война. Зачем война. Этот хлеб сеял, тот сапоги шил, третий — торговлю вел. Я вот — на фабрике слесарем был.

Назар. Всяк на своем месте, стало быть.

Юзеф. И у нас также, и в другой стране, и в третьей.. А тут вдруг... как это... ну, как это... вихрь, буря...

Назар. Все повырывало, с кореньями. Всю жизнь нарушили. Поди-ка, снова-то наладь... Ежели травинку потревожишь, кустышек малый, и тот завянет, тем паче человек. Глубоко корни пускает каждый человек... Шутка плохая, сынок.

Юзеф. Плохая, старый.

Катерина. А пошто воюют тогда? Кто велит?

Назар Чорт велит. Прости ты, Господи, мое великое согрешенье.

Юзеф. Есть сила страшней чорта.

Назар (крестясь). О-о-о... Кто же это?

Юзеф. Жадность. Деньги. Капитал. Всем миром капитал правит. Он и войну ведет.

Катерина. О-о-о.... А не цари?

Юзеф. Цари — первые капиталисты. Эта держава стала сильной, барыши отбивать начала. Конкуренция. Сокрушить ее. Ого! война. Другая заслабела. Прибрать ее к рукам. Война. А там, смотришь, друг с другом схватились. Новые пристали. Ого! Бей! Им людей не жаль. Как это... Родятся еще.

Назар. Не жалко, сынок, не жалко Эвота, войне полгода, а уж сколько народу перебили... В волости только одной нашей, ты подумай...

Катерина. А во всей губернии-то...

Назар. А во всей Руси то православной.

Юзеф. А на всей-то войне!

Назар. Ведь люди это. Творенье божье. Собак и тех жаль.

Юзеф. Люди, старый, люди.

Катерина. Охо-хо Страшно, должно быть, на войне-то. Пуще грома, говорят, пушки-то грохочут. Не приведи Господь.

Назар. Ведь вот, скажем, сына али внука... Ро́стишь, ро́стишь. Кажиную пушиночку сдуваешь. А тут — пожалуйте на бойню. Другой за три тыщи верст катит. Приехал, стал. Хвать, в самое сердце, как барана. И очухаться не успел. Да ведь человек он, не баран. Господи помилуй, человек!

Юзеф. Верно, старый, верно.

Назар. А дома и не знают. Загинул сын, а и не чутко. Разве что сердце весть подаст... Вот так и Власушка наш... (К Катерине.) Тебе, видать, не жаль? Хозяина то своего?

Катерина. Жаль. Как не жаль. (Пауза.) Юзефушка, сыграй еще.

Назар (укорчиво). Сыграй. Нет, чтобы поплакать.

Катерина. Слезами не изживешь беды.

Юзеф. Что же сыграть?

Катерина. Не знаю... Что надумаешь. Тоскливо мне. И верно бы — поплакать. А слез нету.

Юзеф (берет скрипку, проводит смычком).

Назар. Да, да. Гибнут и гибнут люди. Гибнут и гибнут. Ни за нюх табаку.

Юзеф. Такая доля человечья, старый. Гибнут.

Назар (подымаясь). Гибнут и гибнут. И пожалеть их некому. Вот разве что Господь.— А ты давал лошадям овса-то?

Юзеф. Давал.

Назар (одеваясь). Пойду я, погляжу... Шел бы и ты, снег почистил, что ли. Вишь буран выше окон намел. (Уходит.)

(Юзеф тоже собирается итти.)

Катерина. Погоди, останься.

Назар (вновь появляясь) А где же Пётра-то наш? Опять в кабаке, 'поди.

Юзеф. Там. Вместо чаю вина им в чайниках подают.

Назар. Эх, не ладно всё. Не ладно. Свихнулся мужик совсем.

Юзеф. А кто не свихнулся-то?

Катерина. Весь свет свихнулся.

Назар. Верно. Ребята, девки. Особливо солдатки оголтелые. Всё колесом пошло. Э-эх-ма. (Уходит.)

(Юзеф играет. Катерина отложила шитье и, подперев голову обеими руками, смотрит в стол.)

Юзеф. Эх! Плохо одному быть человеку. Зимно.

(Катерина плачет.)

Юзеф (кладет скрипку, идет к Катерине, склоняется над ней, берет ее руку, тихо). Зачем плачешь, Катерина?

Катерина (глядит в его глаза). Зачем плачу? И сама не знаю. От песни от твоей.

Юзеф. От песни?

Катерина. Ну, да, от песни. Ну вот, плачу и плачу. Что тебе? Уйди.

Юзеф. Гонишь?

Катерина. Уйди. Не сомущай.

Юзеф (понуря голову, отходит к окну и никнет головой).

Катерина. Тебе, говоришь, плохо одному? А мне нешто сладко? Оттого и слезы. (Вздыхает.) Живешь ты у нас шесть месяцев. Люб ты мне... Муж ни словечушка не пишет. Да и знаю его мало. Тебя больше. Без году неделю и жила-то с ним.

Юзеф (подымая голову). Ну?

Катерина. А все-ж таки: закон приняла — крепись.

(Молчание.)

Катерина. Юзеф! А ты все вздыхаешь по ночам. А то и плачешь. Пошто плачешь? Скука, что ли, берет?

Юзеф. По отчизне плачу. И от другого. Иной раз накопится в груди тоска. Все тогда не мило. А тут еще ты... И зачем меня судьба... Как это... ну, как это... бросила сюда, вот в эту хату?

Катерина. Я теперь всего боюсь. Боюсь и боюсь. И сны страшные вижу. Вот иным часом тянет к тебе: ласковый ты, обходительный. А страшно. Проснешься ночью: свекровы глаза огнем горят. Вскочишь, вскрикнешь — нет никого.

Юзеф. Знаю. Тяжело тебе. Если-б была моей жинкой, счастье было бы. Туда, на отчизну, умчались бы. Хорошо там. А знаешь, что? Сказать?

Катерина. Ну, что?

Юзеф. Если убьют твоего Власа—согласишься пойти за меня?

Катерина. Что ты! Что ты! Зачем так говоришь несуразно? Грех тебе. Грех. (Утыкается в шитье и тихо плачет.)

Юзеф (подходит). Дай обнять тебя. Ведь люб я тебе, Катерина, душа моя... (Хочет обнять ее.)

Катерина. Уйди, не трожь!.. Не вороши сердце.

Юзеф. Катерина... (Обнимает.)

(Входит солдатка Мотря).

Мотря. Здрасте-ка. Э-э, девка! Милуетесь? Забыли дверь-то закрючить.

Катерина. Зачем пришла?

Мотря. С чем пришла, с тем и уйду.

Юзеф. Я пойду снег работать. (Идет к двери.)

Мотря. Стой! Юзеф, стой... Одно словечко.

Юзеф. Что тебе? Отвяжись. (Уходит.)

Мотря (смотрит вслед ему). Счастливая ты, девка.

Катерина. Счастливая, говоришь?

Мотря. Знамо. Этакого милашку себе подсортовала.

Катерина. Я, что ли? Судьба качнула его ко мне.

Мотря. Катерина! Откажись от него, отцепись лучше... Все равно не дам тебе житья... Со свету сживу.

Катерина. Как так — откажись? Да ты что, в уме? Такую напраслину на меня плетешь.

Мотря (зло хохочет). Напраслину... Ну, девка. Да ведь обнималась с ним?

Катерина. Мотря! Уходи. (Встает.)

Мотря. Лучше добром отдай!

Катерина. Уйди! Косы вырву! (Бросается к ней.)

Мотря (убегая) Ты что, драться? Ах, ты этакая.

Катерина. С крыльца спущу! Уйди! Бесстыжая!

Мотря. Я всем скажу! Я твоему свекору скажу! (Отворяет дверь.) С Юзефом со своим лизалась... Скажу, скажу!..

(Входит подвыпивший Петр.)

Петр. Стой! Мотря, ты? Ты что орешь? Белены объелась, что ли?

Мотря. Да как же. В зашей меня гонит. Фря какая. Ишь ты!

Катерина (делает Мотре знаки, чтоб молчала. Та уходит). Затворяй дверь-то, батюшка. Не лето ведь.

Петр. Знаю, что не лето. Мороз. А у тебя кровь, видать, не стынет. С супостатишкой лизаться? А?!

Катерина. Винищем ты опился, что ли!

(Садится к столу, собирается шить.)

Петр. Да ведь вот Мотря...

Катерина. Не про меня она.

Петр. Не про тебя? Ну, слава те Христу... Этого, чтоб, значит, баловства ни-ни! Забудь и думать.

Катерина. Не учи. Не двух по третьему.

Петр. Вашей сестре только дозволь.

Катерина. На себя-то оглянись.

Петр. На себя? (Подбочениваается, сдвигает на ухо шапку и форсисто выступает, красуясь.) А что? Каков молодчик? Не смотри, что борода. Я, брат!

Катерина. Плевать мне на твою бороду-то.

Петр. Катюха, что ты, Катюха, а?.. Нешто плох я, а? Али криво повязан? Гляди-ка, мужик-то какой. Что твой огурец свежепросольный.

Катерина. Ты, вижу, опять к тому же речь ведешь. Лучше отстань! Откачнись от меня, нечистик.

Петр (подсаживаясь к ней). Катюха... Пять годов война протянется. Умственные люди сказывают. Неужто одна все будешь? А?.. Старуха моя, сама видишь, какая,—от ветру валится... Катюха... Озолочу.

Катерина (встает и отходит). И не стыдно тебе?.. Бессовестные твои глаза... Ой, стыдобушка.

Петр. Ах, так? Из родительской, стало быть, воли выходить?.. Ладно... Очень хорошо. Супостата вон! Сию же минуту вон. Где он? Эй, Юзеф!

Катерина. Пошто его гнать хочешь?

Петр. Я другого пленника возьму. Постарше. А этот не по шерсти мне Забудь и думать!

Катерина. И пошто ты такую беду накликаешь? Ведь проходу не дадут мне. Подумал ли ты это?

Петр. Ага! Не по носу табак. А я не желаю!.. Не надобен!

Катерина. Батюшка. Не трог Юзефа. Не трог. Он смирный, работящий.. Неужто думаешь, допущу чего? Я честная жена.

Петр. Честная? (Стоит, покачиваясь.) Всамделе честная. Ну, стало-быть, дура. По всем статьям. А ты вот как. Ежели ты честная. Поди-ка, уважь меня. Причмокни.

Катерина. Такие речи срамно слушать... Батюшка!

Петр. Батюшка, батюшка... Зови—Пётра, да и все. Вот что, девка. Поедем в город. Шелков накуплю, бархатов, узоров всяких бабьих... Деньжищ у меня... У-у-х!

Катерина (кричит). Охальник ты, охальник!

Петр. Ну, дозволь причмокнуть... (Идет к ней.)

Катерина (от него). Отстань! Отстань от греха!

Петр (в бешенстве). Хозяин я али нет?! Кто я есть?

Катерина. Отец Вот кто.

Петр. Врешь!

Катерина. У меня свой хозяин!

Петр (к ней). Ну, в щечку. Причмокнуть. Ради Христа... Ну, ради Христа...

Катерина. Прочь, бесстыжий! Прочь!!

(Петр ловит ее. Входит Назар. Катерина, вырвавшись, бросается к нему).

Катерина. Дедушка! Дедушка!

Назар (к Петру). Эх, ты, безбожник. Что ты делаешь, на кого заришься? На сыновнюю жену заришься. Без малого дочь она. Безбожник ты, безбожник.

Петр. А ты что за протопоп такой! Акафисты читать? Акафисты нам ни к чему. Забудь и думать! Старый пень!

Катерина. Уйду я. Не останусь. (Надевает шубу.)

Назар. Погоди, внученька, куда ты?

Петр. Я поучить хотел. С басурманишкой баловство у них.

Назар. Поучить? А облапил-то пошто?

Петр. Замолчь! А то я те...

Назар. Эх, Пётра, Пётра. Сын!..

Петр. Я голова всему! Что хочу, то и делаю... Иначе—во! (Грозит кулаком.)

(Входит Юзеф.)

Юзеф. Хозяйка приехала из городу. Дюже хворая. Иди ка, старый, помоги.

Катерина. Ужо я. (Уходит с Юзефом.)

Назар. Вестей каких не привезла ли? Тебе о сыне-то и горя мало. (Выходит.)

(Петр в тревоге садится к столу, снимает шапку и усердно крестится. Вводят под руки Варвару.)

Варвара. Ох. ти мнёшеньки... Ох... Затопите-ка баню... Чуть жива. (Ложится на кровать.)

Петр. Писем нет? Али слыхов каких? Слышь-ка, ты!

Варвара. Ох. Господи Христе... Посетил Господь... Беда у нас.

Все. Что такое?.. Власушка-то?.. Власушка-то?!

Петр (истово крестясь). Говори скорее. (Подходит.) Жив ли? Ну!

Варвара (свешивая с кровати ноги, садится). Господь знает. Без вести пропал.

Все. Господи Христе... Мать Владычица! (Крестятся.)

Петр. Да толкуй ты поскореича... Чумичка.

Назар. Несерчай... Видишь—тяжко. Дай передохнуть

Варвара. Вот, значит, прибыла я в город... И говорю: вашскородие, говорю, господин дохтур...

(Катерина валится на лавку, плачет.)

Петр. Постой. Чего безо времю выть-то? (Жене.) Сказывай порядком.

Варвара. Вот, как значит, обсказали мне люди добрые, что Костянтин-то в гошпитале шибко раненый, наскрозь распрострелян быдто...

Назар. Какой это Костянтин?

Петр. Испей-ка воды холодной. Ополоумела совсем, невесть чего мелет.

Варвара. Да с Лысых Горок Костянтин. Марфутки вдовы сынок. Он быдто в одном месте с нашим Власушкой войной-то шел.

Петр. Ну?

Варвара. Как они шли, значит, чистым полем-то... (Плачет горько.)

Назар. На-ка, испей в самделе. (Дает ей воды.)

Петр. Кажинное слово из тебя клещами тянуть надо. Говори!

Варвара. Большой тучей шли чистым полем, черным-черно народу, как мурашей в лесу. А тут кэ эк хлобыснет, говорит, так вся земля-матушка на двое и расселась. А Костянтина Марфуткина невесть куда отнесло вихорем...

Петр. Что ж, неужли загибли?

Варвара. Ой, светы мои... До единого... До единого. Власушка ты мой, соколик ты мой.

(Катерина плачет.)

Назар (опускается перед иконой на колени). Упокой Господи душу раба твоего, воина Власия...

Юзеф. Что? Вмер? Влас-то? Вмер?

Петр. А тебе что? Любопытно? Вмер, вмер... Вон из моего дома, басурманская твоя образина! Вон!

Юзеф. Я, хозяин, крику не люблю. Я не пёс. И так уйду.

Варвара. Ох, умру я, умру..

Петр. Давно тебя черти с фонарями ищут. (Злобно толкает ногой табуретку.)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Изба солдаток Мотри и Настасьи, бедная. У стола сидит старуха, свекровь солдаток, бабка Дарья, пред ней горят лампочка. Старуха прядет и дремлет, клюя носом. Борется со сном. Крестится, опять прядет, опять дрема одолевает. Наконец, падает на карачки на пол, и прялка падает. Входит Митька-смерть. башлык с лица спущен, голова открыта в руках кнут, на плече—коса.

Митька. Здорово, бабка! Смерть пришла!

Старуха (поднимаясь с полу). Ой-ой! Не по мою ли душеньку?

Митька. Погоди, бабка узнаешь. (Ищет воду, поддевает ковшом, идет к лохани)

Старуха. Митенька, соколик, взгадай-ка на моих сынков. Трое ведь у меня забриты. Какосы?

Митька (льет в лохань воду). Кровь, кровь. (Кричит.) Ой! Ой! Ой!.. Крови-то сколько. Ой

Старуха. Господи Христе. Не про моих ли?

Митька (собирает чурочки, бабки, бутылки, ставит на стол, как солдат, приговаривает): Войско. Людишки. Комаришки. Человечинка. Цари велели. Князья велели. Митрополиты благословили. Кнутом. Крестом. Иди, брат, иди. Не кобенься. Становись. Вот так. Вот сюда. А это генерал. Здраю-желаю, ваше благородие! Людишки-комаришки... У у-у-у, сколь много!

Старуха. Чего-й-то солдаток-то моих нету. Седой вечер уж... совсем с панталыку сбились бабы. Гуляют и гуляют. Пьянство да картеж.

Митька (взмахивает косой). Эй, молись Богу! Поддержись! (И все чурки с прискоком сшибает на пол.)

Старуха. У тебя, Митенька, тоже война идет?

Митька (вопит). Кого это я убила? Кого это я убила? (Садится за стол и громко, но притворно плачет.) Кровь, кровь...

Старуха (прядет). Много народу поубавят. А все бары, господишки. Чтоб вольготней жилось. А то густо, видишь ты, теснота, земли мало. А сердечушко болит, болит...

Митька (вскакивает, берет кнут и дерет лубочную картину „всех владык мира“). Раз! Раз! Раз!.. Цари, короли, бубновые тузы. Султаны... Раз, раз!..

(Входит урядник).

Урядник. Митька, что ты. Брось!

Митька. Вот, брошу! (Швыряет в картину сапогом и убегает.)

Старуха. Здорово, твое благородье... Здравствуй, светушко.

Урядник. Вот что, старая—я тебя в чижовку заберу.

Старуха. Ой, что ты, окстись...

Урядник. Слух есть—вином торгуешь. Притон у тебя, картеж, скандалы.

Старуха. Брешут, светушко, брешут. Откуда у меня вино? Званья нет... Вот хоть к иконе приложусь.

Урядник. Врешь. (Грозит плутовато пальцем.) И мастерица же ты врать.

Старуха. Вот с места не сойти... Разве что капелька какая, чуть-чуть. Ужо ко я... (Открывает шкап, вынимает бутылку.) Как есть на донышке. На-ка, выкушай, гость дорогой... На-ка, светушка.

Урядник (выпив и заглянув в шкап, достает из шкапа четверть). А это что? Капелька? Это, по-твоему, капелька? Хе-хе.

Старуха. Ой, батюшки! Подсунул кто-то. Вот те Христос, подсунул...

Урядник. В таком случае, я конфискую, по-русски говоря, с собой возьму.

Старуха (вырывая четверть). Что ты, что ты, светушка! Оно чужое... Нешто можно?.. Кто поставил, тот и возьмет... Я чужого капли не отдам. Как можно... Ужо-ко, светушка, я те в бутылку отолью... Отливает.) На-ка... Гля здоровья... На вот еще рублевочку—другую... Уж не утесняй, светушка...

Урядник. Только тихо чтобы. Без огласки. А то третьего дня у вас тут караул кричали на все село.

Старуха. Ой, что ты, светушка... Это петухи... Краснобородый-то бык быком орет. Зарежу вот ужо...

Урядник. Знаем этих петухов-то. (Уходит и, задерживаясь у порога). Да, вот что. Как тебя... Бабка Дарья... Ты только не пугайся. Ничего такого особенного нет.

Старуха. Что скажешь, светушка?

Урядник. Страшного, говорю, нет, или особенного чего такого. Однако, все под Богом ходим... Да... (Подходит к ней.) У тебя трое сыновьев на войне-то?

Старуха. Точно, батюшка, точно. Как есть трое.

Урядник. Ну, вот. Отлично. Значит, государю служат, престол-отечеству... Так. И ежели их, скажем, ранят, вечную пенсию они будут получать.

Старуха. Ой ой...

Урядник. А ежели, к примеру, убьют, — тебя начальство не оставит. Чуешь?

Старуха. Ой, светушка...

Урядник. Да ты не пугайся. А только что... Ну, как бы тебе сказать... Видишь ли, в чем дело-то... Слух такой есть, слух.

Старуха. Слух? Какой же слух-то, светушка?

Урядник. Писарь сказывал. Будто двух твоих сыновей убили.. третьего ранили. Раненого-то вот привезут ужо.

Старуха (ноги подкашиваются, валится на табуретку отмахивается руками). Ой, борони Христос. Что ты! Что ты!

Урядник. На все воля Божья.

(Появляется Митька-Смерть, схватывает забытую им косу и, вытянув урядника кнутом, с хохотом убегает.)

Урядник. Ах, ты опять!.. (Бросается за ним, схватив бутылку водки.)

(Навстречу две солдатки: Мотря и Настасья.)

Мотря (уряднику). Эк тя носит-то! Было с ног сшиб.

Старуха. Ой, девки, девки...

Мотря. Чего такое доспелось?

Старуха. Да ребят-то наших... убили быдто, да изранили... Ой, девки!

Мотря. Которого?

Настя. Не моего ли?

Старуха. Ой, и не знаю ничего. Округовела на вовся. Ой, головушка моя.

(Входит Митька-Смерть, лицо закрыто.)

Митька (тычет пальцем в Настю). Петьку убили. (Тычет в мать): Фомку убили. (Тычет в Мотрю): Антон жив. Чурка, кочерыжка. (Встает на четвереньки, ползет по полу, залезает на кровать и задергивается занавеской.)

Старуха (плачет). Сыночки мои желанные... Ой, лихо мне.

Настя (тихо плачет).

Мотря. Чего воете! Может урядник-то с пьяных глаз наговорил. Эвот он какую беду намолол Оксе Фоминой. Наврал все. (Идет к шкафу, наливает водки, пьет.)

Старуха. Дай-кося и мне. Сердце зашлось. Ой, светушки! (Выпивает.) Может, наврал и есть, подлая душа.

(Входит Палага, чернявая солдатка.)

Палага. Ого, винишко! Ну-ка налей и мне... Сегодня, девки, я кучу. Ух ты! Муж с войны две сотняги прислал. Да паек солдатский получила.

Мотря. Богатая ты.

Палага. А в картишки стукнем?

Старуха. Горе-то у нас какое горе-то.

Палага. А что такое? (Подсаживается к ней, тихо говорят, жестикулируют.)

(Входит солдатка Фиска, крестится.)

Мотря (Фиске). Ну, что, девка? От своего солдата весточку получила небось?

Фиска. А ну его! Ухлопают—туда и дорога. Из синяков не выходила.

Мотря. Да и вправду молвить: вольготней без них, без мужиков-то.

Палага (старухе): Врёт... Слушай ты его.

Старуха. И мне сдается - врет под ая душа, морочит.

Палага. Эй, девки! Давай скорее стукнем. Душа горит!

Солдатки (хором). Давай, давай.

(Устраиваются за столом возле окна, переговариваются):

— Давай сюда. Где колода?
— Сколько за взятку?
— Гривенник.
— Сдавай скорее.
— Фиска, залазь. Стукнем!

Фиска. Да недосуг мне.

Палага. Пастушенок твой придет. Поцелуетесь.

Фиска. Плетёте всё.

Настя. Чего-й то душно; а на улке тепло, капѐль. Ужо-ко я... (Чуть приоткрывает окно.)

(Начинается игра. Мотря в игре не участвует. Выпивает.)

Старуха (прядет). Слыхано-ли, видано-ли,—солдатки, словно мужики, водку жрут, в карты дуются.

Палага. Деньги есть, чего не гулять... Гуляй, девки!

Мотря (с надрывом). Эх, жизнь! (Выпивает.)

Палага. Ага, моя. (Берет взятку.) И эта моя. И эта. Ха-ха-ха! Всех обремизила.

Фиска. Ну, Палага! Ну, жулик!

Палага. Мне фарт сегодня (К Мотре:) А ты что, Мотря, не играешь?

(В щель открытого окна слышны гармошка, песня и ругань мальчишек.)

Старуха. И ребятня то вся испохабилась. Уёму нет. Да вот сказывают, Варюху то в больницу увезли. Докороводилась с солдатней-то.

Палага. Увезли. У Степаниды тоже, сказывают... (Шепчет соседке.) Фершал сказывал.

Мотря. Эх, жизнь! (Пьет вино.)

Старуха. Господи, Господи. Экая болезнь ходит. Сроду не было. От солдатни всё.

Мотря. Фиска, сдавай.

Фиска. Готово. Вини козыри. Стучу!

Настя. В темную!

Фиска. В разрез!

(Входят два солдата.)

Первый солдат. Помогай Бог в картишки дуться!

Старуха. Нет, тут нечистик помогает-то. С рожками.

Второй солдат. Мир честной компании!

Палага. Что, из казарм удрали, кавалеры?

Первый. Прямым маршем. Старшему целковый в зубы. На!

Второй солдат. Примите-ка. Какая игра? Темный марьяж что-ли!

Палага. Да, сказывают, солдат в карты чорта обыграл. Об чистишь.

Первый солдат. Эй, госпожа бабушка! Дай-ка шнапсу.

Старуха. Чего такое выдумал?

Второй солдат. Шнапсу, мол, шнапсу. То-есть означает—выпить. Экая деревня!

Старуха. Есть, светушки. Да шибко дорого.

Второй. Не дороже денег.

Первый (бросая рубль серебра). На!

Фиска. Дай-ка и мне деньжонок то. Эй, служба!

Первый. А ублажать всячески будешь?

Фиска. То есть, так ублажу, что...

Ванька-пастух (входя и грозя кулаком). Я те ублажу! А кнута хочешь?

Мотря. Ревнистый какой.

Второй. Пастуху дамских ласко́в не полагается.

Первый. А у меня денег капитал! На, курносая! На еще! (Дает Фиске денег.)

Ванька. Фиска! Я те... Кнутище-то, эвот он! (Трясет кнутом.)

Фиска (берет жеманно деньги). Ну, Ва̀нюшка, ну, соколик. Не серчай. (Идет к нему.)

Ванька (отталкивает). Пошла к свиньям потому што! И без тебя найдутся. (К солдату, грозя кулаком.) А тебе. красна шапка,—во!

Старуха (ставит солдатам выпивку). Да не лайтесь вы.

Ванька ([illegible] тон). Давайте-ка лучше спляшем. Эй, нет-ли у кого гармошки! Где Юзеф?

Палага. Ну, каков Юзеф то? Парень—работяга, кажись.

Старуха. Давненько у нас живет, а плохого не видали.

Настя. Все по Катерине по своей скучает. А она по нём.

Мотря (ударяет в стол). Враки! Плюет он на нее.

Фиска. Вовсе даже не враки. Высохла вся баба. Да и он...

Старуха. Тоже не легко ей. Ухлопали мужа-то.

Первый солдат. На войне как раз. Лежит со мной, конешно, около товарищ. Дай, говорит, Родионов, закурить. Я чирк спичку—на, закури. Гляжу, во лбу у него дырка. И глаза страшные. Готов! Я так и задрожал, конешно, весь.

Старуха (крестится). Господи Христе!

(Входит Катерина.)

Ванька. Здорово, Катюха. Плясать, что ли?

Катерина. По делу. Бабушка, нет ли у тебя дрожжец?

Ванька. Нет еще, не приходил. Это с усами дрожжи-то?

Старуха. Садись, Катеринушка. Поди, дома-то не весело тебе

Катерина (потупившись). Нет, ничего.

Старуха. Быть говорить ничего. Как и терпишь. Экий у тебя свекор то. Злющий, как волк.

Катерина. Куда деваться? Деваться мне некуда.

Фиска. Залазь, Катюха! На-ка, выпей.

Первый солдат. Садись, красотка.

Второй солдат. Пожалуйте-с, пригубьте-с.

(Катерина залезает за стол, пьет, морщится. Входит Юзеф.)

Ванька. Дрожжи пришли. Эй, Катюха, огребай!

Мотря. Ванька, придержи язык!

Старуха. Ванька. грех.

Мотря. Юзеф, сыграй ка на скрипице.

Юзеф (сердито). На потех‹ тебе, что ли? Вы все празднуете, да гуляете. А по земле кровь льется.

Ванька. Здесь крови нету. Здесь винцо. А-ах! (Облизывается.)

Юзеф (старухе). Хозяйка, поесть бы мне.

Старуха (идет накрыть у печки). Ой. Юзефушка, ой, голубчик. Был у меня урядник даве... (Присаживается к нему.)

Фиска. Расскажи бывальщинку, Ванюша.

Ванька. Гы, бывальщинку? А целоваться будешь?

Первый солдат. Ишь ты! (Показывает ему кулак.) Понюхай-ка чем пахнет.

Ванька (с ужимками обнюхивает кулак). Ху-ху-у! Пахнет, конешно ловко. (Все смеются.)

(Входит Петр.)

Петр. Катерина! Где Катерина? Домой.

Катерина (подымается и стучит в стол). Батюшка!

Петр. Пьянствовать сюда ходишь? Безобразничать? Забудь и думать! Марш домой!

Катерина. Батюшка, уйди.

Петр. Домой!

Катерина. Нет у меня дома. Опостылел дом!

Петр. Силом возьму. (Идет к столу.)

Катерина. Только тронь! (Хватает нож.) Убью!

Петр (остановился). Вот как тут... Ловко. С ножом. Одумайся!

Старуха. Сам-то одумайся. Пропил душу-то.

Ванька. А нет, так я те сам одумаю! (Грозит кулаком.)

Петр (пастуху). Молчи гнида! (Всем.) А это вот кто ее сомустил. Вот! (Тычет по направлению к Юзефу.) Вот сомуститель-то. Вот змей-то.

Катерина. Замолчь, замолчь.

Петр. Слушайте, люди добрые. Он по ночам к ней ходит.

Мотря (вскакивает). Ах, паскуда! На! (Ударяет Катерину по лицу.)

Юзеф (грозно подымается). Ты! Не сметь!

Петр. А ты что! (Надвигается на Юзефа.)

Юзеф. А ты что! (Встает в оборонительную позу. Друг на друга кричат.)

Катерина (плачет). За что ты, Мотря? Ну, за что?

Мотря. Я те покажу! (Вновь замахивается.)

Ванька. Братцы, братцы, не деритесь. А то всех кнутом!

(Появляется пьяный офицер).

Офицер. Смирррррррно! (Шум смолкает.) Во фронт! (К солдатам.) Как сюда попали?

Первый солдат. Нечаянно, ваше благородие.

Второй. Пошел я, ваше благородие, за сеном. Гляжу, веселый шум в окне.

Офицер. Пьянствовать?!

Первый и второй. Никак нет!

Офицер. На гауптвахту! Эй, ты! (К первому.) Дай ему в морду. (Ко второму.) А ты ему. И—вон! Ну!

Первый солдат. Не могу насмелиться.

Второй. Ослобоните, ваше благородие.

Офицер. Живо! Ну!

Ванька. А ну-ка, барин, вели мне. Я вот этому по сусалам смажу. Уж больно он наших баб шерстит.

Офицер. Отставить!

Ванька. Дозволь, пожалуйста. (Сжимает кулак.) Вот бы запатретил!

Офицер. Отставить! Вольно. Садись, братцы. (На Петра.) А это ото за мужик? Вон! (Грозит револьвером.)

Петр. Что ты, барин. Мылом объелся?!

Ванька. Сам-то ты щелоком охлебался.

Петр (быстро пятится. Из дверей кричит). Ишь, вояка какой! Вот доложусь полковнику. Катерина! Живо домой.

Старуха Барин батюшка, не горячись. Урядник упреждал.

Офицер. Водка есть? Отлично. Кто песни может? Эй, молодки, девки! Кто плясать?

Голоса Веселый какой. Простой какой. Вот те барин.

Офицер. Вовсе даже не барин. Штаб-ротмистра Кузнецова знаете? Ну, так его денщик я. Настоящий-то барин с мамзелью в город укатил. А я сюда Вот и шкурка евоная. (Сбрасывает шинель. Все смеются.)

Ванька Хы! Ловко. Наш же брат, Савоська. Ну, в таком разе, Ванька, сыпь! (Выбегает на средину избы, притопывает и запевает.)

Ну, ребята, пляшитё.
Не жалейте лапти-тё.

Подхватывай

(Все начинают плясать. Подвыпившие солдатки со стакашками и картами в руках. Только Катерина сидит в углу, понуря голову.)

Ванька. Ежли эти стопчитё,
Батька новы сплететё!

Подмахивай!

Офицер (приплясывая). И пить будем, и гулять будем! А смерть придет—помирать будем!

Ванька. Эй, жги, жги, жги!!

Офицер А смерть придет—помирать будем!

(Поднявшийся с кровати Митька-Смерть, подкравшись, хватает офицера. Офицер и солдаты в страхе отскакивают.)

Ванька. Митька, брось! Не бойсь, ребята. Это наш, Митька-Смерть.

Ну, ребята, пляшитё...

Митька-Смерть (притопывая, пляшет и поет ноющим голосом).

Петьку убили,
Фомку убили .

Ванька. Не мешай! Эй, Митька. Прочь!

Мотря и другие. Гляди, гляди!.. Лопата!

(Все устремляются взглядом на окно. Просунувшаяся из окна лопата, ударяет по куче денег, переворачивается, ударяет другой стороной и скрывается.)

Все. Деньги, деньги!. Лопата деньги унесла... Держи, лови!..

(Все убегают с криками: „Это мальчишки! Мальчишки, хулиганы... Лови!" Остаются: старуха, копошится с самоваром у печки. Юшка читает книгу, Катерина—пригорюнившись в углу, и Ванька.)

Ванька (хватает со стола бутылку и тянет из горлышка, с ужимками заглядывает в окно и, отрываясь от бутылки, говорит — заговаривает старухе зубы). А ведь поймают... Вот те Христос, поймают. Гляди гляди... Нет. вырвался конечно. Это они медом лопату-то намазали. Знаю!

Старуха (подкравшись к нему, бьет его по спине). Ах ты, мазурик ты такой! Вино трескать?!

Ванька. Ой, бабка... Это я нечаянно.

Старуха. Нечаянно? (Жадно собирает оставшиеся деньги.) Полбутылки вылакал.

(В сенцах слышны голоса, растворяется дверь, вносят искалеченного Антона, без рук, без ног. Впереди—урядник, за ним—первый и второй солдаты, Петр, Фиска, Палага Митька-Смерть с ними же.)

Митька-Смерть. Кочерыжку несут, чурку несут. Молись Богу!

(Что-то заунывно тянет и опять становится возле притолоки, стоит без движения, смирно.)

Урядник. Сюда давай, сюда.

Антон. Ну, вот, православные, и отвоевался. Ни рук, ни ног... Чурка. И перекреститься нечем.

Старуха (бросаясь к нему). Антонушка, Антонушка, сыночек! Ой-ой-ой!

Антон. Матушка! Матушка!

Урядник. Погоди, бабка Дарья, постой... Надо расписаться в приеме. Где жена? Где солдатка? (Антона кладут на кровать.)

Голоса. Нету... Она неграмотная.

Урядник. Кто тут грамотный?

Голоса. Никого нету. Темные все.

Урядник. Кавалеры, а вы? Фамилию можете?

Солдаты. Пока что Бог миловал.

Юзеф. Дайте я... Эх вы! Русь! (Расписывается.)

Антон. Матушка, матушка, не плачь... Ау, что же. Где жена, где моя Матрёнушка?

(Врываются Мотря, сильно подвыпившая, и Настя втаскивают мальчишку с лопатой.)

Мотря. Вот он, змееныш! Это он с лопатой-то!..

Настя. Сколько деньжищ упёр.

Урядник (к Мотре). Вот, муж твой. Прими. При бумаге прислан

Антон. Матрена! Жена... Здравствуй!

Мотря (подходит к кровати и в страхе отступает прочь). Не надо. Не надо мне такого. Не надо! Берите его от меня. Не надо.

Урядник. Куда это?

Мотря. Куда хочешь... Кто его изувечил, тому и тащи. По чьему приказу?

Урядник. По приказу его величества. Я те рот-то заткну!

Мотря. Пусть царь и забирает. Мне мужика надо, работника...

Урядник. Взять ее!

Мотря. Бери! Бери! Хоть на плаху... Руби башку! Заодно уж

Урядник. Эй тащите ее... Кавалеры, подсобляй. (Мотрю хватают.)

Юзеф. Будь проклята война. Проклятие!.. Проклятие!..

Мотря (заламывая руки). Эх, жизнь!

Петр. Господин урядник. Тащи и его. (Указывая на Юзефа.) Худые речи говорит.

Урядник. Взять! Кавалеры, подсобляй... Стражников сюда!

Юзеф. Бойня это, братоубийство. Мне людей жалко!

(Гурьбой уходят, за ними следом Катерина и старуха.)

Катерина. Юзеф! Господин урядник!.. Облыжно!.. Тятя врет!. Юзеф не виноват.

Старуха (с бутылкой). Господин урядник, господин исправник. Светушка .. На-ка, выкушай...

(Изба пуста. Только Антон да Митька-Смерть—не шелохнется. Несколько мгновений мертвая тишина.)

Антон (с кровати). Вот так повоевал. Жена родная отступилась. Никого нету. Бросили. Куда я теперь? (Пауза. Антон кричит.) Мучители!

Отдайте мои рученьки! Отдайте мои ноженьки! Эй, кто здесь живой?!

Митька-Смерть. Я—смерть живая!.. Смерть живая...

Антон. Митька, ты?.. Заколи меня, убей меня... Прикончи!.. (Плачет горько, катаясь по кровати.)

Митька-Смерть. Хо-хо-хо!.. Хо-хо-хо!..

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Изба Петра. На кровати лежит Антон. Возле него плетет лапти Назар. За столом списывает с книги Катерина. Ванька-Пастух строгает кнутовище.

Ванька. Эх, кнутовище-то какое форсистое. Скоро и Егорьев день. Пасха на двор глядит.

Назар. А война идет да идет. Слых прошел, что внучатный набор ладят объявить.

Катерина. Весь народ порешат. С корнем.

Ванька. А вот я не пойду, да и не пойду воевать. Мне и здесь ладно.

Антон. Забреют — пойдешь.

Ванька. Пастухов не бреют. Поп в церкви вычитывал. Говорит „пастырь при овцах конешно“.

Назар. А Петра все нет да нет. Не глядит, что великий пост,— гуляет.

Катерина. Дедушка... (Откладывает книгу.)

Назар. Что, матушка? Тошнехонько тебе? Чую, чую.

Антон. Спасибо тебе, дедушка Назар. Приютил меня.

Назар. Что ты, парень. Страдания твои не малые. И тебе спасибо. Ведь ты сколь денег подарил на старость на мою. Добро было бы в Ерусалим сходить. Сплю и вижу.

Антон. А я-то? Бросишь меня — смерть мне.

Назар. Пошто бросать. Бог с тобой. Никуда я не пойду. Просто так, мысли, думка. Без думки заветной скучно жить, паренек хороший Антонушка. В злобе погрязнешь, в суете.

Антон. Ты свези меня, деда, о Паске на салазках в церковь. Богу попечаловаться.

Ванька. Садись в мешок. Я тебя в мешке снесу.

Катерина. Зачем так говоришь!

Назар. А ты, Иванушка, с разбором говори. Другим словом хуже полена ушибешь. Человека жалеть надо. А в такую жизнь-метель — и подавно.

Антон. Жизнь-метель, говоришь? Верно, что метель.

Назар. Вихорь... Подхватил этот самый вихорь всю жизнь человечью, как сена клок, давай крутить! Так по сенинке и развеет. Вот он вихорь-то какой.

(Входит Мотря. Крестится.)

Мотря. Здрасте-ка. (Идет к кровати мужа, опускается пред ним на колени.) Антонушка, светик ласковый. Прости. Пойдем жить ко мне.

Антон. Убирайся ты вон! Негодная ты баба. Не я тебе нужен — деньги.

Мотря. Ради Христа. Ну, смилуйся.

Катерина. Может, простишь, Антонушка. В горячах она тогда.

Антон. Ты не подумала о том, не сам же я себя искалечил-то, не своей волей.

Мотря. Ну, а мое сердце-то кто искалечил? Жизнь-то?

Назар. Терпи, Матренушка, терпи. Муж он тебе.

Мотря. Полно, потерпела. Какой он муж! Ни в живых, ни в мертвых. Утоплюсь пойду, утоплюсь! (Идет к двери.)

Ванька. Лучше удавись, а то вода шибко холодная, кашлять конешно станешь.

Назар (идет за нею). Слышь-ка, Матренушка. Слышь-ка, слышь-ка Что ты это!

Мотря (задерживаясь в дверях). А вот на зло! Приду сюда с Юзефом, да и буду миловаться. Гляди!

Назар. Оставь ты, что ты. Человек чуть жив, а ты...

Мотря. Да что я хуже, что ли, Катерины-то вашей. Ишь, расселась с книжкой-то. Первая Юзефу на шею висла.

Катерина. Не трог меня, Мотря!

Мотря. Ага, не трог?! Ты с Юзефом, а я с обрубком с моим Тьфу!

Антон. Убирайся ты! Ванюха, двинь ее кнутом!

Мотря (подскакивая к кровати). Нет, ты сам двинь! Ты сам двинь, безрукий чорт. На, двинь, двинь! Покарал Бог-то.

Назар. Матренушка, очнись.

Мотря. Молчи, грабитель! Святоша. Ограбил меня.

Назар. Чего это? Деньги? (Идет к божнице, достает тряпицу.) На, на подавись!

Антон. Дедушка Назар, что ты делаешь! Мои деньги. Не смей!

Назар. Охальница! Пришла, вспотемила всех.

Антон. Где мои рученьки. Задавил бы тебя, змею!

(Входит Юзеф.)

Катерина. Скажи, Юзеф. Вот на тебя Мотря показывает, что быдто...

Мотря. Да. Всем говорю! И тебе, чурка, объявляю. Юзеф мне заместо мужа доводится.

Юзеф. Дура! Ты пьяна.

Мотря. Не отпирайся, голубчик. Мой полюбовник. Мой.

Юзеф. Уходи, сумасшедшая. Тебя в больницу треба!

Мотря. Ах, ты с Катькой хочешь хороводиться? С Катькой?!

Ванька. Не трог Катерину!

Назар. Замолчь!

Мотря. Не бывать тому! Я те башку топором снесу. Я руки на себя наложу. Утоплюсь! Утоплюсь! (Убегает.)

Ванька (за ней). Стой! Ты где топиться-то будешь? Страсть люблю смотреть, как бабёнки мыряют.

Назар (тоже выходит). Вот она жисть-то. Проклятущая жизнь пошла.

Катерина. Юзеф, голубчик... Спасибо, что пришел. Вот видишь какой содом у нас. А тут батюшка придет. Петля.

Юзеф (подсаживаясь). Вижу, понимаю. (Опасливо смотрит на кровать.)

Катерина. Ничего. Он на ухо тугой.

Юзеф. Решай. Все приготовил.

Катерина. Чтож приготовил-то?

Юзеф. Паспорт, деньги, место. Одежда есть.

Катерина. А сердце свое приготовил? А жизнь?

Юзеф. Все обдумал. Скажи согласье — и в поход. Забудь все

что прошло. Начинай жить снова. Ты, Катерина, молодая. Скажи согласье, торопись.

Катерина. Все готово у тебя. Вот хорошо рассудил. Умно. А у меня? Нешто сердце мое готово? Этак жизнь переломить. Ведь не лучина...

Юзеф. Жизнь один раз дается. Надо делать лучше.

Катерина. Горшок трещину даст, и то не замажешь,—наипаче сердце. До самой смерти станешь в тоске ходить. Юзефушка, соколик...

Юзеф. Катерина, отрада! Катерина! Ну, оглянись кругом, размысли. Твоя жизнь-могила.

Катерина. Боюсь! Юзефушка, боюсь. Просто, как в тумане вся. А на сердце лед. Холодно как. Зябко как. Юзеф, соколик. Ой, темно, темно кругом.

Юзеф. Решайся, будет свет. Кроволитье кончится — ко мне уйдем, в мою отчизну. Голубка, Катерина.

Катерина. Непривычно мне по чужим землям бегать. Уж как не то, докончу век свой здесь. Как родину брошу? Каждый кустышек, каждая птаха знакома мне.

Юзеф. Эх, Катерина! Затем ли я тебя выучил грамоте? Читал книги, вразумлял? Скажи, сердце мое, скажи.

Катерина. Закваска старая осталась. Высоко вознес ты меня, а крыльев не дал. Чуть нет тебя — и оборвусь. Ой, не смущай ты меня, молодец хороший, Юзефушка.

Юзеф. Не дам упасть. (Бьет себя в грудь.) Честь порукой!

Катерина. Я простая, полудурок. Бросишь.

Юзеф. Разве пристало человеку играть чужой жизнью?

Катерина. Боюсь, Юзефушка, боюсь. Вросла я в землю, как камень при дороге.

Юзеф. Может матерью будешь. Может дитя родишь. Катерина

Катерина. Это мой крест, Юзеф.

Юзеф. А свекор?

Катерина. Пусть другим моим крестом будет.

Юзеф. А со мной тебе будет счастье, радость.

Катерина. Нет! Видно Богу нужно, чтоб пострадала я. Не лишай меня участи моей.

Юзеф. Эх, Катерина! Жизнь коротка. Страдать да страдать. Не есть в том резон. Жизнь — радость!

Катерина. Да, может и радость, когда в радости родишься, в радости взростешь! А ежели за свое счастье сгубишь душу, не жди добра.

Юзеф (неожиданно встает). Прощай, Катерина...

Катерина (бросаясь ему в ноги). Ой, не уходи! Не кидай. Как я без тебя? Ты — защита. Потерпи чуть-чуть. Может, сердце и на другое повернет. Потерпи. Тяжко будет — кликну. Постучусь к тебе. Ох ежлиб знато, что его нет в живых!

Юзеф. Подымись, Катерина, встань. (Подымает.) Святая, светлая ты вся...

(Входит Ванька-пастух.)

Ванька. Ну, и Мотря! Я ее вот этаким манером боднул в сенцах, а она мне вот этаким манером, кэ-эк запатретит в морду, да бежать.

Юзеф. Куда?

Ванька. Это Мотря-то? Прямо. Я за ней, она от меня. Я за ней не отстаю... Да на кнутище наступил — бряк! — так через башку конешно и перекувыльнулся. Встал — фьють! Нет моей Мотри.

Катерина. Охота была бежать тебе.

Ванька. Чего это? Бежать-то. Любопытно шибко. Бежит да гайкат, это Мотря-то: „Вот, говорит, серой кислоты на самогонку у фершала сменяю, обопьюсь"... Тут я через башку-то и чебурахнулся, быдто баран. Встал — фьють — нету Мотри.

Назар (входит). Господи ты батюшка. Поглядите-ка что деется: Сейчас со станции в больницу четыре воза калек привезли. Быдто телят зарезанных наложено. Как взглянул я, защемило сердце, а слезы ручьем... ручьем...Детушки наши всё... (Плачет прислонившись головой к печке.)

(Входит старуха Дарья, с ней женщина, крестятся, кланяются.)

Старуха. Нет ли у вас Мотри, али Настасьи, солдаток наших?

Ванька. Была Мотря, да вся вышла.

Старуха. Нет никого дома. Хожу, хожу: тоска. Не знаю, куда головушку приклонить. (Садится к сыну.) Сыночек мой, Антонушка! Нету братцев твоих, а моих сынков желанных, загубил супостат лихой! Слезы-то все выплакала. Розума лишилась. Хожу, хожу, нигде спокою нет... Смерть бы!

Женщина. Вот и моего сынка угробили на поганой на войнище Лучше бы из моей груди сердечушко вынули, легче бы.

Назар. Народу угробят не есть числа. Борони Христос.

(Женщина садится рядом с Дарьей.)

Старуха. Повопить бы нам, Алёна... Экая тощища какая лютая.

Назар. Повопите. Что ж. Тоска она тяжельше камня.

Старуха (подшибается рукой и поет жалобно, вопит):

Все орды-то свиховалися,
Короли-то взбунтовалися,
Да о ох, ох-ти мне-е...

Женщина (тоже). Как на полюшке сражоньём
Головами мосты мощены,
Из крозей реки пропущены...

Старуха и женщина (вместе):

Круг сердечушка с ружья палят,
О бока пуля пролятыват,
Над глазами искорь сыплется [1]... (Плачут.)

Ванька. А ну вас! Чего вы это...

Юзеф. Плачь, матка, плачь... Драгоценны слезы твои, матка старая... И моя матка, там, далеко, далеко, вот так же грустит обо мне.. Жива ли? Бедная моя матка. Может быть умерла, может ослепла от слёз... (Садится на табуретку и никнет головой.)

(Женщины плачут. К ним подсаживается Катерина.)

Ванька (машет рукой) Ну, распустили мокрую бытность. Не уважаю я!

Назар. Молод еще ты, паренек. Зелен еще умок твой. Не доходят до него страданья людские.

Антон. А страдают люди вот как. Весь наш полк, почитай, без ног остался. Пол-армии тогда накрыла мятель. Так под снегом и загибли все. А кто уполз, ноги потерял, сапоги к живой коже пристыли, так и отдирали с мясом... Ну, лучше бы в огонь бросили.

Катерина. Ой, страсти!

---

[1] По записям в Олонецком крае В. Ш.

Антон. С нами в атаку два сибиряка ходили, братья. В аккурат медведи. Как в гущу врезались, немцу в брюхо штык, да через себя, словно снопы кидали. Широкую улицу за собой оставили, немец густо шел. После боя опьянели от крови-то, языка лишились, сидят, трясутся, аж жутко глядеть на них.

Назар. А ведь мужики православные. Поди, свои сыновья растут. А на какой разбой судьба толкнула. Злодеями стали.

Антон. А как семнадцатый корпус на воздух весь взлетел, на фугасы навели. А как три полка ослепли да отравились душным газом... А как...

Юзеф (порывисто встает). Довольно! Хватит! Теперь я скажу.

Назар (оставляя лапти). Сказывай, сказывай, милый, у тебя ум густой.

Юзеф. Что есть война? Поральное убийство, лютость. Можно ли убить человека? Нет. Не можно. Закон Божий, закон правды не велит этого. Нельзя. Грех.

Назар. Неотмолимый грех.

Юзеф. Верно. Ты знаешь. И я. И он (показывает на Антона). И все. А все шли, все били, кололи, резали, рвали друг другу глотки. вышло? Отчего? Слушай! Нам всем, во всех землях сказали: вот идет ваш враг, он заберет вашу землю. Идите, как это... Ну, как это... убивайте его. Вот мы сошлись, как разбойники. Стали отрывать друг другу головы... Ого! Вот я попал к вам, в плен. Что же я враг вам? Что же, злодий?

Голоса. — Что ты! Самый золотой человек.
— Тихий, смирный.
— Самый желанный.

Юзеф. Ого! И вы мне не есть враги. Вижу. Как это... Ну, как это... Тихие, работящие.

Голоса. Истина твоя.

Юзеф. Кому нужна война? Мне не нужна. Может, тебе нужна, Антон? Или тебе, Назар? Может вам, женщины, война треба?

Голоса. Да будет она проклята! Что ты, сударик.

Юзеф. Война треба им, владыкам...

Старуха. Видно, хозяин попускает...

Юзеф. Какой хозяин?

Назар. Господь.

Юзеф (с пафосом). Глупство! Бог не есть зло. Глупство. А вот. Когда придет час, человек узнает, что он есть **человек**, не скот, не навоз, не быдло. О-о-о! Тогда... Как это.. Ну, как это.. Тогда он на весь мир, от моря до моря крикнет: Не хочу войны! Я есть сущий хозяин над всей землей, я, **народ**! И не с кем мне воевать, потому что я - **народ**. С кем буду злобствовать, на чью землю зариться, чью отчизну разорять? Ни с кем. Всякий человек, всякий народ брат мне, и всякому я родной, везде мне есть приют и место. Потому что я — **народ**, и весь народ — такой же, как я!

Ванька (прерывая минутное молчание). Так и есть. Вот, например, быки...

Назар. Постой ты—быки-и.. Не твоего ума дело.

Юзеф. Поняли ли вы меня?

Голоса. Поняли, поняли. Все верно говоришь.

Юзеф. И ты, Иван, понял?

Ванька. Боле половины. Вот скажем, например, быки... Разодрались, скажем, два быка, Афонька с Кузькой, красный да черный,

конешно. А я значит, коровий хозяин, самый главный бычий командер. И вот, скажем, разодрались быки...

Назар. Да слышали. Мели скорей.

Ванька. А ты не сбивай, сам собьюсь. Вот, напримерича, допустим, конешно так.

Юзеф. До свиданья. Я—марш-марш. Поздно уж.

Старуха. Батюшка Юзефушка, постой меня. Пойдем не то вместях.

Юзеф. Я ухожу, старая, от вас. С квартиры вашей. (Идет к двери)

Старуха (за ним) Пошто? Чего тебе не живется-то? Уходят.)

(Женщина молча встает, крестится, кланяется и тоже уходит.)

Ванька. А я спать завалюсь. Вот у печки. (Укладывается.)

Назар. Ложись, да и нам пора. (Задергивает занавеску у кровати Антона) Спи и ты, сирота... Спи, батюшка.

Катерина. Я, дедушка, в чистую избу ночевать уйду. Боюсь я здесь...

Назар. Экая жизнь-то тебе лихая. Власушка наш загиб, царствие небесное покойной его головушке. Петр пьянствует, соромничает, вздыху не дает тебе... Как и жить, как и жить тебе, молодица... Эх, ты...

Катерина. Дедушка. Сядь ка со мной рядком. Что скажу тебе. Присоветуй.

Назар. Ну, что, беднушка моя? Сказывай. (Садится.)

Катерина. Дедушка. Вот Юзеф... Люб он тебе?

Назар. С огнем такого поискать.

Катерина. Стыдобушка говорить-то. А сказать надо. Один ты у меня на свете самый родной. Полюбила я его, Юзефа-то, дедушка.

Назар. Ну, что же... Твоя вся воля. Бабочка ты молодая, собой пригожая.

Катерина. Кажись, ребеночек будет.

Назар. Ой! Вот это не вовся ладно, девка. Не соблюла.

Катерина. Враг попутал.

Назар. Может женился бы на тебе, тогда бы уж. А впрочем сказать—велик ли, мал ли грех твой, приму его на свою душеньку. Вот как, беднушка моя. Верно. Не клони головушку.

Катерина. Вот еще хочу спросить: присоветуй. Отец, сам знаешь чего добивается. Боюсь, силой возьмет. Я тогда убью его... Кровь прольется.

Назар. Отведи Господь, матерь Божия... Катерина великомученица. (Назар крестится.)

Катерина. Хочу уйти из дому. Бежать. С Юзефом. Как присоветуешь?

Назар. Задумала—беги. Я и сам, и так и сяк размыслю... Одна правильная путь—беги. А то такое приключится, век не очистишь душу. И не отмолить.

Катерина. Спасибо, дедушка, спасибо.

Назар. Спасет Христос.

Катерина. Ну, спать пойду. Благослови меня, дедушка. Сердце ноет что-то. Мочи нет... Чую беду какую-то.

Назар (крестит ее). Никто как Бог. Не бойся. Уповай. Иди, беднушка моя, спи.

(Катерина уходит.)

Назар (укладывается спать). А Петрухи нет и нет. Чорту душу продал. И что только поделалось с мужиком. Все пропил. Должно и жизнь

свою не путем порешит. Смерть у него на лике чуется... Недоброе. Потемнел лик-то...

(Слышны шаги. Входит пьяный Петр. В руках у него сверток.)

Петр. Ты у-ка, ну-ка... Что за штука! Тпру-ка, ну-ка, что за штука! Эй вы, встречайте... Катерина, встречай! Сейчас с пассажиркн. Гостинцев тебе из городу привез.

Назар. Стыдись. Чего мелешь-то. Непутевый. Паска Господня скоро.

Петр. Пасха? Ладно. Паска дак Паска. Нам все единственно... А Катерина от меня не уйдет... Эй, где она? Катерина!

Назар. Что ты задумал-то?.. Ведь уж седина в волосьях проступила!

Петр. Чего?

Назар. Человек ты, али кобель борзой? Хошь бы харю-то умыл

Петр. А вот я те умою. Где Катерина?!

Назар. Ушла. В людях ночует. Отца пуще чорта боится.

Петр. Сходи! Живо! Чтоб минут в минут... А то все рамы выхвощу. Всех богов твоих топором в щепу искрошу, да в печку... Слышишь?

Назар (поспешно одеваясь и уходя). Эх ты, непутевое ча ушко... Богоотступник ты!.. Не будет тебе прощенья ни в сей жизни, ни в будущей.

Петр (оставшись один, сидит у стола, подперев голову и крепко задумавшись). Все пропью... И буду пить А все из-за нее. (Пауза) О, чорт тебя задави, сколь сильна эта самая любовь бывает... (Беснуется. Ой, ой, дайте ножик, распорю себе грудь и выну сердце. Ой!.. (Рвет на себе ворот., Разнесчастный я... Ну, не могу жить без Катерины. Ну, не могу вздохнуть... Тяжко до чего мне. Тяжко до чего А никто не верит. Смеются, лаются. И Катерина не верит... Прочь, говорит, прочь уходи... Катерина Катерина! Ой ты, Катерина... (Раскидывает руки и плачет.)

Ванька (проснувшись садится на полу). Не плачь по бабе, Бог девку даст.

Петр (поднимаясь). Ты кто такой? Оборотень, или человек? Зарублю! Прочь отсюда! (Схватывает топор)

(Ванька убегает.)

Петр (садится на лавку и кладет возле себя топор). Опять, кажись, виденица зачинается..

(Входит Катерина.)

Петр Где погуляла, молодайка? Уж извини, побеспокоил.

Катерина. Чего тебе желательно, отец? Ужинать, что ли?

Петр. Я тебе не отец... Ты вдова, я вдовец. Покорись. Неужто не люб я?

Катерина. Стыдобушка одна слушать то тебя. Опомнись, нехристь.

Петр. Церковь да всякие венцы ни к чему. Как голуби будем жить в любви. Все богачество ворочу. В десять разов боле того будет. Палаты каменные устрою.. Эвота какие ручищи!.. Да и голова варит.. Доверься. Катерина покорись

Катерина. Только за этим и звал? (Собирается уходить.)

Петр. Стой! Встает, тяжело дышит, глаза горят злобой и страстью. Потом умоляющим голосом) А ежели тяжко покориться, пожалей... Вот тебе подарок, вот еще сережки золотые. (Вынимает. На!.. Только пожалей меня. Тяжко покориться, пожалей. Это в твоей воле... Ой, пожалей меня,

пожалей Не дай загинуть... (Бросается на колени, плачет.) Ради Христа, пожалей! Катерина...

Катерина (отстраняясь). Глаза у тебя блудливые! Сердце в тебе поганое!

Петр (поднимаясь). Не подымай во мне беса... У меня и так виденица. С ума ты свела меня.

Катерина. Вырви глаза бесстыжие, вырви сердце.

Петр. Не подымай, говорю, беса. Худо будет! (Хватает ее.)

Катерина. Отец! Зверь ты! Зверь!

Петр. Силой возьму... Не уйдешь, девка! (Бросает ее на кровать Антона.)

Антон. Караул! Караул! Караул!

Катерина. Зверь ты, злодей!

Петр. А, тут чорт притаился!.. Чорт, знаю, чорт!.. Где топор?

Катерина. Опомнись! (Хватает за топор.) Человек это, Антон это! Дедушка! Ванька!

(Суматоха: врываются Ванька, Назар, Юзеф, схватывают Петра и волокут в сени.)

Петр. Врешь, не поддамся... Горло перерву. Прочь!..

(Катерина с криком пинает его ногой, плюет, все скрываются в сенях, потом Катерина вся растрепанная вбегает.)

Катерина. Убью его! . Убью!.. (Схватывает со стены ножницы и убегает.)

Антон. Ой, батюшки! Эгакой страсти и на войне не снилось.

(Вбегает Катерина, в руках ножницы. За ней Юзеф.)

Юзеф. Брось ножницы! Отдай!

Катерина (бегает от него). Глаза ему выкопаю! Довел он меня. Ой! (Со стоном падает Юзефу на руки Врывается Мотря, в руках бутылка.)

Мотря. А-а, змеи! Милуетесь.. На, краля, на! Вот красота твоя! (Выплескивает на нее из бутылки, бросает бутылку на пол и убегает.)

(Катерина страшно вскрикивает и падает без чувств.)

Юзеф (метнувшись, схватывает топор). У, гадина! (Пробегает несколько шагов, с силой швыряет топор к двери, бросается к Катерине.)

(Вбегает Назар, за ним Ванька.)

Назар (всплеснув руками). Ой, беда!.. Катеринушка! Внученька! (Подбегает к ней.)

Юзеф. Воды скорей, воды! Тряпицу! (Назар схватывает ковш воды, Юзеф поднимает Катерину, несет на лавку.)

Ванька (растерянно мечется по избе). Вот так уха из петуха... Где же полотенце-то.

(Входит урядник, за ним десятский и две старухи, которые ведут Власа. Он в черных больших очках, голову держит на бок, как слепец, в руках палка. Ванька, разинув рот, стоит посреди избы, Назар остолбенел, Юзеф не оборачивается, занятый Катериной.)

Урядник. Вот хозяина привел...

Занавес (падает среди мертвой тишины).

Лялька Пятьдесят.

Мих. Зощенко.

I.

И какой такой чудак сказал, что в Питере жить плохо? Замечательно жить. Нигде нет такого веселья, как в Питере. Только были бы денежки. А без денег... Это точно что, пропадешь без денег. И когда же придет такое великолепное время, что человеку все будет бесплатно?

По вечерам на Невском гуляют люди. И не так чтобы прогулкой, а на углу постоят, полюбопытствуют на девочек, пройдут по-весеннему— танцуют ноги, и на угол снова... И на каждый случай нужны денежки. На каждый случай особый денежный расчет...

— Эх, подходи, фартовый мальчик, подходи! Угощай папиросочкой...

Не подойдет Максим. У Максима дельце есть на прицеле. Ровнехонько складывается в голове как и что. Как начать и себя как повести. У Максима замечательное дельце. Опасное. Не засыпется Максим — холодок аж по коже — в гору пойдет. Разбогатеет это ужасно как. Ляльку Пятьдесят к себе возьмет. Вот как! И возьмет.

Очень уж замечательная эта Лялька Пятьдесят. Деньги она обожает - даст Максим ей денег. Не жалко. Денег ей много нужно - верно! Такой-то немало денег нужно. Ковер, пожалуйста. на стене, коврище на полу, а в белой клетке—тропическая птица попугай. Сахар жрет... Хе-хе...

Конешно, нужны денежки. Нужны пока не пришло человеку бесплатное время.

А Лялька Пятьдесят легка на помине. Идет — каблучками постукивает.

— Здравствуй, Ляля Пятьдесят... Каково живешь? Не узнала, милая?

Узнала Лялька. Как не узнать—шпана известная... Только корысти-то нет от разговоров. У Ляльки дорога к Невскому, а у Максима, может, в другую сторону.

Нелюбезная сегодня Лялька. В приятной беседе нет ей удовольствия. Не надо.

Подошел Максимка близко к ней, в ясные глазки посмотрел.

— Приду — сказал — к тебе вечером. С большими деньгами. Жди-поджидай.

Улыбнулась, засмеялась Лялька, да не поверила. Дескать, врет шпана. И зачем такое врет? Непонятно.

Но прощаясь, на всякий случай, за ручку подержалась.

Пошел Максим на Николаевскую, постоял у нужного дома, а в голове дельце все в тонкостях. Отпусти, скажет, бабка Авдотья, товарцу на десять косых. Отпустит бабка, а там как по маслу. Не будет никакого заскока. А заскока не будет — так придет Максимка к Ляльке Пятьдесят. Выложит денежки... Бери, скажет, пожалуйста Не имею к деньгам пристрастия. Бери за поцелуй пачечку...

А Лялька в это время вышла к Невскому, постояла на углу, покачала бедрами, потопала ножками, будто чечетку пляшет и сразу заимела китайского богача.

Смешно, конешно, что китайского ходю.

Любопытно даже. Да только по-русски китаец говорит замечательно.

— Пойду,—говорит,—к тебе красивая.

II.

Написано мелом на дверях: портной. Да только нет здесь никакого портного И никогда и не было. А живет здесь Авдотья спекулянтка. У ней закрытое мелочное заведение. Она и написала мелом на дверях для отвода глаз

К этой-то бабке Авдотьи и пошел Максим.

В дверь, где мелом „портной“ сказано, постучал условно.

А когда открыли ему дверь—так сразу покосился весь Максимкин план. Не Авдотья, а муж бабки Авдотьи стоял перед Максимом.

Шагнул Максим за порог, лопочет непонятное Сам соображает, как и что. Покосился план, да и только. Не во время приехал чортов муж...

Говорит Максимка глупые слова:

— Отпусти,—говорит,—бабка Авдотья, на десять косых...

Усмехнулся бабкин муж и в комнату пошел

А Максим за ним.

Бабкин муж веса ставит, а Максимка примеряет: как и что. Да только покосился план, мыслимо ли сразу лазеечку найти.

А бабкин муж интересуется:

— Какого же тебе товарцу, кавалер?

— Разного товарцу отпусти...

— Из кисленького может быть,—интересуется,—капусточки?

— Из кисленького, бабка Авдотья

Стал тут бабкин муж капусту класть из кадочки, а Максим метнул сюда-туда глазом, Максим схватил гирьку и трехфунтовой гирькой тюкнул по голове бабкиного мужа.

Рухнул бабкин муж у кадочки. В руке вилка. На вилке капуста.

А Максим к прилавку. На прилавке—ящик с деньгами. Шарит Максим—в пальцах дрожь. Вытащил деньги, да маловато денег. Где же такое деньги?

Роет Максим по комнате—нету денег. А в руку все ненужное лезет—гребенка, например, или блюдечко.

— Тьфу, бес,—где же денежки?

А в дверь на лестнице кто-то постучал условно.

Прикрыл Максим бабкиного мужа рогожкой И к двери подошел. Слушает. Открыть, не открыть?—открою. Сердце успокоил и дверь открыл.

Милюсенький вошел старичок и тоненько сказал: бабку бы Авдотью мне...

А Максим старичку такое:

— Нету, старичок, Авдотьи. Иди себе с Богом. Иди, сделай милость.

Сказал это и видит: гирька трехфунтовая в руке. Испугался Максим, что старичок гирьку заметит, пихает ее в карман, прячет гирьку-то, а старичок бочком, бочком и протискался тем временем в комнату.

— Подожду,—говорит,—бабку Авдотью. У бабки Авдотьи славная картошечка... Э, да у ней и капустка, наверное, славная! Да. Ей-Богу, славная капустка...

И такой говорун научный старичок, Максимке б с мыслями собраться, а старичок такое:

— Ну, хорошо, человеку все бесплатно... Согласен. Да только, на мой научный взгляд, общественное питание—это уж извините, это сущий вздор и совершенно ложные слова. На все согласен, а тут уж к бабке Авдотьи пойду. Не могу... Извините. Я, скажем, головой поработал—рыбки захотел—фосфор в рыбке. Ты языком поболтал—молочную тебе диэту... А вы говорите—общественное питание. Из корыта... Да-с, молодой человек, на все соглашусь, я уж бабку-то Авдотью мне оставьте... Совершенно ложные слова.

— Да я ничего,—оробел Максимка.

И в коридор вышел. А там на лестницу, да по лестнице, да вниз через три ступеньки.

На улицу вышел, нащупал деньги в кармане.

— Эх, мало денег! Где ж такое были денежки?

И пошел покачиваясь.

III.

Эх, подходи, фартовый мальчик, подходи.

Угощай папиросочкой...

Не полюбопытствовал Максим на девочек.

Встал Максим на углу и к окну прислонился.

Убить не убил человека и по голове ведь не шибко тюкнул, а человеку вредно, человека жаль. И хоть и жалко человека, а ведь как же, господа, иначе.

Да, лежит теперь бабкин муж у кадочки. В руке вилка, на вилке капуста. А в комнате научный старичок бабку ждет...

Постоял Максим и подумал, а мысли-то уж все веселые идут.

Глядит Максим королем на всех. Глазами ищет Ляльку Пятьдесят. Да нету Лялечки.

А на углу белокуренькая папиросочкой дымит и Максиму улыбается. На ней высокие сапожки до колен и шелковая юбочка фру-фру... Повернется—шумит и засмеется—шумит.

Зашумела и без слов к Максиму подошла. Подошла и тихо за руку взяла.

Да вдруг как зашумело все, затопало.

— Облава, дамочки!—вскричала белокуренькая и от Максима в сторону и в железные ворота.

За белокуренькой шагнул Максим, а на Максима человек. Весь в шпорах. Шпорами бренчит, саблей стучит, а в руке пятизарядный шпаллер.

Задрожал Максим и пустился бежать.

И бежит и бежит Максим. Гремит сердце. Через Лиговку на него забор. Максим через забор, а в ноги кучи. Через ксим... Пробежал еще и свалился в грязь. Да не сам свал'

— Подножка,—сказал Максим и потрогал денежки.

А на Максима Черный вдруг насел. И мало того, что насел, а еще и душит.

— Пусти,—хрипло сказал Максим,—пусти... дышать трудно.

И Черный отпустил его слегка.

Сидит Черный на Максимке и разговаривает:

— Бежит, вижу, человек по кучам. Стой, думаю. Даром не побежит. Спасибо. Либо вор, либо от вора... Даешь денежки?

Охнул Максим, повернулся под Черным. А Черный снова душит. Обиделся.

— Рипаться шпана... Рипаться. Даешь денежки?

А сам уж по карманам шарит.

Ох, вытащил пачечку. Ох, вытащил другую. Ох, опять душит сатана.

— А это что?

— Гирька,—сказал Максим и вспомнил бабкиного мужа.

— Гирька?—усмехнулся Черный и стукнул гирькой по Максимовой голове.—Беги теперь, да не оглядывайся. Беги, шпана, говорю... Стой. Гирьку позабыл. На, гирьку.

Взял гирьку Максим и побежал. Пробежал немного и сел на кучу.

Зачем же человека бить по голове?

IV.

Посидел Максим на куче, унял сердце и в город пошел. Нужно бы домой, а ноги на Гончарную идут к Ляльке Пятьдесят. Идет Максим на Гончарную. На улицах пусто. И в сердце пусто...

А вот и Лялькин белый дом.

— Здравствуй, Лялькин милый дом.

Поднялся Максим и постучал и к Ляльке в комнату вошел.

На стене ковер, на полу коврище, а в белой клетке попугай.

А Лялька сидит на китайских коленях, ерошит ручкой китайские усы.

— Принес?—спросила Лялька и к Максиму подошла.

— Принес,—сказал Максим тихо.—Гони только китайскую личность. Смотреть трудно...

А китаец по-русски понимал замечательно. Обиделся и встал. И чашечку с кофеем на пол выплеснул.

— Зачем же,—говорит, - выносить такую резолюцию? Уйду и денег не заплачу.

— Уйди, — закричал Максим. — Уйди, пожалуйста, заграничное рыло.

Ушел китаец и дверькой стукнул. А Максим тут к Ляльке подошел. К Ляльке наклонился и Лялькину целует щеку.

— Нет у меня денег, Лялька Пятьдесят. Прости, пожалуйста. Были деньги, да Черный за горло схватил и заначил денежки. Не гони, Христа ради, Лялька Пятьдесят. Прогонишь—смерть моя. Очень трудно мне в эту минуту.

— А,—вскричала Лялька Пятьдесят,—денег нет!

— Нету денег. Пожалей меня, Лялька. Очень мне трудно. Без ...ожалей. Ну, скажи, что жалко.

...закричала тут Лялька:

...итайские убытки кто возместит? Кто, шпана, отвечай, спра... ...ал китаец, даром пойми нажрал на сумму... Пришел та-

кой,—гони, говорит, китайскую личность... А сам—шпана проклятая... Даром ему скажи... За амбаром даром...

— Есть в тебе сердце?—сказал Максим и на коврище сел и Лялькины ноги обхватил. — Есть ли сердце, спрашиваю? Птицу жалеешь? Жалеешь попку?

Как ударила тут Лялька Пятьдесят Максима—помутилось все.

Охнул Максим. Охнул и с полу поднялся.

А как поднялся, так понял, что теперь все равно.

Гирьку нащупал в кармане. Вытащил гирьку, хотел ударить по Лялькиной голове, да не ударил. Рука не посмела.

Замахнулся Максим и ударил по птицыной клетке.

Ужасно тут закричал попугай и тонко закричала Лялька. А Максим бросил гирьку и снова на коврище сел.

— Ну, скажи, что жалко, Лялька Пятьдесят...

---

* * *

Синий день рассыпал
Солнце по кустам.
Зазвенела липа,
Наклоняясь к нам.

Я прижалась грудью
К знойному стволу.
Разве ты забудешь
Про любовь мою?!

На ветвях нависла
Голубая высь.
О тебе все мысли
В шелесты вплелись.

Только миг пылали
Мы в закате дня.
Золотые дали
Увели меня...

Чем бледнее ночи,
Тем светлей волна.
Чем любовь короче,
Тем нежней она.

Ольга Криницкая.

Степные диссонансы.

Бродили озорные по Страстному,
А я голодным, беспризорным мулом,
Казались ненастными и хлесткими
Яркие дни голубые.
Грубо кололи глаза
Липовые лепестки
И бриллианты напудренных дам совбуров,
Их карминные губы
Горели острей
Облинялых флагов.
Убежал с Тверской.
От угля и стали
На заводском костре
Посинела шкура—
Был оглушаем машинным гулом
И свистом Голутвинских мастерских;
Но заманили голубые дали
И вот—ползучим саксаулом
Душа проросла в сыпучих песках.
Ползла на корточках
По дюнам
У Приаралья,
Кровавя полынь и солонцы,
Лишь юрты, да дымок лунный
Указывали путь к солнцу.
У Актюбинска и Акбулака
Лакал я марево степей,
Где солнце лаком неласковым
Полировало полынь и лишаи
Все жестче и нелепей.
Где солнце, ветер и верблюды
Вылизывали солонцы
И озер соляные блюда
Дымились в миражевом танце.
Песочный ветер пудрил солью
Шерсть верблюжью и мою,
В какой арык, какие страны,
Мечты и боль мои волью?
Но вот я юный
Смельчак и дерзкий
Вдали от Тверской,
Воздвиг на дюнах
И соляных блюдах
Многогорбых,
Грозой громыхающих
Чугунных верблюдов.
Приползали и дивились твари—
Никогда не вылинивал
Карминный стяг зари.

Мих. Герасимов.

Тиф.

Рассказ.

Сергей Семенов [1].

I.

Наумчик, комиссар N-ского полка, нездоров шестой или седьмой день. Недомоганье затеплилось внутри вместе с приездом в Оршу. Уже на третий день после приезда он заметил, что его лицо горит особенным, розовым румянцем, а от щеки, если приложить руку, несет жаром.

Эти признаки лихорадки в первый раз бросились в глаза на приеме у председателя Чрезвычайной Комиссии. Слушал со вниманием его сообщение о налете бандитов на какое-то село и вдруг, в зеркале, через стол, увидел свое лицо.

На секунду неприятное изумление разорвало напряженное внимание. По сердцу проползло нехорошее и шероховатое. Лицо как-то слишком резко выделялось среди других застывших деловых лиц. Яркая краска заливала его от лба до шеи.

— Чорт возьми! Да это лихорадочный румянец... такого не было раньше...

Инстинктивно поднес к щеке ладонь и слабо вздрогнул от острой уверенности, что это правда.

— Значит, простудился... Ах, чорт возьми, не во время! Когда же меня угораздило? С приемкой полка такая масса работы... Печати сдать некому даже... помощника нет... комполк непартийный...

— Товарищ, Наумчик,—Ваше мнение?

С решительностью военного человека Наумчик быстро спрятал свои недоумения в задний ящик души. Через мгновение отчетливо развивал планы борьбы с бандитизмом.

II.

До позднего вечера метался в кипящей толчее прифронтового военного дня. К ночи, однако, вместо обычной усталости чувствовалось горячее возбуждение. Кровь упорно не замедляла бурного дневного бега. Жарко, толчками колотилась в бедрах. Мозг как-то слишком точно схватывал порхавшие впечатления. Неудержимо позывало еще двигаться, еще кричать, напрягать мускулы, мысль...

— Спать, спать, спать,—твердил Наумчик, расхаживая из угла в угол,—всего лишь небольшой кашель... конечно, легкая простуда. Порошки... и завтра пройдет... даже голова не болит...

---

[1]) Молодого беллетриста Сергея Семенова не следует смешивать с писателем-пролетарием... товцем Сергеем Терентьевичем Семеновым. *Ред.*

Ах, чорт возьми, какое странное лицо было в зеркале.

Наумчик вспомнил и остановился на половине шага. Опять по сердцу поползло неприятное изумление. Вдруг решительно начал раздеваться...

Только лег и сразу обнаружилась тонкая, ноющая истома. По лопаткам, груди и бедрам побежал холодок.

— Вот когда усталость-то сказывается...

Но, положив ноги одна на другую, почувствовал, что они обжигают друг друга.

—...и температура повышена...

Сердитое выражение появилось на засыпающем лице. Наумчик плотнее сжал глаза и, не обращая внимания на бегающий по коже холодок, уснул.

III.

Проскочили три дня. Наумчик добросовестно истреблял порошки, а внутри комом вырастало тяжелое удивление: лихорадка не исчезает.

Правда, исчез кашель, но появились яркие боли в голове. В отрочестве он страдал головными болями. Но теперешние боли не были похожи на те. Болела собственно не голова, а в голове. Сверлило под верхушкой черепа и, кроме того, как бы откалывался затылок. И ломило виски.

В непрерывной хлопотливости дня головная боль забывалась, а лихорадка замечалась только моментами, когда неожиданно ударялся глазами в зеркало или дотрагивался до щеки рукою. Тогда колющая мысль, что он упорно нездоров, как тень по солнцу, перебегала в сознании.

До сегодняшнего дня самочувствие было как у человека, выкупавшегося в жаркий летний день. Кровь играла и разносила острую бодрость по всему телу. Наумчик намеренно затрачивал на движения гораздо больше усилий, чем вызывалось необходимостью. Организм, казалось, совсем не знал усталости.

Сознание уловило недавно появившуюся выносливость как-то мимоходом. Она не показалась странной.

... — после завода... здоровое влияние фронтовой жизни...

Аппетит тоже радовал. Во время обеда Наумчик поразил сегодня комполка количеством съеденной каши. Но более комполка удивился он сам:

— Вот так прожора стал!.. конечно, это фронт...

Но затянувшись после обеда папиросой, почувствовал, что голова кружится.

— Что с вами, Андрей Сергеевич? Или не здоровы?

Комполк уже давно следил за его лицом.

— Почему не здоров? Нет, ничего. Болит голова, но пустяки. Кажется, продуло немного. Не стоит обращать внимания.

Наумчик уверял не столько собеседника, сколько себя. В этот самый момент он вдруг ощутил, что голова кружится сильнее.

— Сходили бы лучше к нашему помощнику смерти... смотрите..

— Хорошо, хорошо... как-нибудь... Вы не будете на собрании?

— Это в третьем баталионе?

— Да.

Комполк замялся. Он не любил собраний и даже считал их вредными для дисциплины.

— На собрание? Где уж мне! Талантов бог не дал,—неудачно отшутился он. Наумчик против обыкновения не возражал. Он чувствовал, что ему не вмоготу становится поддерживать разговор, и поспешил распрощаться.

IV.

Через полчаса стоял перед тысячеголовой, но безликой серой толпой.

Развивая обычную тему: „Текущий момент", Наумчик в то же время с тревожным любопытством прислушивался к тому, что происходило внутри него. С удивлением замечалось, что говорит необычайно ярко и красочно.

Никогда еще мысль его не была такой гибкой и отчетливой. Не обладая ораторскими способностями, он обыкновенно старался изложить сущность темы возможно яснее и этим ограничивался.

А на этот раз слова лились неудержимо. Мысли были не только логическими выводами, но сопровождались цветными яркими образами. Даже совершенно отвлеченные представления и голые цифры казались облеченными в живые, блещущие краски. Иногда выводы вытекали как-будто не в порядке логической причинности, а сверкающими пучками вспыхивали сразу во всех углах сознания. Лишь привычка к давно изглоданной теме помогала говорить связно.

И все то, о чем он говорил, как-то неуловимо сцеплялось с тем, что когда-то пережил и перечувствовал он сам. Высказав мысль, что в настоящую минуту в Красной Армии имеется полмиллиона дезертиров, он вдруг ярко увидел над головами смотревшей на него толпы живую панораму бескрайних пространств Советской России. И как-то сердцем узнавал бесконечную, однообразную, как толпа, тайгу Сибири, строго подступавшую к нему от самого океана; серые горы Монголии, под синим стальным монгольским небом, где он тоже бывал за свою скитальческую жизнь; желтые реки Кубани; ярко-белые села солнечной Украйны. Золотыми четырехугольниками блестели колосящиеся поля, почему-то обведенные черными канавами. Серыми нитями разбегались пыльные дороги.

И все это было заполнено дезертирами. Черные пятна их фигур перед ним, точно на яву. Босые, раздетые, с выражением загнанного зайца, перебегают по хлебному полю к родному селу. В другом конце рассыпались цепью по опушке затаившегося леса и охраняют свое логово. Наумчик видит их гораздо ярче, чем тут же стоящую серую аудиторию. Ярче, даже чем рябое лицо председателя собрания, висящее в воздухе на расстоянии аршина.

Все же сознание не целиком заполнено этими картинами. Он не забывает, что стоит перед собранием 3-го баталиона N-ского полка. Улавливает смысл произносимых им самим слов. Со сложным чувством поэта и исследователя следит, как будто со стороны, за возникающими в мозгу картинами. И наконец, совсем уже отдаленным уголком мозга жадно старается объяснить себе, что же собственно с ним происходит? Даже юмористические элементы мышления не чужды ему.

На секунду он подумал:

— Я в каком-то призрачном кинематографе, где сам и механик и публика...

И в сознании его что-то улыбнулось. Должно быть, эта улыбка отразилась в движении губ. Лившиеся как ручей слова на секунду переплеснулись.

... — что же, что же со мной происходит?—упорно доискивался он,—вероятно, незаурядный ораторский талант таился?.. я сам не подозревал...

Правдоподобием этой мысли он обманулся. Сразу же стаяло тревожное ощущение совершающегося с ним чего-то непонятного.

V.

К вечеру головная боль сделалась сплошной и мучительной. Явился полковой фельдшер.

Франтоватый эскулап в брюках „клеш", вежливо всунул под мышку термометр, пощупал пульс, попросил показать язык. Потом, нахмурив свои брови, заглянул Наумчику в горло и посмотрел слизистую оболочку глаз. В заключение послушал что-то в животе, приложив через рубашку свое большое мясистое ухо.

Потом просиял:

— Ничего опасного, товарищ военком. Инфлюенция в слабой форме. Пришлю порошков и завтра как рукой снимет.

Наумчик все время с сердитым лицом следил за сильными, шарообразными плечами фельдшера, надувавшими тонкую сатиновую рубашку, и думал:

... — Должно быть, замечательная мускулатура и ни чорта не понимает в своем деле...

Фельдшер просиял, а Наумчик рассердился еще более. Не услыхав заключение, прошептал, не зная, радоваться или сердиться:

— Ага, я так и думал.

Прошелся по комнате и вспомнил, что от обеда ничего не ел Съестные припасы хранились на подоконнике. Отрезал ломоть хлеба, намазал маслом, откусил и тотчас же выплюнул. Хлеб показался противным. Наумчик понял, что он вообще не хочет есть.

Слабо мелькнувшее удивление приподняло на миг хмурившиеся брови. Открыл окно и сел.

Был лишь десятый час вечера, но Орша, жившая на военном положении, уже затихла. Под окном сплошная августовская темнота, мягкая и пахучая, а напротив в воздухе яркий, одинокий фонарь. В круге света бесшумно метнулись громадные черные буквы. По слогам прочитал: „А-пте-ка". По обе стороны от яркого света чернела длинно протянувшаяся улица. Где-то вне света мелодично звенели шпоры и гулко стучали каблуки.

Оперся локтями на подоконник и положил на ладони голову. И голова и руки были горячи, более чем когда бы ни было за все время болезни.

Еще по инерции Наумчик с грузным усилием осознал этот факт. Но от усилия исчезли все другие мысли. И как это случилось, он уже не объяснил себе. Глубокая апатия обволокла тягучей, спутывающей паутиной все мысли, чувства и движения.

Наконец поднял голову. Опять круг яркого света и опять черные буквы. Обвел глазами комнату. На долю секунды задержался на изображении Маркса. И Маркс, и фонарь одинаково пробуждали тоску.

Встал, чтобы подойти к кровати, и вдруг, обессилев от испуганного изумления, почувствовал в коленях дрожь.

Опять опустился на стул. Сразу же правая нога, не отделяясь носком сапога от пола, безудержно запрыгала. Болезненное раздражение обожгло колено. Каблук ритмически и дробно бился о пол.

Весь напрягаясь, с искаженным лицом, Наумчик сделал усилие прекратить эту дрожь. Сразу запрыгала и другая нога. Он совсем растерялся и сидел на стуле, вытянувшись в струнку.

Дрожь не унималась. Ноги подпрыгивали все выше и выше. В коленных суставах появилась боль.

И вдруг в голову пришло, что можно упасть на пол: тогда дрожь прекратится. Собрав всю волю, он с силой бросился на пол. Дрожь действительно прекратилась.

Вытянулся на полу и замер от глубокого спокойного наслаждения. Пол зазыбился и медленно ритмически поплыл. Страстно захотелось отдаться этому зыблещемуся покою. Но где-то в глубине затеплилась мысль, что надо добраться до постели.

Попробовал подняться, но сил не оказалось. Закусив губы, Наумчик оглядел комнату. Голубая, эмалированная ножка кровати остановила внимание. Медленно подполз и, ухватившись за нее, стал подниматься. Потом как куль повалился ногами на подушку, а головой в ноги. Потом как-будто рассыпался на части, все члены тела отделились друг от друга и он стал куда-то погружаться.

— Кажется, серьезно нездоров,—пронеслось в цепенеющем сознании.

VI.

Минут через двадцать проснулся оттого, что невыносимо жарко. Физические силы отчасти возвратились. Слева смутно копошилась расплывчатая фигура комполка, который жил с ним в одной комнате. Фигура вдруг побелела, и Наумчик понял, что комполк разделся.

— Который час?—отрывисто спросил Наумчик.

— Без пяти десять.

... — двадцать минут только прошло... да, чорт возьми, серьезно заболел. Завтра к врачу пойду...

Наумчик легко встал, разделся и опять лег.

Лежал минут пять, прислушиваясь к чему-то внутри. Потом понял, что это внутреннее—нестерпимая боль в голове. Он сосредоточил свое внимание только на боли и явственно уловил отдельную сверлящую боль под верхушкой черепа и другую—в затылке. Потом ладонями дотронулся до бедер. Ладони и бедра взаимно обожгли друг друга.

Наумчик повернулся лицом в подушку, но в глубине подушки поплыли красные звезды и загорелись светляки. Опять повернулся на спину и открыл глаза.

Красные звезды и светляки почему-то напомнили яркие картины в дневном собрании. Он засмеялся вслух.

— Вот в чем секрет-то был...

Глаза стали смыкаться сами собой. Только какая-то неусыпная часть мозга не пропускала без анализа ни внутренних переживаний ни внешних восприятий, ни физической боли.

Мало-по-малу стала угасать и эта неусыпная часть сознания. Изредка еще тускло светили мелькавшие красные звезды и светляки. Он уже не улавливал момента их возникновения.

Потом звезды и искры удалились от него на бесконечное расстояние и где-то в тусклом пространстве стали растворяться.

Он заснул беспокойным сном.

VII.

А во сне бурно протекали непонятные процессы сопротивляющейся жизни. По временам просыпаясь, Наумчик заставал себя в самых разнообразных положениях.

Раз, проснувшись, увидел, что лежит поперек кровати и совершенно раздетый. У него еще хватило сил опять надеть белье.

Другой раз он нашел себя лежащим на полу под столом на расстоянии трех аршин от кровати. Очевидно, что бессознательно он выбирал на полу место, где клеевая краска не отстала, и оттого было прохладнее.

У Наумчика был хороший, правильно работающий аппарат мышления. В нормальном состоянии можно было разбудить Наумчика среди самого глубокого сна, оторвать от причудливых грез и задать отвлеченный вопрос. Если вопрос был вообще из области его знания, следовал немедленный ответ. Просыпаясь среди ночи, он сразу и в полной мере овладевал всеми способностями и чувствами. Всегда бодрствующая в нем жизнь сразу прыгала до обычного уровня кипения.

Просыпаясь теперь, он улавливал на губах последние звуки слетавшего бреда. Тотчас же поднимался жгучий интерес к этой загадочной жизни, которая ускользала от его контроля. Тщетно он напрягал усилия, стараясь охватить то, что только-что грезилось... Напрасно...

Утомленный усилиями, Наумчик засыпал. И просыпаясь вновь застигал на губах последние отзвуки неведомой жизни.

В большей части это были нечленораздельные звуки, но часто они звучали, как последние слоги каких-то слов. Таким образом, раз проснувшись, ему показалось, что звуки носят нерусский характер.

— Ерунда,—подумал он.—Не могу же я в бреду мыслить не по-русски, если не знаю никакого другого языка...

Другой раз проснувшись, он поймал свой язык, когда тот явственно выбрасывал слово: „вперед“. Наумчик внутренне улыбнулся и подумал опять:

— Как жаль, что эта жизнь ускользает от меня...

VIII.

Много раз он просыпался так.

Тотчас в мозгу вспыхивали огненные картины—мысли, вполне подчиненные контролю сознания. Засыпал и проваливался куда-то в небытие. Но небытие также было заполнено жизнью. Неуловимая, она доказывала свое присутствие лишь слабыми косвенными признаками.

Когда начался рассвет, он не успел уловить. Но, проснувшись чуть ли не в миллионный раз, он вдруг увидел, что комната приняла знакомый вид. И все на своем месте: обглоданный стол, Маркс на стене, два стула. Стулья торчат друг против друга точно так же, как торчали вчера.

Наумчик с удовольствием человека, попавшего через много лет в комнату, где провел детство, оглядел знакомую обстановку. И оттого, что все прочно стояло на привычных местах, его мысль зашевелилась деловито:

... — через два часа позвоню в штаб полка... пришлют лошадь... поеду в госпиталь... конечно, только на амбулаторный прием...

Бодро встал, оделся, умылся. Холодная вода вызвала странное, приятное ощущение, не похожее на обычное впечатление воды. Против обыкновения он не задержался сознанием на этом факте и подошел к окну.

Орша еще не просыпалась. На востоке краснело небо и с каждой минутой краски становились гуще, ярче, радостней. Наумчик вдруг чуть не заплакал...

... — небо, небо... точно наливается кровью и жизнью... да, да, красное - символ всякого творческого акта... даже в небе цвет каждого нового дня—красный... и почему я чуть не плачу?.

Взор упал на вчерашние хлеб и масло. Вид этих продуктов пробудил жажду. Он вышел в коридор, где стояла кадка с водою и выпил один за другим три стакана. Постояв с минуту в беспредметной задумчивости, он выпил четвертый и внезапно встрепенулся.

— Пора...

Подошел к телефону и долго звонил. Все лошади оказались в расходе. Он не огорчился этим, а прошептал:

— Пойду пешком... проветрюсь хоть...

Потом долго будил комполка. Тот упорно мычал и прятал голову. Наконец, поняв в чем дело, попросил оставить печать.

Наумчик хотел возразить что-то и, неожиданно для себя, устало махнул рукой, отгоняя возражение как назойливую муху и проговорил коротко:

— Возьмите...

Нацепив „Наган“ и держа фуражку в руке, направился к двери.

— Куда? а пить чай?—закричал комполк.

Наумчик опять устало махнул рукой.

IX.

Наумчик любил природу, а утро позднего августа изливалось в душу предосенней грустью. Огромное утреннее небо обвевало той мягкостью и нежностью, какие в России встречаются только в Западном крае. Наумчик задышал глубже и прибавил шагу.

Десятый час... На базар еще не окончили съезжаться окрестные крестьяне. Их телеги на железном ходу громыхают спокойно по пыльной мостовой. Из-под копыта лошади выскакивает белый дымок пыли. Ранние хозяйки спешат на базар со своими кошелями. Евреи тащатся туда же с лотками, со старыми тряпками, с какими-то свертками, в которых, как знал Наумчик, могло заключаться все. Ничего другого, что не имело бы отношения к базару, на улицах еще не было. Жизнь советской Орши начиналась позднее.

Голова Наумчика слабо кружилась. Сердце как-то растягивалось. Но деятельный мозг, привыкший к постоянной работе, все подмечал и на все реагировал.

Наумчик шел мимо базара, смотрел на его мертвую суету и думал, что каждый город Советской России до сих пор живет двойной жизнью: советской и обывательской и что эти обе жизни никак не могут слиться в одну, могучую и цельную...

... — да, да, они часто даже враждебны между собою... где, где причины этого разлада?

Госпиталь, куда направлялся Наумчик, находился за городом, в верстах двух с половиной, у самого вокзала. От города вокзал отделяли поля, прорезанные шоссейной дорогой.

Выйдя за город на это шоссе, Наумчик почувствовал, что в голове вдруг стало пусто. И тотчас же до сознания дошли ощущения боли в сердце и слабости в ногах. Инстинктивно сопротивляясь им, Наумчик оглянулся вокруг ищущими глазами, чтобы на чем-нибудь остуновить свое внимание. И как-то с готовностью отдался впечатлению от красоты окружающей картины...

... — как хорошо... небо и поля словно лирическое стихотворение гениального поэта...—Он усмехнулся своему сравнению.—А где то идет война...

С той же внутренней готовностью и жадностью он стал рисовать себе образы войны. И это удавалось как-то необычайно легко. Он совершенно забыл о боли в сердце и слабости в ногах. Образы проходили перед ним сверкающие и яркие, в красках крови и огня. Гигантские наступления, кошмарные отступления... период колоссального напряжения революционной энергии и кошмарные отступления сменяются еще более сверкающими наступлениями...

... — да, да, для этого мало технических средств... тактического, стратегического уменья воевать... Революция, в пламени которой сгорает одна шестая часть света, должна сжечь и остальные пять шестых.

И вдруг внимание его привлекли вереницы экипажей, потянувшиеся по шоссе. Очевидно, пришел пассажирский поезд. Проехали какие-то дамы со множеством чемоданов и в больших элегантных шляпах. Наумчик, ткнувшись взором в эти шляпы, вдруг рассердился...

...—Такие несообразные с этим небом и с этими полями...

И рассердившись, сразу обмяк и обессилел. Голова закружилась так, что должен был остановиться. Мгновенно понял, что в горле пересохло, что кровь пульсирует с такой силой, что вызывает ощущение разрыва. И всего сильнее ощущение разрыва—в сердце.

Он глотнул воздуху и подбодрил себя. Но через полчаса убедился, что не может итти далее. Ноги подкашивались. Концы пальцев на руках кололо холодноватыми иголками. По бедрам бежал холодок. Наумчик сел на пень и бессильно засмотрелся на небо.

Мимо проехал какой-то священник и с любопытством посмотрел на него.

Наумчик, не смотря на священника, почувствовал его взор и перевел глаза от огромного круга неба на концы своих пыльных ботинок.

Около ботинок кустики зеленой придорожной травы. И вдруг Наумчик почувствовал, что бесконечно устал, что сейчас самое важное для него это лечь вот в эту придорожную траву и лежать не шевелясь ни одним членом и смотреть в высокое небо.

Но едва к обессиленному сознанию прикоснулось это ощущение, он весь загорелся ярким чувством живого протеста. Его можно было сравнить только с тем чувством, которым он вновь увлекал поколебленные ряды красных солдат, когда они, отхлынув от линии противника, неуверенно топтались на месте.

— Как не стыдно, как не стыдно?—пробормотал он.

Вскочил и быстрым шагом пошел.

Вот и госпиталь, а он совершенно бодр. Даже боль в голове исчезла. Нет ни покалываний в пальцах, ни боли в сердце от переполняющей его крови и чувств...

X.

Так же бодро входит во двор. Двери в барак—настежь. От земли ведет 6—8 ступеней. Шагает через две ступени и не чувствует слабости.

Приторно-аптечный запах обдает в приемной. Комната почему-то большая, как пустыня, и вся зыблется туманом. Но налево как-то особенно четко и нудно приклеился к стене полированный ящик телефона и под ним мерцает блестящая полукруглая чашка звонка. Провода черной ниткой ползут по стене вверх и теряются в бесконечности пустыни. У телефона столик дежурного. Лицо дежурного тоже в тумане, но болезненно сверкают ярко-рыжие толстые усы и горят нечеловечески-блестящие глаза...

И где-то, в потаенной глубине, на самом дне сознания, копошится бесформенное, неотчетливое удивление. Наумчик бессознательно напрягает мысль, чтобы ощупать это удивление и вдруг замечает, что нечеловечески-блестящие глаза придвинулись к нему близко-близко и он сам говорит в их сверкающую глубину отчетливо:

— Наумчик, Андрей Сергеевич,—военком N-ского полка.

— Присядьте... вы будете вторым номером...

Наумчик засмотрелся, как вздрагивают и шевелятся при этих словах ярко-рыжие усы. Вдруг сам вздрагивает от внезапного отвращения: зубы под ярко-рыжими усами неопрятны...

...—Человек медицины...

Наумчик отвернулся и сел. Комната уже совсем не бесконечная и телефон такой, как все телефоны... Неожиданно мимо проходит доктор. Он в халате.

Мысль начинает привычно развертываться. Наумчик усиленно всматривается в лицо доктора. По своему обыкновению старается определить, что перед ним за доктор, и что за человек и о чем он думает.

Лицо доктора видно совершенно ясно. Голубые, впалые глаза—нравятся; истомленное, серьезное лицо—тоже...

...— Он хороший человек и хороший доктор... а Толстой не прав...

Наумчик вдруг почти дословно припоминает описание доктора в смерти Ивана Ильича: „... ожидание и важность напускная, докторская... постукиванье, выслушиванье и вопросы, требующие вперед определенного и очевидно ненужного ответа и значительный вид, который говорит, что у нас, мол, все несомненно и известно, все устроим одним манером и для всякого человека, только подвергнитесь нам"...

Мысли Наумчика раздвоились. Он укоряет Толстого за то, что тот не прав, и одновременно очень интересуется вопросом, почему описание вспомнилось так ярко, почти дословно. И тут же находит ответ:

— Мышление обострилось оттого, что повышена температура.

— Товарищ Наумчик...

Это вызывают к врачу.

Наумчик подходит и хочет подробно рассказать все признаки недомоганья. Доктор внимательно всматривается в его лицо и неожиданно останавливает:

— Не надо, не надо, голубчик... вот термометр, измерьте температуру и покажите руку.

Наумчик протягивает ладонь.

— Нет, нет, засучите рукав...

Седеющая голова доктора, с пробором до затылка склонилась над протянутой рукой. Наумчик сам видит, что сухая блестящая кожа его руки усеяна розоватыми пятнышками.

— Позвольте, товарищ, термометр...

Доктор посмотрел, и ярко вспыхнул изумленный вскрик:

— Голубчик! Да у вас сорок и два!.. Несомненный тиф! Да как вы еще притащились сюда?..

Нестерпимо сверкающий свет блеснул в голове. Где-то в черном пространстве проскочили гигантскими красными цифрами „сорок и два". Потом все скрыло огромное высокое небо. И оно покачивалось от края до края. Страшная боль разорвала сердце. Еще уловилось мгновенное колотье в пальцах... И необорная, безбрежная усталость сразу проникла во все атомы тела. Ноги подкосились и все погасло...

XI.

Вне Наумчика суетливо и быстро пробегало время. Наумчика раздевали, стригли ему волосы, мыли, опять одевали в больничное белье. Он лежал неподвижно с исхудавшим вдруг лицом и закрытыми глазами. Не было даже бреда.

Прошло четыре часа.

XII.

Глаза раскрылись на мгновенье и сейчас же опять закрылись. На черном экране сознания слабо отразилась горящая под абажуром электрическая лампочка. Небольшая, белая, высокая комната, опущенные наглухо желтые шторы. Абсолютная тишина тонко прозвенела серебряным колокольчиком и опять погасло все.

XIII.

Он опять открыл глаза и странно знакомое, точно тысячелетней давностью, впечатление белой комнаты, с опущенными шторами на окнах, горящей электрической лампочки снова порхнуло по сознанию и укрепилось в нем. И вдруг впечатление точно сдуло. Все внутри наполнилось напряжением.

Сразу вспомнилась все сцена с доктором. Мозг заработал, как хорошо налаженная машина. Мысли-картины понеслись, обгоняя друг друга.

Неожиданно понял, что в палате лежит один. Слева у изголовья проступил столик. На столике—молоко, жидкая молочная каша, графин с водой, звонок и какие то номерки.

С самого момента пробуждения Наумчик не может отделаться от смутно висящего в сознании какого то еще неосознанного ощущения. И только теперь он остановил свое внимание на этом. Мысль напряглась в неуловимом усилии, и он понял, что неосознанное ощущение есть ощущение необыкновенного удобства и комфорта тела.

— Значит, пока лежал как колода, вымыли, выбрили и надели чистое белье...—улыбаясь подумал он и с наслаждением потянулся в кровати.

... — Теперь позвонить...

Наумчик нетерпеливо устремил глаза на дверь. Вдруг она бесшумно метнулась в сторону и в черной дыре появился огненный крас-

ный крест на белоснежном фоне. Красный крест поплыл в воздухе и остановился над кроватью. Ласковый женский голос прозвучал как из тумана:

— А, очнулись, больной; чего вы желаете?

— Долго, сестрица, я был без сознания?

— Четыре часа...

Наумчик вдруг увидел колечко черных волос, выбивавшееся из-под белой повязки, потом серые глаза, смотревшие ласково.

— А мой револьвер и бумажник?

— Все, все цело. Вот здесь квитанция...

— А зачем положили в отдельную палату? — улыбаясь спросил Наумчик вдруг.

— Не разговаривайте, больной. Вам нужен покой,—мягко, но с ударением в голосе произнесла сестра.—Постарайтесь уснуть. Я пришлю няню.

XIV.

Сестра ушла, а Наумчик закрыл глаза и прошептал:

— Итак, тиф, тиф...

Он почувствовал необходимость определить свое личное отношение к факту опасной болезни и углубился в исследование своих переживаний.

В первый момент ему показалось, что в них самое важное, самое значительное — это возможность смерти. Но дальнейший анализ неожиданным образом подсказал ему, что этот вопрос нисколько не интересует его.

Ему вдруг стало неприятно от такого вывода. Он почувствовал, что готов рассердиться на самого себя...

...— странно? И отчего же, отчего?.. Опасно болен и безразлично, умру или нет? Да, да, безразлично это... чувствую...

Он недоверчиво насторожился, стараясь уловить сокровенное биенье своей мысли, глубочайший трепет своих ощущений. И по мере того, как все более убеждался в своем выводе, он чувствовал себя разочарованным, обманутым в ожиданиях.

— Но что же, что же может меня интересовать на пороге смерти?— задал он себе вопрос.

И опять мучительно прислушался. Через мгновенье он твердо знал, что в эту минуту его больше всего интересует механизм тех горячечных видений, которые проносятся в его мозгу.

Виденья неслись давно и переливались блещущими яркими красками. Вернее, они не проносились, а все сразу были отпечатлены в одной красочной панораме. Его внутренний взор только скользил по ней. Панорама обнимала все, что когда-либо проходило через его мысль и чувство.

Наумчик скоро заметил, что в красочные, цветные образы вплетались не только конкретные мысли, но так же, как тогда на собрании, и совершенно отвлеченные представления и даже голые формулы математики. Только все краски сделались несравненно ярче. Переливов и движения света в них — больше. Но, вместе с тем, отдельные образы были очерчены менее резко. Контуры их потеряли ту отчетливую четкость, с которой проносились в панораме на собрании.

Наумчику показалось странным, что образы, потеряв свою ограничивающую отчетливость, в то же время сохранили какую-то неуловимую законченность в значении отдельных образов. Смысл каждого

образа доходил до его сознания и он вполне определенно связывал его с каким-либо фактом своей жизни. Он жадно заинтересовался:

— Что, что дает им эту законченность, когда они не имеют ни форм, ни ограничивающих контуров? Странно как!..

Потом он долго интересовался тем, каким образом его сознание сохраняет способность следить как бы со стороны за теми процессами, которые совершаются в нем же самом, наблюдать, сравнивать, анализировать? Упорно старался уловить сущность этой способности.

В эти минуты он лежал неподвижно с плотно закрытыми глазами, с разгоревшимся лицом. Бреда не было. Если иногда особенно острая мысль сбрасывала с губ стон или восклицание, он замечал это и делал усилие удержаться.

Дни и ночи шли, сливаясь друг с другом.

XV.

— Сорок и восемь десятых...

Слова глухо, извне вошли в сознание Наумчика. Он открыл глаза и скорее почувствовал, чем увидел фигуру склонившегося над ним доктора. Как-будто большой кошелек был у него в руках. Сзади тускло блеснул знакомый красный крест в воздухе.

Глаза открылись и тотчас опять закрылись. Но через мгновенье в сознанье снова туго вползли глухие слова:

— Лед на голову...

Обжигающие волны ненависти хлынули в душу и отразились в сознании сплошным сверкающим пламенем:

— Что, что они мешают мне?..

Он снова открыл глаза и хотел сказать им гневное, жестокое, хотел оттолкнуть их, но крика не вырвалось, не дрогнул ни один мускул на руке.

Но, должно быть, усилие сказать все же вызвало беззвучное движение его губ. Он услышал:

— Тише, тише, говорить хочет...

Наумчик силился шире открыть мутные глаза и бессильно шевелил губами. Мучительное напряжение изобразилось на лице. Задергалась левая бровь. А доктор наклонялся ниже и говорил:

— Что, что вы хотите сказать?

Наумчик с бессильным бешенством смотрел ему в призрачное лицо и все внутри кричало миллионом голосов:

— Да оставьте, оставьте... ничего, ничего не надо...

И вдруг у головы что-то холодное. Сразу во всем теле возобновилось ощущение комфорта.

Как моментально стихают морские волны под слоем масла, так улеглись волны его ненависти к этим людям. Он добровольно открыл глаза и благодарно улыбнулся.

Невыразимое блаженство разливалось от верхушки черепа во все углы тела.

XVI.

Днем и ночью в одинокой палате сияла электрическая лампа. Днем и ночью бесшумно входила сестра. Наумчик лежал очень спокойный, с исхудалым лицом и почти всегда закрытыми глазами. Редко, редко они раскрывались, но Наумчик уже не видел ни сестры.

ни горящей лампы, ни желтых штор. Мир внешних ощущений был для него наглухо закрыт. Он даже не ощущал, что голова его раскаляется все более и более, что физические силы тают, как лед в горячей воде. Сопротивляющаяся жизнь сосредоточилась исключительно в мозгу и процессы ее совершались со стремительной быстротой. Блеск красок и переливы света усилились до ослепительной яркости, но смысл заключавшихся в них образов до сознания еще доходил. Вызываемые ими процессы мышления отступили в неведомую для нормального состояния глубину и протекали в ней скорее интуитивно, чем в порядке логической причинности.

По временам уже начали происходить короткие перебои. Тогда по общему фону сверкающей картины пробегали черные облака и параллельно происходили остановки в работе мышления. Но то и другое было мгновенным и не вносило особой дисгармонии в цельность переживаний.

Эти остановки и разрывы также не ускользнули от его внимания. Он учел их, как перебои останавливающейся машины жизни.

— Что же что же?—спросил он себя, весь внутренне притаившись.

И ответ даже среди его моря красок и пламени блеснул, как короткая, мощная молния:

— Скоро смерть..

Воспаленное сознание все еще подчинялось узде колоссально напряженной мысли. Он не позволил себе испугаться. Внутренне прислушался и проверил себя. Никаких осознанных сожалений, осознанной печали, скорби об ускользающей жизни не было.

— Так что же? посмотрим...—сказал он себе.

Но, должно быть, молния проникла глубже границ его мысли, глубже его бесконечно напряженной воли, в самые истоки неуправляемых инстинктов жизни, лежащих вне контроля сознания, потому что стоявший над ним старик-доктор сестра и няня видели, как на мгновенье он заметался. Сорвал с головы мешок со льдом и мучительно застонал, не раскрывая запекшихся губ.

Но сам он не уловил этого. Давно уже он ничего не чувствовал, что было во вне его. Ни один звук слов, произносимых над его ухом, не достигал сознания. Оно, сохранив свою воспринимающую способность по отношению к процессам внутренним, вполне потеряло ее по отношению к процессам, совершающимся во вне.

Но если внешний мир умер для Наумчика, то Наумчик еще не умер для этого мира. Стоявший над ним седой доктор прилагал все усилия вернуть ему этот мир.

— У него сорок один и шесть,—говорил седой доктор сестре,— на голову еще два три мешка со льдом. Нужно каждые пять минут обвертывать мокрыми простынями.

Как с Наумчика снимали белье, он не знал. Но когда тела коснулась ледяная простыня, жгучее ощущение извне дошло до его сознания. Дрожь невыразимого физического наслаждения зыбью побежала по телу. Он с трудом открыл мутные глаза и отчетливо понял, что его пеленают в мокрую простыню.

Стало легче. Появился даже отвлеченный интерес к своему положению. Он з хотел узнать, как бывает высока температура, когда прибегают к такой мере.

А язык не повиновался.

Мутные глаза умоляюще посмотрели на доктора и доктор, или случайно, или действительно поняв его в силу внутренней связи, иногда устанавливающейся между врачом и больным, спросил сестру:

— Какая у него последняя температура?

— Сорок один и шесть..

Наумчик как-то остро понял эту цифру и ясно оценил всю опасность положения, но опять не испугался.

Нечто вроде чувства игрока, очень приближающегося к чувству „безумства храбрых“, смутно зашевелилось в нем. Где-то в глубине подумалось:

— Еще две-три десятых... котел жизни разорвется от собственного давления... что же, что же?.. посмотрим...

Перепеленали четыре раза. С каждым разом ощущение блаженства притуплялось. Но все еще, когда холодная простыня касалась тела, он открывал глаза, и тотчас опять бессильно закрывал. Сразу летел в черную пучину, в глубине которой ярко горели красочные пятна.

Еще несколько раз отрывали его от внутреннего мира, но потом перестало воздействовать и ощущение холодной воды.

XVII.

Прошло около двух недель с того дня, когда он ощутил ненормальное возбуждение в первый раз. Должны были наступить кризис или смерть.

Он этого не знал. Сознание времени вполне исчезло из его восприятия. Не было ни дня ни ночи. Он жил исключительно во внутреннем мире напряженной мысли, красок и огня.

Вся его жизненная энергия, вся таившаяся в нем воля к жизни были вытеснены из обычных пределов его „я“ в эти неведомые области сознания. Сконцентрированная здесь, в своих предельных границах, упорствующая жизнь теперь достигала роковой вершины в колоссальной судорожной напряженности. Наружно он по прежнему лежал неподвижно и спокойно.

Теперь, когда он вплотную подошел к границам небытия, процессы мышления приняли другое направление. Он привык к блеску и краскам своего мира и они больше не интересовали. Объектом воинствующей мысли явилось то, что всегда составляло центр его умственной и духовной жизни. На последней грани жизни неотразимо влекли и волновали ее глубочайшие, основные вопросы.

В нем всегда жил дух философа-поэта и психолога-исследователя. Стоя за станком в грохочущей мастерской, на сотрясающемся от железного напряжения полу, он прислушивался к ритму железного гула и улавливал в нем ритм всеобщего творчества жизни. Гул говорил, что и сам он, и весь этот маленький трудовой коллектив, спрятанный в мрачных кирпичных стенах завода, есть главные строители жизни и создатели ее ценностей. Все то, что поэт, композитор, художник в течение тысячелетий заключали в музыку, слово и краски, глубочайшими своими корнями таилось здесь, в этом труде первообразе всякого творчества. И он чувствовал гармонию своего труда с всеобщим творчеством жизни.

Долгое время диссонансом в этой гармонии был вопрос о личной смерти. По крайней мере, он сам думал так Но с началом революции, добровольно отправившись на фронт, он убедился, что в нем не оказалось страха смерти. Однако Наумчик был честен сам с собою и со своею мыслью и скоро внутренне почувствовал, что отсутствие страха смерти не разрешает самого вопроса. По прежнему он пытался найти разрешение вопроса изнутри и это во многом определило его внутренние процессы.

И теперь образ смерти с лицом прекрасной женщины постоянно смотрел на него строгими вопрошающими глазами. Иногда прекрасное лицо закрывалось быстро бегущими черными облаками и он терял нить мысли. Но лицо прояснялось опять. Наумчик тоскливо смотрел в строгие вопрошающие глаза и внутренне кричал:

— Смерть, смерть, боюсь ли я тебя?

По-прежнему прекрасное лицо было бесстрастно, и Наумчик вновь кричал в строгие глаза:

... — не боюсь, не боюсь.. смотри строже... не боюсь...

И как-то странно в эти слова вплетались яркие беспорядочные образы того, что он сам когда-то передумал или читал о смерти. Весь в красном пламени мелькнул „Каин" Байрона в позе задумчивого Мефистофеля, как у Антокольского. И „Каин" горько бросил ему:

— „Я живу для того лишь, чтобы умереть".

А Наумчик миллионами голосов закричал ему:

... — лжешь, лжешь, лжешь...

Потом весь в белом, с черными тучами, клубившимися у ног, проплыл Сократ с чашей яда в руке. Он провозглашал:

—„Жизнь философа—постоянное размышление о смерти".

И ему Наумчик закричал:

— Не прав, не прав... Жизнь—борьба... жизнь—наслаждение борьбой... стремление вверх...

Сократа сменил Платон, с большой бородой. Он доказывал бессмертие души. А Наумчик знал, что он доказывает из страха смерти. Строгое прекрасное лицо ее стояло над всеми образами и по-прежнему вопрошающе смотрела на него. И он кричал в него все так же миллионами голосов.

...— Не боюсь, не боюсь, не боюсь...

И вдруг мелькнул Толстой в той позе, как был изображен на фотографии, висевшей над столом Наумчика. Ярко метнулись желтые иссохшие ноги Ивана Ильича.

— А он? А он?—вдруг похолодел Наумчик.

...— Он тоже не испугался в решительный момент... может быть, прав он, а не я?..

...— Нет, я, я...—торжествующе, без звука во вне, закричал он.— Я не боюсь не потому, почему Иван Ильич... Иван Ильич увидел какой-то манящий свет, а этого света не было... обманул себя он... я не боюсь и без этого света... да, да, не боюсь... не боюсь...

Все чаще происходили перебои в работе мышления. Черные облака бежали уже не изредка, а грядами. Еще пронесся Марк Аврелий с лицом кротким как у Христа. И почему-то его сопровождала комнатная пушистая болонка. Она ожесточенно лаяла на него, а он на коленях просил у нее примирения со смертью. Потом пронесся сам Христос. Потом опять черные облака. Потом опять сверканье и блеск... Теперь стремились с бешеной скоростью только красные угасающие звезды, да бесформенные метеоры. Наумчик уже не улавливал их смысла, но все кричал:

...— Лжете, лжете, лжете...

И вдруг все мысли окончательно склубились крутящимися черными облаками. Вспыхнул последний нестерпимый блеск. И сразу все образы разорвались в миллионы, в миллиарды искр. Образовался стремительный сверкающий вихрь. Потом из всех углов жадно прыгнула притаившаяся тьма...

Наумчик потерял сознание...

XVIII.

Дикие неуправляемые силы жизни, лежащие глубже разума и самых истоков сознания, овладели телом. До самого момента потери сознания Наумчик лежал почти неподвижно и только изредка, в такт особенно острой мысли с губ срывался стон и Наумчик делал судорожные движения. А теперь метался непрерывно, вскакивал и широко открытыми глазами смотрел на подбегавшую и постоянно дежурившую сиделку.

С каждым часом бред и метание нарастали. Его привязали простыней к кровати. Ночью он разорвал простыню и побежал к окну. Едва, едва успели схватить. Он сопротивлялся с безумными глазами, весь переполненный горячей, дикой силой...

Его все таки одолели и надели смирительную рубашку. Спеленутый, он быстро-быстро говорил, рвался из оков и мучительно выл, как страдающий зверь.

Потом бред стал ослабевать... его развязали...

День сменялся ночью, ночь—днем. Протекло четверо суток.

XIX.

Наумчик открыл глаза с приготовившимся войти в мысль ощущением, что внезапно выпрыгнул из глубокой черной ямы на яркую, залитую солнцем поляну. По всему телу ручьями разливалась кипящая энергия и играющая радость. И сразу, как только открылись глаза, радость оформилась в мысль:

— Кризис был... благополучно прошел.

Над ним стояли доктор, сестра и няня. Все трое с непередаваемой улыбкой смотрели на него.

— Выкарабкались мы, - сказал доктор.

— Знаю,—слабо, но внятно отвечал Наумчик,—а сегодня не праздник?

На приятном, особенно, по докторскому, свежем и чистом лице вокруг глаз залучились морщинки.

— Нет, не праздник, но сегодня ваше воскресенье.

— А сколько времени я был без сознания?

— Четыре денечка.

— Четыре дня?

— Да... не волнуйтесь, голубчик... Вы выздоравливаете...

Но Наумчик и не волновался. Он с любопытством искал в себе ощущений, которые, хотя бы косвенно, подтверждали слова доктора.

Таких указаний не находилось. Напротив бред, простыни, все это казалось вчера.

Наумчик с сожалением подумал:

— Четверо суток, самых интересных, вычеркнуты... жаль...

Доктор ушел. Вошла вторая няня. В руках у ней молоко и кашица. Молоко блеснуло особенно бело, и Наумчик оттого почувствовал мучительный голод. По руке пробежало инстинктивное усилие схватить, но она почему-то осталась неподвижной.

— Что это? Что это?—с изумлением подумал он.—Во всем организме жизнерадостность и ощущение силы, а не могу сделать слабого движения?

Не веря себе, он сделал попытку привстать, но только голова слабо метнулась, а туловище осталось неподвижным.

— Чорт возьми, какая неприятная штука!—опять подумал он и сказал вслух:

— Сестрица, я голоден... и какая у меня температура?

— Утром было тридцать восемь. Хотите в общую палату?

Наумчик секунду подумал:

— Нет, не надо.

Все ушли. Оставшись один, Наумчик задумался. День за днем развертывалась как свиток вся история болезни. Он все больше и больше поражался упорству сопротивляющейся жизни...

...— Как, как глубоко заложена способность самоконтроля... пока не стукнешься лбом в самую дверь небытия...

Он вспомнил свои мысли о смерти и хотел вновь заняться ими, но почувствовал, что сейчас они совершенно не совпадают с его внутренним миром.

— Да, да, я выиграл и жизнь взяла свое...

XX.

Физическое выздоровление шло нарастающим бегом, но накопление силы и здоровья осознавалось смутно. Температура, опускаясь, дошла до нормальной; потом опустилась до тридцати четырех и на этом уровне остановилась.

В нем происходила реакция. После колоссального напряжения жизни начался ее упадок. Мысль все время находилась в состоянии полуусыпления. Не то, чтобы он забыл о своих переживаниях. Он помнил их, но они теперь не волновали. Он думал, а стук сердца не усиливался, кровь не ускоряла своего бега. Растительные процессы поглотили всю жизненную энергию и не оставили места для процессов умственных и духовных. Наумчик спал по двадцать часов в сутки. Поглощал пищу в невероятном для его нормального состояния количестве. Так как госпитального пайка не хватало, он попросил позвонить в полк и ему высылали продукты дополнительно. Благодаря всему этому он наливался жизнью, как наливается соком древесная почка весною.

На восьмой день он самостоятельно сел на кровати. Доктор пришел в ужас и сказал, что у него не выдержит сердце, а Наумчик засмеялся.

На одиннадцатый день, когда он сделал первую попытку встать, однако не удавшуюся, вошла сестра и сказала:

— Товарищ Наумчик, приготовьтесь, завтра эвакуация... наступают поляки...

XXI.

В однотонном порядке комфорте и своеобразном уюте больничной жизни Наумчик как-то умственно оцепенел. Он ни разу не вспомнил, что за стенами госпиталя существует мир, с которым он кровно связан общими страданиями и общей борьбой. Из полка его никто не посещал, а он даже не подумал об этом. Он вторично отказался от перевода в общую палату и против своей привычки не попытался уяснить себе, из какого чувства он это сделал. Бессознательно избегал длинных разговоров с посещавшими сестрами и сиделками и весь отдавался смутному дремлющему покою.

„Наступают поляки“, — это сразу вырвало его из этого покоя. Сразу мысль вскочила до обычного уровня напряженности. Ковь

быстрее понеслась по артериям. Даже чувства как-будто обострились, а над переносицей появилась исчезнувшая было вертикальная складка. Вдруг стало стыдно за свое бессилие за то, что лежит здесь оторванный от жизни и борьбы. Остро захотелось общения с людьми.

Наумчик резко позвонил. Вошла няня.

— Чего?

— Скажите сестре, чтобы перевели меня в общую палату, да принесите газеты за неделю.

— Газет нельзя без разрешения сестры.

— Так позовите ее... только скорее...

У сестры Наумчик долго просил газет. Оказалось, что без разрешения доктора дать нельзя. В переводе в общую палату сестра также отказала. Рассерженный Наумчик попросил комиссара. Комиссар в неурочное время притти отказался. Сестра ушла. Наумчик проводил ее гневно-грустными глазами.

Но в нем уже пробудилась его энергия и воля. Наумчик сел, спустил ноги и попробовал встать. В глазах заметались черные пятна, сердце забилось сильно до боли, но он встал, уцепившись судорожно за железные прутья кровати.

Закрыв глаза, он думал, что пройдет. Но в темноте замелькали огненные пятна, а голова закружилась сильнее...

...— Отдохну немного... пройдет...

Действительно, через полминуты кружение головы прекратилось, но вместе с тем и общие краски дня как то посерели и потускнели. Появилась огромная слабость, ноги задрожали, а к горлу подступила тошнота.

Напрягая волю, он протянул руку, пытаясь дотянуться до дверной ручки. Ноги задрожали еще сильнее. Опять появилось мгновенное кружение головы. Прокусив губы, он все же дотянулся до ручки одной рукой.

С дрожью от напряжения во всем теле он и другой рукой отделился от спинки кровати. И сразу потолок качнулся и стал падать боком. Заскрипев зубами, Наумчик удержался на ногах.

На крашеный пол с прокушенных губ упала черная капля крови. Упала и расползлась. Наумчик другой рукой ухватился за косяк двери и всем туловищем сделал шаг.

Неверными усилиями он нажимал ручку вниз, не видя самой ручки, а ручка не опускалась. Наконец, дверь без шума открылась.

Вытянув только голову, он смотрел. Как в тумане, направо и налево тянулся широкий коридор. Направо через открытую дверь ярко, но неясно белела безграничная комната. Где то далеко, далеко луч солнца ударялся в белую стену и она блестела. На кроватях лежали и сидели серые фигуры без лиц.

Наумчик обратился к одному из больных, курившему в коридоре:

— Товарищ... газет мне... пожалуйста...

Больной выронил папиросу изо рта.

— Газет принести?

— Да, да... последних...

— Сейчас, товарищ...

Через полминуты он возвратился, неся четыре газеты.

— Вот все свободные в нашей палате.

— Бла...годарю... по...могите до кровати... и не закрывайте дверь.. уйдете когда...

Поглядывая сбоку на пепельно-серое лицо трясущегося Наумчика, больной осторожно помог ему добраться до кровати.

Лишь только лег, как сердце забилось с такой силой, что почувствовалось знакомое ощущение разрыва. Страшная боль в сердце заставила закрыть глаза. Голова закружилась до тошноты. От утомления как-будто рассыпался на отдельные члены.

Наумчик не мог читать с таким трудом добытые газеты. Тщательно спрятал их под одеяло и затих, стараясь перебороть боль в сердце.

XXII.

С утра следующего дня началась необычная для госпиталя суета. Шмыгали сердитые сиделки, разнося по палатам ворохи одежды для больных. У многих не хватало вещей. Слышно было, как в соседней палате вспыхнул недовольный шум. Требования замены сопровождались матерными ругательствами. Наумчик болезненно ко всему прислушивался и нетерпеливо ждал, когда принесут одежду ему.

Одежду принесли сразу после обеда и бросили на кровать.

Часа через два вошли сестра и двое санитаров.

Сестра принесла револьвер и бумажник. Положила их в вещевой мешок Наумчика. Санитары всунули Наумчика в шинель и повели под руки.

На дворе он увидел только одно огромное высокое небо и больше ничего. Лишь странно, как-то в пространстве, еще мелькнула надпись: „Канцелярия". И Наумчику показалось, что он видел ее тысячу лет назад.

И вдруг перед ним двуколка. Бросилась в глаза серая палатка поставленная на ней. Наумчик хотел подумать еще о чем-то связан' ном с палаткой, но огромное высокое небо скрылось. Он очутился на соломе в полутемноте.

Через секунду он понял, что в палатке лежат еще двое. Наумчик приготовился им что-то сказать, но почувствовал, что движется. Двуколка, лишенная рессор, запрыгала по камням шоссе. Резкие толчки едва не вырвали у него стона. Двое других протяжно застонали. Голова Наумчика беспомощно билась о дно двуколки. Сразу к горлу подступила тошнота. Сделалось худо и он лишился сознания.

От госпиталя до вокзала было полверсты. Но когда Наумчик очнулся, густая темнота окружала его. Он догадался, что очнулся только потому, что прямо над ним в черной вышине мигал тусклый фонарь. Где-то гудел ветер. Наумчик упорно смотрел на мигавший в черном воздухе фонарь и, напрягая мысль, старался понять, реален ли этот фонарь или он светит где-то внутри него. И вдруг неожиданно услышал завывание ветра. Слуховое впечатление сразу создало уверенность, что все это реально.

Тогда он попытался оглядеться и смутно понял, что лежит на щелистых досках железнодорожной платформы в груде других больных. Из темноты и тишины ярко стали выделяться негромкие стоны, проклятия войне, Советской власти, порядкам. Звуки закипали над явственно копошившейся кучей больных.

Потом он смутно увидел зачерневшую на путях цепь ровных вагонов. Вздрогнул от раздавшегося где-то пронзительного паровозного свистка. Вдруг сделалось холодно. Зубы застучали друг о друга.

Наумчик закрыл глаза. Сразу понеслись огненные пятна, похожие на фонарь. Тонко клюнула в голове почти призрачная мысль: „скорей бы подошли вагоны"... Потом все смешалось.

Всю ночь лежал Наумчик на платформе. Вагоны подали только под утро. Наумчик уже не слышал ни сдержанного грохота колес медленно подходившего поезда, ни паровозного свистка. Не слышал так же, как его внесли в вагон и не раздевая положили на подвешенную койку.

XXIII.

Госпиталь, куда по плану эвакуации были назначены больные, отстоял от Орши в 130 верстах. Эти 130 верст ехали трое суток. Из разбитых окон вагона дуло, втекали струйки дождя. Больных кормили только воблой и хлебом.

Наумчик все время находился в какой-то летаргии. Чаще всего он лежал с открытыми глазами но тем не менее ничего не видел и не слышал. Зрительные и слуховые впечатления совершенно не воспринимались. Во внутренних областях сознания также была пустота.

Утром на четвертый день поезд остановился на конечной станции. Целый день происходила выгрузка. Потом больных везли на двуколках каким-то парком. Перед бараками их свалили прямо на сырую осеннюю землю. Лежали до темноты. Потом по одному вносили в канцелярию, переписывали, мыли опять и разносили по палатам.

Наумчик не выходил из своей летаргии С открытыми, остановившимися глазами он лежал в двуколке, потом перед бараками. Такого-же неподвижного его раздевали, мыли, несли какими-то коридорами. На мягкой кровати, в тепле он первый раз за все четыре дня заснул.

XXIV.

Проснулся он в средине ночи, широко открыл глаза и стал всматриваться в незнакомую комнату. На столике в углу тускло горела керосиновая лампа и призрачно освещала белевшую фигуру сиделки, спавшей головой на столе. Комната обширная, с низким потолком. По стенам неясно чернеют ряды кроватей. Слышен бред, стоны в полусне, бормотанье. За черными окнами жалобно шумят деревья, а к самым окнам из черной темноты припадает и тонко гудит огромный ветер.

Неожиданно Наумчик вздрогнул. Рядом с ним раздался мучительный стон. Потом на кровати, опираясь на руки, приподнялась белая фигура и быстро быстро заговорила. Сиделка вскочила и подбежала, но фигура уже опять упала и выла по-звериному. Наумчик смотрел и прислушивался, весь похолодев, и вдруг внутри разлилась горячая уверенность, что сам он здоров, здоров, здоров...

. . . .

Утром пришла сестра и измерила температуру. Оказалось 38,2. Наумчик радостно заулыбался этому и сказал:

— Я знал, что у меня не больше.

— Ну, ну смотрите,—возразила сестра,—завтра будет 40.

— Нет, нет, уж теперь не будет,—все так же улыбаясь ответил Наумчик.

Днем он рассмотрел своего бредившего ночью соседа. Тот лежал, сплошь закрытый одеялом. Но под одеялом громоздились круп-

ные, тяжелые контуры тела. Дощечка у него говорила, что это Франц Гольден, военнопленный, болеет сыпным тифом.

Наумчик долго смотрел на дощечку и опять почувствовал, что он здоров, здоров, здоров. Вздохнул и отвернулся.

XXV.

Чувство к жизни, вызываемое возвращением физических сил, неудержимо росло в нем. Смущал только странный перерыв в воспоминаниях о своей болезни. Наумчик никак не мог вспомнить, что с ним было с того момента, как в двуколке он потерял сознание, и до того, как он ночью очнулся здесь в палате.

Строго говоря, это не был абсолютный перерыв. Какие-то, неуловимо тонкие, странные тени-ощущения бродили в нем, но они совершенно не попадали в освещенную памятью сферу сознания, совершенно не оформлялись в мысль. Иногда он как-будто приближался к тому, чтобы схватить, ощупать их. Тогда в них чувствовалось что-то ритмическое, зыблющееся и гудящее. Но ближе осязать не удавалось.

Через десять дней после прибытия он мог ходить, опираясь на палку. Еще через две недели врач на вечернем обходе сказал:

— Ну-с, через две недельки на комиссию...

Медленно тянулись последние две недели. С каждым днем Наумчик чувствовал в себе накопление жизненной энергии и бодрости. Оно далеко опережало его физическое состояние. Неудержимо порывало скорей покинуть умирающие стены госпиталя и броситься в привычный мир борьбы и кипучей жизни. В долгие октябрьские ночи, смотря на тусклую лампу блестевшими от волнения глазами, он думал, что мы, люди сегодняшнего дня, должны чувствовать себя счастливыми, несмотря на наши колоссальные невзгоды, на беспримерные в истории страдания...

... — ведь мы же непосредственные участники в величайшем творческом напряжении человечества...—шептал он и его самого обжигали собственные слова.

Нередко он вспоминал и свой бред, свои мысли о смерти и чувствовал, что он теперь понимает, почему у него не оказалось страха смерти...

... — я не боюсь, не боюсь ее потому, что я только единица в миллионе... Как отрадно думать, что в лучшем будущем будет и твоя доля усилий, будет миг и твоих страданий, будет и твоя капля крови. Что значит сознание личного бессмертия в сравнении с этим сознанием?... Вот эта тусклая лампа в сравнении с гигантским солнцем?.. Те, которые придут после нас—наши внуки, правнуки позавидуют нам и скажут: „они были счастливые, несмотря на великий ужас их жизни... были счастливы нашим счастьем. Они—подлинные гордые дети земли, первые разрешили туманные споры с небом, поставив себе великую задачу низвести небо на землю. Да будут имена их, да будет память о них священна в нашей песне торжествующей жизни, в наших преданиях, пока живет род человеческий"...

Так думал Наумчик в долгие октябрьские ночи и все больше сгорал в страстном желании поскорее покинуть тесные стены госпиталя.

. . . .

Прошли и эти две недели. Была половина октября. Выпал преждевременный глубокий снег. В гармонии ему стояли трескучие пятнадцатиградусные морозы. Наумчик шел по дорожке между притихшими соснами зимнего парка и думал:

— Я много выиграл в игре со смертью. Теперь будет чем расплатиться в случае проигрыша в игре с жизнью... Да здравствует жизнь! Да здравствует борьба!..

Ноги еще дрожали в коленях, особенно когда поднимался на холмики, но мысли о золотом грядущем человечества придавали силы. Бодрым уверенным шагом он шел к ближайшей цели—к станции...

Отрывки из романа „Голый год“.

Борис Пильняк.

Смерть старика Архипова.

Серою нечистою мутью зачинался рассвет. На рассвете заиграл на рожке пастух скорбно и тихо, как пермский северный рассвет. И огородник Иван Спиридонович Архипов встал у себя под горой с пастушьим рожком; из глиняного рукомойника тщательно мылся Иван Спиридонович на крылечке, затем, засучив рукава сюртука своего, доил в коровнике корову,—и не пошел, не в пример другим дням, на гряды.

Нечистою мутью зачинался рассвет. В черной избе у Ивана Спиридоновича, в комнате, где можно чертить затылком по потолку и с приземистыми оконцами, стоял письменный ореховый секретэр (верно сползший с чердака волковического дома, волковический же дом как раз над головой на горе стоял, а происходили Архиповы от волковических дворовых), и диван стоял кожаный, на котором, не раздеваясь спал всегда Иван Спиридонович. Запалив две свечи на столе, отчего рассвет за оконцами посинел, сел Иван Спиридонович к столу и, в очках, с лицом худым и хмурым, читал толстую медицинскую книгу. В рассвет же проснулся на чистой своей половине и сын Архип, в кожаной куртке прошел он бодро на кухню и пил, стоя, молоко и ел ржаной хлеб. Отец книгу оставил, ходил около, не по-старчески прямо, как всегда, руки заложив за спину.

— Медицина, как думаешь,—можно ей доверять?—спросил старик безразлично и вгляделся пристально в окно.

— Медицина—наука. Можно.—А что?

— Так. Книгу у Данила Александровича брал, листовал... Жары-то, жары какие... Тоже, думаю,—можно,—Иван Спиридонович постоял у окна, пристально всмотрелся в холм с кремлем и волковическим домом, сползшим парком под самый обрыв.

В рассвет же ушел Архип в Исполком, а старик в своей комнате прилег на диван—как никогда,—не стал готовить похлебки. И лишь когда уходил сын, подходил Иван Спиридонович к окну и долго провожал сына взором, и в глазах, впалых и хмурых, были печаль и нежность.

А в девять (половина седьмого по солнцу) Иван Спиридонович, переменив старый сюртук на новый, валенки сняв, белый плат обмотав вокруг шеи и по-уши надвинув картуз с клеенчатым козырьком, пошел в больницу к доктору Невленинову. Дорога вверх шла через рощицу, пахло здесь сыростью и черемуховой вязью. Черемуховую

ветвь наклонил к себе Иван Спиридонович, упали капли росы. Иван Спиридонович оторвал кустик, понюхал листья, растер их меж пальцев и сказал вслух, задумчиво и хмуро:

— Все же жизнь—прекрасная вещь.

И так с кустиком и шел до больницы, обсаженной веселыми елочками. А в больнице сидел в кабинете доктора Невленинова за письменным столом, как у себя, неподвижно, положив локти на белую клякс-бумагу. Данила Александрович пришел с Натальей Евграфовной. И Наталья Евграфовна, в белом платье, стала тихо в стороне, у окна.

— Ты меня знаешь, Данила Александрыч, со мной говорить надо прямо,—Иван Спиридонович заговорил первым, не здороваясь.

— Делал исследование?—Рак?

— Рак,—ответила Наталья Евграфовна.

— И ошибки в этом нет?

— Нет, мы проверили тщательно.

— Стало-быть, рак!

— Да.

Иван Спиридонович скрестил узловатые свои пальцы, усмехнулся хмуро, помолчал.

— Так... Книгу твою почитал я, Данила Александрович. Там сказано, что рак желудка—болезнь неизлечимая. То-есть, стало-быть, смерть.

— Можно сделать операцию,—ответила тихо Наталья Евграфовна.

— Можно сделать, совершенно верно. Только это паллиатив-с, сами вы знаете,—говорил все время Иван Спиридонович, обращаясь к Данилу Александровичу.—Сделаете вы мне операцию, а через два месяца снова делать надо. На старость лет мне мучиться трудно. Да и года, довольно.

Иван Спиридонович помолчал.

— Ведь сам ты, Данила Александрович, знаешь... Да...—и замолчал, поперхнувшись.

Был тут один момент нехороший. Иван Спиридонович зорко следил за глазами Данила Александровича, и глаза эти, серые, большие на старческом лице, печальные и милые, вдруг ушли куда-то от темных глаз Ивана Спиридоновича. Иван Спиридонович высоко поднял свою голову, был на шее у него белый платок вместо галстуха, и показался платок этот..

— Ну, прощай, одначе...

— А как пищу вы принимаете?—спросила, поспешила спросить, Наталья Евграфовна.

— Молоко, то-есть? Стакан в день выпиваю.—Вам на прием надо, одначе... Прощайте.

— Нет, погоди, не спеши, Иван.

— Нет, прощай, Даня. Всего тебе лучшего.

Это всеми троими было сказано сразу. И было это нехорошо.

Данила Александрович оставлял Ивана Спиридоновича, тот не остался, заторопился. И лишь в прихожей, насунув картуз, повернулся Иван Спиридонович поспешно, сжал крепко руку Данила Александровича и поцеловал его.

— Смерть ведь. Дай еще поцелую.

На глаза Ивана Спиридоновича навернулись слезы. Данила Александрович крепко прижал его к себе. Через прихожую прошла Наталья Евграфовна. Иван Спиридонович отвернулся к стене, сказал глухо:

— Старики мы, молодым место надо. Пусть поживут.

В этот день, в этот час бесстрашное написал в исполкоме слово — сын, Архип Архипов,—расстрелять.

Дома Иван Спиридонович лег на диван, лицом к стене,—и так пролежал неподвижно до сына. А сын пришел в пять, т.-е. в полчаса третьего по солнцу. И вместе они провели день, в домашних делах и заботах до вечерней солдатской зори, что всегда играется в казармах в девять по солнцу. В шесть Архип Иванович таскал воду с Вологи на гряды, поливал огурцы и капусту, на Вологе просматривал жерлицы (любил рыбу ловить), новых двух насадил окуньков.—Из исполкома рассыльная принесла „Известия" и у речки Архип Иванович застрял с газетою. Шло уже солнце к западу, наползали желтые сумерки, от волковического сада вниз оседал малиновый дух, а на огородах пестрые огородницы песни орали. И в соборе били часы:—дон, дон, дон!—точно камень, брошенный в заводь с купавами. В половине восьмого—на час—уходил Архип Иванович в город и, вернувшись, прошел к себе на чистую свою половину, сел за стол и сидел, как отец, прямо очень. Отец помогал сыну, считал на счетах, складывал числа быстро и точно. Темнело медленно, небо было зеленым, потом посинело, стало хрустальным.

И тогда в казармах заиграли зорю, и девушки на огородах пели очень грустное. В зорю пригнали коров, Иван Спиридонович пошел принять и доить. А когда он вернулся, Архип Иванович уже кончил считать, сложил бумаги и стоял среди комнаты. В комнате было темно и месячный свет пал на переплет оконных рам и на пол. Был сын, как отец, невысокого роста, волосат, с бородою лопатой и стоял, как отец, руки назад заложив,—тяжелые руки. Иван Спиридонович задержался минутку у дверей и вышел, и вернулся со свечой, поставил свечу на стол, сам сел около стола, локти на стол положил.

— Архип, надо мне с тобой поговорить. Слушай,—сказал старик строго. — У ученого философа какого-то, ты помнишь, сказано, что если человеку надо два месяца умирать, да еще страдать при этом от болезни, так лучше того... самому позаботиться... Ты еще говорил, что с этим согласен, потому-де, что смерть уж не так и страшна,—говорил Иван Спиридонович тихо и медленно, туго собирая слова, голова его была опущена. Архип Иванович двинулся с места.

— Говори, отец, толком,—сказал сын покойно.—К чему говоришь? Слышишь?—и вот, когда сказал сын это „слышишь"—голос его дрогнул.

— Был я сегодня в больнице у Данила Александровича. И сказал он мне, что у меня неизлечимая болезнь—рак желудка, через два месяца мне умирать, а это время страдать и мучиться страшными муками. Понял?

Архип Иванович проделал странный круг по комнате: пошел быстро к отцу, но, сделав два шага, круто повернул к двери, но снова вернулся и стал покойно около письменного стола, у оконца, спиной к отцу.

— Ты говорил, Архип, да я и понимаю так, что лучше уж спозаранку. Говорил ты это, думаешь так?..

Архип Иванович ответил не сразу и ответил глухо:

— Да, думаю так,—сказал глухо.

— То-есть, что лучше умереть,—самому позаботиться?

— Да,—сказал глухо.

— И я тоже думаю так. Ведь умрешь - и ничего не будет, все кончится. Ничто будет.

— Только, отец,—и слово „отец“ дрогнуло больно.—Ты, ведь отец мне,—всю жизнь с тобой прожил, от тебя прожил,—понимаешь, тошно...

Иван Спиридонович повозился на стуле, точно что-то искал, затем поднялся и постоял,—и подошел к сыну, положил руки ему сзади на плечи, прижал голову к кожаной куртке, к спине.

— Знаю, понимаю. Ты мне сын. Долго думал говорить с тобой, нет ли?... Трудно. Очень трудно,—перенеси. Мне тоже трудно. Пожить еще надо бы, на тебя, на сына, посмотреть,—на дела твои, ты ведь сын мне, кровь моя... Но гнить заживо, голодать, от боли орать—не хочу, не желаю. Погляди на меня!

Архип Иванович повернулся, встретились две пары темных глаз—одни хмурые, больные, с блестящими широкими зрачками на пергаментном лице,—другие молодые, упорные, вольные. Молчали долго, и долго были неподвижны.

— Подожди, отец, я сейчас приду.

Архип Иванович вышел на двор, сел на крылечко, около рукомойника, смотрел в небо, на звезды: уже перегибался июнь на июль, сменил платиновые июньские звезды на серебро, и были звезды как полушки царя Алексея на бархате его азии. А Иван Спиридонович снова сел за стол, скрестил пальцы, смотрел на свечу. Иван Спиридонович потушил ее дуновением, зажег снова, сказал:

— Был огонь и не стало его, и опять есть. Странно.

Архип Иванович вошел через пол-часа крепкой своей походкой, сел рядом с отцом и сказал ровным, тоже всегдашним голосом:

— Я бы на твоем месте, отец, покончил бы сам. Делай, как лучше, отец, как знаешь.

Иван Спиридонович встал, встал и сын, молча поцеловались. Иван Спиридонович порылся в заднем сюртучном кармане, вынул платок носовой, еще не развернутый, развернул его, но глаз не утер, ибо были сухи они, и, смятым уже, положил платок в брюки.

— Ты живи, сын, дело свое не бросай. Женись, детей народи, сын...

Повернулся, взял свечу и ушел. Архип Иванович стоял, заложив руки назад, точь-в-точь, как отец. Затем подошел к окну, растворил его и так остался стоять до рассвета. В кремле, в кинематографе „Венеция“ играл духовой оркестр, и шли от реки туманы.

Иван Спиридонович на черной своей половине, в своей комнате, лег на диван лицом к стене и сейчас же уснул крепким сном. Рассвет пришел серою мутью, заиграл на рожке пастух, скорбно и тихо, как пермский северный рассвет, и Иван Спиридонович проснулся. Горела свеча, за окнами была туманная муть, свеча начадила и пахнуло гарью. Иван Спиридонович подумал, что во сне он ничего не чувствовал и прошли эти часы с вечера до зари совсем не страшно, как один миг. Тогда он встал и прошел в кухню, взял там из угла с полки револьвер, по дороге посмотрелся в зеркало, увидел хмурое свое и серьезное лицо, вернулся в свою комнату, потушил свечу, сел на диван и выстрелил себе в рот...

———

Кожаные куртки.

В доме Ордыниных, в исполкоме (не было на оконцах здесь гераний) — собирались наверху — люди в кожаных куртках, большевики. Эти вот, в кожаных куртках, каждый в стать, каждый красавец, каждый крепок и кудри кольцом под фуражкой на затылке, у каждого крепко обтянуты скулы, складки у губ, движенья у каждого утюжны. Из русской рыхлой корявой народности — отбор. В кожаных куртках—не подмочишь. Так вот знаем, так вот хотим, так вот поставили— и баста. Петр Орешин, поэт, правду сказал: „Или—воля голытьбе, или в поле—на столбе"!.. Архип Архипов днем сидел в исполкоме, бумаги писал, потом метался по городу и заводу—по конференциям, по собраниям, по митингам. Бумаги писал, брови сдвигая (и была борода чуть-чуть всклокочена), перо держал неумело. На собраниях говорил, слова иностранные выговаривал так:—константировать, энегрично, литифонограмма, фукцировать, буждет,—русское слово могут—выговаривал—могуть. В кожаной куртке, с бородой, как у Пугачева.— Смешно?—И еще смешнее: просыпался Архип Архипов с зарею и от всех потихоньку — книги зубрил: алгебру Киселева, экономическую географию Кистяковского, Историю России XIX века, изд. Гранат, „Капитал"—Маркса, финансовую науку Озерова, счетоведение Вейцмана, самоучитель немецкого языка и... и зубрил еще маленький словарик иностранных слов, вошедших в русский язык, составленный Гавкиным.

Кожаные куртки.

Большевики. Большевики?—Да. Так.—Вот что такое—большевики.

Белые ушли в марте. И в первые же дни марта приехала из Москвы экспедиция, чтобы ознакомиться, что осталось от заводов после белых и шквалов. В экспедиции были представители — и Отк, и Хму, и Отдела Металлов, и Гилцы, и Цепти, и Промбюро, и Р.К.И., и В.Ц.К. и проч., и проч., все спецы — на собрании в областном городе было установлено, как дважды-два, что положение заводов больше, чем катастрофично, что нет ни сырья, ни инструмента, ни рабочих рук, ни топлива, и заводы пустить нельзя. Не-ль-зя. Я, автор, был участником этой экспедиции, начальником экспедиции был К., по отечеству Лукич. Когда по поезду был дан приказ готовиться к отъезду (а были в поезде мы отрядом с винтовками), я, автор, думал, что мы поедем обратно в Москву, раз ничего нельзя сделать. Но мы поехали — на заводы, ибо нет такого, чего нельзя сделать, ибо—нельзя не сделать. Поехали, потому что неспец большевик К. Лукич очень просто рассудил, что если бы было сделано, тогда и не надо делать, а руки—все сделают.

Большевики.

Кожаные куртки.

„Энегрично фукцировать".—Вот что такое большевики. И чорт с вами, со всеми,—слышите ли вы, лимонад кислосладкий!?

Шахта № 3 на Таежевском заводе. На глубине 320, т.-е. три четверти версты под землею, палили бурки: бурильщики бурили—по пояс в воде, как кипяток—в стволе пласты, бурили бурки; запальщики заряжали бурки динамитом и палили бурки, в глубине 320, в воде, как кипяток по грудь. Надо было запальщикам нащупать в воде шнур, бурку запихнуть, нырнув, патроны,—положить над патроном пистон с гремучей ртутью и с гуттаперчевым фитилем — зажечь эти патроны, пятнадцать, двадцать.

Сигнал кверху:

— Готовы?

Сигнал вниз:

— Готовы.

Сигнал кверху:

— Палю.

Сигнал вниз:

— Пали с Богом.

Один за другим вспыхивают фитили, один за другим шипят и свищут синие огоньки над водой и ныряют в гуттаперчевую трубку под воду. Последний огонек синий свистнул и нырнул. Скачок в бадью сигнал кверху:

— Качай!

— Есть!—и бадья в дожде, во мраке, в свисте, семь сажен в секунду (предел, чтобы не умереть), мчит наверх, от смерти к свету. И внизу рвет динамит: — первый, второй, третий. — Шахта № 3, глубина 320 бурки палили двое.

— Готовы?

— Готовы.

— Палю.

— Пали с Богом.

Один кончил раньше палить, влез в бадью. Второй зажег последний фитиль (зашипели, заныряли синие огоньки), схватился за канат.

— Качай веселей!

То ли оступился второй, то ли машинист поспешил, — в дожде. во мраке, в свисте, взвилась бадья—второй остался внизу и последний огонек нырнул в воду.

И первый ударил сигнал кверху:

— Стоп! Качай книзу.

Бадья замялась во мраке, повисла в дожде.

— Качай книзу!

И тогда второй ударил сигнал:

— Качай кверху!—ибо зачем вторая смерть?

— Качай книзу.—Это первый.

— Качай кверху.—Это второй.

И бадья замялась во мраке. Каждый жертвовал жизнью—за брата. вот, тут, в глубине, где смерть и похороны одновременны.

Машинист, должно-быть, понял, что идет в шахте. Со скоростью в смерть бросил механик бадью книзу и со скоростью в смерть вынес механик бадью наружу, - под грохот динамита внизу, в смерти. И наверху—всем троим, механику, запальщикам первому и второму—захотелось выпить. Так—вот, потому что тогда не было никакой революции,—где же было „энегрично фукцировать"?

Кожаные куртки. Большевики.—В доме Ордыниных, вечером, в общежитии, разувшись и пальцы после сапог руками сладко размяв, на кровать к лампочке забравшись, как-то на четвереньках, Егор Собачкин долго брошюрку читал и обратился к соседу, в „Известиях" зарывшемуся:

— А как думашь, товарищ Макаров, жизнь людскую бытие определяеть или идея? Ведь так подумать, и в идее-то бытие?

Китай-Город.

Ночью в Москве, в Китай-Городе, за Китайской стеной, в каменных закоулках, в подворьях, в газовых фонарях—каменная пустыня. Днем Китай-Город за китайской стеной ворочался миллионом людей в котелках и всяческими миллионами вещей, капиталов, сметок, страданий, жизней — весь в котелке, сплошная Европа с портфелем. А ночью из каменных закоулков и с подворий исчезали котелки приходили безлюдье и безмолвье, рыскали собаки и матово горели фонари среди камней, и из Зарядья и в Зарядье шли люди, редкие как собаки. И тогда в этой пустыне выползал из подворий, из подворотен—тот Китай, без котелка, небесная империя, что лежит где-то на востоке за Великой каменной стеной и смотрит на мир раскосыми глазами, похожими на пуговицы русских солдатских шинелей. —Это один Китай Город.

И второй. В Нижнем-Новгороде, в Канавине, за Макарьем, где по Макарию величайшей зарницей та же рассаживалась московская дневная Ильинка, в ноябре, после сентябрьских миллионов пудов, бочек, штук, аршин, четвертей товаров, смененных на рубли, франки, марки, стерлинги и прочие,—после октябрьского разгула под занавес, разлившегося Волгой вина, икры, Венеций, „европейских", „татарских", „китайских" и литрами сперматозоидов,—в ноябре в Канавине, в снегу, из заколоченных рядов, из безлюдья, смотрел солдатскими пуговицами вместо глаз—тот ночной московский и за Каменной стеной сокрытый Китай. Безмолвие. Неразгадка. Без котелка. Солдатские пуговицы—вместо глаз.

Тот—московский—ночами, от вечера до утра. Этот—зимами—от ноября до марта. В марте волжские воды зальют Канавино и унесут Китай на Каспий.

И третий Китай-Город.

Вот. Лощина, сосны, снег, там дальше—каменные горы, свинцовое небо, свинцовый ветер. Снег рыхл, и третий день дуют ветры: примета знает, что ветер есть снег. Март. Не дымят трубы. Молчит домна. Молчат цеха, в цехах снег и ржа. Стальная тишина. И из прокопченых цехов, от мертвых машин в ржe,—глядит Китай, усмехаются, как могут усмехаться, солдатские пуговицы. Молчат фразеры и аяксы. Гидравлический пресс не стонет своим нач-эвак, нач-эвак. В прокатном на проржавевшей болванке лежит рыжий снег — разбиты стекла вверху. Турбинная не горит ночами, в котельном свистит ветер и мрак. Из литейной, у которой снарядом отъело угол, от мартена, из холодных топок—выглядывают степенно солдатские пуговицы, ушастые, без котелка.

— Там, за тысячу верст, в Москве огромный жернов войны и революции смолол Ильинку, и Китай выполз с Ильинки, пополз...

— Куда?!

— Дополз до Таежева?!

— Врешь! Вре ошь! Врее оошь!..

— Белые ушли в марте, и заводу март. Белые ушли с артиллерийским боем, все разбежались по лесам в страхе от белой чумы, лишь Красная армия, в драных шинеленках, мелкими кучками—и тысячами—перла и перла вперед. Долго после белых в механическо сборочном, в ветре на кране висел человек, зацепленный за ребра, а в шахтах по горло стояла вода и посиневшие плавали трупы.—Мартовский ветер ревел метелями и ел снег, из мартовского снега по лощине во-

круг завода и в лесах кругом, из съеденного ветром снега, торчали человеческие руки, ноги, спины — изъеденные не ветром уже, а собаками и волками. В мартовском ветре — сиротливо, в с щности — трещали пулеметы, точно старик хлопушкой бьет мух по стенам, ахали пушки.

— Дополз до Таежева?..

— Врешь! Вре-ошь! Врее-оошь!..

— Без экивоков. Завод возжил удивительно просто, — в силу экономической необходимости. Ушли белые, и из лесов, после страха, стали собираться рабочие, и рабочим нечего было есть, вот и все. Власть менялась восемь раз, — у рабочих осталась одна мать — машина. На заводе не было власти, — рабочие кооперировались артелью. На заводе не было топлива, шахты были затоплены: за заводом был конный завод Ордыниных, под ипподромом шли пласты угля, — без нарядов стали рыть здесь уголь, коксовать времени не было, и чугунное литье пустили на антраците. Машины были налажены, — первой пустили инструментальную. Не было смет на деньги чем платить рабочим, - и решили на каждого отпускать в месяц по пуду болванки, чтобы делать плуги, топоры, косы — для товарообмена. Завод — самовозродился, самовозжил. Это ли не поэма, стократ величавее воскресения Лазаря... Архип Архипов и инженерик такой, взлохмаченный, в овчинной куртке и в треухе, с поговоркой эдакой — тарарам (революция — тарарам, скандал — тарарам, белые приходили — тарарам, зубы болят — тарарам, восемь властей менялось — восемь тарарамов: первый тарарам, второй, третий ..). — Архип Архипов и инженерик этот метались по заводу, в цеха, на шахту, а в конторе вечерами грандиознейший проект писали — вырабатывали калибры и допуски нормализации. Веял по ветру черный дым мартена и полыхала ночами, в завалы, домна. — От цехов пошел скрежет железа, умерла стальная тишина.

— „Могуть энегрично фукцировать".

По списку работающих заводов, имевшемуся у экспедиции по ознакомлению с тяжелой нашей индустрией, Таежево не значилось. Экспедиция заехала на Таежево случайно, — проезжала мимо, ночью, не собираясь останавливаться, и увидела горящую домну, и остановилась, и нашла Таежево — одним из единственных...

— Там, за тысячу верст, в Москве огромный жернов революции смолол Ильинку, и Китай выпол с Ильинки, пополз...

— Куда?!

— Дополз до Таежева?!

— Врешь! Вре-ошь! Врее-оошь!!!

Днем в Москве, в Китай-Городе жонглировал котелок во фраке и с портфелем и ночью его сменял Китай, небесная империя, что лежит за Великой Китайской стеной, без котелка, с пуговицами глаз. — Так, что же, — ужели Китай теперь сменит себя на котелок во фраке и с портфелем?! — не третий ли идет на смену, тот, что—

— Могет энегрично фукцировать!

Мятель, март. — Ах, какая мятель, когда ветер ест снег!

Шоояя, шо-ояя, шоооо-яя...

Гвиину, гаау, гааау...

Гвиииуу, гвиииинууу...

Гу-ву-зз... Гу ву зз...

Глав бум! Гла-вбумм!..

Шоояя, гвиинуу, гаау... Гла-вбумм!!

Гу-ву !!.

Ах, какая мятель! Как мятельно!. Как — хо-ро шо!..

Наговоры.

К октябрю волчье прибылье не меньше уже хорошей собаки. Тишина Треснул сук Из оврага к порубке, где днем парни с Черных Речек пилили повинность, потянуло прелью, грибами, о енним спиртным. И это осеннее спиртное верно сказало, что дождям конец: будет не делю осень изливать золото, а потом в заморозках, падет снег. Бабьим летом, когда черствеющая земля пахнет, как спирт, едет над полями Добрыня - Златопояс - Никитич — днем блестят его латы киноварью осин, золотом берез, синью небесною (синью — крепкою, как спирт), а ночью, потускнели латы его, как вороненая сталь, поржавевшая лесами, посеревшая туманами, и все же червстая, четкая, гулкая первыми льдинками, блестящая звездами спаек.— Заморозок, и все же из оврага к порубке тянет последней влагой и последним теплом.— К октябрю волчье прибылье уходит от матерых, и прибылые ходят одни Волк вышел на просеку, далеко обошел дым от тлеющего костра, постоял меж сваленных берез и потек по косяку к полям, где зайцы топтали озимые В черной ночи и в черной тишине не видно было за суходолами Черных Речек. На Черных Речках в овинах девки заиграли наборную и стихли сразу, послав осенним полям и лесу визгливо-грустное. Из леса оврагом, к Николе, к Егорке шла Арина. Волк повстречался с ней у опушки и увильнул к кустам. Арина, надо быть, видела волка — вспыхнула пара зеленых огней в кустах! Арина не свернула, не заспешила. В избе у Егорки, над Черной, запахло по осеннему лекарными травами. Арина вздула жар в чугучке, зажгла свечу, липкую от воска с Егоровой пасеки,— осветилась изба, ладная, большая, с лавками по всем стенам, с расписанной печкой, с печи торчали пятки кривого Егорки-знахаря.— Прокричал полночь петух. Кошки спрыгнули на пол. Егорка повернулся, свесил белую свою лохматую голову с печи, прокричал спросонья хрипло·

— Пришла? – Аа, пришла, ведьма. Не открутисси, не отвертисси, будешь моею, заколдую, ведьма.

— Ну-к, что же, и пришла. И не пойду никогда от тебя, от косого чорта. И замучаю я тебя, и кровь я твою выпью ведьмачкую. В смерть тебя, чорта косого, вгоню.

В сенях гудели встревоженные пчелы, неубранные еще. Тени от свечного света побежали и застыли в углах. Снова прокричал петух. Арина села на лавку, кошки пошли по полу, выгибая спины, вскочили на колени к Арине. Егорка с печи соскочил, сверкнули голые ступни с пальцами как можжевеловое корье.

— Пришла? – А а, пришла ведьма. Кровь выпью..

— Ну-к, что же, и пришла, кривой чорт. Опутал, заманил, опоил.

— Сапоги снимай, на печь полезай. Раздевайси...

Егорка у ног Арины склонился, сапоги потянул, юбки поднял, и не поправила в бесстыдстве юбок своих Арина.

— Опоил, чорт косолапый. И сам опоился. Трав принесла, в сенях положила.

— Опоился, опоился... Никуда не уйдешь, моя будешь, никуда не уйдешь. не уйдешь, девка...

Залаяли под навесами собаки — надо быть мимо прошел волк. И опять прокричал петух. третьи петухи. Ночь шла в полночи.

К заморозкам на Черных Речках поуправились с полями, попрятались по избам,— мужичья жизнь замирает вместе с землей. Бабы

домолачивали на гумнах, и девки после летней страды, перед свадьбами огуливаясь, не уходили вечерами с гумен, ночевали в овинах, гурьбами, топили земляные овинные дымные печи, орали до петухов ядреные свои сборные стало быть, и парни, что днем ходили пилить дрова, вечерами тискались у овинов. Шел над полями Добрыня, метал пригоршнями по ледяной осенней небесной тверди белые звезды (падали иные из них на черную землю), лежала земля уставшая, безмолвная,—как вороненая сталь лат Добрыни, поржавели стали леса ми, звенят застежками льдинок, белеют плесенью последних туманов.—Вечером девки в овине орали наборные, ребята пришли с тальянкой, девки овин заперли, ребята в овин вломились, девки завизжали бросились по углам, забились в солому, ребята догнали ловили, мяли, целовали, обнимали. Буро из овинной печной ямы поблескивала зола, слетел дым, солома шуршала по зимнему.

— Чи-ви-ли ви ли, ви ли,—
Каво хочешь бери. .—

заиграла девка в углу прохочную, сдаваясь. Пошли в проходные, становились степенно в круг. Пиликнула гармонь. Девки фыркали в строгости.

— Журавли вы длинноноги,
Не нашли пути-дороги

заиграли девки.

Кроме дыма запахло взбитой соломой, потом, овчиной. Первые на деревне прокричали петухи Упала над землею звезда.

Алексей Семенов Князьков-Кононов догнал Ульянку Кононову в черном углу на соломе, где пахло соломой, рожью и мышами. Ульянка упала, пряча губы. Алексей ступил коленом к ней на живот, отнимая руки, упал, ткнулись руки его в грудь Ульянки, голова Ульянки запрокинулась,—губы были мокры, солены, дыхание было горячо, запахло потом горько, и сладко, и пьяно.

— Чи-ви-ли, ви ли, ви ли...

Златопояс Добрыня разметал по небесному льду белые звезды, в безмолвии полегла уставшая земля, спала деревня,—над рекой, с лесом по правую руку, с полями слева и на задах,—приземистая, в избах, глядящих долу слепыми, в бельмах, своими оконцами при есанных соломенными крышами по-стариковски. Парни заночевали в соседнем, рядом с деньим, овине. Уже после вторых петухов вышел Алексей из овина. Меркнущей свечой светил над крышей месяц, земля посолилась инеем, хрустнул под ногами ледок, деревья стояли как костяные и чуть приметно полз белый среди них туман. Девий овин стоял рядом, немотствовал, поблескивала солома на гумне. И сейчас же за Алексеем скрипнула воротина у девьего овина, и в лунный свет вышла Ульянка. Алексей стоял во мраке.

. . . .

Первый раз почуял в этот вечер Алешка бабу, без игры.

И два дня до Покрова, ночью выпал первый,—на несколько часов,—снег. Земля встретила утро зимою, багряной зарею. Но вместе со снегом пришло тепло, а день посерел, как старуха, был ветрен, бездомен, вернулась осень. В этот день перед Покровом на Черных Речках у речки топили бани.—На рассвете девки босиком по снегу, с подоткнутыми подолами таскали воду, топили весь день курные печи, В и бах старшие разводили золу, собирали рубашки, и к сумеркам семьями пошли париться—старик, мужики, деверья, сыновья,

ребята, матери, жены, снохи, девки, дети. В банях не было труб, в дыму, в паре, в красных печных отсветах, в темноте толкались белые человечьи тела, мужские и женские, мылись одним и тем же щелоком, спины тер всем большак и окупываться бегали все на реку, в сырой вечерней изморози в холодном ветре.

И Алешка Князьков в этот день на рассвете ходил к Николе, к Егору—кривому знахарю. Лес на рассвете был безмолвен, туманен, страшен, и колдун Егорка нашептывал страшно: „В бане, в бане, говорю в бане"... —Вечер пришел сырой и холодный, ветер свистал на все лады и переборы. Вечером Алеша караулил у Кононовой гнилой бани. Выскочила очумевшая молодая, нагишом, с распущенными косами, бросилась к реке и оттуда побежала на гору к избе, белое тело ее растворилось во мраке. Выходил два раза старик, кряхтя окупывался в речке и вновь уходил париться. Мать под мышками таскала на реку ребятишек. Ульянка в бане задержалась одна, убирала баню. Алексей пробрался в сенцы и зашептал в великом страхе нашептанное Егором:

— Стану я, Лексей, на запад хребтом, на восток лицом. Позрю, посмотрю, со ясна неба летит огнева стрела. Той стреле помолюсь, той стреле покорюсь, вопрошу ее: куда послана, огнева стрела?— „Во темны леса, во зыбучи болота, во сыро корье".—Гой еси ты, огнева стрела. Полетай ты, куда я пошлю: полетай ты ко Ульяне, ко Кононовой, ударь ей в ретиво сердце в черну печень, во горячу кровь, в станову жилу, во сахарны уста, чтобы она тосковала, горевала обо мне при солнце, при утренней заре, при младом месяце, при ветре-холоде, на убылых днях и на прибылых днях, чтобы она целовала меня, Алексея Семенова, обнимала, блуд со мною творила. Мои слова полны и наговорны, как велико море-океан, крепки и лепки, крепчая и лепчая клею, твержая и плотняя булату и камню. Во веки веков. Аминь.

Ульянка подтирала пол, проворила, играли легко мышцы на крепком ее крестце.—Вдруг ударило угаром в голову,—заговор ли затуманил?—отворила дверь, прислонилась к косяку истомно и покорно, дышала холодным воздухом, улыбнулась слабо, потянулась, сладко шумело в ушах, обдувал отдохновенно холодный ветер,—с горы крикнула мать:

— Ульянка, скореича, коров доить.

— Си-ча-ас,—заспешила хлюпнула раза три тряпкой по полу, плеснула в угли, накинула рубашку и, поднимаясь на гору, запела озорно:

— Не пойду в Озерки замуж,
— Не буду страмица-я,
Не поеду борновать,
Не буду пылница-а...

В темном хлеве под навесом тепло, пахло пометом и потом коровьим. Корова стояла покорно, Ульянка подсела на корточках, жикало в подойник молоко, соски у коровы были мягки, корова вздохнула глубоко...

И на Покров у обедни в темной церкви, среди тонконогих и темноликих святых творила Ульянка несложную свою девичью молитву:

— Мати пресвятая Богородица, покрой землю снежком, а меня женишком.

И снег в тот год выпал рано, зима стала еще до Казанской.

Разговоры.

Мели ветры белыми мятелями, застилались поля белыми порошами, сугробами, задымили сизыми дымами избы. Уже давно отошла та весна, когда, с молебном, с семьями на телегах, на три дня ездили мужики громить барские усадьбы, — той весной отполыхали помещичьи гнезда красными петухами, до тла, навсегда. Потом исчезли керосин, спички, чай, сахар, соль, товары, городская обужа, одежда, — в предсмертной судороге задергались поезда, замирая в предсмертной агонии заплясали пестрые деньги, на станцию проселок порос подорожником.

— Снег падал два дня, ударил морозец, лес поседел, побелели поля, затрещали сороки, — с морозами, ветрами, снегом и полысел Златопояс-Добрыня, — первопуток лег легкий ладный. Той зимой усердно махало поветрие черным платом по избам, сыпало тифами, оспой, знобами, и с первопутком приехали киржаки, привезли гроба. День был к сумеркам, серый, гроба были сосновые, всех размеров, лежали в розвальнях горами, один на другом. Киржаков на Черных Речках увидели еще за околицей, у околицы встретили бабы. Гроба раскупили в один час. Киржак отмеривал баб саженью, давал четверть походу. Первым к торгу подступился старик Кононов-Князьков.

— Почем, к примеру, цена-т-от? — сказал он — Гробы, к примеру, покупать надо-ть... надо-ть покупать, — в городу теперь недостача. Мне надо-ть, старухе — и так к примеру, каму придется.

Тогда старика Кононова перебила Никонова баба, замахала локтями, заговорила:

— Ну, цена-то, цена-то кака?

— Цена известно, мы на картофель, — ответил киржак

— Знамо, не на деньги. Я три гроба возьму. А то помрешь — забота. Все покойней.

— Одно дело, к примеру, покойней, — перебил Кононов. — Ты погоди, бабочка я постарше... Ну-ка, милок, отмерь меня, какой я росточком вышел, отмерь. Помирать, — все у Бога за пазухой, к примеру, ежели помирать.

Бабы бегали за картошкой, киржак отмеривал, парнишки взваливали гроба на головы — растаскивали с гордостью по избам, долго в избах рассматривали гробяную доброту, примеривались ко гробам и ставили их потом в сенцах на видное место, у кого два, у кого три. Посинели по зимнему, мертво, в морозе снега, засветились избы лучинами, на задах заскрипели ворота и бабьи шаги шаги к сараям за сеном скотине на ночь. Никонова баба позвала киржаков к себе. Со степенностью, без прибауток продавали гроба киржаки, — в избе, убрав лошадей, за чаем, разувшись, распоясавшись — оказались гостями веселыми, прибауточниками, на все руки. Никон Борисович, хозяин, сельский председатель, с бородою от глаз сидел у светца, щепал лучины, вставлял одну за другой в рогулину над корытом, угощал гостей любезных и толковал:

— Теперь, все-таки, сами, одни... Умрешь, а гроб вот-от, на охоту ехать, собак не кормить... Бунт, все-таки. Время смутная Советская власть — городам значит крышка... Вот за солью собираются наши на Соль Вычегодскую...

Баба Никонова, в плисовой безрукавке и в поневе лилового горошка, рогатая по старине, с грудями, выпирающими как вымя, да и

с лицом по коровьи дебелым, сидела за станом, хлопала-ткала. Чадно светила лучина, освещала мужичьи бородатые лица, кругом в полумраке и дыме расставленные (поблескивали глаза красными отсветами лучинного красного света). На печи, десяток друг на друге, бабы лежали. В углу за печкой, в закуте, лениво мекал теленок. Новые приходили киржаков посмотреть, уходили бывшие,—дверь клубилась паром, несло холодом.

— Чу-гу-унка,— говорил в презрении величайшем Никон Борисович.—Чу-гу унка, се таки. Хучь бы ей издохнуть.

— Одна ваторга,—ответил Климанов.

— Нам она, к примеру, не нужна,—подтвердил дед Кононов.— Господам, к примеру, нужна ездить по начальству, либо в гости. А мы сами, к примеру, без буржуев, значит.

— Чу-гу унка,—сказал Никон Борисович.—Чу-гу-унка, все-таки... Жили без ей—и проживем. А—то о о... Однова в году в город ездил, все-таки, день на станции караулил раз пять котомку развязывал,— „какое твое продовольствие, а то прикладом"...—Ну, влезли на крышу, поехали... стоп... „Какой такой твой мандат? Показывай".. Что, я баба что ли?.. Показал бланток. Рассердился. Так и так вашу мать, говорю, ребятов везу в Красную армию, буржуев бить, все-таки. Я, говорю,—мы за большевиков стоим, за советы, а вы должно коммунисты?.. Пошла часать... се-таки обидно...

Ночь Тлеет тускло лучина, тлеют оконца Никоновой избы, спит деревня ночным сном, метет белыми снегами белая мятель, небо мутно. В избе, в полумраке, кругом у лучины, в махорочном дыме, сидят мужики, с бородами от глаз (поблескивают глаз красными отсветами). Дымит махорка, красные огоньки тлеют в углах, ползают в дыму перекладины потолка. Душно, парно в бабьих телах на печи печным блохам. И Никон Борисович говорит с строгостью величайшей:

— Камуне-есты...—и с энергическим жестом, блеснувшими в лучине глазами Мы за большевиков, за советы. Чтобы по-нашему, порассейски. Ходили под господами—и будя. По-рассейски, по нашему. Сами.

— Одно дело, к примеру, мы ничего,—это дед Кононов. Пущай. И фабричных мы—ничего, примем пущай девок огуливают, к примеру, венчаются, которы с рукомеслом. А господ—того, кончать, к примеру...

Свадьба.

Зима. Декабрь. Святки.

Делянка. Деревья, закутанные инеем и снегом, взблескивают синими алмазами. В сумерках кричит последний снегирь, костяной трещеткой трещит сорока. И тишина. Свалены огромные сосны, и сучья лежат причудливыми коврами Среди деревьев в синей мути, как сахарная бумага, ползет ночь Мягкою неспешной побежкой проскакивает заяц. Наверху небо—синими среди вершин клочьями с белыми звездами. Кругом стоят, скрытые от неба, можжевельники и угрюмые елки, сцепившиеся, спутавшиеся тонкими своими прутьями. Ровно и жутко набегает лесной шум. Желтые поленицы безмолвны Месяц, как уголь, поднимается над дальним концом делянки И ночь. Небо низко, месяц красен. Лес стоит точно тяжелые надолбы, скованные железом. Гудит ветер, и кажется, что это шумят ржавые засовы. Причудливо

в лунной мути лежат срубленные ветви; сваленные сосны, как гигантские ежи, щетинятся сумрачно ветвями. Ночь.

И тогда на дальнем конце делянки, в ежах сосен, в лунном свете завыл волк, и волки играют звериные свои святки, волчью свальбу. Взвыла лениво и негромко сука, тянути горячими языками снег кобели Прибылые косятся строго. Играют, прыгают, валятся в снег волки, в лунном свете, в морозе. А вожак все воет, воет, воет.

Ночь. И над деревней, в святках, в гаданьях, в рядах, в морозе, в поседках, перед свадьбами несется удалая проходная:

— Чи ви-ли, ви-ли, ви-ли,
Каво хочешь бери...

И грустным напевом, девишническим, во имя девичьего целомудрия, сквозь слезы девичьи:

— Не чаяла матушка, как детей избыть.
Сбыла меня матушка во един часок,
Во един часок в незнакомый домок
Наказала матушка семь лет не бывати.
Не была у матушки ровно три года.
На четверто лето пташкой прилечу,
Сяду я у батюшки в зеленом саду.
Весь я сад у батюшки слезами залью
На родную матушку тоску напою.
Ходит моя матушка по новым сеням,
Кличет своих детушек, соловьятушек,—
— Встаньте вы, детушки, соловьятушки,
А и кто-й-то у нас во саду жалобно поет,
Не моя ль прегорькая с чужой тороны?
Первый брат сказал - пойду погляжу,
Второй брат сказал: ружье заряжу.
Третий брат сказал - пойду застрелю,
Меньшой брат сказал: - пойду застрелю...

На кровле — конек; на князьке—голубь; брачная простыня, наволочки и полотенца, расшитые цветами, травами и птицами; и свадьба идет, как канон, расшитая песнями, ладом, веками и обыком

Роспись. У светца старик. палит лучина, в красном углу Ульяна Макаровна—в белой одежде невеста, на столе самовар, угощения. За столом гости, Алексей Семеныч со сватьями и сватами.

— Кушайте, гости дорогие, приезжие,—это старик, строго.

— Кушайте, гости дорогие, приезжие, — это мать, со страхом и нежностью.

— Кушайте, гости дорогие, Лексей Семеныч, — это Ульяна Макаровна голосом прерывающимся.

— Не гуляла ли ты, Ульяна Макаровна, с другими парнями, не согрешила ли, не разбитое ли ваше блюдце?

— Нет, Лексей Семеныч... Непорочная я...

— А чем вы, родители любезные, награждаете дочь свою?

— А награждаем мы ее благословением родительским, - образ Казанской...

И свадьба, в каноне веков, ведется над Черными Речками, как литургия,— в соломенных избах, под навесами, на улице, над полями, среди лесов в метели, в дни, в ночи: звенит песнями и бубенцами, ходит брачка, расписанная, разукрашенная, как на кровле конек—в перах синих, как сахарная бумага.—Глава такая-то книги обыков. Стих первый и дальше.

Стих I. Когда взяты заклад, осмотрен дом, сряжена ряда и пришел девишник, тогда привозят к жениху добро, которое выкупает

жених, и сватьи убирают постель простынями и подушками из приданого в цветах и травах, и тогда уславливаются о дне венчания.

Стих 2.

Стих 3...

... Ой, мать, моя мать.
Зачем меня женишь?
Я не лягу с женой спать,—
Куда ее денешь?
— Пошли плясать, пятки отвалилися,
Девки-бабы хохотать—чуть не отелилися...

Чуу-у. Ааа-а.—Пляшет изба, как бабенка юркая, и задом и передом, визжит в небо.

— Знает ли молодая трубу открывать?
— Знает ли молодая снопы вязать?
— Знает ли соловей гнездо вить?

— Они люди нанови, им денежки надобны. Свет-коровай пришлите, денежку покажите.

— Отмерить холстины двадцать аршин.

Ууу. Ааа. Ооо. Иии В избе дохнуть негде. В избе веселие. В избе крик, яства и питие, а-иих... И из избы под навес бегают подышать, пот согнать, с мыслями собраться, с силами.

Ночь. Звезды мигают лениво в морозе. Под навесом во мраке пахнет навозом, скотным теплом. Тихо. Лишь иногда вздохнет скотина. И через каждые четверть часа, с фонарем приходит старая Алешкина, молодого Алексея Семеныча, мать посмотреть корову. Корова лежит покорно, морду уткнув в солому: воды прошли еще вчера, вот вот родит. Старуха смотрит заботливо, качает головой укоризненно, крестит корову:—пора, пора, буренушка И корова тужится Старуха—по старинной примете - отворяет задние ворота для вольного духу. За воротами пустой вишенник, вдали сарай, и тропка к сараю—в сене, подернувшемся инеем. И из темноты говорит дед:

— Я шлежу, я шлежу,—шмотрю. Жа Егор Поликарпычем, надоть, жа Егоркой—кривым жнахарем. Томица корова, томица, тае, корова.

— Беги, дедушка, беги, касатик...

— Я што. Я шбегаю. А ты карауль. Морож.

Под навесом темно, тепло. Вздыхает корова глубоко и мычит. Старуха светит,—торчат два копытца... Старуха крестится и шепчет... А дед трусит полем, к лесу, к Егорке. Дед стар, дед знает, что, если не сойдешь с проселка, не тронет волк, теперь уже огуленый и злой. Под навесом на соломе мычит и брыкает мокрый теленок. Фонарь горит неярко, освещает жерди, перегородки, кур под крышей, овец в закуте. На дворе тишина, покой, а изба гудит, пляшет на все лады и переборы.

Из книги обыков:

Стих 13. И когда уезжают в ранние и расходятся гости и в избе остаются только мать молодого и сватьи, сватьи раздевают молодую и кладут ее на брачную постель, и сами укрываются на печи. И к молодой жене приходит муж ее, и ложится рядом с ней на постель, расшитую цветами и травами, и засевает муж жену свою семенем своим, порвав ложесна ее...

Делянка. Деревья закутаны инеем и снегом, неподвижны Среди деревьев в синей мути ползет рассвет. Среди деревьев в синей мути, потрескивая сучьями, бежит трусит белый дедка, и в синей мути, вдалеке, лает волк. День бел и неподвижен. А к вечеру метель. И завтра метель. И воют в метели волки.

В конце.

День бел и неподвижен. А к вечеру—метель, злая январская. Воют волки.

Белый же дедко на печи, белый дедко рассказывает внучатам сказку о наливном яблочке.—„Играй, играй, дудочка. Потешай свет-батюшку и родимую мою матушку. Меня бедную загубили, во темном лесу убили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко". Метель кидается ветряными полотнами, порошит, трухой снежной, мутью, холодом. Тепло на печи в сказке, в блохах, в потных телах. „Пробуди меня, батюшка, от сна тяжкого, достань мне живой воды" и „пришел он в лес, разрыл землю на цветном бугорке и спрыснул тростинку живой водой, и очнулась от долгого сна дочь его красоты невиданной".—„Иван-Царевич зачем ты снял мою лягушечью шкурку,—зачем?"

— Лес стоит строго, как надолбы... и стервами бросается на него метель. Ночь. Не про лес ли и не про мятель ли сложен быль—былина о том, как умерли богатыри?—Новые и новые метельные стервы бросаются на лесные надолбы, воют, визжат, кричат, ревут по-бабьи в злости, падают дохлые, а за ними еще и еще мчатся стервы, не убывают—прибывают, как головы змея—две за одну снесенную, а лес стоит, как Илья Муромец.

Бронепоезд № 14.69.

Повесть.

Всев. Иванов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Бронепоезд „Полярный" под № 14.69 охранял железнодорожную линию от партизанов.

Остатки колчаковской армии отступали от Байкала: в Манчжурию, по Амуру на Владивосток.

Капитан Незеласов, начальник бронепоезда, сидел у себя в купе вагона и одну за другой курил манчжурские сигареты, стряхивая пепел в живот расколотого чугунного китайского божка.

Капитан Незеласов сказал:

— Мы стекаем.. как гной из раны... на окраины, а? Затем в море, что ли?

Прапорщик Обаб оглядел—наискось—скривившееся лицо Незеласова, медленно ответил:

— Вам лечиться надо.

Прапорщик Обаб был из выслужившихся добровольцев колчаковской армии, обо всех кадровых офицерах говорил:

Лечиться надо!

Капитана Незеласова он уважал и потому повторил:

— Без леченья плохо вам.

Незеласов был широкий, но плоский человек, похожий на лист бумаги: сбоку нитка, в груди - верста. Капитан торопливо выдернул новую сигарету и ответил:

Заклепаны вы наглухо, Обаб!.. Ничего до вас не дойдет!..

И, быстро отряхивая пепел, визгливо заговорил:

— Как вам стронуться хоть немного!.. Ведь тоска, Обаб, тоска! Родина нас.. вышвырнула! Думали все - нужны, очень нужны, до зарезу нужны, а вдруг ра-а-счет получайте!.. И не расчет даже, а в шею.. в шею!. в шею!.

И капитан, кашляя, брызгая слюной и дымом, возвышал голос:

— О, рабы нерадивые и глупые!.. Глупые!..

Обаб протянул длинную руку навстречу сгибавшемуся капитану Точно поддерживая валящееся дерево сказал с усилием:

— Сволочь бунтует. А ее стрелять надо. А которая глупее— пороть!

— Нельзя так, Обаб, нельзя!..

— Болезнь.

— Внутри высохло... водка не катится, не идет!.. От табаку—слю-, вонь.. В голове, как наседка, да у ней триста яиц! . Высижи-. Э-эх!.. Теплынь, па ь.. копошится теплое, склизкое, того гляди... зет. Преодолеть что-то надо, а что, не знаю, а не могу?

Женщ ну вам надо. Давно женщину имели?

Обаб тупо посмотрел на капитана. Повторил:

— Непременно женщину. В такой работе—каждомесячно. Я здо-ый каждые дне недели. Лучше хины.

- Может быть, может быть... попробую, почему мне не попро-ть?..

Можно быстро, здесь беженок много.. Цветки!

Незеласов поднял окно.

Запах о каменным углем и горячей землей Как банка с червями, а плотно набитая людьми станция. Сыро блестели ее стены, ахнутые окна, близ дверей маленький колокол.

На людях клейма бегства.

Шел, похожий на новое стальное перо, чистенький учитель, а на е у него трепалась грязная тряпица. Барышни нечесаные и одна изм ая, розовая: должно быть, жестки подушки, а, может быть, г подушек—мешок под головой.

„Портятся люди",—подумал Обаб. Ему захотелось жениться... Он сплюнул в платок, сказал:

— Ерунда.

Беженцы рассматривали стальную броню вагонов всегда немного енно, и Незеласову казалось, что разглядывают его голого. Незе-голый был сух, костляв и похож на смятую жестянку из-под рвов: углы и серая гладкая кожа.

Он оглядел в гон и сказал Обабу:

— Прикажите воду набирать... непременно, сейчас. Вечером м

— В появлении? Опять?

— Кто?

— Партизаны?

Обаб длинными и ровными, как веревка, руками ударил себя по ам

— Люблю!

Заметив на себе рыхлый зрачок Незеласова, прапорщик сказал:

— Но насчет смертей! Не убивать. А чтоб двигалось. Спокой, мясо ржавеет...

Обаб стесненно вздохнул. Был он узкоглазый, с выдающимися ми, похожими на обломки ржаного сухаря. Вздох у него—мед-ий, крестьянский.

Незеласов, закрывая тусклые веки, торопливо спросил:

— Прапорщик, кто наше непосредственное начальство?

— Генерал Смирнов.

— А где он?

— Партизаны повесили.

— Значит следующий?

— Следующий.

— Кто?

— Генерал-лейтенант Сахаров.

— А он где?

— Не могу знать.

— А где командующий армией?

— Не могу знать.

Капитан отошел к окну. Тихо звякнул стеклом.

— Кого ж нам, прапорщик, слушаться? Чего мы ждем?

Обаб посмотрел на чугунного божка, попытался поймать в мозгу какую-то мысль, но соскользнул:

— Не знаю. Не моя обязанность думать.

И как гусь невыросшими еще крыльями, колыхая широчайшими галифе, Обаб ушел.

II.

Тщедушный солдатик в голубых французских обмотках и больших бутсах, придерживая левой рукой бебут, торопливо отдал честь вышедшему капитану.

Незеласову не хотелось итти по перрону. Обогнув обшитые стальными листами вагоны бронепоезда, он пошел среди теплушек эвакуируемых беженцев.

„Ненужная Россия",—подумал он со стыдом и покраснел.

— Ведь и ты в этой России!

Нарумяненная женщина с толстым задом, напоминавшем два мешка, всунутые под юбку, всколыхнула в мозгу предложение Обаба.

Капитан сказал громко:

— Дурак!

Женщина оглянулась. Были у ней печальные потускневшие глаза под маленьким лбом в глубоких морщинках.

Незеласов отвернулся.

Теплушки обиты побуревшим тесом. В пазях торчал выцветший мох. Хлопали двери с ремнями, заменявшими ручки. На гвоздях по бокам грязных дверей висело в плетеных бечевочных мешках мясо, битая птица, рыба.

Над некоторыми дверьми—пихтовые ветки и в таких вагонах слышался молодой женский голос.

Пахло из теплушек больным потом, пеленками и подле вагонов густо пахли аммиаком растоптанные испражнения.

Ощущение стыда и далекой, какой-то таящейся в ногах злости не проходило.

Плоскоспинный старик, утомленно подымая тяжелый колун, рубил полусгнившую шпалу.

— Издалека?—спросил Незеласов.

Старик ответил:

— А из Сызрани.

— Куда едешь?

Он опустил колун. Шаркая босой ногой с серыми потрескавшимися ногтями, уныло ответил:

— Куда повезут.

Кадык у него, покрытый дряблыми морщинами, большой, с детский кулак, и при разговоре расправлялись и видны были чистые белые полоски кожи.

— Редко, видно... говорить-то приходится,—подумал Незеласов.

— У меня в Сызрани-то земля —любовно проговорил старик.— атличнейший чернозем. Прямо золото, а не земля—чекань монету!.. А вот пози же ты—бросил.

— Жалко?

— Известно жалко. А бросил. Придется обратно.

— Обратно итти далеко.. очень...

— И то говорю—умрешь еще дорогой?

— Не нравится здесь?

— Народ не наш! У нас народ все ласковый, а здесь и говорить не умеют. Китаец, так тот совсем языка русского не понимает. И как живет, Бог его знает! Фальшиво живет. Зачервивешь тут, обратно пойду. Брошу все и пойду. Чать, и большевики люди, а?

— Не знаю,—ответил капитан, идя дальше.

III.

Вечером на станцию нанесло дым.

Горел лес.

Дым был легкий, теплый.

Кирпичные домики станции, похожая на глиняную кружку водокачка; китайские фанзы и желтые поля гаоляна закурились голубоватой пеной и люди сразу побледнели.

Прапорщик Обаб хохотал:

— Чревовещатели-и!...

И, точно ловя смех, жадно прыгали в воздухе его длинные руки.

Чахоточная беженка с землистым лицом в каштановом манто, подпоясанном бечевкой, которой перевязывают сахарные головы, бегала мелкими шажками по станции и шопотом говорила

— Партизаны... партизаны... тайгу подожгли... и расстреливают...

Ее видели сразу во всех двенадцати эшелонах. Бархатное манто покрылось пеплом, вдавленные виски вспотели. Все чувствовали тоскливое томление, похожее на голод.

Комендант станции—солдаты звали его „четырехэтажным"—большеголовый, с седыми прозрачными, как ледяные сосульки, усами, успокаивал:

— А вы целомудрие наблюдайте душевное. Не волнуйтесь!

— Чита взята.

— Ничего подобного! Уши у вас чрезмернейшие. Сообщение с Читой имеем. Сейчас по телеграфу няньку генерала Нокса разыскивали!

И втыкая в глотку непочтительный смешок, четко говорил:

— Няньку генерал Нокс потерял. Ищет. Награду обещали. Дипломатическая нянька, чорт подери, и вдруг какой-нибудь партизан изнасилует.

Белокурый курчавый парень, похожий на цветущую черемуху, расклеил по теплушкам плакаты и оперативные сводки штабверха. И хотя никто не знал, где этот штабверх и кто бьется с большевиками, но все ободрились.

Теплые струи воды торопливо потекли на землю. Ударил гром. Зашумела тайга.

Дым ушел. Но когда ливень кончился и поднялась радуга, снова нахлынули клубы голубоватого дыма и снова стало жарко и тяжело дышать. Липкая грязь приклеивала ноги к земле.

Пахло сырыми пашнями и за фанзами тихим звоном шумели мокрые гаоляны.

Вдруг на платформу двое казаков принесли из-за водокачки труп солдата-фельдфебеля. Лоб фельдфебеля был разбит и на носу и на рыжеватых усах со свернувшимися темно-красными сгустками крови тряслось, похожее на густой студень, серое вещество мозга.

— Партизаны его...—зашептала беженка в манто, подпоясанная бечевкой.

В коричневых теплушках эшелонов зашевелились и зашептали:

— Партизаны... партизаны..

Капитан Незеласов прошел по своему поезду.

У площадки одного вагона стояла беженка в каштановом манто и поспешно спрашивала у солдат:

— Ваш поезд нас не бросит?

— Не мешайте,—сказал ей Незеласов и вдруг возненавидел эту тонконосую женщину. -Нельзя разговаривать.

— Они нас вырежут, капитан... Вы же знаете...

Капитан Незеласов захлопнул дверь и закричал:

— Убирайтесь вы к чорту —Пошел, пошел!.. —визгливо кричал он, обертывая матерной руганью приказания.

Где то внутри росло желание увидеть, ощупать руками тоску, переходящую с эшелонов беженцев на бронепоезд под № 14.69

Капитан Незеласов бегал внутри поезда, грозил револьвером и ему хотелось закричать громче, чтобы крик прорвал обитые кошмой и сталью стенки вагонов. Дальше он не понимал, для чего понадобился ему его крик.

Грязные солдаты вытягивались и морозили в лед четырехугольные лица. Ненужные тряпки одежды стесняли движения у стальных орудий.

Прапорщик Обаб быстро, молчаливо шагал вслед.

Лязгнули буфера. Непонятно коротко просвистел кондуктор, загрохотало с лавки железное ведро.

Пригибая рельсы к земле, разбрасывая позади себя станции, избушки стрелочников, прикрытый дымом лес и граниты сопок, облитые теплым и влажным ветром падали и не могли упасть, летели в тьму тяжелые стальные коробки вагонов, несущих в себе сотни человеческих тел, наполненных тоской и злобой.

IV.

А в это время китаец Син-Бин У лежал на траве в тени пробкового дерева и, закрыв раскосые глаза, пел о том, как Красный Дракон напал на девушку Чен-Хуа.

Лицо у девушки было цвета корня жень-шеня и пища ее была у-вэй цзы; петушьи гребешки; ма жу; грибы величиною со зрачок; чжен цзай-цай. Весьма было много всего этого и весьма все это было вкусно

Но Красный Дракон взял у девушки Чен-Хуа ворота жизни и тогда родился бунтующий русский

Партизаны сидели поодаль и Пентефлий Знобов, радостно прорывая чрез подпрыгивающие зубы налитые незыблемою верою слова, кричал:

— Бегут, братцы мои, бегут. В недуг души ударило, о-земь бьются, трепыхают. А наше дело не уснуть, а город то-он, у-ух... силен. Все возьмет!

Пахло камнем, морем О пески шебуршали сухие травы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Шестой день тело ощущало жаркий камень, изнывающие в духоте деревья, хрустящие, спелые травы и вялый ветер.

И тело у них было, как граниты сопок, как деревья, как травы; катилось горячее, сухое, по узко выкопанным горным тропам.

От ружей, давивших плечи, туго болели поясницы.

Ноги ныли, словно опущенные в студеную воду, а в голове, как в мертвом тростнике,—пустота, бессочье.

Шестой день партизаны уходили в сопки[1]).

Казачьи разъезды изредка нападали на дозоры. Слышались тогда выстрелы, похожие на треск лопающихся бобовых стручьев.

А позади—по линии железной дороги—и глубже: в полях и лесах—атамановцы, чехи, японцы и еще люди незнаемых земель жгли мужицкие деревни и топтали пашни.

Шестой день с короткими отдыхами, похожими на молитву, две сотни партизан, прикрывая уходящие вперед обозы с семействами и утварью, устало шли черными тропами. Им надоел путь, и они, часто сворачивая с троп, среди камня, ломая кустарник, шли напрямик к сопкам, напоминавшим огромные муравьиные гнезда.

II.

Китаец Син Бин-У, прижимаясь к скале, пропускал мимо себя отряд и каждому мужику со злостью говорил:

— Японса била надо... у-у-ух, как била!

И, широко разводя руками, показывал, как надо бить японца.

Вершинин остановился и сказал Ваське Окороку:

— Японец для нас хуже барсу[2]). Барс-от допреж, чем манзу[3]) жрать, лопотину[4]) с него сдерет. Дескать, пусть проветрится, а японец-то разбираться не будет—вместе с усями[5]) слопает.

Китаец обрадовался разговору о себе и пошел с ними рядом.

Никита Вершинин, председатель партизанского революционного штаба, шел с казначеем Васькой Окороком позади отряда. Широкие—с мучной куль—синие плисовые шаровары плотно обтянулись на больших, как конское копыто, коленях, а лицо его, в пятнах морского обветрия, хмурилось.

Васька Окорок, устало и мечтательно глядя Вершинину в бороду, протянул, словно говоря об отдыхе:

— В Рассеи-то, Никита Егорыч, беспременно вавилонскую башню строить будут. И разгонют нас, как ястреб цыплят, беспременно! Чтоб друг друга не узнавали. Я тебе это скажу: Никита Егорыч, самогонки хошь? А ты тала-бала, по-японски мне выкус шь! А Син-Бин У-то, разъязви его в нос, на русском языке запоет. А?..

---

[1] Сопки — покрытые травой горы (Д. Восток), но часто в В. и З. Сибири сопками называются вообще горы, возвышенности.

[2] Тигр.

[3] Китаец (обл.).

[4]) Одежда.

[5]) Род китайской обуви.

Работал раньше Васька на приисках и говорит всегда так, будто самородок нашел и не верит ни тебе, ни другим. Голова у него рыжая, кудрявая; лениво мотает он ею. Она словно плавится в теплом усталом ветре, дующем с моря; в жарких, наполненных тоской, запахах земли и деревьев.

Вершинин перебросил винтовку на правое плечо и ответил:

— Охота тебе, Васька. И так мало рази страдали?

Окорок вдруг торопливо, пересиливая усталость, захохотал:

— Не нравится!

— Свое добро рушишь. Пашню там, хлеба, дома. А это дарма не пройдет. За это непременно пострадать придется.

— Японца, Никита Егорыч, турнуть здорово надо. Набил им брюхо землей—и в море.

— Японец народ маленький, а с маленького спрос какой? Дешевый народ. Так, вроде папироски—будто и курево, и дым идет, а так—баловство. Трубка, скажем, дело другое.

В леса и сопки, клокоча, с тихими усталыми храпами вливались в русла троп ручьи людей, скота, телег и железа. На верху в скалах сумрачно темнели кедры. Сердца, как надломленные сучья, сушила жара, а ноги не могли найти места, словно на пожаре.

Опять позади раздались выстрелы.

Несколько партизан отстали от отряда и приготовились отстреливаться.

Окорок разливчато улыбнулся:

— Нонче в обоз ездил. Патеха-а!..

— Ну?

— Петух орет. Птицу, лешаки, в сопки везут. Я им баю, жрите, мол, а то все равно бросите.

— Нельзя. Без животины человеку никак нельзя. Всю тяжесть он потеряет без животины. С души-то, тяжесть...

Син Бин-У сказал громко:

— Казаки цхау-жа! Нипонса куна, мадама бери мала-мала. Нехао, казака нехао! Кырасна русска[1])...

Он, скосив губы, шваркнул слюной сквозь зубы, и лицо его, цвета песка золотых россыпей, с узенькими, как семячки дыни, разрезами глаз, радостно заулыбалось.

— Шанго [2])!..

Син-Бин-У в знак одобрения поднял кверху большой палец руки.

Но не слыша, как всегда, хохота партизан, китаец уныло сказал:

— Пылыоха-о [3])..

И тоскливо оглянулся.

Партизаны, как стадо кабанов от лесного пожара, кинув логовища, в смятении и злобе рвались в горы.

А родная земля сладостно прижимала своих сынов—итти было тяжело. В обозах лошади оглядывались назад и тонко с плачем ржали. Молчаливо бежали собаки, отучившиеся лаять. От колес телег отлетала последняя пыль и последний деготь родных мест.

Направо в падях темнел дуб, бледнел ясень.

Налево—от него никак не могли уйти—спокойное, темнозеленое, пахнущее песками и водорослями—море.

---

[1]) Казаки плохи. Японец- подлец, женщин берет. . Нехорошо. Казаки плохи..

[2]) Хорошо.

[3]) Плохо...

Лес был, как море, и море, как лес, только лес чуть темнее, почти синий.

Партизаны упорно глядели на запад, а на западе отсвечивали золотом розоватые граниты сопок, и мужики чрез просветы деревьев плыли глазами туда, а потом вздыхали, и от этих вздохов лошади обозов поводили ушами и передергивались телом, точно чуя волка.

А китайцу Син Бин-У казалось, что мужики за розовыми гранитами на западе желают увидеть иное, ожидаемое.

Китайцу хотелось петь.

III.

Никита Вершинин был рыбак больших поколений.

Тосковал он без моря—и жизнь для него была вода, а пять пальцев—мелкие ячейки сети: все что-нибудь да и попадет.

Баба попалась жирная и мягкая, как налим. Детей она принесла пятерых—из года в год, пять осеней - когда шла сельдь, и не потому ли ребятишки росли светловолосые—сереброчешуйники.

В рыбалках ему везло, на весь округ шел послух про него „вершининское" счастье, и когда волость решила итти на японцев и атамановцев,—председателем ревштаба выбрали Никиту Егорыча.

От волости уцелели телеги, увозящие в сопки ребятишек и баб. Жизнь нужно было тесать, как избы, неизвестно еще когда,—заново, как тесали прадеды, приехавшие сюда из пермских земель, на дикую землю.

Многое было непонятно—и жена, как в молодости, не желала иметь ребенка.

Думать было тяжело, хотелось повернуть назад и стрелять в японцев, американцев, атамановцев, в это сытое море, присылающее со своих островов людей, умеющих только убивать.

У пришиби [1]) яра бомы [2]) прервали дорогу и к утесу был приделан висячий, балконом, плетеный мост. Матёра [3]) рвались на бом, а ниже в камнях билась, как в падучей, белая пена стрежи [4]) потока.

Перейдя подвесный мост, Вершинин спросил:

— Привал, что ли?

Мужики остановились, закурили.

Привал решили не делать. Пройти Давью деревню, а там в сопки близко и ночью можно отдыхать в сопках.

У поскотины [5]) Давьей деревни босоногий мужик с головой, перевязанной тряпицей, подогнал охлябью игренюю лошадь и сказал:

— Битва у нас тут была, Никита Егорыч.

— С кем битва-то?

— В поселке. Японец с нашими дрался. Дивно народу положено. Японец-то ушел—отбили, а, чаем, придет завтра. Ну, вот мы барахлишко-то свое складывам, да в сопки с вами думам.

— Кто наши-то?

— Не знаю, парень. Не нашей волости должно. Хрисьяне тоже. Пулеметы у них, хорошие пулеметы. Так и строгат. Из сопок тоже.

— Увидимся!

---

[1]) Подножие яра—крутой скалистый берег.
[2]) Камни, преграждающие течение потока.
[3]) Главная сила струи потока.
[4]) Сильнейшие струи матёры.
[5]) Ограда вокруг деревни, в которой пасется скот.

На широкой поселковой улице валялись трупы людей, скота и телег.

Японец, проткнутый штыком в горло, лежал на русском. У русского вытек на щеку длинный синий глаз. На гимнастерке, залитой кровью, ползали мухи.

Четыре японца лежали у заплота ниц лицом, точно стыдясь. Затылки у них были раздроблены. Куски кожи с жесткими черными волосами прилипли на спины опрятных мундирчиков, а желтые гетры были тщательно начищены, точно японцы сбирались гулять по владивостокским улицам.

— Зарыть бы их,—сказал Окорок,—срамота.

Жители складьвали пожитки в телеги. Мальчишки выгоняли скот. Лица у всех были такие же, как и всегда—спокойно-деловитые.

Только от двора ко двору среди трупов кольцами кружилась сошедшая с ума беленькая собачонка.

Подошел к партизанам старик с лицом, похожим на вытершуюся серую овчину. Где выпали клоки шерсти, там краснела кожа щек и лба.

— Воюете?—спросил он плаксивым голосом у Вершинина.

— Приходится, дедушка.

— И то смотрю—тошнота с народом. Николды такой никудышной войны не было. Сё царь скликал, а теперь,—на чемёр тебя дери, сами промеж себя дерутся.

— Все равно, что ехали-ехали, дедушка, а телега-то—трах! Оказывается, сгнила давно, нову приходится делать.

— А?

Старик наклонил голову к земле и, словно прислушиваясь к шуму под ногами, повторял:

— Не пойму я... А?..

— Телега, мол, изломалась!

Старик, будто стряхивая с рук воду, отошел бормоча:

— Ну, ну... каки нонче телеги. Антихрист родился, хороших телег не жди.

Вершинин потер ноющую поясницу и огляделся.

Собачонка не переставала визжать.

Один из партизан снял карабин и выстрелил. Собачонка свернулась клубком, потом вытянулась всем телом, точно просыпаясь и потягиваясь. Издохла.

IV.

Мужик с перевязанной головой опять ускакал, но через несколько минут бешено выгнал обратно из переулка свою игренюю лошадь.

Тело его влипло в плоскую лошадиную спину, лицо танцовало, тряслись кулаки и радостно орала глотка:

— Мериканца пымали, братцы-ы!..

Окорок закричал:

— Ого-го-го!..

Трое мужиков с винтовками показались в переулке.

Посреди их шел, слегка прихрамывая, одетый в летнюю фланелевую форму американский солдат.

Лицо у него было бритое, молодое. Испуганно дрожали его открытые губы и на правой щеке, у скулы, прыгал мускул.

Длинноногий седой мужик, сопровождавший американца, спросил:

— Кто у вас старшой?

— По какому делу?—отозвался Вершинин

— Он старшой-то, он,—закричал Окорок.—Никита Егорыч Вершинин. А ты рассказывай, как пымали-то!

Мужик сплюнул и, похлопывая американского солдата по плечу так, точно тот сам явился, стал рассказывать со стариковской охотливостью.

— Привел его к тебе, Никита Егорыч. Вознесенской мы волости. Отряд-от наш за японцем пошел далеко-о.

— А деревень-то каких?

— Селом мы воюем. Пенино село слышал, может?

— Пожгли его, бают.

— Сволочь народ. Как есть все село, паря-батюшка, попалили, вот и ушли в сопки.

Партизаны собрались вокруг, заговорили:

— Одну муку принимам. Понятно.

Седой мужик продолжал:

— Ехали они двое, мериканцы-то. На трашпанке в жестянках молоко везли. Дурной народ, воевать приехали, а молоко жрут с шиколадом. Одного-то мы сняли, а этот руки задрал. Ну, и повели. Хотели старости отдать, а тут ишь—целая компания.

Американец стоял, выпрямившись, по-солдатски, и как с судьи не спускал глаз с Вершинина.

Мужики сгрудились.

На американца запахло табаком и крепким мужицким хлебом.

От плотно сбившихся тел шла мутившая голову теплота и подымалась с ног до головы сухая, знобящая злость.

Мужики загалдели.

— Чего-то?

— Пристрелить его, стерву.

— Крой его!

— Кончать!..

— И никаких!

Американский солдат слегка сгорбился и боязливо втянул голову в плечи, и от этого движения еще сильнее захлестнула тело злоба.

— Жгут, сволочи!

— Распоряжаются!!

— Будто у себя!..

— Ишь забрались...

— Просили их!..

Кто-то пронзительно завизжал:

— Бе ей!!.

В это время Пентефлий Знобов, работавший раньше на владивостокских доках, залез на телегу и, точно указывая на потерянное, закричал:

— Обо-жды!..

И добавил:

— Товарищи!..

Партизаны посмотрели на его лохматые, как лисий хвост, усы, на растегнувшуюся прореху штанов, и замолчали:

— Убить завсегда можно. Очень просто. Дешевое дело убить. Вон их сколь на улице-то навалили. А по-моему, товарищи,—распропагандировать его — и пустить. Пущай большецкую правду понюхат. А я так полагаю...

Вдруг мужики густо, как пшено из мешка, высыпали, хохот:

— Хо-хо-ха!..

— Хе-е-е!..
— Хо-о!..
— Прореху-то застегни, чорт!
— Валяй, Пентя, запузыривай...
— Втемяшь ему!
— Чать тоже человек!..
— На камне и то выдолбить можно.
— Лупи!..

Крепкотелая Авдотья Сещенкова, подобрав палевые юбки, наклонилась, толкнула американца плечом:

— Ты вникай, дурень, тебе же добра хочут!

Американский солдат оглядывал волосатые красно-бронзовые лица мужиков, расстегнутую прореху штанов Знобова, слушал непонятный говор и вежливо мял в улыбке бритое лицо.

Мужики возбужденно ходили вокруг него, передвигая его в толпе, как лист по воде; громко, как глухому, кричали, жали руки.

Американец, часто мигая, как от дыма, поднимал кверху голову, улыбался и ничего не понимал.

Окорок закричал американцу во весь голос:

— Ты им там разъясни подробно. Не хорошо, мол.

— Зачем нам мешать!

— Против свово брата заставляют итти!

Вершинин степенно сказал:

— Люди все хорошие, должны понять. Такие ж хрестьяне, как и мы, скажем, пашете и все такое. Японец—он што, рис жрет, для него по-другому говорить надо.

Знобов тяжело затоптался перед американцем и, приглаживая усы, сказал:

— Мы разбоем не занимамся, мы порядок наводим! У вас, поди, этого не знают за морем-то; далеко; да и опять и душа то у тебе чужой земли...

Голоса повышались, густели.

Американец беспомощно оглянулся и проговорил:

— I dont understand!

Мужики в-раз смолкли.

Васька Окорок сказал:

— Не вникат! По русски-то не знат, бедность.

Мужики медленно и, словно виновато, отошли от американца.

Вершинин почувствовал смущенье.

— Отправить его в обоз, что тут с ним чертомелиться?—сказал он Знобову.

Знобов не соглашался, упорно твердя:

— Он поймет... тут только надо... он поймет!..

Знобов думал.

Американец, все припадая на ногу, слегка покачиваясь, стоял и чуть заметно, как ветерок стога сена, ворошила его лицо тоска.

Син-Бин-У лег на землю подле американца; закрыв ладонью глаза, тянул пронзительную китайскую песню.

— Мука-мученическая,—сказал тоскливо Вершинин.

Васька Окорок нехотя предложил:

— Рази книжку каку?

Найденные книжки были все русские.

— Только на раскурку и годны,—сказал Знобов, кабы с картинками.

Авдотья пошла вперед, к возам, стоявшим у поскотины, долго

рылась в сундуках и, наконец принесла истрепанный с оборванными углами учебник закона божия для сельских школ.

— Може по закону?—спросила она.

Знобов открыл книжку и сказал недоумевающе:

— Картинки-то божественны. Нам его не перекрещивать. Не попы.

— А ты попробуй,—предложил Васька.

— Как его. Не поймет, поди?

— Может поймет. Валяй!

Знобов подозвал американца:

— Эй, товарищ, иди ка сюда!

Американец подошел.

Мужики опять собрались, опять задышали хлебом, табаком.

— Ленин!—сказал громко и твердо Знобов как-то нечаянно, словно оступясь, улыбнулся.

Американец вздрогнул всем телом, блеснул глазами и радостно ответил:

— There's a chap!

Знобов стукнул себя кулаком в грудь, и похлопывая ладонью мужиков по плечам и спинам, почему-то ломанным языком прокричал:

— Советска республика!

Американец протянул руки к мужикам, щеки у него запрыгали и он возбужденно закричал:

— That is pretty in deed!

Мужики радостно захохотали.

— Понимат, стерва!

— Вот, сволочь, а?

— А Пентя-то, Пентя-то по-американски кроет!

— Ты ихних-то буржуев по матушке, Пентя!

Знобов торопливо раскинул учебник закона божия и тыча пальцем в картинку, где Авраам приносил в жертву Исаака, а вверху на облаках висел бог, стал разъяснять:

— Этот с ножом-то—буржуй. Ишь, брюхо-то распустил, часы с цапочкой только. А здесь, на бревнах-то, пролетариат лежит,—понял? Про-ле-та ри ат.

Американец указал себе рукой на грудь и, протяжно и радостно заикаясь, гордо проговорил:

— Про ле та ри-ат... We!

Мужики обнимали американца, щупали его одежду и изо всей силы жали его руки, плечи.

Васька Окорок, схватив его за голову и заглядывая в глаза, восторженно орал:

— Парень, ты скажи та ам. За морями-то!..

— Будет тебе, ветрень,—говорил любовно Вершинин.

Знобов продолжал:

— Лежит он—пролетариат, на бревнах, а буржуй его режет. А на облаках-то—японец, американка, англичанка—вся эта сволочь, империализма самая сидит.

Американец сорвал с головы фуражку и завопил:

— Империализм, awy!

Знобов с ожесточением швырнул книжку о земь.

— Империализму с буржуями к чертям!

Син-Бин-У подскочил к американцу и, подтягивая спадающие штаны, торопливо проговорил:

— Русики ресыпубылика-а. Кытайси ресыпубылика а. Мериканысы ресыпубылика-а пухао. Нипонсы, пухао, надо, надо ресыпубылика-а. Кыра-а-сна ресыпубылика-а нада-нада [1]).

И, оглядевшись кругом, встал на цыпочки, и, медленно подымая большой палец руки кверху, проговорил:

— Шанго.

Вершинин приказал:

— Накормить его надо. А потом вывести на дорогу и пусти.

Старик конвоир спросил:

— Глаза то завязать, как поведем. Не приведет сюда?

Мужики решили:

— Не надо. Не выдаст!

V.

Партизаны с хохотом, свистом, вскинули ружья на плечи.

Окорок закрутил курчавой рыжей головой, вдруг тонким, как паутинка, голоском затянул:

Я рассею грусть-тоску по зеленому лужку.
Уродись моя тоска мелкой травкой-муравой,
Ты не сохни, ты не блекни, цветами расцвети...

И какой-то быстрый и веселый голос ударил вслед за Васькой:

Я рассеявши пошел, во зеленый сад вошел—
Много в саду вишенья, винограду, грушенья.

И тут сотня хриплых, порывистых, похожих на морской ветер, мужицких голосов рванула, подняла и понесла в тропы, в лес, в горы:

Я рассеявши пошел,
Во зеленый сад вошел.
— Э-э-эх...
— Сью-ю-ю!..

Партизаны, как на свадьбе, шли с ревом, гиканьем, свистом в сопки.

Шестой день увядал.

Томительно и радостно пахли вечерние деревья.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Эта история длинная, как Син-Бин-У возненавидел японцев. У Син-Бин-У была жена из фамилии Е, крепкая манза [2]), в манзе крашеный теплый кан [3]) и за манзой желтые поля гаоляна и чумизы [4]).

А в один день, когда гуси улетели на юг, все исчезло.

Только щека оказалась проколота штыком.

Син Бин У читал Ши цзинь [5]), плел цыновки в город, но бросил Ши-цзинь в колодец, забыл цыновки и ушел с русскими по дороге Хуан-ци-цзе [6]).

---

[1]) Россия—республика, Китай—республика, Америка плохая республика, Японец—совсем плох, надо красную республику.

[2]) Хижина.

[3]) Деревянные нары, заменяющие кровать.

[4]) Род китайского проса, употребляемого в пищу.

[5]) Книга стихов, чтение которой указывает на хорошую грамотность.

[6]) Дорога Красного Знамени, восстания.

Син-Бин-У отдыхал на песке, у моря. Снизу тепло, сверху тепло, словно сквозь тело прожигает и калит песок солнце.

Ноги плещутся в море и когда теплая, как парное молоко, волна лезет под рубаху и штаны, Син-Бин-У задирает ноги и ругается.

— Цхау-неа!..

Син-Бин-У не слушал, что говорит густоусый и высоконосый русский. Син-Бин-У убил трех японцев и пока китайцу ничего не надо, он доволен.

От солнца, от влажного ветра бороды мужиков желтовато-зеленые, спутанные, как болотная тина, и пахнут мужики скотом и травами.

У телег пулеметы со щитами, похожими на зеленые тарелки; пулеметные ленты, винтовки.

На телеге с низким передком, прикрытый рваным брезентом, метался раненый. Авдотья Сещенкова поила его из деревянной чашки и уговаривала:

— А ты не стони, пройдет!

Потная толпа плотно набилась между телег. И телеги, казалось, тоже вспотели, стиснутые бушующим человечьим мясом. Выросшие из бород мутно-красными полосками губы блестели на солнце слюной.

— О-о-о-у-у-у!..

Вершинин с болью во всем теле, точно его подкидывал на штыки этот бессловный рев, оглушая себя нутряным криком, орал:

— Не давай землю японсу у!.. Все отымем! Не давай!..

И никак не мог закрыть глотку. Все ему казалось мало. Иные слова не приходили:

— Не да-ва-й!..

Толпа тянула за ним:

— А-а-а!..

И вот, на мгновенье, стихла. Вздохнула.

Ветер отнес кислый запах пота.

Партизаны митинговали.

Лицо Васьки Окорока рыжее, как подсолнечник, буйно металось в толпе и потрескавшиеся от жары губы шептали:

— На-ароду-то... Народу-то, милены товарищи!..

Высокий, мясистый, похожий на вздыбленную лошадь, Никита Вершинин орал с пня:

— Главна: не давай-й!.. Придет суда скора армия... советска, а ты не давай... старик!..

Как рыба, попавшая в невод, туго бросается в мотню, так кинулись все на одно слово:

— Не-е-да-а-авай!!.

И казалось, вот-вот обрушится слово, переломится и появится что-то непонятное, злобное, как тайфун.

В это время корявый мужичонко в шелковой малиновой рубахе, прижимая руки к животу, пронзительным голоском подтвердил:

— А верю, ведь, верна!..

— Потому за нас Питер... ници... пал!.. и все чужие земли! Бояться нечего... Японец—что, японец—легок... Кисея!..

— Верна, парень, верна!—визжал мужичонко.

Густая потная тысячная толпа топтала его визг:

— Верна-а...

— Не да-а-ай!..

— На-а!..

— О-о-о-у-у-у!!.

— О-о!!!

. . . .

II.

После митинга Никита Вершинин выпил ковш самогонки и пошел к морю. Он сел на камень подле китайца, сказал:

— Подбери ноги, штаны измочишь. Пошто на митингу не шел, Сенька?

— Нисиво,—проговорил китаец,—мне ни нада... Мне так зынаю—зынаю все... шанго.

— Ноги-то подбери!

— Нисиво. Солнышко тепылу еси. Нисиво—а!..

Вершинин насупился и строго, глядя куда-то подле китайца, с расстановкой сказал:

— Беспорядку много. Народу сколь тратится, а все в туман... У меня, Сенька, душа пищит, как котенка на морозе бросили... да-а... Мост вот взорвем, строить придется.

Вершинин подобрал живот, так что ребра натянулись под рубахой, как ивняк под засохшим илом и, наклонившись к китайцу, с потемневшим лицом выпытывающе спросил:

— А ты... как думашь. А?.. Пошто эта, а?..

Син-Бин-У, торопливо натягивая петли на деревянные пуговицы кофты, оробело отполз.

— Ни зынаю, Кита. Гори-гори!.. Ни зынаю!..

Вершинин, склонившись над отползающим китайцем, глубоко оседая в песке тяжелыми сапогами, как у идола, тоскливо и не надеясь на ответ, спрашивал:

— Зря, что ль, молчишь-то?.. Ну?..

Китайцу показалось, что вставать никак нельзя, он залепетал:

— Нисиво!.. нисиво ни зынаю!..

Вершинин почувствовал ослабление тела, сел на камень.

— Ну вас к чорту!.. Никто не знат, не понимат... Разбудили, побежали, а дале что?..

И осев плотно на камне, как леший, устало сказал подходившему Окороку:

— Не то народ умом оскудел, не то я...

— Чего?—спросил тот.

— На смерть лезет народ.

— Куда?

— Броневик-то брать. Миру побьют много. И то в смерть, как снег в полынью, несет людей.

Окорок, свистнув, оттопырил нижнюю губу.

— Жалко тебе?

Подошел Знобов; под мышкой у него была прижата шапка с бумагами.

— Подписать приказы!

Вершинин густо начертал на бумаге букву В, а подле нее длинную жирную черту.

— Ране то пыхтел-потел, еле-еле фамилию напишешь, спасибо, догать взяла, поставил одну букву с палкой и ладно... знают.

Окорок повторил:

— Жалко тебе?

— Чего?—спросил Знобов.

— Люди мрут.

Знобов сунул бумажки в папку и сказал:

— Пустяковину все мелешь. Чего народу жалеть? Новой вырастет.

Вершинин сипло ответил:

— Кабы настоящи ключи были. А вдруг, паре, не теми ключьми двери-то открыть надо.

— Зачем идешь?

— Землю жалко. Японец отымет.

Окорок беспутно захохотал:

— Эх, вы, землехранители, ядрена-зелена!

— Чего ржешь?— с тугой злостью проговорил Вершинин:— кому море, а кому земля. Земля-то, парень, тверже. Я сам рыбацкого роду...

— Ну, пророк!

— Рыбалку брошу теперь.

— Пошто?

— Зря я мучился, чтоб опять в море итти. Пахотой займусь. Город-от только омманыват, пузырь мыльнай, в карман не сунешь.

Знобов вспомнил город, председателя ревкома, яркие пятна на пристани — людей, трамвай, дома,— и сказал с неудовольствием:

— Земли твоей нам не надо. Мы, тюря, по всем планетам землю отымем и трудящимся массам — расписывайся!..

Окорок растянулся на песке рядом с китайцем и, взрывая ногами песок, сказал:

— Японскова мидако колды расстреливать будут, вот завизжит курва. Патеха а!.. Не ждет поди, а, Сенька? Как ты думашь, Егорыч?

— Им виднее,— нехотя ответил Вершинин.

Над песками — берега-скалы, дальше горы. Дуб. Лиственница.

Высоко на скале человечек, в желтом—как кусочек смолы на стволе сосны — часовой.

Вершинин, грузно ступая, пошел между телегами.

Син Бин-У сказал:

— Серысе похудел-похудел немынога... а?

— Пройдет,— успокоил Окорок, закуривая папироску.

Син Бин-У согласился:

— Нисиво.

III.

Корявый мужичонко в малиновой рубахе поймал Вершинина за полу пиджака и, отходя в сторону, таинственно зашептал:

— Я тебя понимаю. Ты полагашь, я балда балдой. Ты им вбей в голову, поверют и пойдут!.. Само главно в человека поверить... А интернасынал-то?

Он подмигнул и еще тихо сказал:

— Я ведь знаю—там ничего нету. За таким мудреным словом никогда доброго не найдешь. Слово должно быть простое, скажем— пашня... Хорошее слово.

— Надоели мне хорошие слова.

— Брешешь. Только говорил, и говорить будешь. Ты вбей им в голову. А потом лишнее спрятать можно... Это завсегда так делается. Ведь которому человеку агромаднейшая мера надобна, такое племя... Он тебе вершком, стерва, мерить не хочет, а верста. И пусь, пусь, мерят... Ты-то свою меру знашь... Хе-хе-хе!..

Мужичонко по-свойски хлопнул Вершинина в плечо.

Тело у Вершинина сжималось и горело. Лег под телегу, пробовал уснуть и не мог.

Вскочил, туго перетянул живот ремнем, умылся из чугунного рукомойника согревшейся водой и пошел сбирать молодых парней.

— На ученье, айда. Жива-а!..

Парни с зыбкими и неясными, как студень, лицами, сбирались послушно.

Вершинин выстроил их в линию и скомандовал:

— Смирна-а!..

И от крика этого почувствовал себя солдатом и подвластным машинкам, похожим на людей.

— Равнение на-право-о...

Вершинин до позднего вечера гонял парней.

Парни потели, злобно проделывая упражнения, посматривая на солнце.

— Полу-оборот на-алева-а!.. Смотри. К японцу пойдем!

Один из парней жалостно улыбнулся.

— Чего ты?

Парень, моргая выцветшими от морской соли ресницами, сказал робко:

— Где к японсу? Сливо-б не упустить. У японса-то, бают, мо-оря... А вода их горячая, хрисьянину пить нельзя.

— Таки же люди, колдобоина?

— А пошто они желты? С воды горячей, бают?

Парни захохотали.

Вершинин прошел по строю и строго скомандовал:

— Рота-а, пли-и!..

Парни щелкнули затворами.

Лежавший под телегой мужик поднял голову и сказал:

— Учит. Обстоятельный мужик. Вершинин-то...

Другой ответил ему полусонно:

— Камень, скаля... Бальшим камиссаром будет.

— Он-то? Обязатильна.

IV.

Через три дня в плетеной из тростника траншпанке примчался матрос из города.

Лицо у него горело, одна щека была покрыта ссадиной и на груди болтался красный бант.

— В городе,—кричал матрос с траншпанки,—восстанье, товарищи... Броневик приказано капитану Незеласову туда пригнать на усмиренье. Мы его вам вручим. Кройте... А я милицию организую...

И матрос уехал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

На широких плетеных из гаоляна циновках лежали кучи камбалы, похожей на мокрые веревки угрей; толстые пласты наваги, сазана и зубатки. На чешуе рыб отражалось небо, камни домов, а плавники хранили еще нежные цвета моря—сапфирно-золотистые, ярко желтые и густо оранжевые.

Китайцы безучастно, как на землю, глядели на груды мяса и пронзительно, точно рожая, кричали:

— Тре-епенга-а!.. Капитана руска. Кра-аба!.. Трепанга-а!.. Покупайло еси!.. А-а?..

Пентефлий Знобов, избрызганный желтой грязью, пахнущий илом, сидел в лодке у ступенек набережной и говорил с неудовольствием:

— Орет китай, а всего только рыбу предлагат.

— Предлагай, парень, ты?

— Наше дело рушить все. Да. Рушь да рушь, надоело. Когда троить-то будем? Эх, кабы японца грамотного мне найти?

Матрос спустил ноги к воде, играя подошвами у бороды волны. просил:

— На што тебе японца?

У матроса была круглая, глядкая, как яйцо, голова и торчащие рязные уши. Весь он плескался, как море у лодки: рубаха, широчайие штаны, гибкие рукава, плескалось и плыло.

— Веселый человек,—подумал Знобов.—Японца я могу. Найду. понца здесь много...

Знобов вышел из лодки, наклонился к матросу и, глядя поверх леча на пеструю, как одеяло из лоскутьев, толпу, на звенящие ваоны трамваев и бесстрастные голубовато-желтые короткие кофты—/рмы китайцев, сказал шопотом:

— Японца надо особенного, не здешнего. Прокламацию пустить 'об. Напечатать и расклеить по городу. Получай. Можно по войскам ним.

Он представил себе желтый листик бумаги, упечатанный непотными знаками, и ласково улыбнулся:

— Они поймут. Мы, парень, одного американца до слезы пролли. Прямо чисто бак лопнул... плачет!..

— Может и со страху плакать.

— Не сикельди. Главное разъяснить надо жизнь человеку. Без зъяснения что с его спросишь, олово!

— Трудно такого японца найти.

— Я и то говорю. Не иначе, как только наткнешься.

Матрос привстал на цыпочки и глянул в толпу:

— Ишь, сколь народу. Может и есть здесь хороший японец, а к его найдешь?

Знобов вздохнул:

— Найти трудно. Особенно мне. Совсем людей не вижу. У меня голове-то сейчас совсем как в церкви клирос. Свои войдут, поют, остальная публика только слушай. Пелена в глазах.

— Таких теперь много...

— Иначе нельзя. По тропке идешь, в одну точку смотри, а то кружится голова—ухнешь в падь. Суши потом кости!

Опрятно одетые канадцы проходили с громким смехом; молчаво шли японцы, похожие на вырезанные из брюквы фигурки; пели орами серебро-галунные атамановцы.

В гранит устало упиралось море. Влажный, как пена, ветер, пахций рыбой, трепал полосы. В бухте, как цветы, тканые на ситце, трели серо-лиловые корабли, белоголовые китайские шкуны, лодки баков.

— Бардак, а не Рассея!

Матрос подпрыгнул упруго и рассмеялся:

— Подожди,—мы им холку натрем, белым-то.

— Пошли?—спросил Знобов.

— Айда, посуда!

Они подымались в гору Пекинской улицей.

Из дверей домов пахло жареным мясом, чесноком и маслом.

Два китайца-разносчика, поправляя на плечах кипы материй, туго етянутых ремнями, глядя на русских, нагло хохотали.

Знобов сказал:

— Хохочут, черти. А у меня в брюхе-то как новый дом строют. Да и ухнул он взял.

Матрос повел телом под скорлупой рубахи и кашлянул:

— Кому как!

Похоже было—огромный приморский город жил своей привычной жизнью.

Но уже томительная тоска поражений наложила язвы на лица людей, на животных, дома и даже на море.

Видно было, как за блестящими стеклами кафе, затянутые во френчи офицеры за маленькими столиками пили торопливо коньяк, точно укалывая себя стаканами. Плечи у них были устало искривлены и часто опускались на глаза тощие, точно задыхающиеся веки.

Худые, как осиновый хворост, изморенные отступлениями лошади, расслабленно хромая, тащили напоченные грязным бельем телеги. Его эвакуировали из Омска по ошибке, вместо снарядов и орудий. И всем казалось, что белье это с трупов.

Ели глаза, как раствор мыла, пятна домов, полуразрушенных во время восстаний. Их было совсем немного, но все почему-то говорили: весь город развален снарядами.

И другое, инаколикое, чем всегда, плескалось море.

И по-иному, из-за далекой овиди—тонкой и звенящей, как стальная проволока,—задевал крылом по городу зеленый океанский ветер.

Матрос неторопливо и немного франтовато козырял.

— Не боишься шпиков-то?—спросил он Знобова.—Убьют.

Знобов думал о японцах и, вычесывая западающие глубоко мысли, ответил немного торопливо:

— А нет! У меня другое на сердце-то. Сначалу боялся, а потом привык. Теперь большевиков ждут, мести боятся, знакомые то и не выдают.

Он ухмыльнулся:

— Сколь мы страху человекам нагнали. В десять лет не изживут.

— И сами тоже хватили.

— Да-а... У вас арестов нету?

— Троих взяли.

— Да-а?.. Иди к нам в сопки.

— Камень, лес. Не люблю... скучно.

— Это верно. Домов из такого камню хороших можно набухать. Прямо—Америка. А валяться без толку, ни жрать, ни под голову. Мужику ничего, а мне тоже, скучно. Придется нам в город итти.

— Надо.

II.

Начальник подпольного революционного комитета, товарищ Пеклеванов, маленький, веснущатый человек, в черепаховых очках, очинял ножичком карандаш. На стеклах очков остро, как лезвее ножичка, играло солнце, будто очиняло глаза, и они блестели по-новому.

— А вы часто приходите, товарищ Знобов,—сказал Пеклеванов.

Знобов положил потрескавшуюся от ветра и воды руку на стол и сказал:

— Народ робить хочет.

— Ну?

— А робить не дают. Объяростил народ, меня... гонют. Мне и то неловко, будто невесту богатую уговариваю.

— Мы вас известим.

— Ждать надоело. Хуже рвоты. Стреляй по поездам, жги, казаков бей...

— Пройдет.

— Знаем. Кабы не прошло, за што умирать. Мост взорвать хочет.

— Прекрасно.

— Снаряду надо и человека со снарядами тоже. Динамитного человека надо.

— Пошлем.

Помолчали. Пеклеванов сказал:

— Дисциплины в вас нет.

— Промеж себя?

— Нет, внутри.

— Ну у, такой дисциплины-то теперь ни у кого нету.

Председатель ревкома поцарапал свой зачесавшийся острый локоть. Кожа у него на лице нездоровая, как будто не спал всю жизнь, но глубоко где-то хлещет радость и толчки ее жгут щеки румяными пятнами.

Матрос протянул ему руку пожал, будто сок выжимая, и вышел

Знобов придвинулся поближе и тихо спросил:

— Мужики все насчет восстанья, ка-ак?.. Случай чего—тыщи три из деревни дадим сюда. Германского бою, стары солдаты. План-то имеется?

Он раздвинул руки, как бы охватывая стол, и устало зашептал:

— А вы на японца-то прокламацию пустите. Чтоб ему сердце-то насквозь грожечь...

У Пеклеванова была впалая грудь, и он говорил слабым голосом

— Как же, думаем... Меры принимаем.

Знобову вдруг стало его жалко.

„Хороший ты человек, а начальник... того",—подумал он и ему захотелось увидеть начальником здорового бритого человека и почему-то с лысиной во всю голову.

На столе—большая газета, а на ней хмурый черный хлеб, мелко нарезанные кусочки колбасы. Поодаль на синем блюдечке—две картошки и подле блюдечка кожурка с колбасы.

„Птичья еда",—подумал с неудовольствием Знобов.

Пеклеванов потирал плечом небритую щеку—снизу вверх.

— В назначенный час восстанья на трамваях со всех концов города появляются восставшие рабочие и присоединившиеся к ним солдаты. Перерезают телеграфные провода и захватывают учреждения.

Пеклеванов говорил, точно читая телеграмму, и Знобову было радостно. Он потряс усами и заторопил:

— Ну-у?..

— Все остальное сделает ревком. В дальнейшем он будет руководить операциями.

Знобов пустил на стол томящиеся силой руки и сказал:

— Все?

— Пока, да.

— А мало этого, товарищ!

Пальцы Пеклеванова побежали среди пуговиц пиджака и веснущатое лицо покрылось пятнами. Он словно обиделся.

Знобов бормотал:

— Мужиков-то тоже так бросить нельзя. Надо позвать. Выходит, мы в сопках-то зря сидели, как кура на испорченных яйцах. Нас, товарищ, многа... тысчи..

— Японцев сорок.

— Это верна, как вшей могут сдавить. А только пойдет.

— Кто?

— Мир. Мужик хочет.

— Эс-эровщины в вас много, товарищ Знобов. Землей от вас несет.

— А от вас колбасой.

Пеклеванов захохотал каким-то пестрым смехом.

— Водкой попотчую, хотите?—предложил он.—Только долго не сидите и правительство не ругайте. Следят!

— Мы втихомолку —ответил Знобов.

Выпив стакан водки, Знобов вспотел и, вытирая лицо полотенцем, сказал, хмельно икая:

— Ты, парень, не сердись—прохлаждайся, а сначалу не понравился ты мне, что хошь.

— Прошло?

— Теперь ничего. Мы, брат, мост взорвем, а потом броневик там такой есть.

— Где?

Знобов распустил руки:

— По линии... ходит. Четырнадцать там, и еще цифры. Зовут. Народу много погубил. Может, мильон народу срезал. Так мы ево... тово...

— В воду?

— Зачем в воду. Мы по справедливости. Добро казенное, мы так возьмем.

— На нем орудия.

— Опять ничего не значит. Постольку, поскольку выходит и на какого чорта...

Знобов вяло качнул головой:

— Водка у тебя крепкая. Тело у меня, как земля—не слухат человечьего говору. Свое прет!

Он поднял ногу на порог, сказал:

— Прощай. Предыдущий ты человек, ей-Богу.

Пеклеванов отрезал кусочек колбасы, выпил водки и, глядя на засиженную мухами стену, сказал:

— Да-а... предыдущий...

Он весело ухмыльнулся, достал лист бумаги и, сильно скрипя пером, стал писать проект инструкции восставшим военным частям.

III.

На улице Знобов увидел у палисадника японского солдата в фуражке с красным околышем и в желтых гетрах. Солдат нес длинную эмалированную миску. У японца был жесткий маленький рот и редкие, как стрекозьи крылышки, усики.

— Обожди-ка!—сказал Знобов, взяв его за рукав.

Японец резко отдернул руку и строго спросил:

— Ню?

Знобов скривил лицо и передразнил:

— Хрю! Чушка ты, едрена вошь! К тебе с добром, а ты с хрю ю. В Бога веруешь?

Японец призакрыл глаза и из-под загнутых, как углы крыш пагоды, ресниц, оглядел поперек Знобова—от плеча к плечу, потом

оглядел сапоги и, заметив на них засохшую желтую грязь, сморщил рот и хрипло сказал:

— Русика сюполочь! Ню?..

И, прижимая к ребрам миску, неторопливо отошел.

Знобов поглядел ему вслед на задорно блестевшие бляшки пояса и сказал с сожалением:

— Дурак ты, я тебе скажу!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Казак изнеможенно ответил:

— Так точно... с документами...

Мужик стоял, откинув туловище, и похожая на рыжий платок борода плотно прижималась к груди.

Казак, подавая конверт, сказал:

— За голяшками нашли!

Молодой крупноглазый комендант станции, обессиленно опираясь на низкий столик, стал допрашивать партизана.

— Ты.. какой банды... Вершининской?.

Капитан Незеласов, вдавливая раздражение, гладил ладонями грязно пахнущую, как солдатская портянка, скамью комендантской и зябко вздрагивал. Ему хотелось уйти, но постукивавший в соседней комнате аппарат телеграфа не пускал:

— „Может... приказ... может..."

Комендант, передвигая тускло блестевшие четырехугольники бумажек, изнуренным голосом спросил:

— Какое количество... Что?.. Где?..

Со стен, когда стучали входной дверью, откалывалась штукатурка. Незеласову казалось, что комендант притворяется спокойным.

„Угодить хочет... бронепоезд... дескать, наши..."

А у самого внутри такая боль, какая бывает, когда медведь проглатывает ледяшку с вмороженной спиралью китового уса. Ледяшка тает, пружина распрямляется, рвет внутренности—сначала одну кишку, потом другую...

Мужик говорил закоснелым смертным говором и только при словах:

— Город-то, бают, узяли наши.

Строго огляделся, но, опять обволоклый тоской, спрятал глаза.

Румяное женское лицо показалось в окошечке:

— Господин комендант, из города не отвечают.

Комендант сказал:

— Говорят, не расстреливают—палками...

— Что?—спросило румяное лицо.

— Работайте, вам-то что! Вы слышали, капитан?

— Может... все может... Но, ведь, я думаю...

— Как?

— Партизаны перерезали провода. Да, перерезали, только...

— Нет, не думаю. Хотя!..

Когда капитан вышел на платформу, комендант, изнуренно кладя на подоконник свое тело, сказал громко:

— Арестованного прихватите.

Рыжебородый мужик сидел в поезде неподвижно. Кровь ушла внутрь, лицо и руки ослизли, как мокрая серая глина.

Когда в него стреляли, солдатам казалось, что они стреляют в труп. Поэтому, наверное, один солдат приказал до расстрела:

— А ты сапоги-то сейчас сними, а то потом возись.

Обыклым движением мужик сдернул сапоги.

Противно было видеть потом, как из раны туго ударила кровь.

Обаб принес в купэ щенка маленький сверточек слабого тела. Сверточек неуверенно переполз с широкой ладони прапорщика на кровать и заскулил.

— Зачем вам?—спросил Незеласов.

Обаб как-то не по своему ухмыльнулся:

— Живость. В деревне у нас—скотина. Я уезда Барнаульского.

— Зря... да, напрасно, прапорщик.

— Чего?

— Кому здесь нужен ваш уезд?. Вы... вот... прапорщик Обаб, да золотопогонник и... враг революции. Никаких.

— Ну?—жестко проговорил Обаб.

И, точно отплескивая чуть заметное наслаждение, капитан проговорил:

— Как таковой... враг революции... выходит, подлежит уничтожению.

Обаб мутно посмотрел на свои колени, широкие и узловатые пальцы рук, напоминавшие сухие корни, и мутным, тягучим голосом проговорил:

— Ерунда. Мы их в лапшу искрошим!

На ходу в бронепоезде было изнурительно душно. Тело исходило потом, руки липли к стенам, скамейкам.

Только когда выводили и расстреливали мужика с рыжей бородой, в вагон слабо вошел хилый больной ветер и слегка освежил лица. Мелькнул кусок стального неба, клочья изорванных немощных листьев с кленов.

Тоскливо пищал щенок.

Капитан Незеласов ходил торопливо по вагонам и визгливо по-женски ругался. У солдат были вялые длинные лица и капитан брызгал словами:

— Молчать, гниды. Не разговаривать, молчать!..

Солдаты еще более выпячивали скулы и пугались своих воспаленных мыслей. Им при окриках капитана казалось, что кто-то, не признававший дисциплины, тихо скулит у пулеметов, у орудий.

Они торопливо оглядывались.

Стальные листы, покрывавшие хрупкие деревянные доски, несло по ровным, как спички, рельсам—к востоку, к городу, к морю.

II.

Син-Бин-У направили разведчиком.

В плетеную из ивовых прутьев корзинку он насыпал жареных семячек, на дно положил револьвер и, продавая семячки, хитро и радостно улыбался.

Офицер в черных галифэ с серебряными двуполосыми галунами, заметив радостно изнемогающее лицо китайца, наклонился к его лицу и торопливо спросил:

— Кокаин, что, есть?

Син-Бин-У плотно сжал колпачки тонких, как шолк, век и, точно сожалея, ответил:

— Нетю!

Офицер строго выпрямился.

— А что есть?

— Семечки еси.

— Жидам продались,—сказал офицер, отходя.—Вешать вас надо!

Тонкогрудый солдатик в голубых обмотках и в шинели, похожей на грязный больничный халат, сидел рядом с китайцем и рассказывал:

— У нас, в Семипалатинской губернии, брат китаеза, арбуз совсем особенный—китайскому арбузу далеко.

— Шанго,—согласился китаец.

— Домой охота, а меня к морю везут.

— Сытупай.

— Куда?

— Дамой.

— Устал я. Повезут, поеду, а самому итти—сил нету.

— Семичика мынога.

— Чего?

Китаец встряхнул корзинку. Семячки сухо зашуршали, запахла теплой золой от них.

— Семичики мынога у русика башку. У-ук... Шибиршиты...

— Что шебуршит?

— Семичика, зелена-а...

— А тебе что же, камень надо, чтоб голове-то лежал?

Китаец одобрительно повел губами и, указывая на проходившего широкого, но плоского офицера в сером френче, спросил:

— Кто?

— Капитан Незеласов, китаёза, начальник бронепоезда. В город требуют поезд, уходит. Перережут тут нас партизаны-то, а?

— Шанго.

— Для тебя все шанго, а мы кумекай тут!

Русоглазый парень с мешком, из которого торчал жидкий птичий пух, остановился против китайца и весело крикнул:

— Наторговал?

Китаец вскочил торопливо и пошел за парнем.

Бронепоезд вышел на первый путь. Беженцы жадно и тоскливо посмотрели на него с перрона и зашептались испуганно. Изнеможенно прошли казаки. Седой длиннобородый старик рыдал возле кипяточного крана и, когда он вытирал слезы, видно было—руки у него маленькие и чистенькие.

Солдатик прошел мимо с любопытством и скрытой радостью оглядываясь, посмотрел в бочку, наполненную гнило пахнущей, похожей на ржавую медь, водой.

— Житьишко!—сказал он любовно.

III.

Ночью стало совсем душно. Духота густыми непреодолимыми волнами рвалась с мрачных чугунно-темных полей, с лесов—и, как теплую воду, ее ощущали губы и с каждым вздохом грудь наполнялась тяжелой как мокрая глина, тоской.

Сумерки здесь коротки, как мысль помешанного. Сразу—тьма. Небо в искрах. Искры бегут за паровозом, паровоз рвет рельсы, тьму и беспомощно жалко ревет.

А сзади наскакивают горы, лес. Наскочут и раздавят, как овца жука.

Прапорщик Обаб всегда в такие минуты ел. Торопливо хватал из холщевого мешка яйца, срывал скорлупу, втискивал в рот хлеб, масло, мясо. Мясо любил полусырое и жевал его передними зубами, роняя липкую, как мед, слюну на одеяло. Но внутри попрежнему был жар и голод.

Солдат-денщик разводил чаем спирт, на остановках приносил корзины провизии, недоумело докладывая:

— С городом, господин прапорщик, сообщения нет.

Обаб молчал, хватая корзину и узловатыми пальцами вырывал хлеб и если не мог больше его съесть, сладострастно тискал и мял, отшвыривая затем прочь.

Спустив щенка на пол и следя за ним мутным медленным взглядом, Обаб лежал неподвижно. Выступала на теле испарина. Особенно неприятно было, когда потели волосы.

Щенок, тоже потный, визжал. Визжали буксы. Грохотала сталь— точно заклепывали...

У себя в купэ жалко и быстро вспыхивая, как спичка на ветру, бормотал Незеласов:

— Прорвемся... к чорту!.. Нам никаких командований... Нам плевать!.

Но так-же, как и вчера, версту за верстой, как Обаб пищу, торопливо и жадно хватал бронепоезд—и не насыщался. Так же мелькали будки стрелочников и так же забитый полями, ветром и морем— жил на том конце рельс непонятный и страшный в молчании город.

— Прорвемся,—выхаркивал капитан и бежал к машинисту.

Машинист, лицом черный, порывистый, махая всем своим телом, кричал Низеласову:

— Уходите!.. Уходите!..

Капитан, незаметно гримасничая, обволакивал машиниста словами:

— Вы не беспокойтесь... партизан здесь нет... А мы прорвемся, да, обязательно... А вы скорей... А... Мы, все-таки...

Машинист был доброволец из Уфы, и ему было стыдно своей трусости.

Кочегар, тыча пальцем в тьму, говорил:

— У красной черты... Видите?..

Капитан глядел на закоптелый глаз машиниста и воспаленно думал о „красной черте". За ней паровоз взорвется, сойдет с ума.

— Все мы... да... в паровоза...

Нехорошо пахло углем и маслом. Вспоминались бунтующие рабочие.

Незеласов внезапно выскакивал из паровоза и бежал по вагонам крича:

— Стреляй!...

Для чего-то подтянув ремни, солдаты становились у пулеметов и выпускали в тьму пули. От знакомой работы аппаратов тошнило.

Являлся Обаб. Губы жирные, лицо потно блестело, и он спрашивал одно и то же:

— Обстреливают? Обстреливают?

Капитан приказывал:

— Отставь!

— Усните, капитан!

Все в поезде бегало и кричало—вещи и люди. И серый щенок в купэ прапорщика Обаба тоже пищал.

Капитан торопился закурить сигарету:

— Уйдите... к чорту!.. Жрите... все, что хотите... Без вас обойдемся

И визгливо тянул:

— Пра-а-апорщик!..

— Слушаю,—сказал прапорщик.—Вы-то что? Ищете?

— Прорвемся... я говорю—прорвемся!..

— Ясно. Всего хватает.

Капитан снизил голос:

— Ничего. Потеряли!.. Коромысло есть... Нет ни чашек... ни гирь. и чём мы вешать будем!..

— Мы-ть. Да я их... мать!

Капитан пошел в свое купэ, бормоча на ходу:

— А. Земля здесь вот... за окнами... Как вы... вот... пока... она проклинает, а?..

— Что вы глисту тянете? Не люблю. Короче.

— Мы, прапорщик, трупы... завтрашнего дня. И я, и вы, и все езде—прах... Сегодня мы закопали... человека, а завтра... для нас та... да.

— Лечиться надо.

Капитан подошел к Обабу и, быстро впивая в себя воздух, про- ал:

— Сталь не лечат, переливать надо... Это ту... движется если. тает... А если заржавела... Я всю жизнь, на всю жизнь убежден в чем-то, а... Ошибся, оказывается... Ошибку хорошо при смерти... даться. А мне тридцать ле-ет, Обаб. Тридцать, и у меня ребено- -ва-а-алька... И ногти у него розовые, Обаб?

Тупые, как носок американского сапога, мысли Обаба разошлись понятные стороны. Он отстал, вернулся к себе, взял папиросу и не куря еще, начал плевать—сначала на пол, потом в закрытое , в стены и на одеяло и, когда во рту пересохло, сел на кро- и мутно воззрился на мокрый живой сверточек, пищавший на полу.

— Глиста!..

IV.

На рассвете капитан вбежал в купэ Обаба.

Обаб лежал вниз лицом, подняв плечи, словно прикрывая н... у.

— Послушайте,—нерешительно сказал капитан, потянув Обаба кав.

Обаб перевернулся, поспешно убирая спину, как убирают раз- подкладку платья.

— Стреляют? Партизаны?

— Да, нет... Послушайте!..

Веки у Обаба были вздутые и влажные от духоты и мутно и пьяно глядели глаза, похожие на прорехи в платье.

— Но, нет мне разве места... в людях, Обаб?.. Поймите... я ю хочу... получить. Из дома, ну!..

Обаб сипло сказал:

— Спать надо, отстаньте!

— Я хочу... получить из дома... А мне не пишут!.. Я ничего не Напишите хоть вы мне его.. прапорщик!..

Капитан стыдливо хихихнул;

— А. Незаметно этак, бывает... а.

Обаб вскочил, натянул дрожащими руками большие сапоги, а хрипло закричал:

— Вы мне по службе, да! А так мне говорить не смей! У меня ого... в Барнаульском уезде...

Прапорщик вытянулся как на параде.

— Орудия, может, не чищены? Может приказать? Солдаты пьяны, а тут ты... Не имеешь права...

Он замахал руками и, подбирая живот, говорил:

— Какое до тебя мне дело? Не желаю я жалеть тебя, не желаю!

— Тоска, прапорщик... А вы все-таки!...

— Жизненка твоя паршивая. Сам паршивый... Онанизмом в детстве-то, а... Ишь, ласки захотел...

— Вы поймите... Обаб.

— Не по службе-то.

— Я прошу...

Прапорщик закричал:

— Не хо очу-у!..

И он повторил несколько раз это слово и с каждым повторением оно теряло свою окраску; из горла вырывалось что-то огромное, хриплое и страшное, похожее на бегущую армию:

— О-о а-е гггы!..

Они, не слушая друг друга, исступленно кричали до хрипоты, до того, пока не высох голос.

Капитан устало сел на койку и, взяв щенка на колени, сказал с горечью

— Я думал... камень. Про вас-то?.. А тут—леденец... в жару распустился!..

Обаб распахнул окно и, подскочив к капитану, резко схватил щенка за гривку.

Капитан повис у него на руке и закричал:

— Не сметь!.. Не сметь бросать!.

Щенок завизжал.

— Пу-у!..—густо и злобно протянул Обаб—Пу-усти и..

— Не пущу, я тебе говорю!..

— Пу усти-и!..

— Бро-ось!.. Я!..

Обаб убрал руку и, словно намеренно тяжело ступая, вышел.

Щенок тихо взвизгивал, неуверенно перебирая серыми лапками по полу, по серому одеялу. Похоже было на мокрое, ползущее пятно.

— Вот, бедный,—проговорил Незеласов и вдруг в горле у него заклокотало, в носу ощутилась вязкая сырость. Он заплакал.

V.

В купэ звенел звонок—машинист бронепоезда требовал к себе.

Незеласов устало позвал:

— Обаб?

Обаб шел позади и был недоволен мелкими шажками капитана. Обаб сказал:

— Мостов здесь порванных нету. Что у них? Шпалы разобрали... Партизаны... А из города ничего. Ерунда!

Незеласов виновато сказал:

— Чудесно..., мы живем, да-а?. Я до сего момента... не знаю как имя... отчество ваше, а... Обаб и Обаб?.. Извините, прямо... как собачья кличка...

— Имя мое—Семен Авдеич. Хозяйственное имя.

Машинист, как всегда, стоял у рычагов. Сухой, жилистый с медными усами и словно закоптелыми глазами.

Указывая вперед, он проговорил:

— Человек лежит.

Незеласов не понял. Машинист повторил:

— Человек на пути!

Обаб высунулся. Машинист быстро передвинул какие-то рычаги. Ветер рванул волосы Обаба.

— На рельсах, господин капитан, человек!

Незеласова раздражал спокойный голос прапорщика, и он резко сказал:

— Остановите поезд!

— Не могу,—сказал машинист.

— Я приказываю!

— Нельзя,—повторил машинист.—Поздно вы пришли. Перережем, тогда остановимся.

— Человек ведь!

— По инструкции не могу остановить. Крушенье иначе будет.

Обаб расхохотался.

— Совсем останавливаться не к чему. Мало мы людей перебили. Если из-за каждого стоять, мы бы дальше Ново-Николаевска не ушли.

Капитан раздраженно сказал:

— Прошу не указывать. Остановить после перереза.

— Слушаюсь, господин капитан,—ответил Обаб.

Ответ этот, грубый и торопливый, еще больше озлил капитана, и он сказал:

— А вы, прапорщик Обаб, идете немедленно и чтобы мне рапорт, что за труп на пути.

— Слушаю,—ответил Обаб.

Машинист еще увеличил ход.

Вагоны напряженно вздрогнули. Пронзительно залился гудок.

Человек на рельсах лежал неподвижно. Уже было видно на желтых шпалах синее пятно его рубахи.

Вагоны передернули железными лопатками площадок.

— Кончено, — сказал машинист. — Сейчас остановлю и посмотрим.

Обаб, расстегивая ворот рубахи, чтобы потное тело опахнуло ветром, соскочил с верхней площадки прямо на землю. Машинист спрыгнул за ним.

Солдаты показались в дверях. Незеласов надел фуражку и тоже пошел к выходу.

Но в это время толкнул бронепоезд лес—гулким ружейным залпом. И немного спустя еще один заблудившийся выстрел.

Прапорщик Обаб вытянул вперед руки, как будто приготовляясь к нырянию в воду, и вдруг тяжело покатился по откосу насыпи.

Машинист запнулся и, как мешок с воза, грузно упал у колеса вагона. На шее выступила кровь и его медные усы точно сразу побелели.

— Назад... Назад!..—пронзительно закричал Незеласов.

Дверцы вагонов хлопнули, заглушая выстрелы. Мимо вагонов пробежал забытый в суматохе солдат. У четвертого вагона его убило.

Застучали пулеметы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Похоже—не мог найти сапог по ноге и потому бегал босиком. Ступни у лисолицего были огромные, как лыжи, а тело, как у овцы—маленькое и слабое.

Бегал лисолицый торопливо и кричал, глядя себе под ноги, словно сгоняя цыплят:

— Шавялись. Шавялись. Ждут...

И, для чего-то зажмурившись, спрашивал проходившие отряды:

— Сколько народу?

Открывая глаза, залихватски выкрикивал стоявшему на холме Вершинину:

— Гришатински, Никита Егорыч!

У подола горы редел лес, и на россыпях цвел голый камень. За камнем, на восток, на полверсты—реденький кустарник, за кустарником—желтая насыпь железной дороги, похожая на одну бесконечную могилу без крестов.

— Мутьевка, Никита Егорыч!—кричал лисолицый.

Темный, в желтеющих, измятых травах, стоял Вершинин. Было у него лохмоволосое, звериное лицо, иссушенный долгими переходами взгляд и изнуренные руки. Привыкшему к машинам Пентефлию Знобову было спокойно и весело стоять близ него. Знобов сказал:

— Народу идет много.

И протянул вперед руку, словно хватаясь за рычаг исправной и готовой к ходу машины.

— Анисимовски! Сосновски!

Васька Окорок, рыжеголовый на золото-шерстном коротконогом иноходце подскакал к холму и, щекоча сапогами шею у лошади, заорал:

— Иду-ут! Тыщ, поди, пять будет!

— Боле,— отозвался уверенно лисолицый с россыпи.— Кабы я грамотной, я бы тебе усю риеструу разложил. Мильен!

Он яростно закричал проходившим:

— А ты каких волостей?..

У низкорослых монгольских лошадок и людей были приторочены длинные крестьянские мешки с сухарями. В гривах лошадей и людей торчали спелые осенние травы, и голоса были протяжные, но жесткие, как у перелетных осенних птиц.

— Открывать, что-ля?—закричал лисолиций.—Жду-ут...

И хотя знали все—в городе восстание, на помощь белым идет бронепоезд № 14 69. Если не задержать, восстание подавят японцы. Все же нужно было собраться, и чтоб один сказал и все подтвердили:

— Итти...

— Японец больше воевать не хочет,—добавил Вершинин, слезая с ходка.

Син-Бин-У влез на ходок и долго, будто выпуская изо рта цветную и непонятно шебурчащую бумажную ленту, говорил: почему нужно сегодня задержать бронепоезд.

Между выкрашенных под золото и красную медь осенних деревьев натянулось грязное, пахнущее землей, полотно из мужицких тел. Полотно гудело. И было непонятно — не то сердито, не то радостно гудит оно от слов человечков, говорящих с телеги.

— Голосовать, что ли?—спросил толстый секретарь штаба.

Вершинин ответил:

— Обожди. Не орали еще.

Зеленобородый старик с выцветшими, распаренными глазами, распрявляя рубаху на животе, словно к его животу хотели прикладываться, шипел исступленно Вершинину:

— А ты от Бога куда идешь, а?

— Окстись ты, дед!

— Бога ведь рушишь. Я знаю! Никола угодник являлся—больше, грит, рыбы в море не будет. Не даст. А ты пошто народ бунтуешь?.. Мне избу надо ладить, а ты у меня всех работников забрал.

— Сожгет японец избу-то!

— Японца я знаю,—торопливо, обливая слюной бороду, бормотал старик,—японец хочет, чтоб в его веру перешли. Ну, а народ-то—пень: не понимат. А нам от греха дальше, взять да согласиться, чорт с ним—втишь-то можно... своему Богу... Никола-то своему не простит, а японца завсегда надуть можна...

Старик тряс головой, будто пробивая какую-то темную стену, и слова, которые он говорил, видно было, тяжело рождены им, а Вершинину они были не нужны.

А он, выливая через слабые губы, как через проржавленное ведро влагу, опять начал бормотать свое.

— Уйди!—сказал грубо Вершинин.—Чего лезешь в ноздрю с богами своими? Подумаешь... Абы жизнь была—богов выдумают...

— Ты не хулись, ирод, не хулись!..

Окорок сказал со злобою:

— Дай ему, Егорыч, стерве, в зубы! Провокатёры тиковые!

Вскочив на ходок, Окорок закричал, разглаживая слова:

— Ну, так вы как, товарищи?.. галисовать, что ли?..

— Голосуй!—отвечал кто то робко из толпы.

Мужики загудели:

— Валяй!..

— Чаво мыслить-то!..

— Жарь, Васька!

Когда проголосовали уже, решив итти на бронепоезд, влево, далеко над лесом послышался неровный гул, похожий на срыв в падь скалы. Мохнатым, громадным веником выбросило в небо дым.

Толстый секретарь снял шапку и по протокольному сказал мужикам:

— Это штаб постановил—через Мукленку мост наши взорвали. Поезд, значит, все равно не выскочит к городу. Наши то сгибли, поди, пятеро...

Мужики сняли шапки, перекрестились за упокой. Пошли через лес к железнодорожной насыпи, окапываться.

Вершинин прошел по кустарнику к насыпи, поднялся кверху и, крепко поставив, будто пришив ноги между шпал на землю, долго глядел в даль блестящих стальных полос, на запад.

— Чего ты?—спросил Знобов.

Вершинин отвернулся и, спускаясь с насыпи, сказал:

— Будут же после нас люди хорошо жить?

— Ну?

— Вот и все.

Знобов развел пальцами усы и сказал с удовольствием:

— Это—их дело.

II.

Бритый, коротконогий человек лег грудью на стол,— похоже, что ноги его не держат,— и хрипло говорил:

— Нельзя так, товарищ Пеклеванов: ваш ревком совершенно не считается с мнением Совета Союзов. Выступление преждевременно.

Один из сидевших в углу на стуле рабочий сказал желчно:

— Японцы объявили о сохранении ими нейтралитета. Не будем же мы ждать, когда они на острова уберутся. Власть должна быть в наших руках, тогда они скорее уйдут.

Коротконогий человек доказывал:

— Совет Союзов, товарищи, зла не желает, можно бы обождать...

— Когда японцы выдвинут еще кого нибудь.

— Пойдут опять усмирять мужиков?

— Ждали достаточно!

Собрание волновалось. Пеклеванов, отхлебывая чай, успокаивал:

— А вы тише, товарищи.

Коротконогий представитель Совета Союзов протестовал:

— Вы не считаетесь с моментом. Правда, крестьяне настроены фанатично, но... Вы уже послали агитаторов по уезду, крестьяне идут на город, японцы нейтралитетствуют.. Правда!.. Вершинин пусть даже бронепоезд задержит, и все же восстания у вас не будет.

— Покажите ему!

— Это — демагогия!..

— Прошу слова!..

— Товарищи!

Пеклеванов поднялся, вытащил из портфеля бумажку и, краснея, прочитал:

— Разрешите огласить следующее: „По постановлению Совета Народных Комиссаров Сибири — восстание назначено на 12 часов дня 16-го сентября 1919 года. Начальный пункт восстания — казармы Артиллерийского дивизиона... По сигналу... Совет Народных..."

Уходя, коротконогий человек сказал Пеклеванову:

— За нами следят! Вы осторожнее... И матроса напрасно в уезд командировали.

— А что?

— Взболтанный человек: бог знает чего может наговорить! Надо людей сейчас осмотрительно выбирать.

— Мужиков он знает хорошо,— сказал Пеклеванов.

— Мужиков никто не знает. Человек он воздушный, а воздушность на них, правда, действует здорово. Все же... На митинг не едете?

— Куда?

— Судостроительный завод. Рабочие хотят вас видеть.

Пеклеванов покраснел.

Коротконогий подошел к нему вплотную и тихо в лицо сказал:

— Мне вас жалко. А без вас они выступать не хотят. Не верят они словам, в человека уверить хотят. Следят... контр-разведка... Расстреляют при поимке — а видеть хотят. Дескать, с нами ли? Напрасно затеваете.

Пеклеванов вытер потный, веснушчатый лоб, сунул маленькие руки в карманы короткополого пиджака и прошелся по комнате. Коротконогий следил за ним из-под выпуклых очков.

— Сентиментальность,— сказал Пеклеванов — ничего не будет!

Коротконогий вздохнул:

— Как хотите. Значит заехать за вами?

— Когда?

Пеклеванов покраснел сильнее и подумал:

„А он за себя трусит".

И от этой мысли совсем растерялся, даже руки задрожали.

— А хотя мне все равно. Когда хотите!

Вечером коротконогий подъехал к палисаднику и ждал... Через кустарник видна была его соломенная шляпа и усы, желтоватые, подстриженные, похожие на зубную щеточку. Фыркала лошадь.

Жена Пеклеванова плакала. У ней были острые зубы и очень румяное лицо. Слезы на нем были не нужны, неприятно их было видеть на розовых щеках и мягком подбородке.

— Измотал ты меня. Каждый день жду — арестуют... Бог знает потом... Хоть бы одно!.. Не ходи!..

Она бегала по комнате, потом подскочила к двери и ухватилась за ручку, просила:

— Не пущу... Кто мне потом тебя возвратит, когда расстреляют? Партия? Ревком? Наплевать мне на их всех, идиотов!

— Маня! Ждет же Семенов.

— Мерзавец он, и больше никто. Не пущу, тебе говорят, не хочу! Ну-у?..

Пеклеванов оглянулся, подошел к двери. Жена изогнулась туловищем, как тесина под ветром; на согнутой руке, под мокрой кожей, натянулись сухожилия.

Пеклеванов смущенно отошел к окну.

— Не понимаю я вас!..

— Не любишь ты никого... Ни меня, ни себя. Васенька?.. Не ходи!..

Коротконогий хрипло проговорил с пролетки:

— Василий Максимыч, скоро? А то стемнеет, магазины запрут.

Пеклеванов тихо сказал:

— Позор, Маня. Что мне, как Подколесину, в окошко выпрыгнуть? Не могу же я отказаться — струсил, скажут.

— На смерть ведь. Не пущу.

Пеклеванов пригладил низенькие, жидкие волосенки.

— Придется...

Пошарив в карманах короткополого пиджака и криво улыбаясь, стал залезать на подоконник.

— Ерунда какая... Нельзя же так...

Жена закрыла лицо руками и громко, будто нарочно плача, выбежала из комнаты.

— Поехали? — спросил коротконогий. Вздохнул.

Пеклеванов подумал, что он слушал плач в домишке. Неловко сунулся в карман, но портсигара не оказалось. Возвращаться же было стыдно.

— Папирос у вас нету? — спросил он.

III.

Никита Вершинин верхом на брюхастой, мохнатошерстой, как меделянская собака, лошади, объезжал кустарники у железнодорожной насыпи.

Мужики лежали в кустах, курили, приготовлялись ждать долго и спорно. Пестрые пятна рубах — десятками, сотнями росли с обеих сторон насыпи, между разъездами — почти на десять верст.

Лошадь—ленивая, вместо седла—мешок. Ноги Вершинина болтались и через плохо обернутую портянку сапог больно тер пятку.

— Баб чтоб не было,—говорил он.

Начальники отрядов вытягивались по-солдатски и бойко, точно успокаивая себя военной выправкой, спрашивали:

— Из городу, Никита Егорыч, ничего не слышно?

— Восстание там.

— А успехи-то как? Ваенны?

Вершинин бил каблуком лошадь в живот и, чувствуя в теле сонную усталость, отъезжал.

— Успехи, парень, хорошие. Главно,— нам не подгадить!

Мужики, как на покосе, выстроились вдоль насыпи. Ждали.

Непонятно—незнакомо пустела насыпь. Последние дни, один за другим уходили на восток эшелоны с беженцами, солдатами—японскими, американскими и русскими.

Где то перервалась нить и людей отбросило в другую сторону. Говорили, что беженцев грабят приехавшие из сопок мужики, и было завидно. Бронепоезд № 14.69 носился один между станциями и недавал солдатам бросить все и бежать.

Партизанский штаб заседал в будке стрелочника. Стрелочник тоскливо стоял у трубки телефона и спрашивал станцию:

— Бронепоезд скоро?

Около него сидел со спокойным лицом партизан с револьвером, глядя в рот стрелочнику.

Васька Окорок подсмеивался над стрелочником:

— Мы тебя кашеваром сделаем. Ты не трусь!

И, указывая на телефон, сказал:

— С луной, бают, в Питере-то большевики учены переговаривают?

— Ничо не поделашь, коли правда.

Мужики вздохнули, поглядели на насыпь.

— Правда-то, она и на звезды влезет.

Штаб ждал бронепоезда. Направили к мосту пятьсот мужиков, к насыпи на длинных российских телегах привезли бревна, чтоб бронепоезд не ушел обратно. У шпал валялись лома—разобрать рельсы.

Знобов сказал недовольно:

— Все правда, да, правда! А к чему и сами не знам. Тебе с луною-то, Васька, для чего говорить?

— А все-таки, чудно! Может захочем на луне-то мужика не строить.

Мужики захохотали.

— Ботало.

— Окурок!

— Надо, чтоб народу лишнего не расходовать, а он тут про луну. Как бронепоезд возьмем, дьявол?

— Возьмем!

— Это тебе не белка, с сосны снять!

В это время приехал Вершинин. Вошел, тяжело дыша, грузно положил фуражку на стол и сказал Знобову.

— Скоро ли?

Стрелочник сказал у телефона:

— Не отвечают.

Мужики сидели молча. Один начал рассказывать про охоту. Знобов вспомнил про председателя ревкома в городе.

— Этот, белобрысый-то?— спросил мужик, рассказывавший про

охоту, и тут же начал врать про Пеклеванова, что у него лицо белее крупчатки и что бабы за ним, как лягушки за болотом, и что американский министр предлагал семьсот мильярдов за то, чтоб Пеклеванов перешел в американскую веру, а Пеклеванов гордо ответил: „Мы вас в свою — даром не возьмем".

— Вот стерва, — восторгались мужики.

Знобову было почему-то приятно слушать это вранье и хотелось рассказать самому. Вершинин снял сапоги и начал переобуваться. Стрелочник вдруг робко спросил:

— Во сколько? Пять двадцать?

Обернувшись к мужикам, сказал:

— Идет!

И точно, поезд был уже у будки, — все выбежали и, вскинув ружья, залезли на телеги и поехали на восток к взорванному мосту.

— Успем! — говорил Окорок.

Вперед послали нарочного.

Глядели на рельсы, тускло блестевшие среди деревьев.

— Разобрать бы и только.

С соседней телеги отвечали:

— Нельзя. А кто собирать будет.

— Мы, брат, прямо на поезде!

— В город вкатим!

— А тут собирай.

Окорок крикнул:

— Братцы, а ведь у них люди-то есть!

— Где?

— У Незеласовых-то? Которые рельсы ремонтируют — есть-то где?

— Дурной, Васька, а как мы их перебьем? Всех?

И, разохотившись на работу, согласились:

— Все можна... Перебьем!..

— Нет, шпалы некому собирать.

Все время оглядывались назад — не идет ли бронепоезд. Прятались в лес, потому — люди теперь по линии необычны, — поезд несется стреляет в них.

Стучали боязливо сердца, били по лошадям, гнали, точно у моста их ждало прикрытие.

Верстах в двух от домика стрелочника, на насыпи увидали верхового человека.

— Свой! — закричал Знобов.

Васька взял на прицел.

— Снять его?

— Какой чорт свой, кабы свой — не цеплялся б!

Син-Бин-У, сидевший рядом с Васькой, удержал:

— Насытой, Васика-а!..

— Обождь! — закричал Знобов.

Человек на лошади подогнал ближе. Это был мужик с перевязанной щекой, приведший американца.

— Никита Егорыч здеся?

— Ну?

Мужик, радуясь, закричал:

— Пришли мы туда, а там — казаки. Около мосту-то! Постреляли, да и обратно.

— Откуда?

Вершинин подъехал к мужику и, оглядывая его, спросил:

— Всех убили?

— Усех, Никита Егорыч. Пятеро — царство небесное!..

— А казаки откуда?

Мужик хлопнул лошадь по гриве.

— Да ведь мост-от, Никита Егорыч, не подняли.

Мужики заорали:

— Него там?..

— Правокатер!

— Дай ему в харю!

Мужиченко торопливо закрестился.

— Вот те крест — не подняли. У камня, саженях в триста, сами себя взорвали. Должно, динамит пробовать удумали. Только штанину одну с мясом нашли, а все остальное... Пропали...

Мужики молчали. Поехали вперед. Но вдруг остановились. Васька с перекосившимся лицом закричал:

— Братцы, а ведь уйдет броневик-то! В город! Братцы!..

Из лесу ввалилась посланная вперед толпа мужиков.

Один из них сказал:

— Там бревна, Никита Егорыч, у моста навалены, па насыпь-то. Отстреливаются от казаков. Ну, их немного.

— Туда к мосту итти?— спросил Знобов.

Здесь все разом почему-то оглянулись. Над лесом тонко стлался дымок.

— Идет!—сказал Окорок.

Знобов повторил, ударяя яростно лошадь кнутом:

— Идет...

Мужики повторили:

— Идет!..

— Товарищи! — звенел Окорок,— остановит надо!..

Сорвались с телеги. Схватив винтовки, кинулись на насыпь. Лошади ушли в травы и, помахивая уздечками, щипали.

Мужики добежали до насыпи. Легли на шпалы. Вставили обоймы. Приготовились.

Тихо стонали рельсы—шел бронепоезд.

Знобов тихо сказал:

— Перережет—и все. Стрелять не будет даже зря!

И вдруг, почувствовав это, тихо сползли все в кустарники, опять бнажив насыпь.

Дым густел, его рвал ветер, но он упорно полз над лесом.

— Идет!.. Идет!..—с криком бежали к Вершинину мужики.

Вершинин и весь штаб, мокрые, стыдливо лежали в кустарниках. Васька Окорок злобно бил кулаком по земле. Китаец сидел на корточках и срывал траву.

Знобов торопливо, испуганно сказал:

— Кабы мертвой!

— Для чего?

— А вишь по закону—как мертвого перережут, поезд то оставливатся. Чтоб протокол составить... свидетельство и все там!..

— Ну?

— Вот кабы трупу. Положил бы ево. Перережут и остановятся, тут машиниста, когда он выйдет—пристрелить. Можно взять...

Дым густел. Раздался гудок.

Вершинин вскочил и закричал:

— Кто хочет, товарищи... на рельсы чтоб и перережет!.. Все равно подыхать-то. Ну?.. А мы тут машиниста с поезда снимем! А только вернее, что остановится, не дойдет до человека.

Мужики подняли тела, взглянули на насыпь, похожую на могильный холм.

— Товарищи!—закричал Вершинин.

Мужики молчали.

Васька отбросил ружье и полез на насыпь.

— Куда?—крикнул Знобов.

Васька злобно огрызнулся:

— А ну вас к..! Стервы...

И, вытянув руки вдоль тела, лег поперек рельс.

Уже дышали, гукая, деревья и, как пена, над ними оторвался и прыгал по верхушкам желто-багровый дым.

Васька повернулся вниз животом. Смолисто пахли шпалы. Васька насыпал на шпалу горсть песка и лег на него щекой.

Неразборчиво, как ветер по листве, говорили в кустах мужики. Гудела в лесу земля...

Васька поднял голову и тихо бросил в кусты:

— Самогонки нету?.. горит!..

Палевобородый мужик, на четвереньках, приполз с ковшом самогонки. Васька выпил и положил ковш рядом.

Потом поднял голову и, стряхивая рукой со щеки песок, посмотрел на гул: голубые гудели деревья, голубые звенели шпалы.

Приподнялся на локтях. Лицо стянулось в одну желтую морщину, глаза как две алые слезы...

— Не могу-у!.. душа-а!..

Мужики молчали.

Китаец откинул винтовку и пополз вверх:

— Куда?—спросил Знобов.

Син-Бин-У, не оборачиваясь, сказал:

— Сыкмуучна-а!.. Васикьа!

И лег с Васькой рядом.

Морщилось, темнело, как осенний лист, лицо желтое. Шпала плакала. Человек ли отползал вниз по откосу, кусты ли кого принимали— не знал, не видел Син-Бин-У...

— Не могу у!.. братани!..—плакал Васька, отползая вниз.

Слюнявилась трава, слюнявилось небо...

Син-Бин-У был один.

Плоская изумрудноглазая, как у кобры, голова пощупала шпалы, оторвалась от них и, качаясь, поднялась над рельсами... Оглянулась.

Подняли кусты молчаливые мужицкие головы со ждущими голодными глазами.

Син-Бин-У опять лег.

И еще потянулась изумрудноглазая кобра—вверх, и еще несколько сот голов зашевелили кустами и взглянули на него.

Китаец лег опять.

Корявый палевобородый мужичонко крикнул ему:

— Ковш тот брось суды, манза!.. Да и ливорвер-то бы оставил. Куды тебе ево?.. Ей!.. А мне сгодится!..

Син-Бин-У вынул револьвер, не поднимая головы, махнул рукой, будто желая кинуть в кусты, и вдруг выстрелил себе в затылок.

Тело китайца тесно прижалось к рельсам.

Сосны выкинули бронепоезд. Был он серый, квадратный, и злобно багрово блестели зрачки паровоза. Серой плесенью подернулось небо, как голубое сукно были деревья...

И труп китайца Син-Бин-У, плотно прижавшийся к земле, слушал гулкий перезвон рельс...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Прапорщик Обаб остался лежать у насыпи, в травах.

Капитан Незеласов был в купэ, в паровозе, по вагонам. И всем казалось, что он не торопится, хоть и говорил, проглатывая слова:

— Пошел!.. пошел!..

На смену прибежал помощник машиниста. Мешаясь в рычагах, обтирая о замасленную куртку руки, сказал:

— Сичас... нельзя так... смотреть!..

Закипели водопроводные краны.

Разыскивая в паровозном инструменте зубило, узкогорлый зашиб голову и вдруг не от боли закричал.

Незеласов, пригибаясь, побежал прочь:

— Ну, вас к чорту... к чорту!!.

Поезд торопился к мосту, но там на рельсах за три версты лежали бревна, огромная лиственница. И мост почему-то казался взорванным.

Бронепоезд, лязгая буферами, отпрыгнул обратно и с визгом понесся к станции. Но на повороте в лес, где убили Обаба, были разобраны шпалы...

И на прямом пути стремительно взад и вперед—от моста до будки стрелочника было шесть верст—как огромный маятник метался взад и вперед капитан Незеласов.

Били пулеметы, били вагоны пулеметами, пулеметы были горячие как кровь... Как кровь...

Видно было, как из кустарников подпрыгивали кверху тяжело раненые партизаны. Они теперь не боялись показаться лицом.

Но тех, что были живы, не было видно, так же гнулся золотисто-серый кустарник и глубоко темнел кедр. Временами казалось, что бьет только один бронепоезд.

Незеласов не мог отличить лиц солдат в поезде. Темнели лампы и лица казались светлее желтых фителей.

Тело Незеласова покорно слушалось, звонко, немного резко кричала глотка и левая рука тискала что-то в воздухе. Он хотел прокричать солдатам какие-то утешения, но подумал:

— Сами знают!

И тут опять почувствовал злость на прапорщика Обаба.

Ночью партизаны зажгли костры. Они горели огромным молочно-желтым пламенем и так как подходить и подбрасывать дров в костер было опасно, то кидали издали и будто костры были широкие, величиной с крестьянские избы.

Бронепоезд бежал среди этих костров и на пламя усиливал огонь пулеметов и орудий.

Так по обеим сторонам дороги горели костры и не видно было людей, а выстрелы из тайги походили на треск горевших сырых поленьев.

Капитану казалось, что его тело, тяжелое, перетягивает один конец поезда, и он бежал на середину и думал, что машинист уйдет к партизанам, а в будке машиниста, что позади, отцепляют солдаты вагоны на ходу.

Капитан, стараясь казаться строгим, говорил:

— Патронов... того... не жалеть!..

И, утешая самого себя, кричал машинисту:

— Я говорю... не слышите, вам говорят!.. не жалеть патронов!

И, отвернувшись, тихо смеялся за дверями и тряс левой рукой.

— Главное, капитан... стереотипные фразы... „патронов не жа-ть"!..

Капитан схватил винтовку и попробовал сам стрелять в темноту, вспомнил, что начальник нужен как распорядитель, а не как боевая иница. Пощупал бритый подбородок и подумал торопливо: „А на о я нужен"?

Но тут:

„Хорошо бы капитану влюбиться... бороду в поларшина!.. Гене-льская дочь... карьера... Не смей!.."

Капитан побежал на середину поезда.

— Не смей без приказания!

Бронепоезд без приказаний капитана метался от моста—малень-го деревянного мостика через речонку, которого почему-то не могли орвать партизаны—и за будку стрелочника, но уже все ближе. встречу—как плоскости двух винтов ползли бревна по рельсам, а за евнами мужики.

В бревна били пули, навстречу им стреляли мужики.

Бронепоезд, слепой, боясь оступиться, шел грудью на пули, а за нками из стали уже перебегали из вагона в вагон солдаты, меня-сь местами, работая не у своих аппаратов, вытирая потные груди оворили:

— Прости ты, Господи!

Незеласову было страшно показаться к машинисту. И как за льными стенками перебегали с места на место мысли и, когда кно было говорить что-нибудь нужное, капитан кричал:

— Сволочи!..

И долго билось нужное слово в ногах, в локтях рук, покрытых иной кожей.

Капитан прибежал в свое купэ. Коричневый щенок спал клубком кровати.

Капитан замахал рукой:

— Говорил... ни снарядов!.. ни жалости!.. А тут сволочи... сво-и!..

Он потоптался на одном месте, хлопнул ладонью по подушке, ок отскочил, раскрыл рот и запищал тихо. Капитан наклонился к у и послушал.

— И-и-и!.. пикал щенок.

Капитан схватил его и сунул под мышку и с ним побежал по' нам..

Солдаты не оглядывались на капитана. Его знакомая, широкая, нэ ская фигура, бывшая сейчас какой-то прозрачной, как плохая ку-льная бумага, пробегала с тихим визгом. И солдатам казалось, визжит не щенок, а капитан. И не удивляло то, что визжит итан.

Но визжал щенок, слабо царапая мягкими лапами френч ка-на.

Так же не утихая, седьмой час под-ряд били пулеметы в траву, ревья, в темноту, в отражавшиеся у костров камни и непонятно, почему партизаны стреляют в стальную броню вагонов, зная, не пробьет ее пулей.

Капитан чувствовал усталость, когда дотрагивался до головы, о жали ноги сухие и жесткие, точно из дерева, сапоги.

Крутился потолок, гнулись стены, пахло горелым мясом—откуда почему? И гудел не переставая паровоз:

— А-у о-е-е-е-и.

II.

Мужики прибывали и прибывали. Они оставляли в лесу телеги с женами и по тропам выходили с ружьями на плечах на опушку. Отсюда ползли к насыпи и окапывались.

Бабы, причитая, встречали раненых и увозили их домой. Раненые, которые посильнее, ругали баб матерной бранью, а тяжело раненые, подпрыгивая на корнях, раскрывали воздуху и опадающему желтому листу свои полые куски мяса. Листы присыхали к крови выпачканных телег.

Рябая, маленькая старуха с ковшом святой воды ходила по опушке и с уголька обрызгивала идущих. Они ползли, сворачивали к ней и проползали тихо, похожие на стадо сытых возвращающихся с поля овец.

Вершинин на телеге за будкой стрелочника слушал донесения, которые читал ему толстый секретарь.

Васька Окорок шепнул боязливо:

— Страшно, Никита Егорыч?

— Чего?—хрипло спросил Вершинин.

— Народу-то темень!

— Тебе что,—ты не конокрад. Известно—мир!..

Васька после смерти китайца ходил съежившись и глядел всем в лицо с вялой виноватой улыбочкой.

— Тихо идут-то, Никита Егорыч; у меня внутри не ладно.

— А ты молчи и пройдет!

Знобов сказал:

— Кою ночь не спим, а ты, Васька, рыжий, а рыжая то, парень, с перьями.

Васька тихо вздохнул:

— В какой-то стране, бают, рыжих в солдаты не берут. А я у царю-то, почесть, семь лет служил — четыре года на действительной, да три войны германской.

— Хорошо мост то не подняли...—сказал Знобов.

— Чего?—спросил Васька.

— Как бы повели на город бронепоезд-то? Даже шпал не хотели разбирать, а тут тебе мост. Омраченье!..

Васька уткнул курчавую голову в плечи и поднял воротник.

— Жалко мне, Знобов, китайца то! А, думаю, в рай он удет—за крестьянску веру пострадал.

— А дурак ты, Васька.

— Чего?

— В бога веруешь.

— А ты нет?

— Никаких!..

— Стерва ты, Знобов. А, впрочем, дела твои, братан. Ноне свобода, кого хошь, того и лижи. Только мне без веры нельзя—у меня вся семья из веку кержацкая, раскольной веры.

— Вери-тели!.

Знобов рассмеялся. Васька тоскливо вздохнул:

— Пусти ты меня, Никита Егорыч,—постреляю хоть!

— Нельзя. Раз ты штаб, значит и сиди в штабной квартире.

— Телеги-то!

Задребезжало и с мягким звоном упало стекло в стрелочной. Снаряд упал рядом.

Вершинин вдруг озлился и столкнул секретаря:

— Сиди тут. А ночь, как придет—пушшай костер палят. А не то слезут с поезда-то и в лес удерут, либо чорт их знат, што им в голову придет.

Вершинин погнал лошадь вдоль линии железной дороги вслед убегающему бронепоезду:

— Не уйдешь, курва!

Лохматая, как собака, лошаденка трясла большим, как бочка, животом. Телега подпрыгивала. Вершинин встал на ноги, натянул вожжи:

— Ну у!..

Лошаденка натянула ноги, закрутила хвостом и понесла. Знобов, подскакивая грузным телом, крепко держался за грядку телеги, уговаривая Вершинина.

— А ты не гони, не догонишь! А убить то тебя за дешеву монету убьют.

— Никуда он не убежит. Но о, пошел!

Он хлестнул лошадь кнутом по потной спине.

Васька закричал:

— Гони! Весь штаб делат смотр войскам! А на капитана етова с поездом его плевать. Гони, Егорыч!.. Пошел!

Телеги бежали мимо окопавшихся мужиков. Мужики подымались на колени и молча провожали глазами стоящего на телеге, потом клали винтовки на руки и ждали проносящийся мимо поезд, чтобы стрелять.

Бронепоезд с грохотом, выстрелами несся навстречу.

Васька зажмурился.

— Высоко берет, — сказал Знобов, — вишь не хватат. Они там, должно, очумели, ни черта не видят!

— Ни лешева! — яростно заорал Васька и, схватив прут, начал стегать лошадь.

Вершинин был огромный, брови рвались по мокрому лицу.

— Не выдавай, товарищи!

— Крой!—орал Васька.

Телега дребезжала, об колеса билась лагушка, из-под сиденья валилось на землю выбрасываемое толчками сено. Мужики в кустарниках не по-солдатски отвечали:

— Ничего!..

И это казалось крепким и своим, и даже Знобов вскочил на колени и, махая винтовкой, закричал:

— А дуй, паря, пропадать, так пропадать!

Опять навстречу мчался уже не страшный бронепоезд и Васька грозил кулаком:

— Доберемся!

Среди огней молчаливых костров стремительно в темноте серые коробки вагонов с грохотом носились взад и вперед.

А волосатый человек на телеге приказывал. Мужики подтаскивали бревна на насыпи и, медленно подталкивая их впереди себя, ползли. Бронепоезд подходил и бил в упор.

Бревна были, как трупы, и трупы, как бревна—хрустели ветки и руки, и молодое и здоровое тело было у деревьев и людей.

Небо было темное и тяжелое, выкованное из чугуна, и ревело сверху гулким паровозным ревом.

Мужики крестились, заряжали винтовки и подталкивали бревна. Пахло от бревен смолой, а от мужиков потом.

Пихты были как пики и хрупко ломались о броню подходившего поезда.

Васька, изгибаясь по телеге, хохотал:

— Не пьешь, стерва. Мы, брат, до тебя доберемся. Не ускочишь. Задарма мы тебе китайца отдали.

Знобов высчитывал:

— Завтра у них вода выдет. Возьмем. Это обязательно.

Вершинин сказал:

-Надо в город-то на подмогу итти.

Как спелые плоды от ветра—падали люди и целовали смертельным последним поцелуем землю.

Руки уже не упирались, а мягко падало все тело и не ушибалось больше — земля жалела. Сначала их были десятки. Тихо плакали за опушкою, на просеке бабы. Потом сотни—и выше и выше подымался вой. Носить их стало некому и трупы мешали подтаскивать бревна.

Мужики все лезли и лезли.

Броневик продолжал жевать, не уставая и точно теряя путь от дыма пустующих костров, все меньше и меньше делал свои шаги от будки стрелочника до деревянного мостика через речонку.

Потом остановился.

Тогда то далеко еще до крика Вершинина:

— Пашел!.. Та-ва-ри-щи!..

Мужики повели наступление.

Падали, отрываясь от стальных стенок, кусочки свинца и меди в тела, рвали груди, пробивая насквозь, застегивая навсегда со смертью в одну петлю.

Мужики ревели:

— О-а-а-а-о!!.

Травы ползли по груди, животу. О сучья кустарников цеплялись лица, путались и рвались бороды и из потного мокрого волоса лезли наружу губы:

— О-а-а-а-о-о!!!

Костры остались за спиной, а тут недалеко стояли темные, похожие на амбары вагоны, и не было пути к людям, боязливо спрятавшимся за стальными стенками.

Партизан бросил бомбу к колесам. Она разорвалась, стукнувшись у каждого в груди.

Мужики отступили.

Светало.

Когда при свете увидели трупы, заорали, точно им сразу сцарапнули со спины кожу, и опять полезли на вагоны.

Вершинин снял сапоги и шел босиком. Знобов, часто приседая, почти на четвереньках осторожно и, почему-то, обходя кусты, полз. Васька Окорок восторженно глядел на Вершинина и кричал:

— А ты, Никита Егорыч, Еруслан!

Лицо у Васьки было веселое и только на глазах блестели слезы.

Броневик гудел.

— Заткни ему глотку-то,—закричал пронзительно Окорок и вдруг поднялся с колен и, схватившись за грудь, проговорил тоненьким голоском, каким говорят обиженные дети:

— Господи... и меня!..

Упал

Партизаны, не глядя на Ваську, лезли к насыпи, высокой, желтой, похожей на огромную могилу.

Васька судорожно дрыгал всем телом, торопясь куда-то, умер.

Партизаны опять отступили.

III.

Мокрые от пота солдаты, громыхая битонами, охлаждали у бой- пулеметы. Были у них робко торопливые и словно стыдливые жения исцарапанных рук.

Поезд трясся мелкой сыпучей дрожью и был весь горячий, как ьной в тифозном бреду.

Темно багровый мрак трепещущими сгустками заполнял голову итана Незеласова. От висков колючим треугольником—тупым кон- вниз шла и оседала у сердца коробящая тело жаркая, зябкая кь.

— Мерзавцы!—кричал капитан.

В руках у него был неизвестно как попавший кавалерийский бин и затвор его был удивительно тепел и мягок. Незеласов, за- я прикладом за двери, бегал по вагонам.

— Мерзавцы!—кричал он визгливо.—Мерзавцы!..

Было обидно, что не мог подыскать такого слова, которое было б же на приказание и ругань ему казалась наиболее подходящей и олее легко вспоминаемой.

Мужики вели наступление на поезд.

Через просветы бойниц среди кустарников, похожих на сваляв- ся желтую шерсть, видно было, как пробегали горбатые спины и у их мелькали винтовки, похожие на дощечки.

За кустарниками леса и всегда неожиданно толстые, темно-зеле- сопки, похожие на груди. Но страшнее огромных сопок были эти тливо перебегающие по кустарникам спины, похожие на куски

И солдаты чувствовали этот страх и, чтоб заглушить непонятнс ный рев из кустарников, заглушали его пулеметами.

Неустанно, несравнимо ни с чем, ни с кем—бил по кустарникам мет.

Капитан Незеласов несколько раз пробежал мимо своего купэ. туда было почему-то страшно, через дверку виден был лито- рованный портрет Колчака, план театра европейской войны и ный божок, заменявший пепельницу. Капитан чувствовал, что в купэ, он заплачет и не выйдет, забившись куда-нибудь в угол тот непонятно где визжавший щенок.

Мужики наступали.

Стыдно было сознаться, но он не знал, сколько было наступле- и спросить было нельзя у солдат, такой злобой были наполнены иза. Их не подымали с затворов винтовок и пулеметных лент и было эти глаза оторвать безнаказанно—убьют. Капитан бегал них и карабин, бивший его по голенищу сапога, был легок, как цевая трость.

Уже уходил бронепоезд в ночь и тьма неохотно пускала тяжелые ные коробки. Обрывками капитану думалось, что если он услы- шум ветра в лесу... Солдаты угрюмо били из ружей и пулеметов г. Пулеметы словно резали огромное, яростно кричащее тело.

Какой-то бледноволосый солдат наливал керосин в лампу. Керо- ивно уже тек у него по коленям, и капитан, остановившись подле, л легкий запах яблок.

- Щенка надо... напоить!..—сказал Незеласов торопливо.

Бледноволосый послушно вытянул губы и позвал:

- Н,ах...н, пх...н, ах!..

Другой с тонкими, но страшно короткими руками, переобувал сапоги и, подымая портянку, долго нюхал и сказал очень спокойно капитану:

— Керосин, ваше благородие. У нас в поселке керосин по керенке фунт...

...Их было много, много... И всем почему-то нужно было умирать и лежать вблизи бронепоезда в кустарниках, похожих на желтую свалявшуюся шерсть.

Зажгли костры. Они горели, как свечи, ровно, чуть вздрагивая и не видно было, кто подбрасывал дров. Горели сопки.

— Камень не горит!..

— Горит!..

— Горит!..

Опять наступление.

Кто-то бежит к поезду и падает. Отбегает обратно и опять бежит.

— Это наступление?

Ерунда.

Они полежат—эти в кустарниках, встанут, отбегут и опять.

...Побежали!..

Через пулеметы, мимо звонких маленьких жерл, пронесся и пал в вагоны каменный густой рев:

— Оо-у-ое!..

И тонко, тонко:

— Ой... Ой!..

Солдат со впавшими серыми щеками сказал:

— Причитают... там в тайге, бабы по ним!..

И осел на скамью.

Пуля попала ему в ухо и на другой стороне головы прорвала дыру в кулак.

— Почему видно все во тьме?—сказал Незеласов.

Там костры, а тут должно быть темно.

Костры во тьме, за ними рев баб. А может быть сопки ревут?..

— Ерунда!.. Сопки горят!..

— Нет, тоже ерунда, это горят костры!..

Пулеметчик обжег бок и заплакал по-мальчишески.

Старый, бородатый, как поп, доброволец пристрелил его из нагана.

Капитан хотел закричать, но почему-то смолчал и только потрогал свои сухие, как бумага, и тонкие веки.

Карабин становился тяжелей, но надо для чего-то таскать его с собой.

У капитана Незеласова белая мягкая кожа и на ней, как цветок на шелку,—глаза.

Уже проходит ночь. Скоро взойдет солнце.

Бледноволосый солдатик спал у пулемета, а тот стрелял сонный. Хотя, быть может, стрелял и не его пулемет, а соседа. Или у соседа спал пулемет, а сосед кричал:

— Туды вашу!.. туды вашу!..

От горла к подбородку тянулась боль, словно гвоздем сцарапывали кожу. И тут увидал Незеласов у своего лица: трясутся худые руки с грязными длинными ногтями.

Потом забыл об этом. Многое забыл в эту ночь... Что-то нужно забывать, а то тяжело все нести... тяжело...

И вдруг тишина...

Там, за порогами вагонов, в кустарниках.

Нужно уснуть. Кажется, утро, а может быть вечер. Не нужно помнить все дни...

Не стреляют там, в сопках. У насыпи лежат спокойные, выпачкавшиеся в крови мужики. Лежать им, конечно, неудобно.

А здесь на глаза—тьма. Ослеп капитан.

— Это от тишины...

И глазами и душой ослеп. Показалось даже весело.

Но тут все почувствовали, сначала слегка, а потом точно обжигаясь,—тишину терпеть нельзя.

Бледноволосый солдат, поднимая руки, побежал к дверям.

— Тьма. В тьме не видно его поднятых рук.

И капитан сразу почувствовал: сейчас из всех семи вагонов бросились к дверям люди. По леску легче держаться и можно куда-то убежать...

На мгновенье стошнило. Тошнота не только в животе, но и в ногах, в руках, в плече. Но плечо вдруг ослабло, а под ногой капитан почувствовал траву, и колени скосились.

Впереди себя увидел капитан бородатую рубаху, на штыке погон и кусок мяса...

... Его, капитана Незеласова, мясо...

Котлеты из свиного мяса... Ресторан „Олимпия"... Мексиканский негр дирижирует румынским... Осина... Осень...

Поезда на насыпи нет. Значит—ночь. Пощупал под рукой—волос человеческий в поту. Половина оторванного уха, как суконка, прореха, гвоздем разорвал...

... Кустарник—в руке, а другой руки не чувствует. Кустарник можно отломить спокойно и даже сунуть в рот. Это не ухо.

А на сапоге карабин, значит тоже из поезда ушел.

Незеласов обрадовался. Не мог вспомнить, откуда очутился пояс с патронами поверх френча.

Чему-то поверил.

Рассмеялся и, может быть, захохотал.

Вязко пахнул кустарник теплой кровью. Из сопок дул черный колючий ветер, дул ветвями длинными и мокрыми. Может быть, мокрые в крови...

Дальше прополз Обаб со щенком под мышкой. Его галифе было похоже на колеса телеги.

Вытянулся бледноволосый, доложил тихо:

— Прикажете выезжать?

— Пошел к чорту!

Беженка в коричневом манто зашептала в ухо:

— Идут!.. идут!..

Капитан Незеласов и сам знал, что идут. Ему нужно занять удобную позицию. Он исполз на холм, поднял карабин и выстрелил.

Но одной руки оказывается не хватает. Одной рукой неудобно. Но можно на колено. С колена мушки не видать... Почему не стрелял в поезде, а здесь...

Здесь один, а ползет, ишь их сколько, бородатые, сволочь в землю попадают, а то бы...

Так стрелял торопливо капитан Незеласов в тьму до тех пор, пока не расстрелял все патроны.

Потом отложил карабин, сполз с холма в куст и, уткнув лицо в траву,—умер.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

В жирных темных полях сытно шумели гаоляны.

Медный китайский дракон желтыми звенящими кольцами бьется в лесу. А в кольцах перекатываются, звенят, грохочут квадратные серые коробки...

На желтой чешуе дракона—дым, пепел, искры...

Сталь по стали звенит, кует!..

Дым. Искры. Гаоляны. Тучные поля.

Может быть дракон китайский из сопок, может быть леса... Желтые листья, желтое небо, желтая насыпь.

Гаоляны!..

У дверцы купэ лысолицый старикашка, примеряя широчайшие синие галифе прапорщика Обаба, мальчишески задорным голосом кричал:

— Вот халипа!.. Чиста юбка, а коленко-то голым голо: огурец!..

Пепел на столике. В окна врывается дым.

Окна настежь. Двери настежь. Сундуки настежь.

Китайский чугунный божок на полу, заплеван, ухмыляется жалобно. Смешной чудачок...

За насыпью—другой бог ползет из сопок, желтый, литыми кольцами звенит...

Жирные гаоляны, черные!

Взгляд жирный у человека, сытый и довольный.

— О-хо-хо!...

— Конец чертям!..

— Бу-де-е!...

На паровозе уцепились мужики, ерзают по стали горячими хмельными телами.

Один в красной рубахе кулаком грозит:

— Мы тебе покажем!

Кому, кто?

Неизвестно!

А грозить всегда надо!

Красная рубаха, как красный бант на серой шинели.

Бант!

— О-о-о-о!..

— Тяни, Гаврила-а!..

— А-а-а!..

Бант.

Бронепоезд „Полярный“ за № 14.69 под красным флагом.

Бант!..

На рыжем драконе из сопок—на рыжем—бант!..

Здесь было колесо—через минуту за две версты. Молчат рельсы не гудят, напуганы...

Ага?..

Тщедушный солдатик в голубых французских обмотках, с бебутом

— Дыня на Иртыше плохо родится... больше подсолнух и арбуз А народ ни злой, ни ласковой... Не знаю—какой народ.

Про народ кто знат?

— Сам бог рукой махнул...

— О-о!..

— Ну вас, грит, к едреной матери!..

— О-о!..

Литографированный Колчак в клозете на полу. Приказы на полу газеты на полу...

Люди пола не замечают, ходят—не чувствуют...

— А-а а!..

„Полярный" под красным флагом...

Ага?

Огромный, важный—по ветру плывет поезд—лоскут красной материи. Кровяной, живой, орущий:

— О о-о!..

У Пеклеванова очки на нос пытаются прыгнуть, не удается; сам уда-то пытается прыгнуть и телом и словами:

— В Америке—со дня на день!

Орет Знобов:

— Знаю... Сам с американским буржуем пропаганду вел!..

— Изучили!...

— В Англии, товарищи!..

Вставай проклятьем заклейменай..

—О-о-о!!.

Очки на нос вспрыгнули. Увидели глаза: дым, табак, пулеметы на полу, винтовки, патроны, как зерна, мужицкий волос, глаза жирные, хмельные.

— Ревком, товарищи, имея задачей!..

— Знаем!..

— Буде... Сам орать хочу!..

Салавей, салавей, пташечка,
Канареючка-а!..

На кровати—Вершинин: дышет глубоко и мерно, лишь внутри рит—от дыханья его тяжело в купэ. Хоть двери и настежь. Земляной воздух, тяжелый, мужицкий.

Рядом—баба. Откуда пришла—поддалась грудями вперед вся, пыхает.

Орет Знобов:

— Нашла? Он парень добрай!..

За дверцами кто-то плачет пьяно:

— Ваську-то... сволочи, Ваську—убили... Я им за Ваську пятерям юхо вспорю—за Ваську и за китайца... Сволочи...

— Ну их к... Собаки...

— Я их... за Ваську-то!..

II.

Ночью опять пришла жена, задышала-запыхалась, замерла. Видно ло при месяце ее белые зубы—холодные и охлаждающие тело и то тело, как зубы, но теплое и вздрагивающее.

Говорила слова прежние, детские и было в ней детское, а в руках сила не своя, чужая—земляная.

И в ногах—тоже...

— А-та та-та!..—Ах!..—Ах!..

Это бронепоезд—к городу, к морю.

Люди тоже идут—

Может быть туда же, может быть еще дальше...

Им надо итти дальше, на то они и люди...

— Я говорю, я:

Зверем мы рождаемся ночью, зверем!!

Знаю—и радуюсь... Верю...

Пахнет земля—из-за стали слышно, хоть и двери настежь, души настежь. Пахнет она травами осенними, тонко, радостно и благословляюще.

Леса нежные, ночные идут к человеку, дрожат и радуются—он господин.

Знаю!

Верю!

Человек дрожит—он тоже лист на дереве огромном и прекрасном. Его небо и его земля и он—небо и земля.

Тьма густая и синяя, душа густая и синяя, земля радостная и опьяненная.

Хорошо, хорошо—всем верить, все знать и любить. Все так надо и так будет—всегда и в каждом сердце!

— О о-о!

— Сенька, Степка!.. Кикимора-а!..

— Ну-у!..

Рев жирный у этих людей—они в стальных одеждах; радуются им, что ли, гнутся стальные листья; содрогается огромный паровоз и тьма масляным гулом расползается:

— У-о-у-а... у-у-у!..

Бронепоезд „Полярный“...

Вся линия знает, город знает, вся Россия... На Байкале, небойсь, и на Оби...

Ага!..

Станция.

Японский офицер вышел из тьмы и ровной, чужой походкой подошел к бронепоезду. Чувствовалась за ним чужая, спрятавшаяся в темноте сила и потому должно быть было весело, холодновато и страшновато.

Навстречу пошел Знобов. Сначала была толпа Знобовых—лохматых, густо-волосых, а потом отделился один.

Быстро и ловко протянул офицер руку и сказал по-русски, нарочно коверкая слова:

— Мий—нитралитеты!..

И, повышая голос, заговорил звонко и повелительно по-японски. Было у него в голосе презрение и какая-то непонятная скука. И сказал Знобов:

— Нитралитет—эта ладно, а только много вас?..

— Двасать тысись...—сказал японец и, повернувшись по-военному, какой то ненужный и опять весь чужой, ушел.

Постоял Знобов, тоже повернулся и сказал про себя шопотом:

— А нас—мильен, сволочь ты!..

А партизанам объяснил:

— Трусют. Нитралитет, грит, и желам на острова ехать - рис разводить... Нам чорт с тобой—поезжай.

И в ладонь свою зло плюнул:

— Еще руку трясет, стерва!..

— Одно—вешать их!—решили партизаны.

Плачущего с девичьим розовым личиком вели офицера. Плакал он тоже по-девичьи глазами и губами.

Хромой, с пустым грязным мешком, перекинутым через руку мужик подошел к офицеру и свободной рукой ударил его в переносицу

— Не пой!..

Тогда конвойный, точно вспомнив что-то, размахнулся и подскочив, как на ученьи, всадил штык офицеру между лопаток.

Станция.

Желтый фонарь, желтые лица и черная земля.

Ночь.

Ночь.

На койке в купэ женщина. Подле черные одежды.

Поднялся Вершинин и пошел в канцелярию.

Толстому писарю объяснил:

— Запиши...

Был пьян писарь и не понял:

— Чего?

Да и сам Вершинин не знал, что нужно записать. Постоял подумал. Нужно что-то сделать, кому-то, как-то...

— Запиши...

И пьяный писарь толстым, как он сам, почерком, написал:

— Приказ. По постановлению...

— Не надо,—сказал Вершинин.—Не надо, парень.

Согласился писарь и уснул, положив толстую голову на тоненький столик.

Тщедушный солдатик в голубых обмотках рассказывал:

— Земли я прошел много и народу всякого видел много...

У Знобова золотые усы и глаза золотые—жадные и ласковые. Говорят:

— Откуда ты?

Повел веселый рассказ солдатик и не верили ему и он сам не верил. Но было всем хорошо.

Пулеметные ленты на полу. Патроны как зерна, и на пулеметах сушатся партизанские штаны. На дулах засохшая кровь, похожая на истлевший бордовый шелк.

—...А то раз по Туркестанским землям персидский шах путешествовал и встречатся ему английская королева...

III.

Город встретил их спокойно.

Еще на разъезде сторож говорил испуганно:

— Никаких восстаний не слышно. А мобыть и есть—наше дело железнодорожное. Жалованье маленькое, ну и...

Борода у него была седоватая, как истлевший навоз, и пахло от него курятником.

На вокзале испуганно метались в комендантской офицеры, срывая погоны. У перрона радостно кричали с грузовиков шофферы. На депо шли рабочие.

Около Вершинина суетился Пеклеванов.

— Нам придется начинать, Никита Егорыч.

Из вагонов выскакивали с пулеметами, с винтовками партизаны. Были они почти все без шапок и с пьяными узкими глазами.

— Нича нету?..

— Ставь пулемету...

— Машину давай, чернай!

Подходили грузовики. В комендантской звенели стекла и револьверные выстрелы. Какие-то бледные барышни ставили в буфете первого класса разорванное красное знамя.

Рабочие кричали „ура". Знобов что-то неразборчиво кричал. Пеклеванов сидел в грузовике и неясно сквозь очки улыбался.

На телеге провезли убитых.

Какая-то старуха в розовом платке плакала. Провели арестованного попа. Поп весело рассказывал, конвойные хохотали.

На кучу шпал вскочил бритоусый американец и щелкнул подряд несколько раз кодаком.

В штабе генерала Сомова ничего не знали.

Пышноволосые девушки стучали на машинках.

Офицеры с желтыми лампасами бегали по лестницам и по звонким, как скрипка, коридорам. В прихожей пела в клетке канарейка и на деревянном диване спал дневальный.

Сразу из-за угла выскочили грузовики. Глухо ухнула толпа, кидаясь в ворота. Зазвенели трамваи, загудели гудки автомобилей и по лестницам кверху побежали партизаны.

На полу — опять бумаги, машинки, испорченные, может быть убитые люди.

По лестнице провели седенького, с розовыми ушками генерала. Убили его на последней ступеньке и оттащили к дивану, где дремал дневальный.

Бежал по лестнице партизан, поддерживая рукой живот. Лицо у него было серое и, не пробежав половины лестницы, он закричал пронзительно и вдруг сморщился.

Завизжала женщина.

Канарейка в клетке все раскатисто насвистывала.

Провели толпу офицеров в подвал. Ни один из них не заметил лежавший у лестницы труп генерала.

Солдатик в голубых обмотках стоял на часах у входа в подвал, где были заперты арестованные офицеры.

В руках у него была английская бомба—было приказано: „В случае чего, крой туда бомбу—чорт с ними".

В дверях подвала синело четырехугольное окошечко, и в нем угловатая покрытая черным волосом челюсть с мокрым, часто моргающим глазом. За дверью часто неразборчиво бормотали, словно молились...

Солдатик устало думал:

— А ведь когда буду бомбу бросать, отскочит от окна или не отскочит?..

Не звенели трамваи. Не звенела на панели толпа. Желтая и гу-
:тая как дыхание тайфуна томила город жара. И, как камни сопок, јеподвижно и хмуро стояли вокруг бухты дома.

А в бухте, легко и свободно покачиваясь, на зеленовато синей воде ɜолчал японский миноносец.

В прихожей штаба тонко и разливчиво пела канарейка и где-то, :ак всегда, плакали.

Полный секретарь ревштаба, улыбаясь одной щекой, писал при-
:аз на скамейке, хотя столы были все свободны.

Тихо возбужденно переговариваясь, пробежали четверо парти-
ан. Запахло мокрой кожей, дегтем...

Секретарь ревштаба отыскивал печать, но с печатью уехал Вер-
џинин; секретарь поднял чернилку и хотел позвать кого-то...

...Далеко с окраины—выстрелили. Выстрел был гулкий и точно е из винтовки—огромный и тяжелый, потрясающий все тело...

Потом глубже к главным улицам, разрезая радостью сердце. дарили улицы пулеметами, винтовками, трамваями... заревела верфь...

Началось восстание...

И еще—через два часа подул с моря теплый и влажный темно-
ɜленый ветер.

...Проходили в широких плисовых шароварах и синих дабовых убахах—приисковые. Были у них костлявые лица с серым, похожим а мох, волосом. И только непонятно, как неведомые руды, блестели них округленные привыкшие к камню глаза...

Проходили длиннорукие, ниже колен—до икр, рыбаки с Зейских ɜер. Были на них штаны из налимьих шкур и длинные густые, как :сенние травы, пахнущие рыбами, волосы...

И еще — шли закаленным каменным шагом пастухи с хребта ихоте-Алин с китаеподобными узкоглазыми лицами и с длинностволами прадедовскими винтовками.

Еще тонкогубые с реки Хора, грудастые, привыкшие к морским :трам, задыхающиеся в тростниках материка рыбаки с залива Св. льги...

И еще, и еще равнинные темнолицые крестьяне с одинаковым ɜвным, как у усталого стада, шагом...

На автомобиле впереди ехал Вершинин с женой. Горело у жены д платьем сильное и большое тело, завернутое в яркие ткани. ɔовянились потрескавшиеся губы и выпячивался, подымая платье, епкий живот. Сидели они неподвижно, не оглядываясь по сторонам только шевелил платье такой же, как и в сопках, тугой, пахнущий рем, камнями и морскими травами, ветер...

На тумбе, прислонившись к фонарному столбу, черча в маленькой лисной книжке, стоял американский корреспондент. Был он чистый гладкий, быстро, по мышинному оглядывавший манифестацию.

А напротив, через улицу, стоял тщедушный солдатик в шинеле, хожей на больничный халат, голубых обмотках и английских бутсах. ютрел он на американца поверх проходивших (он устал и привык манифестациям) и пытался удержать американца в памяти. Но был г гладок, скользок и неуловим, как рыба в воде.

...И было ему непонятно стыдно не то за себя, не то за амери-
нца, не то за Россию, не то за Европу.

— ——

К Афродите.

(Из гомеровых гимнов.)

Перевод с греческого.

В. Вересаев.

Так называемые „гомеровы гимны“ принадлежат к эпохе, значительно более поздней, чем гомеровы поэмы „Илиада“ и „Одиссея“. Древнейшие из них сложены не ранее седьмого века до нашей эры. Это — так сказать, вступительные гимны. Прежде чем начать исполнение той или другой песни из гомеровых поэм, рапсод обращался с гимном к какому-либо из божеств, обыкновенно, к божеству-покровителю того города или местности, где он в это время находился. Многие гимны полны высокого поэтического достоинства. Предлагаемый гимн к Афродите относится к древнейшим. Недостатки его — некоторая растянутость и введение вставных эпизодов, правда, очень ценных для знакомства с древне-эллинской мифологией, но имеющих мало отношения к основной теме; таковы рассказы о Ганимеде и Тифоне, о гамадриадах, нимфах, живущих и умирающих вместе со своими деревьями. Главное, наиболее пленяющее достоинство гимна,— что над ним поистине носится дух Афродиты,— грозный и неодолимый дух вожделеющей страсти, источника жизни на земле, дух, подчиняющий себе все живое, вплоть до самой носительницы этого духа. С покорным ужасом склоняет и сама она голову перед этим налетевшим на нее грозным вихрем и завещает запечатлеть этот ужас в самом имени имеющего родиться от нее сына. Страшная и зиждительная сила, властвующая одинаково над царем богов, барсами и волками.

Муза, поведай певцу о делах многозлатной Киприды!
Сладкое в душах богов вожделенье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
Скольким из них ни дает пропитанье земля или море.
Всем одинаково близко им то, что творит Киферея.

Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:
Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины,—
Склонности нет у богини к делам многозлатной Киприды.
Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
Плотников, смертных мужей, обучила впервые богиня
Сооружать для боев колесницы, пестрящие медью.

Девушек с кожею нежной она обучила в чертогах,
Славным работам, вложив понимание каждой в рассудок.
Также не в силах Киприда улыбколюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной:
Любит она только луки, охоту в горах за зверями,
Звяканье лир, хороводы, далеко звучащие клики,
Рощи, богатые тенью и город мужей справедливых.
Дел Афродиты не любит и скромная дева Гестия,
Перворожденная дочь хитроумного Крона-владыки
(Снова ж потом и последнерожденная волею Зевса):
Феб Аполлон добивался ее, Посейдон-земледержец,
Не пожелала она, но сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой (и клятву сдержала).
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честнáя богиня.
Дал ей отличье прекрасное Зевс в возмещенье безбрачья:
Жертвенный тук принимая, средь дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она, как первейшая между богами.

Этих троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах.
Из остальных же избегнуть ее никому невозможно,—
Будь то блаженные боги иль смертно-рожденные люди.
Зевс молнелюбец, и тот обольщаем бывал не однажды.—
Он, величайший из всех, величайше живущими чтимый!
Разум глубокий вскружив, без труда и его Афродита,—
Стоило лишь пожелать ей,—сводила с женой земнородной
И забывать заставляла о Гере, сестре и супруге,
Между бессмертных богинь выдающейся видом прекрасным.
(Славную Крон хитроумный и Рея-праматерь родили.
Знающий вечные судьбы властительный Зевс-молнелюбец
Сделал разумную Геру своею супругой почтенной.)

Но распалил и саму Афродиту желанием сладким
Ласк человеческих Зевс, чтоб как можно скорей оказалось,
Что не смогла и она не взойти к человеку на ложе,
И чтоб нельзя уже было хвалиться пред всеми богами
Сладко смеющейся, любящей смех Афродите прекрасной,—
Как она с женами сводит земными богов всеблаженных,
И сыновей они смертных бессмертным богам порождают,
Как и с мужами земными богинь она сводит блаженных.

Зевс ей забросил к Анхизу желание сладкое в душу.
Пас в это время быков на горах он высоковершинных
Иды, богатой ключами,—осанкой бессмертным подобный.
И загорелось любовью улыбколюбивой Киприды
Сердце. И, ужас будя, вожделенье ей в душу проникло.
Быстро примчавшись на Кипр, низошла она в храм свой душистый
В Пафосе: есть у нее там алтарь благовонный и роща.
В храм Афродита вошла и закрыла блестящие двери;
Там искупали богиню Хариты и тело натерли
Маслом бессмертным, какое обычно для вечно-живущих,—
Нежным, нетленным, нарочно надушенным для Киферен.
Чудной облекшись одеждой и все превосходно наладив,
Золотом тело украсив, покинула Кипр благовонный

И понеслась Афродита улыбколюбивая в Трою,
На высоте, в облаках, свой стремительный путь совершая.
Быстро примчалась на Иду, зверей многоводную матерь;
Прямо к жилищам пошла через гору. Виляя хвостами,
Серые волки вослед за богинею шли и медведи,
Огненноокие львы и до серн ненасытные барсы.
И веселилась душою при взгляде на них Афродита.
В грудь заронила она им желание страстное. Тотчас
По-двое все разошлися по логам тенистым. Она же
Прямо к пастушьим куреням приблизилась, сделанным прочно.
Там-то Анхиза-героя нашла. В отдаленьи от прочих,
Он в шалаше пребывал, от богов красоту получивший.
Вслед за стадами бродили по пастбищам густо травистым
Все остальные. От них вдалеке, он туда и обратно
По шалашу одиноко бродил, на кифаре играя.
Встала внезапно пред ним Афродита, Кронидова дочерь,
Ростом и видом вполне уподобившись деве невинной,
Чтобы Анхиз не пугался, ее увидавши глазами.
Он же, увидев богиню, в уме размышлял и дивился
Виду и росту ее, и блестящим ее одеяньям.
Пеплос надела она, лучезарный, как жаркое пламя,
Ярко блистали на теле витые запястья и пряжки,
И золотые висели на шее крутой ожерелья.
Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
Месяц вкруг нежной груди Афродиты светился чудесно.
Страсть овладела Анхизом. Он слово навстречу ей молвил:

„Здравствуй, владычица, в это жилище входящая, — кто б ни
„Ты ни была из блаженных,— Лето, Артемида, Афина,
„Иль Афродита златая, иль славная родом Фемида!
„Или же ты мне явилась, одна из Харит, что бессмертных
„Сопровождают богов и бессмертными сами зовутся:
„Или ты нимфа,— из тех, что источники рек населяют,
„Влажно-густые луга и прекрасно-тенистые рощи?
„Или из тех, что на этой горе обитают прекрасной?
„Я для тебя на холме, отовсюду открытом для взоров,
„Жертвенник пышный воздвигну и буду на нем ежегодно
„Жертвы тебе приносить многоценные. Ты же, богиня,
„Будь благосклонна ко мне, возвеличь меж сограждан троянских,
„Даруй, как время настанет, цветущих потомков, и сделай
„Так, чтоб,— в народах блаженный,— и сам хорошо я и долго
„Жил, и на солнце глядел, и до старости дожил глубокой".

Зевсова дочь Афродита немедля ему отвечала:

„Славный Анхиз! Из мужей, на земле порожденных, славнейший!
„Я не богиня. Напрасно меня приравнял ты к бессмертным.
„Смерти подвержена я. И жена родила меня матерь.
„Славноименный Отрей — мой отец, коли слышал о нем ты;
„Царствует он нераздельно над всей крепкостенной Фригией.
„Но языком хорошо я и нашим, и вашим владею,
„Ибо меня воскормила троянка-кормилица дома,
„Девочкой малой принявши от матери многолюбимой.
„Вот почему хорошо языком я и вашим владею.
„Ныне же Аргоубийца с лозой золотою из хора

„Золотострельной и шумной похитил меня Артемиды:
„Много нас нимф веселилось и дев, для мужей вожделенных.
„И неисчетные толпы венком хоровод окружали.
„Там-то меня и похитил Гермес с золотою лозою.
„Нес он меня через земли, являвшие труд человека,
„Нес и чрез дикие земли, лишенные меж, на которых
„Лишь плотоядные звери блуждают по логам тенистым;
„Кажется мне, что ногами я даже земли не касалась.
„Он мне сказал, что на ложе Анхиза супругой законной
„Я призываюсь взойти и детей народить тебе славных.
„Все указавши и все объяснив, возвратился обратно
„Аргоубийца могучий в собрание прочих бессмертных.
„Я же к тебе вот пришла: принуждает меня неизбежность.
„Именем Зевса тебя заклинаю! Родителей добрых
„Именем,—ибо худые такого, как ты, не родили б!
„Девой невинной, любви не познавшей, меня отведи ты
„И покажи как отцу твоему, так и матери мудрой,
„Также и близким, с тобой находящимся в родственных связях,—
„Буду ли я подходящей невесткой для них, иль не буду?
„Быстрого вестника тотчас пошли к резвоконным фригийцам.
„Пусть сообщит и отцу он, и матери, тяжко скорбящей.
„Золота много они тебе вышлют и тканой одежды;
„Ты же прими за невестой в приданое эти богатства.
„Все это сделавши, свадебный пир снаряди богатейший,
„Чтоб оценили его и бессмертные боги, и люди".

Так говорила, и сладким желаньем наполнила душу.
Страсть овладела Анхизом; он слово сказал и промолвил:

„Если ты смертная вправь, и жена родила тебя матерь,
„Если отец твой—Отрей знаменитый, как ты утверждаешь,
„Если ты здесь по решенью бессмертного Аргоубийцы,
„И навсегда суждено тебе быть мне законной женою,—
„То уж никто из богов и никто из людей земнородных
„Мне помешать не сумеет в любви сочетаться с тобою
„Тотчас, теперь же! Хотя бы даже сам Аполлон-дальновержец
„Луком серебряным слал на меня многостонные стрелы.
„Мне бы хотелось, о дева, богиням подобная видом,
„Ложе с тобой разделивши, спуститься в обитель Аида!"

Руку он взял Афродиты улыбколюбивой. Она же,
Чудный потупивши взор, повернула и тихо скользнула
К постланной пышно постели. Там сложено было уж раньше
Ложе из мягких плащей для владыки и сверху покрыто
Шкурами тяжко-рыкающих львов и косматых медведей,
Собственноручно в высоких горах умерщвленных Анхизом.
Рядом воссели они на прекрасно-устроенном ложе.
Снял он ей прежде всего украшенья блестящие с тела,—
Пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья.
Пояс потом распустил, и сиявшие светом одежды
С тела богини совлек и на стуле сложил среброгвоздном.
И сочетался любовью, по божеской мысли и воле,
С вечной богинею смертный, и сам того точно не зная.

В час же, когда пастухи на стоянку коров пригоняют
С тучными овцами к дому с цветами усеянных пастбищ,

Крепкий и сладостный сон излила на Анхиза богиня,
С ложа сама поднялась и прекрасное платье надела.
Все со вниманьем вкруг тела оправив у самого входа
Остановилась богиня богинь, головой достигая
Притолки, сделанной прочно, и ярко сияли ланиты
Той красотою нетленной, какою славна Киферея.
И пробудила от сна, и такое промолвила слово:

„Встань поскорей, Дарданид! Что лежишь ты во сне непробудном?
„Встань и ответь себе точно, кажусь ли сейчас я подобной
„Деве, какою сначала меня ты увидел глазами".

Так говорила. Ее он из сна очень быстро услышал.
И увидал он глаза и прекрасную шею Киприды,
И ужаснулся душою и, в сторону взор отвративши,
Снова закрылся плащом, и лицо несравненное спрятал.
И, умоляя богиню, слова окрыленные молвил:

„Сразу, как только тебя я, богиня, увидел глазами,
„Понял я, кто ты, и понял, что ты мне неправду сказала.
„Зевсом эгидодержавным, простершись тебя заклинаю:
„Не допусти, чтоб живой между смертных я жить оставался
„Силы лишенным. Помилуй! Ведь силы навеки теряет
„Тот человек, кто с бессмертной богинею ложе разделит!"

И отвечала ему Афродита, Кронидова дочерь:

„Славный Анхиз! Из людей, на земле порожденных, славнейший!
„Духом не падай и в сердце своем не пугайся чрезмерно.
„Ни от меня, ни от прочих блаженных богов ты не должен
„Зол испытать никаких: Олимпийцы к тебе благосклонны.
„Сына тебе я рожу. Над троянцами он воцарится.
„Станут рождать сыновья сыновей чередой непрерывной.
„Имя же мальчику будет Эней, потому что в ужасном[1])
„Горе была я, попавши в объятия смертного мужа.
„Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных
„Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным.
„Так златокудрого некогда Зевс Ганимеда похитил
„Ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он,
„И чтобы в зевсовом доме служил для богов виночерпцем,—
„Чудо на вид и богами блаженными чтимый глубоко,—
„Из золотого кратера пурпуровый черпая нектар.
„Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же
„Сына его дорогого умчало божественным вихрем,
„Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда.
„Сжалился Зевс над отцом и ему, в возмещенье за сына,
„Дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят.
„Их ему дал он в подарок; про сына ж, велением Зевса,
„Аргоубийца, глашатай бессмертных, владыке поведал,
„Что нестареющим стал его сын и бессмертным как боги.
„После того, как услышал он зевсово это известье,
„Трос горевать перестал, и душою внутри веселился,
„И, веселяся душой, разъезжал на конях ветроногих.

---

*) Эней по-гречески—Айнейас, ужасный—айнос.

„Так и Тифона к себе увлекла златотронная Эос,—
„Тоже из вашего рода и видом подобного богу.
„С просьбой прибегла она к чернотучному Зевсу Крониду,
„Сделать бессмертным его, чтобы жил он во вечные-веки.
„Зевс головою на это кивнул и исполнил желанье.
„Глупая! Вон из ума упустила владычица-Эос
„Вымолить юность ему, избавленье от старости жалкой.
„Первое время, пока многомилою юностью цвел он,
„Рано-рожденною он наслаждался Зарей златотронной,
„Близ океанских течений у граней земли обитая.
„С той же поры, как сединки в его волосах появились
„На голове благородной и на подбородке прекрасном,
„Ложе его посещать перестала владычица Эос,
„Но за самим продолжала ходить и амвросией сладкой,
„Пищей кормила его, одевала в прекрасное платье.
„После ж того, как совсем его грозная старость настигла
„И ни единого члена не мог ни поднять он, ни двинуть,
„Вот каковое решенье представилось ей наилучшим:
„В спальню его положила, закрывши блестящие двери;
„Голос его непрерывно течет, но исчезла из тела
„Сила, которою были исполнены гибкие члены.
„Не пожелала бы я, чтоб, подобным владея бессмертьем,
„Между блаженных бессмертных ты жил бесконечною жизнью.
„Если б, однако, с такою, как ныне, осанкой и видом
„Жить навсегда ты остался, моим именуясь супругом,
„Заволочить не могло бы рассудка мне ясного горе.
„Ныне же быстро тебя беспощадная старость охватит,—
„Старость, пред вами так скоро встающая, общая всем вам,
„Трудная, полная горя, которой и боги боятся.
„Ныне позор величайший и тяжкий на вечное время
„Из-за тебя между всеми бессмертными я заслужила:
„Раньше боялися боги моих уговоров и козней,
„Силой которых сводила бессмертных богов на любовь я
„С смертными женами: всех покоряла я мыслью своею.
„Но никогда уже уст я отныне своих не раскрою
„Перед бессмертными чем похвалиться. Бедою ужасной,
„Невыразимой постигнута я, заблудился мой разум:
„Сына под поясом я зачала, сочетавшись со смертным!..
„После того, как впервые он солнца сиянье увидит,
„Горные нимфы с грудями высокими вскормят младенца,—
„Здесь обитают они, на горе на божественной этой.
„Род их—особый; они не бессмертны, но также не смертны:
„Долгое время живут, амвросийной питаются пищей
„И в хороводах прекрасных участвуют вместе с богами.
„И в закоулках уютных пещер заключают в объятья
„С лаской любовной Силены и Аргуса зоркий убийца.
„С ними, как только родятся они, появляются на свет
„Из многоплодной земли на высоких горах либо сосны,
„Либо высокие дубы,—прекрасные, с зеленью пышной.
„Стройно стоят и высоко. Священною рощей бессмертных
„Их называют. И люди рубить их железом не смеют.
„Но наступает судьбою назначенный час умиранья,—
„И на корню засыхают деревья прекрасные, гибнет
„И отмирает кора, опадают зеленые ветви.
„В это же время и души тех нимф расстаются со светом.

„Сына они моего у себя воспитают и вскормят.
„После ж того, как впервые придет к нему милая юность,
Мальчика нимфы сюда же к тебе приведут и покажут.
„Я же, как только душою со всем, что случилось, управлюсь,
„Снова на пятом году приду к тебе с сыном любезным.
„Милый свой отпрыск когда ты впервые увидишь глазами,
„Радость тобой овладеет: бессмертным он будет подобен.
„Мальчика тотчас в открытый ветрам Илион отведешь ты.
„Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит, приявшей
„В страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс,
„То отвечай,—и навеки запомни мое приказанье!—
„Что родила тебе сына того цветколицая нимфа
„Из обитающих здесь вот, на этих горах многолесных.
„Если же правду ты скажешь, и хвастать начнешь безрассудно,
„Что сочетался в любви с Киферееей прекрасновенчанной,
„Зевс тебя в гневе низвергнет, обугливши молнией жгучей.
„Все я сказала тебе. А ты поразмысли об этом:
„Не проболтайся, сдержись;—трепещи перед гневом бессмертных"

Так Афродита сказала и в ветреном небе исчезла.

Радуйся, славься во-век, благозданного Кипра царица!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

Пойло.

Всякая дрянь напихалася за день в большую лоханку:
Тут кожура огурцов, вялый обмусленный лук
Плавает корнем наверх и ошметки от старой подошвы,
Сильно намокнув в воде, медленно идут ко дну.
Всклянь натилися лоханка, пора выносить поросятам.
Старая баба Аксинья в подтыканной кверху паневе,
Взявши за ушки лохань и понатужась несет.
Вылила вкусное пойло она поросятам в корыто.
Чавкают, грузно сопят, к бабе хвосты обратив.

Дрема.

Полночь зимняя белее серебра,
Месяц светит - больно посмотреть;
Порассыпал он алмазного добра
На бугор, на хату и на клеть.

А в клети ночует нынче домовой,
(Словно дым оттуда пар валит),
Прямо в шубы к овцам ткнулся головой
Сам мухортый и чудной на вид:

Нос бараний, пегий лошадиный зад,
При копытах и густом хвосте.
Ладчо овцы при хозяине лежат,
Желтым оком светят в темноте.

Снег ли хрустнет в поле от заячьих лап,
Иль пролает с колокольни сыч,—
Домовой не слышит, только сиплый храп
Посылает в небо старый хрыч.

Диктатура пролетариата [1]).

Бернард Шоу.

(С английского.)

Пролетариатом называется огромный слой человеческого общества, не имеющий иных средств существования, кроме своего труда.

Диктатурой называется государственная власть отдельного лица, которому народ, доведенный до отчаяния отсутствием правительства и неспособный к самоуправлению, поручил или позволил определить политический строй страны и стоять во главе ее управления, раз такое лицо обладает необходимой волей и сознанием, чтобы пользоваться своей властью вплоть до полного подавления всякой враждебной ему точки зрения. В настоящее время этим термином определяется власть олигархии, образованной энергичным меньшинством политических доктринеров. Если доктрина признает, что диктатура должна стоять на пролетарской точке зрения и что класс собственников (людей, живущих собственностью, а не трудом) должен быть лишен прав, экспроприирован и фактически уничтожен (путем ли убеждения или мас-

---

[1]) От редакции.

Печатаемая нами статья Б. Шоу насыщена предчувствием неизбежности огромной надвигающейся катастрофы.

В своем разборе природы капиталистического строя Шоу очень интересен. На обвинительной скамье все наиболее священные для напыщенного демократа ценности буржуазная „свобода“, буржуазный парламент, „право большинства“, как орудие защиты прав собственности, политическая экономия, как наука о сохранении капиталистического строя, школа, газеты, речи, церковь, существующая общественная мораль и, наконец, синдикалисты, „социалисты“, анархисты, купающиеся в революционных фразах, держащиеся за идеи всеобщей стачки, но неспособные по-революционному поставить основной вопрос—вопрос о диктатуре пролетариата.

Шоу, как верующий у храма, ждет спасения от пролетарской диктатуры.

Но слишком крепки корни многовековой культуры и в Шоу.

И там, где дело идет о реальном изображении нового социалистического строя. Шоу не удается вырваться из-под власти привычных представлений. Для него нет никакой разницы между Петром Великим, Ришелье, Бисмарком и Лениным. Они все одинаково вышвырнули за борт болтовню о демократии и насилием вводили новое, полезное, необходимое.

Для него пролетарская диктатура, это—„термин“, обозначающий власть интеллигентного меньшинства, насилием вводящего коммунизм и уничтожающего капитализм. Он не понимает природы классовой борьбы. Для него пролетариат только орудие, с помощью которого коммунистическое меньшинство спасет мир. Он не видит тех огромных организационных и идейных сил, которые таит в себе пролетариат, как класс. Он не понимает того, что коммунистическая диктатура может быть жизненна только как пролетарская диктатура, осуществляющая волю и воплощающая сознание миллионов рабочих.

Здесь расходятся наши представления о диктатуре с тем, как рисует себе ее представитель английской интеллигенции.

сового избиения), то мы называем такую олигархию, или позволяем ей называть себя „диктатурой пролетариата".

Так как в современных промышленных государствах пролетариат неизбежно составляет подавляющее большинство населения и потому может быть принуждаем только самим собой, то ничто не сможет долгое время стоять между ним и такой диктатурой, кроме его собственного отказа ее поддерживать. Пролетариат угнетают не потому, что его угнетатели презирают его и не доверяют ему, а потому, что он не оценивает и не доверяет своим собственным силам.

Пролетариат не только не считает ворами людей, которые его грабят, но даже уважает их и облекает их привилегиями, как людей, особо почтенных, которых он сам со спокойной совестью ограбил бы, если бы они обменялись положением. Когда он обрушивается на самого себя и избивает себя массами, стирая с лица земли свои собственные города, разрушая свои собственные храмы, взрывая своих собственных детей или обрекая миллионы их на голодную смерть, он поступает так не потому, что дипломаты и генералы имеют сами по себе какую-либо власть заставить его совершать эти ужасы, а потому, что он не только не считает это самоубийством, но думает, что поступает геройски и патриотично. Он повинуется своим правителям и заставляет недовольных подчиняться им, потому что совесть у него ничем не отличается от совести правителей.

Пока такое внутреннее сродство существует между пролетариатом и его правителями, никакое расширение свободы, а тем менее то, к которому стремится так называемая диктатура пролетариата, не приведет ни к каким переменам. Всеобщее избирательное право сделает всякую перемену невозможной. Революционные изменения совершаются обыкновенно самодержцами. Петр Великий ужасный негодяй по существу, который был бы безжалостно уничтожен, если бы он был рабочим или крестьянином, оказался в состоянии произвести радикальные перемены в русских условиях. Кромвель с мечом в руках превратил английское королевство в республику после того, как вышвырнул на улицу своих парламентских противников,—прием, который спустя два столетия позаимствовал у него Бисмарк. Ришелье превратил могущественных феодальных баронов старой Франции в простых придворных лакеев, не спрашивая совета у пролетариата. Современный демократический избиратель лишил бы власти их всех трех и заменил бы их людьми, которые, даже если бы хотели того, не посмели бы и заикнуться о каком-либо существенном изменении установленного социального порядка.

Революционное происхождение Наполеона заставляло его бояться больше французского народа, чем армий старого режима. Есть большая доля правды в утверждении французских синдикалистов, что обездоленные слои народа могли легче добиваться улучшения своего положения при старом автократическом строе, когда они вмешивались в политику лишь в виде бунтующей толпы, чем при современном демократическом парламентарном, когда они принимают участие в политической жизни страны в качестве избирателей, голосуя, по большей части, не за то, что следует.

Поэтому истинную диктатуру пролетариата нельзя защищать как режим, ведущий к лучшим результатам, чем современная диктатура собственников. Диктатура пролетариата может повести и к худшим результатам. В некоторых отношениях так, несомненно, и будет на первых порах. Пролетарскую диктатуру защищают потому, что некоторые изменения, которых добиваются социалисты, не могут быть

осуществлены при господстве собственников-капиталистов, и не могут быть закреплены, пока пролетариат не займет прочно господствующего положения. Мы имеем, с одной стороны, страх, что пролетариат, добившись власти, вконец расстроит хозяйство страны и вызовет реакцию в виде олигархии или наполеонизма, а с другой—уверенность, что капитализм неизбежно разрушит цивилизацию, как это неоднократно случалось в прошлом, если он не будет принужден уступить дороги коммунизму.

По существу это вопрос совести. Пока рядовой англичанин считает очевидным не то, что он имеет естественное право на жизнь, свободу и счастье, а то, что лорд Керзон есть высшее существо, а Н. Ленин—грязный мерзавец и не джентльмен,—пока обыкновенный британский суд присяжных выносит оправдательные приговоры тюремной администрации, явно убившей сознательного противника существующего строя насильственным введением пищи в его легкие, под предлогом искусственного питания,—до тех пор политическая власть пролетариата, достанется ли она ему, как добыча в революционной борьбе, или будет брошена ему его господами, как ловкий ход в парламентской игре, ничего не изменит в существующей системе, кроме разве уничтожения тех немногих гарантий против тирании, которые были добыты в прошлом энергичным меньшинством.

Из этого следует, что задача проповедников социализма, называют ли они себя рабочими лидерами, социалистами, коммунистами или большевиками, заключается в создании социалистической совести. (Задача капиталистов и империалистов гораздо легче: она заключается в том, чтобы спекулировать на уже существующих убеждениях и только питать их соответствующим воспитанием детей в детских и школах, а взрослых—в речах и газетах.) А когда эта задача будет исполнена, останется еще очень тяжелая задача выработки новых начал общественного строя, соответствующих новой этике и новым убеждениям. Ибо между управлением старым паровозом (а правительство по существу представляет собою паровоз) и изобретением и постройкой аэроплана—целая пропасть. И такая же пропасть лежит между управлением существующей капиталистической системой и изобретением, созданием и управлением политическим, юридическим и промышленным аппаратом социалистической системы. Пока это не будет достигнуто, никакое проникновение в парламент, или даже в кабинет министров, рабочих лидеров, социалистов, коммунистов или большевиков не сможет установить социализм или уничтожить капитализм. Г. Хендерсон и г. Клайнс могут быть такими же противниками капитализма, как Троцкий и Ленин, но они так же мало могут заставить нашу политическую машину произвести социализм, как заставить швейную машину приготовить яичницу. Машина была создана не для этой цели, и те, кто работают на ней, работают на капиталистической машине, которая ничего не может произвести кроме капитализма, хотя бы они и стояли за лучшую заработную плату и лучшее обращение с рабочими, и даже, быть может, добились бы этого.

Представление, будто мы имеем в британской конституции удивительный инструмент, бесконечно приспособляющийся ко всякому изменению настроения британского народа—только простой самообман. Вы с таким же успехом могли бы сказать, что феодальная система могла бы приспособляться к малейшим изменениям настроений манчестерской хлопковой биржи.

Что значит в сущности создать новый общественный строй? Это значит изменить условия жизни людей в обществе. Если при этом

изменяются отношения между правящим и управляемыми классами, то мы называем такое изменение - революцией. Проповедники такого переворота должны, в случае успеха, взять на себя управление страной, или уступить свое место людям, которые захотят и сумеют это сделать. Новым правителям придется взять на себя такую ответственность, от которой простые смертные отшатнулись бы с отвращением и ужасом. Им придется не только, подобно всем правителям, отдавать приказы об убийстве себе подобных за совершение преступлений, но им придется заново определить, какие именно преступления будут караться смертью. Им придется следить за тем, чтобы в каждой школе внушались такие идеи, которые могли бы примирить совесть подвластных им чиновников с исполнением подобных жестоких приказов. Вот почему реформаторы так отчаянно цепляются за постепенность изменения существующих систем, предпочитая ее революционным переменам. Очень легко подписать смертный приговор или приказать войскам стрелять в толпу, когда это не выходит из рамок давно установленной рутины, не вызывающей никаких сомнений, сложившейся вне воли исполнителя, и за которую исполнитель не несет личной ответственности. Но взять человека и убить его за то, что раньше никогда не влекло за собой смертной казни, но, более того, за что людей чтили и боготворили, или стрелять в массу людей, отстаивающих права, которые в течение столетий считались самыми священными гарантиями народной свободы,--это—отступление от установленного порядка, требующие стальных нервов и фанатических убеждений! И, действительно, подобное явление не может войти в обиход нового общественного строя, пока общественное сознание не станет считать преступным то, чем раньше восхищалось.

Есть несколько областей, в которых введение социализма потребовало бы такого революционного изменения нашей конституции; но мне приходится говорить только об одном основном изменении, которое повлечет за собой все остальное. Это—безжалостное истребление паразитической праздности. Принудительный труд, со смертной казнью, как высшей мерой наказания для ослушников, является краеугольным камнем социализма. Формула: „Нетрудящийся—да не ест", в настоящее время читается: „Если у человека нет денег, чтобы купить пищу,—пусть он умирает с голоду". Социалистическое государство заставило бы миллионера работать, не взирая на его деньги, точно так же, как наши недавние военные трибуналы заставляли его сражаться. Чтобы выяснить это положение вполне, мы должны углубиться в общую мораль социализма, которая, подобна всякой общей морали, должна быть основана на религии; то-есть на общей вере, связывающей воедино всех людей инстинктивным приятием основного догмата. Догмат этот заключается в сознании того, что мы во что бы то ни стало должны не только поддерживать свое существование, но и увеличивать нашу силу и знание, несмотря на положение (высказываемое любым рационалистом), что игра не стоит свеч, поскольку она не дает выгоды отдельному индивидууму.

Какова же в конечном счете общая мораль социализма? Начнем с непреложных фактов, на которых она основана. С момента зачатия ребенок начинает эксплоатировать свою мать и косвенно то общество, которое кормит его мать (эксплоатировать людей значит жить паразитически на их счет). Для существования общества совершенно необходимо, чтобы подобная эксплоатация не только допускалась, но и поощрялась путем оказания возможно щедрой поддержки ребенку. Ребенка приходится несколько лет кормить, одевать, снабжать поме-

щением, лечить, воспитывать и так далее в кредит. К тому моменту, когда ребенок окажется в состоянии производительно трудиться и будет в долгу за все, что он потребил с момента зачатия,—социалистическое государство предъявит ему соответствующий счет. Ему придется, следовательно, не только поддерживать себя производительным трудом, но работать также для погашения своего долга. Но и старость влечет за собой долг обществу, подобно младенчеству, и об уплате этого долга следует позаботиться заранее. Поэтому производитель в период своей трудоспособности должен уплатить долг своих младенческих лет, поддержать свое существование и озаботиться накоплением средств на то время, когда он потеряет трудоспособность, или же, когда общество сочтет возможным освободить его от труда.

Эти факты не новы: они являются естественной необходимостью и не могут быть изменены капитализмом, коммунизмом, анархизмом, и каким бы то ни было другим „измом". Может быть изменена и изменена в корне только общественная оценка этих фактов.

Социалистическая мораль по этому вопросу весьма проста. Она рассматривает человека, уклоняющегося от уплаты своего долга обществу (этот долг в сущности есть долг природе), как подлого вора, который должен быть лишен прав, сослан, изгнан, расстрижен, вычеркнут из списков; и если уж его нельзя, как советовал Шекспир для Пароля, перевести на какой-нибудь остров, где находились бы женщины, не менее его опозоренные, и где он мог бы основать бесстыдное племя (ибо социалисты не только не стремятся основывать бесстыдные нации, а, наоборот, хотят покончить с ними), то он должен быть по крайней мере подвергнут всем карам преступника и бесправию банкрота. В социалистическом государстве каждого ребенка с самых малых лет учили бы испытывать отвращение к социальному паразиту гораздо более сильное, чем то, которое теперь кто бы то ни было испытывает к стоящим вне закона капиталистической системы. Там не будут скрывать того, что паразит причиняет обществу такой же вред, как взломщик и карманник, что паразитизм мог пользоваться привилегиями лишь в таком обществе, где законы составлялись паразитами для паразитов.

Наша капиталистическая мораль диаметрально противоположна. Она не только не считает труд долгом чести, но признает его лишь позорной необходимостью, которой каждый в праве избегать, по мере возможности, во имя идеала счастливой и почетной жизни, свободной от всяких обязанностей и обставленной всевозможной роскошью. На языке такой морали успехом называется успех в достижении таких условий, а неуспехом—трудовая жизнь. Этот нелепый взгляд делается возможным благодаря тому, что труд настолько производителен, что трудящийся может не только выплатить долг своих младенческих лет, покрыть издержки рабочего периода своей жизни и позаботиться о своей старости, но также поддержать непроизводительное существование других людей. Если девять человек работают, то они могут позволить десятому жить возмутительно праздно и расточительно. Чем беднее будут жить эти девять, тем богаче будет десятый. Все рабские системы основаны на этом начале и имеют целью принудить девять десятых населения поддерживать „высшую десятую", производя возможно больше и позволяя лишать себя всего, что они производят сверх минимума, необходимого для поддержания их собственного существования.

Достаточно сформулировать сущность морали капитализма и социализма, чтобы стало ясным, что переход от одного к другому мо-

жет быть только революционным. Капитализм допускает такой значительный внешний прогресс, что поверхностным мыслителям очень легко убедить себя в том, что этот прогресс в конце-концов приведет к социализму; в действительности—к социализму нельзя притти без революционного переворота. Рабство, как система, постоянно совершенствуется. В начальной стадии оно непосильной работой доводит рабов до преждевременной смерти. Затем оно убеждается, что при дурном обращении рабы (если только они не так многочисленны, что могут быть дешево заменяемы другими) производят для своих господ меньше благ, чем при хорошем. Этому соответствует значительный гуманитарный прогресс. Позднее, когда конкуренция совершенствует способы эксплоатации, оказывается невыгодным прикрепление раба к одному господину. Господин желает получить возможность избавляться от раба на время, когда он ему не нужен, и снова ставить его на работу в периоды промышленного оживления; он не желает нести ответственности за раба старого или потерявшего трудоспособность. Немедленно горячая любовь к свободе охватывает капиталистическое государство; и благодаря агитации, освященной самыми возвышенными гимнами поэзии и самым великолепным красноречием риторики, раб получает свободу наниматься к тому, кто в нем нуждается, умирать с голоду, когда он никому не нужен, гибнуть в рабочих домах и слышать, что во всем этом виноват он один. Когда наконец начинает выясняться, что такое торжество прогресса является лишь регрессом, прогрессивные реформаторы снова принимаются за работу, чтобы смягчить его худшие последствия при помощи фабричного законодательства, пенсий, страхования от безработицы, камер заработной платы, примирительных камер и т. п., производящих впечатление „века прогресса". Но и этот „прогресс" допускается лишь постольку, поскольку он увеличивает производительность рабочих—рабов и соответственно богатства их господ—эксплоататоров.

Дальнейшее сравнение обеих моралей показывает, что в то время, как социалистическая мораль может быть открыто провозглашаема, капиталистическая мораль настолько спорна, что пришлось прибегнуть к всевозможным ухищрениям, чтобы, скрыв ее истинную природу, примирить с ней рабочих. Она никогда не была терпима общественным мнением, как разумная система. Хотя она и была изложена с полной откровенностью целым рядом талантливых политико-экономов и профессоров юриспруденции и оправдана в целом, как наилучшая система, на какую только способна человеческая природа, единственным результатом было то, что „политическая экономия", как называют это изложение, стала ненавистна. Капиталистическая система сохранилась не благодаря достоинствам своим (как экономической системы), а благодаря систематическому прославлению и обоготворению богатых и опорочению и принижению бедных. Однако, она дает каждому бедняку один шанс из миллиона, или около того, сделаться богатым (как сказал Наполеон: карьера открыта для талантов, и каждый солдат имеет фельдмаршальский жезл в своем ранце), и никто не обрекается ею на полное отчаяние. В Англии в особенности, где существует система первородства и младшие сыновья, привыкшие к образу жизни, превышающему их доходы, оказываются в состоянии хронического безденежья и доходят до полной нищеты, сознание принадлежности к привилегированному классу может быть найдено во всех слоях общества; а докер, который не относится к себе и своей работе с должным уважением, вряд ли обладает чувством собственного достоинства в достаточной степени, чтобы бытьполезным рекрутом революции.

Против тех, кто крадет любым способом, кроме узаконенных капитализмом, издаются свирепые законы; и хотя женщина, производящая за 16-часовой рабочий день ценностей на 10 шиллингов, получает всего один шиллинг заработной платы; хотя никто не может ничего купить, не приплачивая к стоимости производства дани землевладельцу и капиталисту, однако, всякая попытка со стороны пролетария проделать подобную же операцию над собственником подавляется тюрьмой, кнутом, винтовкой, виселицей и всем моральным оружием остракизма, потери репутации и работы.

Но как бы велики ни были лицемерие и насилие капитализма, не они являются главными причинами власти капитализма над пролетариатом. В конце-концов лицемерие редко импонирует тем, кто не желает ему поддаваться, а насилие проводится в жизнь при помощи самих пролетариев. Истинная и действительная приманка капитализма заключается в кажущейся возможности для каждого быть праздным.

Было бы бесполезным доказывать, что такой свободы не существует для всех, что если Адольф живет в праздности, то Джек и прочие должны работать за него и таким образом лишаться своей доли свободы. Какое до этого дела Адольфу? И кто не надеется быть Адольфом, хотя бы случайно, хотя бы на один день, на неделю? В ту минуту, когда социализм выступает на сцену с своей программой всеобщей промышленной и гражданской трудовой повинности, разница между Деканом Инджем и трудовой партией исчезает: они готовы претерпеть все, даже капитализм в худшем его виде, лишь бы не потерять права в любой момент бросать работу и веселиться. Таким образом, их жажда свободы держит их в рабстве. И после самых решительных попыток улучшения своего положения они терпят поражение и возвращаются к беспросветной тяжелой работе под скрытой, но непреоборимой, угрозой голодной смерти.

Какая жуткая комедия в том, что пролетарии лелеют это право на праздность, которое держит их в рабстве, не только как привилегию, но и как свое оружие. Они называют его правом стачки, не замечая, что оно представляет собой лишь особый вид права на самоубийство или на голодную смерть у порога врага. Это безумие достигает высших пределов в идее всеобщей стачки, единственного вида стачки, которая не может иметь даже временного успеха, так как чем полнее была бы такая забастовка, тем внезапнее и позорнее был бы ее неуспех. Идеальной стачкой является мгновенная стачка официантов в модном ресторане, которая не бьет никого, кроме врага, загоняя его на время в тупик, делая его тем самым сговорчивым и клонным итти на жертвы. Всеобщая же забастовка—всеобщее самоубийство. Наполеон, который предложил бы перевести свое интендантство из кухон в траншеи, был бы посажен в сумасшедший дом. А французская генеральная конфедерация труда, раздираемая спорами между коммунистами, синдикалистами, тред-юнионистами и всякими другими „истами", вполне солидарна лишь в своей приверженности к идиотскому набору фраз, называемому Амьенской хартией, из которой нельзя извлечь ничего понятного, кроме утверждения, что спасение труда заключается во всеобщей забастовке.

Социалистическое государство ни на мгновение не потерпело бы такой угрозы обществу, как стачка. Если какой-нибудь профессиональный союз попытался бы прибегнуть к стачке, старый капиталистический закон против тред-юнионов, как общества заговорщиков, был бы вновь введен в действие в двадцать четыре часа и безжалостно при-

веден в исполнение. Такое чудовищное явление, как недавняя забастовка шахтеров, когда горнорабочие использовали все свои сбережения для причинения вреда своим соседям и уничтожения национальной промышленности, была бы немыслима при социалистическом строе. Она закончилась полным поражением. Но если бы она проводилась социалистическими, а не тред-юнионистскими методами (которые, по существу, являются коммерческими), она могла бы закончиться иначе. В этом случае лидеры труда в парламенте должны были бы предложить правительству остановить стачку путем введения трудовой повинности и обязались бы сами голосовать за это предложение. Это сразу примирило бы с ними общественное мнение и явилось бы историческим актом в рабочей политике. А правительство таким шагом было бы поставлено в весьма затруднительное положение. Все коалиционисты крайней правой, так же мало разбирающиеся в вопросах капитализма, как и социализма, думая только о том, чтобы раздавить ненавистные им тред-юнионы и обуздать рабочий класс, с восторгом присоединились бы к этому предложению. Но правительство скоро принуждено было бы увидеть, что уничтожение права стачки—то есть права на праздность—равносильно крушению капиталистической системы. Легко взять горнорабочего за шиворот и бросить его в шахту с предупреждением, что если он не выработает положенного числа тонн угля в неделю, то с ним будет поступлено как с сознательными противниками войны в военное время. Совсем иное—наложить руку на высокородного Реджинальда Кайкасля и его приятеля Томми Бригса, сына Брэтфордского шерстяного миллионера, и вышвырнуть их бесцеремонным образом из их отеля в Монте-Карло или из квартиры в аристократическом квартале Лондона, не имея при этом возможности прибегнуть к помощи дам, которые во время войны упрекали в трусости, пробуждали храбрость у высокородных джентльменов. Освобождение Реджи и Томми от трудовой повинности, даже если бы и удалось найти линию, отделяющую их от прочих соотечественников, явилось бы революцией класса собственников против свободы договоров и возвратом к открытому рабству. Призыв же их к трудовой повинности был бы равносилен лишению капиталистической системы той приманки, которая до сих пор заставляла ее жертвы примиряться с ней. В таком положении правительство, вместо того, чтобы помогать собственникам, вероятно, посоветовало бы им во что бы то ни стало, сговориться с рабочими.

Удобный случай был упущен единственно потому, что тред-юнионизм не взял правильной линии в забастовке. Так как его лидеры либо не хотели и думать о трудовой повинности, либо были убеждены, что их последователи покинут их при одном лишь намеке на нее, они смогли выдвинуть требование только не понижать заработной платы. Владельцы угольных копей ответили, что они не могут и не станут платить той же заработной платы, как раньше; а так как собственники имели возможность голодом заставить горнорабочих подчиниться им, то они победили, приведя рабочих в состояние унижения и рабства, вскрыв при этом всю никчемность политики трудовой партии, что дало капитализму всю храбрость успеха, не дав рабочим даже мужества отчаяния.

Рабочие в качестве независимой партии проложили себе дорогу в парламент пятнадцать лет тому назад; его лидеры проникли даже в кабинет министров. И вот результат. Анархисты и синдикалисты издеваются: „а что мы вам говорили?“ Но они тут же спешат добавить, что, как бы они ни были разочарованы в парламенте, правительстве,

в тронах и церквах, они остаются все же неизменно преданы Амьенской хартии и всеобщей забастовке.

Удивительно ли после этого, что реалистически настроенные люди кричат: „К чорту ваших правых и левых, ваших красных, белых и бледнорозовых, ваши первый, второй и третий Интернационалы, ваши громкие фразы, которые отличаются от слов Ллойд Джорджа только тем, что они переведены с иностранных языков: мы будем голосовать за делового кандидата, которого мы, по крайней мере, понимаем и который нас еще не продал!"

К этому нечего прибавить, пока не будет признано, что не может быть жизни без выполнения долга природе и что нет свободы вне беспристрастного распределения работы и принудительного ее исполнения. Долг природе нельзя рассматривать, как коммерческий долг, платеж по которому один человек может взять на себя за другого, подобно платежу по векселю. Это личный долг, который может быть погашен только тем индивидуумом, который сделал его. Если кто скажет: „Мой дед работал за шестерых",—ответ должен быть: „Превзойди своего деда и поработай за семерых. Таким образом, мир выиграет от твоего существования, так же как он выиграл от существования твоего деда; и ты не испортишь его доброго дела праздностью"... А если кто скажет: „Мой дед владел собственностью, которой хватило бы на тысячу", то трудно ответить словами такому безнадежному глупцу; разве только поставить его к ближайшей стенке и предложить ему, внимательно присмотревшись к пол дюжине наведенных на него винтовок, решить, серьезно или нет он собирается следовать примеру своего деда. Во всяком случае нечто подобное случится, если так называемая диктатура пролетариата станет совершившимся фактом здесь, как в России.

При введении всеобщей принудительной общественной службы, сопротивление другим мерам, связанным с социализмом, сделалось бы не только бесцельным, но и вредным для самих сопротивляющихся. Точно так же, как бедный землевладелец в большинстве случаев является плохим землевладельцем, а бедный предприниматель очень плохим предпринимателем, так и находящееся в стесненных обстоятельствах, несовершенное, бедное, борющееся с врагами социалистическое государство сделало бы жизнь своих членов гораздо менее приятной, чем мощное и процветающее. В настоящее время богатый собственник вовсе не свободен от забот: его прислуга, дома, помещение капиталов, его арендаторы причиняют ему много беспокойства; но он примиряется с этим отчасти потому, что он так же мало виноват в своем богатстве, как бедняк в своей бедности, но главным образом, конечно, потому, что к его услугам роскошь, прислуга, развлечения и фешенебельное общество, и он может до известной степени делать, что хочет, даже если ему нравится ничего не делать. Но если бы его слуги были призваны на принудительную гражданскую службу и он сам вместе с ними, какая польза была бы ему от его дворянских грамот и акций? Возможность держать богатый дом исчезает вместе с прислугой; и даже если бы государство поручило ему управление его собственным имением,—как это, вероятно, и случится, если он был в прошлом хорошим хозяином, а не передавал своего имения разным управляющим, приказчикам и поверенным,—он „законный владелец", оказался бы не в лучшем положении, чем какой нибудь главный лесничий или другой ответственный чиновник на службе у государства. Ему не было бы никакого смысла оказывать малейшее сопротивление переходу его прав собственности в руки

государства, и даже наоборот,—так как: чем богаче государство, тем больше был бы доход, распределяемый между его членами, и тем короче был бы период жизни, посвящаемый принудительному труду,—он стал бы рассматривать право личной собственности, как попытку навязать ему, без всякого эквивалента, ответственность и обязанности, от которых более счастливые его сограждане были бы избавлены. При таких обстоятельствах люди стремились бы к титулам, чинам, славе и всяким нематериальным отличиям, а также к изысканным предметам личного употребления; но, конечно, они не стали бы цепляться за право собственности; а так как социалистическое государство не скупилось бы на моральные отличия и прославление гражданских доблестей и позволяло бы своим гражданам умножать изысканные предметы для личного пользования, то их честолюбие и жажда приобретения получали бы полное удовлетворение. Сохранилась бы также привилегия благородства. Человек, с избытком выплачивающий свой долг природе и этим улучшающий положение своей родины, считался бы джентльменом в противоположность так называемому джентльмену капитализма, который оставляет свою страну беднее, чем она была до него, и гордится таким грабежом.

Как ни малы кажутся на первый взгляд такие изменения, однако, ясно, что они слишком революционны, чтобы можно было провести их простым большинством в парламентском голосовании. Гражданские власти не стали бы проводить их, суды отказали бы им в своей поддержке, граждане не подчинились бы им при современных общественных взглядах. Пресса напрягла бы все силы своей угрожающей риторики, чтобы обесславить их. Поэтому при нормальных условиях потребуется несколько лет убедительной пропаганды, чтобы создать хотя бы зародыш общественного сознания в пользу таких изменений, и первым шагом должно было бы быть обращение самих рабочих лидеров и официальных социалистов. Тред-юнионизм должен быть вывернут на изнанку и должен отвергнуть, осудить, а не защищать то право на праздность, ничегонеделание и разгильдяйство, которое делает вполне законным социальный паразитизм. „Оружие стачки" должно быть отброшено, как хартия праздных богачей, которые находятся в постоянной стачке и являются истинными лентяями и трудоспособными лодырями нашего общества. Марксисты должны прекратить невыносимое полоскание рта марксистскими фразами, которых они не понимают (так как не читали Маркса), и перестать надоедать и внушать отвращение обществу своими речами на напыщенно-сварливых конгрессах, кончающихся Амьенскими хартиями, которые призывают к всеобщей забастовке—этой квинт-эссенции антисоциализма. Если они не могут предложить ничего лучшего, пусть они лучше отправляются домой спать; по крайней мере, там они не будут никому надоедать и никого не введут в заблуждение кроме самих себя. *Они должны наконец начать говорить о том, что значит социализм на практике.*

Но обстоятельства могут и не остаться нормальными. Класс собственников, видя, что нормальный ход событий ведет к уничтожению права собственности, может попытаться создать благоприятные условия, воспользовавшись приемом Екатерины Второй—маленькой войной для развлечения народа. Рабочее движение может само испортить свое дело, если при помощи тройственных и проч союзов попытается снова вызвать всеобщую стачку. Важно помнить, что в России самой отсталой из великих европейских держав, почва для коммунизма была расчищена не столько коммунистами, сколько империалистами, которые

в своем беспечном невежестве и неспособности загнали свой воз в канаву и оказались во власти энергичной кучки реалистических коммунистов, которые, взяв управление страной в свои руки, непреодолимой логикой фактов и реальной ответственности были приведены к принудительному общественному труду под угрозой смертной казни, как к первому условию не только коммунизма, но самой возможности существования. Они расстреливали людей не только за уклонение от работы и безделье, но за пьянство во время работы. Теперь ясно, что в смысле невежества, неспособности, социальной близорукости, классовых предрассудков и всего того, что дискредитирует государственных людей и приводит к крушению их страну, та порода людей, которая избирается в парламент при послевоенных (цвета хаки) выборах в Западной Европе и в Соединенных Штатах Америки, поспорит с любым государственным мужем, который когда-либо стоял у власти во время царизма в России. На Западе капитализм гораздо сильнее, чем в России, где он был сравнительно мало развит; но хотя в России он не достиг своего кульминационного пункта и находился в младенческом состоянии, у нас он уже пережил высшую стадию развития и начинает шататься на своих глиняных ногах. Он также может завязнуть со своим возом в канаве и предоставить наиболее способным реалистам спасать положение.

В этом случае мы можем получить диктатуру пролетариата в том смысле, в каком это выражение употребляется русскими государственными людьми коммунистами. Для них диктатура значит обуздание демократии. Например, по всей России существуют избранные советы, но иногда случается так, что по какому-нибудь существенному вопросу 20 голосов подается за правительство, а 22 против него (при чем оппозиция состоит из социалистов-революционеров, меньшевиков, синдикалистов и других людей, в такой же мере ненавистных газете „Морнинг Пост“, как и господствующие в России коммунисты). Правительство не говорит на это: „Ваша воля будет исполнена: глас большинства—есть глас Божий“. Оно весьма быстро распускает этот совет и заявляет его избирателям, что пока они не изберут совета с преобладанием в нем большевиков, у них не будет никакого совета. Оно даже может обращаться с большинством, как с бунтовщиками. Британский демократ возмущается этим. Даже те, кто слишком циничен или слишком безразличен, чтобы возмущаться, говорит: „какая польза вообще иметь совет при подобных условиях“. Но правители России возражают, что польза в том, что они знают, с кем имеют дело. Они таким образом узнают, в какую сторону склоняется общественное мнение и какие округа являются отсталыми и нуждаются в воспитании. Британский демократ в недоумении спрашивает, справедливо ли исключать оппозицию из правительственных учреждений. Русский государственный деятель отвечает, что они ведут классовую войну и что во время войны оппозиция является врагом. Их спрашивают далее, в праве ли они навязывать своей стране новые учреждения, пока они не убедили большинство населения в их необходимости. Они отвечают, что если бы ни одна политическая мера не проводилась без того, чтобы население понимало и требовало ее, никакая вообще политическая мера не могла бы быть проведена. Они добавляют, что всякая партия, как бы революционна она ни была в теории, великодушно отказывающаяся предпринять какое-либо действие, пока оно не будет поддержано конституционным большинством, очевидно, руководима лодырями (чтобы не сказать трусами и неспособными), прикрывающимися своими демократическими принципами, чтобы избежать неприятностей.

Я здесь не занимаюсь опровержением или защитой этих возра-кений. Я просто указываю на то, что они были сделаны и всегда будут делаться правительствами, которые обвиняются в отсутствии у них конституционных демократических мандатов или в лишении прав ех людей или классов, на чью поддержку они не могут рассчитывать. Если то, что совершенно неправильно называют классовой борьбой ибо значительная часть пролетариата так же паразитична, как и ра-ботодатели-собственники, и будет голосовать и бороться за них), будет ызвано в Англии неправильными действиями правительства или какой-ибудь катастрофой, происходящей вне его воли, пусть никто не ду-ает, что борющиеся стороны проявят больше уважения к демократии, ем русские коммунисты, ирландская республиканская армия, бри-анская оккупация Египта, Дублинский замок, или любое правитель-гво в военное время. Демократы, как и в Европе, будут инертны; ни будут собирать митинги и клеймить обе стороны как тиранов и бийц; а воюющие стороны будут сажать их в тюрьму, когда они ганут слишком беспокойными,—чтобы можно было не обращать на их внимания. Демократам придется утешаться мыслью, что в конце нцов ни одно правительство не может удержаться без известного инимума общественного одобрения, заключающемся в крайнем слу-іе в признании, что всякое другое правительство было бы хуже.

Не следует предполагать, что капитализм имеет больше защит-яков, чем коммунизм, если под защитником подразумевать человека, оторый понимает, за что он стоит. Народ привык к капитализму, от и все; и потому он имеет много последователей. Когда капита-изм будет забыт и народ привыкнет к коммунизму, этот последний кже будет иметь многочисленных приверженцев. А пока те группы, оторые желают изменения общественного строя, с решительностью, остаточной для того, чтобы посвятить себя проведению их в жизнь, дут поступать так, как всегда поступали такие люди, т.-е. будут ремиться к власти, чтобы навязать миру свою волю. Но эти группы ждаются одновременно в сочувствии и поддержке: мало, ко-чно, удовлетворения даст вам навязывание коммунизма вашему седу, ненавидящему вас и ваш коммунизм, хотя бы вы считали ммунизм исключительным благодеянием. Пока вы не внушите ремления к коммунизму, такого же страстного, какое имеется вас, вы не только не можете быть счастливы, но и не мо-те быть уверены в своей безопасности. Вот почему русские комму-сты так настойчивы в своей пропаганде коммунизма, хотя меры енного и гражданского насилия которыми они пользуются против нтр-революции, ничем не отличаются от насильственного навязы-ния коммунизма своим подданным. Подобно английскому офицеру, торый скажет вам, что если бы Англия отдала Индию индусам, то дия немедленно была бы опустошена гражданской войной, веду-й к хаосу, русский красный офицер скажет вам, что если бы боль-вики отдали Россию кулачным бойцам контр-революции и пу-ым доктринерам—болтунам конституционных демократов, Россия нулась бы к царизму (о котором так жалеют великие княгини и осто княгини в Константинополе и Лондоне), при котором жен-ны годами просиживали в крепости за то, что учили детей читать обы они не могли читать Маркса), рабочие жили в подвалах и абатывали 1 фунт четыре шиллинга в месяц, а милые княгини ли за четыре пенни нанимать извозчика в оперу. Они могут под-пить свое утверждение указанием на контр-революционный Вла-осток и на великую республику капиталистической свободы на

Дальнем Западе, где восемнадцатилетние девушки приговариваются к пятнадцати годам заключения за распространение нелестных для капитализма листовок. Я не произношу здесь никакого приговора над британским белым офицером, или над русским красным офицером, я только говорю, что когда так называемая классовая война разразится в Англии (а я боюсь, что наши белые собственники не уступят без борьбы даже если Рабочая партия будет иметь в парламенте 600 голосов), белые и красные будут спорить точно таким же образом, и сбитый с толку рядовой обыватель, не имеющий ни знания ни убеждений, будет напрасно бросать в урну свою реакционную записку.

Однако, в настоящее время капиталисты могут еще бодриться. Они имеют на своей стороне колоссальную инерцию установленных учреждений; детские души в школах находятся в их руках. На их стороне так называемые представители умственного труда; недаром Троцкий, на глупый упрек, что он зовет на службу и хорошо оплачивает специалистов (точно коммунизм означает организацию промышленности без мозгов и опыта), ответил: „Да, но сперва нам пришлось хорошенько их выпороть". Даже наши инженеры с высшим образованием, зарабатывающие меньше, чем простой монтер, боятся коммунизма, который довел бы их заработок до уровня заработка простого монтера.

Мое прямолинейное рассуждение, которое могло бы быть опасно (а в таком случае оно было бы излишне), если бы люди были политически интеллигентны, и рабочий класс не был бы превращен в торгашей до мозга костей двумя столетиями рабства заработной платы, упадет в море политики лидеров труда, как камышек, брошенный мальчиком со скалы в море. Рабочие лидеры будут по-прежнему потрясать оружием забастовки. Трэд-юнионы, убедившись в несостоятельности тройственного союза, создадут союзы еще большей численности, так, чтобы провести в жизнь возможно полное приближение к всеобщей забастовке и тем сделать неудачу вполне несомненной. Многие из них верят, что тройственный союз мог бы иметь успех, если бы его организаторы решились выстрелить из пушки, которую они так тщательно зарядили.

Одного слова в пользу принудительного труда, или какого бы то ни было принуждения, кроме принуждения угрозой голодной смерти, или молящим взглядом голодных детей, было бы достаточно, чтобы послать любого рабочего лидера назад к станку или в шахту, как разжалованного и не могущего быть прощенным изменника свободе. Наши правители не поют публично о том, что „Керзон в министерстве иностранных дел и кое-кто может нажить кучу денег в грядущей войне с Америкой за обладание морями"; но они, примерно, хотят сказать именно это, когда им случается петь: „Слава Богу на небе, а на земле все в порядке". Может, это так. Может быть, наши цивилизации погибнут и возвратят нас в первобытное состояние именно потому, что мы не предназначены быть цивилизованными животными и что падение империй представляет собой не катастрофу, а торжество здоровой жизни, блаженное пробуждение от лихорадочных снов. Если это так, то нам, повидимому, скоро придется снова пережить такое торжество, и тогда мы—или во всяком случае горсточка оставшихся в живых—отдохнем от капитализма и коммунизма, пока лихорадка снова не охватит нас. Но я лично не поклонник Аркадии, и мне хотелось бы испробовать на время коммунизм, прежде чем отказаться от цивилизации, как явления патологического. Во всяком случае, он вряд ли может привести к худшим результатам, чем капитализм.

10 августа 1921 г.

Наши спецы в их собственном изображении.

М. Покровский.

(Рапопорт. „Полтора года в советском главке". Архив русской революции, издаваемый И. В Гессеном, т. II. М. Смильг-Бенарио. „На советской службе", там же, т. III).

Находящаяся на советской службе беспартийная интеллигенция обижается, слыша название „спеца". Теперь, говорят, никаких ни спецов, ни не-спецов нет — все одинаково советские работники.

Положимте, что так... Блажен кто верует! Но тем легче рассуждать о спеце, раз это „историческое явление". Хорошо, „спецов" нет: посмотримте, чем был спец не в очень давнем прошлом.

Задача наша очень облегчается тем, что спецы, не выдержавшие „большевистских неистовств" и бежавшие в те края, где только коммунистов расстреливают, коммунисты же никого расстрелять еще не могут, охотно делятся с другими „спасшимися" своими впечатлениями. Нет людей, болтливее тех, у кого совесть нечиста. В каскадах слов стараются они утопить „когтистого зверя, скребущего сердце". В сущности, про себя они прекрасно знают, что они предатели и негодяи. Именно с буржуазной точки зрения предатели: интернационалист может итти и против своей родины, во имя интересов мирового целого; — у буржуа, распинающегося и еще чаще распинающего других во имя патриотизма, перебившего и искалечившего ради „национальных" интересов миллионы людей, для разрыва с родиной нет и не может быть никакого морального оправдания. Презрение заграничной массы к российским эмигрантам новейшей формации, то презрение, от которого так тяжко лучшим из них, объясняется в первую голову именно этим. Французский или германский мелкий буржуа не может понять людей, которые, ради своих личных интересов, пошли против своего отечества. И только с этой точки зрения можно объяснить ту, до цинизма доходящую, бесцеремонность английского и французского „офицерства к его белогвардейским союзникам, которую это офицерство проявляло с изумительной последовательностью на всех окраинах русской равнины: в Архангельске так же, как и в Ревеле, в Севастополе или Одессе так же, как в Новороссийске.

Повторяем, сами беглые спецы прекрасно понимают это. Оттого первой их заботой является — объяснить своим читателям, почему они „работать" более не могли. Более длинные из упомянутых в заголовке этой статьи воспоминания Смильг-Бенарио прямо защитительная речь, губящая автора наивностью оправданий. Рапопорт хитрее: он старается найти „объективную" причину своего краха — и находит ее,

разумеется, в коммунизме: никакие „перемены не могут улучшить самую систему",—торжественно заключает он свое повествование.

Это было бы нетрудно, как объяснение, особенно, если вспомнить, что попытки „непосредственного коммунизма" и нами самими признаны ошибочными и преждевременными. Беда только в том, что предшествующим сам Рапопорт блестяще доказал отсутствие хотя бы тени коммунизма или его влияния в работе того советского учреждения, где ему приходилось подвизаться. Он смог привести лишь один пример этого влияния: служащих попробовали заставить ходить на работу не позже 10 с четвертью (ради бога, не переведите этого хотя бы на французский язык: там никто не поймет, что можно начинать работу не с 9...). Но и этот опыт стеснить „личную инициативу" кончился, повидимому, неудачей Других примеров „коммунизма" Рапопорт не приводит — и он гораздо более прав, когда, в другом месте и по другому поводу, сводит роль коммунистической верхушки советского аппарата к очень скромным размерам. „Управление промышленностью из центра сводится к составлению и пересоставлению всевозможных организационных, производственных и строительных планов, к громадной, но случайной переписке по выплывающим отдельным вопросам и к разрешению дрязг и конфликтов местных органов" („Архив" II, стр 100).

Вот это верно — верно для четырех пятых, по крайней мере, советских учреждений. Да, наш коммунизм, по большей части, не выходит из стадии планов и проектов. Да, мы не умеем вылезти из болота текущих мелочей. Но что же это значит? Лишь то, что реальная, конкретная работа ведется теми, в чьих руках эти мелочи. От них, от этих „столоначальников" советского режима, зависит продуктивность его работы. Пусть нам не удалось воплотить в жизнь коммунизм: за это мы ответим перед судом истории Современники в праве от нас требовать одного: чтобы наша текущая административная работа шла удовлетворительно Не будьте коммунистами, если не можете: но управляйте как-нибудь, выполняйте элементарные функции государственной власти. Так вот, как эти-то элементарные функции может осуществлять власть, располагающая такими орудиями, как г. Рапопорт?

Прежде всего, никакая власть не может выполнять элементарных своих функций, если она не знает того, что у нее есть. Если бы маршалы Наполеона давали ему дутые сведения о составе корпусов Великой армии, Наполеон не выиграл бы ни одного сражения. Как обстояло с этим дело в том ведомстве, где работал г. Рапопорт (одном из главков В. С. Н. Х.)? Предоставим всецело слово ему самому:

„3-го января 1920 г. в наше учреждение, как и во все прочие главки, прибыла срочнейшая телефонограмма Ларина, с предложением представить ему не позднее 1 ч. дня 5-го января основной отчет по управляемой отрасли промышленности за 1919 г., по следующим пунктам: число заводов, работающих и не работающих, число рабочих и служащих, количество потребленного сырья и технических материалов, количество выработанных лесных материалов, истраченные суммы денег. За исполнение работы к сроку обещалась соблазнительная премия: на каждого участника работы по 2 ф. сахара и четверть чая. „Мобилизовали" сотрудников, засели за вечерние занятия. Первым долгом обратились в статистико экономический отдел Главлескома, который должен получать два раза в месяц телеграммы с заводов о ходе работы. Однако, мы нашли там сведения только с пяти заводов за разрозненные месяцы; остальные 2000 с лишним заводов отчеты

: дали. Кинулись опять к переписке и толстым „делам“ управления, и там нашли не больше. Между тем, начальство требует отчет; ф. сахара к праздникам — соблазн не малый — и отчет был со-авлен „логическим“ путем: взяли приблизительное число заводов, туитивно определили число работающих станков, путем умножения 25 вывели число рабочих и таким же гениально простым путем лучили все остальные нужные цифры. Отчет был представлен Ла-:ну за 2 часа до срока...“ (там же, стр. 99).

Мы не прибавили ни одного слова — да и не нужно. Буржуазный ропейский читатель удивился бы только, вероятно, что за такой тчет“ никто не попал под суд. Он удивился бы еще больше, если бы нал, что настоящие цифры, хотя бы неполные, несомненно елись на-лицо. Мы это узнаем по другому поводу: когда Рапопорту нужно было изобличить Советскую власть за то, что она возила за границу „чужой“ — т. е. конфискованный у буржуазных едпринимателей—товар. Указав на наивные, может-быть, попытки ветских экспортеров затруднить точное распознавание бывших вла-тьцев товара, г. Рапопорт с торжеством сообщает: „Между тем, аво собственности на экспортный товар может быть точно уста-влено, хотя бы потому, что соответствующие русские и иностранные рмы, конечно, имеют гораздо более полные и точные сведения о личестве и движении своего товара, чем все лескомы и наблю-ощие за ними чрезвычайки вместе“ (там же, стр. 107).

Итак, Ларину цифры, добытые „интуитивным“ путем, а „хо-вам“ — точные сведения о том, что делается „их“ предприятиями. дурно? И ни одного намека во всей статье, что за такую „двойную галтерию“ кого-нибудь поставили к стенке... Долготерпелива и огомилостива Советская власть!

Этого факта, впрочем, и г. Рапопорт не отрицает. Легенда о со-ском терроре (лейтмотив воспоминаний другого беглого спеца, к орому мы перейдем ниже) отнюдь не входит в его программу, и готов даже согласиться, что Советская власть нелицеприятно вы-гает „дельных людей“, не копаясь в их политических убеждениях. Не совсем правильно, по крайней мере, в пределах моего опыта, ерждение, что служащих заставляют записываться в коммунисты выдавать себя за сочувствующих; правда, бывали и у нас анкеты партийной принадлежности, но при мне можно было обойтись лкой на беспартийность и даже на „независимость“ (стр. 102).

Итак, отнюдь не „террор“ заставлял г. Рапопорта и компанию ять собою такой образец „рабов лукавых и ленивых“, какого в гой раз, пожалуй, и не сыщешь в истории. Что же заставляет? Рапопорт и из этого не делает секрета.

„Нет ни одной сметы, ни одного проекта, ни одной хоть сколько-удь существенной бумаги, за которой не скрывался бы чей-нибудь жущий ее частный интерес, не имеющий ничего общего с предпо-темым интересом социалистического производства и обычно ему ершенно противоположный. Так как каждая бумажка рождает ую переписку ряда учреждений, то наблюдатель иногда не сразу ет определить, за какой из этой цепи бумажек скрывается личный ерес, и в чем он состоит; но стоит вглядеться повнимательней, зворить с участниками переписки, и вы неизбежно увидите где-э тот же скрытый двигатель личной выгоды.

„Составляется годовая смета завода или целого гублескома. влескомом отпускается по смете громадная сумма денег, отчет в асходовании которой дается когда угодно и как угодно. Да дать

отчет и не трудно. Так, например, в смете есть пункт расходов по заготовке и подвозке к заводу круглого леса для распиловки; расстояние возки леса исчислено в 10 верст, на самом же деле это расстояние равно одной версте, чаще всего лес заготовлен еще бывшим владельцем и лежит на заводе уже несколько лет. Получается громадная „экономия" в расходах, о которой центр ничего не знает и знать не может: посылать на все заводы людей для проверки работы нет возможности и, наконец, и эти люди тоже только люди и хотят есть. Формально, все в порядке: на расходы по возке имеются оправдательные документы, в виде самодельных расписок от имени крестьян-возчиков в получении денег и, что самое главное, продовольствия за возку..." (стр. 103—104).

Как г. Рапопорт ни уверяй после этого, что во всем виноваты „коммунисты и полу-коммунисты", совершенно ясно, что у В. С. Н. Х., считающего в своем составе что-то 3 или 4 процента членов Р. К. П., даже физической возможности нет послать на все заводы хоть по одному коммунисту. И, конечно, все эти дутые отчеты составляют и не рабочие—хотя бы просто потому, что они и не сумели бы их составить. Нечего скромничать: околпачиванием коммунистических центров Советской власти занимаются именно г.г. Рапопорты и им подобные—т.-е. именно спецы. Это они составляют аккуратнейшие отчеты „о работе в 1920 г. заводов, сгоревших в 1916" (стр. 101); это они, „когда строится новый завод или ремонтируется старый", „выписывают такое количество всяких станков, машин, материалов, ремней, которого хватит на десяток заводов"... „Завод строится годы, а материалы переходят с казенных складов на нелегальный частный рынок, опять покупаются за громадные деньги отделом снабжения того же или другого главка и начинают дальнейшее perpetuum mobile (вечное движение): обогащая всех прикосновенных к постройке завода, к снабжению главков и т. д." (стр. 101). Это они, наконец, „берут при подписании договоров, берут за отвод лесных площадей, берут за выдачу авансов, берут за отпускаемое продовольствие и инструменты, берут при приемке дров, берут за подлоги в обмере дров и в указании расстояния возки" (там же), ибо никакие коммунисты у подобных операций не стоят, и стоять не могут: если бы у нас нашлись коммунисты для всех этих технических функций, г.г. Рапопортам пришлось бы положить зубы на полку и не пришлось бы нашему автору писать, что работа ведется в Советской России „или по инерции там, где сохранились остатки прежней организации, в виде нахождения бывшего владельца или его доверенного в составе заводоуправления (недурненькие „остатки прежней организации"! *М. П.*), или ввиду того, что лесопилка связана с мельницей, размалывающей за незаконные поборы натурой зерно местных крестьян, которым сбывают и доски с завода, или же, наконец, в силу отсутствия другого выбора" (когда ничего другого не поделаешь, начинают работать: ну, можно ли придумать что-нибудь прелестнее этого?). Словом, если у заведующего предприятием спеца есть личный интерес, узко личный интерес к доверенному ему государственному делу: попросту, есть что с этого дела в карман положить.

Далее г. Рапопорт развивает целую теорию этого „личного интереса" (не имеющего, конечно, ничего общего с тем личным интересом, которым движется частное предприятие), уверяя, что без этого стимула русская промышленность и вовсе остановилась бы. И при таких порядках, несомненно, остановилась бы не только советская промышленность, но и, еще раньше, промышленность Морозовых и Мазуриных,

еще раньше промышленность Демидовых и Строгоновых: если бы те терпели у себя служащих, которые только в карман норовят, а до дела им дела нет. Но старые хозяева умели, в ряде поколений, отобрать людей, преданных именно предприятию, его успехом живших-беспощадно гоня прочь всех трутней и мошенников. Мы не сумели, и за это г. Рапопорт в праве над нами смеяться. Да, от вшей смогли кое-как избавиться, а от мошенничающих спецов пока нет...

Но г. Рапопорт и его „подзащитные" — только коммерческие агенты революционной власти. Конечно, достопримечательно, что они правительству рабочих и крестьян служили заведомо, сознательно *хуже*, чем капиталистам. Но кроме плохой работы они на своих должностях ничем себя ознаменовать не могли. Представьте себе теперь случай гораздо более резкий: когда такой спец оказывается не просто сторожем при советском имуществе, а руководителем классовой борьбы против контр-революционных элементов. До появления III тома „Архива" г. Гессена я, правда, не думал, что такой инцидент возможен. Когда требуют, чтобы даже в архивах, касающихся революции, ответственные заведующие были из членов партии — казалось бы, в живом деле, составляющем часть самой революции, иного ответственного руководителя и вообразить себе нельзя. Оказывается, однакоже, что можно. Недальше как в Питере, в 1918—1819 г.г., председателем центральной комиссии по трудовой повинности был спец, ныне повествующий об ужасах большевизма на страницах „Архива".

Что такое трудовая повинность буржуазии, об этом читателям „Красной Нови" объяснить не приходится. Это средство классовой борьбы до такой степени логически вытекает из захвата власти трудящимися, что первый раз мы встречаем его ни более, ни менее, как у Бабефа. Суть тут, разумеется, не в том, чтобы использовать мускульную силу небольшого, относительно, числа лиц, которые притом не умеют работать. Тут применяется к буржуазии испытанное средство, которое она десятки лет применяла к пролетариату. Когда большинство капиталистических правительств хватало молодых рабочих — наиболее возбудимую, наиболее легко революционизируемую часть пролетарской массы, и запирало ее на год—другой в казармы, здесь конечно, не имелся в виду наилучший *технический* способ приготовить солдата. Империалистская война показала, что можно готовить солдата и гораздо скорее, и совсем иначе. Суть была в том, чтобы *деклассировать* юного пролетария хоть на короткое время, оторвать его от родной обстановки, сделать его чужим братьям рабочим. Недаром германский предприниматель охотнее брал к себе на фабрику рабочего, германский помещик охотнее нанимал батрака, если те „прошли казарму". Казарма в буржуазном государстве выполняла функции диаметрально противоположные функциям нашего Комсомола—вот как можно определить ее значение.

Рабочая казарма и рабочая дисциплина должны были *деклассировать буржуазию* в ее наиболее гибких и податливых элементах—а элементы слишком заскорузлые лишить, по крайней мере, свободы действий, которую те, несомненно, использовали бы для борьбы против революции, даже и состоя на советской службе. Конечно, применение этого оружия на практике требовало большой гибкости и большого такта от тех, в чьи руки оно было дано. Надо было точно ограничить понятие „буржуазии"—а из этой последней уметь выделить элементы, ценные и для нас и могущие быть использованными производительнее, или же совершенно безобидные и безразличные. Нужно было прежде всего—это делала даже и сама

буржуазия по отношению к своей казарме — выделить физически негодное для мускульного труда. Когда в первоначальный проект „тылового ополчения“, в качестве кандидатов в оное, попали профессора и студенты, пишущий эти строки решительно восстал против этого и добился изменения проекта в этом пункте: военное ведомство впоследствии молчаливо присоединилось к этой точке зрения, мобилизовав студентов не в тыловое ополчение, а в Красную армию. Но все эти неизбежные смягчения не мешали тому, что идея оставалась чисто революционной и что воплотить ее в жизнь могли только сознательные революционеры. Это аксиоматическое положение так ясно, так не может быть никем и никогда забыто, что можно оценить весь трагизм положения Красного Питера, всю его до ужаса доходящую нищету в интеллигентных коммунистических силах, узнав, что во главе этого дела там многие месяцы стоят г. Смильг-Бенарио.

Для характеристики этого человека достаточно двух мест его воспоминаний. Непосредственным его начальником был т. Позерн, тогда военный комиссар Петербурга. „Несмотря на те разногласия, которые я впоследствии с ним имел, я все же сохранил наилучшие воспоминания о Позерне. Он внешне имеет большое сходство с бывшим императором: те же формы лица, та же бородка и та же любезная улыбка. Иной раз, когда Позерн в полной военной форме принимал парад, мне казалось, точно передо мной стоит двойник убитого государя“ („Архив“, III, стр. 148). Дальше идут и другие комплименты по адресу т. Позерна: и „железная сила воли“, и „работа без отдыха“, и „сердечность и любезность“. Но характерно, что начинается с внешнего сходства с Николаем II: это было первое впечатление, пленившее г. Смильг-Бенарио. Но пленялся он не только этим. „Через несколько дней (сообщается в главе „Ужасы большевистской России“, после описания того, как автор читал об этих „ужасах“ по бюллетеням „Бюро военных комиссаров“) я случайно имел возможность посетить балет в Мариинском театре. Балет был еще единственным местом в Петербурге, где я порою мог забыть все те ужасы, которые меня окружали“ (там же, стр. 183).

После этих двух пассажей, г. Смильг-Бенарио сколько угодно может себя называть „демократом и социалистом“ — никто ему не поверит. Тайный воздыхатель по Николае и явный поклонник балета был, конечно, в тысяче верстах от того, чтобы понять что бы то ни было в революции. Если он к ней примазался, то отчасти из шкурных соображений (места нет, а стоило бы выписать очаровательный рассказ, как автор провозил картошку мимо заградительного отряда, пользуясь своим советским званием, см. стр. 158), главным же образом, чтобы саботировать эту самую революцию. Так у него изображается, на самом же деле, быть может, было и наоборот: на первом месте были шкурные соображения, а политический саботаж на втором.

„Через несколько недель (после того, как г. Смильг-Бенарио стал свидетелем „того издевательства над человеческой личностью, которое вошло в систему существующей власти“) была образована центральная комиссия по трудовой повинности“, рассказывает он. „В эту комиссию должен был войти также и представитель от военного комиссариата. Тов. (!) Позерн спросил меня, не соглашусь ли я в качестве такового войти в эту комиссию. Несмотря на то, что я ясно сознавал, что должность совершенно не соответствует ни моим политическим, ни моим нравственным убеждениям, я все же дал свое согласие. Я надеялся, что в качестве члена центральной комиссии

о трудовой повинности, мне удастся облегчить по·ожение сосланных на северный фронт" (стр. 161; разрядка моя. *М. П*)

Г. Смильг-Бенарпо пытается уверить своего читателя, что он не умал скрывать своих убеждений от начальства. „Вы знаете, товаищ, мои политические убеждения..."—так начинался, будто бы, один з его разговоров с Б. П. Позерном (стр. 155). Но мы знаем от г. Раопорта, что в России ни одного советского служащего не заставляют притворяться ни коммунистом, ни сочувствующим коммунизму. ак зачем же г. Смильг-Бенарпо походя называет всех своих сослуживцев-коммунистов „товарищами"? И будто они, зная его политиеские убеждения, такую фамильярность терпели? Все это очень сомительно. А вот что несомненно и хорошо известно всякому из нас, ак это манера всех „примазавшихся" щеголять титулом „товарища". собенно в сочетании с громкими партийными именами. Придет этай тип, развалится в кресле и начнет развязно: „Товарищ Троцкий не вчера говорил...". Я всегда прерываю в таких случаях: „вы член К. П.?"—„Н-нет, я, собственно, не принадлежу к партии..." „Так о же вам говорил вчера председатель Реввоенсовета Лев Давидоич Троцкий?" Но нет сомнения, что на коммунистов помоложе (в артийном смысле) это производит впечатление. И когда г. Смильгенарпо кому-нибудь отпускал в Питере: „Тов. Позерн меня просил...", это сразу располагало слушающего в пользу человека „иных полиических убеждений"—во имя уважения к тов. Позерну. Тогда легко ыло этого слушающего и „обработать".

Это слово не наше—оно из лексикона г. Смильг-Бенарпо. Выполяя свою миссию—спасать буржуазию от трудовой повинности,—и остигнув, в одном из случаев, очень крупного успеха (дело о полпе начальника конвоя вместо Ч. К. было передано в Нарсуд), Смильг-Бенарпо „лично зашел к председателю суда, передал ему ты по этому делу и соответственно его обработал. При прощании мне обещал дело этих десяти прекратить" (стр. 168). „Я поехал военный комиссариат. Позерна как раз не было в здании. Но он лжен был скоро притти и поэтому я решил его подождать. Слуйно я встретил Женевского [1]). „Ах, товарищ,—сказал он,—как поживете, давно вас здесь не видно было. Ну, что слышно хорошего?" от счастливый случай,—подумал я,—надо Женевского обработать. дь он, как-никак, тут важная птица" (стр. 178).

Самого Позерна „обработать" однакоже не удалось (см. стр. 9—если, конечно, не считать факта назначения г. Смильг-Бенарпо)—скоро попал в „обработку" и сам наш „товарищ". Случилось это—гатель почти мог бы и сам догадаться—в П. Ч. К. Зашел туда ра Бенарпо, в своих хлопотах о жертвах Советской власти, был при г „крайне любезно" (во всех случаях, когда он передает личные ои впечатления от Ч. К., а не сплетни, он ничего дурного о ней общить не может), но, несмотря на щедро рассыпаемых „товарий", не сумел обойти рокового вопроса: „а вы коммунист?". Г. Смильгнарпо, вероятно, здорово ругнул себя в душе, что не использовал бродушие питерцев до конца и не влез в партию—но что подешь? Пришлось установить „истинное положение вещей". Тогда, разется, последовал дальнейший вопрос: „Так как же вы состоите едседателем Центральной комиссии по трудовой повинности?" р. 171).

---

[1]) Тов. Ильин-Женевский, тогда помощник т. Позерна

Почва под ногами начинала становиться горячей. А тут—беда беду гонит,—налетел еще один неприятный случай. Начал выручать одного из своих клиентов г. Смильг-Бенарио и „для ускорения его возможного освобождения сообщил сущность дела (в Вологду, где тот находился) по телеграфу". Мы подчеркиваем эту маленькую подробность, ибо она может дать некоторый ключ к дальнейшему. Казалось бы, прибегая к телеграфу, желаешь ускорить дело. И когда вскоре после телеграммы выручаемый явился в Питер, г-ну Смильг-Бенарио только бы радоваться. Ан, он вскипел гневом—и своего бывшего протеже травить: то то ему свидетельство подай, то другое. В чем же дело? Оказывается, „буржуй" (г. Бенарио, так его дальше и начинает величать в сердцах) нашел себе другого покровителя, коммуниста. Г. Бенарио сразу почуял, что дело нечисто (почему это не пришло ему в голову, когда он посылал свою телеграмму, не совсем ясно: но ведь известно—„в чужом глазу сучок мы видим..."). И, в негодовании на явно бесчестную конкуренцию, он имел неосторожность довести дело до Ч. К. В пылу гнева он не сообразил, что Ч. К. может взяться и за „буржуя"—а тот может, струсив, начать рассказывать не с коммуниста, а с самой телеграммы. А Ч. К. как раз так и поступила. Пришлось г. Бенарио устраивать своему буржую побег, снабдив его паспортом из центральной трудовой комиссии. И хотя факт, повидимому, остался никому не известным, но г. Бенарио не мог не понимать, что нет ничего тайного, что не могло бы сделаться явным. Да и коммунист, с которым он столкнулся, оказался хорошо известным, так что извету г. Бенарио не поверили (стр. 173—178).

Тем временем, и в самой комиссии начинали чувствовать, что председатель—человек совершенно чужой. „Мои товарищи по комиссии становились все более подозрительными по отношению ко мне. Они стали открыто выражать недовольство по поводу моего отношения к делу" (стр. 181). Сделать из учреждения, ведающего одной из отраслей борьбы с буржуазией, выручалку для „буржуев" не удавалось. Но „оставаться в этом учреждении и сознавать одновременно, что никакой пользы никому (!)" он „принести больше не сможет", было для г. Смильг-Бенарио „невыносимо". Он подал в отставку—его не удерживали. Тем временем и его семья покинула Питер (в том числе и его брат, член центрального комитета плехановского „Единства", т.-е. определенно анти-советской организации, которого он выручил с чрезвычайной легкостью и безо всяких хлопот, когда того взяла Ч. К. Добродушные были времена!). Наконец, и сам г. Смильг-Бенарио „отправился в иностранный отдел комиссариата внутренних дел к своему товарищу, который мне как-то предложил оказать помощь в случае, если я захочу уехать из России"! (на этот раз, как видим, это был, действительно, товарищ...)

„Я пришел,—сказал я своему товарищу,—чтобы напомнить о вашем обещании. Помогите мне покинуть Питер и советскую Россию". Товарищ мой сразу же согласился сделать все обещанное... (стр. 184).

Дальше перед нами уже не советский спец, а германский военнопленный, возвращающийся на родину. Любопытно отметить, что, когда его везли по окаянной большевистской России, его „поместили в хорошо отопленный санитарный вагон". А когда он вырвался из большевистского ада и очутился на территории свободной и цивилизованной Польши, ему и его спутникам пришлось сидеть „в холодных товарных вагонах, наполненных навозом, при чем вагоны были настолько набиты людьми, что по ночам мы совершенно не могли лежать" (стр. 188).

Но г. Смильг-Бенарпо был и этому рад, ибо накануне его отъезда приходил к нему один его бывший сослуживец и сообщил ему, „что по желанию комиссии по трудовой повинности 1-го гор. района решено потребовать, чтобы“ г. Бенарпо „дал отчет о своей деятельности чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией“. Превратиться из „товарища“ в „германского военнопленного“ (не суждено было бедному г. Смильг-Бенарпо выйти из ковычек') было самое время.

Ах, как хорошо, что больше нет спецов! „Но уроками истории нужно пользоваться для будущего“, сказал Фукидид. Последуем его совету, и если нам опять придется когда-нибудь пользоваться услугами спецов, будем помнить, что ни им пальца в рот класть не следует, ни самим перед ними с разинутым ртом стоять нельзя. А дверь Ч. К. перед ними всегда должна быть гостеприимно раскрыта...

Посвящается тов. В. Д.

Мировое хозяйство и кризис 1920—1921 г.г.[1].

Ш. Дволайцкий.

Кризис, переживаемый ныне мировым хозяйством, по широте и размаху не имеет себе равных в истории мирового капитализма. Все „классические“ кризисы в первой половине XIX столетия, а также последующие потрясения мирового рынка и длительные экономические депрессии представляют собой небольшие бури по сравнению с тем опустошительным ураганом, который носится над капиталистическим миром вот уже 1½ года. Кризис 1920—1921 г.г. побил все рекорды: он дал небывалое понижение производства; он вызвал катастрофическую революцию цен; он создал совершенно беспримерную по своим размерам безработицу; он обусловил собой широчайшую эпидемию банкротств; он до чрезвычайности обострил социально-экономические противоречия.

Капиталистический мир беспомощно бьется в им же сплетенных сетях противоречий. В Америке давно уже не хватает складов для товаров, а истощенная Европа не имеет возможности удовлетворить свои, зачастую элементарные потребности. Торговые помещения завалены неисчерпаемыми запасами всякого добра, витрины магазинов блистают ослепительной роскошью, и в то же самое время буквально десятки миллионов людей, пораженных жесточайшей безработицей, вынуждены вести полуголодное существование. Наиболее дальновидным пророкам мировой буржуазии уже мерещится начало конца и „гибель цивилизации“. Они сидят и выдумывают методы лечения, но все предлагаемые ими рецепты, узы, несовместимы с духом капиталистического общества.

Более чем когда-либо мы стоим перед роковым вопросом: кризис или крах? потрясение или гибель? Перед всяким объективным человеком, изучающим „морфологию“ переживаемого мировым хозяйством развала, становятся именно эти вопросы. Но капиталистическое хозяйство представляет собой в настоящий момент столь пеструю и запутанную картину, и капитализм в последние годы обнаружил такую неожиданную приспособляемость, что попытка предсказать исход кризиса является сейчас слишком ответственной задачей.

В настоящей статье я даже не собираюсь давать анализа современного потрясения мирового хозяйства с точки зрения общей теории кризисов, ибо это завело бы нас слишком далеко в дебри абстрактной политической экономии. Задача, которую я поставил себе, значительно уже: я намерен выяснить лишь специфические причины

---

[1] Настоящая статья написана мною за границей в первой половине ноября. Данные, относящиеся к ноябрю и декабрю, внесены мною в текст, когда статья была уже набрана. *Ш. Д.*

кризиса и, по возможности, сжато представить его в его конкретных проявлениях.

Если мы пойдем к причинам кризиса, то нам придется обратиться к двум факторам первостепенной важности: во-первых, к передвижению центра капиталистического мира в Америку и быстрому индустриальному развитию внеевропейских стран; во вторых, к обнищанию центральной и восточной Европы и к своеобразным экономическим условиям, созданным версальскими грабителями.

1. Эволюция Соед. Штатов и других внеевропейских стран за время войны.

В своем анализе равновесия капиталистического хозяйства Маркс всегда исходил из двух „подразделений" производства: из производства средств производства и производства средств потребления. Он и не подозревал, что наступит время, когда новое „подразделение"—производство средств убийства и опустошения—оставит далеко позади себя все прочие отрасли производительного труда человека. А между тем такое время наступило в период мировой войны. Все усилия обеих воюющих сторон были направлены к тому, чтобы довести войну „до победоносного конца". Это была не столько война огромных людских масс, сколько война „национальных" хозяйств, „национальных" индустрий. Исход военных столкновений решался не „крепостью нервов", как думал Гинденбург, а крепостью и эластичностью индустрий враждующих сторон. И оба враждующих лагеря, естественно, состязались в производстве снарядов и пушек, патронов и винтовок, пулеметов и бомбометов, аэропланов и подводных лодок, танков и цеппелинов, пороха и пироксилина, динамита и удушливых газов. Миллионы людей, остававшихся в тылу, изготовляли орудия уничтожения, а десятки миллионов на фронте, ничего не производя, занимались уничтожением.

Результатом этого своеобразного распределения „производительных сил" был, во первых, колоссальный спрос со стороны Европы на фабрикаты и продукты сельскохозяйственного производства, и, во вторых, полная невозможность удовлетворить спрос внеевропейских стран, который до войны удовлетворялся по преимуществу европейскими странами. Для стран, не втянутых в мировую войну или принимавших в ней относительно малое участие, начался период пышного промышленного расцвета. Соединенные Штаты и отчасти Япония начали работать на Европу, предъявлявшую все большие и большие требования, и обе эти страны стали быстро захватывать внеевропейские рынки, которые до войны обслуживались, главным образом, Англией и Германией. Следствием всего этого было прежде всего перемещение центра мирового капитализма из Европы в Америку. Если до 1914 года Англия и Германия спорили друг с другом относительно индустриального первенства, то война бесповоротно разрешила этот спор в пользу... Соединенных Штатов: к ним перешла экономическая гегемония над миром.

Чтобы дать некоторое представление о промышленном росте Соед. Штатов, приведем несколько цифровых данных [1]). Мировая добыча угля за 1913—1920 г.г., благодаря сокращению производства

[1]) Статистические данные я буду давать, главным образом, в %%, так как они более показательны, чем абсолютные цифры.

в Европе на 18,1%, несколько уменьшилась (на 3,2%), но в то же самое время добыча угля в Соед. Штатах возросла на 13,1%, и их участие в мировой добыче поднялось с 38,5% накануне войны до 45,1% в 1920 году. Если мы далее возьмем производство чугуна 5 главных стран,—Англии, Франции, Германии, Бельгии и Соед. Штатов,—то окажется, что участие Соед. Штатов, выражавшееся 1913 году в 46,4%, достигло в 1920 году 66,8%. Для стали соответствующие цифры составляли 47,6% и 66,6%. Тоннаж торгового флота Соед. Штатов (если не считать огромного флота так наз. Великих озер) увеличился за тот же период в 6 раз. В таких же приблизительно размерах возросла роль американского флота в мировом судоходстве: тоннаж Соед. Штатов в 1914 году составлял лишь 4% мирового тоннажа, а в 1920 году уже 23%, между тем, как „владычица морей" Англия спустилась с 42% на 34%.

Рассчитанный на внешние рынки, рост промышленности Соед. Штатов шел параллельно увеличению экспорта. Полстолетие тому назад Сев.-Американские Соединенные Штаты имели еще пассивный торговый баланс (превышение ввоза над вывозом). Америка крайне нуждалась в продуктах промышленного производства и, в особенности, в железнодорожных материалах. Она вынуждена была привозить все это из Европы и превратиться в ее должника. Но железные дороги, которые соединяли восточные гавани Сев. Америки с далеким Западом, открыли продуктам ее сельскохозяйственного производства и сырью доступ к европейским рынкам. „Пшеничный центр" Соед. Штатов передвигался все более на Запад, а дешевый американский хлеб усиленно экспортировался в Европу, создавая здесь острый аграрный кризис. Уже в 1875 году американский вывоз превысил ввоз на 7 миллионов долларов, а в 1880 г. эта цифра достигла целых 100 миллионов. С тех пор она, оставаясь положительной, временами довольно значительно падала, но с середины 90-х годов почти неуклонно шла вверх; за последние довоенные годы она колебалась между 400 и 700 миллионов долларов. За время войны внешняя торговля Соед. Штатов сделала колоссальный скачок вверх. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют следующие цифры, характеризующие товарообмен Сев. Америки с государствами Европы:

	Вывоз в Европу:	Ввоз из Европы:
1908—13 г.г.	7.857 милл. долл.	4.637 милл. долл.
1914—19 г.г.	20.754 „ „	3.483 „ „
увел. или уменьш.	+164 %	—25%

Как показывает эта таблица, превышение американского вывоза в Европу над ввозом из Европы за последнее шестилетие было в шесть раз больше, чем в предшествовавшем довоенном шестилетии; более того, оно превзошло весь актив американской торговли со всеми странами мира за целое 40-летие, предшествовавшее войне (за 1873—1913 г.г.). В результате участие Сев. Америки в мировой торговле увеличилось с 10,1% в 1913 году до 25% в 1920 году.

В период индустриализации Сев. Америки, в Соединенные Штаты, как известно, иммигрировал иностранный, в особенности английский капитал. Собственное накопление Штатов, само по себе колоссальное, было однако недостаточно для расширения производства, и они прибегали к иностранному капиталу. Правда, с 1893 года, когда европейский капитал понес благодаря американскому кризису большие потери, новый приток капиталов в Соед. Штаты значительно сократился. Тем не менее иностранные капиталы в Сев. Америке в 1913 г.

достигли огромной цифры в 4 миллиарда долларов: европейские страны располагали, и таким образом, накануне войны американскими ценными бумагами на 8 миллиардов золотых рублей, при чем главными кредиторами Соед. Штатов были: Англия (2.400 милл. долл.), Франция (520 милл. долл.), Германия (425 милл. долл.), Голландия (300 милл. долл.) и Бельгия (125 милл. долл.). За время войны все эти долги были погашены, так как европейские страны покрывали свои покупки в Сев. Америке прежде всего американскими ценными бумагами. Более того, Соед. Штаты из мирового должника превратились в первостепенного мирового кредитора. В настоящее время Европа должна Соед. Штатам неболее и не менее 11 миллиардов долларов. В Европе нет ни одной страны, которая не была бы должником Соединенных Штатов. Англия должна Штатам 4.697 миллионов долл., Франция 2.966 милл. долл., Италия 1.631 милл. долл., Бельгия 348 милл. долл. и т. д. (цифры эти относятся к концу января 1921 года). Вся Европа стала данницей заатлантической республики.

Не следует, однако, думать, что Соед. Штаты продавали свои товары только за ценные бумаги и в кредит. Нет, они требовали звонкой монеты. Широкая струя золота потекла из подвалов европейских хранилищ в Сев. Америку, и в настоящее время Соед. Штаты располагают золотым запасом в 3¼ миллиарда долларов. Это ⅖ мирового запаса золота и значительно больше золотых запасов Англии, Франции, Японии, Германии и Италии, вместе взятых.

Прежде мировой денежной единицей был фунт стерлингов. Это был своего рода „валютный король". Теперь его место занял меньший по размерам, но устойчивый по своей покупательной силе американский доллар. На мировом денежном рынке он теперь хозяин, а не фунт.—В своей книге „Что произошло с Европой?" известный американский банкир Франк Вандерлипп [1]) писал: „Станет ли Нью-Иорк финансовым центром мира? Таков вопрос, одна постановка которого еще недавно считалась хвастовством и глупостью"... Взвешивая все pro и contra, чтобы ответить на поставленный вопрос, г. Вандерлипп, между прочим, пишет: „Есть еще одна принудительная причина, благодаря которой судьба, казалось бы, должна передать Нью-Иорку международную финансовую гегемонию. Мы, как нация, уже выступаем столь крупными иностранными кредиторами, что ежегодные уплаты процентов исчисляются теперь в 500 - 600 миллионов долларов. Кроме того, мы являемся величайшими в мире производителями продуктов питания, сырья и минералов, и можно наперед предвидеть, что наш торговый баланс на протяжении ряда лет будет активен на несколько сотен миллионов долларов. Чем же может быть оплачен такой колоссальный кредит? Он непременно должен быть оплачен заграничными ценностями (подразумеваются долговые обязательства, акции заграничных предприятий и т. д. *Ш. Д.*). Правда, мы, как кредиторы не привыкли к инвестированию капитала за границей. Тем не менее кредиторы должны признать, что вложение капитала за границей неизбежно... Хотим ли мы этого или нет, но мы должны ежегодно принимать приблизительно миллиард долларов в иностранных ценностях и разместить их среди наших капиталистов. Другого пути для покрытия благоприятного для нас торгового баланса, который несомненно будет таковым на протяжении ближайших 5 лет, нет". „Все эти соображения,—заключает Вандерлипп,—приводят меня к убежде-

---

[1]) Книга эта написана еще в 1919 г. В 1921 г. вышел немецкий перевод: „Was Europa geschehen ist", перевод с английского R. v.-Scholz, München, Drei Masken Verlag.

ние, что на столь часто выдвигаемый вопрос: станет ли Нью-Иорк финансовым центром мира?—нужно ответить положительно". В настоящее время рассуждения г. Вандерлиппа, относящиеся к 1919 году, уже имеют лишь „историческую" ценность, ибо разбираемый им вопрос решен самой жизнью Америка стала мировым экономическим и финансовым гегемоном.

Развитие японской промышленности по темпу шло неизмеримо быстрее сев.-американской. Правда, нищая по сравнению с заатлантической республикой, дальневосточная островная империя в абсолютных цифрах не могла и не может конкурировать со своей соперницей, но относительная гипертрофия японской промышленности оставила позади себя все бешеные подъемы „национальных" индустрий, какие только знает бурная история капитализма.

Перед войной Япония была страной с пассивным торговым балансом. Продукты японского производства, которые вывозились на иностранные рынки, были недостаточны для покрытия ввозимых в страну продуктов питания, сырья и машин. В самом начале войны как в самой Японии, так и в прочих странах, прилегающих к Великому и Индийскому океанам, обнаружился, благодаря исчезновению европейских фабрикатов, форменный товарный голод. Прибыли японских промышленников начали расти со сказочной быстротой, достигая нередко размеров эпохи первоначального накопления. Промышленные предприятия начали вырастать из-под земли, как грибы после дождя, и всю Японию охватила, повторяю, небывалая в истории капиталистического хозяйства учредительская горячка. Китай и Малайские острова, Сиам и Индия, Новая Зеландия и Австралия, южно-американские государства и даже сама Европа предъявляли все возрастающий спрос на японские товары, и дело дошло, например, до того, что вывоз Японии в Индию за 1914—1918 г.г. возрос на 800%, а японский ввоз в Англию превзошел английский ввоз в Японию, чего раньше, конечно, никогда не бывало. Промышленный расцвет Японии (как, впрочем, и Америки) продолжался почти вплоть до начала кризиса, т.-е. до марта 1921 года, так как Европа, занятая восстановлением своего собственного хозяйства, не имела возможности вернуть себе утерянные за время войны рынки.

Подъем японской промышленности был столь грандиозен, что некоторые экономисты склонны и по сей день искать причины потрясения мирового хозяйства в Японии. Их рассуждения как будто подтверждались тем фактом, что кризис начался именно в Японии Эта точка зрения, конечно не верна, ибо, во-первых, хронологическая последовательность отнюдь не совпадает с причинной зависимостью, и во-вторых, удельный вес японской промышленности на мировом рынке все же не был настолько велик, чтобы вызвать всесветное потрясение капиталистического хозяйства. Несмотря на это, Японию никак нельзя оставить в стороне при анализе современного кризиса.

Следующая таблица дает представление о числе предприятий, учрежденных в Японии за 1914—1919 г.г.:

Отрасль производств.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	Итого.
Пивоварение	115	113	111	126	214	210	7 4
Пищевые продукты	201	200	131	31	147	196	805
Текстильн. пром.	166	140	232	378	624	581	1955
Химическая пром.	87	63	202	282	471	392	1410
Фарфор и глина	45	25	87	123	141	07	493
Металлическ. пром.	58	68	91	172	340	152	823
Вагоны и суда	17	10	10	45	63	15	143

Отрасль производств.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	Итого.
Машины и орудия.......	**97**	78	90	**202**	**404**	**360**	**1134**
Газ и электрич...........	66	58	60	62	76	60	316
Разные.................	445	467	465	695	831	651	3109
Итого..............	1307	1222	1479	2216	3311	2728	10952

Количество промышленных рабочих за 1914–1918 г.г. (данных о 1919 г. у меня, к сожалению, нет под руками) увеличилось с 1.081.073 до 1.677.364, т.-е. больше чем на 55%. Япония, как видно из цифр, отмеченных в нашей таблице жирным, особенно сильно развила свое текстильное, химическое, металлическое и машиностроительное производство, т.-е. как раз те отрасли, в которых она накануне войны находилась в сильной зависимости от Европы. Число рабочих в химической промышленности увеличилось за время войны на 52% (с 645 тыс. до 980 тыс.); в машиностроительной промышленности на целых 228% (с 97 тыс. до 318 тыс.) и т. д. Производство пшеничной муки дало повышение на 60%, производство сахара на столько же процентов, добыча шелка-сырца на 55%, изготовление шерстяных тканей на 278%. Японские верфи, выпустившие еще в 1913 году 78 тыс. тонн водоизмещения, дали в 1917 г. 349 тыс. тонн, а в 1919 г. 613 тыс. тонн, их производство возросло, таким образом, на 840%. А что особенно существенно так это то, что японское индустриальное хозяйство, базировавшееся прежде на системе раздаточных контор и кустарно-домашней промышленности, успело за время войны почти совершенно уничтожить эти остатки раннего капитализма и переконструироваться на основе крупнокапиталистических предприятий и новейшей техники.

Развив свою промышленность и создав себе гигантский торговый флот (тоннаж Японии за 1914—1920 г.г. возрос на 57%, и японский флот, стоявший до войны на шестом месте, стал на третье место), Япония совершенно изменила масштаб и характер своей внешней торговли. Следующая таблица дает представление о ее торговом балансе (в миллионах иен):

Год.	Вывоз.	Ввоз.	Избыток вывоза над ввозом.
1914	613	610	3
1915	728	545	185
1916	1153	770	383
1917	1603	1065	568
1918	1962	1668	294

Вместо избытка японского вывоза в страну приливали сотни миллионов заграничного золота и металлический запас японского эмиссионного банка возрастал не по дням, а по часам: составляя еще в 1914 году 341 миллион иен, он в 1919 году достиг баснословной цифры в 2.057 миллионов, а это составляет не более и не менее, как шестикратное увеличение. Дело дошло до того, что бывший мировой ростовщик—богатая Франция вынуждена была за время войны неоднократно обращаться за займами к Японии и в конечном счете задолжала ей на 130 с лишним миллионов иен.

Хозяйственная жизнь Австралии во время войны также отмечена значительным развитием обрабатывающей промышленности. Чрезвычайно показателен, например, тот факт, что совокупная мощность австралийских двигателей (паровых, нефтяных, электр. и пр.) возросла с 442 тыс. лошадиных сил в 1913 году до 610 тыс. лош. сил в 1920 году (на 38%). Ряд товаров, которые Австралия до войны ввозила, главным образом, из Англии и Америки, за время войны производился во все возрастающих количествах внутри страны. Из отраслей промышлено-

сти, которые за 1914—1919 г.г. возникли или значительно расширили свое производство, можно отметить: шерстяные прядильни, цементные заводы, бумажные фабрики, проволочное производство и стекольные заводы. Такие важные фабрикаты, как сельско-хозяйственные машины, грузовые автомобили, краски, проволока, резиновые камеры и т. д., отчасти производятся теперь в самой Австралии и тем самым все больше вытесняется иностранная конкуренция. Institute of Science & Industrie (Институт науки и промышленности), учрежденный австралийскими промышленниками, вел и ведет усиленные изыскания мало обследованных недр Австралии и изучает ее животное и растительное царство. Этот институт сыграл большую роль в прогрессирующей электрификации страны на основе ее водопадов.

Из всего этого не следует, однако, делать вывода, что Австралия перестала быть аграрной страной и что она не нуждается больше в иностранных фабрикатах. Она была и остается аграрной страной, правда, с сильной тенденцией по пути к индустриализации. Но важно не это; важно то, что прежние поставщики Австралии стали все больше отступать перед своими новыми конкурентами. Англия, участвовавшая в австралийском ввозе в 1913 году 60%, дала в 1918-19 году лишь 46%; Германия была совершенно скинута со счетов. Зато участие Японии, выражавшееся в 1913 году в 1%, повысилось в 1917 году до 5%, а в 1919 году до 12%, а Соед. Штаты, которые раньше покрывали 12% австралийского спроса, теперь дают в круглых цифрах 30% всего ввоза этой великобританской колонии. Америка ввозила в Австралию металлы, сельско-хозяйственные машины, сепараторы, автомобили, электромоторы и т. п., Япония—главным образом, ткани, керамические изделия, машины и лес (последнего ко времени окончания войны больше, чем Англия). Американская и японская конкуренция с Англией на австралийском рынке продолжается, кстати сказать, по сей день и далеко не в пользу Англии, так как от Австралии до Японии, как говорится, рукой подать, а Соединенные Штаты на 5.000 английских миль ближе к ней, чем Великобритания.

Процесс индустриализации шел во время войны и в ряде других внеевропейских стран: он затронул южно-американские республики, южную Африку, Британскую и Нидерландскую Индию и другие колонии европейских метрополий. Но все эти страны представляют собой, так сказать, задворки мирового хозяйства, их относительная роль на международном рынке не велика, и мы поэтому не станем останавливаться на промышленной эволюции пережитой этими странами за шестилетие, предшествовавшее потрясению мирового капиталистического хозяйства.

Мы хотим только еще раз подчеркнуть тот факт, что за время войны произошло исключительное по своей важности **географическое перераспределение производительных сил мирового хозяйства, теснейшим образом связанное с перенесением резиденции капиталистического мира на тот берег Атлантического океана.**

Хозяйственные процессы, протекавшие в странах Европы, носили диаметрально противоположный характер. Здесь шло невиданное в истории уничтожение производительных сил и прогрессивное обнищание, которые с особенной силой отразились на странах Центральной и Восточной Европы. Эти процессы, несомненно, занимают видное место среди причин, обусловивших современное хозяйственное потрясение, но не менее губительным для мирового капитализма оказалось творение злых гениев буржуазного общества—Версальский мир.

2. Версальский мир и положение Центральной Европы.

Сущность и дальнейшее развитие современного кризиса мирового хозяйства совершенно невозможно анализировать, если оставить в стороне все своеобразные экономические последствия, которые были созданы Версальским договором. Этот договор, лишив Центральную Европу и, в особенности, Германию значительной части ее национального имущества и национального дохода, в то же самое время, как парадоксальным это ни могло бы показаться на первый взгляд, поставил кровного врага Антанты и ее главного довоенного конкурента в такие условия, что он вплоть до последнего времени не имел себе равных соперников на мировом рынке...

Германия прежде всего лишилась свыше 3/4 годовой добычи железной руды, так как одна только аннектированная Эльзас-Лотарингия в 1913 году давала германской промышленности 28,5 миллионов тонн руды из общей суммы производства в 39,9 милл. тонн. Аннексия Эльзас-Лотарингии, Саарского бассейна[1]) и самых промышленных районов Верхней Силезии, переданной на основании, а вернее, вопреки плебисциту Польше, отняла у Германии свыше 25% годового производства угля. Но этого мало: из остающихся в распоряжении Германии копей она обязалась в продолжение ближайших 10 лет поставлять Франции, Бельгии, Италии и Люксембургу в общей сложности около 25 милл. тонн угля и, сверх того, отдавать Франции всю разницу между довоенным производством ее разрушенных копей (Север и Па-де-Калэ) и их теперешним производством, с таким расчетом, чтобы эти последние поставки не превышали 20 милл. тонн в продолжение первых пяти лет и 8 милл. тонн в продолжение каждого из следующих пяти лет. Правда, вскоре после заключения мира выяснилось, что эти требования совершенно невыносимы; союзникам пришлось пойти на уступки и на конференции в Спа ограничить обязательные поставки Германией угля 24 миллионами тонн. Но что даже это „милостивое“ постановление Антанты означает для Германии, видно из того, что ее ежегодное производство благодаря аннексиям сократилось приблизительно на 60 милл. тонн из общего производства в 194 милл. тонн в 1913 году. Нельзя, наконец, не отметить и другого удара по германской горной промышленности: с аннексией Верхней Силезии она лишается самых богатых и наилучшим образом оборудованных цинковых рудников.

Аннектированные на основании Версальского договора Познань и западная Пруссия („польский коридор“!) до войны давали около 25% производства хлеба Германии в то время, как сокращение населения, вследствие упомянутой аннексии, исчисляется лишь в 6%. Благодаря высокой сельско хозяйственной культуре, вообще, и искусственному удобрению, в частности, старая Германия имела возможность удовлетворить продовольственные потребности своего населения в размере 85%. При сохранении прежней урожайности она теперь могла бы прокормить около 60% населения. Но за время войны она, во-первых, расходовала огромное количество азотистых соединений, питавших в нормальное время почву страны, на взрывчатые вещества и,

[1]) Формально Саарский бассейн передан на 15 лет в управление Лиги Наций; по истечении этого срока население области, состоящее к моменту заключения перемирия из 650.000 немцев и 100 ! французов, может путем плебисцита решить, к кому присоединиться к Германии или к Франции.

во-вторых, была отрезана от источников кормовых продуктов, на которых держалось ее скотоводство,—и в результате всего этого получилось колоссальное сокращение сельского хозяйства Германии (которое весьма нелегко будет поправить хотя бы потому, что страна лишилась огромных залежей калия в Эльзасе):

	Средн. за 1909—13 г.г.[1]	1919 г.	1920 г.	Сокр. по сравн. с 1909—13г.г
Сбор пшеницы	49400 тыс. квинт.[2]	21691 тыс. кв.	22550 т. кв.	на 15,6%
„ ржи	113093 „ „	60994 „ „	49718 „ „	„ 56,3%
„ ячменя	33427 „ „	16698 „ „	17097 „ „	„ 45,2%
„ хмеля[1]	137 „ „	39 „ „	60 „ „	„ 56,9%
„ сах. свеклы	112568 „ „	58178 „ „	79640 „ „	„ 44,1%
„ картофеля	467759 „ „	214790 „ „	282488 „ „	„ 53,1%
кол. рог. скота	20444 „ голов[3])	—	16445 „ гол.	„ 19,6%
„ свиней	25166 „ „ [3])	—	9430 „ „	„ 62,1%

Германия обязалась выдать союзникам 5.000 лошадей, 140.000 молочных коров и огромное количество сельско-хозяйственных машин и орудий[4]), что также немало способствовало упадку сельско-хозяйственной культуры страны.

Далее, Германия обязалась выдать союзникам все суда своего торгового флота водоизмещением свыше 1.600 тонн, половину судов вместимостью от 1.000 до 1.600 тонн и четверть всех траллеров и прочих рыбачьих судов. В соответствии с этим обязательством она к 1 января 1921 года сдала победителям 2.073.459 тонн водоизмещения. И что же получилось? Вместе с потерями во время войны эта сдача судов сократила торговый флот Германии почти в 8 раз (654 тонн в июне 1921 г. вместо 5098 тыс. тонн в июне 1914 г.); он со второго места в мировом тоннаже сразу отскочил на 11-е, оставив впереди себя не только Соединенные Штаты, Францию и Японию, но и Швецию, Данию и Испанию. Из национального дохода Германии оказалась таким образом вычеркнутой одна из крупнейших его статей. Но этого мало: она в ближайшие годы, буде версальский вексель не превратится в ничего незначащую бумажку, не будет иметь возможности восстановить свой флот в сколько-нибудь значительных размерах. Ибо этому мешает статья договора, в силу которой Германия обязывается в продолжение пяти лет строить на своих верфях (обладавших при прежних немецких запасах угля и руды годовой производительностью в 350 тыс. тонн) 200 тыс. тонн для союзников.—Из других постановлений, касающихся сокращения транспорта Германии отметим, что она обязалась отказаться от всего вагонного и паровозного парка аннектированных областей и в случае, если окажется, что оставленный на соответствующих дорогах подвижной состав меньше того состава, который числился в прежних инвентарных списках,—гнать вагоны и паровозы из центра страны. Кроме того, Германия, как известно, согласилась выдать союзникам 5.000 локомотивов и 150.000 вагонов („в исправленном виде со всеми необходимыми частями и приспособлениями“) и значительное количество железнодорожных материалов. К 1-му января 1921 года она „успела“ сдать 4 571 локомотив, 129.555 вагонов и 140.000 тонн разных материалов, имеющих отношение к подвижному и неподвижному составу...

[1]) Довоенная территория.
[2]) Квинталь—100 килограм—6,1 пуда.
[3]) В 1913 году, без Эльзас-Лотарингии.
[4]) К 1 января 1921 года было сдано 131500 тонн сельско-хозяйственных машин и орудий.

Помимо всего этого, Германия обязалась с целью покрытия 20 миллиардов контрибуции, которые должны были быть внесены к 1-му мая 1921 года, поставлять ежегодно союзникам 35.000 тонн бензола, 50.000 тонн каменноугольной смолы, 30 000 тонн сернокислого аммония, 25% производства красок и химических продуктов и единовременно 50% всех имевшихся в Германии к моменту заключения мира запасов красок и химических реактивов. На этом основании союзники на 1-ое января 1921 г. получили, кроме бензола, каменноугольной смолы и серн. аммония, 10.800 тонн красок и 58.000 тонн химических и фармацевтических продуктов. Определить в точности ценность всех этих товаров, железнодорожного материала, судов и пр. не представляется однако возможным, ибо Германия определяет ее в 18,4 миллиардов золотых марок в то время, как союзники, которым на основании Версальского договора предоставлено по своему усмотрению устанавливать стоимость германских поставок, говорят лишь о 8 миллиардах золотых марок. Насколько велики эти суммы, видно хотя бы из того, что все национальное достояние Германии, охватывающее по выражению Троцкого все ее богатства, начиная с недр земли и кончая запонками президента Эберта, исчисляется большинством немецких экономистов в 200—250 миллиардов золотых марок.

На основании Версальского договора Германия лишилась не только колоний, но и всех своих капиталов за границей. Обладая сравнительно большим национальным доходом, она до войны имела возможность не только расширять производство внутри страны, но и экспортировать значительные капиталы за границу; к 1913 году стоимость германских предприятий и проч. ценностей за границей исчислялась в 20 миллиардов золотых марок (по Гельфериху,—проф. Баллод в 1914 году называл цифру в 25 миллиардов). Попадет ли все это в руки союзных правительств, или германским капиталистам уже удалось сбыть большую часть своих иностранных дивидендных и твердопроцентных ценностей за границу, сейчас очень трудно установить, но мы все же стоим перед тем несомненным фактом, что из хозяйственного баланса капиталистической Германии вычеркнуты не только доходы от колоний, но и доходы от тех многочисленных заграничных предприятий, которые прежде были ничем иным, как рассеянными по лицу всего мира частицами германской территории.

Версальский договор навязал Германии чудовищную, с точки зрения капиталистической, таможенную политику. Она обязуется в продолжение пяти лет рассматривать союзные государства как наиболее препятствуемые; она обязывается в течение такого же срока допускать беспошлинный ввоз товаров из Эльзас-Лотарингии в количестве, равном ежегодному ввозу этой области внутрь страны за последние довоенные годы; она обязывается предоставить те же льготы Польше на три года и Люксембургу на пять лет. Но читатель напрасно стал бы искать в Версальском договоре обычного в экономических договорах принципа взаимности: ничего кроме статей, начинающихся словами: „Германия обязывается" и „Германия признает" он в этом документе не найдет. Некоторые статьи звучат прямо-таки издевательством над поверженным врагом. Так, Германии в угоду французам и итальянцам запрещается регулировать посредством таможенной политики ввоз в Германию предметов роскоши: вина, растительного масла (не нашего, русского—льняного или конопляного, а более деликатного—прованского) и искусственного шелка... „Какой пример бессмысленной жадности, превосходящей всякие пределы! - пишет по этому поводу один из наиболее популярных в настоящее

время в поверженных странах автор, профессор Кембриджского университета англичанин Д. Кэйнс[1]).—После того, как у Германии забрано все наличное богатство и потребованы невозможные платежи на будущее время, вводится специальное обставленное всякими подробностями, предписание, чтобы она с той же готовностью, как в дни своего процветания, разрешала ввоз шампанского и шелка".

Но не будем возмущаться вместе с Кэйнсом, а обратимся к тем платежам, которые возложены на Германию и установлены в деталях уже после того, как этот негодующий против своего же „отечества" английский профессор сочинил свой обвинительный акт против героев Версаля. Платежи эти регулируются знаменитым лондонским ультиматумом, принятым германским рейхстагом 12-го мая 1921 года. На основании этого ультиматума размер германской контрибуции определяется в 132 миллиарда золотых марок[2]). Эта сумма, между прочим, может быть сокращена поступлениями от союзных Германии государств (это называется: ищи ветра в поле), но зато на нее накидываются все бельгийские военные долги, исчисляемые вполне реальной суммой в $5\frac{1}{2}$ миллиардов золотых марок. В целях покрытия сей чудовищной контрибуции (или, по официальному, платежей на „восстановление") Германия выпустила и отчасти уже сдала союзникам три серии государственных обязательств. Первая серия на общую сумму в 12 миллиардов золотых марок, начиная с 1. V. 21 г., приносит 5% и погашается 1%; период погашения рассчитан, таким образом, на 34 года. Вторая серия на сумму в 38 миллиардов золотых марок, сданная Антанте 1. XI. 21 г., с этого дня приносит такой же процент и погашается на тех же условиях, как обязательства первой серии; срок окончательного погашения наступит, следовательно, через $36\frac{1}{2}$ лет. На остальные 82 миллиарда Германия выдает союзникам такие же облигации, но „комиссия по восстановлению",—так именуется конкурсное управление, учрежденное над побежденными странами,—не приступает к их „размещению в публике" до тех пор, пока не будет установлено, что платежеспособности Германии хватит на оплату процентов и на аммортизацию этого долга. Во всяком случае все избытки, полученные комиссией по восстановлению сверх уплат по первым двум сериям, накопляются ею и расходуются на покрытие процентов (с 1-го мая 1921 г. по $2\frac{1}{2}$% и 12-го мая 1926 г. по 5%) по обязательствам последней серии. Все эти обязательства в случае их частичного размещения внутри Германии на основании принятого ультиматума освобождаются от всех германских налогов. Для покрытия платежей по первым 50 миллиардам Германия ежегодно уплачивает комиссии по восстановлению два миллиарда золотом („постоянный аннуитет") и 26% с ценности своего вывоза („переменный аннуитет"), при чем последний платеж возмещается германским правительством германским экс-

[1]) Проф. Кэйнс в течение войны был временно прикомандирован к Британскому министерству финансов и до средины 1919 года состоял его официальным представителем на парижской мирной конференции. Он был также заместителем заведующего финансового отдела при Верховном Экономическом Совете, но впоследствии, когда ему стало ясно, что Франция не отступится от своего принципа „Germaniam esse dellendam", покинул все эти посты и выступил с резкой критикой Версальского договора. Написанная им еще в конце 1919 года книжка („Экономические последствия мира") переведена почти на все европейские языки и совсем недавно появилась и в русском переводе (изд. „Северные огни", Стокгольм 1921 г.). Есть также перевод в издании Госуд. Издательства, М. 1922 г.

[2]) „Специально для российского читателя, уже давно потерявшего „чувство чисел", я произвел некоторые показательные подсчеты. Оказывается, что 132 млд. марок золота весит 47.972 тонны или 2,926,292 пуд. Для перевозки такого количества золота потребовалось бы 3.000 вагонов или около 100 товарных поездов.

портерам (в размере 25%) Взнос первого миллиарда был назначен на 31. VIII. 21 г.

Все это, вместе взятое, совершенно расстроило государственные финансы Германии. Расходный бюджет, исчисленный еще весной текущего года в 110 миллиардов бумажных марок, оказался столь исключительным, что для его покрытия пришлось зафиксировать дефицит в 70 млд. марок. Государственный долг, включая сюда долгосрочные займы, краткосрочные обязательства и проч., уже в начале этого года превысили 300 миллиардов бумажных марок, не считая 12—13 миллиардов конфискованного за границей имущества германских граждан, которое правительство, верное принципам „права и справедливости“, намерено им возместить. Крайнее напряжение налогового пресса оказалось недостаточным для покрытия государственных расходов, платежей по контрибуции и содержания антантовских, главным образом, французских войск во всех временно оккупированных союзниками германских территориях. И неудивительно: до войны Германия, согласно наиболее распространенным расчетам, имела национальный доход в 40 млд. золотых марок, из коих 32 млд. шли на потребление, а 8 в фонд накопления; теперь этот доход сократился почти на 40% и едва ли превышает 25 миллиардов золотых марок, из коих на одно только покрытие постоянного и переменного аннуитетов, не считая оккупационных и других платежей, приходится отдавать союзникам около $3^1/_3$ миллиардов марок золотом.

При таких условиях министерству финансов ничего другого не оставалось, как прибегнуть к печатному станку Германского имперского банка, в котором оно стало учитывать все возрастающие массы краткосрочных обязательств государственного казначейства. Особенно быстро эмиссия бумажных денег стала увеличиваться накануне уплаты первого золотого миллиарда (31. VIII. 21 г.), когда Имперский банк по заданиям казначейства приступил к усиленной закупке устойчивой иностранной валюты. О развитии эмиссионной операции дает, впрочем, достаточно ясное представление следующая таблица выпущенных в обращение бумажных марок:

к 15. X. 1[illegible] г.	17.454	миллион.	марок.
„ 1. I. 1[illegible]	22.186	„	„
„ 1. I. 2[illegible]	35.696	„	„
„ 1. I. 21	68.805	„	„
„ 7. II. 21	66.482	„	„
„ 15. III 21	67.485	„	„
„ 7. IV. 2[illegible]	69.235	„	„
„ 10. V. 2[illegible]	71.114	„	„
„ 3. VI. [illegible]	71.839	„	„
„ 4. VII. 2[illegible]	75.321	„	„
„ 3. VIII. 2[illegible]	77.391	„	„
„ 7. IX. [illegible]	80.700	„	„
„ 15. X. 2[illegible]	87.728	„	„
„ 15. XI.	9[illegible]. 86[illegible]	„	„
„ [illegible]0. XI. [illegible]	100.944	„	„
„ [illegible]3. XII. 2[illegible]	10[illegible].99	„	„

Из этой таблицы явствует, что за 1921 год было выпущено в обращение в 2 с лишним раза больше бумажных марок, чем за все время империалистической войны. Нетрудно догадаться, как этот бумажный поток должен был подействовать на курс марки относительно наиболее устойчивых иностранных валют и на ее покупательную силу внутри страны. Но об этом—в связи с другими факторами, приведшими осенью текущего года германскую валюту к катастрофе.

Тут нам прежде всего придется обратиться к торговому балансу Германии. До войны Германия обладала пассивным торговым балансом и даже в одном из наиболее благоприятных для германской промышленности годов, именно 1913, ввоз (10,8 млд золотых марок) превысил вывоз (10,1 млд.) приблизительно на 700 млн. марок. На этот сравнительно большой пассив с избытком покрывался доходами от морского судоходства и притоком дивидендов от инвестированных за границей капиталов. Теперь картина резко изменилась. Не говоря уже о том, что Германия лишилась своего могучего торгового флота и всех заграничных капиталов, ее торговый баланс, вследствие сокращения „отечественного" производства и необходимости покупать сырье и продовольствие в крайне высокой иностранной валюте, сводится вот уже почти три года с колоссальными пассивами. Каких размеров достигали эти пассивы, сказать очень трудно, так как это остается секретом германского правительства, которое, по каким то дипломатическим соображениям, не публиковало ценности германского ввоза. Только начиная с мая тек. года мы имеем полные данные об оборотах германской внешней торговли:

	Май.	Июнь.	Июль.
Ввоз.	5.485 млн. мар.	6.409 млн. мар.	7.575 млн. мар.
Вывоз	4.547 „ „	5.438 „ „	6.175 „ „
Пассив	939 млн. мар.	971 млн. мар.	1.400 млн. мар.

	Август.	Сентябрь.	Октябрь.
Ввоз.	9.387 млн. мар.	10.668 млн. мар.	13.875 млн. мар.
Вывоз	6.670 „ „	7.519 „ „	9.711 „ „
Пассив.	2.717 млн. мар.	3.149 млн. мар.	4.164 млн. мар.

Всего, стало быть, за 6 месяцев получается избыток ввоза над вывозом в размере 13 с лишним миллиардов марок с неослабевающей при том тенденцией к дальнейшему росту. Это значит, что германские векселя и германская валюта в соответствующих цифрах увеличивают запасы германских обязательств за границей и своей огромной тяжестью давят на вексельные курсы на Берлин.

Тому же самому явлению не мало способствует все возрастающее по своим размерам бегство германского капитала за границу. Дело в том, что нынешнее германское правительство (первый и второй кабинет Вирта), взявшее на себя обязательство платить Антанте, не в состоянии свести концов с концами без исключительных налоговых мероприятий. Многочисленные налоги — на имущество, на доход, на прирост доходов и т. д. — уже раньше подвергли германскую буржуазию частичной экспроприации в пользу союзников. Кто мог, избегал „разорительных" последствий сурового финансового законодательства и оставлял свои ценности внутри фатерлянда, а кто не мог этого сделать, всячески норовил сплавить свои капиталы за границу. Особенно сильно это бегство капиталов сказалось летом и осенью 1921 года, когда финансовое положение страны обострилось до чрезвычайности. Вирт изготовил для внесения в сессию рейхстага целых 12 налоговых законопроектов, среди них несколько весьма чувствительных для капитала проектов касательно повышения налоговых ставок на обращение капитала, просто на имущество и на прирост имущества и специально на прирост имущества за время войны. Это, конечно, не могло не способствовать бегству германских ценностей за границу. Но настоящая вакханалия началась под влиянием налоговой пропаганды социалистов, идущей под лозунгом „Erfassung der Sach oder Gold-

verthe an der Quelle" („ущемление вещественных или золотых ценно тей у и.точни а"). Это „ущемление" требует, во-первых, передачи асти акций всех торговых, кредитных и промышленных предприятий осударству (конечно, буржуазному) и, во-вторых, наложения на го одские и сельские недвижимости ипотек, выраженных в золоте и, тало быть, с устойчивой рентабельностью, независимой от колебания урса германской валюты. В случае проведения этих требований в :изнь, государство становится непосредственным участником подавляю (его большинства частно-хозяйственных предприятий и вместе с тем олучает возможность добытые таким образом акции и облигации родавать за границей и, следовательно, посредством распродажи на юнального достояния Германии платить по своим обязательствам нтанте. Банкиры, промышленники, купцы и помещики, усмотрев в гих требованиях дальнейшее покушение на священное право соб гвенности, пришли в большое волнение и ответили на угрозу социа истов форсированным вывозом своих капиталов за границу. Получился эвый поток бумажных марок, жаждавших превращения в звонкие эллары, и к указанным факторам, обесценившим германскую валюту, рибавился новый.

Но особенно губительными для германской марки оказались пла :жи Антанте. 31-го августа 1921 года Германия, как упомянуто, внесла комиссии по возмещению" первый миллиард золотых марок. Такой ммой государственное казначейство, конечно, не располагало, и оно ынуждено было апеллировать к внутреннему и мировому рынку нутри страны золота (если не считать формально непринадлежащего ізне миллиарда с небольшим марок золотого запаса Имперского інка) было немного: оно во время войны почти целиком утекло в :йтральные страны, главным образом, в Голландию и Скандинавию э оставшееся внутри страны золото нужно было во что бы то ни ало извлечь, и Имперский банк по заданиям казначейства присту ıл к скупке золота в монетах и слитках. Цены при этом повышались ть ли не каждые две недели. Так, в начале этой операции, в пер й половине июля банк за 10 марковую золотую монету платил 0 марок бумажками (или соответствующую сумму за килограмм в итках или изделиях), в конце августа он платил уже 170 бум. мар., начале октября 240 бум. мар. и в конце этого месяца 300 бум. мар, и чем цифра эта во второй половине ноября была доведена до 425 бум рок. Много ли удалось посредством этой скупки добыть золота, тановить трудно. Во всяком случае, к моменту уплаты миллиардного юса, газеты оценивали количество закупленного золота в 12—15 мил онов довоенных марок. Сумма—сравнительно не большая, но нет какого сомнения в том, что официальное признание обесценения мажной марки сперва в 13 раз, затем в 30 раз и, наконец, в 42½ раза могло не повлиять самым отрицательным образом на состояние гер нской валюты. Но неизмеримо большую роль сыграли здесь загра чные операции. Германское правительство, находившееся под угро і пресловутых хозяйственных санкций[1]), установленных союзниками :ной и снятых лишь 15 го сентября 1921 г., вынуждено было при по :дстве немецких банков заключить почти на ростовщических усло іх краткосрочный заем в Голландии, а, главное, без конца выбра зать на всех крупнейших биржах Европы и Америки бумажные мар-

[1]) Эти „санкции" выражались в оккупации ряда районов на левом берегу Рейна, становлении на Рейне таможенной перегородки и, наконец, в принятии Англией ицией, Бельгией и рядом других вассальных по отношению к Антанте стран ,-ного налога на товары, идущие из Германии.

ки для закупки золота и иностранных девиз. Заключенные займы до сих пор целиком не погашены, хотя Германия и после взноса золотого миллиарда продолжает скупку ценностей на заграничных биржах. Европа и Америка в результате всех этих операций оказались затопленными бумажными марками и ничего кроме форменного краха германской валюты, конечно, получиться не могло: не зря, повидимому, уже в сентябре месяце писали, что за границей находится около 50 миллиардов германских марок.

Ко всем этим весьма реальным причинам обесценения германской марки присоединилась начавшаяся нынешней осенью форменная биржевая горячка. Крах валюты породил в держателях марок непреодолимое стремление к превращению бумажек в более реальные ценности, в иностранную валюту и в акции наиболее рентабельных промышленных предприятий. Акции начали бешено скакать вверх, причем платились и платятся суммы, находящиеся почти в полном соответствии с курсом марки. Всякий старался и старается освободиться от этого добра, и, раз завертевшись, бесконечный винт продолжает вращаться по сей день. „Berliner Tageblatt" так описывает безумный ажиотаж одного из сентябрьских дней: „Обороты берлинской биржи достигли сегодня совершенно небывалых размеров (курс. газеты). Сделки в битком набитых биржевых залах носили бурный (!) характер. Банки и банковые фирмы были почти бессильны справиться с напором покупателей. Письменные и телеграфные распоряжения приняли сегодня утром такие размеры, что банки лишь отчасти могли их исполнять. Для сегодняшнего ажиотажа показательно то, что такая сравнительно устойчивая бумага, как A. E. G. (Всеобщая Компания Электр.) вскочила на одной бирже на 100%". Биржевой комитет вздумал было в эти дни закрыть биржу, но из этого ничего не вышло, так как за границу закрытием берлинской биржи не уймешь, а кулиса все равно продолжала „работать". Дело дошло до того, что даже рабочие начали пускать в ход свои грошевые сбережения, и благочестивый „Vorwärts" счел себя вынужденным обратиться к вновь испеченным „спекулянтам" с такого рода душеспасительными наставлениями: „Все чаще говорят о том, что пролетарии принимают участие в погоне за золотым тельцом. Мы не думаем, чтобы пролетарские круги в широких размерах участвовали в спекуляции. Однако, к сожалению, приходится признать, что некоторые рабочие все же, с целью побочного заработка, совершают спекулятивные сделки у разных подпольных банкиров. Занимающийся такими делами уходит в лагерь тех, жадность которых издавна осуждалась социалистической печатью. Если он спекулирует, то он больше не брат тем, кто борется за уничтожение прибавочной ценности". Хотя, признаться, „Vorwärts" имеет меньше всего оснований причислять себя к „тем, кто борется за уничтожение прибавочной ценности", но приведенная цитата весьма характерна: она свидетельствует о том, какие размеры приняла в Германии биржевая спекуляция.

Чтобы создать себе представление о падении германской марки, посмотрим, каков был ее курс на протяжении текущего года по отношению к доллару (мы сознательно берем не фунт и не франк, а именно доллар, не обнаруживающий почти самостоятельных колебаний и представляющий собой в этом смысле наиболее надежную валютную единицу). 1920 год был наиболее благоприятным в после-военной истории германской валюты, но и в первые месяцы истекшего года создалось довольно устойчивое, по нынешним временам, положение. Так, один доллар, если отмечать высшие месячные курсы, стоил в январе этого

года 75,4 марки, в феврале 67 марок, в марте 64,1 мар., в апреле 68,2 мар., в мае 67,2 мар., в июне 75,1 мар. Катастрофа начинается с середины июля:

	1 доллар стоил[1]:		1 доллар стоил:
29. VII	80,7 мар.	27. X	173,6 мар.
16. VIII	90,9 „	31. X	180,5 „
31. VIII	86,3 „	1. XI	181,5 „
7. IX	94,0 „	2. XI	203,5 „
15. IX	109,8 „	3. XI	205,0 „
24. IX	108,8 „	4. XI	230,0 „
28. IX	126,9 „	5. XI	249,0 „
30. IX	115,4 „	8. XI	3 9,6 „
6. X	120,0 „	9. XI	252,0 „
13. X	141,1 „	21. XI	270,5 „
15. X	149,6 „	1. XII	189,8 „
18. X	180,8 „	1 . XII	181,1 „
21. X	155,0 „	30. XII	186,0 „
24. X	170,8 „		

Я останавливался так подробно на валютном вопросе потому, что именно низкая германская марка поставила Германию, как экспортирующую страну, в исключительно благоприятные условия на мировом рынке. Она с успехом била своих самых могущественных конкурентов, не мало способствуя этим самым развитию кризиса американской и английской промышленности. Но, с другой стороны, она в то же самое время в качестве покупательницы представляла вместе с прочими общипанными странами фактор сравнительно слабый, а это, в свою очередь, не могло не повлиять на усиление того колоссального перепроизводства, которое уже в 1920 году парализовало промышленность Соединенных Штатов.

Оставляя пока в стороне причину этой, можно сказать, исключительной силы германской экспортирующей промышленности, приведем несколько иллюстраций, характеризующих цены германских товаров по сравнению с соответствующими ценами на мировом рынке. В конце 1919 года германские промышленники предлагали в Амстердаме железнодорожные вагоны по 80 000 герм. марок, что по тогдашнему курсу составляло 8 000 голландских гульденов; в то же время издержки производства таких же вагонов в Голландии составляли 28 000 гульденов. Мелкие железные изделия германского производства предлагались в Испании по 8,6 пезет, а французы и англичане не могли тот же товар продавать дешевле 68 и 70 пезет. Германские заводчики предлагали шведам краны по 50.000 крон, а шведские промышленники требовали 200.000 крон В тот же самый период немцы продавали на английском рынке ножницы по 18 шилл. 6 пенс. за дюжину, а шеффильдская промышленность не могла продавать ниже 39 шилл. В октябре 1920 года немецкие магнеты продавались в Лондоне по 1 фунту стерл. штука, а такой же товар английского производства стоил почти в 2½ раза дороже. В 1921 году двухлошадные жнейки германского происхождения продавались во Франции за 800 франков, а французы не могли продавать дешевле, чем за 1.400 фр. Число подобных примеров (ими пестрит вся антантовская и отчасти немецкая экономическая печать) можно было бы продолжить до бесконечности, но я полагаю, что и этих достаточно, чтобы понять, насколько сильно Германия давила на мировые цены, которые и без того с началом мирового кризиса начали катастрофически падать.

До войны товары на мировом рынке также часто продавались

[1] Паритет: 1 доллар = 4,2 мар.

дешевле, чем внутри страны, и известна масса случаев, когда эти продажи производились по ценам, которые зачастую не оплачивали даже издержек производства. Такого рода экспортная торговля, именуемая в экономической литературе „бросовым“ экспортом (английское „dumping“, немецкое „Sleuderexport“), велась, главным образом, картелями, которые без стеснения грабили потребителя на внутреннем рынке и „выбрасывали“ за бесценок „избытки“ за границу. Теперешний „думпинг“ носит совершенно иной характер: он вытекает не из сверхприбылей, получаемых внутри страны, а из курсовых соотношений. Этот думпинг недаром получил название „валютного“. Но сказать, что валютный думпинг зависит от низкого состояния валюты, значит ровным счетом ничего не сказать; это значит видеть только внешнюю сторону дела, биржевую шумиху, и не видеть сути дела.

Так, в чем же, спрашивается, заключается „суть“? Можно, конечно, сослаться на превосходную германскую технику, на высокую квалификацию германского рабочего, на исключительную целесообразность организации управления в германских предприятиях, но ведь всего этого достаточно, как показывает довоенный опыт, лишь для того, чтобы быть сильным конкурентом на мировом рынке, но отнюдь не для того, чтобы страна могла торговать по приведенным мною выше ценам (spottbillig, как говорят немцы). Чтобы разгадать секрет „валютного думпинга“, нам придется обратиться к самому „нутру“ капиталистического общества — к тайне эксплоатации.

В издержки производства входят, как известно, стоимость сырья, так называемых вспомогательных материалов, соответствующая доля стоимости амортизируемых орудий производства и, наконец, стоимость рабочей силы, или, попросту, заработная плата. Допустим, что все технические условия производства и все издержки на изготовление какого-нибудь товара, исключая заработной платы, совершенно одинаковы, скажем, для американского и немецкого фабриканта. В таком случае разница в цене будет зависеть исключительно от расходов на рабочую силу. Предо мною случайным образом данные о среднем заработке американского и германского рабочего химической промышленности за сентябрь прошлого года. Американский рабочий союза химиков получал еженедельно заработок в 27 долларов, немецкий — 370 марок. По сравнительно еще благоприятному для германской валюты курсу последних чисел сентября месяца заработок американца, выраженный в марках, составит не более и не менее 3.375 марок или в 9 раз (!) больше заработка немецкого рабочего. Отсюда, конечно нельзя еще сделать вывода, что германский рабочий эксплоатируется в 9 раз интенсивнее, чем американский, ибо покупательная сила марки внутри Германии выше ее покупательной силы на американском рынке. Но учтем и этот факт. Американский оптовый индекс цен, если принять индекс 1914 года за 100, выразится в 121 (еще в 1920 г. он составлял 229)[1]; соответствующий германский индекс — 1990. При помощи несложных расчетов нетрудно убедиться, что покупательная способность германской марки в Америке в $1\frac{4}{5}$ раза меньше ее покупательной способности внутри страны. А это значит, что американский рабочий фактически — в реальных ценностях — получал в сентябре месяце не в 9 раз больше немецкого, а лишь в 5 раз (9: $1\frac{4}{5}$): цифра как будто достаточно внушительная.

[1]) Индексом цен называется среднее арифметическое из цен главных товаров, выраженных в исходный момент в 100. На счет индексов вообще см. мою статью „Индексы цен (методы и литература)“ в № 10 журнала „Народное Хозяйство“ за 1921 г.

Именно здесь, а не в другом месте, кроется сила германского кспортера. Standart of life его рабочего в 5 раз ниже, чем у амери :анского рабочего. Немецкий промышленник конкурирует за счет не ıывалой эксплоатации германского пролетариата, который в массе :воей мечтает теперь только об одном — о довоенных заработках при ıовоенных ценах. В 1919 году говорилось, что Германия распродает ебя за бесценок с мирового публичного торга. Теперь можно смело казать, что германская буржуазия распродает жизненные соки, нервы ı кровь германского пролетариата. Английские рабочие, внезапно за ıнтересовавшиеся валютными вопросами, не даром выставляют в ка естве экономического требования... стабилизацию курса германской ıарки: они не без некоторого основания видят в ее падении одну из ıричин ужасающей английской безработицы.

В заголовке этой главы мы обещали дать характеристику хозяй тва Центральной Европы. как фактора мирового кризиса, а в Цен ральную Европу, кроме Германии, входила еще, как известно, дву диная монархия Габсбургов. Австро Венгрии теперь уже не суще твует. Ее территория по самым несуразным, с точки зрения капита истического хозяйства, принципам расщеплена на 7 частей, из коих дни ведут, с позволения сказать, самостоятельное государственное уществование, а другие связали свои судьбы с такими „цветущими" транами, как Польша, Юго-Славия и Румыния. Вместе с единством ıвстро Венгрии, как государственного образования, исчезло и ее хо яйственное единство. Она в результате победы Антанты оказалась ıокрытой целой сетью таможенных перегородок и сделала в этом мысле огромный шаг по направлению .. к раннему капитализму. На колько этот факт подействовал на экономическую жизнь бывшей ıвстро Венгрии, можно судить на примере Немецкой Австрии, редставляющей, правда, наиболее уродливое образование из всех овых государств. Выделенная из „материнской" страны на основе самоопределения национальностей", она изображает из себя госу арство с 6 миллионами населения, из коих ровно 30% живет в сто ичном городе Вене. Новая Австрия, при прежних урожаях (а надо аметить, что урожайность, благодаря недостатку искусственного удоб ения, пала во всей Центральной и даже Западной Европе), могла бı прокормить 50—52% своего населения. Теперь процент этот значительно иже, и Немецкой Австрия вынуждена покупать огромное количество леба на внешнем рынке. Теперешнего производства угля Н. Австрии хва ает на покрытие не более 16—18% ее потребностей. Правда, согласно Сен Жерменскому договору Чехо-Словакия и Польша обязаны поставлять ынешней Австрии такое же количество угля, какое они доставляли со тветствующей области в мирное время. Но суть-то в том, что Сен Жерменский договор выполняется более сильной стороной только тогда, огда ей это выгодно: Австрия в таких случаях получает уголь в из ытке. Напротив того, когда это не выгодно, Чехо-Словакия и Польша читают для себя более целесообразным угля не давать, и венская рес ублика лишается основного источника энергии. Так было ровно год ому назад когда отдельные отрасли австрийской промышленности ыли обеспечены топливом лишь в размере от 27-ми до 67%. С Австро енгрией случилось нечто подобное тому, что случилось с Россией огда петербургскую промышленность отрезали от сибирского хлеба т донецкого угля и от бакинской нефти. А между тем именно такая опе ация была совершена над империей Франца-Иосифа: высокоразвитая енская индустрия отделена стеной (а иногда и несколькими стенами т венгерского хлеба, от чехо словацкого угля и от галицийской нефти

Нетрудно сообразить, какое влияние этот эксперимент мог оказать на мировое капиталистическое хозяйство послевоенного периода. Правда, Австро Венгрия никогда не имела большого значения на арене мирового рынка, но зато покупательная способность ее наследников пала ниже всяких границ. Продавать они почти ничего не могут, а покупать им крайне трудно, ибо все это страны со „слабой", как принято теперь выражаться, валютой. В особенности это относится к Венгрии, Австрии и к Польше (Польша, впрочем, уже Восточная Европа), валюты которых дышат на ладан.

Такова в общем картина послевоенного хозяйства разоренной, раздробленной и закабаленной Центральной Европы. Перед нами прямая противоположность того капиталистического полнокровия, которое мы наблюдали в бассейне Тихого океана. Тут — упадок, там — беспримерный расцвет; тут — минимальная покупательная способность, там — небывалое в истории капитализма перепроизводство. Если мы сюда прибавим, что население Европы за время войны сократилось на 40 миллионов [1], то пропасть между Новым и Старым Миром, а вместе с нею гигантские противоречия мировой капиталистической анархии выступят перед нами в еще более резких очертаниях.

3. Развитие мирового хозяйственного кризиса.

В предыдущих главах я попытался охарактеризовать те процессы, которые вызвали кризис 1920 г. и во все возрастающей мере способствовали его углублению. Обратимся теперь к развитию самого кризиса.

Хронологически катастрофа началась в *Японии*. Монопольное положение этой страны на Дальнем Востоке долго продолжаться не могло, ибо оно было обусловлено исключительными условиями военного времени. Почти безраздельному господству японской промышленности и японского судоходства на западных берегах Тихого океана должен был рано или поздно наступить конец. Каценяммер от капиталистического полнокровия стал совершенно неминуем, и наступил опустошительный, небывалый в истории японской промышленности кризис. Крах начался в такой второстепенной, как могло бы показаться на первый взгляд, отрасли, как шелковая промышленность. До войны тюк шелка стоил 900 иен; за период высокой конъюнктуры, описанной нами в первой главе, эта цена к началу 1920 года поднялась ровным счетом в 5 раз до 4 500 иен, но с марта месяца того же года шелк, благодаря колоссальному перепроизводству, стал катастрофически падать в цене в марте платили уже только 3.500 иен, в апреле 2.500 иен, а в июле всего на-всего 1.150 иен Фабриканты, охваченные паникой, понижая вперегонку цены, старались во что бы то ни стало ликвидировать запасы и до минимума сократить производство. В конце ноября 1920 г. вся шелковая промышленность страны стала и 300.000 человек, т. е. без малого одна пятая часть японских рабочих, были выброшены на улицу.

[1] Эта цифра взята мною из „Экономического Бюллетеня" нашего берлинского торгового представительства, редактируемого Spectator'ом. Это кстати сказать, превосходный информационный экономический журнал, но в России его не видать, так как он печатается „на правах рукописи" и целиком распределяется по канцеляриям Внешторга. Считаю своим долгом обратить внимание сего наркомата, что было бы весьма целесообразно, если бы „Бюллетень" получил более широкое распространение среди людей, интересующихся положением мирового хозяйства. Секретов в „Бюллетене" нет никаких.

Раз начавшись, кризис быстро перекинулся на всю остальную промышленность и больнее всего ударил по металлургической индустрии, успевшей выше всякой меры распухнуть во время войны. В каких-нибудь несколько месяцев „прекрасные дни Аранжуэца" и тут превратились в приятное воспоминание о недалеком прошлом. Еще весной 1920 года ежедневное производство чугуна составляло в Японии 1.500—1 600 тонн. За тонну платили 300 иен. В январе и в феврале текущего года цена тонны упала до 62 - 75 иен, т.-е. почти на 80%. Но даже при таких ценах заводчикам не удалось сбыть образовавшихся запасов, которые летом прошлого года исчислялись в 400 тысяч тонн. Следствием этой „революции цен" было, как водится, быстрое сокращение производства, которое, несмотря на огромные военные заказы японского правительства (военный флот!), стало принимать все более широкие размеры. Главные заводы, вырабатывавшие в начале 1920 г. в общей сложности 1.500 тонн ежедневно, к концу лета производили только 500—600 тонн в день. Но на этом дело не остановилось: за дальнейшие шесть месяцев, от августа 1920 г. по январь 1921 г. было произведено всего-навсего 15.000 тонн железа, т.-е. столько же, сколько в период высокой коньюнктуры изготовлялось в продолжение десяти дней.

Насколько тощими представляются теперь дела японской промышленности по сравнению с „семью жирными годами", видно из опубликованного недавно отчета японского министерства сельского хозяйства и торговли за первую половину 1921 года. Обороты внешней торговли Японии представлены в этом отчете в следующих цифрах (в милл. иен):

	Вывоз.	Ввоз.
1 ое полугодие 1920 г.	1.161,2	1.576,7
„ „ 1921 г.	574,8	797,8

Эти цифры показывают, что как ввоз, так и вывоз сократился на половину а это было особенно чувствительно, ибо гипертрофия японской промышленности происходила не столько за счет внутреннего, сколько за счет внешнего рынка, освобожденного за время войны от конкуренции европейского континента. Сокращение японского товарообмена с отдельными странами представляется в таком виде: Европа—вывоз на 84% (!), ввоз на 13%; Сев. Америка—вывоз на 52%, ввоз на 51%; Южная Америка—вывоз на 85% (!), ввоз на 92% (!); Африка—вывоз на 83%, (!), ввоз на 92% (!). Правда, несколько увеличился товарообмен с Сиамом, с Бельгией, с Австрией, с Венгрией, с Россией, с Португалией, с Мексикой и с Персией, но насколько незначительна роль этих стран в товарообмене Японии, видно из общего сокращения ее ввоза и вывоза.

Из Японии кризис быстро перебросился на Соединенные Штаты и принял здесь размах, находящийся в полном соответствии с размахом северо-американской промышленности. Соединенные Штаты представляют собой очаг мирового кризиса. Он охватил здесь всю страну, и трудно назвать отрасль промышленности, которой не коснулся бы свирепствующий по сей день хозяйственный ураган. Но размеры статьи вынуждают меня ограничиться характеристикой общего положения страны и главных отраслей ее могущественной промышленности.

Начнем с движения цен, которые представляют своего рода барометр экономической погоды капиталистического общества. Кстати этот „барометр" технически сильно усовершенствован за последние годы

тем, что почти во всех странах ведутся так называемые индексы цен („цифры-показатели“) Американские индексы „Frankfurter Zeitung“[1]) дают следующую картину рынка Соединенных Штатов (индекс января 1920 г. принят за 100)

1920 г.		1921 г.			
Январь	100	Янв.	65	Авг.	50
Март	106	Февр.	62	Сент	52
Май	*118*	Март	59	Окт.	53
Июль	110	Апр.	55	Ноябрь	51
Сент.	95	Май	54	Нач. дек.	52
Ноябрь	83	Июнь	53	Конец дек.	52
Дек.	67	Июль	*49*		

Отсюда видно, что весна 1920 г. была еще продолжением периода высокой коньюнктуры; в мае цены достигли своего последнего максимума; потом кривая круто повернула вниз с тем, чтобы осенью текущего 1921 г. описать едва заметный поворот вверх. Минимум был достигнут в июле этого года. Наибольшая амплитуда колебания выразилась, таким образом, за 1920—1921 г.г. в 61 пункте или, другими словами, средняя цена упала на 51,2%: это—один из очень немногих случаев в истории капитализма.

Ближайшей причиной падения цен было обнаружившееся сокращение спроса со стороны других стран, особенно, со стороны Европы. Но пусть и здесь вместо нас говорят цифры.

Вывоз Соединенных Штатов (в милл. долл.):

1920 г.		1921 г.	
Май	746,0	Янв.	654,3
Июль	651,1	Февр.	486,3
Авг.	578,2	Март	386,7
Сент.	604,7	Апр.	340,4
Окт.	751,2	Июнь	329,7
Ноябрь	676,5	Июль	314,2 [2])
Дек.	720,3	Авг.	375,0 [2])
		Сент.	325,0
		Окт.	263,0
		Ноябрь	295,5

Если мы возьмем последний перед кризисом коммерческий год, то вывоз Соединенных Штатов выразится в 8,11 миллиардов долларов, или в среднем в 675,8 миллионов ежемесячно. С января 1921 г. началось быстрое сокращение экспорта, при чем минимум пришелся на октябрь: в этот месяц американский вывоз был на 62% меньше ежемесячного среднего за 1919/20 отчетный год и на 68% меньше, чем в наиболее благоприятный месяц 1920 года. Но еще более резкое падение показывает американский сбыт своему главному покупателю—Европе.

[1]) Американские индексы „Frakf. Ztg.“ исчисляются на основании цен 20 товаров. Гораздо более надежны американские индексы „Bradstreet“, базирующиеся на 96 товарах. Эти последние индексы дают следующую картину:

1920 г.				1921 г.			
Янв.	227	Июль	204	Янв.	134	Июль	120
Фев.	226	Авг.	1[illegible]5	Фев.	129	Авг.	120
Мар.	225	Сент	184	Март	123	Сент	121
Апр	225	Окт	170	Апр.	117	Окт.	123
Май	216	Ноябрь	148	Май	115		
Июнь	210	Дек.	138	Июнь	116		

[2]) Минимум за последние 12 лет.

Экспорт Соед. Штатов в европейские государства составлял (в миллионах долларов):

	1920 г.	1921 г.
Янв.	457,5	325,·
Февр.	384,0	241,8
Март	465,0	199,2
Апр.	354,1	174,6
Май	382,9	176,8
Июнь	296,1	177,8

Максимумом 1920 г. был, таким образом, в 2½ раза (на 167%) больше минимума за первое полугодие 1921 г. Весьма ценные данные можно было бы привести относительно падения экспорта отдельных товаров, но, не желая затруднять читателя чрезмерным обилием цифр, я отмечу лишь цифры, характеризующие экспорт сельско-хозяйственных орудий и машин (в тыс. долларов):

	Август 1920 г.	Август 1921 г.
Грабли	23.765	2.651
Жнейки	605.355	62.604
Сеялки	46.753	3.873
Плуги	162.853	111.160
Зап. части	797.782	403.943

Сокращение производства чугуна протекало следующим образом (в тысячах тонн):

	1920 г. (в тыс. тонн).	% ное отношение к месячной средней за 1913 г.	1921 г. (в тыс. тонн).	% ное отношение к месячной средней за 1913 г.
Январь	3.015	118	2.416	93
Февраль	2.979	114	1.973	76
Март	3.376	129	1.596	69
Апрель	2.740	105	1.193	45
Май	2.986	116	1.221	47
Июнь	3.043	116	1.065	41
Июль	3.067	117	864	33
Август	3.147	120	954	36
Сентябрь	3.129	119	986	37
Октябрь	3.292	122	1.240	47
Ноябрь	2.935	112	1.415	53
Декабрь	2.704	103	1.649	61

Добыча чугуна за июль составила минимум за последние 18 лет. Она была почти в 4 раза меньше наиболее благоприятного месяца 1920 г.

Во втором полугодии намечается некоторый рост производства, которое даже в декабре не достигло ½ производства марта 1920 г.

Такая же, примерно, картина наблюдается в производстве стали, к марту 1920 г. производство подымается до 168% среднего месячного производства 1913 г., затем оно в декабре спускается до 100%, в янв. 1921 г. до 94%, в февр до 30%, в марте до 67 , в апр. до 52%, в мае до 54%, в июне до 43%; потом намечается едва заметный подъем: в августе производство возрастает до 49% среднего месячного производства 1913 г., а в сентябре до 59%. Лучший месяц (март 1920 г. 3.934 тыс. тонн) дал в 4 раза больше худшего месяца (июня 1921 г., 1 003 тыс. тонн) Из общего количества в 436 доменных печей Соедин. Штатов в ноябре 1921 года работало лишь 120 (в авг. 69, в сент 70, в окт. 96), в то время, как еще в ноябре 1920 года действовало 255 печей, а в январе 1921 года 184 печи. Добыча угля падала не

менее быстро. Составляя еще в начале декабря 1920 г. 2,48 милл. тонн ежедневно, она к середине марта 1921 г. спускается до 1,84 милл. тонн и к началу июля 1,36 милл. тонн. Наступившая в апреле 1921 года забастовка углекопов в Англии, длившаяся три месяца, очень слабо отразилась на добыче угля в Соединенных Штатах; не обнаружилось даже признаков сколько-нибудь заметного оживления (английскую забастовку использовали бельгийские и французские углепромышленники).

Жестокий кризис охватил и северо-американское судоходство. Вместе с ценами и с внешней торговлей быстро начали падать фрахты, которые спускались нередко до 1/3 ставок 1920 года (например, угольные фрахты Сев. Америка—Роттердам упали на 81%!). Из 9 миллионов тонн, принадлежащих департаменту судоходства Соед. Штатов (весь тоннаж страны 12,4 милл. тонн., около 3,5 милл. тонн находится в частных руках), в апреле 1921 г. бездействовало 4,3 милл. тонн, а в начале июля 5,5 милл. тонн. С прекращением английской угольной забастовки выбыли из строя американские суда, перевозившие уголь из накопившихся в Соед. Штатах запасов в Европу, и положение еще более обострилось: бездействовавший тоннаж департамента судоходства дошел 2 августа до 5,9 милл. тонн. Чтобы представить себе, что означают эти цифры, достаточно вспомнить, что довоенный тоннаж Германии, занимавший второе место в мире, состоял лишь из 5,1 милл. тонн. Плавающие суда департамента работают с огромными убытками, которые исчисляются в 300 миллионов долларов. Но кризис бьет не только государственное, но и частное судоходство—и главным образом именно частное. Пароходные кампании лопаются одна за другой (среди них, кстати сказать, много дутых предприятий—и неудивительно, ибо, например, фрахты Америка—Франция упали с 11—12 долларов в мае 1920 г. до 3½—3¾ долларов в сентябре 1921 года.

Северо-американское судостроение в период высокой конъюнктуры переживало исключительный расцвет. До войны Соед. Штаты имели 50 верфей со 184 эллингами (место, где строится судно), после подписания перемирия — 243 верфи с 1.200 эллингами; до войны на судостроение расходовалось 2,7% всего производства стали страны, в 1920 г.—15%. Но и эту отрасль промышленности кризис не миновал. В начале 1920 г. на ее долю приходилось 38% вновь строющегося в мире тоннажа, а через год только 18,2%, что составляет резкий упадок ввиду колоссального сокращения мирового судостроения вообще. В первые 3 месяца 1920 г. американские верфи выпустили 722 тыс. тонн водоизмещения, в последние 3 месяца того же года 530 тыс. тонн. К марту текущего года бездействовало уже 70% американских эллингов. Но с тех пор положение стало гораздо хуже: в сентябре, например, северо-американская судостроительная промышленность работала в размере 10% нагрузки марта 1919 года.

Как это всегда бывает во время кризиса, вместе с падением цен и сокращением производства, по стране прокатилась широчайшая волна банкротств:

в первой четверти	1920 г.	обанкротились	1.627 фирм.
„ второй „	„	„	1.725 „
„ третьей „	„	„	2.031 „
„ четвертой „	„	„	3.448 „
„ первой „	1921 г.	„	4.872 „
„ второй „	„	„	4.163 „

Пассивы предприятий, попавших под конкурсное управление, все время возрастали: в первой четв. 1920 г. они составляли 30 милл. долл., во втор. четв. 57 милл., в третьей четв. 80 милл., в четвертой четверти

121 милл., а в 1921 году дело дошло до того, что один только июльский пассив (1.044 банкротств) составил 43 милл. долларов. Последние цифры не дают, впрочем, достаточно полного представлений о размерах банкротств, так как правительство перестало публиковать в своих отчетах банкротства с пассивом ниже 500.000 долларов. А между тем известно, что кризисы бьют прежде всего малую сошку, которая не в состоянии выдержать конкуренцию капиталистических левиафанов.

Но больнее всего кризис обрушился, конечно, на рабочий класс Соединенных Штатов. В начале января 1921 года в Сев. Америке было 3.323.000 безработных, 15-го августа профессиональные союзы насчитывали уже 5.735.000 человек, выброшенных на улицу. Но кроме безработных есть еще и „полубезработные", работающие неполную неделю. Сколько таких „полубезработных" в „счастливой" заатлантической республике—неизвестно, но, судя по данным о предприятиях, работающих по нескольку дней в неделю, мы едва ли преувеличим бедствие, если скажем,что „полубезработных" едва ли меньше, чем подлинных безработных. Мы не говорим уже о том, что по всей Америке идет колоссальное сокращение заработной платы [1]).

Обнаружившееся на мировом рынке в 1920 г. сокращение покупательной способности обрушилось на Англию, пожалуй, с большей еще силой, чем на Соединенные Штаты, ибо гигантская промышленность Англии работает не столько на внутренний, сколько, главным образом. на внешний рынок. Недаром она издавна слыла фабрикой мира. Ввиду этого наиболее показательной иллюстрацией состояния промышленности Англии может служить ее внешняя торговля, которая за период нарастания кризиса показывает гигантский скачек вниз. Вот цифры, характеризующие развитие внешней торговли Англии за истекшие два года (в миллион. фунт. стерл.):

	1920 г.		1921 г.	
	Ввоз.	Вывоз.	Ввоз.	Вывоз.
Январь	183,5	131,3	117,1	102,3
Февраль	170,5	10 ,6	97,0	76,2
Март	176,6	130,7	93,7	75,7
Апрель	167,2	126,7	90,0	68,4
Май	166,3	139,6	86,3	50,3
Июнь	170,5	136,5	88,2	45,2
Июль	163,3	1[illegible]5,3	80 8	52,5
Август	153,3	12 ,8	88,6	61,3
Сентябрь	152,7	130,8	87,1	63,8
Октябрь	149,9	128,4	84,7	73,8
Ноябрь	144,3	132,5	89,3	72,7
Декабрь	142,8	109,3		

Любопытно отметить, что сокращение английского вывоза падает, главным образом, на готовые изделия т. е. на продукты английской промышленности: так, если мы сравним экспорт Великобритании за I половину 1920 г. и за I половину 1921 г., то окажется, что из общего его сокращения в 268 571 000 фунт. стерлингов на одно сокращение вывоза готовых изделий падает 202 400 000 фунтов, т.-е. больше трех четвертей Кризис очень сильно отразился и на такой существенной статье английского вывоза, как сталь и железо: если мы возьмем за исходную точку английского экспорта количество стали и железа,

[1]) Любопытно отметить, что 69% безработных падают на отрасли промышленности, работающие на экспорт.

вывезенного в мае 1920 г. (326.177 тонн), то январский вывоз тек. года выразится еще в 71%, февральский—в 51%, мартовский—в 45%, апрельский—в 49%, майский—в 30%, июньский—в 20%. О сокращении вывоза угля и говорить не приходится, так как общеевропейская конъюнктура под влиянием забастовки углекопов (4.IV—4.VII 21 г.) сама ввозила значительное количество угля. Одна из главнейших отраслей английской промышленности, специфически экспортная хлопчатобумажная индустрия также сильно пострадала от кризиса: так, в июле 1920 г. было вывезено 395,2 милл. ярдов стоимостью в 30,3 милл. фунтов стерлингов, в июле этого года только 175 милл. ярдов стоимостью в 7,5 милл. ф. ст.

Кризис тяжелой промышленности представляется в следующих цифрах (в тыс. тонн):

1920 г.	Чугун. Количество.	Чугун. % отнош. к мес. средн. за 1913 г.	Сталь. Колич.	Сталь. % отнош. к мес. средн. за 1913 г.
Январь	665	76	754	114
Февраль	645	74	798	121
Март	699	80	840	127
Апрель	671	77	794	120
Май	739	85	846	128
Июнь	726	83	845	128
Июль	750	86	789	119
Август	752	87	709	108
Сентябрь	741	85	884	134
Октябрь	533	61	544	84
Ноябрь	403	46	505	76
Декабрь	675	77	746	112
1921 г.				
Январь	642	74	493	74
Февраль	464	53	484	73
Март	386	44	359	54
Апрель	60	7	70	11
Май	14	2	6	1
Июнь	0,8	0	2	.
Июль	10	1	117	18
Август	94	11	432	65
Сентябрь	158	18	429	65
Октябрь	235	27	405	61
Ноябрь	272	31	44[illegible]	67

При рассмотрении этой таблицы не следует забывать такого существенного фактора, как забастовка углекопов. За апрель по июнь в Англии угля фактически не добывалось: за три месяца было добыто столько, сколько в нормальное время в два часа. Но без угля доменные печи работать не могут. Ввиду этого обстоятельства, цифры, относящиеся к указанным месяцам, сильно маскируют развитие кризиса в тяжелой промышленности. Но в первой четверти прошл. года никакой забастовки не было, и что же мы видим? Производство чугуна за этот период дало по сравнению с первой четвертью 1920 г. понижение на 26%, а производство стали даже на 5%, и еще большее падение мы наблюдаем за три месяца, следующих за забастовкой—даже в сентябре производство чугуна составляет меньше четверти январского производства прошлого года, а производство стали около половины. Я не буду останавливаться на других

отраслях промышленности, отмечу лишь, что на не закрытых текстильных фабриках работали 24—36 часов в неделю[1]).

Особенно тяжелый удар был нанесен судоходству Англии, которая до сих пор, несмотря на шестикратное увеличение североамериканского торгового флота, является первым мировым „извозчиком". Благодаря сокращению мировой торговли, фрахты сделали огромный скачек вниз. Средний фрахтовый индекс со 100 пунктов в январе 1920 г. упал до 43,3 в январе 1921 г. и до 37,6 в июне этого года, и на отдельных линиях—еще ниже. За один только год фрахты (на хлеб) на излюбленных английскими судами линиях упали до сумм явно убыточных. Они составляли (за тонну):

	27.VIII.20 г.	27.VIII.21 г.
Черн. море (Румыния)—Великобр.	2 ф. 16¼ шилл.	1 ф. 6½ шилл.
Канада—Великобритания . . .	1 „ 1¾ „	— 5 „
Брит. Индия—Великобритания .	5 „ 15 „	2 „ 10 „
Австралия—Великобритания . .	6 „ 5 „	3 „ 10 „

Около трети английского флота совершенно прекратила рейсы а остальные продолжают плавать с громадными убытками. „Положение с фрахтами,—писал обозреватель одного экономического журнала („Ueberseedienst" от 27.X.21 г.)—хуже, чем когда бы то ни было. Пароходства потеряли всякую надежду на прибыль и мечтают только о том, чтобы найти грузы по ставкам, которые дали бы меньше убытков, чем непроизводительные расходы, связанные с полным бездействием судов". Все это имело следствием почти полный паралич первой в мире английской судостроительной промышленынсти. Еще в последнюю четверть 1920 г. на верфях Великобритании было приступлено к постройке судов с водоизмещением в 506 тыс. тонн, а в первой четверти текущего года было заложено уже только 393 тонн. Во второй четверти тек. года эта цифра упала до 69 тыс., а в последующие месяцы положение на верфях еще более ухудшилось.

Цены на английском рынке описали такую же резко идущую вниз кривую, как и цены в Соединенных Штатах. Индексы английского журнала „The Ekonomist", основанные на оптовых ценах 44 товаров, дают следующую картину[2])

	1920 г.	1921 г.
Январь	353	256
Февраль.	371	235
Март	380	232
Апрель	374	224
Май.	373	223
Июнь	357	219
Июль	358	218
Август	353	219
Сентябрь	348	224
Октябрь	326	200
Ноябрь.	300	203
Декабрь	269	196 [3])

[1]) Любопытно отметить что от кризиса почти совершенно не пострадала электротехническая промышленность', так как индустрия и сельское хозяйство быстро переходят на электрическую движущую силу: капитализм и на сей раз пытается выйти из кризиса повышением органического состава капитала путем переустройства технического оборудования.

[2]) „Economist" за исходный пункт берет 1901—1905 годы.

[3]) Декабрьского индекса „Economist'a" у меня еще нет. Падение декабрьского индекса на 7 пунктов мною получено путем вычисления на основании индексов. „Times'a, ноябрь 167,5, конец декабря—162,1) и индексов „Cost of Living", публикуемых „Labour Gazette" (ноябрь 104, декабрь 90).

Кривля цен таким образом решительно идет вниз. Ничтожный подъем, наметившийся в августе и в сентябре, давно уже изжит, и уровень цен в декабре 1921 года стоял почти на 50% ниже, чем накануне кризиса, в марте 1920 г.

В частности можно отметить, что цены на уголь падали непрерывно с осени прошлого года, и даже жестокий угольный голод, вызванный забастовкой, не мог сколько-нибудь заметно отразиться на ценах. В сентябре 1920 года тонна экспортного угля стоила в Англии 4 фунта 9¾ шиллинга, в январе 1921 года 3 фунт. 5 шилл., в апреле 2 фунт. 3 шилл., в июле 1 ф. 18 шилл., в августе 1 ф. 16½ шилл., в сентябре 1 ф. 10½ ш.; за один год цена на уголь упала, следовательно, на 66%.

Результатом падения цен были, как водится банкротства и убытки. За одну только первую четверть 1921 года углепромышленники понесли дефицит в 1.663.702 фунт. ст., или по 7 шилл. с тонны, не считая аммортизации, процентов на капитал и проч., которые еще больше увеличивают убытки (за точность этих данных поручиться, конечно, трудно, но поскольку калькуляция себестоимости для специалистов—даже из среды английских горнорабочих—вещь довольно простая, углепромышленники едва ли сильно в данном случае преувеличили). Не менее чувствительны были убытки хлопчатобумажной промышленности, которая вынуждена была за крайне низкие цены продавать ткани, произведенные из старых запасов дорого хлопка. Так, одна из крупнейших манчестерских фирм „John Rylands & Sons" свела баланс за первую половину 1920 г. еще с прибылью в 661.000 фунт. стерл.; II половина 1920 г. дала уже убыток в 510.000 ф. ст., а первая половина 1921 г. убыток 1.250.000 ф. ст.

Но „убытки" английских пролетариев были неизмеримо чувствительней. Терроризируя рабочих ужасающей картиной кризиса и опираясь на падение товарных цен, английские промышленники смело повели наступление против рабочего класса, и на протяжении всего истекшего года по всей линии шло понижение заработных плат. Английский журнал „Labour Gazette" из номера в номер отмечает количество рабочих, которых за предшествующий месяц коснулось сокращение ставок, и высчитывает при этом общую сумму вычета. Беру для примера цифры из трех имеющихся у меня под руками номеров названного журнала. В феврале понижение заработной платы коснулось 1.625.000 рабочих; сокращение недельного заработка определялось в 450.000 фунтов стерлингов; в июле соответствующие цифры составляли—3.600.000 рабочих и 1.070.000 ф стерл.; в августе—3.070.000 рабочих и 690.000 ф. стерлингов. К тому же надо заметить, что статистика департамента труда распространяется далеко не на всех рабочих (так, в августе имевшиеся в распоряжении указанного департамента охватывали лишь 3.160.000 раб.) и что действительные цифры значительно выше.

Но страшнее сокращения заработной платы—безработица, а безработица в Англии достигла небывалых размеров[1]). По статистике профессиональных союзов, распространяющейся только на организованных рабочих, количество безработных еще в середине 1920 г. составляло по отношению ко всем членам союзов не больше 1,1%; в январе прош. года эта цифра дошла до 6,9%, в марте до 10,0%, в мае

[1]) Слово „небывалый", „беспримерный" и т. п. употребляются мною отнюдь не в гиперболическом, фигуральном смысле: современный кризис действител но не имеет равных себе в истории.

до 22,2%, в июне даже до 23,1%; июль, август и сентябрь дали некоторое понижение (16,7%, 16,5% и 14,8%), но с октября начинается поворот к худшему: октябрь дает 15,6% безработных, ноябрь 15,9%. Об абсолютных размерах бедствия можно судить по количеству безработных, получающих пособие от казны. Составляя в августе 1920 г. 281.031 чел., оно неуклонно подымается вверх и в декабре того же года достигает 748 тысяч; в январе мы имеем уже 859 тысяч, в феврале 1.059 тыс., в марте 1.413 тыс., в апреле 1.865 тыс. (не считая 1.100 тыс. бастующих углекопов), в мае 2.122 тыс., в июне 2.178 тыс. (максимум), в июле 1.780 тыс., в августе 1.573 тыс., в конце сентября 1.405 тыс., а в середине декабря опять 1.824 тыс. Но эти цифры требуют некоторых пояснений. Во-первых, на основании английского закона о безработных, рабочий имеет право на получение казенного „пайка" лишь в продолжение 22 месяцев, по истечении которых он лишается пособия, а безработных, лишившихся права на пособие, было, например, в конце августа 209 тысяч, в конце сентября 366,5 тыс., а во второй половине октября 617 тыс., так, что действительное число безработных, зарегистрированных на биржах труда, было в августе не 1.573 тыс., а 1.782 тыс. и в сентябре не 1.405 тыс., как указано выше, а 1.771 тыс. и т. д. Во-вторых, наши цифры не касаются рабочих, занятых не полную неделю. Далеко не все такие рабочие имеют право на получение дополнительного пособия, но, судя по данным о рабочих, пользующихся этим правом, количество „полубезработных" измеряется многими сотнями тысяч. Так, например, в конце августа „полубезработных", получавших пособие, числилось 408 тыс.; сколько таких же „полубезработных" вынуждено жить за счет 2 — 3 дневного заработка в неделю, мы не знаем. Кроме всего этого надо иметь в виду, что процентное понижение количества безработных, начиная с июля, вовсе не свидетельствует еще о том, что кризис приходит к концу. Рассматривая падение производства чугуна и стали с апреля по июнь тек. года, я уже отметил, что гигантская забастовка английских углекопов сильно маскировала действительное развитие кризиса. То же самое надо иметь в виду, когда судишь о кризисе по количеству безработных. Апрель, май, июнь дают максимальное число безработных не потому, что кризис в эти месяцы достиг своего апогея, а потому, что полная остановка добычи угля и производства железа и стали вызвали, благодаря цепной связи между всеми отраслями промышленности, так сказать, добавочную безработицу, не имеющую ничего общего с „нормальным" течением кризиса. Как бы то ни было, но количество английских пролетариев, пораженных безработицей, колоссально. Число зарегистрированных по указанным принципам биржами труда определяется в последнее время в 2¼ миллиона человек. Но если мы примем во внимание рабочих, не имеющих права на пособие, то мы, вероятно, не ошибемся, если скажем, что число рабочих, непосредственно страдающих от кризиса — и безработных, и полубезработных, — значительно больше трех миллионов [1]).

Из европейских стран-победительниц, вовлеченных в водоворот кризиса, на втором месте после Англии стоит **Италия**. Однако, при характеристике ее хозяйственного положения я не буду приводить цифрового материала, а ограничусь выдержками из обозрений корреспондента одного немецкого экономического журнала. „Кривая кризиса итальянской промышленности, — писал он в начале августа истекшего

---

[1]) Характерно, что английские заводчики крайне озабочены... происходящей во время безработицы дисквалификацией рабочей силы: они опасаются, что при наступлении лучших обстоятельств" им придется иметь дело с теми рабочими, которые, [illegible] войны, были бы способны выполнять у станка самое простое задание"..

года,—снова сделала скачек вверх... Две недели тому назад деятельность итальянской текстильной индустрии почти совершенно прекратилась. Рудники и копи в полном бездействии, дальнейшее увольнение рабочих и служащих принимает огромные размеры. На основании имеющихся данных можно сказать, что кризис далеко еще не достиг своей высшей точки. Количество безработных 8-го июля по официальным данным составляло 410 тысяч, не считая 500 тысяч, занятых неполное число дней в неделю, при чем индексы безработицы [1]) возрастали так:

1921 г.	март	апрель	май	июнь	июль
	[illegible]38	[illegible]91	[illegible]97	[illegible]91	3330

Перспективы—очень печальные, так как кризис все более обостряется и, повидимому, достигнет своего апогея лишь в сентябре—октябре. Но надежды эти были напрасны, и ноябрьская корреспонденция из Италии, напечатанная в том же журнале, настроена еще на более пессимистический лад. „Число безработных — читаем мы в этой корреспонденции — определяется в настоящее время в 700.000 человек (не считая, конечно, еще большего, быть может, числа и полубезработных *Ш. Д.*), и все предсказания сходятся на том, что до зимы это число достигнет одного миллиона. Это тем вероятнее, что к этому времени сбор винограда и другие сельскохозяйственные работы придут к концу"... Несмотря на повышение цен [2]), в Италии во всех отраслях происходит сокращение заработной платы (на 15—20%), при чем сопротивление рабочих не приводит к положительным результатам. Так, закрывшийся на две недели ввиду угнетенного состояния рынка известный во всем мире итальянский автомобильный завод „Fiat" в августе заявил рабочим, что отказывается от тарифного договора, заключенного в 1920 году, и рабочие вынуждены были, начиная с 23 октября работать на новых условиях: рабочий день был увеличен на два часа, а заработная плата сокращена на 10%." [3])

Франция для избежания кризиса приняла ряд таможенных мероприятий, препятствующих ввозу иностранных фабрикатов, и в то же время всякими способами поощряла вывоз товаров французского производства. Этим обстоятельством в значительной степени можно объяснить тот факт, что развал хозяйственной жизни во Франции не достиг таких огромных размеров, как, например, в Италии. Но говорить, что Францию минул мировой кризис, могут только французские власти

---

[1]) Как эти „индексы безработицы" вычисляются, мне неизвестно, но они во всяком случае наглядно иллюстрируют развитие безработицы. *Ш. Д.*

[2]) Итальянская валюта на иностранных биржах продолжает неуклонно падать, а так как Италия ввозит продукты питания, то цены все время возрастают.

[3]) На исходе 1921 г. Италию постигли 3 банкротства, совершенно исключительных по своему размаху. Объявлены несостоятельными два крупнейших концерна металлургической промышленности „Ильва" и „Ансальдо" (основной капитал первого 300 миллионов лир). Акции „Ильвы" номинально обесценились в 6 раз, акции „Ансальдо" более чем в 2 раза и это—при валюте, обесцененой в пять раз (параллельно обесценению валюты при прочих равных условиях идет, как известно, возрастание курса акций). В связи с этими банкротствами крахнуло одно из крупнейших кредитных учреждений Италии—Banco di Sconto (Учетный банк) с основным капиталом в 315 миллион. лир. Банк этот участвовал не только в тяжелой промышленности но в ряде торговых домов, ресторанов, театров, кино и т. д. По уверениям итальянского корреспондента „Frankfurter Zeitung" (от 3. I. 22 г.), количество предприятий, которые в той или иной мере были связаны с Banco, di Sconto „определяется трехзначным числом". Банк этот имел густую сеть филиальных отделений во Франции, в Тунисе, в Константинополе и [illegible] других местах. Именно поэтому размеров его пассивов не удалось установить до сих [illegible].

Согласно декабрьскому сообщению „Конфекционера" [illegible] наблюдается в текстильной индустрии. [illegible]0%, всех итальянских [illegible] работают не более 3 дней в неделю; 30% [illegible] не [illegible].

которые каким-то путем в конце лета ухитрялись насчитывать в стране не больше 70—80 тыс. безработных.—Франция в настоящее время представляет собой на европейском континенте первую страну по добыче железной руды; производство железа и стали—самая крупная теперь во Франции отрасль промышленности. Но работают ли железные рудники в полном объеме? Ответ на этот вопрос дают следующие цифры:

Добыто (в тысячах тонн).

1921 г.	Лотарингия.	Район Бри-Лонгви.	Район Нанси.
Январь	826,2	518,9	171,5
Февраль	701,4	428,3	156,9
Март	679,3	432,3	159,6
Апрель	672,6	385,6	155,4
Май	613,4	378,4	133,5
Июнь	602,7	336,5	125,3

В конце 1920 г. во Франции из 220 доменных печей работало 91, 1-го июля 1921 г. только 72. В середине года состояние французской промышленности характеризовалось так: „В районе Верхней Марны железоделательные и сталелитейные заводы обладали лишь одной третью заказов, необходимых для нормального хода производства. В текстильной промышленности большая часть предприятий работает лишь 20—30 часов в неделю. В районе Руана прядильные и ткацкие фабрики работают по 12 час. в неделю. В Лионе и в бассейне Роны 60% ниточных фабрик рассчитали своих рабочих; остальные работают по 32—36 часов в неделю. В шелковой промышленности Лиона рабочее время в неделю составляет в среднем 36 часов. В районе Лилля из 52 полотняных фабрик 9 совершенно бездействуют, а остальные работают 16—30 часов в неделю. Автомобильная промышленность по-прежнему переживает сильнейший кризис, и большая часть автомобильных заводов закрыта“ [1]). При таких условиях министерство труда насчитывало не более 85 тыс. безработных (по английским источникам в два раза больше), и та же официальная статистика в осенние месяцы давала цифру в 60—65 тысяч безработных (сельскохозяйственные работы). „Статистика“—выражаясь мягко, несовершенная: она попросту не охватывает всех безработных. Но кроме того сравнительная незначительность французской безработицы объясняется еще двумя весьма существенными факторами: во-первых, тем, что на Сев. Франции идут за счет германской контрибуции огромные работы по „репарации“, а во-вторых, тем, что французские капиталисты предпочитают безработице „полубезработицу“. Нарушение „нормального“ течения хозяйственной жизни, как видно, довольно значительное, и тем не менее приходится признать, что положение французской промышленности по сравнению с английской представляет собою не более, как легкую депрессию...

Из нейтральных стран влиянию кризиса подвержены почти все. Вот, например, данные, характеризующие состояние промышленности крохотной Швейцарии в конце октября тек. года. В кожевенной промышленности—30% полубезработных. В шелковой промышленности—1.500 безработных и 6.600 работающих уменьшенное число дней в неделю. В предприятиях, непосредственно связанных с шелковой промышленностью, полностью работают только 47,3%. В текстильной индустрии 4.420 человек полубезработных. В химической промышленности—35% полубезработных. В металлургической

[1]) Из „Экономического Бюллетеня“ представительства Р. С. Ф. С. Р. в Берлине.

и машиностроительной промышленности почти 26.000 человек работает неполную неделю, и т. д. В начале декабря 1921 г. число безработных в Швейцарии дошло до 137.561 челов. Очень сильно пострадала Голландия, которая по сути дела представляет собою не столько промышленную страну, сколько всемирный торговый дом. Внешняя торговля Голландии резко пала, а специфически голландские отрасли промышленности в полном застое. Верфи заняты, главным образом, починкой судов. Шлифовальни алмазов (для Голландии это не шуточное дело) большей частью закрыты. Табачные фабрики работают по 2—3 дня в неделю. Число безработных определяется в 100.000 человек. В скандинавских странах паралич почти во всех отраслях промышленности, но в особенности силен кризис судоходства, чрезвычайно чувствительный для этих стран, занятых, так сказать, мировым извозчичьим промыслом. Из норвежского флота в 700.000 тонн бездействует около половины тоннажа. Из датского флота в 860.000 тонн плавает часть вместимостью 530.000 тонн (эти данные относятся к концу июля истекшего года [1]). О колоссальном кризисе шведского судоходства свидетельствует отчет союза шведских судовладельцев, объединяющего суда с общим водоизмещением в 800.000 тонн (всего в торговом флоте Швеции около 1.200 тысяч тонн): 31-го декабря 1920 г. водоизмещение бездействовавших судов союза составляло лишь 80.262 тонн (10%); 31 января 1921 г. 207.752 тонн. 28 февраля 269.607 тонн, 31 марта 315.094 тонн, 30 апреля 364.094 тонн 31 мая 361.018 тонн и 30 июня 365.713 тонн, т.-е. 45%. С тех пор положение еще ухудшилось, так как морские фрахты продолжали падать. К тому же надо заметить, что плавание судов поддерживается большими убытками, и при том до тех пор, пока эти убытки не сравняются с дефицитами, связанными с пребыванием судна в бездействии[2]). Во внеевропейских странах, носящих по преимуществу аграрный характер, кризис в начале года начал свою опустошительную работу, которая продолжается по сей день. Из Южной Африки, из Мексики, из Аргентины, из Чили, из Боливии, из Гватемалы—отовсюду идут вести, едва ли уступающие тем „крикам Кассандры“, о которых писал в свое время Сисмонди...

Нет кризиса, пожалуй, в одной только Германии. Правда, и здесь в течение лета была весьма значительная заминка, но она была результатом своего рода „внеэкономического“ вмешательства Антанты. Мы говорили о так называемых хозяйственных санкциях, наложенных на Германию ввиду отказа от принятия „парижского предложения“ (226 миллиардов контрибуции). В марте был оккупирован новый район левого берега Рейна; союзники заняли Дюссельдорф, Дюисбург и Рурорт (гавани). В апреле самый промышленный район Германии—левый берег Рейна—был отделен от всей остальной страны таможенной границей, и для германской промышленности были созданы совершенно ненормальные условия. Ко всему этому присоединилось карательное обложение товаров, ввозимых из Германии в Англию, Францию, Бельгию и в некоторые другие страны, налогом в размере 50% с их стоимости. Но Германия преодолела эти так называемые „санкции“. Кризиса не

---

[1]) На второй декабрьской неделе число безработных в Дании составляло 70.261 чел., т.-е. свыше 20% общего количества рабочих (в сент. 16,6%, в окт. 18,3%).

[2]) Железоделательная промышленность Швеции в полном застое. Из 134 доменных печей работает 21, т. е. меньше 16%. Вывоз железа за первые 10 месяцев 1921 г. сократился на 50% по сравнению с теми же месяцами 1920 года, также захваченного кризисом. Индексы цен без всяких поворотов решительно идут вниз (падение больше чем на 50% по сравнению с наиболее благоприятными месяцами 1920 г.).

получилось. Напротив того, производство, не только не сокращалось но даже было отмечено некоторым оживлением. Это видно, например, из сокращения числа безработных. По статистике профессиональных союзов, охватывающей 5,68 миллионов человек, процент безработных по отношению к общему количеству рабочих составлял:

	% %		% %
В январе	4,5	В июне	3,0
„ феврале	4,7	„ июле	2,6
„ марте	3,7	„ августе	2,2
„ апреле	3,9	„ сентябре	1,3
„ мае	3,7	„ октябре	1,1

Число безработных и абсолютно, и относительно за последних два месяца было в два раза ниже, чем в августе—сентябре 1913 года,—года высокой экономической коньюнктуры. Но какой ценой покупалось наблюдавшееся на фоне всемирного промышленного развала „оживление“ германского хозяйства, мы уже видели: оно покупалось за счет бешеного „валютного думпинга“, а в конечном итоге за счет невиданной в „цивилизованном мире“ эксплоатации немецких рабочих, поставленных в положение чернокожих и китайских кули. Это был „расцвет“, подобный видимому здоровью человека, разъедаемого уже внутренними очагами туберкулезной заразы, и немцы недаром, как мы увидим дальше, определяли хозяйственное положение Германии, как „Scheinkonjunktur“, как „призрачную коньюнктуру“. Германия в настоящее время стоит на пороге колоссального экономического потрясения. Развал надвигается, но это будет не кризис перепроизводства, а „кризис“ в том смысле, в каком это слово употребляется в просторечии в России.

Но об этом в следующей главе.

4. Перспективы и „методы лечения“.

Начиная с августа—сентября 1921 года из некоторых стран наиболее пораженных кризисом, например, из Сев.-Американских Соединенных Штатов, получаются известия, долженствующие свидетельствовать о намечающемся оживлении экономической жизни. Комментарии, которыми сопровождаются эти известия, правда, очень сдержанны, но в „торгово-промышленных кругах“, повидимому, зреют надежды на улучшение положения. Однако, не трудно видеть, что все признаки якобы наступающего хозяйственного подъема в высшей степени проблематичны.

Так, к средине сентября цена восьми основных стальных и железных продуктов повысилась до 48 долл. 68 цен. за тонну по сравнению с 48 долл. 52 цент. в начале месяца,—это составляет повышение, не достигающее 0,3%. К середине октября некоторые продукты железоделательной промышленности несколько вздорожали, но зато стальной трест вынужден был понизить цены такого важного материала, как сименс мартеновские листы на 7 долларов за тонну. Произошло некоторое оживление и в автомобильной и обувной промышленности. Но какие ничтожные изменения цен дают повод американцам публиковать нотировки товаров под громкими заглавиями „улучшение положения рынка“, можно судить по следующей таблице, которая дает индексы цен на химические продукты (январская нотировка 1914 г. принята за 100):

	Химическ. продукты вообще.	Кислоты.	Промеж. прод. каменноуг. смолы.	Естеств. краски.
15 окт. 1921 г.	141,53	118,02	253,43	132,10
8 „ „	142,11	117,19	255,03	129,76
15 сент. „	142,64	118,87	254,01	130,20
15 окт. 1920 г.	271,41	233,95	348,32	187,89

	Фармац. тов	Фармац. сырье.	Масла.
15 окт. 1921 г.	160,07	151,32	111,85
8 „ „	156,77	149,62	114,68
15 сент. „	167,61	148,11	112,89
15 окт. 1920 г.	305,37	221,91	210,73

О чем свидетельствует эта таблица? Она говорит о том, что цены на химические продукты упали от 15-го сентября до 8-го октября на 0,53 пункта, а до 15-го октября на 1,11 пунктов; цены на кислоты к 8-му октября понизились на 1,68 пунктов, а к 15-му октября повысились всего-на-всего на 0,85 пункт., не достигнув даже цены 15-го сентября; цены на промежуточные продукты производства каменноугольной смолы повысились к 8-му октября на 1,02 пункта, но затем вновь упали на 1,52 пункта; краски вздорожали на 1,90 пунктов: фармацевтические товары подешевели на 6,54 пункта; фармацевтическое сырье вздорожало на 3,21 пункта, а масла пали на 1,04 пункта. Пусть люди утешаются, пусть это называется „улучшением положения рынка химикалиев", но не нужно быть уже очень непредубежденным читателем, чтобы считать это улучшение микроскопическим: нам недаром пришлось выразить отмеченные в таблице индексов изменения „пунктами"—если бы мы пользовались при этом процентами, то цифры получились бы совсем уж аптекарские. В начале сентября американцы радовались, что август по сравнению с июлем с. г. дал повышение экспорта (с 314,2 милл. долл. до 375,0), но начало октября принесло, увы, разочарование: за сентябрь экспорт вновь упал, на сей раз, правда, до 325 милл. долл. (по сравнению с 720,3 милл. в декабре 1921 г.). Заказы стального треста с августа по сентябрь и октябрь поднялись с 4,83 милл. тонн до 4,56 милл. тонн (по сравнению с 11,19 милл. тонн в июле прошлого года). Это также трактовалось, как поворот к лучшему.

Несмотря на арифметическую ничтожность наметившихся в некоторых отраслях американской промышленности изменений, все же можно признать, что, если и рано еще говорить о признаках надвигающейся высокой коньюнктуры, то дальнейший развал все же как будто прекратился: американская промышленность, повидимому, „стационировалась" на сильно пониженном уровне. Чем же, спрашивается, объяснить видимую приостановку развала? На мой взгляд здесь имели значение три фактора. Во-первых, вздорожание на мировом рынке пшеницы к началу осени значительно увеличило покупательную способность американских фермеров, которые до того держали в амбарах огромные запасы хлеба. Это вызвало расширение внутреннего рынка в Северной Америке, и прежде всего возрос спрос на товары текстильной и кожевенной промышленности (обувной). Подобного рода оживления нам известны из предшествующей истории капитализма: в странах с большим аграрным населением линия кризиса в связи с реализацией урожая очень часто совершала легкое движение вверх, с тем, однако, чтобы потом продолжать свой ход по направлению к минимуму. Во вторых, приходится учитывать и тот факт, что Америка

(подобно Франции) летом текущего года взяла курс на свирепую протекционистскую политику, которая до чрезвычайности затруднила конкуренцию стран со „слабой“ валютой на внутреннем рынке заатлантической республики. (Впрочем, я ниже в другой связи вернусь еще к этому вопросу.) Наконец, в-третьих, в конце лета 1921 года определился сильный неурожай хлопка. Как выяснилось окончательно лишь в декабре, Соединенн. Штаты дали недобор в 38% по сравнению с 1920 годом, 8.340 тыс. вместо 13.440 тыс. тюков); Египет—недобор в 45% (684 тыс. вместо 1.251 тыс.). Но в начале слухи о неурожае хлопка, которые усиленно муссировались печатью, говорили о бедствии, гораздо более грандиозном. Все это вызвало подлинную спекулятивную вакханалию. Хлопок и ткани начали быстро дорожать, прядильные и ткацкие станки завертелись, и получилось некоторое оживление, которое выразилось, например, в движении американских индексов. С июня по октябрь 1921 г. общий уровень цен в Соедин. Штатах поднялся на 7% (величина ничтожная, если мы примем во внимание, что с февраля 1920 г. по май 1921 г. индексы Bradstreet'a упали почти на 50%). Одной из основных причин этого „подъема“ был тот факт, что цены на хлопок, пряжу и ткани, входя в качестве ингредиентов в общий индекс, способствовали его повышению. Но и это имело место лишь постольку, поскольку речь идет о Соединенных Штатах: в Англии оживление на хлопковом рынке оказалось не в силах вызвать перелом индексов, так как цены на другие товары продолжали и продолжают понижаться.

Однако хлопковая горячка в последние два месяца истекшего года сильно пошла на убыль. Цены на хлопок, составлявшие 1 апр. 1921 г. 12 центов за английский фунт, 1-го авг. дошли до 12,9 центов, а 1 окт. до 21,2 цент. В начале декабря бюллетени Нью-Иоркской биржи показывали уже только 17,55 цент. за фунт. „Оживленное“ состояние быстро сменилось угнетенным, и английский „Экономист“ уже 19 ноября ист. года характеризовал положение на рынке текстильных товаров в следующих достаточно мрачных красках: „Купцы переживают чрезвычайно неблагоприятную неделю. Совершение сделок в расстройстве. Покупатели больше, чем когда бы то ни было, склонны к выжидательной политике. Отсюда нервозность вплоть до финансовой паники как в Англии, так в некоторых случаях и за границей. Заказы из Китая сокращаются. Цены продолжают падать“...

Некоторые авторы склонны говорить о „переломе мировой конъюнктуры“ на основании данных о состоянии народного хозяйства Англии. Но нет ничего более ошибочного, чем подобного рода утверждения, и если еще можно говорить о том, что в Америке наметился некоторый перелом, в смысле дальнейшего падения производства, то этого ни в коем случае нельзя говорить об Англии. Многие наблюдатели были попросту мистифицированы английской угольной забастовкой. С начала апреля по начало июля английская угольная промышленность совершенно бездействовала. Стала, естественно, и вся тяжелая индустрия. Произошло „добавочное“ сокращение производства во всех отраслях. Увеличилось число безработных. Сократился вывоз. Одним словом, к „естественному“ отливу капиталистической волны, вызванному кризисом, присоединился добавочный „искусственный“ отлив, обусловленный забастовкой. Явление в его „чистом“ виде оказалось замаскированным, как выражаются астрономы, „возмущающими“ обстоятельствами. Чтобы убедиться, что это действительно так, мы рекомендуем читателю вычертить основные хозяйственные кривые Англии и соединить пунктиром мартовские и августовские точки,

Перед ним тогда предстанет картина совершенно закономерного развития кризиса. Последние месяцы обнаружат продолжение тех процессов падения, которое происходило накануне забастовки. Повторяю, ни о каком „приливе“ в английской промышленности говорить не приходится. Это подтверждают и последние имеющиеся в нашем распоряжении сообщения. Вот некоторые выдержки из английского „Экономиста“: „Хлопок. Положение рынка плохое. Никакого доверия у покупателей. Спрос на ткани для Индии сильно сокращенный“ (№ 07 5. XI). Железо, сталь, уголь. Спроса на чугун пока еще нет. Большинство наших доменных печей на восточном берегу потушены и, повидимому, останутся в таком положении до сильного сокращения издержек производства. В железнодорожном транспорте также предстоит ухудшение... Ни у кого нет желания заключить наперед контракт, так как в перспективе покупателей нет. Внешняя торговля остается на никогда невиданном низком уровне и т. д. (из № 07 12. XI). Одно время возлагались большие надежды на заказ четырех сверхдредноутов. Теперь мы узнаем, что заказ этот аннулирован и что настроение в связи с этим весьма подавленное („Economist“ от 26. XI. 21). 19-го ноября „Экономист“ пишет: „Нет никаких непосредственных надежд на то, что потушенные домны будут вновь пущены в ход. Торговля сталью все еще в сильно подавленном состоянии. Последние три недели обнаруживают непрерывное сокращение“ и т. д., все в том же роде.

Но дело не в легком оживлении промышленности и не в гаданиях на основе микроскопических сдвигов. Нас должен интересовать не момент, а перспективы, скажем, ближайших лет, а с этой точки зрения вопрос надо ставить так: мыслима ли при современной политике международной буржуазии возможность консолидации капитализма? На этот вопрос мы в последующем изложении и попытаемся ответить[1]).

Начнем с анализа хозяйственных перспектив Германии, которая из стран побежденных является наиболее активным фактором на мировом рынке. Германская валюта стремительно летит вниз, все „минимум-рекорды“, которые показывала марка во время войны и после нее, уже давно превзойдены, и как раз в те дни, когда я пишу эти строки, она на нью-иоркской бирже расценивается в 1,4% своей паритетной стоимости. Но читатель может возразить: „Что ж тут особенного? Бумажная валюта на то и валюта, чтобы падать и подыматься, да к тому же ведь это внешняя сторона явлений, которая не всегда отражает подлинную экономическую действительность?“ Но как раз по отношению к Германии такое возражение было бы совершенно неправильно, ибо та самая валюта, которая до поры до времени (см. гл. 2-ую) поддерживала в стране „призрачную коньюнктуру“, неудержимо влечет ее к краху.

Германскому валютному думпингу в настоящее время поставлены серьезнейшие преграды. Когда англичане убедились, что германские товары, благодаря низкой валюте, свободно проникают через всякие таможенные границы великобританских покупателей и что они способствуют дальнейшему обострению кризиса английской промышленности, правительство традиционно фритредерской Англии, которая 75 лет не знала ввозных пошлин, совершило в своей экономи-

[1]) Попытка дать абстрактно-теоретическое решение вопроса о том, имеем ли мы дело с капиталистическим кризисом или с кризисом капитализма, явно безнадежна, так как, отвлеченно говоря, всякий торгово-промышленный кризис можно преодолеть. Ввиду этого вопрос должен быть поставлен совершенно конкретно.

ческой политике резкий поворот в сторону протекционизма. Изданием закона 12-го авг. 1921 г., вступившего в силу 1-го октября, английский экономический либерализм стряхнул с себя прах вековой традиции и потерял свою фритредерскую невинность. На основании этого закона оптические инструменты (оптическое стекло, микроскопы, теодолиты, секстанты, спектроскопы и т. д.), химическая посуда (пробирки, колбы, бюретки, цилиндры, тигли, стеклянные трубки и т. д.), измерительные приборы (термометры, барометры, гальванометры, электроскопы и т. д.), принадлежности беспроволочного телеграфа, дуговые лампы, редкие металлы (торий, цезий и т. д.), синтетические органические соединения, реактивы и целый ряд других товаров облагаются ввозной пошлиной в размере $33^1/_3$% их ценности. Правда, в билле о „защите английской промышленности" нет прямых указаний, что он относится к импорту из Германии, но нужно знать, что Германия является первой в мире страной по производству указанных изделий, чтобы понять, к кому относятся установленные английским парламентом запретительные пошлины. Но этого мало. Кроме обыкновенной пошлины закон устанавливает еще специальные „антидумпинговые" пошлины. Суть этих последних заключается в том, что если заграничный товар предлагается на английском рынке по цене, более низкой, чем продукт „отечественного" производства, и если вдобавок к этому валюта ввозящей страны на одну треть ниже своего паритета по отношению к фунту стерлингов, то с импортируемого товара взимается особая пошлина в размере $33^1/_3$% его стоимости. Здесь также нет указания на Германию, но валютный антидумпинг относится, главным образом, к ней: германская марка ни разу по окончании войны не доходила до $^2/_3$ паритета по отношению к фунту, а теперь (8.XI.21 г.) она составляет равным счетом $^1/_{60}$ своей нормальной стоимости. Когда какой-нибудь германский товар подпадает под перекрестное действие обоих изложенных мероприятий, то он облагается $^2/_3$ своей стоимости, а это равносильно запретительному тарифу. От Англии по части протекционистской политики не отстают ее колонии. Канада повысила таможенные ставки с 1 го сентября с. г., южная Африка предприняла в этом направлении шаги еще раньше. В Индии рассматривался летом закон, „обеспечивающий интересы английских экспортеров". Ныне этот закон, вероятно, вступил уже в силу. Австралия тоже повысила ряд ставок и ввиду наплыва дешевых германских и бельгийских товаров приступила к разработке в срочном порядке закона против валютного демпинга.

Наибольшей свирепостью отличается закон Соединенных Штатов, подписанный Гардингом 27-го мая с. г. Этот закон применяется в том случае, „если государственное казначейство установит, что ввоз определенных иностранных товаров нанес или может (!) нанести ущерб какой-нибудь отрасли промышленности Соединенных Штатов или же, если он может воспрепятствовать возникновению или развитию известных отраслей промышленности внутри страны, и что товары эти продаются или могут (!) быть проданы в Соединенных Штатах или еще где-нибудь ниже их нормальных цен" (секц. 201 а). А раз импортируемые товары попадают под действие закона (а французским, бельгийским и, в особенности, немецким совсем нетрудно под него попасть), то с них, кроме обычных пошлин, взимается отдельная антидумпинговая пошлина в размере всей разницы между ценою на внешнем и внутреннем рынке (секц. 202 а). Этот закон также носит чисто запретительный характер. Я поэтому считаю излишним останавливаться на других ограничениях американского

импорта, которые в течение истекшего лета сыпались, как из рога изобилия.

Одним из последних проявлений бешеного протекционизма на континенте Европы был новый итальянский таможенный тариф, тоже носящий почти запретительный характер. Преследуя не только покровительственные но и фискальные цели, он обложил ряд основных продуктов питания такими высокими ставками (в октябре, например, с ввозимого мяса, по моим расчетам, взималось в виде пошлины 30% стоимости, а с сахара даже 160% стоимости, что наметившееся к середине лета падение цен внутри страны превратилось в свою противоположность, и дороговизна опять начала вступать в свои права. Жестокому обложению были подвергнуты почти все продукты промышленного производства, при чем пошлина в ряде случаев в несколько раз превышает стоимость товара на мировом рынке. Относительно нового итальянского тарифа нельзя сказать, что он направлен специально против Германии: в нем, кстати сказать, нет статей против валютного демпинга. Но поскольку тариф предусматривает почти запретительные пошлины при ввозе металлов и металлических изделий, электрической арматуры и точных научных инструментов, тяжесть этих мероприятий падает прежде всего на германский экспорт.

Но острая протекционистская горячка охватила не только перечисленные страны: она свирепствует во всех странах, начиная с Франции и Бельгии и кончая Швецией Данией, Турцией и Испанией. Насколько эта горячка подняла температуру соответствующих законодателей, можно судить по вступительной, мотивировочной части к испанскому декрету. „Все отрасли испанской промышленности—сказано во вступлении к декрету—страдают от наплыва чужеземных продуктов, вследствие послевоенного экономического кризиса и разрушения обычных валютных соотношений. Многие страны провели и проводят мероприятия в защиту своих рынков от наводнения иностранными продуктами. Со всех сторон воздвигаются тарифные барьеры, принимаются ограничительные меры, и интересам испанской экспортной торговли наносится сильный удар. Ситуация развивается в направлении к мировой тарифной войне“...

В чем же, спрашивается, заключается влияние этого всеобщего поворота к протекционизму для мирового хозяйства вообще и для германского, в частности?

Таможенная пошлина, даже не преследующая никаких фискальных целей, прежде всего означает косвенный налог на потребителя. Косвенный налог влечет за собой повышение цен, которое всегда обусловливает собою сокращение покупательной способности населения. Отсюда с неизбежностью вытекает, что форсированная протекционистская политика, практикуемая одновременно многими государствами, может привести только к колоссальному сокращению емкости мирового рынка. Правда, такая политика может в той или другой стране быть причиной оживления или, как сказано в цитированном американском „чрезвычайном законе“ („Notgesetz“, „Emergecy Bill“), даже „возникновения“ той или другой отрасли промышленности, но оживить бессильно бьющееся в сетях противоречий мировое хозяйство она не в состоянии. Напротив того, съужая рынок, она способна только вызвать дальнейшее обострение кризиса.

Особенно губительным является поворот мировой экономической политики для Германии, которая и без того (как мы видели во второй главе) обладает сильно пассивным торговым балансом. Отныне многим продуктам германской промышленности, которым, благодаря

огромному понижению уровня жизни немецких рабочих, удавалось затоплять американский, английский и проч. рынки, будет столь же трудно проникнуть через таможенные барьеры, как верблюду пройти через игольное ушко. А это означает, во-первых, дальнейшее ухудшение перспектив германских платежей Антанте[1]), а, во вторых, дальнейшее сокращение покупательской способности Германии. А ведь не надо забывать, что это—страна, ввозящая, главным образом, сырье и продовольствие: хлеб, лес, мясо, руду, нефть, минеральные масла, кожу, хлопок, каучук, свинец и т. д. В июне 1921 года, например, ввоз этих продуктов составил свыше 95% германского ввоза вообще. Без ввоза всех этих товаров, германская промышленность жить не в состоянии. Но как их купить, когда и без того зияющую дыру в торговом балансе нечем заполнить, когда эта дыра под влиянием новых искусственно созданных таможенных перегородок все время увеличивается и когда за германскую марку, потерявшую свыше 98% своей ценности, ни один заграничный экспортер продавать не соглашается? Нам могут ответить, что Германия может форсировать свой экспорт, пользуясь и в дальнейшем „благодетельными" услугами валютного думпинга. Но на это возразить не трудно. Во-первых, законы о валютном антидумпинге (например, американский) вовсе не фиксируют размеров таможенной ставки, а предоставляют таможенному ведомству устанавливать ее всякий раз в зависимости от разницы в существующих ценах, а это неизбежно превращает выгоды экспортера, применяющего валютный думпинг, в... доход казны импортирующей страны. А во-вторых, всякая эксплоатация рабочего класса, питающая подобного рода думпинг, имеет свои естественные, физиологические границы: если рабочий механизм не получает достаточного количества топлива и смазки, то он не только „дисквалифицируется", но попросту отказывается выполнять свое назначение (об этом превосходно рассказано в столь ненавистной тов. А. Елизаровой книжке Николая Бухарина „Экономика переходного времени"). Формулированное только что положение требует, однако, некоторых пояснений. Падение курса на внешнем рынке, теоретически рассуждая, не идет параллельно уменьшению покупательной способности денег внутри страны: он бывает то выше, то ниже последней[2]). Но для стран, ввозящих большие количества сырья и продовольствия, это практически не применимо. На самом деле, если Германия платит в переводе на марки бешеные деньги за зерно, за мясо, за хлопок и за кожу, то цены на хлеб, на одежду и на обувь будут неизбежно итти вверх. Это можно подтвердить чрезвычайно показательными статистическими данными. Если за исходную точку принять индекс января 1920 года, сведенный к 100, то мы для 1921 г. по „Frankf. Ztg" получим следующую любопытную картину:

янв.	февр.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	октяб.	нояб.	дек.	янв. 1922 г.
143	136	130	130	132	128	135	160	164	161	249	303	320 (!!)

Из этих цифр видно, что дороговизна до мая месяца 1921 года уменьшалась—этому способствовало повышение германской валюты. Но как раз к середине лета начинаются финансовые операции гер-

[1] Я не останавливаюсь на этом вопросе, так как он широко разработан в книжке Кэйнса, где читатель найдет интересующие его данные.

[2]) Не имея достаточно места, чтобы подробнее остановиться на этом вопросе, отсылаю читателя к книжке Туган-Барановского „Бумажные деньги и металлическая валюта".

манских банков за границей, имевшие целью приобретение иностранной валюты для уплаты так называемого „первого золотого миллиарда“: марка начинает падать, а хлеб, хлопок, кожа и прочие ввозные продукты начинают быстро дорожать, и „франкфуртский“ индекс в течение шести месяцев подымается на 150%. Индексы цен съестных припасов возросли еще больше, а это чувствуется особенно сильно. Падение цен первой половины истекшего года превратилось в свою противоположность...

Из всего этого явствует, во-первых, что Германии угрожает вполне реальная перспектива в ближайшие же месяцы лишиться значительной части необходимого ей продовольствия и сырья и, стало быть, подвергнуться всем ужасам „кризиса недопроизводства“, а во-вторых, что ей ввиду крайне обостряющегося положения рабочего класса предстоит пережить широчайшее забастовочное движение, которое тем скорее может превратиться в движение политическое, что нынешнее буржуазное правительство Германии ни в малой мере не склонно итти на уступки и подготовляет наступление против 8-ми часового рабочего дня. Может ли все это способствовать консолидации мирового капиталистического хозяйства? Нам кажется, что двух ответов на этот вопрос быть не может: обострение протекционистской политики может только обострить, а не прекратить кризис.

Наиболее „рациональные“ методы лечения от современного хозяйственного развала предложил в свое время г. Г у в е р. На чикагской финансово-экономической конференции, состоявшейся 10 месяцев тому назад, он формулировал свой проект оздоровления капиталистического хозяйства в следующих словах: „Причина современного (не забудем, что речь идет о конце 20 г. и начале 21 г. *Ш. Д.*) подавленного положения промышленности, убытков сельского хозяйства и возрастающей безработицы в конечном счете кроется в неблагоприятном положении мирового хозяйства и в застое экспортной торговли. Это учит нас тому, что благосостояние Америки теснейшим образом связано с благосостоянием всего мира. Есть только один выход из этого кризиса: предоставление Европе долгосрочных сырьевых и продовольственных кредитов, которые сделают возможным восстановление Старого Света. П р е д п о с ы л к о й д л я с о з д а н и я п р о ч н ы х о с н о в д л я х о з я й с т в е н н о г о в о с с т а н о в л е н и я С т а р о г о С в е т а я в л я е т с я в о з о б н о в л е н и е м и р н ы х о т н о ш е н и й с Р о с с и е й и о к о н ч а т е л ь н о е у с т а н о в л е н и е в р а з у м н о й с у м м е р а з м е р о в г е р м а н с к и х п л а т е ж е й п о в о з м е щ е н и ю, дабы наши бывшие враги были в состоянии окрепнуть и создать покой и порядок в Средней Европе“. Годом раньше обосновал аналогичную точку зрения уже цитированный нами проф. Д. К э й н с, выступивший с гораздо более конкретным планом, чем г. Гувер. Сходясь с последним на том, что кризис мирового хозяйства (Кэйнс, как дальновидный представитель буржуазии, предвидел его), можно будет преодолеть только восстановлением экономики центральной и восточной Европы, Кэйнс выдвинул целый ряд требований. Он говорил не просто о необходимости „установления в разумной сумме размеров“ германской контрибуции, а называл конкретную цифру в 2 миллиарда фунтов стерл. или 40 миллиардов золотых марок, из которых к тому же должна быть вычтена сумма в 10 миллиардов зол. марок, составляющих стоимость сданных Германией — по перемирию и по договору — торгового флота, подводных кабелей, военных материалов, государственного имущества в аннектированных областях и т. д. Остающийся долг, по мысли Кэйнса, должен был быть долгом беспроцентным с

рассрочкой на 30 лет. Германии при таких условиях пришлось бы платить ежегодно не более одного миллиарда золотых марок и то начиная лишь с 1923 года. Кроме того, Кэйнс добивался коренного пересмотра Версальского договора. Он требовал отказа союзников от притязаний на германский уголь, снабжения Германии лотарингской рудой, оставления В. Силезии за Германией, аннулирования пунктов договора, касающихся убийственной для Германии таможенной политики и, в первую голову, упразднения „Комиссии по восстановлению", т.-е. конкурсного управления над державами центральной Европы. По отношению к Австрии он писал, что „не должно быть даже сделано попытки взыскать с нее платежи на восстановление". И Кэйнс на случай упорства грозил буржуазии скорпионами революции. „Если мы будем,—писал он в своей книге,—сознательно стремиться к истощению Средней Европы, возмездие—я осмелюсь предсказать—не замедлит притти. Ничего уже не остановит тогда той заключительной междоусобной войны между силами Реакции и отчаянными судорогами Революции, перед которыми побледнеют и покажутся ничтожными все ужасы Германской войны и которая разрушит кто бы ни победил—цивилизацию и плоды прогресса нашего поколения"[1]).

С тех пор, как были написаны эти строки прошло ровно два года. И что же мы видим? Германская контрибуция лондонским ультиматумом (май 1921 года) установлена не в „разумной" цифре в 30 миллиардов марок, как того требовал Кэйнс, а в размере 132 миллиардов. Германия по этому „долгу" не то, что не платит процентов, а вносит по 5% ежегодно. Германия уплачивает не один миллиард марок ежегодно, как следовало по рецепту Кэйнса, а на первых порах около 3½ миллиардов (эта сумма согласно лондонскому ультиматуму будет повышена, коль скоро будет установлено, что Германия может платить проценты и по так наз. последней серии в 82 миллиарда марок). Германия не только не освобождена от угольной контрибуции, а продолжает ее регулярно платить. Верхняя Силезия отнята, никакой лотарингской руды Германия не получает, таможенная политика союзников делает все возможное, чтобы парализовать ее экспорт, а „Комиссия по восстановлению" и вдобавок к ней новая гарантийная комиссия продолжают свирепствовать пуще прежнего. Способствует ли это „сознательному истощению Средней Европы" и, следовательно, дальнейшему развалу капиталистического хозяйства? Мы отвечаем: да, способствует.

Иронии судьбы угодно было, чтобы в порядок дня политики международной буржуазии была выдвинута проблема восстановления хозяйства Российской Социалистической Федерации, как выход из мирового кризиса и, следовательно, как средство укрепления господства мирового капитализма. Правда, участие России в мировой торговле в наиболее благоприятный для нее 1911 г. выражалось всего-на-всего в 3,4%, но капиталистическому миру кажется, что те огромные ценности, которые в настоящее время в состоянии поглотить Россия колоссальны. Европа и Америка полагают, что техническое переоборудование России означает такой подряд, какого не видал еще капиталистический мир за время его существования.

Открытие нового рынка для мирового хозяйства (а русский рынок

---

[1]) Аналогичные взгляды развивает в своей книге и Норман Энжелл. См. „Der Friedensvertrag und das wirtschaftliche Chaos Europas," перевод с англ. A. du-Bois-Reymond, Berlin 1920.

сейчас фактически открывается) всегда означал подъем. Так было, например, в начале двадцатых годов прошлого столетия, когда объявление независимости южно-американских республик повлекло за собой поток английского капитала в виде товаров—в бывшие испанские колонии. В эти годы рынок английской промышленности настолько расширился, что хлопчатобумажная промышленность не только работала полным ходом, но и должна была расширяться. Расширение основного капитала английской буржуазии, выразившееся хотя бы в лихорадочной постройке новых фабрик в Манчестере, связано главным образом с фактом открытия Южной Америки для инвестирования английского капитала. Так было и в начале 30-х годов, когда начался усиленный экспорт капитала (т.-е., по сути дела, есть экспорт товаров) из Англии в Соедин. Штаты, которые в то время начали строить железные дороги, каналы, промышленные предприятия и т. д. Английский капитализм и на этот раз получил возможность значительно расширить свои предприятия в пределах Великобритании. Подобного рода перспективу рисует себе мировой капитал и в настоящее время, поглядывая на Россию. Но надежды эти, по крайней мере, поскольку речь идет о ближайших двух годах, несомненно преувеличены. На самом деле, как велика поглотительная способность России, или, другими словами, какое количество товаров Россия может в ближайшем будущем принять? Европейская и американская промышленность могут, положим, покрыть всю поверхность России паровыми или иными тракторами, но вопрос в том, сколько тракторов мы можем фактически пустить в ход, какова численность машинистов-пахарей, имеющихся в нашем распоряжении, и т. д.? Положим, что Америка может снабдить нас полностью продовольствием, но и тут возникает вопрос: какое количество хлеба могут принять наши гавани и сколько мы в состоянии перевезти на наших железных дорогах? Если вопрос поставить так, а его нужно ставить именно так, то Россия в ближайшие $1^1/_2$—2 года, по имеющимся у меня данным, может принять не более 150—200 миллионов пудов, т.-е. незначительную долю того, что ввозилось в Россию накануне войны. Если принять еще во внимание, что и этот незначительный с точки зрения мирового хозяйства, подряд будет распределен между отдельными странами, то влияние „открытия“ русского рынка окажется еще менее спасительным для мирового капитализма. Правда, если брать большие сроки, скажем, десятилетие, то инвестирование иностранных капиталов в России,—переоборудование ее промышленности, осуществление плана электрификации и т. д.,—могло бы не только пустить в ход несколько лишних миллионов веретен и несколько десятков доменных печей, но и вызвать новую волну здорового учредительства. Однако, поскольку мы говорим о „текущем моменте“, о наиболее остром периоде мирового кризиса, о ближайшей паре лет, Россия лишь в очень незначительной степени может быть благоприятным фактором в деле оздоровления мирового хозяйства.

Как бы то ни было, но вокруг России разгорелись аппетиты мирового капитала. Особенно сильно привлекла она внимание американцев. Еще до Гувера с мыслью о „помощи“ России выступил известный американский миллиардер Франк А. Вандерлипп, который, подобно Кэйнсу, еще в 1919 году предвидел, что капиталистический мир окажется в тупике. Вандерлипп боится, что лакомый кусок может ускользнуть от Соединенных Штатов: „Если Штаты,—пишет он в цитированной мною книжке,—не обнаружат достаточной дальновидности и мужества и не проявят готовности к финансовым авантюрам (в немецком переводе, которым я пользуюсь, так и сказано "Abenteuer"),

то над Россией будет господствовать и Россию будет эксплоатировать Германия". И наш автор кричит караул: „Германия граничит с Россией; мне сказали, что сто тысяч немцев владеют русским языком". А посему carpe diem, лови момент! „Если Америка,—пишет дальше г. Вандерлипп,—решится ступить ногой в тот хаотический мир, который именуется Россией, то это будет сулить ей чудесные перспективы. Американский дух понимает русские условия. Если туда устремится значительное количество наших людей, одушевленных не столько жаждой прибыли, сколько желанием помочь (оно конечно!), то мы можем подготовить России блестящую будущность и спасти ее от жестоких ударов судьбы. Мировая история ближайшего столетия могла бы, благодаря этому, принять совсем другой поворот"...

Для Кэйнса, Энжелла и председателя имперского совета народного хозяйства Германии г. фон Брауна[1]) русская проблема тоже является вопросом первостепенной важности и одним из лучших средств для лечения смертельно больного капиталистического хозяйства, но они подходят к этому вопросу несколько иначе. Так, Кейнс по каким-то соображениям считает, что „подряд" на хозяйственное восстановление России для англичан, французов и американцев дело неподходящее. „Германия, с другой стороны, имеет опыт, побудительные причины и в значительной степени материалы для снабжения русского крестьянина теми товарами, по которым он изголодался за эти пять лет, для реорганизации транспорта и для привлечения, таким образом, в мировой котел, ко всеобщему благу, тех запасов, от которых мы сейчас так трагически отрезаны. В наших интересах ускорить пришествие дня, когда германские агенты и организаторы окажутся в состоянии пробудить в каждой русской деревне импульсы обычных экономических движений. Этот процесс,—прибавляет Кэйнс,—совершенно независим от правящей власти в России". Заметим, что все это было написано до снятия блокады и до прекращения интервенции, и что г. Кэйнсу пришлось приглашать свое правительство следовать в русской политике достойной подражания политике невмешательства, провозглашенной германским правительством... Кэйнс, кстати сказать, даже не выдвигает требования уплаты Россией старых долгов; напротив того, по его мнению, „самое пылкое воображение не может рассчитывать на их возмещение".

Прошло два года. Капиталистическое хозяйство за это время, несомненно, могло кое-что сделать для предотвращения своего развала. Но дальше слов дело не пошло. Пророки буржуазного мира до сих пор занимаются в этой области только разговорами. Кризис бушует во-всю, и конца-края не видно его разрушительному господству. Трусливый буржуа с расстроенным воображением обреченного туго идет сейчас в Россию. Для нашего хозяйства это, конечно, плохо но это плохо и для мирового капиталистического общества: он не способен даже отодвинуть момент своей гибели...

Есть еще проект взаимного погашения межсоюзнических обязательств, тоже выдвинутый Кэйнсом.—Общая задолженность союзников исчисляется, примерно в 80 миллиардов золотых марок. Она крайне обременяет государственные бюджеты стран-должников, требует сильного напряжения налоговых систем и тем самым сокращает покупательную способность широких народных масс. Естественно, что это сужает рынок и, в дополнение к уже рассмот-

---

[1]) См. его брошюру: „Was wird aus Europa?" Berlin 1922 (книжка на самом деле издана в октябре 1921 г.).

ренным нами факторам, является большой помехой для капиталистического хозяйства.

Из упомянутых 80 млд. золотых марок задолженности союзных стран около 40 млд. приходится на долги Соед. Штатам, по которым Европа обязана уплачивать около 2 миллиардов золотых марок ежегодно, т.-е. сумму, которой ей хватило бы на прокормление в течение года, по крайней мере, 4 миллионов человек. Чтобы избавиться от американской кабалы, европейские экономисты подняли вопрос о взаимном погашении обязательств. В случае проведения подобного рода финансовой операции выиграли бы все малые должники (Сербия, Бельгия и др.), Франция (около 14 млд. зол. мар.) и Италия (около 16 млд. зол. мар.), и, напротив того, проиграла бы Америка (около 40 млд.) и Англия (около 18 млд.). Англия во имя улучшения положения обслуживаемого ею европейского рынка готова долги союзников простить. Это явствует, например, из неоднократных выступлений Черчилля и других государственных „мужей“ Англии. Но для Америки вопрос совсем не так прост. Кэйнс, например, думает, что Америку к этому шагу должна побудить капиталистическая этика. „Я полагаю,— пишет он,—что Европа может справедливо просить о таком акте великодушия“... Но Америка, несмотря на широчайшую пропаганду в Европе идеи погашения взаимных долгов, не выражает пока что никаких желаний итти на „такой акт великодушия“. Более того, в день, когда я пишу эти строки (11-го ноября), телеграф принес сообщение из Соед. Штатов, что американцы не намерены даже поставить этот вопрос в порядке дня Вашингтонской конференции...

Мы, к сожалению, лишены возможности рассмотреть целый ряд других экономических рецептов преодоления кризиса, потому что таких рецептов написано несколько дюжин. Остановимся лишь на проблеме эмиграции, которая всегда была предохранительным клапаном капиталистического общества. В Англии серьезно поговаривают о том, что „в случае, если ей не удастся овладеть европейскими рынками, то задача правительства будет состоять в том, чтобы экспортировать пять или шесть миллионов английских граждан в колонии или еще куда-нибудь“ (это заявил Вандерлиппу один „ответственный великобританский министр“). Проблема эмиграции особенно сильно занимает Италию, которая в былые времена спасалась от последствий т. н. относительного перенаселения „экспортированием“ своих граждан в Соединенные Штаты. В Италии речь тоже идет о переселениях многих сотен тысяч. Капитализм, таким образом, намерен выйти из тупика посредством нового переселения народов. Но, во-первых, Америка крепко закрыла свои двери для иммигрантов, и, во-вторых, это—процесс, рассчитанный на многие годы, а „пока солнце взойдет, роса глаза выест“ [1]..

Итак, „методы лечения“ пока никаких положительных результатов не дали. Все рецепты, предлагаемые врачами буржуазного общества, либо просто утопичны, либо противоречат самому духу капиталистического общества. Отказ от Версальского мира был в глазах самой буржуазии testimonium paupertatis капиталистическому строю. Вза

[1]) В данной связи не безинтересно отметить такой факт. Уполномоченный итальянского правительства для переговоров с Сов. Россией относительно торгового соглашения, д-р Бодж и а н о Н и к о но дороге в Москву сообщил одному интервьюеру, что он имеет поручение заключить с сов. правительством специальный договор относительно эмиграции итальянцев „в Советы“. Согласно этому договору 500 тыс. итальянских рабочих, которые до войны работали в Америке и ныне не имеют возможности вернуться туда вследствие ограничения иммиграции, должны будут переселиться в Россию, где сов. правительство доставит им сельско-хоз. и другие концессии.

имное погашение обязательств было бы в представлении американских банкиров актом, совершенным из-за прекрасных глаз „прекрасной“ Франции и т. д.—все в этом роде. А между тем в „цивилизованном мире“ от 12 до 15 миллионов человек безработных и „полубезработных“, а вместе с семьями, быть может, до 40 миллионов человек отнюдь не склонных без конца переносить голод и холод. Социальные противоречия — я решительно на этом настаиваю — ни до, ни после войны не достигали таких острых моментов, ибо анархия буржуазного хозяйства довела контрасты между нищетой и богатством, голодом и роскошью до геркулесовых столбов.

Но для взрыва системы мирового капитализма помимо объективных экономических факторов, нужна еще известная психологическая подготовка, готовность к борьбе, о которой покойный Каутский писал в своей лебединой песне (в „Пути к власти“). Эта готовность к борьбе была еще 1919—1920 г.г., и тогда буржуазия испытывала трепет перед наступавшим пролетариатом. Тогда Н. Энжелл совершенно искренно писал: „Парижская конференция создала возможность провести поперек Европы „санитарный кордон“, долженствующий спасти нас от большевистской заразы. Наше собственное правительство (английское) создало особое учреждение для проверки иммигрантов чтобы не дать проникнуть на нашу территорию яду в образе пропаганды; наша трудоспособная полиция неусыпно следит за лицами, подозреваемыми в большевистской пропаганде и в попытке заразить Англию. Но когда опасные идеи могут распространяться с такой легкостью, когда ничтожные агитаторы с парой тысяч плохо напечатанных прокламаций могут потрясти основы государства, или, как говорят, „везти с собой революцию в чемодане“, то какое действие должна оказать на людей, которые так легко поддаются влиянию, действительная попытка „практического“ коммунизма? Теперь этот психологический ужас мировой буржуазии перед пролетарской революцией исчез, ибо пролетариат, понесший за истекшие полтора года такие жестокие поражения, как отступление наших войск от Варшавы, подавление мартовского восстания в Германии и неудача итальянского выступления,—отошел назад и занял выжидательные позиции. Революционная энергия ушла вглубь и превратилась в энергию потенциальную. Факт — для мировой революции неблагоприятный. Но не надо забывать, что идеология имеет тенденцию стать адэкватной экономическому бытию. А „бытие“ это в настоящее время представляет собой такую сложную сеть противоречий, такое кричащее сочетание контрастов, что стоит только сорваться камню со склона горы, чтобы образовалась исполинская лавина, которая похоронит на своем пути все ужасы капиталистического режима.

Весь вопрос в том, **когда** сорвется этот камень?..

Наша экономическая политика[1].

В. Смирнов

I.

Несмотря на 10 месяцев „новой“ экономической политики, несмотря на дебаты последней партийной конференции, наша экономическая линия все-таки не приобрела той законченной ясности и цельности, которая теперь, когда жизнь чрезвычайно быстро творит новые (вернее—восстанавливает старые) формы, необходима нам до последней степени, чтобы не потерять своей руководящей роли в процессе восстановления нашего хозяйства. Уже одно то, что оба очень определенно противополагавших себя друг другу течения, из которых одно Ларин окрестил партией „коммерческого прогресса“, а другое „коммунистической реакцией“, в конце концов дружно высказались за одну и ту же безобидную для обеих сторон резолюцию, показывает, как мало определенности было и в том и в другом. А между тем взять вновь твердо в свои руки выскальзывающую сейчас у нас инициативу развития хозяйственной жизни страны возможно только на основании ясного понимания того, какие именно задачи мы ставим себе в существующей обстановке. Иначе мы будем или плыть по течению, как это делает группа „коммерческого прогресса“ или, как это делает т. Ларин, бессильно намечать то один, то другой „предел приспособляемости“, руководствуясь исключительно желанием сдать как можно меньше, пятиться задом, упираясь на каждом шагу, и вести ту тактику пассивного сопротивления, которая никого еще до добра не доводила.

Всякий план действия должен быть основан на оценке опыта прошлого. Каково было объективное значение нашей прежней экономической политики, к каким результатам и почему она привела, где причины ее неуспеха—разрешение этих вопросов должно явиться исходным пунктом для определения линии нашего настоящего поведения.

„Наша прежняя политика была ошибкой“, со всей резкостью заявил т. Ленин на съезде политпросветов. „Наша новая политика—уступка, к которой мы были вынуждены задержкой западно-европейской революции“, заявил т. Ларин в своем докладе в коммунистическом клубе; и так как, по его мнению, этих уступок мы сделали слишком много, он объявил поход во имя „коммунистической реакции“, имеющей в виду, как показывает самое название, пока что упираться изо всех сил, с тем, чтобы в подходящий момент (очевидно, западно-европейской революции) смело перейти обратно в наступление ради завоевания вновь позиций продразверстки, запрещения торговли и т. д., освободив их только от „бюрократических извращений“. Если первая

---

[1] *От редакции.* Печатается в порядке дискуссии.

формулировка обязывает нас к внимательному пересмотру всех основ нашей прежней политики, то вторая объявляет ее истинно-коммунистической, и всякое отступление от нее считает необходимым производить с посыпанной пеплом главой и со скрежетом зубовным по поводу своего, пусть неизбежного, грехопадения.

Действительно ли мы до марта 1921 года были такими праведниками, которым теперь приходится волей-неволей, применяясь к подлости окружающего нас буржуазного мира, разрешить себе кое-какие грехи, опасаясь только совершения греха смертного? Или и в нашем прошлом есть кое-что, от чего мы со спокойной совестью можем отказаться?

Заявление Ленина о нашей ошибке в общем не встретило одобрения в партии. Каждый считал своим долгом указать на то, что эта ошибка была исторической необходимостью, а следовательно и ошибки то не было. „В общем,—пишет т. Радек в № 4 „Красной Нови"—наша прежняя политика не только не была ошибкой, но именно благодаря ей, проведенной с железной последовательностью, мы смогли отразить врага внутри и вне и создать предпосылки для теперешней политики". Ставить вопрос так,—значит подменять его совсем другим.

Мы, конечно, выполнили ту задачу, которая выпала нам на долю после октябрьского переворота. В трехлетней упорной борьбе мы разбили буржуазную контр революцию. Мы вдолбили в голову буржуазии, что она должна примириться с господством пролетариата. Белогвардейская эмиграция оказалась висящей в воздухе и ни в ком не имеет поддержки. Появление ново-веховского течения, которое, будучи буржуазным с головы до пяток, тем не менее считает безнадежной открытую борьбу с Советской властью и призывает работать вместе с ею, есть лучшее отражение теперешнего настроения буржуазных и частии мелко буржуазных слоев. Конечно, наша прежняя „хозяйственная" политика создала недурной тыл нашей военной борьбы и обеспечила в значительной степени ее успех. И все-таки была ли она политикой коммунистического строительства? Конечно, нет. Коммунизм не заключался лишь в ликвидации буржуазных отношений собственности, благодаря которой мы с гораздо большей свободой могли использовать для борьбы все имевшиеся в стране материальные ресурсы. Только благодаря тому, что все решительно, вплоть до предметов личного потребления, было объявлено собственностью государства, которое имело право в любой момент изъять все, что угодно, на свои нужды, мы могли выдержать трехлетнюю гражданскую войну после трехлетней же империалистской. Но строительства нового общества не было уже по одному тому, что в такой обстановке вообще не было возможно какое бы то ни было органическое строительство. Мы не производили, мы потребляли, и эту тактику максимального извлечения имеющихся запасов, тактику хищнического (неизбежно-хищнического) использования производительных сил страны, мы считали тактикой строительства нового общества[1]. В этом была наша грубейшая ошибка, которая вовсе не сводилась к неправильному теоретическому обоснованию нашей правильной практики. Не будь ее, более чем вероятно, что основы „новой" экономической политики были бы заложены не в марте 1921, а в марте 1920 года, что милитарные формы организации труда не считались бы началом социа-

[1] Памятником этой идеологии остается „Экономика переходного периода" Бухарина, в которой он реквизицию хлеба у крестьян рассматривает как „новый тип связи" города и деревни, соответствующий социалистическому строю.

листической организации, а следовательно, и применялись бы в более скромном масштабе, не было бы неудачной попытки заменить хозяйственные органы совершенно не подходящими по своей структуре к хозяйственной работе советами трудовых армий, и, наконец, старая потребительская идеология не висела бы над нами до сих пор, задерживая необходимый нам сейчас до зарезу переход на производственные рельсы и вызывая в качестве реакции стремление пойти по чисто-капиталистическому пути ради избавления от прелестей военного „коммунизма" в мирную эпоху. Поэтому-то так называемая „коммунистическая реакция" является действительно реакцией, идеал которой не впереди, а позади и лозунг которой заключается в том, чтобы как можно меньше, как можно осторожнее отступать от методов „старой" экономической политики. Идеологи ее не замечают при этом того простого обстоятельства, что старой экономической политики на самом-то деле вовсе не было и так называемая „новая" является вовсе не новой, а только первыми попытками нащупать правильные методы социалистического строительства, вообще, и в условиях такой отсталой страны, как Россия, с огромной сферой мелкобуржуазного хозяйства, в частности.

II.

Продовольственный вопрос был центральным хозяйственным вопросом нашей прежней политики. Это было совершенно естественно. Крестьянин был связан с городом тысячами нитей, шедших от старой самодержавно-помещичье-буржуазной власти. Налоги на крестьянство, заставлявшие его выбрасывать хлеб на рынок; расслоение самого крестьянства, создававшее излишки хлеба у кулаков за счет голодания остального населения; крупные торговые фирмы, возглавляемые банками, подхватывавшие этот поток и направлявшие его частью в города, частью за границу — таков был сложный аппарат извлечения продуктов крестьянского хозяйства, который не мог не разрушиться при разрушении буржуазных отношений. А что это разрушение не могло не произойти — лучше всего доказывается тем бешеным сопротивлением, которое оказала нам буржуазия с первых же шагов. Она чувствовала себя на другой день после революции совсем не так, как предполагал когда-то Каутский. Она отнюдь не склонна была отказаться от своих прав, получивши выкуп от пролетарской власти. Она пошла путем гражданской войны и тем самым оборвала те нити, которые связывали город и деревню. Создать вновь и сразу другой такой же тонкий и разветвленный аппарат мы, конечно, не могли. Грубый канат продразверстки, заменивший всю эту сложную сеть, был на первых порах совершенно необходим. Но очень скоро мы создали теорию, по которой этот канат и являлся чисто социалистическим „типом связи" города и деревни, что он не временное средство, а новое достижение, которое сохранится во веки веков с некоторыми, конечно, усовершенствованиями.

На первых порах мы, разумеется, должны были восстанавливать связь с крестьянином не на основе товарных отношений, а на основе прямого принуждения. Но из этой нужды мы сделали добродетель, и идея непосредственного превращения крестьянина в члена социалистического общества, работающего по государственным заданиям и отдающего свои продукты по нарядам, сделалась центральным пунк-

том нашей экономической программы, развернувшись до конца на VIII съезде советов в проекте государственного регулирования крестьянского хозяйства.

Это определило и всю нашу остальную хозяйственную систему Раз даже мелкий буржуа, да еще подчас полупатриархального типа, каким являлся крестьянин, был включен как одно из колесиков в общую машину планомерного хозяйства, то что уж было говорить о капиталисте! Его существование в пролетарском государстве казалось полным абсурдом, и по отношению к нему могла быть только политика преследования и уловления. Всякая торговля, всякое частное предприятие объявлялось спекуляцией. „Новый тип связи" должен был возникнуть сразу во всех областях хозяйственной жизни — по образцу продразверстки. И недаром наиболее выдержанная, наиболее последовательная линия все это время была у Наркомпрода, имевшего дело с крестьянским хозяйством, а не у В. С. Н. Х., руководившего промышленностью, в которой, казалось бы, социалистические принципы должны были бы найти себе применение в первую очередь.

III.

Естественно что с изменения продовольственной политики и начался переход — не на новую экономическую политику — старой, повторяю, не было, — а с рельс военной обороны на рельсы хозяйственного развития. Сделано это было в довольно робкой форме — в виде допущения местного товарооборота, но уже и такая постановка, при отмеченной выше твердости компродовской идеологии в рядах партии была огромным сдвигом, который еще надо было переварить. И хотя очень скоро появилась брошюра т. Ленина о продналоге, где он очень определенно намечал дальнейшие этапы отказа от прежних воззрений, именно в области изменения наших отношений к крестьянину мы шли вперед черепашьим шагом. Сначала допущение товарных отношений с ним мы хотели обезвредить недопущением денежной формы, почему-то считая, что натуральный товарообмен вещь все-таки более социалистическая, чем денежный товарооборот. Затем когда на этом оказалось явно невозможным удержаться, мы решили поставить ставку на якобы более благонадежного с социалистической точки зрения торговца — кооперацию. И даже теперь, когда и от этой позиции, повидимому, остается немного, мы никак не можем отделаться от того целиком навеянного старым воззрением представления что государственное снабжение есть не что иное, как снабжение хлебом и когда последнего нам не хватает для удовлетворения того или иного предприятия, считаем его снятым с государственного снабжения вообще.

Но если партия с тревогой следила за всяким изменением нашей продовольственной политики, создавая по пути промежуточные догмы за которые держалась так же прочно, как и за догму продразверстки (догма натурального товарообмена, догма кооперативной монополии торговли), то в области изменения нашей промышленной политики которая раньше просто плелась в хвосте Наркомпрода и никогда принципиально выработанной линии не имела, мы от системы целого главкистского централизма, не выдерживавшего ни социалистической, ни капиталистической критики, с чрезвычайной легкостью пошли по пути перехода на капиталистические отношения, организуя тресты, находящиеся в числе договорных отношениях к государству

устанавливая денежный расчет между государственными потребителями, принцип прибыльности и т. п. частно-хозяйственные категории. Если в области заготовки хлеба партия держала все время вожжи натянутыми, то по отношению к промышленности все лето и осень прошли в каком-то бешеном стремлении побить рекорд в быстроте перехода на иную, отличную от прежней линии, позицию. Выравнить эту различную скорость движения является нашей очередной задачей.

IV.

В 1918 г. в известной своей полемике против левых коммунистов, Ленин выдвинул, как ближайший этап хозяйственного строя советской России, государственный капитализм, понимая под ним „хлебную монополию, подконтрольных государству предпринимателей и торговцев, буржуазных кооператоров" [1]) и приводя в пример Германию с ее „последним словом современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерски-буржуазному империализму. Откиньте — говорит он — „подчеркнутые слова, подставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного — тоже государство, но государство иного, социального, типа, иного классового содержания, государство советское, т.-е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которую дает социализм" [2]).

Это было написано в 1918 г., в то время, когда мировая война благодаря вмешательству Америки достигала кульминационного пункта своего напряжения. Теперь она закончена и первое, с чего начали воевавшие буржуазные государства переход на мировые рельсы, была ликвидация государственного капитализма. Только под угрозой победы, только в тот момент, когда был брошен лозунг — „Все для войны", буржуазия соглашалась на то широкое вмешательство государства в сферу буржуазных отношений собственности, при котором как говорил Ллойд-Джордж в 1915 г., „мы (т.-е. правительство) можем распоряжаться всяким заводом, каждой машиной и если где-нибудь встретим затруднение, министерство снабжения армии, пользуясь этим законом (законом о защите страны. *В. С.*), может применить самые действительные меры". В мирное время на такие прерогативы государства она отнюдь не соглашается. Государственный капитализм был не чем иным, как капитализмом военного времени, чем-то аналогичным периоду военного коммунизма у нас. Недаром та характеристика, которую Ллойд-Джордж в приводимой цитате дает министерству снабжения армии, так живо напоминает наше Тусоснабарма. А если это так, то говорить, что за эпохой военного коммунизма должна последовать эпоха военного капитализма — совершенно неправильно. И если мы посмотрим на то, что происходит сейчас вокруг нас, когда полулегальная торговля является тем не менее чуть ли не самой свободной торговлей в мире, когда отношения государства к частному предпринимателю ограничиваются по существу дела взиманием с него арендной платы, когда государственной монополии на хлеб, этой характерной черты государственного капитализма, фактически не существует, то для нас станет ясно что мы переходим не к государственному капитализму, а к чему-

[1]) Н. Ленин. О продовольственном налоге, стр. 4.
[2]) Там же, стр. 7.

другому. И признание этого есть в той же брошюре тов. Ленина, хотя в ней формально он и стоит еще на точке зрения государственного капитализма: „Все должно быть пущено в ход.—говорит он,—для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, **хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм**, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет „думать" о чистоте коммунизма, **писать регламенты, правила и инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать**" (курсив везде мой. *Б.С.*) [1].

Не государственный капитализм вместо военного коммунизма, а допущение капиталистического и мелкобуржуазного хозяйства со всеми свойственными им формами на-ряду с государственными, организованными по социалистическому принципу, предприятиями, вместо социалистической организации всего хозяйства, вот в чем смысл нашего перехода на новые рельсы. Отсутствие ясного понимания этого неизбежно влечет за собою ненужное торможение частно-хозяйственного оборота, с одной стороны (а следовательно, и оборота между промышленностью и земледелием, восстановление которого является сейчас, как правильно подчеркивает тов. Ленин, нашей главной задачей), с другой — ненужный и вредный переход к частно-хозяйственным формам там, где производство по состоянию техники уже может быть организовано социалистически.

У нас от эпохи военного коммунизма осталось обладающее всей прочностью предрассудка представление, что социализм и капитализм несовместимые друг с другом формы. Мы все время считали, что если допустить частно-хозяйственные формы, то они, следуя собственной логике, должны неизбежно охватить все хозяйство. Пример того же капитализма показывает, что это неверно, ибо везде на-ряду с капиталистическими формами существует и простое товарное хозяйство, и даже патриархальное (как в России, так и в европейских колониях). Суть дела только в том, что эти формы по мере развития техники все более и более вытесняются капиталистической организацией, во-первых, и во-вторых—находятся в фактической зависимости от капитализма, включаются в его систему. Такова же должна быть и наша линия. Не ликвидация капитализма, а экономическое подчинение его, как низшей формы организации хозяйства, и затем постепенное вытеснение по мере развития производительных сил,— только на этом пути мы достигнем успеха.

Как же разграничить сферу государственного социалистического и частно-капиталистического хозяйства и как установить необходимую связь между ними? Опять-таки период военного коммунизма оставил нам в наследство идею о „наиболее важных" отраслях хозяйства, которые якобы и являются теми господствующими высотами, которые мы обязательно должны непосредственно держать в своих руках. На этом основывалась и неизжитая до сих пор полностью идея хлебной монополии, так как хлеб является наиболее „важным" продуктом.

Где критерий этой важности? Важным является тот продукт, которого в данный момент недостает. Таким был хлеб, таким было

---

[1] О продналоге стр. 2[illegible].

топливо, таким были валенки (Чеквалап), таким была тара (ящики рогожа, кульки, мешки и прочее), по поводу которой было столько постановлений самых высших органов и работало столько комиссий. А вот теперь Главтоп вдруг взял да и отказался от централизованной заготовки дров, т.-е. того вида топлива, которое за 9 месяцев 1921 г. составляло 38% нашего топливного баланса, превышая по своей важности и уголь и нефть, взятые в отдельности. В чем тут дело?

Дело в том, что от потребительского принципа важности мы здесь уже перешли к принципу производственному, принципу сосредоточения в руках государства наиболее концентрированных, наиболее технически высоко поставленных отраслей производства. Ведь именно это-то обстоятельство и является предпосылкой перехода к более высокой организации хозяйства. И недаром то же самое производство хлеба было той областью, которой капитализм меньше всего овладел, что отнюдь не мешало тому, что в общем и целом недостатка в этом „важном" продукте он не испытывал [1]).

Провести этот принцип до конца, выкинуть из государственного плана всю мелкую и в значительной части среднюю промышленность, вести с ней сношения на основе частно-хозяйственных отношений, подчинить ее на этой почве государственному хозяйству (в частности путем кредита), подготовляя вместе с тем ее переход на более высокую техническую основу (электрификация!) и взять ее в заключение — после весьма продолжительного периода времени — полностью в свои руки — в этом задача. И не следует думать, что при этом в руках государства останется слишком мало. Наша крупная промышленность возникала в чрезвычайно концентрированных формах, мы имели до войны ряд заводов-колоссов, по своей технике не уступавших европейским (теперь, конечно, они уже отстали) и если нам только удастся пустить их полным ходом (а это надо сделать как бы „убыточно" на первое время это ни было), то тогда все „важные" продукты, вроде валенок, лаптей, рогожи и хлеба, будут у нас в изобилии даже при отсутствии Чеквалапа, Главкустпрома и Компрода.

V.

Как будет организовано производство внутри крупной государственной промышленности? По этому вопросу мы все еще хромаем на обе ноги. С одной стороны, все более и более развивается идея о переводе всех государственных предприятий, в том числе и железных дорог (которые, кстати сказать, ни в одном буржуазном государстве не рассматриваются как коммерческое предприятие, и тариф, т.-е. цена ж.-д. перевозок, назначаемая государством, исходит не из принципа покрытия издержек и получения прибыли, а совсем из других соображений, при которых жел. дороги все более приближаются к чисто-расходной статье гос. бюджета), на принцип так называемого хозяйственного расчета, с денежной расплатой каждого потребителя с производителем, с другой — упорно сохраняется принцип полного распределения

[1]) Я боюсь, что некоторые товарищи сейчас же сошлются на сельскохозяйственный кризис, повышение хлебных цен и т. п. Но этот вопрос, который поставил еще Маркс говоря, что капиталистическое производство „подрывает источники всякого богатства — землю и рабочего", совсем иного порядка, и сводится к тому, что техника капиталистического общества развивается неравномерно, а вовсе не к тому, что капитализм в один прекрасный день должен будет объявить государственно-капиталистическую монополию на хлеб.

„важнейших продуктов“. Между тем нетрудно понять, что два эти принципа совершенно несовместимы. Ведь цена, с точки зрения обращения товаров, была не чем иным, как регулятором их движения, т.-е выполняла ту роль, которую в социалистическом обществе будут играть план производства и план распределения. Устанавливать денежную расплату между государственными предприятиями и учреждениями и в то же время устанавливать какой-то план явная нелепость: или то или другое будет сломлено. А так как наши предприятия почти все работают теперь не только для удовлетворения государственных потребителей, но и на „вольный“ рынок, то нетрудно догадаться, в какую сторону произойдет эта ломка. Условия нашего народного хозяйства сложились так (почему,—об этом ниже), что частный покупатель является более платежеспособным, чем государственный, и, естественно, при этих условиях каждому предприятию выгоднее продать, не считаясь с планом, чем выполнять наряд, отказываясь от соблазна продажи за наличные деньги. Ряд жалоб на невыполнение важнейших нарядов — в том числе военного ведомства и транспорта—достаточно подтверждают это.

Попыткой выйти из этого невыносимого противоречия было создание комитета цен. Он должен был установить те отпускные цены, по которым государственные учреждения должны рассчитываться между собой. Результаты не могли не оказаться самыми плачевными. Он не мог руководствоваться рыночными ценами, не говоря уже об их разнообразии и изменчивости, уже по одному тому, что для ряда продуктов государственной промышленности эти цены не характерны. Какое значение имеет, например, рыночная цена толстого листового железа, сложившаяся на основе поступающей на рынок 1/10 части этого продукта и того небольшого спроса со стороны частных потребителей, который на него имеется, для определения цен, по которым должны рассчитываться за него государственные потребители и производители, среди которых обращаются остальные 9/10 его? Конечно, никакого. Он не мог взять и довоенные цены, переводя их по курсу советских денег. Соотношения производства так изменились (составляя от нуля до 42% довоенного)[1], что если бы сейчас все продукты обращались путем вольной продажи, то ничего похожего на довоенные соотношения цен не получилось бы. В результате цены назначаются произвольно, на глаз, и потребителям и производителям, получая их, остается только ахать: у первых не хватает кредитов для того, чтобы получить уже наряженные им товары, вторые никак не могут свести своего баланса, который по принципу хозяйственного расчета должен быть бездефицитным. Вывод ясен: там, где есть план, не может быть цены[2]; там где есть цена, не может быть плана. Вопрос должен быть решен в ту или другую сторону, иначе он может решиться сам собой, и притом так, что нам от этого не поздоровится.

На последней партийной конференции только тов. Осинский поставил вопрос с полной резкостью, заявив, что все 100% продукции должны выпускаться на рынок, т. е. что все государственные потребители должны выступать как частные покупатели наравне со всеми другими. Посмотрим, возможен ли этот путь?

Для всех, мне кажется, ясно, что мелкая промышленность, несмотря на свою техническую отсталость в условиях вольного рынка,

[1]) См. отчет В. С. Н. Х. 9-му съезду, стр. LXIII.

[2]) Я говорю здесь о продажной цене, а не об условной оценке, которой подвергаются продукты производства и которая имеет значение только внутри предприятия, для суждения о том—плохо или хорошо оно работает.

сейчас имеет огромные преимущества перед крупной. В основном они сводятся к тому, что, при имеющемся сейчас огромном недостатке сырья и продовольствия, она гораздо легче может удовлетворить свою потребность в них с местного рынка, который в то же время является для нее и рынком сбыта. Благодаря этому она сразу почти может быть пущена полностью в то время, как крупные предприятия могут достигнуть этого лишь при полном развитии товарооборота, что, конечно, произойдет не через год и не через два. До тех пор холостой ход ляжет на них крайне тяжелым бременем, который не даст ей возможности сколько-нибудь успешно конкурировать с ней. Другой стороной этого же обстоятельства является недостаток в них оборотного капитала, которого им требуется относительно больше в результате более долгого оборота их товаров. Предоставленное стихии вольного рынка, наше хозяйство, в результате разрухи, пошло бы по пути разрушения крупной промышленности, и затем медленного вырастания из развивающегося мелкого производства. Единственным выходом из этого положения было бы привлечение в огромных размерах иностранного капитала, что весьма сомнительно, так как Россия ему нужна сейчас как рынок сбыта и рынок сырья и ни с той, ни с другой точки зрения в восстановлении нашей промышленности (за исключением некоторых специальных ее видов да железных дорог)—он не заинтересован. Плановая организация крупной промышленности, которая нам под силу организационно и необходима при сложившейся конъюнктуре хозяйства должна быть сохранена и при „новой“ политике, где она и сделается той цитаделью, откуда социалистическая организация хозяйства сначала подчинит себе, а затем и вытеснит остальные хозяйственные формы.

VI.

Крупная промышленность нигде, а в России, где она охватывает далеко не все отрасли промышленности и ни в одной отрасли не вытеснила целиком мелкого производства, в особенности, не является замкнутой, целиком обслуживающей себя хозяйственной системой. Связь с остальным хозяйством и притом в данных условиях на основе товарных отношений, есть необходимое условие ее правильного функционирования. Вопрос о торговле и ее формах—один из коренных в нашей экономической политике.

В прежний период оборота между городом и деревней в настоящем смысле этого слова не было. От крестьянина мы брали или старались брать то, что нам нужно, и давали ему то, что могли. А так как рессурсов у нас было мало, а потребителей много, и притом таких, которые требовали удовлетворения во что бы то ни стало (армия), то естественно поток товаров в деревню почти прекратился. Ответом было прекращение обратного потока из деревни в город, кроме того который брался в виде натуральных повинностей. Крестьянское хозяйство натурализовалось, резко деградируя вниз, и еще больше деградировала лишавшаяся деревенского сырья и продовольствия промышленность. Теперь, когда гражданская война замерла, продолжение такой политики было бы безумием, и так называемое разбазаривание при всех своих отрицательных сторонах, в основе было положительным явлением, стихийно, неэкономно, но все же восстановлявшее товарооборот с деревней. Но старая точка зрения все еще жива, и мы все еще не отказались от того рассуждения, что если такого-то про-

лукта у нас мало, то необходимо не пускать его в товарооборот употреблять целиком на государственные нужды. Этим было продиктовано, напр., решение не пускать на рынок льняных изделий (мало нужно для армии) и заменять их для рынка хлопчатобумажной тканью. И это несмотря на то, что крестьянское хозяйство не только полностью обеспечивало раньше льном нашу промышленность, но еще почти столько же давало для вывоза за границу! Вместо того, чтобы дать возможность льняной промышленности обеспечить себя сырьем путем выпуска на рынок части своих изделий и тем обеспечить ее будущее мы предпочитали, создавая большие организационные затруднения, выпускать для этой цели хлопчатобумажную ткань, хотя хлопчатобумажная промышленность стоит накануне краха из-за отсутствия хлопка, восстановить культуру которого гораздо труднее, чем культуру льна. Здесь опять господство потребительской точки зрения над производственной.

Пустить поток товаров в деревню, чтобы получить оттуда, в свою очередь, сырье и продовольствие, необходимо во что бы то ни стало. Но как? Здесь, вообще говоря, возможны две формы.

Или государство берет себе всю подлежащую выпуску на рынок массу товаров и соответственно этому ведет путем товарообмена заготовку всех нужных государству продуктов крестьянского хозяйства, оставляя таким образом все предприятия на государственном снабжении. Или же оно разрешает каждой хозяйственной единице самостоятельную реализацию продукции и самостоятельную заготовку. Чтобы определить, каким путем мы пойдем, нужно взглянуть на создавшиеся сейчас условия крестьянского рынка.

Они, конечно, радикально отличаются от довоенных. Во-первых, при сокращении продукции хлеба с 4,5 миллиарда пудов до 2 миллиардов страшно сократилась вообще его емкость. Во-вторых, та специализация крестьянского хозяйства, которая ясно определилась в начале XX века, в значительной степени пошла на смарку. Сокращение площади специальных культур, падение площади засева пшеницы на юге, общее сокращение запашек там при некотором даже расширении их на севере, упадок овцеводства на Северном Кавказе — все это явления одного и того же порядка, говорящие о том, что крестьянское производство для рынка страшно пало и что прежние районы заготовки того или иного сырья имеют сейчас совсем не то значение, какое имели прежде. В соответствии с этим и физиономия всего рынка сейчас крайне неопределенна, еще не сложилась, еще только воссоздается. К этому присоединяется еще и развал транспорта, дающего сейчас $1/3$ довоенных перевозок, что означает несравненно большее сокращение коммерческих перевозок, в результате чего наш рынок является суммой местных рынков, а не единым рынком. Для того, чтобы уверенно маневрировать на нем (а такая уверенность для государственной торговли необходима, иначе крах ее неизбежен), необходимо сначала создать рынок, а затем прощупать его. Централизованному аппарату это сейчас не под силу, риск этой операции он должен разложить на массу торговцев, будут ли это торговцы частные, государственные (крупные предприятия) или полугосударственные (кооперации). Утопии государственной торговли (хотя бы и через Центросоюз) необходимо пока оставить. Лишь тогда, когда торговля действительно разовьется и окрепнет, когда создастся снизу крупно-торговый аппарат, мы можем себе поставить задачу овладения ею. До тех пор мы должны ограничиться устранением препятствий для развития этой торговли и закреплением свое-

влияния на нее путем государственного (но отнюдь не монопольно-государственного) кредита. Задача состоит в том, чтобы создать предпосылки государственной торговли, а не государственную торговлю.

Особняком стоит вопрос о заготовке продовольствия. Мы не можем, конечно, отказаться сейчас от продналога, слишком туманны сейчас перспективы хлебного рынка, чтобы на него целиком положиться. Но надо раз-на-всегда отказаться от мысли, что государственная заготовка хлеба есть единственный источник снабжения наших государственных потребителей, а не строить нашего производственного плана на этом базисе. Уже сейчас ряд признаков говорит за то, что вольный рынок поставляет городам больше хлеба, чем государственное снабжение. Предпринимаемое сейчас обследование рабочего бюджета, вероятно, целиком подтвердит это. Между тем, вопреки ожиданиям, наш продовольственный план вновь срывается и виды на будущее чрезвычайно неопределенны. Пытаться при каждом изменении продов. плана менять весь наш хозяйственный план, значит ничего не давать кроме излишних и вредных судорог производства. Надо раз-на-всегда усвоить, что снабжение хлебом не является государственным снабжением, а происходит путем частных заготовок (как мы уже сделали это с дровами), и государственная заготовка является лишь некоторым добавком, страховым фондом к ним. С этой точки зрения все предприятия, изготовляющие предметы крестьянского потребления, должны быть сняты с государственного снабжения хлебом, что ни в какой степени не означает, конечно, снятия их с государственного снабжения вообще и перевода их на частно-хозяйственные рельсы. Пример льно-треста, который, истратив сравнительно небольшую часть своих рессурсов, уже обеспечил себя продовольствием, показывает это с полной ясностью. Выкинуть хлеб из списка продуктов государственного снабжения и дать возможность развития частных заготовок, в этом направлении нам придется итти, и чем решительнее мы это сделаем, тем лучше мы выдержим экзамен на действительное понимание „новой“ экономической политики.

VII.

В заключение необходимо остановиться еще на одном вопросе. Тот страшный хозяйственный кризис, который мы переживаем, является главным образом кризисом отсутствия сырья и продовольствия. Чрезвычайно быстрое за последние месяцы развитие производительности ряда отраслей промышленности (угольной, нефтяной, льняной и других), отнюдь не случайно начавшееся в то время, когда мы пробили, наконец, глухую стену отделявшую город от деревни, достаточно показывает, что дело пока именно в этом, а отнюдь не в технической слабости нашей промышленности. В самом деле, судя по обследованиям, произведенным в нескольких отраслях промышленности, последняя, несмотря на все неблагоприятные условия, созданные империалистской и гражданской войной, по состоянию своего оборудования сократила 50—60% своей прежней мощности. Между тем производительность ее только по нефти дошла до 42% мирного времени (и то за счет в значительной степени увеличения добычи фонтанной нефти),

спускаясь по углю до 27%, по текстильной (в среднем) до 11%, по основным химическим продуктам до 6—7%, по выплавке чугуна до 2,4%, добыче руды до 1,7% и по выплавке меди до нуля. Таким образом, здесь у нас есть еще значительный технический резерв для расширения, в пределах которого развивающийся товарооборот может еще некоторое время давать свои результаты. С делом технического переоборудования промышленности над нами пока еще не каплет, хотя надо иметь уже сейчас в виду необходимость такого переоборудования в будущем, в частности на основе электрификации. Этот момент, который сделает ее необходимой и вместе с тем создаст для нее некоторые производственные предпосылки, как раз тогда и настанет, когда этот резерв будет заполнен и наша промышленность начнет работать в полную меру сохранившейся своей технической мощи; но есть на крайних полюсах нашего хозяйства две отрасли, где дело обстоит уже сейчас иначе: это земледелие и транспорт.

Уже одно сокращение в $2^1/_4$ раза хлебной продукции, при котором все собираемое количество хлеба оказывается ниже того, что потребляло крестьянство в мирное время, является достаточно грозным. Голод в Поволжьи принял такие ужасающие формы в результате глубочайшей разрухи крестьянского хозяйства, без которой оно пережило бы его гораздо легче. Уже в этом году мы не могли обойтись без ввоза из-за границы хлеба для крестьянства. Ни в коем случае нельзя поручиться, что в будущем году такое же бедствие не разразится в каком-нибудь другом районе—в частности в западной Украйне. Но крестьянство нуждается не в одном хлебе. Инвентарь как живой, так и мертвый также страшно уменьшился. Все это говорит за то, что без государственной помощи крестьянское хозяйство не станет на ноги.

Может быть, в еще худшем положении находится транспорт. Здесь один кризис изживается посредством другого. Недостаток паровозов еще большим недостатком вагонов Недостаток подвижного состава вообще шпальным кризисом, резко понижающим провозоспособность дорог. А в ближайшем будущем перед нами уже вырисовывается кризис рельсовый. Транспорт уже работает во всю свою техническую мощь, и если в результате временного топливного кризиса $^1/_7$ часть его паровозов и стоит без работы, то при мало-мальски быстром улучшении топливного положения их уже не хватит. Как предприятие, где основной капитал всегда был относительно очень велик, транспорт требует уже сейчас капитального переоборудования, которого средствами нашего хозяйства мы произвести не сможем. И если наивные люди из главметалла непрерывно обижаются, что мы заказываем паровозы и запасные части за границей, в то время как по их расчетам на наших заводах их делать дешевле, то это только ослепление товарной идеологией и сомнительными „хозяйственными“ расчетами. Дело не в том, где дешевле построить паровоз—у нас или за границей,—дело в том, что того количества паровозов, которое нам нужно для восстановления транспорта, мы силами нашей промышленности сделать не в состоянии, и если бы сделали это, то задушили бы прежде всего нашу металлургию и машиностроение, которые такого заказа переварить не смогли бы.

Повторяю, как в области земледелия, так и в области транспорта мы своими силами уже сейчас обойтись не сможем и это обстоятельство должно лечь в основу линии нашего поведения в области внешней экономической политики.

Задачи современной кооперации.

Н. Мещеряков.

Задачей всех кооперативных товариществ является защита их членов от эксплоатации капитала—торгового, ссудного и отчасти производительного. До тех пор, пока эта эксплоатация не существует в широких размерах, нет потребности в создании кооперативных организаций для защиты от нее. В эпоху натурального хозяйства не было нужды в потребительских обществах; только разложение этого хозяйства и широкое развитие торговли создают социальную основу для потребительской кооперации. Ремесленник в то время работал не на широкий рынок, а на узкий круг своих заказчиков. Он не ощущал тогда гнета скупщика и убивающей конкуренции крупного производства, а потому не было у него стремления к защите от этих хищников путем организации кооперативов по сбыту, сырьевых товариществ или артельных мастерских. Не ощущал такой ремесленник или крестьянин потребности в кредите на расширение или улучшение производства, а потому не могли возникнуть и кредитные товарищества.

Только развитие капитализма вызывает к жизни различные виды кооперации, как средства защиты от эксплоатации капитала. Только по мере развития капитализма и его эксплоатации растет кооперативное движение всех видов.

Два класса страдают от эксплоатации капитала—мелкая буржуазия и пролетариат. И только среди этих двух классов развиваются кооперативные организации.

Но рабочему не могут оказать никакой помощи ни кредитные, ни производительные, ни сырьевые товарищества, ни кооперативы по сбыту, ибо рабочий не является самостоятельным производителем товаров. Все эти виды кооперации оказывают услуги только мелким товаропроизводителям—крестьянству, ремесленникам, кустарям, т.-е. мелкой буржуазии. Для рабочих полезен только один вид кооперации—потребительские общества. Только они и развиваются в среде пролетариата. Только в этой области кооперации пролетариат может создать крепкие организации, проникнутые классовым, пролетарским духом, при чем и здесь на-ряду с ними существуют, однако, порой очень сильные мелко-буржуазные организации. Таким образом, громадное большинство кооперативных организаций обслуживает мелкую буржуазию и проникнуто мелко-буржуазным духом и мелко-буржуазной идеологией.

Из всего этого следует, что до тех пор, пока существует капитал и его эксплоатация, существует почва и побудительные стремления для существования и развития кооперации. В переживаемый нами период перехода от капитализма к социализму—период довольно про-

положительный—капитал продолжает существовать; продолжается и его эксплоатация. А потому в среде эксплоатируемых классов будет существовать стремление к продолжению и развитию работы всевозможных кооперативов. Поэтому грубой ошибкой приходится признать мнения тех товарищей, которые в течение первых трех лет пролетарской революции не дооценивали кооперацию и думали, что она доживает последние дни, думали, что уже теперь можно уничтожить кооперативы, передав их функции органам пролетарского государства.

Мы видели, что большинство видов кооперации интересует только мелкую буржуазию, что вся кооперация носит мелко-буржуазный характер. Поэтому судьба кооперации тесно связана с судьбой мелкой буржуазии. До тех пор, пока будет существовать мелкая буржуазия,— а она будет существовать еще довольно долго,—будет существовать и кооперация. И с этой точки зрения нужно признать ошибочным упомянутое мнение о скорой гибели кооперации.

Если мы приглядимся внимательно к истории развития кооперации в разных странах, к условиям ее работы среди различных слоев населения, то заметим, что она очень ловко умела приспосабливать свои принципы и свою организацию к этим условиям. Возьмем, например, потребительскую кооперацию. Пока ей приходилось бороться только с мелкими торговцами, она создавала мелкие потребительские общества, в которых члены стоят ближе к делу, к организации, чем в крупных. Это усиливает их заинтересованность, повышает их самодеятельность, облегчает задачи управления для молодых еще и неопытных кооператоров из среды крестьян или рабочих, для которых было бы трудно справиться без привычки с делами крупного кооператива, обороты которого достигают миллионных цифр. Но на место мелких торговцев появляются крупные универсальные магазины, крупные многолавочные предприятия частных торговцев. И кооперация начинает перестраивать свои организации. Мелкие кооперативные общества сливаются и возникают крупные многолавочные кооперативы.

Начинается мировая война. Капитализм концентрирует свои силы в руках государства, которое берет на себя контроль над производством отдельных капиталистов, превращая их в винтики могучей машины капиталистического государства, под крылышком и при содействии которого они получают сказочные прибыли. И кооперация немедленно идет на службу этому капиталистическому государству, становясь его органом распределения, получая при этом большие прибыли. Кооперация нарушает при этом многие из рочдельских принципов, которые она объявляла основными для своей работы, но зато она ловко приспособляется к новым условиям работы. Кооперация помогает при этом капиталу в его основных целях, но зато она успешно ведет свою борьбу против торговцев, борьбу, конечно, мелкую, но ведь именно ее старая кооперация, вся насквозь проникнутая мелкобуржуазным духом, считала всегда своей основной и главнейшей задачей.

И со своей точки зрения кооперация была права. Можно и нужно спорить против узости задач, которые ставила перед собой кооперация. Но нужно признать, что она умела приспособлять свою организацию для достижения поставленных целей.

* * *

Мы вступили теперь в период, переходный от капитализма к социализму. Каковы же должны быть в настоящее время задачи кооперации?

Капитал еще не исчез. Осталась еще его эксплоатация. А поэтому сохраняется еще старая задача кооперации — защищать пролетариат, мелкую буржуазию и интеллигенцию от эксплоатации торгового капитала.

Мы видели, что кооперация есть организация, в основе своей, в большинстве своих организаций, носящая мелко-буржуазный характер. Но в ней заинтересован и пролетариат. До революции пролетариат в кооперации поддавался мелко-буржуазной идеологии. Он ограничивал свои задачи тем, что приспособлял кооперацию для борьбы против эксплоатации торгового капитала, не затрагивая сущности капиталистической эксплоатации, не направляя кооперацию на борьбу против самого капитализма.

В настоящее время, когда мир вступил в полосу социалистической революции, когда борьба против капитализма, борьба за торжество социализма стоит в порядке дня и является главнейшим делом пролетариата, этот последний должен направить на эту борьбу и работу всех своих организаций, а стало быть и организаций кооперативных, поскольку пролетариат может оказать на них свое влияние. Наряду с прежней задачей—борьба против эксплоатации капитала—кооперация должна взять на себя и новую задачу—стать орудием борьбы за социализм, орудием строительства социалистического общества. Перед современной кооперацией в настоящее время стоят, таким образом, две задачи, и кооперация должна суметь гармонически объединить их в своей тактике.

* * *

Мартовская революция 1917 года не внесла никакого нового содержания в работу кооперации, не поставила перед ней никаких новых задач. Мартовская революция сняла только с кооперации те путы, с помощью которых самодержавие хотело задержать развитие этого движения. Это было достигнуто кооперативным законом 20 марта 1917 г. Но этот „лучший в мире кооперативный закон" не внес ничего нового ни в строение кооперации, ни в ее работу. Только октябрьская революция поставила перед кооперацией новые задачи, открыла перед ней новые широкие горизонты и наметила для нее новые организационные рамки.

История развития русской потребительской кооперации после октябрьской революции распадается на два периода: первый—до весны 1921 года и второй—после этого времени.

После октябрьской революции перед Советской властью стала ее главнейшая и основная задача осуществления социалистического строя. Взамен бесконечного множества отдельных изолированных друг от друга крупных и мелких хозяйств, работающих каждое по своему плану, она должна была создать единое общественное хозяйство. Анархию производства она должна была заменить планомерной организацией его.

Поскольку дело касалось крупных предприятий,—путь для этого был ясен. Это был путь национализации. На него и вступила Советская власть. Избирая этот путь, Советская власть не делала никакой ошибки. Ошибка была только в том, что эта национализация производилась иногда чересчур быстрым темпом. Да и то это была не столько наша вина, сколько беда наша.

Но по отношению к мелкой буржуазии — к кустарям и крестьянам—Советская власть не могла принять метод прямой национализации их хозяйств. Крестьянство этого не допустило бы, да и сама Со-

ветская власть не могла бы справиться с задачей управления десятками миллионов этих мелких предприятий Здесь нужно было избрать путь медленного втягивания индивидуальных мелких хозяйств в хозяйство общественное путем их кооперирования, путь, который был указан еще Энгельсом в его брошюре „Крестьянский вопрос во Франции".

Но ряд различных объективных и субъективных причин принудил все-таки Советскую власть стать и по отношению к мелкой буржуазии на путь национализации [1]). Только это была национализация не самых мелких предприятий, а только продуктов их производства. В области продовольственной политики это выразилось в известной продовольственной разверстке.

Путем разверстки Советская власть хотела получить от крестьянства все излишки его хозяйства по низким ценам. По таким же низким ценам она хотела давать ему все необходимые для него продукты промышленности. Для частной или кооперативной торговли места не оставалось, ибо все продукты и земледелия, и промышленности должны были сосредоточиться в руках экономических органов Советской власти. На долю кооперации выпадало только распределение, но в этом последнем она не должна была встречать никакой конкуренции частного капитала. Получить в свои руки все дело распределения—это было самое большее, на что могла надеяться кооперация. Ни своими усилиями, ни от Советской власти, большего она получить не могла. Поэтому недовольство старых кооператоров тем, что Советская власть передала кооперации все дело распределения, было или результатом абсолютного непонимания тех условий, в которых находилась в то время кооперация, или оно имело целью только обмануть массы кооператоров. В действительности, путем передачи в руки потребительской кооперации всего дела распределения Советская власть дала ей максимум того, что она могла дать при условиях сурово проводимой разверстки.

Но если в руки потребительской кооперации было передано все дело распределения среди всего населения, то ясно, что кооперация не могла делать различия между своими членами и нечленами. Все граждане, все население было заинтересовано в хорошей постановке кооперативами дела распределения, а потому все население должно было войти членами в потребительские общества. А в таком случае, неизбежно нужно было отменить паевые и вступительные взносы, чтобы не обременять ими неимущих, приписываемых к потребительским обществам.

Выполняя функции распределения, потребительская кооперация делала важную работу по заданиям Советской власти, а потому должна была действовать по указаниям, под контролем, под руководством продовольственных органов этой власти. Отсюда неизбежно вытекала зависимость ее от Наркомпрода.

Этой же цели стоящий у власти пролетариат достигал и другим путем — путем укрепления своих позиций внутри кооперации. А это достигалось посредством слияния рабочей кооперации с общегражданской, которая без этого слияния носила бы определенный мелко-буржуазный характер.

---

[1]) К числу этих причин нужно отнести прежде всего необходимость найти средства для трудной борьбы, которая Советская власть должна была вести против внутренних и внешних врагов революции. Сюда относится также вполне естественный и неизбежный „угар", „опьянение" после октябрьской победы. Была и переоценка зрелости революционной готовности Западной Европы. И, наконец, нужно признать, что некоторую долю вины нужно возложить и на прямые ошибки, которые делались различными ведомствами во имя ведомственного империализма.

Производя распределение продуктов по поручению Советской власти и не имея почти никаких самостоятельных заданий в области заготовок, потребительская кооперация не ощущала никакой нужды в денежных средствах, ибо те средства, которые нужны были ей для дела распределения, она получала от органов Советской власти.

Таким образом, все характерные черты, которые отличали потребительскую кооперацию периода с 1918 года по весну 1921 года, были результатом тех экономических условий, в рамках которых кооперация должна была работать в то время. На истории кооперации этого периода еще раз подтвердилось, что нет никаких раз-на-всегда застывших кооперативных принципов или правил, верных и приложимых во все времена и при всяких условиях.

* * *

Весной 1921 года происходит резкий поворот в экономической политике Советской власти. Разверстка заменяется скромным по размерам налогом. Оставшиеся после уплаты налога излишки своего хозяйства крестьянин может сбывать кому угодно.

Поэтому неизбежным следствием налога является возрождение частной торговли. Недостаточность продуктов, доставляемых налогом, заставляет государство отказаться от натурального снабжения всех своих рабочих и служащих и перейти к денежной оплате их труда. А отсюда у служащих и рабочих возникает потребность в организациях, которые доставляли бы им за деньги продукты по более дешевым ценам, чем цены частных торговцев, т.-е. возникает нужда в потребительских кооперативах, занимающихся не только делом распределения продуктов, но и заготовкой этих продуктов. Возникает нужда в потребительских кооперативах, приближающихся к типу дореволюционных. Возрождение частной торговли ставит перед потребительской кооперацией снова задачу борьбы с торговым капиталом.

Потребительской кооперации приходится теперь действовать в иных условиях, чем в 1919 или в 1920 г.г. Поэтому должны измениться и принципы организации этих кооперативов. Рассмотрим, как должны измениться эти принципы в новой обстановке.

Потребительская кооперация получает по-прежнему задания от Советской власти в области распределения (путем продажи) и в области заготовок. Государство заинтересовано, чтобы эта работа выполнялась хорошо. А поэтому должна остаться и остается зависимость кооперации от государства, но зависимость эта значительно ослабляется, самостоятельность деятельности кооперации сильно увеличивается, ибо у потребительской кооперации возникают свои самостоятельные задачи, в разрешении которых она должна быть свободна.

Денежная оплата труда заставляет рабочих и служащих часто обращаться к рынку за покупками. Кооператив, в котором они могли бы произвести эти покупки, нужно поэтому приблизить к покупателям. Это вызывает возникновение ряда мелких кооперативных объединений по фабрикам, заводам и учреждениям. Вступление в эти мелкие кооперативные объединения должно быть, конечно, добровольным.

Но отсюда у некоторых товарищей рождается мысль, что при современных условиях принцип обязательности кооперирования вообще отжил свой век, что не только мелкие кооперативные объединения, но и единые потребительские общества должны строиться по принципу добровольности членства.

В защиту этого мнения приводятся обыкновенно следующие соображения:

1) Так как само единое потребительское общество не производит теперь никакого распределения по карточкам всем потребителям, то вся масса этих потребителей не заинтересована в делах общества, числясь его членами, она составляет бесполезный балласт. Гораздо полезнее для дела освободить общество от этого балласта, оставив в нем членами только тех, кто этого желает, ибо интересуется делами общества.

2) Само Е. П. О. (единое потребительское общество) не распределяет продуктов. Оно должно только обслуживать мелкие кооперативные объединения, входящие в его состав. Поэтому только члены этих последних должны быть членами Е. П. О.

Рассмотрим эти два довода.

Неверно, будто само Е. П. О. не производит никакого распределения. Правда, теперь нет продовольственных карточек, но Е. П. О. имеет магазины, в которых продает товары за деньги всем потребителям. Все потребители заинтересованы, чтобы магазины эти были хорошо оборудованы и работали правильно. А поэтому все они могут и должны быть членами единого потребительского общества. Если же не все они принимают активное участие в управлении, не все бывают на собраниях и т. п. то такое же явление наблюдалось всегда во всех кооперативах, основанных на добровольном членстве. И в старых обществах, имевших по 2—3 тысячи членов, на общих собраниях участвовало и активно принимало участие в управлении делами часто только 200—300 человек. Остальные пассивно относились к делам. Их старались заинтересовать в работе, привлечь к ней, но „тормозом" их никто не считал. Вообще, если стать на ту точку зрения, что такие пассивные члены общества играют роль „тормоза" и не должны состоять в его рядах, то нужно будет прийти к выводу об исключении из числа членов всех тех, кто не ходит регулярно на собрания. А до этого не договаривался еще ни один старый кооператор. Поэтому все фразы о том, что „нужно объединить сознательных членов из массы трудящихся", „сделать ставку на активную и сознательную часть кооператоров" [1]), представляют чистейшую лицемерную или непродуманную болтовню.

Перейдем теперь ко второму возражению. Его выдвигает тов. М. И. Фрумкин (Л. Германов) в своей интересной брошюре—„Товарообмен, кооперация, торговля".

„В городах принцип добровольного членства уже проведен,— пишет он.—В целом ряде городов, в том числе и в Москве, пришли к совершенно правильной мысли, что необходимо превратить Е. П. О. в союз добровольных объединений или в орган, действенно их возглавляющий. Необходимо оформить в виде общего положения то, что дано жизнью, сделать некоторое дополнение в том направлении, чтобы Е. П. О. могло обслуживать и тех граждан, которые не могут входить в эти групповые объединения. Служащие и рабочие мелких учреждений и предприятий должны быть объединены Е. П. О. в районных распределителях, затем считать всех членов групповых объединений членами Е. П. О.

Тов. Фрумкин совершенно правильно указывает, что существующие мелкие кооперативные объединения обслуживают не всех граждан города. Совершенно правильно он ставит перед Е. П. О. задачу взять на себя дело обслуживания тех, кто стоит вне существующих мелких добровольных объединений. Он предлагает объединить их в районных

[1] Слова некоего Шишкина на IV сессии Совета Центросоюза.

распределителях, а затем считать их, а равно и членов мелких кооперативных объединений членами Е. П. О. Все это очень хорошо и желательно. Но если мы все это осуществим, то мелкие кооперативные объединения и районные распределители будут охватывать всех потребителей, всех граждан города, т.-е. осуществлено будет то же, что имеется сейчас при обязательном кооперировании всего населения, только объединяющими ячейками окажутся не одни районные распределители, но и мелкие кооперативные объединения. Принцип добровольности членства оказывается не при чем даже по отношению к городам.

Что касается деревень, то сам тов. Фрумкин сознается, что там „этот вопрос стоит гораздо сложнее". Он признает, что „с политической точки зрения обязательное членство представляется чрезвычайно желательным", но „экономически в условиях нашей хозяйственной жизни мы вынуждены перейти к добровольному принципу". Вот аргументация тов. Фрумкина:

— У нас пока слишком мало товаров, чтобы сельские Е. П. О. могли развить свою торговлю. У них нет возможностей и для заготовительных операций. Поэтому работа сельских Е. П. О. замерла. В таком случае нужно закрыть эти неработающие Е. П. О. и организовать там, где понадобится, потребительские общества на основе добровольного членства. Если этого не сделать, то „наиболее состоятельные слои крестьянства и середняки будут номинально числиться до поры до времени закрытия Е. П. О. членами последнего, а удовлетворение своих нужд они будут искать в организующихся сельско-хозяйственных товариществах". Этим будет подорвано значение потребительской кооперации в деревне. А сохранить ее нужно, ибо „мы легче найдем общий язык и общий план работы не через сельско-хозяйственные товарищества, а через потребительскую кооперацию" (стр. 21).

Рассмотрим поближе эту аргументацию.

У сельских многолавок нет пока возможностей для развития операций по торговле и заготовкам. Но их нет пока и у сельско-хозяйственных товариществ. Постепенно, по мере оживления промышленности и внешней торговли (к чему Центросоюз уже приступает) эти возможности начнут появляться и расти. Тогда оживятся и сельские Е. П. О. Если сейчас уничтожить эти Е. П. О., охватывающие все население, то на их месте пока ничего не возникнет. Следовательно, нельзя говорить, что уже сейчас в сельской потребительской кооперации „мы принуждены перейти к добровольному принципу". Уничтожение современных сельских Е. П. О. будет означать временное полное уничтожение сельской потребительской кооперации.

А когда торговля начнет оживляться, начнут возникать в деревне в случае уничтожения обязательного кооперирования потребительские общества, основанные на добровольном членстве и охватывающие только зажиточные элементы деревни. Те же элементы, и по мнению тов. Фрумкина, будут группироваться и в сельско-хозяйственных товариществах. Но тогда крестьянство, по всей вероятности, не станет тратить сил на создание в деревне двух организаций—и сельско-хозяйственного товарищества и потребительского общества,—а будет создавать только одну—сельско-хозяйственное товарищество, а при нем артельную лавку по типу лавок сибирского союза маслодельных артелей. Это поведет к закабалению деревенской бедноты зажиточным элементом деревни. А если даже и возникнут где-нибудь в деревнях потребительские общества на добровольном принципе, то они будут

объединять те же зажиточные элементы, и совершенно непонятно, почему с ними будет „легче найти общий язык и общий план работы, чем с сельско-хозяйственными товариществами“.

Обязательность кооперирования всего населения не является, конечно, основным отличием современной потребительской кооперации от дореволюционной. Но принцип обязательности находится в тесной связи со всеми другими характерными чертами современной потребительской кооперации, и от того или иного решения этого вопроса будет зависеть решение и других вопросов.

Если мы сохраним принцип обязательности, то городская кооперация найдет себе союзников в сельской в лице деревенской бедноты. При этих условиях мы можем и должны стремиться к объединению всех видов кооперации, к интегрированию ее, ибо, имея опору в деревне, можем надеяться поставить потребительскую кооперацию во главе объединенной. Если же в деревне все функции потребительских обществ возьмут на себя сельско-хозяйственные товарищества кулацкого состава или если те же элементы заполнят сельские потребительские общества, организованные на принципе добровольности, то у городского пролетариата не будет союзников в сельской кооперации. Образование интегральных кооперативных организаций (союзов) при этих условиях будет грозить засилием мелко-буржуазной, кулацкой кооперации над городской потребительской, и мы должны будем стать противниками смешанных интегральных союзов. А для пролетариата, для революции выгодно сейчас образование интегральных союзов, во главе которых стоит потребительская кооперация. Вполне прав тов. Фрумкин, когда он пишет, что нужно „экономическими мерами поддерживать в первую очередь потребительскую кооперацию, вести усиленную агитацию в сторону единства и взять в свои руки инициативу органзации сельско-хозяйственных и промысловых ячеек, объединенных с потребительским обществом[1]). Укреплять самостоятельные позиции сельско-хозяйственной кооперации со всеми сбытовыми функциями означает в настоящих условиях прямое содействие контр-революции“ (стр. 30).

Трудно было бы, конечно, бороться против создания всероссийских объединений сельско-хозяйственной кооперации, если бы она была сильна, и если бы из низов ее шел напор в сторону создания этих союзов. Но этого нет. Сельско-хозяйственная кооперация еще очень слаба, и стремления к созданию самостоятельного союза идут не с низов, а с верхов ее, от старых заправил и дельцов сельско-хозяйственной кооперации. Целей при этом у них несколько. Во-первых, создать себе ряд тепленьких и доходных местечек. Во-вторых, занять „командующие высоты“ в сельско-хозяйственной и промысловой кооперации с тем, чтобы сверху строить эту кооперацию по старым образцам, направляя ее главную работу в область сбыта и закупок, а не в область производства. В-третьих, им хочется создать в лице этой кооперации сельско-хозяйственный кулацкий трест, который, с одной стороны, захватит монополию на рынке, а с другой стороны— подчинит себе крестьянскую бедноту и будет ее жестоко эксплоатировать. В-четвертых, этот же трест послужит зародышем к политической организации эс-эровско-кадетского типа.

Наоборот, если нам удастся создать интегральные союзы кооперативов, поставив во главе их потребительскую кооперацию, охваты-

---

[1]) Эту же позицию защищал я в ряде статей собранных в книжку „Кооперация и социализм“ и в статье, напечатанной весной 1921 г. в „Правде“.

вающую всех потребителей, и сосредоточить все операции по закупкам и сбыту в руках потребительской кооперации, то вся работа сельско-хозяйственных товариществ направится на дело поднятия сельско-хозяйственной техники, на обобществление земледелия и кустарных промыслов, т.-е. на дело наиболее полезное в настоящее время и для борьбы с разрухой и для подведения технического базиса под социалистическое строительство. Этой стороной своей работы сельско-хозяйственная кооперация может быть особенно полезна для деревенской бедноты, ибо такая работа кооперации предохранит бедноту от натиска кулацкого капитала. Работа сельско-хозяйственной кооперации в этом направлении привлечет в нее деревенскую бедноту, что сделает из этой кооперации не врага, а друга и союзника пролетарской революции.

Таким образом, создание интегральной кооперации должно сохраниться в нашей программе. А для этого, как мы видели, нужно сохранить в потребительской кооперации принцип кооперирования всех граждан.

Перехожу теперь к вопросу о соотношениях между рабочей и общегражданской потребительской кооперацией.

Два соображения побудили Советскую власть в 1920 году слить рабочую кооперацию с общегражданской. Во-первых, через рабочую кооперацию пролетариат извнутри потребительской кооперации может руководить всей потребительской кооперацией. Во-вторых, стремление экономить силы, создавая одну, а не две кооперативных организации.

Но те же соображения должны действовать и теперь. Пролетариат по-прежнему должен стремиться иметь возможность изнутри потребительской кооперации влиять на нее. А для этого рабочая кооперация должна остаться в рамках общегражданской. Выделение рабочей кооперации поведет к тому, что из рядов общегражданской потребительской кооперации уйдут все лучшие пролетарские силы, и общегражданская кооперация перейдет в руки мелко-буржуазных элементов. А это еще более будет способствовать опасности возникновения мелко-буржуазного сельско-хозяйственного треста.

Работники рабочей кооперации (мелких кооперативных объединений) жалуются, что губсоюзы эксплоатируют их при выполнении заказов. Но если эти объединения попробуют создать свои закупочные центры, то такую же эксплоатацию они увидят и со стороны этих центров, которые должны будут создавать и содержать свой закупочный и служебный аппарат. А так как при разъединении потребительской кооперации на рабочую и нерабочую операции каждого из двух центров будут меньше, чем у единого центра, то содержание торгового аппарата и прочие накладные расходы станут для разъединенных организаций выше, чем для единой. Кроме того, конкуренция двух закупочных организаций поведет к повышению цен в ущерб рабочим-потребителям.

Таким образом и в настоящее время нужно признать, что рабочая кооперация не должна выделяться из общегражданской потребительской кооперации. Свои же права в рамках последней она может и должна охранять, захватывая в свои руки влияние в губсоюзах энергичной работой и теми правами, которое ей дает положение о губсоюзах, которое дает профессиональным союзам право посылать на собрания уполномоченных губсоюза своих представителей в количестве одной трети всего состава уполномоченных.

Работники рабочей кооперации, опираясь на деревенскую бедноту, входящую в состав сельских потребительских обществ, могут

занять в союзах потребительской кооперации руководящую роль. Но дело меняется, если в сельских обществах у них не будет союзников; это произойдет, если будут уничтожены современные Е. П. О., объединяющие все население, а на их месте возникнут потребительские общества, основанные на принципе добровольности и объединяющие только зажиточные элементы деревни. Тогда позиция рабочей кооперации и в губсоюзах будет ослаблена и, может быть, для нее станет выгоднее—и политически и экономически—выделиться из губсоюзов. Таким образом, между вопросом об обязательном кооперировании и вопросом о слиянии рабочей кооперации с общегражданской существует тесная связь.

В области кооперации встает в настоящее время ряд вопросов: о праве различных видов кооперации, выступать на внешнем рынке, о финансировании различных видов кооперации и т. п. Все эти вопросы должны разрешаться в зависимости от решения вопроса об интегральных союзах. Если мы станем сторонниками последних,—а таковыми мы должны быть во имя интересов пролетариата и революции,—то мы должны будем признать, что выступления на внешнем рынке должны принадлежать только обще-кооперативному союзу, т.-е. Центросоюзу, а финансирование сельско хозяйственной и промысловой кооперации должно происходить только через Центросоюз.

В заключение мне хотелось бы обратить внимание еще на одну область работы, которую должна развить кооперация. Это—область производства.

Новый декрет о кооперации от 7-го апреля 1921 года дает потребительской кооперации право развить эту работу во всех кооперативных организациях сверху донизу. Она должна развить ее и в своих интересах, и в интересах своих членов—потребителей, и в интересах всего государства, чтобы поднять возможно скорее производительные силы страны.

Работу в области производства должны развить мелкие городские кооперативные объединения путем организации всяких починочных мастерских, сапожных, портняжных и т. п., путем организации огородов, молочных ферм и т. п. В этой области мы скоро увидим работу частного капитала. Потребительская кооперация в борьбе против капитала, не теряя времени, должна начать работу в этой области

Более крупные предприятия в области мукомольного дела, хлебопечения и т. п. должны быть взяты на себя городскими Е. П. О. и губсоюзами.

Но особенно важной является работа в этой области сельских Е. П. О.—многолавок. Они должны развить ее в области мукомольного дела, в постройке эксплоатации различных мелких заводов, обрабатывающих сырье, даваемое сельским хозяйством данной местности. Сюда относятся маслобойни, крахмальные заводы, канатные фабрики, мастерские по ремонту сельско-хозяйственных машин и орудий и т. п Широкая постановка этого дела даст сельским многолавкам ту нагрузку в работе, которой в настоящее время им не хватает, а кроме того позволит потребительской кооперации приступить к созданию интегральной сельской кооперации с самого низу и взять на себя руководящую роль в этой интегральной кооперации.

———

Советская Россия в освещении белого обозревателя.

А. Воронский.

1. „Нет иллюзий“. „Власть стоит прочно“. „Палочка маршала“.

Не так давно писатель-беллетрист Б. А. Пильняк перед отъездом своим за границу в Берлин произвел любопытную анкету. В анкете стоял один вопрос: „Что передать зарубежной эмигрантской русской интеллигенции“. Опрос коснулся главным образом интеллигенции: учителей, врачей, техников и т. п. Ответы—числом около 70—получились крайне поучительные. Лишь один инженер ответил, примерно, в таком духе: передайте,—пусть скорее приходят уничтожить большевистскую нечисть. Общий смысл других ответов был таков: „пусть перестанут играть в дурачков“, „пора приниматься за органическую работу“, „перестаньте вредить России за границей и возвращайтесь“, „нужно возвратиться: здесь огромный недостаток в интеллигенции“ и т. д., все в том же духе.

Ответы свидетельствуют о несомненном некоем сдвиге в кругах старой дореволюционной интеллигенции. Об этом сдвиге говорят и другие факты. Сборник „смено-веховцев“ пользуется самым шумным успехом. Ведутся оживленные публичные и непубличные прения (отметим для примера дискуссии в петербургском „Доме Литераторов“). За границей число сторонников „Смены вех“ растет с каждым днем, и они вносят яд подлинного разложения в эмигрантскую белогвардейскую среду.

В свое время Г. В. Плеханов по поводу неустойчивости в настроениях нашей отечественной интеллигенции ехидно заметил:—У Клеопатры было много любовников.—Русская интеллигенция, действительно, имела много любовников. И после октября она не раз колебалась то в ту, то в другую сторону, занимая, впрочем, в отношении октября в общем отрицательную позицию. Нельзя, конечно, и теперь сказать, что нынешний сдвиг вполне отлился в ясные формулы - в определенную политическую и тактическую линию. Об этом, пожалуй, говорить рано и преждевременно. Несомненно одно, какой-то перелом происходит, какой-то сдвиг явно определяется.

Какой же?

Предварительное замечание. Вопрос о сдвиге нас интересует не как таковой, не сам по себе, а как показатель того, что переживает в настоящий момент республика Советов.

В октябрьском номере „Современных Записок“ (орган Авксентьева, Бунакова, Вишняка, Гуковского и Руднева) помещено обстоятельное письмо из России Икса, вводящего в курс нового переломного настроения так называемого русского образованного общества старого покроя. Письмо это нам придется использовать в настоящей заметке довольно широко, ибо оно представляет несомненный интерес и во многих отношениях характерно.

Икс начинает с себя.

„Другие, как пассажиры на маленькой захолустной станции, думают, что поезд хотя и запоздал безобразно, все же придет... Я думаю, что поезд не придет. Я думаю, что поезд уже ушел и другого не будет. Я не жду и не вглядываюсь туда, в направлении к Западу и не смотрю на часы без цели и без смысла“.

Ждали американского дядюшку, ждали барина с Запада. Американский дядюшка как будто что-то сулил, а западный барин прямо утверждал, что скоро прибудет с курьерским. Поезд, однако, где-то застрял, американский же дядюшка оказался жуликоватым дельцом. Доходили от него какие-то новые заповеди, новейший завет, долженствующий мир спасти и в человецех благоволение установить, но за всем тем, заповеди оказались не заповедями, а сущим суесловием, елейной пустопорожней болтовней, ибо промежду разговоров о благоволении в „человецех“ дядюшка не один дредноут выстроил и вообще, что называется, охулки на руки не клал.

Спереди—блажен муж, а сзади—вскую шатащеся.

Дальше-больше. Поведение барина, который обещался приехать с курьерским, стало совсем загадочным и, выражаясь философски, мэт-эмпирическим. С курьерским барин не приехал, но спустя некоторое довольно продолжительное, „безобразно-продолжительное“ время без лишнего шума проник в страну „ужаса и насилия“, совершенно не приметив по дороге российского интеллигента, не приявшего „бунта рабов и безумцев“. Барин проследовал в Кремль. Разумеется, российский праведник попытался разузнать как и что. В Москве это легко,—ох, сколько в Москве слухов и слушков! Результаты обследования оказались довольно неожиданными. По слухам, в Кремле произошел такой, примерно, разговор:

— Ваши условия?—спросил барин.

— Отвяжитесь от нас прежде всего,—ответствовала чернь.

— За сколько?—в[illegible]полне хладнокровно вопрошал барин.

— Т.-е. как?—удивилась чернь и охлос.

— Клади деньги об это самое место,—твердил барин.

— Позвольте,—возму[illegible]щалась чернь.—Да они кровавые и награбленные, сами же говорили..[illegible]. Кладите об это место.

— Ничего-с. Не пахну[illegible] и по взаимности...

— По взаимности? Ежел[illegible]

Тут барин начал выговар[illegible]ивать такое, что у российского Симеона-Столпника, созерцавшего все [illegible]то сквозь замочную скважину—ничего не поделаете—диктатура!—глаза полезли на лоб. Сначала он ответственность за странное поведение бар[illegible]на взвалил по старой привычке на большевиков. Гипотеза была сама[illegible] простая: барин на Западе был не один: бар было не так чтобы очень много, но и не мало. Большевики [illegible]ствуют среди бар на Западе подо[illegible]бно гоголевскому юрисконсульту из „Мертвых Душ“: впутали всех в д[illegible]ело и перессорили друг с другом Но тут обнаружилось, что барин, до[illegible]лжно быть, когда ехал в поезде

с курьерским, стянул какую-то ценную вещь, да не одну; другой барин присвоил себе целый город, а третий объявил искони принадлежащим себе такой кусище земли, что наш праведник только ахнул. Пустили далее слух, что барин сильно где-то продулся, спустил многое из своего имущества. Раздались голоса, что истинные баре на Западе переводятся; это подтвердил „пророк" Мережковский, сообщивший, что западный барин превратился в большевика и что вообще пришел антихрист. Многие этому поверили, стали искать благодатных попов, зажигать лампадку и беседовать с загробными духами о последнем часе. Выяснилось, однако, что „пророк" подвел. Правда, он неопровержимо доказал, что пентограмма и есть печать антихриста, но тут же к чему-то приплел паек и какие-то пустяки, не стоящие ни гроша. Кроме того обнаружилось, что паладины креста, поднявшие знамя против антихристовой печати, по свидетельству очевидца Шульгина, оказались совсем не крестоносцами а просто-на-просто прохвостами, да еще с большой дороги. Получился конфуз, Симеону-Столпнику пришлось разочароваться:

... Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Он изверился, он не верит теперь ни барину, ни пророку, ни даже слухам, которыми полнехонько полна Москва первопрестольная. Симеон-праведник сообщает в своей „зело широкой эпистолии" другу Авксентьеву за границу:

При встрече знакомые не спрашивают теперь друг друга, таинственно и тоскливо:

„Ну, когда? "И не назначают сроков—осенью, весной, через три месяца. Это вышло из моды... Они потеряли одну из иллюзий—еще одну из иллюзий, может быть, самую главную... Прежде утешали себя самообманом и, словно мух, разводили слухи, они заменяли нам ту лживую хронику, которой и вы утешаете себя за рубежом, и еще недавно никого не смущало то, что эти слухи систематически проваливались... Теперь слухов стало значительно меньше; их почти совсем нет...

— Лживую хронику, которой и вы утешаете себя,— каково это слушать гражданину Авксентьеву! Себя-то обманывали — это полдела — а вот надували изо-дня в-день других — это посерьезней.

И еще хуже, что вся эта лживая, обманная и продажная хроника называлась свободой печати и слова!..

Возвратимся, однако, к основному.

Конечно, господ Авксентьевых интересует вопрос, как дело обстоит теперь с прочностью Советской власти. Услужливый друг и здесь сообщает ряд неприятных известий:

„Если подходить к власти с критериями 1918 года, то надо признать: она стоит прочно. Может быть, она стоит только на одной ноге; может быть, она повалилась бы от слабого толчка, от бурного порыва ветра. Может быть, она—только колосс на глиняных ногах. Может быть, даже вероятно, это так, даже наверно это так. Но что толку в этом? Никто ее не толкает,— это главное... При таких условиях глиняные ноги не хуже каменных; они хорошо служат свою службу... Проблема управления решена... Коммунисты управляют страной, управляют не хуже, чем правительства многих стран на Востоке и даже некоторых на Западе... Власть свободно и легко управляет страной"...

Все это совсем не похоже на то, чем была наполнена белая пресса весной, о чем она трубит и по сию пору,— правда, далеко не так уверенно, как раньше. „Банкротство коммунизма", „изоляция власти", „накануне новой эры" и т. д. и т. д. И вдруг как обухом по голове: „власть стоит прочно", „власть свободно и легко управляет страной"... В заявлениях Икса о прочности власти несомненно отразился перелом, происходящий на наших глазах во внутреннем положении Советской власти. Разница между весной, летом и особенно зимой минувшего года бросается в глаза. Начиная с весны, мы переживали период перегруппировки советских сил для новых операций и при новых условиях. Белые разбиты, интервенция пока что потерпела крушение. С другой стороны, явилась необходимость пересмотреть основы соглашения Советской власти с крестьянством, дать простор тому, что называется теперь мелко-буржуазной стихией. Выяснилось также, что враги не сложили оружия, а намерены дать бой в другой плоскости в плоскости экономической борьбы. Отсюда — перегруппировка, напоминавшая отчасти гигантские перегруппировки армий на фронтах недавней империалистской войны. При таких перегруппировках всегда создается масса путаницы, неразберихи. Одни потеряли связь с частями; многие утратили представление об общем ходе дела, об общих очертаниях и смысле борьбы. Куда-то двигается огромный обоз,—вот люди, безуспешно ищущие свое место. N-ный полк занял совсем не ту позицию. Мало-по-малу, однако, порядок восстанавливается, смысл колоссальной передвижки делается все более и более ясным. Части занимают свои места. И если враг упустил удобный момент, то его бодрое настроение изменяется к худшему.

Есть много серьезных оснований полагать, что момент некоторой растерянности и неуверенности в советских рядах, связанный с весенней и летней „передвижкой", в большой мере изжит, что он — в прошлом. Общий смысл нового курса сделался осознанным, намечаются пределы „приспособляемости". Несомненен факт уничтожения бандитизма, успокоения в деревне, разрядилась обывательская сгущенная атмосфера в городах,—„слухов стало значительно меньше".— Это не могло не отразиться на настроениях нашей дореволюционной старой интеллигенции. Недавно, еще весной она „колебнулась" сильно в сторону анти-советских настроений. Теперь она почувствовала, что „власть стоит прочно", и делает отсюда надлежащие выводы. Именно в этом ощущении прочности власти следует искать причин перемены в интеллигентских настроениях. Разумеется, здесь прежде преклонение пред фактом, пред тем, что есть. Здесь есть своего рода пассивность, но ведь не может быть пока других настроений у тех, кто ждал недавно западного барина с курьерским. Поневоле сделаешься пассивным, когда барин безбожно обманул, а внутри страны стали вырисовываться факты, весьма красноречивые. Вот, например, рабочие. Гражданин Икс доводит до сведения Авксентьева:

„Рабочие не испытывают на себе террора в такой степени, как прочие граждане... С ними все-таки считаются. У них хватает решимости устраивать забастовки, „волынки". Террор не мешает им отстаивать свои очень скромные экономические требования... И вот здесь-то и сказывается в полной мере кризис политической мысли, душевное оскудение народа. Рабочие готовы пострадать за пару селедок, они не желают страдать за свободу печати. За паршивую обувь они отдадут любой политический лозунг. Они стали реалистами и практиками на российский манер"...

То, что наш рабочий класс дезорганизован, распылен, это — правда. Но это — правда, которую преодолевает прежде всего коммунистическая партия. С усталостью, с апатией рабочих масс боролись и борются прежде всего коммунисты. Ее хотели и хотят в первую голову враги коммунизма. В сущности весь план интервенции и блокады построен был на стремлении распылить, дезорганизовать русского рабочего, согнуть его жесткую выю голодом. Не мы держимся апатией, а наши враги. Пользуясь ей, гражданам Авксентьевым иногда удавалось сбивать ту или иную группу рабочих в пользу „свободы печати", приплетая сюда „селедку" и „паршивую обувь". И наоборот, преодолевая „душевное оскудение" в рабочих массах, коммунистическая партия тем самым сводила к нулю влияние ратоборцев „за свободу печати". Полагать, как то делает автор письма, что „духовным оскудением" объясняется равнодушие рабочего „к свободе печати",— значит выворачивать действительность шиворот на выворот. Преодоление „душевного оскудения" в среде пролетариата повлечет за собой такое положение, когда Советская власть получит новую могучую поддержку, а о гражданах Авксентьевых испарится даже воспоминание. Весь смысл нового курса экономической политики сводится к этому преодолению. Кто этого не понимает, тот не понимает сути нового курса.

Следует все же отметить факт, подчеркиваемый Иксом, что „рабочие готовы страдать за пару селедок и не желают страдать за свободу печати". Свобода печати хуже пары селедок?.. Или рабочие стали такими реалистами, что за селедочную похлебку готовы продать свое право первородства? Думаю, по грешной склонности моей к материализму, что равнодушие рабочих говорит не в пользу той „свободы", за которую печалуются за рубежом Иксы и Игреки контрреволюции. Рабочие—правы.

С рабочими плохо. Но, может быть, дело лучше обстоит с другими слоями населения? Вот Красная армия. Она на девять десятых крестьянская. Что же — в ней? Прочна ли Советская власть в армии? Здесь г. Икс преподносит своим зарубежным „друзьям" открытия столь удивительные, что им после откровений Икса просто следует удавиться с тоски.

Вот что он пишет:

„Власть по происхождению близка народу, она демократична по психологии. Невыносимо деспотична, но все же не из дворян и не из купцов все эти исполкомщики и комиссары, а из мужиков и фабричных, и путь к власти, прежде начисто заказанный, теперь открыт для всякого человека из народа. Власть манит... И молодежь из маленьких городов, из деревень тянется инстинктивно к власти, подчас идеализируя ее, прощая ей все грехи за тот блеск, за неограниченную мощь, которыми власть окружена. Револьвер в кобуре, галифе и сапоги обладают чарующей силой; против нее трудно устоять. Красные командиры из крестьянских детей пользуются успехом на провинциальных вечеринках не меньшим, чем юнкера, кавалеристы, гусары на балах минувшего времени. „Краском" не коммунист; но Красная армия вывела его из деревенских парней в благородные люди, Красной армии он обязан своим положением, своею властью. Палочка маршала лежит подлинно в ранце каждого красноармейца; нет привилегий сословия, открыты двери для свежей энергии, для душевной цельности классов, еще не тронутых культурой Европы эпохи упадка; и

пусть это—наиболее дикая армия в Европе, это и наиболее демократическая армия, с генералами из вахмистров, с генеральным штабом из писарей и унтеров, с энергичными, талантливыми людьми во главе. Как же не дорожить им своей Красной армией, не создавать культ нового милитаризма, хотя и красного?..“

Граждане Авксентьев и Бунаков—плохие редакторы. Правда, поместив откровения Икса, они сделали примечаньице от имени редакции: „Соответствуют ли проникающие письмо пессимизм и бездейственность положению вещей в России“, но это нисколько не меняет дела. Дело же в том, что г. Икс на страницах заведомо белогвардейского органа бухнул о таких вещах, которые уничтожают самый смысл существования белогвардейщины. Помилуйте: и шайка насильников, и захватчики-то, и обманщики, и узурпаторы, и немецкие агенты и что еще там—а потом: власть из мужиков и фабричных, и армия, наиболее демократическая в мире. И заметьте—даже с воодушевлением, с искоркой обо всем этом прописано. Но ведь об этом самом пять лет как раз и идет речь, в этом—весь гвоздь вопроса. Из-за чего же тогда граждане Авксентьевы кровь проливали этой, самой демократической, армии в мире и за интервенцию горой стояли? И разве дело только в армии? Вот—„свобода печати и слова“. После октября Россия покрылась газетами и газетками. Где их нет теперь? Почти в каждом уезде. Пишут в них, по правде сказать, частенько довольно неграмотно, но в них пишут десятки тысяч „мужиков, фабричных“ и „краскомов“. Это и есть свобода печати. Из этого выйдет толк и уже выходит. А господа Иксы только и делали, что зубы скалили, да анекдоты скверные сочиняли, и только теперь, ковыряя пальцем в носу, в раздумьи говорят: а ведь—наиболее демократическая в мире...

Противно все это читать, ибо есть же предел всякой легкости в мыслях, особливо, если из-за этой легкости лилась кровь рекой, да и еще прольется немало; но писания г.г. Иксов характерны для наших дней. Старые формулы потеряли свою силу, от них открещиваются их недавние приверженцы, казалось бы, до гробовой доски. Нет старых иллюзий. Власть стоит прочно, рабочие не хотят бороться за свободу печати по указке Авксентьева, Красная армия—наиболее демократическая. Эти признания вырываются у г.г. Иксов живой жизнью, сложившимся бытом. Красный командир, пожинающий лавры на обывательских провинциальных вечеринках,—это—быт. И быт этот совсем не похож на картину, которую изо дня в день рисовали Авксентьевы: кучка захватчиков, ненавистная всем слоям населения, держащаяся у власти кровавым террором. Кстати. О терроре г. Икс тоже разочаровывает своих зарубежных друзей: „Нечего всю вину взваливать на чрезвычайку, на террор. В городах террор принял теперь наиболее мягкие размеры“...

Схлынули кровавые волны гражданской войны.

И вот теперь ясно: интервенция не удалась, белые разбиты, потому что сражались с властью мужиков и фабричных, с армией, где красноармейцу открыт путь в краскомы, в штабы и т. д. Это—прочно, это видно врагам, они не в силах больше повторять старые слова, лозунги. На них никого не поймаешь. Вот откуда перелом, смено-вехистские настроения А в интеллигентских кругах—„пессимизм“ Иксов, их признания. Они интересны прежде всего не сами по себе, а как показатель устанавливающегося прочного советского быта, как крест над прошлыми иллюзиями.

II. „Вошь, спаси нас!" „Идет чумазый..."

Старых иллюзий нет. Но без иллюзий трудно жить, особенно группам и слоям, осужденным историей. Старые иллюзии изживаются, но появляются новые. „Мы спасены в надежде".

Не так давно, некто Н. Ветлугин выпустил за рубежом книжку „Авантюристы русской революции". Авантюристы, конечно,—большевики. Книжонка бесталанная до последней степени. Но замечательны в ней заключительные строки: „Вошь, спаси нас!", молитвенно взывает Ветлугин.

Такие есть у нас,—за рубежом их больше.

Голод, мор, тиф... Как для кого... Для некоторых это—якорь спасения, проблеск в более радостное будущее. „Их не свалила интервенция, блокада, белые армии, может быть, свалит голод.—Вошь, спаси нас!"

Бывает же.

Не осилили тебя сильные,
Так подрезала осень черная...
... С богатырских плеч сняли голову
Не большой горой, а соломенкой...

В голоде, как и в других грозных фактах нашей советской действительности, вскрывается все разложение общественных групп и классов, недавно господствовавших в России. Наши враги стараются изобразить положение в таком виде: в России голод;—виновны в нем, конечно, только большевики. Русская „общественность" изо всех сил рвется как в доброе старое время смягчить ужасы голода, но большевики, точь в точь, как царская деспотия,—мешают этому, не оказывая никакого доверия „общественности", сводя к нулю частную инициативу и добрые почины граждан.

Об этом шушукаются по углам, а за границей на этом старается белая пресса выбраться из смрадной трясины, куда загнала ее русская революция. Но вперемешку с гражданскими вздохами, сетованиями, негодованием—вы слышите затаенное, идущее „из глубины души и сердца": „вошь, спаси нас!"

... Жила-была блоха. Милей родного брата она ему была...

И это и есть настоящее, подлинное отношение к голоду, мору и тифу той „общественности", которой поперек горла стала русская революция.

Посудите сами: добропорядочное отношение к нашим бедствиям предполагает наличность некоторых гражданских чувств. К тому, кого постигло бедствие. Но о каком гражданском чувстве можно говорить, когда помимо отвращения, злобы, ненависти, брезгливости, презрения, ничего нет больше. Притом злобы бессильной, ненависти побежденного, брезгливости презираемого. „Так им и нужно... райской жизни захотели, социальной правды добивались, нас вышвырнули... Вошь, спаси нас!.."

Вшивая иллюзия, такая же маленькая, противная, как сама вошь. Она еще не погибла, еще живет. От прежних иллюзий она отличается как паразит от крупного зверя. В прежних иллюзиях был еще размах, некоторая романтика—великая, единая, неделимая,—непосредственность порыва, своеобразный энтузиазм;—во вшивой иллюзии—полное

ескрылие, припрятанность чувств и настроения, нежелание сознаться аже самому себе, гаденькое фарисейство и какое-то своеобразное тупение, неприкаянная оголтелость, гражданский нигилизм, ничевоство, бездейственность, полная размагниченность. На „другой день“,— учись он,—все это вскрылось бы с ужасающей отчетливостью, и вывилось бы такое духовное растление, понесло бы таким трупным ирадом, что голодная, нищая, обглоданная Россия вскоре забилась ы новыми судорогами революции, если в ней осталась бы хоть капля зежих сил...

Вшивая иллюзия по происхождению своему в сущности—старая накомая. Родилась она еще во времена, когда Рябушинские заседали Москве и собирали свои пожитки.

Новой по-настоящему является другая иллюзия. Как добросоестный регистратор г. Икс подробно останавливается на ней в своем письме из России“.

„Через армию, через бюрократию, через советы и милицию, через партийных и беспартийных, через всю эту густую сеть прямых агентов, посредников и пособников, верных членов и сочувствующих, перекачивается мелко-буржуазная стихия... организм партии заражен, и борьба с заразой безнадежна... Авторитет имен еще силен, еще нет никого, кто решился бы посягнуть на звездную палату Совнаркома. Но все больше сплачивается и растет слой тех, для кого коммунизм есть в сущности доктринерство, блажь старых вождей, только формула и лозунг, а главное есть власть, закрепление позиций, отвоеванных в гражданской войне новой буржуазией. Растут тенденции к формальному закреплению той власти в политике, которой крестьяне уже добились в экономике... Однако—этот процесс кристаллизации только в самом начале...“

Наши враги в сущности давно надеялись на внутреннее разложе-ие партии коммунистов. Теперь эти надежды оживились в связи с реходом Советской власти к новой экономической политике, дающей ольшой простор мелко-буржуазной стихии. Разумеется, опасность—и рьезная—тут есть, и на нее неоднократно указывали руководящие ганы партии. Опасность эта существовала и раньше для пролетарой партии, находящейся все время в мелко-буржуазном окружении. курничество, мелко-буржуазная психология с самых октябрьских ей всегда давали о себе знать. Но партия в целом находила до сих р достаточно сил преодолевать эти центробежные силы. Невзначай э признает Икс в своем письме, утверждая, что процесс кристаллзации мелко-буржуазных элементов внутри партии находится „только самом начале“. Следственно, в отношении прошлого крики бело-эсэвско-меньшевистской прессы о разложении и вырождении партии ммунистов должны быть отнесены к той лживой хронике, о кото й мы читали выше в отрывках письма г. Икса. Так оно и было; аче наша партия не победила бы в гражданской войне.

Партия, стоящая у власти, не выродилась, не рассыпалась. Нам противникам это непонятно. „Власть развращает“,—твердит буразный и мелко-буржуазный интеллигент. Тут органическое непонинне существа нашей Советской власти. Наша власть была и есть в цности мученическая власть, власть, гонимая всем миром, власть, шаяся с миром эксплоататоров; власть для нас была и есть в це- голгофа, страда. Поэтому она объединяла, а не распыляла, при-

влекала, а не отталкивала, воспитывала революционный энтузиазм. Оттого и приходится Иксам признавать, что процесс разложения „только в самом начале", оттого партии коммунистов в стране мелкобуржуазной сравнительно легко удавалось сохранить пролетарскую дисциплину, сплоченность, дух.

Новый курс увеличивает опасность разложения. К тому же русский рабочий сильно распылен, дезорганизован, устал от борьбы. Однако, смеем уверить г.г. Авксентьевых и Иксов, что партии неведомы серьезные течения, для коих коммунизм только—вывеска и блажь вождей. Это основное, спаянность одним коммунистическим идеалом партией не утеряна, она в полной наличности в ней, и потому соль не теряет своей солености.

На мой личный взгляд в чистке партии было много уродливостей, промахов, нелепостей. Она плохо была подготовлена и далеко не всюду как следует быть проведена. Но есть в ней один огромный плюс, за который простятся этой кампании многие грехи: от нее „пахло" здоровым пролетарским духом. Чистка обнаружила это крепкое настроение. Икс говорит о разлагающих настроениях исполкомщиков, советских и партийных работников. Всякие, разумеется, есть. Но дело не во всяких, а в партии как в целостном живом организме. Духовные мещане сколько угодно могут уверять, что большевики идут вспять, что они вступили в полосу безбрежного оппортунизма, для них коммунизм становится блажью вождей. Пусть тешат себя иллюзиями. Мы-то знаем, что оппортунист и беспринципный человек не тот, кто прибегает своевременно к курс-зигзагу, а тот, кто в повседневной деятельности забывает об основных целях и идеалах, не освещает их светом мелкую ежедневную работу. Величайшие оппортунисты—отцы церкви: у них христианские принципы в одном кармане, а житейское в другом, одно до другого „не касаемо". Такого оппортунизма в партии коммунистов нет. Основное живо в сознании их, живо в работе. Да и не может коммунизм превратиться в блажь вождей, пока идет империалистская склока, пока есть кризис и безработица, пока грозят новые войны, пока существует разлагающийся капитализм. Основное живо. Остальное приложится [1]). А вот у наших врагов,— взять хотя бы эс-эров,—дело куда хуже. Полное бездорожье, распыление на ряд групп и подгруппок, какой-то политический ералаш.

По силе сказанного мы и думаем, что с процессом разложения, который „только в самом начале", мы справимся, если, конечно, русский рабочий будет поддержан своим западно-европейским собратом, в чем мы не имеем основания пока разуверяться, ибо, если тов. Ленин удосужится поехать в буржуазную Каноссу, то ведь не даром же Ллойд-Джордж признал его спецом по части введения капиталистического хозяйства в нормальное русло.

Повторяем в заключение: мы остановились на письме Икса потому, что оно не является случайным или одиноким. На страницах белой зарубежной прессы то-и-дело помещаются подобные письма, статьи и т. д. Они свидетельствуют о глубоком идеологическом распаде наших врагов, о начавшейся „переоценке ценностей" и о том, что положение республики советов вопреки голоду и кризисам упрочивается.

---

[1]) На воображаемом выветривании коммунистического идеала в рядах комм. партии основывают свои надежды и „смено-веховцы". Сознательный тактический шаг они принимают за стихийное беспринципное приспособление к действительности. Впрочем, единого мнения у этой группы нет.

Распад.

Н. Мещеряков.

Революция—сильный реактив. А в особенности революция пролетарская. В процессе необычайного обострения классовой борьбы, которым характеризуется революция, „разлагаются“ самые крепкие, устойчивые общественные и политические группы, партии и объединения. Всякая группа или партия, составленная из разнородных по классовому составу элементов, в огне классовой революционной борьбы неизбежно разлагается на свои составные части.

Взгляните на наши политические партии времен царизма. Что осталось от них? Они или истлели в огне революции, или разложились на ряд группировок. А какими прочными они казались еще совсем недавно!

Взгляните на меньшевиков. Все лучшие, действительно революционные или пролетарские элементы этой партии ушли от нее к коммунистам. Большинство ее—балласт партии—обратилось в рядовых обывателей. В том, что продолжает называться „партией“, осталась только кучка доктринеров оппортунизма и реформации, кучка, обреченная на бездействие и на воспоминание о том прошлом, когда и они были революционерами.

Партия эс-эров казалась необычайно устойчивой. Эс-эры умели так приспособляться, так затушевывать все острые вопросы, лишая их всякой свежести и остроты, что в рядах этой партии мирно уживались самые разнообразные элементы. Но и эта партия не выдержала огня революции. Уже в начале революции из нее выделились левые эс-эры. За ними, позднее, ушла группа Буревого, Вольского и других. Партийный балласт, как и у меньшевиков, ушел в ряды обывателей. А оставшееся небольшое ядро распадается на три течения,—правые, левые и центр.

Ту же картину распада наблюдаем мы и у кадетов, партия которых раскололась теперь на две группы, существующие совершенно самостоятельно одна от другой и ведущие друг с другом ожесточенную полемику.

Та же картина и в лагере толстовства. Это течение до сих пор питалось из двух источников. С одной стороны, это был протест поместного дворянства, которое не умело приспособиться к быстро развивающемуся капитализму и разорялось в новых условиях. Это дворянство мечтало о старых, патриархальных условиях жизни, когда не было еще сложных запутанных отношений общественной жизни. Оно скорбело о быстро умирающем натуральном хозяйстве, которое было основой власти феодального дворянства, и звало к отказу от культуры, к возвращению к доброму старому времени. Это была дворянская струя толстовского теченья.

Но рядом с ней была и другая. Она питалась недовольством крестьянства, которое также жестоко страдало от быстрого развития капитализма и денежного хозяйства, вызывавших расслоение деревни, объединение значительной части крестьянства, быстрый распад старых, патриархальных семейных отношений и т. п. Часть крестьянства также мечтала о возврате к патриархальной старине натурального хозяйства и создавала ряд сект, проникнутых духом христианского социализма,—сект, близких к толстовству, сект, на которые опиралось толстовство. Это была демократическая струя толстовства. Обе струи мирно двигались в общем потоке.

Но теперь буря революции нарушила и это единство. Дворянская часть толстовства, став лицом к лицу с революцией, выгоняющей помещика из его именья, ушла от революции в лагерь ее противников. Наоборот, демократическая часть теченья, опиравшаяся на духоборов и других сектантов, увидала в революции черты, если не религиозного коммунизма, о котором она мечтала, то, во всяком случае, движения ему родственного, увидала возможность создания такого строя, когда крестьянство не будет страдать от эксплоатации капитала. И оно отдало свои симпатии революции, Советской власти и партии коммунистов.

Картину, если не полного распада толстовства, то перерождения консервативной его части дает вышедшая недавно в Вене книжка Ив. Наживина—„Записки о революции".

Сам по себе Ив. Наживин—фигура мало интересная. Это—серый, заурядный человек и писатель. Но, именно как заурядный человек из массы нашего народничества, Наживин представляет интересную фигуру. Перелом в его настроениях и идеологии типичен для рядовой, заурядной массы интеллигентов и обывателей. С этой стороны и интересна его книжка. С другой стороны, Ив. Наживин откровенно выбалтывает многое такое, о чем человек более умный и менее озлобленный счел бы лучшим временно промолчать. Ввиду этого я и займусь несколько подробней книгой Ив. Наживина.

В предисловии к ней Наживин рекомендует себя, как „писателя, много лет стоявшего на очень левых позициях"; в других местах он называет себя другом Толстого („мы и Толстой", выражается он), „интернационалистом" и т. п. Ив. Наживин происходил из кулацко-крестьянской семьи: у него и у его отца было какое-то торговое дело. Но купечество не отнимало всего его времени. Вместе с тем он был и довольно плодовитым писателем народническо-толстовско-кадетского направления.

Как кулак, с одной стороны, и как интеллигент-кадет, с другой, Ив. Наживин с самого начала февральской революции почуял, что революция несет ему большие неприятности. Когда в конце февраля 1917 года по телефону один знакомый сообщил ему о начавшейся революции, о падении самодержавия, о том, что, вместо монархии, будет „как-будто" республика, Ив. Наживин „пошел домой, полный самой тяжелой тревоги". Эта „тревога" скоро перешла в открытую вражду к революции не только к пролетарской, но и ко всякой революции. „Это был определенный отказ от прошлого и первые шаги в новое",—признается сам Наживин в начале своей книги. „Работать в то время,—пишет он,—прежде всего значило смотреть, слушать, думать и откровенно пересматривать то, во что верилось, чем жилось раньше, сжигая то, чему раньше поклонялся, и преклоняясь перед тем, что раньше сжигал" (стр. 73).

Прежде всего Наживин отрекается от своей прежней деятельно-

сти, от „толстовства". „Нельзя было говорить темным массам то, что говорили мы с Толстым",—пишет он.

До революции Наживин был или считал себя народником. А теперь он смотрит на народ, как на „толпу, которая с полной развязсостью лезет туда, куда вход ей был жизнью запрещен". Чувства собственника-кулака в нем больно затронуты. „Я настоял,—пишет он,—перед своим стариком на необходимости его, скромное теперь, лесное дело преобразовать в торговое с моим участием доли, чтобы развить потом его деятельность, и с полным удовольствием поставил я свое имя—имя писателя—на вывеске и торговом бланке. Ведь если борьба, так борьба, и не слюнявое „свобода, равенство и братство"... Многие из старых истин пошли просто на смарку, а над другими поставлен был огромный знак вопроса... Многое понял я. И не я один... Пересмотр идеологии пошел по всей линии, усиливаясь с каждым днем. В тихих сосредоточенных беседах пересматривался вопрос рабочий, вопрос женский, вопрос еврейский, вопрос земельный, национальный, церковный, пересматривалось старое отношение к действительности. Я никогда не забуду тех новых бесед, свидетелем которых пришлось быть мне в эту пору в разных редакциях и в случайных собраниях интеллигентов. Некоторые фигуры сохранились в памяти особенно ясно, вроде, например, симпатичного и талантливого публициста Н—ского, бывшего, кажется, членом центрального комитета социал-демократической партии.

— Знаете, чем я теперь занимаюсь? — встретил он раз меня вопросом в редакции „Власти Народа".

— Ну?

— Перечитываю стенографические отчеты заседаний Государственной Думы, речи... Маркова II-го.

— Ну и что же?

— Умный был человек...

Бывший крупный меньшевик докатился до крайнего черносотенства. И неудивительно. И в нем заговорили классовые интересы, интересы дворянина-помещика, которым уже угрожало тогда крестьянство. Вот что говорил далее, по словам Наживина, этот бывший меньшевик:

— Я столбовой дворянин Саратовской губернии. Теперь я не стыжусь более своего дворянского происхождения. В конце концов, именно это сословие вынесло на своих плечах русскую культуру. И какое безобразие: все, что ни говорил, бывало, мой старик, все, как стене горох: раз говорит отец, предводитель дворянства, значит, чепуха...

И не один этот меньшевик докатился до преклонения перед дворянством. В редакции „Власти Народа", которая называла себя „социалистической" газетой, по рассказам Наживина, можно было слышать странные разговоры. Вот, например, один из них:

— Господа, а помните ли вы городового, помните ли вы этого скромного труженика, который, часто с огромной семьей, жил в Москве за 40 рублей в месяц, в одной темной комнатушке, который за эти 40 рублей о х р а н я л н а ш п о к о й днем и ночью, обмерзал на морозе, когда нужно погибал от пули и н и к о г д а н е р о п т а л?

— Помним...—отозвались задумчивые голоса.

— А помните ли вы, как в благодарность за все это мы называли его?

— Помним: фараоном.

— И что же, по совести: стыдно?

— Пожалуй, немножко и стыдно.

Такой же пересмотр старого совершался и в либеральных „Русских Ведомостях“. „Там говорили, что нам предстоит не только пересмотр всей нашей идеологии, но и колоссальная работа по пересмотру всей нашей литературы“. Этот пересмотр одни хотели начать с шестидесятых годов, а другие даже с Гоголя, ибо с „Гоголя и началось высмеивание России“. А поэтому „как бы не пришлось нам немножко потревожить многие из поставленных нами памятников; например, тому же Гоголю на Арбатской площади“. А далее мечутся громы в Островского, „который живописал купца-зверя“, в Салтыкова, который „специализировался на высмеивании чиновничества“. Щедрин осмеивал чиновников, а Наживину „старые чиновники стали казаться буквально светлым сонмом каких-то мудрецов“.

А вот вторая интересная сценка, происходившая в редакции тех же „Русских Ведомостей“.

Наживин громко сказал что-то. Тогда Белорусов, бывший революционер, бывший народоволец, вдруг яростно прошептал:

— Да тише же вы! Разве вы не видите, что тут жиды?

Это поразило даже Наживина. „И это было в редакции „Русских Ведомостей“! Куда же это мы поехали?“ изумленно замечает он.

Мы видели, что Наживин тосковал о городовом. Так же тосковал он и по жандармам. „В Ростове,—пишет он,—каюсь, не без удовольствия я увидел первых жандармов, вежливых и исполнительных как в старину“.

Наживин тоскует и по казненной бывшей царице. „За что освистывали всякие негодяи эту больную и страдающую женщину, — пишет он.—За что кидали в нее грязью люди с репутацией явно позорной“, и т. д. и т. п.

Наживину хотелось бы вернуть и городового, и жандармов, и царя, и старых чиновников. А потому на выборах он голосует... за меньшевиков. И в то же время он чуть не объясняется в любви Н. Н. Львову, председателю союза земельных собственников, и передает ему для издания свою брошюру. „Наша беседа с Н. Н. Львовым,—пишет он,—то-и-дело прерывалась тем, что мы вставали, долго с улыбкой трясли друг другу руки и потом опять садились и снова продолжали беседу“.

Классовый инстинкт собственника помогает Наживину быстро и верно разглядеть классовую сущность партий: работая с крупными помещиками (союза земельных собственников), он голосует за меньшевиков. Когда ему предлагают стать кандидатом в учредилку от эн-эсов (народных социалистов), он отвечает:

„Будем откровенны: мне думается, что вы называете себя народными социалистами только потому, что у вас нет мужества откровенно назваться кадетами“. И тут же прибавляет: „Я ваше предложение пообдумаю“.

Относительно аграрного вопроса Наживин думал, что помещичьи земли надо было передать крестьянам, но, конечно, обязательно за выкуп, „ибо за время войны они припрятали в землю миллиарды, и нельзя было не извлечь этих денег из их мошны“.

Естественно, что Н. Н. Львов так горячо дал руку Наживину. Его книжка была издана союзом земельных собственников в 100 тысячах экземпляров.

Наживин был толстовцем и отвергал поэтому всю обрядность православия. Но, чтобы спастись от революции, он готов отречься от всего, готов принять снова и проповедывать православие со всей его обрядностью. „Без Бога жить трудно“, говорит он. Он советует

интеллигенции, чтобы укрепить в себе веру, „спокойно, любовно, вдумчиво, изучить строка за строкой содержание церкви, ее внешние формы, ее историческую жизнь, а если затем что-нибудь будет отвергнуто, то попытаться отжившее, негодное заменить новым, лучшим, например, написать свою обедню, свою вечерню, свою всенощную". Трудность работы, повидимому, заключается в том, что писать нужно на церковно-славянском языке и так, чтобы ничего понять было нельзя „Многие мудрецы,—пишет Наживин,—хотели бы заменить этот язык русским, как более понятным народу, совершенно забывая, что понимать тут решительно нечего: на каком языке ни совершай богослужения, оно все равно будет таинством, тайной, в которой нечего понимать, нельзя понимать. И эту вот ненужность понимания очень нужно всем помнить". Про себя Наживин говорит, что он пробовал сочинять свои обедни, вечерни и всенощные „и пробовал серьезно в очень тяжелые минуты жизни".

Человек, дошедший до такого градуса черносотенства, не мог, конечно, ужиться в советской России. Он бежал к Деникину. Работал у Деникина. Но, по его собственным признаниям, из этой работы ничего не выходило.

„Не более толку получалось и из моих выступлений среди народа,—пишет он.—Особенно запомнилась мне почему-то моя речь к гарнизону Геленджика после парада во время какого-то добровольческого праздника. Я говорил солдатам о нашей России, о долге нашем перед ней, перед нашими детьми, о законности, о порядке, говорил понятно, говорил с огоньком, говорил и смотрел на ряды этих тупых, совершенно равнодушных лиц. Публика аплодировала, а они, серые, тупо смотрели перед собой, ко всему равнодушные".

Наживин ненавидит революцию смертельной ненавистью и с восторгом приветствовал тех, кто вступил в борьбу с нею. Он восхваляет, как блестящие подвиги, те случаи, когда белогвардейцы зверски избивали сотнями безоружных (например, расправа в Лежанке), но и он при всем своем черносотенстве не может скрыть истинных черт того сброда, который собрался под знаменами Деникина. Приведу несколько отрывков из книжки Наживина:

„Вот известные „патриоты своего отечества", братья-миллионеры Р., попались в какой-то огромной и весьма грязной афере с поставками. Вот в нашем тихом Геленджике появился откуда-то молодой человек самого последнего фасона. Он был раньше эс-эром и членом совета рабочих и солдатских депутатов в Т., потом министром в самостийном кубанском правительстве, а когда самостийность пошла явно на убыль, он хорошо пристроился к Особому Совещанию и нашил трехцветный угол на рукав. Здесь, возбуждая всеобщую зависть и удивление, он скупает земли на сотни тысяч рублей, нисколько не смущаясь, на глазах у всех. Вот на глазах у всех развратничает и пьянствует генерал Добророльский, назначенный к ним главноначальствующим по борьбе с „зелеными"... А посмотрите на переполненные кафе на бойких улицах городов. Прекрасные дамы в сногсшибательных туалетах—ничем не проймешь этих бесстыжих—и полковники генерального штаба, и черномазые восточные человеки, и шустрые евреи, и совсем зеленые молодые люди, несомненно, призывного возраста,—и чиновники, и бывшие помещики спекулируют на дамских чулках, на валюте, на спичках, на пуговицах, на хинине, на всем, что угодно, жадно, лихорадочно, отвратительно... И тут же за столиками сидят больные и раненые офицеры, изможденные, часто грязные, оборванные, часто в не раз простреленных шинелях, часто с пятнами

высохшей крови на них, и пьют холодный поддельный чай с противным привкусом сахарина. Так как ни квартир ни комнат нет, то ютятся они на подоконниках у знакомых, в передних, во вшивых тифозных общежитиях" (286—287).

„Страшный, невероятный, моральный развал царил в это время не только в администрации, но и среди интеллигенции... Сколько молодых, сильных людей слоняется по тылам. Сколько людей порядочных, культурных, погрязло в самой бесстыжей, наглой спекуляции. И видя это, снова глухо ворчит народ".

Хулиганство этого сброда доходило до того, что даже такой крайний монархист и черносотенец, как Наживин, признается:

„При взгляде на эти сонмища негодяев, на этих разодетых барынь в бриллиантах, на этих вылощенных тыловых молодчиков, я думал, я чувствовал только одно, я молился: Господи, пошли сюда большевиков хоть на неделю, чтобы хотя среди ужасов чрезвычайки эти животные поняли, наконец, что они делали, что они сделали с людьми. И я верю, что чаша гнева не минует их,— без этой веры невозможно жить".

Не лучше держали себя и союзники. „Часто союзники держали себя у нас, как в завоеванной стране, позволяли себе крайне дерзкие выходки по отношению к русским вообще и к офицерам в частности, что окончательно добивало остатки старых симпатий". „На союзников,—говорит Наживин в другом месте,—у нас смотрели, уже как на врагов. Союзники, действительно, разъезжают здесь только на автомобилях, пьют шампанское"...

Поведение Милюкова Наживин называет „растерянностью, политической неопрятностью, шарлатанством, жалким карьеризмом". Бурцев произвел на него впечатление „человека тупого".

Насмотревшись на эти картины белогвардейщины и на ее вождей, Наживин начинает терять веру и надежду на победу контр-революции. Мы видели, как он хотел восстановить патриархальное православие со всей его обрядностью, со всеми его нелепостями, с его обеднями и вечернями, в которых ничего нельзя понять. Но он видит и признает, что это воскресенье православия „может совершиться только чудом". В нем „тяжело поднимались иногда ядовитые сомнения: а может быть, тщетны эти попытки оживить и удержать умирающее православие? Ведь стоят же на наших глазах опустевшие египетские или греческие храмы... И как за смертью тех богов не последовало решительно ничего страшного, так не будет ничего страшного и за смертью наших богов".

Наживину приходит в голову мысль, что, пожалуй, гибнет вся старая русская дворянско-буржуазная культура и не только русская, а и европейская. „А что если мы и в самом деле умираем,—пишет он,—сходим в Вечность, и через некоторое время развалины наших храмов будут посещаться туристами новых стран, которые еще не родились, и над Василием Блаженным или Московским Кремлем они будут мечтательно грустить о бренности всего земного?.. Может быть, умирает даже вся Европа. Ведь не даром же, в самом деле, все чаще и чаще слышатся там голоса о возможной гибели всей нашей цивилизации со всеми ее богами, упованиями, храмами, библиотеками, форумами и проч.".

Вот мысли, вот настроение, с которым Наживин бежал из России после поражения Деникина. „Первый этап был кончен,—мы были на пороге Европы, Европы новой, взбаламученной, незнакомой... Что-то ждет нас в ней?"... Этими словами Наживин оканчивает свою книгу.

Как кулак-собственник Наживин глубоко ненавидит пролетарскую революцию. Он энергично боролся с ней. Но эта ненависть и борьба не прошли для него даром. Он заплатил за них жестокой, дорогой ценой. Он превратился в монархиста-черносотенника, поклонника городовых и жандармов. Он ставит под знаком вопроса всю русскую литературу, он впадает в нелепейшую форму мистицизма, он становится поклонником обрядности православия и в то же время теряет веру в возможность торжества этого православия, он теряет веру в прочность всей буржуазной культуры. Судьба Наживина типична. Это судьба многих русских интеллигентов, разорвавших с революционным народом и крепко привязавших свою утлую ладью к корме гибнущего буржуазного корабля.

Очень многие бывшие русские демократы произвели переоценку всего своего прежнего миросозерцания и мечтают теперь не о свободе, а о возвращении к временам самой темной реакции. Вот, например, о каких порядках мечтал Ольденбург на так называемом „национальном съезде", который состоялся весной 1921 года в Париже:

„Русское общество,—говорил он в своем докладе,—не должно рассчитывать на свободу, когда Россия восстановится. Еще, может быть, будет дана та доза свободы, которая была при Александре III, но речи не может быть о свободе, которой оно пользовалось в довоенное время".

Но и самодержавие Александра III не удовлетворяет русских белогвардейцев. Чем яснее обнаруживается их поражение, чем безнадежнее их положение, тем реакционнее становятся их мечтания. От Александра III они переходят к Павлу I. Они начинают преклоняться перед тенью этого мрачного деспота-самодура. Вот „акафист" Павлу I, составленный русскими белогвардейцами этому безумному деспоту:

> Погрязших в безумстве, в распутстве великом
> На путь ты наставил,
> Но был краток твой час.
> Владыка жестокий к жестоким владыкам,
> Замученный Павел,
> Моли бога о нас!
>
> Мы снова познали павшее время,
> И снова пороки
> Ополчились на нас.
> Подъявший господнего молота бремя,
> Владыка жестокий,
> Моли бога о нас!
>
> Престол омраченный и тяжкое имя
> Ты детям оставил
> И себя ты не спас.
> А ныне, ликуя со всеми святыми,
> Замученный Павел,
> Моли бога о нас!

Эпоха Александра III, это было время попыток реставрации крепостного права, когда земский начальник ежовой рукавицей пригибал к земле крестьянина, начавшего поднимать голову. Эпоха Павла I это было время самого дикого крепостного права. Эпохи Александра III и Павла I, это было время диктатуры помещика над крестьянством, которая находила свое классическое воплощение в порке мужика. Об этой порке мечтают и теперь белогвардейцы. Вот, например, известная поэтесса Тэффи пишет стихотворение „Ностальгия" (тоска по родине). Она тоскует „по нашей русской березе", о русском мужике, о Москве,

о Кремле, о Лобном месте и кончает свое стихотворение следующими строками:

Нужна мне и береза и тверской мужик
И мечтаю я о Лобном месте —
И всего этого хочу я вместе.
Нужно, чтобы утолить мою тоску,
Этому самому мужику
На этом самом Лобном месте
Да этой самой березой
Всыпать, не жалея доброй дозы,
Порцию этак штук в двести.
Вот. Хочу всего вместе!

Вот, во что превратилось народолюбие русского интеллигента.

Памяти В. Г. Короленко.

П. С. Коган,

I.

Короленко был врагом революции. Она была его другом.

Он обличал царское правительство. Оно ответило ему ссылкой. Он писал против революции. Она окружила его величайшим уважением.

Когда он умер, революция благоговейно остановилась у гроба его, как некогда первый римский Цезарь остановился над телом последнего республиканца:

Торжественно его мы похороним,
Достойно добродетели его.

Есть враги по недоразумению. Толстой с равной силой восставал против старого правительства и против революции. Но первое ненавидело его, а вторая создает музей его имени и каждый год торжественно чествует память своего величайшего противника.

Короленко до конца дней своих верил, что он „просто" защитник правды. Подобно Яшке, стучал он всю жизнь, напоминая о „правзаконе", и по временам вздрагивали и нервно оглядывались тюремщики. Но потом опомнились и связали Яшку.

Короленко не хотел крови и насилия. Хотел к свободе и счастью притти без ненависти. Он исчерпал все средства на этом пути и доказал его несостоятельность.

Обличая революцию, он оправдал ее. Именно он подготовил величайшее собрание документов в обоснование ее методов. Если бы не было Короленко, еще можно было бы говорить о мирных средствах разрешения трагических социальных противоречий нашего времени. После Короленка нельзя.

Если вам кажется, что революция жестока, что террору нет оправдания, что никакое грядущее счастье не может искупить слез и страданий современности,—прочтите Короленко-публициста.

Публицистическая деятельность его—это воплощенная либеральная эра общественного миросозерцания, вершина гуманизма, последняя вера в силу искреннего слова, в добрые начала, живущие во всякой человеческой душе. Это—рабочие, явившиеся 9 января искать правды у царя законными путями. Короленко—это сама лойяльность. И подобно тому, как царские наемники расстреляли веру пролетариата, так палачи старого режима оплевали веру Короленко, надругались над

его чувством законности и поступили с ним так, как тюремщики с беспокойным Яшкой.

Мне всегда казалось, что публицистические статьи Короленко—самый убедительный ответ всем, осуждающим революционную жестокость. Как бы ни была велика христианская кротость отдельного человека, но когда перед вами, с такой гениальной простотой, как это умел делать Короленко-публицист, раскрыта вся глубина морального падения старого режима, когда не остался неосвещенным ни один из устоев, поддерживавших прогнившее до основания здание, когда деспотизм и его приспешники вовлекли в круг своих интересов не только физическую силу, но и оружие человеческого знания, и цинично распоясались перед всем миром,—тогда самое незлобное сердце начинает стучать ударами бешеной ненависти, самый кроткий человек готов кусаться и душить своего палача в неукротимой ярости, тогда наивнейший и гуманнейший мечтатель начинает понимать, что ответом на эту неслыханную систему глумления над народом мог быть только потрясающий взрыв бури, еще не улегшейся и в наши дни, тогда не кажется слишком жестокой ненависть народа, в истреблении деспотов находившего выход своей, так долго скованной, бессильной злобе, проглоченным слезам и затаенным обидам.

II.

Если бы Короленко призывал к возмущению, он никогда не вызывал бы такого чувства возмущения, какое возбуждают его лойяльные и деловые обличительные статьи.

Это случилось в 1911 году. Весь цивилизованный мир был взволнован темными слухами о том, что происходило в псковской каторжной тюрьме.

А произошло вот что:

В камеру для политических начальник тюрьмы поместил одного провокатора и одного душевно-больного с целью вызвать эксцессы. Цель была достигнута, и восемь человек были перепороты розгами.

Далее заключенного Иванова выпороли за то, что „он не смотрел в глаза своему начальству“, а потом в одиночке он был избит надзирателями, при чем один из них держал за ноги, другой давил горло, а третий бил шашкой, пока вся постель не была залита кровью.

Всего 130 заключенным было дано 5.625 ударов розгами.

Пять тысяч шестьсот двадцать пять!

Сто пять человек объявили голодовку, начальство приказало выпороть трех „зачинщиков“.

И т. д., и т. д.

Короленко по поводу этого выступил со статьей („Истязательская оргия“), в которой передавал подробности мрачных событий, разыгравшихся в некоторых казематах.

После этого в „России“ появилась статья („Прокламационная литература“), в которой Короленко обвинялся в попытке „отстоять революционные задачи“, в буквальном воспроизведении „революционной прокламации“, озаглавленной „ко всем социалистическим партиям в России и за границей от политических арестантов псковского централа“.

Короленко счел своим долгом оправдаться. Он заявил, что не преследовал революционных задач, не воспроизводил прокламации, заимствовал свои сведения из легальных газет и даже из национали-

стической „Правды“. С необыкновенным диалектическим остроумием он доказывал, что революцию сеет не он, а люди, действующие методами „России“: именно они поселяют убеждение, что существующий строй и жестокости в тюрьмах неразлучны, что только при господстве революции можно рассчитывать на справедливость. Короленко всеми средствами старается снять с себя подозрение в том, что он причастен к революции.

Но может быть в те времена это вызывалось необходимостью, тогдашними цензурными условиями? Может быть только таким эзоповским языком можно было организовывать сознание эксплоатируемых в революционном направлении.

Внимательное отношение к публицистическим статьям Короленко свидетельствует о том, что он всегда искренно стремится предотвратить конфликт и насилие. Он всегда старается стать между революцией, с одной стороны, и беззаконием, с другой. Так объясняет свое участие в знаменитой филоновской истории. Филонов даже по тем временам оказался слишком уже неприемлемым истязателем. Короленко написал по поводу его подвигов открытое письмо, а спустя некоторое время Филонов был убит революционером. Обличителя обвиняли в подстрекательстве.

Он ответил: „Если был среди этого ужаса голос, напоминавший о законе, равном для мужика и чиновника, указывавший, хотя и без успеха, единственный законный выход; если был человек, пытавшийся встать между револьвером террориста и безнаказанностью вопиющего беззакония,—то это был только мой голос, и это был только я, столь усердно оклеветываемый вами, господа официозные писатели“.

III.

Да, Короленко не хотел революции, и даже после роковых событий 9-го января он говорит о законности и законных путях. „Море людей“ двигалось к царю, шли женщины и дети, впереди несли иконы и хоругви. А когда сотни трупов, расстрелянных царскими палачами, усеяли петербургские улицы, „правительственное сообщение“ оповещало весь мир о „преступной агитации злоумышленных лиц“, о „разграблении лавок“ и о том, что „общее количество потерпевших от выстрелов, по сведениям, доставленным больницами и приемными покоями, к 8-ми час. вечера, составляет убитых 76 человек, в том числе околоточный надзиратель, раненых 233 человека, в том числе тяжело ранен помощник пристава и легко ранены рядовой жандармского дивизиона и городовой“.

Самая упорная вера должна была дрогнуть при зрелище подобного наглого цинизма. Есть люди, с которыми разговаривать—значит изображать из себя Дон-Кихота. Когда вам лгут в глаза беззастенчиво, когда вы видите перед собой профессионального мошенника, издевательски обвиняющего в краже им же обворованного человека, тогда не убеждают, не проповедуют. Хладнокровнейший человек теряет самообладание и не помня себя бьет по лицу негодяя.

Что же делает Короленко? Он продолжает разговаривать с мошенником в таком тоне, как будто перед ним находится человек, способный слушать голос правды и только по недомыслию совершающий свои злодеяния. „Трагедия нашей жизни за последние десятилетия,—говорит он,—состоит в бессилии всех попыток разорвать волшебный круг бюрократической реакции“.

Эти неудачи, однако, повидимому, все еще недостаточны, чтобы убедить его в бесплодности повторения попыток, опровергнутых опытом десятилетий. Он все еще обращается к благоразумию угнетателей, а не к самодеятельности угнетенных. Мы, говорит он, „все время встречаем боязнь перед развивающимся сознанием народных масс, перед естественным стремлением их к организации для правомерного отстаивания своих интересов". Он убеждает кого-то, что „это растущее сознание является лучшим залогом общественного развития, если отнестись к нему правдиво и искренно".

Точно не ведал Короленко, что самое слово „общественное развитие" приводило в ужас людей, поставивших себе целью всяческое „умножение умственных плотин", что глашатаем правящих кругов был князь Мещерский, упорно твердивший о гибельных последствиях грамотности и какого бы то ни было развития, что ни о каком „правомерном отстаивании" не могло быть и речи там, где даже суды служили слепым орудием в руках деспотической власти.

И тем более изумительна эта не колеблющаяся его вера в силу убеждения, что он прекрасно понимал политику власти: „Наша жизнь стала похожа на гигантский котел, в котором закипает сдавленная живая сила, требующая законного исхода. Но именно законного то исхода и нет: лишь только мы пытаемся открыть предохранительный клапан, как резкий шум пара пугает наших машинистов, они торопятся опять закрыть и даже замазать все щели. . И когда после этого наступает тишина, лишь изредка нарушаемая глухими внутренними толчками, то это принимается за признаки безопасности"...

IV.

Короленко, однако, продолжал искать этого „законного исхода" всю жизнь, несмотря на то, что российская действительность ежеминутно напоминала ему о бесплодности таких поисков.

В истории публицистики трудно указать что нибудь более сильное, чем статьи Короленко против национального и религиозного изуверства. Мултанское дело дело Бейлиса, еврейские погромы—поистине публицистические подвиги знаменитого писателя.

Короленко изучает антисемитизм и религиозную нетерпимость, как искусный мастер своего дела он заставляет выступать наружу все их пружины и, по его собственному выражению, это движение становится понятно как механизм разобранных часов. Он восстановляет картину погрома шаг за шагом, делает это спокойно и точно, после добросовестного и внимательного изучения И городовой „бляха № 148", загадочный и бездействующий, и губернатор, ждавший какого-то „приказа", и евреи, доверчиво последовавшие совету городового: „Эй, жиды, прячтесь по домам и сидите тихо", и убийцы после этого легко настигнувшие свои жертвы, и кровяное пятно на том месте, где докончили убийцы стекольщика Гринщпуна, и христианский мальчик, хвастающийся тем, что он гирей выбил последний глаз кривому Мейеру и, наконец, веселый кишиневский интеллигент, пустивший крылатое выражение что евреи метались „как мыши в ловушке", а главное, прекращение погрома и быстрое водворение спокойствия „без выстрела" по получении „приказа", которого так долго ждали избиваемые,—все это описано так мастерски все эти события сплетены между собою бесчисленными нитями, концы которых все сходятся к одному источнику.

После этого исследования, столь же добросовестного, как и художественно проникновенного, могут ли оставаться сомнения, что та же рука, которая направляла ружья солдат в грудь пролетариата 9 января, рука, которая толкала руку, опускавшую свистящие розги на спины политических заключенных, что эта же рука покрывала темных урядников, истязавших невинного крестьянина („В успокоенной деревне"), награждала орденами и чинами советника губернского правления Филонова и замедляла отправку „приказа" на день-два, чтобы городская темнота могла грабить еврейские дома и убить стекольщика Гриншпуна, вбивать гвозди в головы старых евреев и насиловать их дочерей.

Да, „лойяльные" статьи Короленко не оставляют сомнения на счет истинного виновника этих злодеяний, опозоривших Россию, обагрявших ее землю кровью в течение веков, злодеяний, о которых и теперь еще трудно вспомнить без содрогания.

И эти явления не могли убить примиряющих христианских чувств в душе неисправимого идеалиста. Вот как толкует он душу человеческую. Красивый, богатый, вращавшийся в „лучшем обществе", молодой нотариус Писаржевский застрелился в саду на скамье, написав на ней: „здесь умер нотариус Писаржевский".

В городе знали, что Писаржевский, любитель „впечатлений", принимал лично участие в погроме, что он был наследственным алкоголиком, и его угнетала перспектива суда.

„Все ли это?—задается вопросом Короленко:—Теперь факт уже совершился, печальная расплата закончена... Мне кажется, я не унижу памяти несчастного человека, если предположу, что в том счете, итог которого сам он вывел на скамейке, могли участвовать еще некоторые цифры. Что на заре его последнего дня перед ним встало также сознание того, что сделал он, интеллигентный человек, - по отношению к евреям, которых убивали христиане, и по отношению к христианам, которые убивали евреев".

Были ли эти строки плодом наивной веры в добрые чувства даже веселого нотариуса из „лучшего общества", искавшего новых впечатлений в истреблении евреев, или автором руководило распространенное среди некоторых криминалистов убеждение, что предположить добро в преступнике это значит отчасти наделить его жаждой добра,—трудно сказать.

А вот о „христианском" мальчике, который гирей выбил последний глаз кривому Мейеру:

„Он скорее является „жертвой". Что же, может быть, это и правда. Войти в жизнь с таким делом на совести... Какой ужас, если христианский мальчик поймет, что он сделал. Если же он не поймет, то он, действительно, жертва, еще более несчастная".

V.

Итак, Короленко учил любви и примирению.

Могли ли угнетенные классы внять этой проповеди?

Что значили его христианские выводы перед покоряющей логикой его обличений?

Он советовал итти законными путями и сам показал, что для лиц, назначенных блюсти законы, они давно уже стали орудием низких целей.

Он рекомендовал воздействовать на совесть тех, кого годы безответственной власти развратили и лишили всякой совести.

Он напоминал об опасности, предостерегал тех, кто был опьянен своей безнаказанностью и в этом опьянении не умел больше ни соображать, ни рассчитывать.

Он пытался прибегать к логике в своей распре с людьми, которые кичились своим презрением к здравому разуму.

Так некогда Руссо в „Новой Элоизе" пропел пламенные дифирамбы свободному чувству, а потом пытался возвысить принцип устарелого брачного долга. Увы, общество поверило первой части и не вняло второй. Оно ликовало, когда читало в „Общественном договоре" о священном праве народа расправиться с изменником монархом, и мог ли женевский революционер затушить пожар, им же зажженный, когда что-то говорил потом о повиновении законным властям?

Короленко сыграл эту же роль. Революционное действие его публицистики не может быть ослаблено его идеализмом, его христианской проповедью

„Россия" была права. В редакции реакционной газеты было больше понимания истинного значения Короленко, чем в нем самом. Это он убивал Филоновых, это он воспроизводил „революционные" прокламации. И ему незачем оправдываться в этих преступлениях. Революция может возвести его на пьедестал в качестве своего сообщника, и он ничего не потеряет от такого соседства.

Он не хотел быть с революцией. Но он был с ней заодно. У царских наемчиков был хороший нюх. И „Россия" знала, куда поместить Короленко.

Есть древнее предание о поэте-воине, который бросил меч для лиры. Новое время знает измены другого порядка. Оно знает блестящую плеяду поэтов, бросивших лиру для меча. Гейне покинул свой романтический мир при первых громах июльской революции, стал публицистом и бросился в борьбу за освобождение человечества. Байрон покинул своих одалисок и волшебные мечты для того; чтобы посвятить свои силы делу освобождения греческого народа. Певец „Сарданапала" произносил речи в защиту рабочих и рассылал послания народам о страданиях греков. Диккенс оставляет романы и издает политическую газету. Толстой отрекается от своих гениальнейших художественных созданий и пишет „Не могу молчать".

Что̀ такое поэзия? Это песнь о свободном творящем человеке. Накануне решительного поединка, завершающего борьбу между двумя мирами, не наше ли время ворвалось в эгоистический покой поэтов, и самые чуткие поняли, что не было никогда и не может быть гармонической творческой личности до разрешения социальной проблемы.

И Короленко был среди этих чутких. Последние годы своей жизни он не писал художественных рассказов к огорчению эстетов. Но русское общество ничего не потеряло от того, что вместо них появилось его „Бытовое явление".

Много прекрасных книг написано в доказательство неизбежности того, что происходит сейчас. Но среди них мало книг, могущих стать рядом с собранием публицистических статей Короленко. Если он не хотел занять предназначенной ему позиции, то история оказалась более логичной и дала ему место более почетное, чем желал он сам.

Символист Блок [1]).

Сергей Бобров.

У Блока в „Нечаянной Радости" (вторая книга стихов, 1907) есть одно стихотворение, которое, верно, долго останется в памяти его читателей, независимо от того, как они относятся к нему.—пожалуй, трудно быть врагом этого стихотворения: белые стихи, „хореический" двудольник: „Ты проходишь без улыбки, опустившая ресницы, и во мраке, над собором золотятся купола"... Заглавие гейневского „Романцеро", размер гейневский,—да много Гейне здесь, а все ж, это Блок самый настоящий:

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.
Я стою в тени портала,
Там, где резкий дует ветер,
Застилающий слезами
Напряженные глаза.

И согласитесь что читателю все это было видеть странно,—тогда в 1907,—после того, как специальный отдел книги, „Детское", демонстрировал ему тяжелую смесь подделок под детский способ выражаться, настолько нелепо раздельных и в своем роде мрачных, что Белый в рецензии переспросил—детское, а не идиотское? У Блока был материал для творчества такого рода, но он им не хотел воспользоваться. Этот материал проскальзывал и ранее („Ты у камина, склонив седины.."—в „Стихах о Прекрасной Даме"), далее с большой неронностью он вырос в итальянский пейзаж в „Ночных часах". Отдаленный намек на очевидность раскалывал для автора тему она дробилась: эти осколки Блок подбирал коллекционировал и разрисовывал: вот осколочек смущенья вот кусочек отчаянья, вот крошка любви И из каждого кусочка выходил стишок, стишки в книжке подбирались по „отделам" (по настроениям), получалось: ряд взятых из существования деталей, собранных воедино. Дюжинка смущений обработанных по экспрессионистическому методу, производила впечатление глубочайшей безотрадности. Читатель не находил человека в книжке а получал „отделы", разъятых будто бы художественным опытом членов, собранных тут-то и тут-то по отдельным превалирующим признакам. Мгновение останавливалось чуть ли не по Гетевски: за остановкой оно умирало, оставался мертвый костяк происшествия, схема не хуже другой, за всем

---

[1]) От редакции. Помещая статью С. Боброва о Блоке, редакция оставляет за собой право иного подхода и иной оценки творчества Блока.

этим шел двойной частокол символистических мироприятий и обязательных для художника-символиста в данной неразрешимости антиномий. Автор говорил: „Странный мир, он для сердца тесен"—возражений не имеется теснота данного мироощущения непередаваема. Блок—поэт, с этим трудно спорить, но он вымер в этих частоколах, вымер начисто и много раньше, чем о том заговорил некролог. Знаменитые „Двенадцать" фактически писаны покойником, только до конца опустошенное сердце в ответ на такие страсти человеческие могло соорудить эту стилизованную под мещанские романсики Глинки и современные частушки безделушку, отлакированную с таким тщанием, что так до сих пор и не разобрать: о чем говорит автор?.. А если не о чем, то этому произведению может быть обеспечено в лучшем случае равнодушие. Пулемет представляет собой машину с совершенно ясными для любого целями. Блок его выкрасил в гриделерлевый цвет, навязал бантиков:—какая хорошенькая штучка! чорт возьми, да это пулемет... Он валяется на столике в где-то зажившемся будуаре, анемичные цыплячьи линийки Анненкова вертятся по нему „как какие-то спинозы" (у Лескова), на улице идет грохот мелких дробных выстрелов: пулемет на улице, пулемет в будуаре... увы, автор сих строк не мистик: какая тема пропадает!

* * *

Писателей в это время не было. Был Баранцевич, Станюкович, а стихи были сданы с подряда Надсону и Фофанову. Был где-то Случевский, но по собственному признанию был он „в уголке". Там он и оставался, его никто не замечал, и он никому не мешал. Началась декадентщина: Гиппиус плакалась в „Северном Вестнике" об Уайльде, Добролюбов окленвал комнатку черной бумагой, Брюсов в Москве выпускал „Русских символистов". От них пошел адский хохот Вл. Соловьева,—он умел смеяться, закинув огромную черную бороду. Сам про себя как-то хихикнул Соловьев: „И когда через селение он задумчив проходил, всех собак в недоумение дивный образ приводил". Псы естественно не выносят Дон-Кихота, привет псам, они знают, что они делают,—но тут не до псов было: завыли, залились и философы Лай стоял изрядный,—успели три издания распродать: дрянных маленьких брошюрок с гаденькими виньетками. Они выступали темно, эти „символисты",—на золотейшую валюту расценивали они собственное удивление перед своей особой и ее поразительно прокоординированными телодвижениями: все это ставилось в заслугу „новому литературному движению". Авторитеты были недовольны, все было как следует, почти как в Европе. В некоторой постепенности оно наладилось и пришло в свой порядок: Врубель, Мамонтов, Дягилев, милейший С. А. Поляков и многие другие соорудили парочку-другую тетдепонов, прикрывавших переправу начинающих.

Произошла дифференциация и распределение по специальностям. Бальмонт получил роль поэта пар экселлянс, Брюсов—мага, отстоялись и два мистика. Белый и Блок. В 1903 г. Блока напечатал „Новый Путь", толстый ежемесячник символистов, это были стихи из его первой книги „о Прекрасной Даме". По правде, это производило тогда очень большое впечатление,—ведь стихов нигде не было, в „Вестнике Иностранной литературы", положим, уже печатали переводы из французских символистов, но что это были за переводы! Под умелой рукой какого-нибудь Льдова Бодлэр робко расцветал под стать мадам Жадовской, а кругом: Фофанов, Фофанов,—да еще хорошо если Фофанов. Тут поблекшие залы замка Прекрасной-Дамы и голубой плащ

ее возлюбленного, да еще какой-то шатающийся от отчаянья незнакомец с бледным лицом, все в очень приятных стихах, в паузных трехдольниках, только что выуженных из немцев и Фета, у которого их не замечали,—ново, оригинально, первый раз в этом городе,—а вкусовое ощущение не оставляет желать лучшего. Скоро вышла и книжка в Кречетовском „Грифе".

В первой книжке этой уже наметился весь будущий Блок. Он наметился в некоторой неясности, но в этом и заключается особая приятность этой книги, слишком эфемерной, чтобы выдержать длительное истолкование. Фет, Соловьев, Метерлинк и какая-то странная женственная слабость остаются на этой книге. Затаенное настроение каких-то ожиданий (по Метерлинку), высоты, намеченные в пустом пространстве, идея особо высоких любовей к обезвещенному женскому существу в самом неясном из романтических миров—и неожиданнейшее возвращение в этот реальнейший мир, где желательно возобновить ту же обстановку, путем простых переименований окружающего. Обе эти темы объединялись арлекинадой, что в дальнейшем дало „Балаганчик" и другие драмы Блока. Соловьева было немало в этих стихах, но Соловьев был слишком „земным" для Блока. Соловьевский хохот у него разложился в иронию к любому из собственных начинаний. Гофман, высмеивавший мир, применял юмор сентиментального характера, Блок в романтику этого рода вкрапил трагическое спустярукавенство достоевщинки. Рядом, бок-о-бок печаталось: тоненькое „заревое" происшествие: „я к людям не выйду навстречу, испугаюсь хулы и похвал..." и тут же сыроватые мраки с отвратительными карликами, кошмарчики препазойливого свойства. В некотором подобии пьяного тумана разыгрывалась арлекинада, слова старательно смешивались с понятиями, несообразица шла удивительная. Два мира, взаимно противоположных, боролись в Блоке, противоречия оных были заострены до крайности, словно между „верхними" и „нижними" в царстве будущего Уэльсовой в „Машины Времени". Тут занавес временно спускается на три года до 1907, когда выйдет в свет „Нечаянная Радость". Художник погребен между двух своих полюсов с самим собой. Он уже получил титул „Певца Прекрасной Дамы", и от него ожидается дальнейшее в том же певучем роде.

Книга своевременно вышла. Белый прочел и написал: „да какая же это „Нечаянная Радость"?—это Отчаянное Горе". В Блоковской мистике затворилось „вдруг" что-то неладное. Чертенятки откровенничали со старушкой—„мы и здесь лобызаем подножия своего полевого Христа", этот же Христос далее очутился на капустном огороде. Правда, справедливость требует указать, что попал Он туда собственно по недоразумению, из-за неожиданно звонкой рифмы (грустный—капустный), прельстившей Блока своим неестественным и бессмысленным противоположением, но, тем не менее,—попал. И вышло что-то ужасно похожее на лешего. Белый уверял—и кажется серьезно,—что эта мистика ему не годится. Примерно то же случилось и с Прекрасной Дамой. Но с ней Блок обошелся совсем зверски. „Исторгни ржавую душу", молил он ее и вслед за тем неожиданно поплыл этот блестящий фантом под окнами кабачка, смонтированного со всею роскошью кабарэ ужасов. Ужасы были скреплены с читателем и российскими узами:—около на пруду (на озере, сказал Блок, но он ошибался) катались дачники и раздавался женский визг. В стакане вина отражался лучший друг стихотворца, рядом торчали засыпающие от скуки эпизодические лакеи, гуляющая публика объяснялась с пространством по-латыни; тут появлялась чудная незнакомка,—это было следующее

воплощение Прекрасной Дамы. Конец стихотворения относит появление призрака к действию таинственной и терпкой жидкости, наполнявшей стаканы кабачка: видение вышло из стадии непостижимого, в нем раскрылось самое интересное: техника постановки—тут „задание" раскрылось:—бред пьяного человека. Тема не хуже другой и не заключающая в себе ничего компрометантного для изобретателя.

Читатель пожимал плечами,—верить не хотел. Где же Прекрасная Дама?—„в кабаках, в переулках", в извивах, отвечает книга. „В ложе темного зала", выходит из „каретной дверцы", и проч., и проч. Так разлагалась романтика. Мир мстил ей самым жестоким образом, он выворачивал стихотворцу самую гангрену гангренистую своих тухлых кишек в отместку за глухоту к нему, к миру. Блок воздвиг на мир романтический жизненный постулат и ряд зафиксированных в романтическом консерве жизнеценностей, содержание которых было слишком эфемерно и возвышенно для того, чтобы подвергаться истолкованию,—фиксация эта раздроблялась. Она раздроблялась уничтожающим построение бытом, на который автор пытался продолжить свое построение. Человек имеет некогда встретить Прекрасную Даму, в ответ на эту посылку из каретной дверцы в очаровательной неуклюжести выползала увернутая в меха Незнакомка,—она блистала в театральной зале, и тут же выяснялось с отвратительной ясностью, что их много, этих незнакомок и что у этих—

...женщин взор был тускл и туп,
И страшен был их взор...
Что пили ночь и забытье...
Им смутно помнились шаги,
Паденй тайный страх..

Но, сомнений нет, это - она, а посему стихотворение заканчивается славословием:

Но душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках—узнавал тебя,
Блистательная ложь.
- Ты—безымянная!—волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь!

Трагедия разыгрывается с того момента, как автор пожелал подчинить быт своим условным директивам. Вся антиномия блоковского героя—называйся он Пьеро или как угодно—исчерпывается обнажением ложного положения автора, изобретателя всей операции. Тут удивляет тот последовательный цинизм, с которым Блок откровенно разорял свою Прекрасную Даму. Роман этой дамы с Блоком—одно из самых несчастных ее приключений. Автор предавал и продавал ее где угодно и как угодно. Разоблаченная женственность оказалась ужасным, аморальным и бесстыжим куском мяса,—кто, спрашивается, в этом виноват? Автор считал, что не он во всяком случае, и мстил миру в самом себе за подделку. Это „навождение" имело огорчительную тенденцию распространяться с замечательной быстротой. Антиномия героя обостряясь, в угрожающей постепенности переносилась и на „не-я". Зараза вне мира и автора якобы существующих миропостулатов—изливается и на самый мир: мир отравлен продуктами разложения этих противоречий: так кончается затея романтизации

мира. Обычное ложное положение, трагическое qui-pro-quo это ужасающий своей простотой вывод затеянной канители: приобщить мир к затаенным субъективным сладостям. Все построение разваливается с легкостью кукольного замка.

Рост поэта в Блоке совпадает с японской войной и 1905 г. Поэт с замечательным чувством самообороны находит подобие выхода из своих, казалось бы, неразрешимых путаниц,—в дикую девку (разных оттенков), куда была усажена мистическая дама Блока, вливается смысл гибнущей от военного разгрома и гражданской войны страны. Так основная тема Блока пополняется совершенно инородными ингредиэнтами,—сложность комплекса ни мало, конечно, не говорит о его органичности и жизнеспособности, но это факт у Блока весьма важный и определивший в дальнейшем ряд конструкций, — до „Двенадцати" включительно. Так место действия привлекается к исполнению роли действующего лица. А обстоятельство места (где? в России?) становится эпитетом (прекрасная). Так автор, превозмогши будто бы ряд своих кошмаров, придвигается к новому „приятию мира". И в „Нечаянной Радости" с одной стороны идет раскрытие этого места действия и романтизация его, обязательная по замыслу, а с другой освобождение от образа Прекрасной Дамы, глянувшей на Блока своим раскрашенным личиком столь свирепо, что никакие Метерлинки не помогли. Образ Дамы раздробляется Блоком до основания. Прекрасных дам много и которая из всех прекрасней—и автор уследить не может. Единый образ романтической любви, в этом единстве только черпающий свое рэзон-д-этр, фактически распыляется до коллективного однообразия женской толпы. Эта многоликость и объединяется блоковским ничем: юродствованием, кривляньем, игрой в дурачка. А разложение быта, роковым образом сопутствующее ее прекрасным шагам, движется далее со странной быстротой. Ангелоподобные тени склеротических любовей гибнут прелестно, — „бесовская прелесть" отвечает мистик (Белый). А путаница с ложным положением превращается в спутанность сознания. Стихи обращаются в подобие глоссолалии. Корни „заумной" губной гармоники—здесь, а не где-либо. Обычно Блок тяжелые и мрачные переживания излагает тяжелым, неразработанным стихом, который производит впечатление полной беспомощности, в „Нечаянной Радости" это особенно выпукло и трудно переносимо. Вопрос о стихе вообще у Блока постепенно упрощается до великой крайности,—нет необходимости, чтобы слова что-нибудь значили, хорошо уже если это звучит приятно. Еще С. Соловьев однажды весьма удачно проследил, как Блок в процессе писания плывет без руля и ветрил по своим простейшим ассоциациям. Дальше же и рекомое место действия попадает в общий котел напастий:—болотная русалочья немочь захватывает округу. И—странное дело—Блок делается поэтом, только отвлекаясь от основной темы и погружаясь в полное бестемье, нахватав себе красивеньких кусочков всех своих развалившихся темочек. Разлад меж изобразительными средствами и изображаемым доходит до апогея: самое столкновение их элементов антиномично до конца.

Далее идет крохотная „Снежная маска", написанная Блоком по некоторым свидетельствам чуть не в два дня. Один из предикатов прекрасной „России" со странным упорством взят за основную тему —„мир оснежен". Оснежен он при помощи самого беззаботного подвешивания эпитета „снежный" к любому слову. Идут: „снежное вино" „снежная вязь", „снежная пена", „снежные места", „снеговая купель" „снежный хмель", „снежные чертоги", „снежные равнины", „белоснеж

ные крылья“, „снежно-синее покрывало“, „снежный прах“, „снежный сон“, „снежный мрак“, „снежный крест“, „снежные мачты“, „снеговой трубач“, „снежный зал“, „лира снежно стонет“, „снежная птица“, „снежный бурьян“, „снежное серебро“, „снежные постели“ и наконец „снежная кровь“, „снежный костер“ и „снежный огонь“. В результате этого маленького романа в двух маленьких частях („Снега“ и „Маски“) иностранка, не знающая по-русски, с тяжелозмейными косами, отражающаяся, как и полагается всем героям, в бокале вина, с „готическими“ ресницами—распинает героя. Неразборчивость поэтского почерка достигает максимума: его полевой Христос (нечто вроде лешего) навеки здесь сливается в Незнакомкой и незнакомками всех сортов уже серьезно—самый вульгарный Ропс не был бы жесточе к этому образу.

Вслед за этим „Лирические драмы“,—тот же Белый назвал их „обломками миров“. Они построены на обнажении того же ложного положения автора и на внедрении довольно беззаботной эротики в черты „снежного“ ландшафта, который воспринимался Блоком в конечном счете исключительно как орнаментационная часть мира. Их зловредный нигилизм промежен тут и там грубыми и нарочито-недоделанными аллегориями, зачастую словарного типа. Так называемое „ложное воспоминание“ играет довольно большую роль в развитии действия.

Снег же дает Блоку и другую книгу „Земля в снегу“. Кажется, в это-то время Блок занимался Пушкиным, это произвело на него некоторое действие и в этой книге можно хоть и не без труда уловить некоторые изменения принятого им курса. Появляется, хотя и эпизодически, байроновский образ Мэри, в котором значительно смягчаются тяжелые черты незнакомок. Однако общее разложение только задерживается, и плоскости его развертываются сравнительно быстро в двух планах: 1) женщина с „нагло-скромным диким взором“ и 2) мещаночка, „гуляющая с красным бантом и лущащая семечки“. Одна из них служит для приятного времяпровождения, другая годится от скуки. С первой связаны восторженно-эротические выкрики и цыганщина упоения, к другой относится раздавленный в куски быт и достоинства.

Уже в этой книге стих Блока достигает высокой отделки и с этой стороны этим стихам стоит удивляться. Плачевно в блоковском стихосложении одно: секрет блокописаний был с невероятной быстротой раскуплен многочисленными фальсификаторами,—а изысканность блоковских форм зачастую удивляла тем, что служила нередко вместилищем или для бессмысленного содержания или для простой аранжировки цыганщины в самом откровенном виде. Тут Блоку подпортил Григорьев, которым он занимался, хотя казалось (по его предисловию к стихам Григорьева), что он относится к его темам вполне сознательно. Впрочем, может быть, это пришло позже. С другой стороны, как уже говорилось, везде стих Блока падает до невозможного минимума, описывая неприятные вещи для автора. Блок был поэтом эмоции, куда несли его ощущения, туда он и шел. Настоящее его в восторженной любовной лирике, в изяществе тонкого описания.

Лучшая книга Блока—несомненно „Ночные Часы“. Многое очень и очень мрачное из перечисленного нами в этой книге выветрилось. Россия предстала автору в более достойном и трагическом аспекте (Куликово поле). Любовная лирика достигает тончайшего развития („То не ели...“). Везде почти удивляют прекрасным стихом и возвышенной фантастикой итальянские стихи. Плачевны филологические

вещи, но и они несколько лучше обычного. Является некоторая успокоенность, серьезность и даже, если хотите, строгость,—конечно все это относительно ранних книг, а не вообще. Вообще-то темы не меняются и лучше всего Блок пишет о лихаче и „диких слабых руках“ своей милой. Это эротическое гутирование может, конечно, нравиться и не всем. Можно, например, требовать от любовного поэта несколько более стыдливого и глубокого отношения к предмету,—но это уже дело вкуса, а предвоенный вкус был воспитан тем же Блоком (с Аверченкой пополам, положим) и с этим не спорил.

За этой книгой идут многочисленные переиздания с многократными исправлениями (не всегда удачными) старых стихов. Затем идет „Соловьиный сад“, неинтересный пустячек, горькая безделушка „Двенадцати“ и „Седое утро“—совершенно мертвая книга. Как критик и публицист, Блок не создал ничего заметного. Он—поэт и только поэт.

Судьба Блока мрачна и трагична. Он несет на себе следы всего пережитого Россией за его время. Выбиться из под общего настроения общества своего времени Блок не мог, да, кажется, и не пробовал. Он остается нам красивым стихотворцем тяжелой и мрачной эпохи, явлением нездоровым, хоть и прельстительным иной раз своей „кроткою улыбкой увяданья“.

Вашингтонская конференция и международное положение.

Мих. Павлович.

Вашингтонская конференция явилась поворотным моментом в истории взаимоотношений между первоклассными капиталистическими державами мира. Она выявила наружу с необычайной яркостью противоречие интересов между многими государствами, почти официально состоящими в союзе, и предопределила сдвиг в сторону новых дипломатических комбинаций, союзов и соглашений. Невозможно понять то, что происходило на конференции в Каннах, последовавшее за ней падение кабинета Бриана, далее образование министерства ярого шовиниста Пуанкаре, наконец, предложение Англией включения в новую Лигу наций Германии и даже Советской России, если забыть то, что происходило в Вашингтоне и вокруг Вашингтона в связи с конференцией.

На Вашингтонской конференции были поставлены два основных вопроса: 1) вопрос о сокращении вооружений; 2) вопрос о Тихом Океане.

Первый вопрос разбился на два вопроса: а) вопрос о крупных военных судах, о перволинейном флоте, т. е. о дредноутах, супердредноутах, крейсерах и т. д., б) вопрос о подводном флоте. Первая часть морской программы—о крупных судах особенно интересовала С. Штаты, вторая часть—о подводном флоте—Европу, в первую голову Англию, Францию и Италию.

Второй вопрос о Дальнем Востоке также разбился на две тесно связанные между собой части: а) расторжение Англо-Японского союза; б) раздел бассейна Тихого Океана.

Посмотрим, как были поставлены и разрешены эти вопросы.

§ 1. Вопрос о крупных боевых судах.

Американский проект о разоружении отнюдь не является первой попыткой такого рода. Первая конференция о разоружении собралась в 1899 г. в Гааге по почину русского царя Николая II, обратившегося ко всем державам с пресловутой нотой о разоружении. 2-я конференция о разоружении собралась в той же Гааге в 1906 г., но уже по почину английского правительства.

Первая мирная конференция подарила миру англо-бурскую, а затем русско японскую войну, 2-я мирная конференция подарила миру итало-турецкую войну за Триполи, первую и вторую балканские войны и, наконец, мировую войну 1914—1918 г.г. Можно не сомневаться в том, что и третья мирная конференция Вашингтонская—является преддверием к новым международным конфликтам и войнам.

Своим проектом о сокращении вооружений правительство С.-Штатов преследует те же цели, какие ставило перед собой царское правительство в 1898 г. и английское в 1906 г.

Тот момент, когда царское правительство обратилось к державам с нотой о прекращении дальнейших усовершенствований военной техники, был единственным моментом в военной истории России, когда вооружение ее армии мало чем уступало вооружению западно-европейских государств.

Царская Россия, благодаря союзу с Францией, уступившей России 500.000 ружей самой последней конструкции, и французским капиталам, с помощью которых царское правительство закупило новые сотни тысяч самых усовершенствованных ружей и громадное количество пушек, обзавелась такой армией, которая по вооружению мало чем уступала любой европейской державе.

Что касается английского проекта о разоружении в 1906 г., то и был выдвинут в тот самый момент, когда английский флот равнялся по водоизмещению соединенным флотам Северной Америки, Франции и Германии и когда последняя еще только начала превращаться в могучую морскую державу. Естественно, что, ввиду начавшегося в тот момент усиления немецкого флота, Англии было выгодно задержать рост военно-морской силы Германии и сохранить за собой тот громадный перевес сил на море, который и делал Великобританию владычицей морей.

Какие же выгоды может извлечь Америка, как военная держава, в результате временного прекращения дальнейших вооружений конкурирующих с ней государств.

Вопрос о сокращении вооружений, вернее, о прекращении дальнейшей постройки крупных боевых судов, как он формулирован в американском проекте, находится в тесной связи с лихорадочно быстрым увеличением тоннажа водоизмещения, боевых судов в течение периода после-мировой войны и несоответствием Панамского канала, на сооружение которого американцы затратили столько усилий в течение целого десятилетия, с намечающимися уже тенденциями в области военного судостроения в смысле сооружения таких гигантских судов, которые превосходят всякие предвидения американцев всего несколько лет назад. Казавшийся только недавно таким гигантским сооружением Панамский канал оказывается уже слишком узким для прохождения через него проектируемых чудовищных боевых судов. Суда в 43.200 тонн с трудом проходят через Панамский канал.

Если не будет предела дальнейшим морским сооружениям и сооружению новых военных судов все большего и большего тоннажа, С. Штатам придется немедленно приступить к новым гигантским работам в Панамском перешейке, чтобы сделать возможным переход новых гигантских боевых судов из Атлантического Океана в Тихий и обратно. О трудности осуществления этих новых планов можно судить по тому, что на окончание начатых в свое время французами работ по прорытию Панамского канала американцам понадобилось целых десять лет (с 1904 по 1914 г.г.), при чем на прорытие канала было израсходовано 373.000.000 долларов и извлечено около 200 миллионов кубических метров (190.000.000) грунта.

Таким образом, очевидно, что С. Штатам выгодно зафиксировать в данный момент морские вооружения, как определенные и устойчивые величины, и прекратить дальнейшее соревнование в этой области, по крайней мере, в течение определенного периода. К осуществлению этой задачи и стремилось пра

вительство С. Штатов своим проектом о морском разоружении, выдвинутом на Вашингтонской конференции.

Подобно пресловутому царскому проекту 1898 г. о разоружении на первой Гаагской конференции и английскому проекту 1906 г. о сокращении морских вооружений на 2-й Гаагской конференции—американский проект 1921 г. преследует ту же цель: задержать вооружение до той поры, пока Америка не найдет для себя удобным приступить к постройке новых гигантских судов. В данный момент, ввиду технических условий Панамского канала, увеличение тоннажа крупных военных судов противоречит интересам С. Штатов.

По вопросу о численном составе перволинейных флотов, Америка добилась того, что была установлена пропорция между перволинейными флотами Америки, Англии и Японии 5:5:3, т.-е. Америке и Англии было предоставлено иметь флоты в 500.000 тонн, а Японии в 300 000 тонн.

Само собой разумеется, что принятие американского проекта сокращения вооружений отнюдь не ослабляет опасности войны. Американский проект не имеет ничего общего с разоружением и устранением войны. В лучшем случае, осуществление американского проекта означало бы, как заметил Бернард Шоу, лишь удешевление войн, а это, конечно, менее всего могло бы содействовать прекращению последних.

§ 2. Вопрос о подводном флоте и обострение англо-французского конфликта.

После того, как вопрос о больших судах был разрешен согласно требованиям С. Штатов, и Англия, таким образом, отказалась от основного принципа своей военно-морской программы, т. е. от „пресловутого" „Two powers Standart", по которому военный флот Англии должен быть равен соединенным силам двух сильнейших в мире флотов, вопрос о сокращении вооружений сосредоточился вокруг подводных лодок и неожиданно принял крайне острый характер. Комиссия по ограничению вооружений предложила ограничить тоннаж подводных лодок 60.000 тонн для С. Штатов и Англии, 22 000 для Италии и 31.000 тонн для Франции и Японии. Англия согласилась с этой пропорцией, тогда как Франция потребовала для себя 90.000 тонн, Япония 54 000 тонн, а Италия не ниже тоннажа Франции

Французское предложение вызвало взрыв негодования во всей английской прессе. Последняя утверждала, что так как Германия, как морская держава, низведена к нулю, очевидно, что морские вооружения Франции целиком направлены против Англии. К этим заявлениям присоединились и официальные представители Англии. Так на заседании морской комиссии Вашингтонской конференции британская делегация заявила, что она рассматривает желание Франции иметь сильный подводный флот как угрозу, направленную исключительно против Великобритании. В подтверждение этой точки зрения председатель британской делегации лорд Ли процитировал следующую фразу из статьи французского капитана Кастекса, напечатанной в официальном органе французского морского министерства: „Благодаря подводным лодкам мы имеем оружие, которое окончательно разрушит морское могущество Британской империи". Подчеркивая тот факт, что Франция обладает сильнейшей сухопутной армией (880 000 человек), значительно превышающую по численности армию, которая необходима Франции для защиты своих новых границ

против Германии, английская печать настаивала на необходимости сокращения морских сил Франции, доказывая, что иначе французский империализм станет угрозой сохранению мира между державами Антанты. Недопустимо, чтобы Франция, имеющая сильную сухопутную армию, имела еще первоклассный подводный флот. Французская аргументация относительно оборонительного характера ее морских вооружений никого в Англии не убедила. Опыт мировой войны разрушил престиж супер-дредноутов, стоющих каждый около 200.000.000 фр., и других крупных судов и подчеркнул значение подводных лодок, как крайне могучего оружия, особенно опасного для стран, зависящих в своем продовольствии и снабжении от привоза из-за моря. Англия, которая может снабжаться своим собственным хлебом только семь недель в году и более чем какая нибудь другая страна зависит в своем продовольствии и снабжении от своей заморской торговли и заморского импорта, жизненно заинтересована в безопасности ее морских сношений как во время мира, так и во время войны.

Неудивительно, что Англия предложила на Вашингтонской конференции совершенно уничтожить подводные лодки. Этот радикальный проект, выдвинутый Великобританией и отвергнутый комиссией по ограничению вооружений, как нельзя ярче подчеркнул все значение подводных лодок, которое только недавно отрицалось самим английским адмиралтейством, и в то же время вскрыл всю остроту англо-французского антагонизма.

Поддерживая правительственную точку зрения в вопросе о подводном флоте, английская пресса доказывала, что французские притязания иметь сильный подводный флот представляют для Великобритании громадную опасность и свидетельствуют о подготовке Франции к войне с Англией; далее, что Франция, имеющая многочисленные морские базы на своих трех побережьях, явится врагом более опасным, чем была Германия. То, что не удалось последней, стремится теперь осуществить Франция своим проектом о сильном подводном флоте, который в состоянии будет совершенно блокировать Англию и уморить последнюю голодом.

В ответ на эти обвинения французская пресса заявляла, что Англия своим требованием сокращения французского подводного флота явно стремится к превращению Франции в один из английских доминионов, и подчеркивала враждебные чувства Англии к Франции. Нужно вернуться к эпохе 1860 1861 1862 г.г. после французских побед над Италией, чтобы найти аналогию тому взрыву недоверия и ненависти к Франции, который теперь вспыхнул в Англии из-за вопроса о подводных лодках,- писал французский адмирал Дегуи в „Эклер".

В эту эпоху,—как пишет Дегуи, - южные берега Англии покрылись батареями, гавани Плимута и Портсмута покрылись блиндированными „морскими фортами", были созваны милиции, призваны волонтеры и даже организованы женские стрелковые батальоны, вооруженные карабинами Винчестера — все это для отражения ожидаемой высадки французских войск в Англии. В течение двух лет Англия оставалась убежденной, будто Франция готовится возобновить попытку высадки в Англии, задуманную Наполеоном I и прерванную благодаря кампании против Австрии в 1805 г. („Эклер", 4 января 1922 г.).

Как доказывают английские военные эксперты Франция, располагая 800 тысячной армией, воздушным флотом в 2 000 аппаратов, при условии усиления ее подводного флота, может в течение нескольких часов вторгнуться в Англию и осуществить план, который не удался Наполеону.

Итак, мы видим, что вопрос о подводных лодках не на шутку обострил англо-французский антагонизм и вызвал воспоминания о той эпохе, когда обе державы не на жизнь, а на смерть боролись друг против друга.

В этой полемике между английскими и французскими органами печати итальянская пресса, отражая настроение правящих кругов своей страны, стала целиком на стороне английской и доказывала, что Франция стремится к утверждению своей диктатуры во всей Европе. Единственным средством борьбы с французскими планами захвата гегемонии над всей Европой — утверждали некоторые итальянские органы прессы—является заключение англо-итальянского союза.

Вашингтонская конференция до сих пор не пришла ни к каким окончательным решениям по вопросу о сокращении морских вооружений. Борьба, разгоревшаяся вокруг этого вопроса, бросила яркий свет на непрочность уз, связывающих вчерашних союзников. Америка, одержавшая победу в вопросе о крупных военных судах, усилила свои позиции и постановкой вопроса о подводных лодках, обострив отношения между Францией и Англией и заставив, таким образом, каждую из этих держав еще более дорожить хорошими отношениями с С. Штатами.

§ 3. Америка и Япония. Роль английских доминионов в расторжении англо-японского союза.

Вслед за вопросом о сокращении вооружений на Вашингтонской конференции встал вопрос дальневосточный,—вопрос о расторжении англо-японского союза и разделе бассейна Тихого Океана.

За время мировой войны японская промышленность и торговля развивались с лихорадочной быстротой на базе завоевания азиатских рынков, которое при данных обстоятельствах не встречало никакого противодействия. В этот период европейские государства были заняты своими домашними делами, европейские фабрики и заводы, не исключая промышленных предприятий нейтральных стран, работали исключительно для нужд войны и таким образом европейский экспорт в Азию сильно уменьшился. Наоборот, увеличился спрос на азиатские товары, и Англия, например, усиленно содействовала во время войны созданию новых фабрик и заводов в Индии для удовлетворения все возраставших потребностей своих армий и флотов в обмундировании, предметах питания (консервы, бисквиты и т. д.), снарядах и т. п. Что касается С. Штатов, промышленность трансатлантической республики была занята первый период войны крайне прибыльным делом доставки съестных припасов, автомобилей, оружия и т. д. обеим воюющим коалициям, а затем с момента активного вмешательства С Штатов в мировую бойню - еще более выгодным делом работы на американскую армию, которая за сравнительно короткий период возросла приблизительно с 200.000 до 3.000 000 солдат и обзавелась невиданным дотоле техническим аппаратом и вооружением, тысячами и тысячами аэропланов, танков, блиндированных автомобилей, десятками тысяч пулеметов и т. п. Таким образом, благодаря тому, что Европа и Америка были по горло заняты европейскими делами, для Японии открылось совершенно свободное поле деятельности в тех областях, к экономическому и политическому завоеванию которых она уже давно стремилась, и японская промышленность и торговля широко воспользовались исключительно благоприятными обстоятельствами, представившимися в данный момент. Китай, Южно-Китайское море, вся область островов Индийского

Океана, а также Индия были во время войны фактически открыты для Японии, и японцы энергично устремились туда для новых экономических завоеваний.

В Сингапуре японцы почти совершенно устранили английскую торговлю. Их ввоз в Индию достиг в 1918—1919 г.г. 22 миллионов ф. стерл. Японский вывоз из Индии, достигавший 30.000 тонн в 1913 г.г., т. е. накануне мировой войны, равнялся 530.000 тонн в 1916—1919 г.г. Японская торговля с Китаем возросла в три раза с 1913 по 1918 г. Но Япония не ограничилась экономическим завоеванием азиатского континента и устремила свою энергию на расширение своей торговли с Мексикой и Южной Америкой, а также с Южной Африкой. Этому расширению японской заморской торговли мощно содействовал быстрый рост японского торгового флота. До русско-японской войны препятствием японскому судостроению является недостаток железной руды. Оккупация Кореи дала возможность японцам овладеть корейскими железными рудниками и развить судостроительную деятельность. За время мировой войны Япония твердо наложила свою руку на китайские железные рудники (в долине Янцзе) и угольные копи Срединной империи, и это дало мощный толчок развитию крупной сталелитейной промышленности в Японии. Японские верфи и судостроительные заводы в состоянии уже отвечать не только всем потребностям быстро растущего торгового флота своей страны, но и принимать заказы на постройку судов для других стран. Так японские верфи взяли на себя недавно сооружение четырех больших пароходов и четырех каботажных судов для Мексики. В 1917 г. в Японии работало над постройкой торговых судов до 340 верфей, а в 1919 г. Япония располагала 2.528 пароходами и 12.236 парусными судами.

Большие успехи во время войны сделала японская машиностроительная (1.180 предприятий в 1920 г.), текстильная и электрическая индустрия.

Однако, с окончанием войны, те исключительно благоприятные условия, в которых находилась за период 1914—1918 г.г. японская промышленность, изменилась в худшую сторону для Японии. Прежде всего возобновила свою торговую деятельность с Китаем Англия, и ее пароходы с громадными грузами товаров снова появились во всех портах Тихого Океана. Но особенно грозная опасность для капиталистической Японии надвигалась в лице С.-Американских С. Штатов.

Уже до мировой войны мы писали о неизбежности перемещения в самом близком будущем центра тяжести американской экономической экспансии из Атлантического Океана и Европы в Тихий Океан. Теперь уже несомненный факт что после войны интерес Америки окончательно передвинулся с Европы на Дальний Восток и Южную Америку. С прекращением войны, обострением промышленного кризиса и безработицы для Америки на первый план стал вопрос о новых рынках для приложения своих капиталов и сбыта своих товаров, а такие рынки находятся теперь в Южной Америке и в районах Тихого и Индийского Океанов.

В процессе мировой войны транс-атлантическая республика овладела промышленной гегемонией на всем земном шаре и превратилась из должника Европы в кредитора последней. К середине 1921 г. общая задолженность иностранных государств С. Штатам достигла сказочной цифры 10.141.000.000 долларов, что составляет около 60 миллиардов золотых франков. Один лишь платеж процентов по этим ссудам настолько тяжел, что даже за Англией числится недоимки в

15 миллионов долларов. С. Штатам приходилось несколько раз отсрочивать уплату процентов, так что сумма долга растет с месяца на месяц.

По отдельным странам сумма эта распределяется следующим образом в миллионах долларов (в круглых цифрах):

Великобритания	4.166
Франция	3.351
Италия	1.648
Бельгия	375
Россия	193
Польша	136
Чехо-Словакия	91
Сербия	51
Румыния	36
Австрия	24
Греция	15
Эстония	13
Финляндия	8
Латвия	5
Литва	5
Венгрия	2

При такой задолженности Европы и промышленной разрухе, царящей здесь, положение в Европе представляется большинству американцев безнадежным. Председатель стального треста, Джемс Фаррель заявил недавно, что будущие американские торговые рынки распределяются следующим образом: прежде всего Азия, затем Южная Америка и, наконец, Европа. О будущем значении Китая в балансе мировой торговли капиталистических стран можно судить по тому, что в 1920 г. иностранная торговля с Китаем составила сумму в 1,303.881.530 долларов. Покупательная стоимость Дальнего Востока сильно увеличилась за последнее время благодаря поднятию цен на серебро, начиная с мировой войны.

Унция на серебро стоила в 1915 г. С. Штатах—51 8 центов, в 1918 г. она стоила 98,4 центов, а в 1919 г—1 доллар $37^1/_2$ центов. В то время как благодаря бесконечным бумажным эмиссиям и все возрастающей задолженности валюта падает во всех европейских странах и даже английский „соверен", когда-то господствовавший суверенно на международных рынках, понижается в своей цене, так что экспорт американских товаров в Европу крайне затрудняется, вывоз в дальне-восточные страны с серебряной валютой представляет ныне для Америки выгоды, которых не было до войны.

Однако в своем стремлении к завоеванию дальне-восточных рынков Америка натолкнулась на грозную конкуренцию Японии. Американские интересы с каждым днем все более и более сталкивались с японскими. Американцы стремились изгнать японцев не только с острова Ява, но также из Сибири, Шандуня, Маньчжурии, Сахалина, Китая. Японо-американский конфликт с каждым днем приобретал все более острый характер, и война между обеими странами начинала уже казаться неминуемой. Накануне Вашингтонской конференции „Нью-Иорк-Геральд" писал: „Если Япония не согласна принять не на словах, а на практике политику открытых дверей, мы будем воевать с ней". „Успех Вашингтонской конференции—это „мир",—заявил лорд Дерби в своей бирмингамской речи.—Неуспех—это несомненная война и притом война в непосредственном будущем".

Перед перспективой будущей войны с Японией Америка не могла, конечно, отнестись равнодушно к факту существования англо-япон-

ского союза. Этот союз был заключен 30 января 1902 г. и был направлен против царской России, стремившейся к утверждению русской гегемонии в водах Тихо-Океанского побережья. Россия, овладевшая Порт-Артуром и Дальним, стремилась к оккупации Кореи и подчинению своему влиянию всего северного Китая. С уничтожением в результате русско-японской войны—русского морского могущества на Дальнем Востоке, захватом Порт Артура, Дальнего, всей Кореи и Маньчжурии Японией, наконец, с подписанием англо-русского соглашения 1907 г. о разделе Персии, англо-японский союз потерял свое значение как орудия, направленного против России. Против какого же врага мог затем оставаться в действии англо-японский союз? Ответ один: против Америки.

Само собой разумеется, что при наличности сохранения англо-японского союза Америка в случае войны с Японией, зажатая между двумя державами и вынужденная, подобно Германии, в мировую войну сражаться на два фронта, очутилась бы в весьма критическом положении. Неудивительно что требование расторжения англо-японского союза явилось краеугольным камнем всей системы американской политики до и во время Вашингтонской конференции.

И Америка добилась от Англии расторжения союза с Японией, добилась сравнительно легко, благодаря двум обстоятельствам: во-первых, тому обстоятельству, что Америка из должника Англии превратилась в кредитора последней и, стало быть, имела могущественное орудие давления на промышленную и финансовую жизнь Великобритании, на ее банки и биржу, на ее правящие классы и само правительство, во-вторых, благодаря крайне обострившимся отношениям между английскими доминионами Канадой, Австралией и Новозеландией, с одной стороны, и союзником Англии-Японии—с другой.

Эти доминионы, которые в мировой войне обнаружили такой высокий „патриотизм“ и сознание своей принадлежности к британской империи и выставили на поле сражения сотни тысяч волонтеров, сражавшихся во Франции, Египте, Галлиполи под британским знаменем, не раз высказывались ясно в последнее время устами своих официальных представителей, влиятельных финансистов, промышленников, наконец, известных публицистов в том смысле, что в японо-американском конфликте все их симпатии на стороне Америки, а не Японии. Австралийская, канадская, ново-зеландская пресса не раз подчеркивала возможность войны английских доминионов совместно с Америкой против Японии и доказывала абсолютную невозможность участия английских доминионов в войне их „матери“ Великобритании совместно с Японией против Америки. Итак, в результате обострения японо-американского антагонизма и перспективы войны между Японией и Англией с одной стороны, Америкой с другой, перед Англией вставала перспектива распада Британской империи. У Англии имеется слишком много хлопот с Египтом, Ирландией и Индией, чтобы возможно было создавать еще новые трения с Канадой, Австралией и Ново-Зеландией.

В вопросе о запрещении японской иммиграции английские доминионы стали на точку зрения американской Калифорнии и не желают отказаться от строжайшего соблюдения законопроектов, запрещающих иммиграцию так называемых „цветных рас“. Само собой разумеется, что если бы в войне с Америкой Япония вышла победительницей, она заставила бы не только С. Штаты, но и английские доминионы отменить запретительные законы об японской иммиграции, находящиеся в

явном противоречии с экономическими интересами Японии и наносящие в то же время удар национальному самолюбию японцев.

Обострение отношений между английскими доминионами и Японией стало развиваться особенно быстро с момента перехода в руки Японии немецких колоний Микронезии, именно Марианских, Каролинских и Маршалковских островов. С точки зрения австралийских и канадских политиков английские доминионы в результате побед Антанты неожиданно очутились в худшем положении, чем были до мировой войны. Япония, благодаря овладению германскими островами и своему продвижению к экватору, подошла слишком близко к Австралии, и неудивительно, что тихо-океанская проблема предстала перед Австралией в зловещем свете, в виде перспективы высадки японских войск на ее территории. Как доказывает австралийский писатель Френсис Ахерн, полинезийские острова представляют для Австралии в стратегическом отношении фактор колоссальной важности и имеют решающее значение для ее национальной безопасности. „Если когда-либо вспыхнет война между Америкой и Японией, - говорит Ахерн, выражая общее настроение австралийского общественного мнения,— и если Австралия в силу какого-либо соглашения с Англией должна будет сражаться на стороне Японии против американского народа, то, зная свой народ, среди которого я провел почти всю мою жизнь и в политической жизни которого я принимал немалое участие, я говорю, что нет такой силы на земле, которая могла бы заставить австралийский народ сражаться за Японию против своих братьев в С. Штатах Америки".

В таком же тоне по отношению к Японии высказывается и канадская пресса.

Итак, понятно, почему Англия оказалась вынужденной отказаться от союза с Японией.

§ 4. Четверное Соглашение. Смысл англо-французского союза. Конференция в Каннах и приглашение в Геную.

Англо-японский союз расторгнут и вместо него в результате Вашингтонской конференции создано Четверное Согласие, в которое вошли: Англия, Америка, Япония и Франция. Прежде всего для характеристики этого Четверного Соглашения, которое приветствовалось американской прессой как кульминационный пункт успеха мирной конференции, следует указать, что новый четверной союз в первую голову обратился к Китаю с предложением сократить свою армию. Эта нота сразу показывает нам, что новая Антанта собирается приступить к переделу Китая. Оправдывается, таким образом, предсказание французской газеты „Тан". которая уже во время мировой войны, когда десять департаментов Франции были еще заняты немецкой армией, откровенно писала, что первой неотложной задачей по окончании нынешней войны явится разрешение китайского вопроса, т.-е. попросту раздел китайского наследства (см. нашу работу „Азия и ее роль в мировой войне", стр. 13, Петербург 1918 г.).

Но нас в данном случае интересует другая сторона вопроса: обеспечивает ли договор о „четверном союзе" сохранение мира между подписавшими этот договор державами? Опыт мировой войны заставляет нас сильно сомневаться в значении союзных договоров и военных конвенций между странами, империалистические интересы кото-

рых сталкиваются между собой. Италия, находившаяся в формальном военном союзе (Тройственный союз) с Австрией и Германией, сражалась на стороне Антанты против своих союзников, Румыния, подписавшая военную конвенцию с Австрией, сражалась против последней, Болгария, подписавшая в 1902 г. военную конвенцию с Россией, сражалась в мировую войну на стороне врагов России и непосредственно с русскими армиями, входившими в состав экспедиционного союзного корпуса в Салониках.

Оценивая значение договора о четверном союзе, глава английской делегации на Вашингтонской конференции, Бальфур, сказал между прочим: „Я счастлив заявить, что С. Штаты и Франция теперь объединены в общем соглашении с Англией и Японией. Ничто не может лучше обеспечить мир и соглашение".

Однако, мы видим, что на другой день после подписания договора о Четверном Соглашении вспыхнул острый англо-французский конфликт, поведший к падению кабинета Бриана. На какой почве вспыхнул этот острый конфликт, напомнивший самые критические моменты в истории англо французских столкновений? На почве вопроса об англо-французском военном союзе, предложенном Ллойд-Джорджем. Какой смысл может иметь при данных условиях англо-французский военный союз? Смысл английского предложения можно понять по аналогии с австро-итальянским союзом накануне мировой войны. Когда однажды на заседании итальянской палаты депутатов раздавались голоса о противоестественности союза с Австрией и необходимости разрыва с ней, противникам союза был дан ответ: „Если мы сегодня разорвем союз с Австрией, завтра будет война, и вся северная Италия будет наводнена вторгшимися австрийскими войсками". Стратегически Австрия висела над Италией и охватывала ее своими когтями. Неудивительно, что она была крайне опасна последней в качестве недруга. Теперь Англия стратегически висит над Францией. „Англия близко, а Америка далеко"—вот соображение, которое заставило Бриана и его сторонников не обострять отношений с Англией, а согласиться на заключение союза с последней, при данных условиях невыгодного для империалистической Франции, мечтающей о новом увеличении своих морских и сухопутных вооружений. Между тем Англия в качестве основного условия англо-французского оборонительного союза против Германии ставит требование отказа Франции от усиления ее подводного флота и увеличения ее сухопутной армии. В период, предшествовавший мировой войне, Франция и Россия требовали друг от друга возможного усиления каждая в отдельности армии своего союзника, чтобы тем скорее добиться победы в будущей войне с общими врагами. Так же действовали Австрия и Германия по отношению друг к другу. Но те же Германия и Австрия, и особенно последняя, с крайним опасением и недоверием относились к вооружениям своего союзника Италии и отнюдь не симпатизировали усилению военной мощи последней. Англия относится с таким же недоверием к Франции, с каким Австрия относилась к Италии, ибо англо-французский союз может иметь такое же значение и такой же исход, какой имел союз австро-итальянский. По планам Ллойд-Джорджа англо-французский союз должен связать Францию, поставить предел ее безумным империалистическим планам, ее стремлению захватить европейскую гегемонию в свои руки. В данный момент Великобритания сильнее Франции, и она пользуется своим перевесом сил, чтобы поставить предел французским вооружениям, грозящим опрокинуть европейское равновесие в ущерб Англии.

В надвигающейся борьбе за Тихий Океан Англия должна обеспечить свой тыл. Эта цель достигается ослаблением военных сил Франции, хотя бы путем союза с последней по образцу пресловутого австро-итальянского союза, далее подъемом экономической, а стало быть и военной силы Германии, как противовеса Франции, этого врага и самого опасного ныне врага Англии на континенте, и, наконец, сближением с советской Россией с целью, между прочим, обеспечения нейтралитета последней в критическую для Великобритании минуту.

Несомненно, что это сближение с Германией и советской Россией, как подчеркнул Ллойд Джордж в своей речи 7-го января на заседании Каннской конференции, не в малой степени диктуется тяжелым экономическим положением Англии, свирепствующей в стране безработицей и вызываемыми ею колоссальными расходами, ложащимися на правительство и отнимающими для поддержки безработных больше средств, чем пенсии, выдаваемые жертвам империалистической войны,—одним словом, требованиями внутренней английской политики, а именно, как пояснил Ллойд-Джордж, требованием со стороны английских рабочих соглашения с Германией и признания советской России для улучшения положения рабочих масс Англии, однако не следует переоценивать значения этих факторов.

Нельзя упускать из виду, что вопрос о соглашении с Германией и признании советской России, равно как о приглашении обеих этих держав на международную конференцию в Геную, поставлен в самой категорической форме английским правительством именно в связи с событиями, разыгравшимися вокруг Вашингтонской конференции, на которую Америка не пригласила ни Россию, ни Германию.

Вашингтонская конференция обнаружила воочию два основных факта, крайне важных для Великобритании: необычайное усиление промышленной и финансовой мощи Америки и ослабление связей между Англией и ее доминионами в связи с вовлечением последних в сферу влияния транс-атлантических республик. Это нарушение равновесия на Тихом Океане, идущее в ущерб Англии, отнюдь не компенсируется соответствующим усилением британского влияния на европейском континенте в результате побед английского оружия в мировой войне. Наоборот, и здесь положение может оказаться скоро более опасным для Англии, чем было до войны. Тогда главным врагом Великобритании являлась Германия, скованная в своих враждебных намерениях против Англии угрозой на двух фронтах, восточном и западном. Ныне вместе с крайним ослаблением Германии и Австрии против Англии подымается ее старый вековой враг, империалистическая Франция, которая в случае каких-либо осложнений у Англии с Америкой может оказаться крайне опасной для Великобритании. Англия не может примириться с таким положением, при котором Франция является в военном отношении гегемоном на континенте, ничем не связанным в своих действиях, ибо Италия, сковываемая Юго-Славией, не может являться серьезной угрозой Франции. Поэтому союз с Италией не представляет особого значения для Англии. Только усиление Германии может связать Францию и ослабить опасность, угрожающую Англии со стороны Франции.

С другой стороны, уход России с берегов Дальнего Востока нарушил не только экономическое, но и стратегическое равновесие на Тихом Океане. Между тем здесь опасность грозит Англии не только со стороны С. Штатов, но и со стороны Японии. Англия вынуждена отвоевывать на Тихом Океане экономические позиции, захваченные у нее Японией во время войны, и расширить эти позиции. Уже год тому

назад, на заседании нижней палаты несколько делегатов подчеркивали то имени английских торговых палат необходимость отвоевания довоенных великобританских позиций в Китае, захваченных японским капиталом. Визит японского барона Гото в Манчестер, прибытие в Англию специальной японской делегации и успокоительные речи японцев о возможности и необходимости мирного сотрудничества английского и японского капиталов отнюдь не ослабили впечатления, произведенного действительными фактами, именно вытеснением во многих пунктах Китая английского флага японским. Англия вынуждена бороться с Японией, чтобы расширить районы экспорта своих товаров, отвоевать старые рынки и овладеть новыми. И факт расторжения англо-японского союза, связывавшего руки японской экспансии, ставит и перед Англией тихо-океанскую проблему в новом свете. Неудивительно, что Англия не заинтересована в чрезмерном ослаблении русского влияния на Дальнем Востоке.

Международное положение складывается для Англии таким образом, что она вынуждена ориентироваться на Германию и Россию не только в интересах борьбы с внутренней разрухой и ужасающим ростом безработицы, но и в целях восстановления нарушенного равновесия как на европейском континенте, так и на Тихом Океане.

Наши государственные деятели и руководители нашей внешней политики должны считаться с этими новыми, все усиливающимися тенденциями в английской внешней политике и не допускать таких шагов с нашей стороны, которые могли бы бросить Англию в стан наших непримиримых врагов — шовинистической Франции, этого оплота мировой реакции, и Японии, злейшего врага советской России на Дальнем Востоке.

Восстановление нашего потрясенного до основания хозяйства с помощью прорыва экономической и финансовой блокады, организованной против нас капиталистическим миром — вот что должно быть нашей основной задачей, перед которой все остальные моменты в нашей зарубежной деятельности должны отступить на второй план.

Земледельческий кризис в России и мероприятия для восстановления и развития сельского хозяйства.

П. Месяцев.

(До и после IX-го всер. съезда советов.)

Вопрос о сельском хозяйстве является одним из самых важных и злободневных вопросов современного момента. Еще задолго до IX-го съезда советов, в начале декабря—председатель В. Ц. И. К. тов. М. И. Калинин на всероссийском земельном съезде указывал на то, что „во главу угла надо поставить земледелие и земледелие. На последнем всероссийском съезде советов вопрос о сельском хозяйстве вырос в один из самых больших вопросов. На IX-м съезде он будет краеугольным камнем нашей работы, от его разрешения будут зависеть все остальные вопросы".

Это предсказание сбылось в полной мере, и вопрос на IX-м съезде был поставлен прямо, без обиняков. „Прежде всего,—говорил руководитель ведомства земледелия тов. Осинский,—мы должны усвоить основную азбучную истину, что сельское хозяйство находится накануне краха, который можно предотвратить лишь самыми героическими мерами". „Оно требует, если переводить на звонкую монету, не только внимания, но и материальных средств для того, чтобы поднять его".

„Перед нами стоит вопрос, как предотвратить явно надвигающуюся катастрофу сельского хозяйства, несмотря на то. что в нем обнаруживается уже и прогрессивное поступательное движение".

Этот мотив, каким образом восстановить и поднять упавшее сельское хозяйство,- звучал в течение целых суток в речах, как представителей крестьянства, так и работников из голодающих районов, а также представителей со всех концов России. Речь предсовнаркома Украины тов. Раковского, говорившего о значении кукурузы, выступление крестьянина Чекунова и других—напоминали собой речи агрономов. И если в начале доклада тов. Осинский жаловался на то, что сельскому хозяйству и в центре и на местах уделяются „всяческие симпатии", но отпускается ничтожное количество средств, то в конце съезда он этого сказать уже не мог.

Съезд не только утвердил все предложения Наркомзема, но и пошел гораздо дальше: увеличена расходная часть бюджета на земледелие с 27 миллионов золотых рублей,—примерно до 36 миллионов, которые забронированы от расходования их на местах на другие

нужды; постановлено образовать ударные органы для проведения сельско-хозяйственной кампании; утвержден переход в ведение Наркомзема всего сельско-хозяйственного образования и т. д.

Такое внимание к вопросам земледелия объясняется тем, что подсчет результатов работы прошлого года ясно показал всю глубину упадка сельского хозяйства и не только в голодающих районах, но и по всей России. Кризис, обнаружившийся ясно еще в прошлом году, до сих пор в очень слабой степени пошел на убыль.

В чем же выражается практически существо земледельческого кризиса и наблюдаются ли признаки подъема сельского хозяйства? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего исследовать те изменения, какие произошли в сельском хозяйстве за время войны и революции.

1. Изменения в сельском хозяйстве за время революции.

Сведения об аграрных волнениях летом 1917 года указывают на их тесную связь с малоземельем и земельным забакалением крестьянства. Поэтому октябрьская революция уничтожила прежде всего эти остатки средневековья. Отмена частной собственности на землю и передача ее в руки тех, кто будет обрабатывать личным трудом,—приблизили труд к земле, а земледельца превратили в трудового землепользователя.

В основу аграрного строительства легло крестьянское трудовое хозяйство. При чем одновременно с ликвидацией помещичьего и нетрудового землевладения происходил также процесс уравнительного перераспределения земель и наделение землей безземельных и малоземельных.

В результате крестьянское землепользование в среднем по Европейской России увеличилось с 70% сельско-хозяйственной площади до 96%, а на Украйне с 55,5 до 96%. В отдельных районах Европейской России ликвидация крупного хозяйства была еще более решительной: в 36 губерниях Европейской России по данным Центрозема к 1 ноября 1920 года из общего количества нетрудовых земель в размере 22,8 милл. десятин поступило в распоряжение крестьян 21,4 милл., вследствие чего площадь крестьянских земель, исключая лесов, увеличилась с 80 до 99%. В среднем по России произошло значительное увеличение земли на едока: по данным Центрозема с 1,87 дес. до 2,26, но по отдельным районам это увеличение сильно видоизменяется, падая иногда до десятых долей десятины прирезки на едока.

На долю крупного земледелия осталось к концу 1921 года всего: а) для совхозов в Европейской России 2.079 тыс. дес., в Сибири и окраинах 1.038 тыс. дес., а всего на 5.918 совхозов, 3.918 тыс. дес., из них пашни 1.158 тыс. дес.; б) для коллективов по всей Р. С. Ф. С. Р. 1.233 тыс. дес. на 15.121 коллективов (в среднем в коммунах по 2,4 дес. на едока и 3,7 на работника, а в артелях 1 дес. на едока и 2 на работника).

Одновременно с изменением землевладения сильно изменился и характер самого хозяйства: исчезло не только помещичье хозяйство, но также и крупное крестьянское. За время с 1916 по 1919 г.г.[1]) при

[1]) Для характеристики служат данные всеобщих переписей 1916, 1917 и 1920 гг. выборочной 1919 г.

общем росте число хозяйств свыше 8 дес. сократилось с 8% до 3%, сократилась и группа от 4 до 8 дес. с 21,6 до 16,4, число беспосевных также упало с 11,4 до 6,5; зато увеличилась группа хозяйств мелких ниже 4 дес. с 59 до 74%, в результате из общей массы крестьянства мелкое земледелие до 8 дес. земли составляет теперь $^9/_{10}$ общего количества дворов.

Вследствие такого процесса хозяйство не смогло противостоять тяжелым последствиям гражданской войны. Собственно кризис сельского хозяйства начался еще во время войны, о чем свидетельствует: убыль рабочего скота, сокращение запашки, уменьшение поступления продуктов на рынок, вызвавшие продовольственный кризис и хлебную монополию, и проч. Октябрьская революция, раскрепостив землю, дала вначале весьма сильный толчок для поднятия производственных сил сельского хозяйства и данные из многих губерний показывают, что за 2 года крестьяне довольно быстро залечили раны нанесенные хозяйству войной; этому содействовали также высокие цены на хлеб и продовольственный кризис в городах.

Но этот подъем не был продолжительным: мобилизация рабочей силы и лошадей, незначительный приток в деревню земледельческих машин и орудий, недостаток семян, в особенности трав,—вызвали сильное сокращение площади запашки и падение урожаев. Продразверстка отнимала у крестьян заинтересованность в улучшении хозяйства, от чего уменьшалось количество скота.

За время с 1917 года по 1920 год число однолошадных хозяйств увеличилось с 43,8 до 79,3%, а многолошадных уменьшилось: 2 лошади—с 31,7 до 16,2, свыше 3-х лошадей—с 22,5 до 4%.

Одновременно сократилось и число безлошадных с 28,7 до 25,1%. То же самое относится и к пользовательному скоту: % бескоровных уменьшился на 2,2%, многокоровных на 2, а % мелких хозяйств с небольшим количеством скота увеличился на 4,2%.

Слабая обеспеченность скотом усиливала сокращение посевной площади и понижала урожай. Для 5-летия с 1914 по 1919 г.г. урожай в среднем для всех хлебов упал по сравнению с предыдущим 5-летием с 52 до 42 пудов на черноземе и с 48 до 44 для остальной России.

Влияние войны и революции на пашню и культуры таково:

	Общ. посевн. пл. в Евр. Росс. в милл. дес.	Рожь	Яр. пшен.	Овес.	Ячмень.	Карт.	Лен.	Травы.	По всей Р.С.Ф.С.Р. без Укр.
В 1913 г.	49,4	17,9	8,1	10,6	2,6	0,9	1,0	1,1	70,8
„ 1916 „	45,9	15,8	6,9	10,4	2,7	0,8	1,1	1,1	64,8
„ 1920 „	30,5	12,4	5,5	5,8	0,8	0,4	0,5	0,3	44,6

Особенно сильно сократилась площадь технических культур и трав, и хозяйство потеряло свой товарный характер (резко выраженный к началу войны) и превратилось в потребительско-натуральное. Все это значительно отразилось на общей продукции хлебов, которая уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 40% (2,2 миллиарда пуд.), тогда как за период 1909—1913 г.г. она составляла в среднем 3 миллиарда пуд.

Сокращение посевной площади продолжалось вплоть до минувшего 1921 года; лишь только в одном потребляющем районе (23 губ.) увеличилась площадь ярового клина (по данным ЦСУ на 10,3%, по свед. губпосевк.—16%), в остальных районах повсюду сокращение:

в 10 произвол. губ. сокращение на 14,4%, в 19 голодающих на 32,9 и в Сибири на 33,8% [1]).

Здесь, повидимому, сказалось еще влияние предыдущего периода: недостаток живого и мертвого инвентаря, семян (из общей потребности яровых семян в 103,1 милл. пуд. удовлетворено лишь 9,1 милл., а картофеля из 87,7 лишь на 7,5), недоверие в прочности замены продовольственной разверстки налогом и другое; не без влияния, конечно, сказалась и слабость аппарата земорганов и работы посевкомов. Причины по отзывам с мест (Екатеринбургский губпосевком): влияние войны, засухи, тяжелых продовольственных разверсток в 1920—21 г. Отсюда явился у населения недостаток семян в нужном количестве [2]). Неурожай 1921 года значительно подорвал также крестьянское хозяйство в соседних районах (Башреспублика) и в центральных земледельческих губерниях. По Сибири „главной причиной невыполнения плана явился недостаток семян, сельско-хозяйственного инвентаря и истощенность лошадей".

Но уже в ходе весенней посевной кампании прошлого года наметились положительные тенденции в крестьянском хозяйстве в виде увеличения посевной площади в продовольственном районе. Прежние голодовки побудили население к увеличению запашки и улучшению хозяйства, а помощь семенами позволила скорее встать на ноги.

При осеннем посеве, когда новый курс экономической политики определился с достаточной ясностью, и крестьянское хозяйство начало вовлекаться в сферу рыночных отношений, этот перелом в падении запашки наметился достаточно заметно.

Повсюду произошло значительное увеличение озимых посевов в среднем около 30% [3]); даже в голодном районе, благодаря снабжению семенами, удалось засеять до $^{3}/_{4}$ прошлогоднего поля, а в соседнем, частично пострадавшем от неурожая, увеличение произошло на 102%.

Помимо увеличения посевной площади, возрос также интерес и к улучшенной обработке земли не только среди одиночек, но и среди общей массы крестьянства. Наблюдается массовое развитие раннего

---

[1]) По данным Ц. С. У.; сведения же губпосевкомов более розовые. Изменение посевной площади видно из следующей таблицы:

Плош. яров. клина.	По сведениям Ц. С. У. В 1920 г.	1921 г.	%	По данн. губпосевкомов. 1920 г.	1921 г.	
Произв. р. 10 губ. . .	5,5 м. д.	4,7	85,6	5,9	5,3	90,6
Потреб. р. 23 „ . . .	3,69 „	3,74	1 0,3	2,5 *)	,9 .	116,[illegible]
Голодные 19 губ. . . .	10,99 „	37,7	67,1	9,4 **)	5,1	53,9
Киргиз. 2 губ.	1,52 „	0,8	71,5	—	—	
Сибирь 6 губ. . . .	11,3 „	7,49	66,2	32,5	[illegible],2	89,2
Юго-Вост. и Сев. Кавк. 5 губ.	3,3 „	2,8	8[illegible],9	—	—	
Крым	0,5 „	0,5	100,0	—	—	

*) Для .7 губ., **) Для 4 губ.

[2]) Как видно из отчета Н. К. З., недосев по Заволжско-Приур. району особенно велик.

[3]) Площадь озимого клина по данным губпосевкомов:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Голодный район 13 губ.	4,6	4,2	3,0
Част. постр 3 „	1,24	1,15	1,18
Производ. 4 „	2,2	2,0	2,5
Потребл. 7 „	[illegible],0	0,9	1,24

взмета паров: в 10 производ. губ. это коснулось 45,6% поля, в 12 потребляющих—30,1%, в промышленн. губ.—около половины хозяйств и даже в голодающем районе—14,5% Осенняя вспашка под яровые (так наз. „зяблевая вспашка") достигла в производ. губ. 43,5%, в потребляющих—50,3% поля, а в голодном районе—67,3%.

Здесь одновременно действовали объективные экономические условия и массовая пропаганда, а для голодающего района указание на то, что „семена весной будут выданы лишь тем, кто запашет землю осенью", также и сознание крестьянина в том, что весной мало останется рабочих лошадей.

Все же подъем хозяйства начался определенный, ибо и ранний пар, и вспашка на зябь значительно повышают плодородие почвы: по средним данным опытных учреждений — ранний пар почти на половину, а своевременная вспашка на зябь — на одну треть [1]).

Из других положительных сторон необходимо отметить: рост сельско хозяйственных кооперативов, достигших к 1 ноября 1921 г. — 1.605 (на территории примерно 1/4 Р.С.Ф.С.Р.); рост мелиоративных товариществ до 350, губернских и районных объединений с.-х. кооперации до 103; стремление крестьянства к введению новых приемов в сельском хозяйстве, повсеместная жажда агрикультурных знаний, переход к устойчивости в землепользовании. Все это с несомненностью указывает, что земледелие России начало вылезать из кризиса. И тем не менее т. Осинский с полным основанием мог заявить, что это положение еще очень и очень неустойчиво, и мы стоим накануне краха сельского хозяйства, если не будет принято серьезных и решительных мер.

На это указывает и огромный голодный район, и метеорологические условия, отмечающие незначительное количество осадков в значительной части юго-востока и части центр. землед. района, и огромное количество мелких, ослабленных хозяйств, подъем производительности коих без поддержки государства невозможен.

2. Восстановление хозяйства в голодном районе.

Неурожай являлся довольно обычным явлением в дореволюционном сельском хозяйстве. В докладе на съезде советов т. Калинин указал, что на протяжении 20 лет перед войной насчитывается 4 больших голода и несколько частичных голодовок: „почти каждые 3 года более или менее средний голод, каждые 5 лет большой и каждые 10 лет исключительный по своей разрушительности голод, и почти через год частичные голодовки в той или другой местности республики", тогда как „в Западной Европе уже 200 лет забыли о стихийных голодовках".

Но размеры нынешнего голода значительно превосходят по силе и территории голод 1891—1892 г.г. Он захватил в общем до 29 губерний и областей с площадью посева в 14,2 милл. десятин, что составляет 35,7% посевной площади Р. С. Ф. С. Р., а вместе с Украйной 22,9 дес. неурожайных, т. е. около 45% всего посева [2]). Из общего количества

---

[1]) Таким образом, одни эти меры способны поднять урожаи выше довоенной нормы. По отчету Н. К З. урожай ржи в текущем году по раннему пару на опытном поле Петровск. с.-х. академии достигли даже 240 пуд., а пшеницы 236 пуд. с десятины.

[2]) Сведения взяты из отчета Н. К. З. за 1921 г. Посевная площадь в Р. С. Ф. С. Р. без Украйны 37,9 милл. дес., а вместе с Украйной около 50 милл. дес. (в конце XIX века по свед. Мертваго пашня всей территории России без Польши составляла около 127 милл. дес., а в Европейской России без Польши было около 100 милл. дес.).

населения Р. С. Ф. С. Р. 89,4 милл. человек голодает свыше четверти (28,8%), а именно 25,8 милл. [1]).

Неурожай значительной части этого района (Поволжье и юго-восток) определяется прежде всего неблагополучными условиями климата, дающего очень мало осадков, и отсутствием почвенной воды, вследствие чего наблюдается весьма малая плотность населения (в Самарской и Саратовской губ. 42 чел. на кв. версту, а в Прикасп. 4 человека) и большая скученность его по берегам рек с поселками до 10—12 тысяч жителей. В сельско-хозяйственном отношении край еще очень молодой: его культура не свыше 50 лет, и в лучшие годы было освоено под земледелие лишь только 10% площади. Однако в значительной степени неурожай определялся также отсталым способом ведения хозяйства и его односторонностью. Из характеристики хозяйства, сделанного на съезде проф Н. Тулайковым, видно, что в западной части преобладает зерновое земледелие, а в восточной кочевое скотоводство; и то и другое соответствовали очень низкому строю хозяйства. Так, например, в Самарской губернии до 70% засевалось яровой пшеницей и до 90% зерновыми хлебами, чрезвычайно слабо приспособленными к засухам, а отсюда переодические неурожаи (1891, 1911, 1920 г.г.). В благоприятные климатические годы урожаи были колоссальны, и только две губернии Саратовская и Самарская давали на рынок до 124 миллионов пудов хлеба; благодаря этим урожаям обычные недороды переносились сравнительно не трудно.

Тяжесть последствий нынешнего голода особенно сильна потому, что хозяйство расстроено, запасов нет никаких и сопротивляемость населения вследствие этого чрезвычайно ослаблена. На это указывалось всеми. По мнению т. Калинина голод 1921 года „явился как бы тем штурмом, тем нападением на Советскую республику, которое подготовлялось целым рядом благоприятных обстоятельств. Мы наблюдаем за все годы, начиная с 1914 г., систематическое ухудшение сельского хозяйства, замену мужского труда женским, систематическое уменьшение количества рабочего скота и инвентаря и, наконец, огромное расхищение средств. Все это еще в империалистическую войну систематически подтачивало сельское хозяйство и подготовляло его к тому бедствию, которое мы переживаем. Во время гражданской войны „по всем этим губерниям прошли армии, как белые, так и красные, в 1919 году, а в некоторых местах в 1920 году; из-за этого пропадали целые рабочие сезоны".

Уже в прошлом году хозяйство было в упадке: его посевная площадь составляла лишь 48% обычной площади. В настоящем году урожай по всему голодающему району составляет около 5 пудов на душу, а в Поволжьи - до 0,2 пудов (Немкоммуна). И несмотря на значительную помощь, оказываемую и государством и населением—все же происходит огромная убыль населения и особенно скота. Речи делегатов (особенно т. Антонова Овсеенко) и сведения с мест рисуют ужасающую картину. Поголовное вымирание и вырезывание скота и т п.— все это приводит к тому, что убыль скота будет огромной, и, по мнению проф. Тулайкова, „Поволжье на будущий год будет нахлебником, если не приложить героических усилий для увеличения посевной площади", так как при 25 милл. пуд. семян „будет засеено лишь 40% посевной площади 1916 г.", что при среднем урожае даст недохваток около 24 милл. пуд. для удовлетворения местной потребности.

[1]) Постановлением Ц. К. помгола признано пока 22 милл. голодающих и близких к голодовке 3 милл.

Если при этом учитывать также метеорологические условия, указывающие на недостаток влаги в значительной части России, то утверждение, что мы стоим накануне краха, не является преувеличением и нужны, действительно, героические меры. Что нужно сделать для восстановления хозяйства и каковы перспективы юго-востока, — ответ на это мы находим в докладе т. Тулайкова и в резолюции съезда. Эти меры чрезвычайно несложны, но требуют весьма крупных затрат. Помимо снабжения населения семенами, для восстановления хозяйства необходимо снабжение инвентарем, ибо Поволжье и в прошлом нуждалось в ввозе рабочей силы, а к весне и рабочей силы, и рабочего скота будет большой недостаток.

В области земледелия необходим переход от односторонних зерновых культур к засухоустойчивым и в первую очередь к пропашным культурам (кукуруза и др.), которые дольше стоят на корню и удовлетворяются обычным количеством осадков, переход к озимым культурам, ибо распределение осадков очень неблагополучно для яровых. Одновременно с этим широкое развитие животноводства, чему несомненно будет благоприятствовать общая конъюнктура рынка и русского и мирового.

Однако коренное изменение хозяйства возможно лишь при развитии мелиорации, ибо расселение больших поселков и правильное землеустройство возможно не иначе, как при обеспечении их водой. При этом условии возможна значительная интенсификация хозяйства и развитие таких культур, как огородные, садовые, бахчевые и другие. При этом условии Поволжье может послужить значительным фондом для колонизации и переселения из малоземельных средне-русских областей. Но для проведения мероприятий нужны огромные средства, выражающиеся в миллиардах золотых рублей, поэтому съезд и поручил С. Н. К. „принять все меры к привлечению средств из-за границы на основе займов или концессий“, с одновременной закупкой там и недостающей части семян. Само собой очевидно, что все пути и средства, намеченные для поднятия сельского хозяйства вообще, должны быть применены здесь в первую очередь. При благоприятных условиях, по мнению Тулайкова, „Поволжье сможет увеличить свою продукцию в три раза“ и снабдить центр России хлебом.

3. Земельный вопрос.

Переходя к вопросу о восстановлении хозяйства по всей республике, приходится прежде всего обратить внимание на упорядочение поземельных отношений и создание устойчивости землепользования. Общеизвестна пестрота и запутанность землепользования в дореволюционную эпоху; но и за время революции вследствие многочисленных уравнительных переделов, они также очень велики. В земельном законодательстве, отразившем на себе следы различных политических моментов, основные вопросы земельно-хозяйственного устройства чрезвычайно запутаны; неясны вопросы: о правах крестьянина на землю, о формах землепользования, о внутринадельной аренде; запутан и усложнен вопрос о нормах распределения земель и нормах земельного наделения и др. Без достаточно ясного их разрешения нельзя говорить о подъеме сельского хозяйства; недаром весной минувшего года за декретом о продналоге немедленно последовал декрет и об устойчивости землепользования [1]).

[1]) Мартовская сессия В. Ц. И. К. 1921 года.

Земельный вопрос послужил основой нашей революции; теперь он ставится уже совершенно в иную плоскость: в первое время — вопрос стоял о количественном увеличении крестьянского землепользования, теперь о качественном использовании ее. Необходимо немедленно прекратить ту неразбериху, которая создалась в результате бесконечных переделов и дать земледельцу устойчивость и ясность его земельных прав.

Октябрьская революция уничтожила частную собственность на землю и отдала землю трудовым силам. Неясная формула „земля обращается во всенародное достояние“ (в законе о социализации земли) Положением о социалистическом землеустройстве от 19 февраля 1919 г. вполне определенно заменена национализацией земли, путем признания земли „единым государственным фондом“.

Однако при этом не только не было придано устойчивости крестьянскому землепользованию, но, объявив все виды единоличного землепользования „переходящими и отживающими“ с одновременным поощрением коллективных форм, это Положение создало неуверенность крестьянства в своих правах на землю. Пока существовала продразверстка и у крестьянина не было особых побуждений к увеличению земли — этот вопрос не стоял так остро, но, как только он получил возможность использовать в своих интересах продукты хозяйства, сразу же этот вопрос потребовал бóльшей ясности и определенности.

При современных условиях трудовой массой крестьянства вопрос о собственности на землю не поднимается, ибо она прекрасно учитывает, что за этим следует вновь земельная кабала; но, признавая землю государственной, крестьянство заинтересовано в прочности и устойчивости своего пользования ею.

До последнего времени в этом вопросе была неясность: закон не давал ответа о земельных взаимоотношениях между землепользователем и государством. Теперь этот вопрос IX съездом разрешен вполне определенно в смысле обеспечения прочности и устойчивости крестьянского землепользования путем признания его бессрочным и права передачи членам своего двора после смерти; в тех же целях поручено В. Ц. И. К. „всемерно ограничить и точно установить законодательным порядком случаи и порядок лишения пользователей находящейся в их распоряжения землей, а также ограничить и точно установить случаи и порядок изменения размеров границ, местоположения и состава землепользования“.

В чем же реальное значение национализации земли для рабоче-крестьянского государства? Во-первых, „национализация земли сметает все средневековые отношения для хозяина и дает возможность регулировать землепользование в интересах сельского хозяйства“, а, во-вторых, „дает возможность уничтожить абсолютную ренту [1] и понизить на сумму этой ренты цены земледельческих продуктов“, что, несомненно, имеет огромное значение для пролетариата и для развития национализированной промышленности, и, в-третьих, наносит сильнейший удар капиталистическому строю и дает воз-

---

[1] „Теория Маркса различает ренту двоякого рода: дифференциальную и абсолютную... Разница между индивидуальной ценой производства и высшей ценой производства и составляет дифференциальную ренту.. При отмене частной собственности эту ренту получит государство. Абсолютная рента происходит из частной собственности на землю. В этой ренте есть элемент монополии, монопольной цены“ (Ленин, Аграрн. прогр., стр. 92—99).

можность производить крупные государственные сооружения (электрификация и проч.).

Одним из важнейших вопросов является вопрос о формах землепользования, который интересует не только крестьян, но занимал и все русские правительства. Несмотря на то, что вопрос о свободе выбора форм землепользования разрешался основным законом о социализации земли (сводка 242 крестьянск. наказов) утвердительно, тем не менее в этом вопросе создалось больше всего путаницы, в особенности в отношении единоличных форм, которые положением о социалистическом землеустройстве объявлены были „отживающими".

„Спрашивается,—говорил т. Осинский,—каково наше основное отношение к вопросу о землепользовании,—к вопросу об общинах, отрубах и хуторах? Наше отношение к этому вопросу должно быть нейтральным. Мы знаем отлично, что отруба и хутора не составляют той формы землепользования, при которой дается полная возможность развития крестьянского мелко-буржуазного хозяйства. Максимальный подъем последнего возможен лишь на основании широкого развития сельско-хозяйственной кооперации. Деление же на отруба и хутора, хотя и повышает хозяйственный почин тех элементов, которые там находятся, но повышает только на несколько лет, затем создается уже застой, потому что кооперирование затрудняется этими формами. Мы должны экономическими мерами поощрения содействовать тому, чтобы развивалась форма товарищеского владения, товарищеского землепользования. Но можем ли мы к чему-нибудь принудить крестьянство в этом отношении? Можем ли мы защитить общину? Мы общины защитить не можем. Мелкополосица, которая в ней царит, запутанность отношений, которая в ней есть, принудительность севооборота, которая в ней присутствует, создают такое положение, при котором нынешняя община является фактором, безусловно тормозящим развитие сельского хозяйства. Переделать общину на новые начала до некоторой степени возможно. Случай этот можно наблюдать в Московской губернии, где при общинном землепользовании, еще старом, был произведен процесс травосеяния. Но этот процесс — очень трудный, между тем крестьянство рвется к подъему своего хозяйства и будет рвать эти барьеры общины. Поэтому мы не можем взять общину под свою защиту и должны держать нейтралитет государственной власти. Мы должны предоставить выбор форм землепользования самому крестьянству: как оно по своим бытовым условиям найдет правильным, так и устроит свое землепользование".

По вопросу о хуторах и отрубах, в силу их „первородного Столыпинского греха", возникли возражения политического характера; нередко указывалось также и на то, что переход к единоличным формам упрочивает в сознании крестьян собственнические стремления и создает большие препятствия для перехода к крупным социалистическим формам сельского хозяйства. Но это возражение, однако, опровергается практикой успешного развития кооперативных объединений среди единоличников. Правда, это не были земельно-производственные объединения, а по преимуществу посреднически сбытовые, но производственные объединения не только в прошлом, но даже после революции на крестьянских землях развиваются очень слабо. К 1921 году процент коллективов на надельной земле составлял лишь для коммун 7% и для артелей 30%.

Что же касается вопроса о переходе к социализму в земледелии, то он в очень слабой степени определяется формами землепользования,

а находится в зависимости от развития крупной промышленности и электрификации. Любопытное замечание, относящееся к национализации, но применимое и к настоящему случаю, мы встречаем у т. Ленина[1]): „Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства. Национализация (земли) же есть превращение земли в собственность государства, и такое превращение нисколько не затрагивает частного хозяйства на земле. Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить. А обмен продуктов земледелия и средств производства совершенно не зависит от форм землевладения".

Как уже отмечалось выше, развитие форм землепользования подчиняется известной закономерности, при этом судьба единоличных форм за время революции показывает устойчивость этих форм в различных районах: из двух крупных районов единоличных форм—на юго-востоке значительная часть их подверглась ликвидации и переделу, а на западе и северо-западе, несмотря на отрицательное отношение к ним земорганов, они не только сохранились, но даже увеличились за последнее время. Обычно указывают еще на то, что хутора и отруба—формы землепользования для „кулаков". Однако это отвергается статистическими исследованиями, указывающими, что в 21 губернии из 47 средний размер выделенных участков меньше среднего надела и только в остальных губерниях немного выше (в общем же около среднего и немного выше среди хуторян и меньше среднего среди отрубников). Формы землепользования определяются прежде всего почвенно-биологическими особенностями, которые ставят серьезные препятствия в юго-восточных районах и создают благоприятные здесь.

При свободе выбора форм землепользования в различных районах развитие будет итти различным путем: на северо-западе, очевидно будет расти единоличное землепользование; на юго-востоке при развитии мелиораций—разбивка крупных селений на более мелкие, в средней полосе России—частичные выделы на отруба и мелкие поселки, а также земельно кооперативные товарищества и т. д. А государство приемами экономического воздействия (кредит, система земельных прав, технические силы и пр.) будет стремиться развивать добровольные земельно кооперативные товарищества (прообразом коих являются организуемые ныне мелиоративные товарищества, на основании постановления С. Т. О. от 3 августа) За эти товарищеские формы пользования землей, как отмечалось выше, высказалось и само крестьянство. Такова же и марксистская постановка вопроса, как видно из нижеследующих слов Ф. Энгельса[2]): „Когда мы овладеем государственной властью, мы не можем думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (безразлично с вознаграждением или нет), как это мы принуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к крестьянам прежде всего состоит в том, чтобы их частное производство и частную собственность превратить в товарищества, но не насильственным путем, а примером и предложением общественной помощи для этой цели".

Предоставим поэтому крестьянину возможность свободно избирать наиболее приемлемые для него формы землепользования, руко-

[1]) „Аграрный вопрос в конце XIX века".
[2]) „К крестьянскому вопросу во Франции и Германии".

водясь при этом одной мыслью,—надо содействовать развитию производительных сил,—и будем оберегать крестьянина от возврата к отсталым формам. Так как переход к единоличным формам вызывает неизбежно передел земли всего селения, то он должен приурочиваться или к общему переделу, или же при наличии стремления к нему значительной части домохозяев. При чем никаких преимуществ (в отличие от Столыпина) единоличникам предоставлено быть не может, а технические работы по выделу совершаются за их счет. Это гарантирует от чрезмерного увлечения и обеспечивает хозяйственную устойчивость выделяемых хозяйств.

Практические же условия осуществления свободы выбора форм землепользования составят предмет текущего земельного законодательства, которое по постановлению съезда должно быть закончено в двухмесячный срок.

Другой вопрос, который требует срочного разрешения—это „вопрос о внутринадельной аренде и наемном труде". В условиях крестьянского сельского хозяйства и то и другое в общем запрещено существующим законодательством; однако и то и другое практикуется в широких размерах, а в некоторых случаях разрешается даже местными распоряжениями (например, применение наемного труда при хлопковой культуре в Туркестане). Подход к этому вопросу должен быть сделан с точки зрения развития производительных сил и интересов классовой борьбы пролетариата.

При настоящих условиях, когда неизбежно усилится классовое расслоение в деревне и когда началась уже борьба за землю между сильными и слабыми элементами—это противоречие между жизнью и законодательством необходимо устранить возможно скорее. И подходить к этому вопросу мы должны не с точки зрения „социального обеспечения" бедняков деревни, как склонны поступать некоторые советские и партийные работники, а лишь исключительно с точки зрения развития производительных сил, помогая при этом борьбе пролетарских слоев.

Мы не можем всецело и полностью разрешить аренду, ибо это было бы равносильно передаче земельной собственности в руки земледельцев, но было бы несправедливо отбирать частично и временно неиспользованные наделы у маломощных и ослабленных хозяйств (стихийными бедствиями и убылью рабочей силы). Мы не выполнили бы задачи поднятия производительных сил земледелия, если бы не обеспечили этой возможности для ослабленных хозяйств. Мероприятиями в этой области являются, с одной стороны, развитие среди них кооперации с одновременной организацией долгосрочного государственного (мелиоративной ссуды и пр.) и мелкого кооперативного кредита, а, с другой, предоставление им возможности при известных условиях или сдачи в аренду земли, или найма рабочей силы. В целях защиты беднейших слоев крестьянства от эксплоатации и от истощения необходимо регулирование этого вопроса государственными органами.

До тех пор, пока крупная промышленность не встала на ноги нельзя эти вопросы предоставлять решению стихийных сил; при существующей „тяге в деревню" из городов и промышленных центров—государственные органы должны поневоле заниматься этим вопросом и обеспечивать за собою распоряжение земельным фондом.

Не касаясь производственной стороны вопроса, отметим, что съезд советов взял при этом правильную линию, допустив аренду и наем труда для ослабленных хозяйств и установив ряд правил, обеспе-

ливающих их регулирование в интересах развития народного хозяйства. При общей тенденции к созданию устойчивости землепользования и значительного ограничения уравнительных и черных переделов частичная легализация аренды является мерой неизбежной. А развитие интенсификации сельского хозяйства с трудоемкими культурами обеспечивается допущением сезонного найма рабочей силы.

Вышеизложенные мероприятия по земельному вопросу должны найти свое выражение в соответствующих законодательных актах, поэтому съезд и поручил В. Ц. И К. и Наркомзему срочно пересмотреть существующее земельное законодательство и привести его „в стройный, ясный и доступный пониманию каждого земледельца свод законов о земле".

Однако помимо правового их выражения—необходимо этим вопросам дать и технически совершенную форму в натуре, путем землеустройства. Таким образом, за вопросами землепользования неизбежно следуют, дополняя их, вопросы землеустройства.

Технически правильная организация земельной территории есть необходимое условие успешного проведения агрикультурных мероприятий; без нее интенсификация хозяйства возможна в очень ограниченных пределах. Поэтому работа землеустроителей должна быть тесно связана с работой мелиораторов и согласована с намеченными агрикультурными мероприятиями.

Одновременно с этим надо упростить технику землеустройства с целью скорейшего перехода к внутриселенному землеустройству и возможно шире привлечь к этому делу само земледельческое население, как путем агитации для перехода к наиболее совершенным формам и технически-показательным мероприятиям, так и путем подготовки работников из среды крестьян на краткосрочных курсах.

Землеустройство не есть переходящее явление, оно так же прочно, как прочна и агрикультурная работа, поэтому **необходимо теперь же начать попытку к созданию участковой землеустроительной организации по типу и подобию участковой агрономии.**

При этом условии землеустроительные мероприятия будут переплетаться постоянно с агрикультурными, подготовляя для них соответствующие условия и дополняясь ими.

4. Меры к восстановлению земледелия.

Земельно-хозяйственное устройство, создавая нормальные условия для поднятия сельского хозяйства, составляет, однако, лишь часть решения аграрной проблемы, которая включает в себя все вопросы сельско-хозяйственного производства, вплоть до установления связи этих хозяйств с общим мировым хозяйством.

Основные мероприятия в области поднятия сельского хозяйства, имеющие массовый характер агрикультурного воздействия, сводятся к двум категориям: государственная помощь земледельцу материальными рессурсами и массовое развитие агрономической пропаганды всех ее видов (то, что раньше было известно под именем агрономической помощи населению).

Мероприятия непосредственной, производственной государственной помощи земледелию съездом намечены следующие: 1) организация долгосрочного сельско-хозяйственного кредита; 2) закупка за границей средств и орудий производства (сельско-хоз. машин и орудий, удоб-

рений, семян), а также средств по борьбе с вредителями и для развития электрификации сельского хозяйства; 3) организация и усиление производства внутри страны сельско-хозяйственных машин и искусственных удобрений с одновременным обследованием их залежей; 4) развитие мощной сети семенных и племенных рассадников, обращая в них наибольшее количество совхозов; 5) развитие мероприятий по восстановлению животноводства в особенности в пострадавших от неурожая районах; 6) мероприятия по охране и поощрению хозяйств, перешедших к более усовершенствованным способам ведения хозяйства (травосеяние, промышленное огородничество и проч.); 7) охрана и улучшение лугов и увеличение кормовой площади путем развития сельско-хоз. мелиорации по осушке болот и лугов, и 8) улучшение лесного хозяйства в целях согласования его с интересами сельского хозяйства и борьбы с засухой.

Особняком стоит вопрос об упорядочении нашей налоговой системы на продукты сельского хозяйства и повинностей, падающих на земледельца. Множественность налогов и различие объектов обложения чрезвычайно мешают нормальному развитию сельского хозяйства с организационной стороны и довольно часто ухудшают положение ослабленных хозяйств. Переход к системе единого натурального налога (который с течением времени перейдет в денежный) является основным вопросом грядущей весны; поэтому съезд признал необходимым до начала весенних полевых работ на основании имеющегося опыта „произвести пересмотр существующего налогового законодательства в сторону его упрощения, объединения, сокращения числа мелких налогов и повинностей, возможного облегчени для крестьянства лежащих на нем государственных налогов, повинностей и упорядочения их взимания“.

Особое внимание уделяется также мероприятиям по развитию и упрочению пролетарского земледелия, которое может в значительной степени облегчить продовольственное положение фабрично-заводского пролетариата. Все вышеперечисленные мероприятия должны быть отнесены в равной степени как к массовому крестьянскому сельско-хозяйственному производству, так и к пролетарскому земледелию, а при передаче совхозов от земорганов они в первую очередь должны быть предоставлены пролетариату и фабрично-заводским предприятиям.

Мероприятия из области агрикультурного воздействия на сельское хозяйство разбиваются по методам их проведения на мероприятия постоянного, длительного характера и на проведение ударных массовых сельско хозяйственных кампаний, приуроченных к определенным с.-х. периодам.

К мероприятиям первой категории относятся: 1) развитие опытного дела, как основы агрикультурного воздействия на население; 2) создание мощной агрономической организации и приближение агронома к населению, и 3) развитие и улучшение всех видов сельско-хозяйственного образования.

Опытному делу в настоящее время Наркомземом уделяется огромное внимание; никогда авторитет опытников не стоял так высоко, как тепе ь; к их выводам особенно чутко прислушиваются органы земледелия, но все же сеть опытных учреждений очень и очень недостаточна, и они не обеспечены средствами, а их данные недостаточно широко распространяются.

По вопросу о сельско-хозяйственном образовании съезд признал необходимым немедленную передачу его в ведение Наркомзема и тем

прекратил вредный для дела отрыв его от производственного органа, руководящего земледелием. Сельско-хозяйственное образование единственный и основной источник снабжения страны подготовленными специалистами по сельскому хозяйству.

Сельско-хозяйственная кампания наступившего года должна опираться на мощную агрономическую организацию, для работ которой наступили особенно благоприятные времена, но она должна пройти „при полном напряжении всех сил—советских, партийных, профессиональных и кооперативных". Перед съездом Наркомземом был выработан план ударных и первоочередных работ, утвержденный Госпланом; в нем сделана попытка их календарного распределения по времени исполнения.

Среди этих работ съездом особенно подчеркнуты следующие работы:

а) по ликвидации с.-х. безграмотности и по подготовке инструкторов для сельско-хозяйственной кампании, б) по подготовке землеустроителей из среды самого крестьянства, в) по массовой пропаганде расширения посева засухоустойчивых растений (кукуруза, просо, сорго, гаолян и т. п.), сеянных трав и технических растений, г) по распространению с.-х. мелиораций, как важной меры борьбы с засухой, д) по расширению семеноводства и развитию производства искусственных удобрений, е) по дальнейшему расширению ранней вспашки паров и вспашки яровых на зябь, ж) по борьбе с болезнями скота и особенно с чесоткой, по заготовке древесных кормов, по борьбе с яловостью скота и з) в особенности и прежде всего по упорядочению земельных отношений и по землеустройству.

Проводимые в массовом масштабе курсы по сельскому хозяйству и землеустройству для подготовки работников из среды крестьян и рабочих являются первым шагом к обновлению и расширению агрономической и землеустроительных организаций. Одновременно с этим должна быть до самой последней степени упрощена техника внутриселенного землеустройства с целью вовлечения в нее наибольшего количества крестьянских масс. Работа землеустроителей должна быть теснейшим образом связана с работой по мелиорации и подчинена агрономическим заданиям.

Съезд обратил также огромное внимание на организацию и упрочение самого аппарата по проведению сельско-хозяйственной кампании и утвердил следующие меры:

1) по его постановлению Наркомзем и земельные органы должны быть усилены работниками, при чем приостанавливается переброска на другую работу опытных земработников;

2) на земельную работу увеличены ассигнования, в результате чего Наркомзем из общего бюджета имеет 30 миллионов рублей по золотому курсу и половину лесных доходов (около 10 миллионов рублей);

3) ответственность за своевременную организацию с.-х. кампании и привлечение необходимых сил и средств возлагается на исполкомы и персонально на их председателей, начиная с председателя В. Ц. И. К.,

4) при В. Ц. И. К. и губисполкомах должны быть организованы особые органы для руководства с.-х. кампанией, где на-ряду с ответственными советскими руководителями будут работать агрономы, землеустроители и представители крестьянства;

5) с целью массового вовлечения крестьянства в работу намечено переизбрание селькомов и восстановление работы сельско-хозяйственных советов;

б) все органы Советской власти привлекаются к неуклонному и самому внимательному содействию в работе по восстановлению сельского хозяйства, как одной из ударных и первоочередных задач.

Со времени 9-го всероссийского съезда советов несомненно начнется великий агрономический поход в деревню, „хождение в народ" в новой форме и с новыми целями. Прошлогодний опыт с пропагандой раннего пара и вспашки на зябь (результаты чего были приведены выше) дают надежду, что при дружной энергичной работе в этой области можно будет достигнуть огромных успехов и поставить на прочные рельсы дело возрождения сельского хозяйства.

При этом государство, объединяя под своим руководством технические, профессиональные и партийные силы, выступает в роли крупнейшей агрономической организации. О роли агрономической организации в прошлом проф. А. Чаянов писал: „Для общественной агрономии характерным является не программа, а скорее способ реализации этой программы. Ее метод сводится к тому, чтобы путем воздействия на ум и волю хозяйствующих людей пробудить в их среде самодеятельность и помочь эту самодеятельность направить наиболее рационально, заменить в головах местного населения старые представления новыми и, кроме того, пробудить это население к активности, дать ему эмоциональный толчок. Без этого эмоционального толчка вся пропаганда сведется к простому рассказу, и общественная агрономия потеряет свою душу. Программа деятельности и сам характер мероприятий этого периода — исключительно массовый, общепонятный, нужный всем".

Теперь эта работа массового воздействия на сельское хозяйство будет выполняться всей силой и авторитетом государственного аппарата, который и будет претворять в жизнь научные достижения агрономических наук.

5. Сельско-хоз. кооперация. Заключение.

Сельское хозяйство в России было всегда сравнительно мелким; во время революции оно измельчало до последних пределов (см. вышеприведенные цифры роста мелких хозяйств до 4 дес.) и во многих местах достигало таких размеров, при которых нельзя вести его сколько-нибудь рационально. Борьба с этим злом должна вестись в двух направлениях: с одной стороны путем законодательного ограничения дальнейшей дробимости земли при распределении ее и разделе между членами одного и того же двора и т. п., а с другой—путем объединения земледельцев в кооперативы. По условиям настоящего момента второй путь является более жизненным и может дать сравнительно быстрые результаты, ибо вопрос об ограничении дробимости земельных участков является очень сложным и требует предварительной солидной разработки[1]).

Сельско-хозяйственными кооперативами являются те объединения, основная цель коих заключается в развитии и улучшении сельского хозяйства.

Если основная цель данного объединения—улучшение и развитие с.-х. производства, то вне всякой зависимости от тех средств, какими она пользуется для достижения этой цели,—данный кооператив или союз должен быть отнесен к разряду сельско-хозяйственных

[1]) См. об этом статью проф. Литошенко в сборн. „О земле".

Если какой-либо смешанный союз кооперативов, ведя крупные торговые операции, главное свое внимание обращал на развитие и улучшение сельско-хозяйственного производства, то он, несомненно, является сельско-хозяйственным объединением. К сельско-хозяйственным кооперативам должны быть отнесены не только все молочные и маслодельные артели, льноводные, картофелетерочные и иного рода товарищества, но также кредитные товарищества и их союзы.

Кредитные товарищества, дающие крестьянину ссуду и тем помогающие ему поддерживать и развивать свое хозяйство, не попадая в кабальную зависимость от кулака и капиталиста, являются самою важною составною частью сельско-хозяйственной кооперации; тем более, что подавляющее большинство кредитных товариществ ввело в значительном размере посреднические операции по сбыту продуктов сельского хозяйства своих членов и по снабжению их средствами и орудиями производства.

Обычно появление кредитного товарищества являлось первоначальным толчком к росту и развитию других видов сельско-хозяйственной кооперации и, наоборот, нередко разрозненные кооперативы (машинные товарищества, маслодельные артели, сельско-хозяйственные общества и другие) объединялись вокруг кредитного кооператива в отдельный большой союз. Захватывая в начале одну сторону крестьянского хозяйства, кредитная кооперация приобретала все больше и больше влияния на сельское хозяйство, действуя организующим образом на все его стороны.

Точно также к сельско-хозяйственной кооперации должна быть отнесена и значительная часть так называемых „смешанных“ кооперативных союзов и объединений. Нередко сельско-хозяйственное общество имело при себе „потребиловку“, но прибыль от ее операций не раздавало на руки своим членам, а употребляло на развитие и улучшение сельского хозяйства не только своих членов, но и окружающего крестьянства, организуя прокатные, зерноочистительные, случные пункты, ведя закупку улучшенных сортов семян, организуя с. х. библиотеки, курсы и пр.

Сельско-хозяйственная кооперация в России является самой молодой: она начала развиваться лишь в начале второго десятилетия текущего столетия, но уже и за этот срок достигла большого развития, при чем ее развитие продолжалось и во время революции до момента объединения ее с потребительской по декрету от 27-го января.

Число сельско-хозяйственных кооперативов, выражавшееся к 1 января 1915 г. в 23.700 кооперативах, увеличились к 1 январю 1920 г. до 30.500, из коих 17.500 кредитных и 13.000 сел.-хоз. разных категорий, а союзов сел.-хоз. кооперации (районных и областных) на 1 января 1919 г. 320 [1]).

В средине 1920 года работа в области кооперирования земледельцев остановилась, на это влияло не столько объединение ее с потребительской, сколько неблагоприятные условия, созданные продразверсткой. Как только эти условия улучшились в связи с новой экономической политикой, сейчас же начали вновь возрождаться сел.-хоз. кооперативы; за короткое время до 1 ноября 1921 г. кооперативов возникло около 2 тысяч и до 150 их губ. и районн. объединений.

Вопросам сел.-хоз. кооперации на съезде уделялось внимание не только в докладе Наркомзема, но и в специальном докладе т. Шеф

---

[1]) В это число не вошла часть смешанных союзов, игравших большую роль в сел. хозяйстве.

лера; о ней упоминалось также и в докладе об общей экономической политике.

При этом съезд указал на необходимость развития всех видов сел.-хоз. кооперации, оказывая в то же время особую поддержку тем из них, которые в основу деятельности своей кладут производственные задания, широкие мелиоративные работы и серьезную агрикультурную деятельность, предоставляя им также широкую возможность заготовки и сбыта средств и продуктов сельско-хозяйственного производства.

Одновременно с этим поставлен также вопрос об организации долгосрочного сельско-хозяйственного кредита как через государственные, так и кооперативные и смешанные учреждения при широкой поддержке из средств государства, а Совету Народных Комиссаров поручено в месячный срок издать положение и устав Центрального Банка с образованием фондов на выдачу долгосрочных ссуд маломощному крестьянству, а также для организации культурных рассадников, устройство мелиораций и других начинаний по сельскому хозяйству. Это даст возможность вовлечь в кооперативное движение также значительные кадры маломощных и слабосильных хозяйств, что резко будет отличать нарождающуюся с.-х. кооперацию от прежней, которая имела в виду и обслуживала по преимуществу наиболее хозяйственно-сильные слои деревни. При настоящих условиях одновременно с этим сельско-хозяйственная кооперация должна послужить также могучим средством для поднятия производительности всего сельского хозяйства, в особенности ослабленных трудовых хозяйств, принадлежащих вернувшимся из армии и из плена.

Старый спор, тянувшийся с весны и до настоящего времени, о том, может ли сел.-хоз. кооперация заниматься сбытом и покупкой— разрешен в ее пользу, ибо для того, чтобы сел.-хоз. кооперация могла вести работу в области сел.-хоз. производства (организация прокатных, зерноочистительных, случных пунктов, выставок, курсов, опытных и семенных станций и пр.), она должна обладать денежными средствами. Опыт показывает, что все узко-производственные кооперативы (машинные товарищества, с.-х. общества и др.) переходили к закупкам и сбыту, или замирали в своей работе. Да и крестьянин легче всего поддается организации в кооператив, когда он видит непосредственную реальную выгоду, а такая выгода для него получается прежде всего при продаже продуктов на рынке („реализация урожая") или при получении кредита. Поэтому-то первыми и наиболее прочными кооперативами были кредитные товарищества и те из сельско-хоз. кооперативов, которые начали свою работу со сбыта и переработки необходимых для него средств производства. Чем успешнее развиты эти операции, тем большим значением пользуется данный кооператив.

Достаточно также напомнить практику сибирской кооперации, которая таким путем произвела значительный переворот в области сельско-хоз. производства. За сбытом масла кооперация проводила в деревню сепаратор, за сбытом льна следовали льномялки, а затем льноообделочные заводы, развивалась массовая селекция льна, молочные кооперативы заставляли переходить к правильному кормлению и содержанию скота, к разведению улучшенных пород и т. д.

Словом, реорганизация сельского хозяйства и переход его от отсталых форм к высшим может совершаться при помощи сельско-хоз. кооперации только в том случае, если она начнет свою работу со сбыта земледельческих продуктов. Да другого пути и быть не может

Если при современных условиях каждый крестьянин может свободно распоряжаться излишками продуктов своего производства, то каким же образом можно объединить его в кооператив, если кооператив не будет выполнять этой самой важной для него работы?

Этот вопрос разрешается в настоящее время положительно и одновременно с этим Всероссийским и Областным центром сельско-хоз. кооперации предоставляется также право непосредственного производства (по соглашению и под контролем Наркомвнешторга) заграничных операций: экспортных и импортных (§ 11 резолюции по докладу Каменева).

Съезд также указал, что органически правильная работа может быть обеспечена лишь вливанием в кооперативное движение свежих сил, в частности в сельско-хозяйственную кооперацию должны быть привлечены бывшие военно-пленные, наглядным путем ознакомившиеся в Германии и Австрии с высокими формами ведения сельского хозяйства, красноармейцы и особенно красные командиры, усвоившие дух дисциплины и организационные методы революции, фабрично-заводские рабочие, принесшие в деревню активность пролетариата,—все эти элементы должны быть втянуты в работу по строительству сельско-хозяйственной кооперации.

В день открытия Всероссийского Съезда т. Брагин писал, что в настоящий момент на работу по сельскому хозяйству должно быть направлено усиленное внимание, и указывал на необходимость установления „диктатуры Наркомзема“. Со съезда Наркомзем, действительно, вышел именинником, но, как это всегда бывает, после праздника наступают будни. Общими усилиями необходимо достигнуть того, чтобы действительно наступила горячая, страдная пора в сельско-хозяйственной работе, а не серенькие будни. Необходимо поддерживать на должной высоте внимание к вопросам сельского хозяйства, по крайней мере, до средины лета, иначе не побороть нам его упадка.

В журнальном мире.

(Хроника.)

I. Единый рабочий фронт.

Вопросу о новой тактике Коминтерна посвящена статья тов. Зиновьева „Старые цели—новые пути", помещенная в № 19 „Коммунистического Интернационала".

„Изменившаяся обстановка,—пишет тов. Зиновьев, выдвигает в настоящее время пред Коминтерном в целом и перед его крупнейшими секциями в частности некоторые новые задачи". Есть ряд объективных признаков, указывающих, что международное рабочее движение переживает канун нового подъема. Во всей Европе наблюдается процесс полевения в рабочих массах. С каждым днем все больше и больше выветриваются реформистские иллюзии. Поход капиталистов против рабочих делается наглым и откровенным. Мировой промышленный кризис нисколько не ослабляется. Число безработных растет. Увеличивается также опасность войны. Все это в весьма малой степени содействует процветанию реформистских иллюзий среди пролетариата. Перед коммунистами ставятся новые задачи. Обнаруживается прежде всего весьма характерное явление. Рабочие массы стремятся к единству.

„Полевение международного рабочего движения сопровождается своеобразным явлением: неудержимо растет стремление рабочих к единству. Почти во всех странах старого рабочего движения—главным образом, под влиянием усиливающегося натиска капитала и возрастающих опасностей новой войны,—пробудилось небывалое еще по силе, иногда буквально стихийное стремление к единству. Как раз новые слои рабочих, еще только начинающие изживать на собственном опыте те реформистские иллюзии, которые расцвели-было в последние 1—2 года, как раз те слои беспартийных рабочих, которые сейчас, быть может, впервые приобщаются к серьезной политической борьбе,—как раз эти рабочие более всего настаивают на едином рабочем фронте.

Не все эти рабочие ясно отдают себе отчет в том, чего они добиваются. Иные хотели бы объединить все рабочие партии и даже все рабочие организации вообще в одну. Другие, сознавая невозможность объединения всех рабочих партий в одну, пытаются добиться общих комитетов действий и т. п. Третьи вообще не отдают себе отчета в том, что такое партия. Но они инстинктивно чувствуют, что нужно какими-то средствами добиться единства всех рабочих: иначе не одолеть врага, который становится все более злобным и вместе с тем все более сильным.

Эта стихийная тяга к единству является главной особенностью переживаемого момента. Это интереснейшее явление коммунисты должны изучить и понять. И коммунисты должны научиться отличать эту в высшей степени прогрессивную тягу к революционному единству в массах от дипломатической и порой прямо шарлатанской игры вокруг лозунга единства **среди вождей** II Интернационала и Амстердама".

Чем объясняется эта стихийная тяга к единству?

Во время империалистской войны рабочий класс был разбит именно потому, что буржуазии удалось разбить их международное объединение. И теперь буржуазия, искусно используя социал-демократов, вносит ту же политику раскола в рабочие массы. Отсюда почти физическое ощущение пролетариатом, что его главная сила в единстве, что не преодолеть ему капитализма, пока основные массы не объединятся под одними знаменами.

„Это нужно понять,—говорит дальше тов. Зиновьев.—И коммунистам нужно пойти навстречу этой тяге к единству...

Отсюда и то, что лозунг единого рабочего фронта приобретает за последнее время все большую и большую важность. Поскольку этот лозунг выражает указанное стремление широких рабочих масс, постольку он прогрессивен и революционен.

То, что в последние месяцы называли, и то, что в самом деле и было известным кризисом в международном рабочем движении, являлось, в сущности говоря, результатом проигранных битв. При помощи социал-демократов различных толков буржуазии удалось нанести авангарду рабочего класса ряд крупнейших физических поражений. В нескольких странах рабочий авангард был прямо обескровлен. Тот упадок, который мы наблюдали в нескольких странах за последние месяцы, был прямой реакцией, непосредственным результатом этого обескровления. Ныне кризис начинает проходить, и начинающееся новое оживление протекает на первых порах под лозунгом единого революционного фронта рабочих. В этом своеобразие момента. Из этого международный коммунизм должен исходить".

Вожди II Интернационала и Амстердама подметили это стихийное движение рабочих масс к единству и пытаются использовать это настроение в своих интересах, направляя его „в прокрустово ложе махинаций и соглашений вождей, испытанных в деле предательства". С другой стороны, они всячески опорочивают коммунистов, взваливая на них вину за то, что рабочие массы до сих пор пребывают в состоянии распыления, и выставляя их вредными „раскольниками". В самом деле, коммунистам пришлось выступить в качестве раскольников. Нужно было расколоть старую социал-демократию, попавшую в руки реформистов.

„Бунтовать", отвоевывать на свою сторону революционное меньшинство и, стало-быть, раскалывать старую организацию пришлось нам, коммунистам. Это искусно использовали социал-демократы и их покровители—буржуазия. Во всем мире, на всех языках, в сотнях и тысячах социал-демократических и буржуазных газет они подняли неистовый вой по поводу того, что мы, коммунисты, являемся якобы принципиальными противниками единства рабочих организаций. На эту удочку попались многие неискушенные рабочие. На самом деле коммунисты прекрасно сознавали, что раскол есть зло. Они находили только, что из

определенной стадии развития международного движения это зло есть неизбежное зло и что оно во много раз перевешивается тем благом, которое получается в результате организации наиболее передовых элементов в действительно самостоятельную рабочую коммунистическую партию".

Ныне положение изменилось, коммунисты выделились в особую самостоятельную партию. С другой стороны, вожди Амстердама и II Интернационала пытаются присосаться к лозунгу единства рабочего фронта. Задача коммунистов „показать рабочим массам, что им готовит новую тонкую измену".

Что же означает лозунг „единый рабочий фронт" для коммунистов? Как его нужно понимать и претворять в жизнь? Значит ли это, что коммунисты должны отказаться от своей организационной самостоятельности, слить II Интернационал с третьим, Профинтерн с Амстердамом? Или этот лозунг в наших устах означает что-либо совсем другое?

Тов. Зиновьев отвечает на эти вопросы:

„Ультимативным условием, от которого не должна отступать ни одна коммунистическая партия, является соблюдение полной самостоятельности каждой нашей партии и полной свободы критики всех тех партий и групп, с которыми мы заключим то или другое временное соглашение. Единство во всяком революционном действии или даже полудействии против капиталистов—да! Единство с вождями Амстердама и II Интернационала для затушевывания тех разногласий, которые имеются между коммунизмом и реформизмом—никогда и ни за что, и ни при каких обстоятельствах!

„Заключая те или другие соглашения, коммунисты ни на одну минуту не могут забыть о том, что реформизм является, по великолепному выражению тов. Барбюсса, специфическим ядом социализма. Чем чаще станут практические соглашения с рабочими, принадлежащими к другим организациям, тем тверже, яснее и резче должна быть наша идейная борьба против реформизма. Иначе трупный яд может заразить и здоровый организм. Ни о каком „едином" Интернационале, включающем социал-патриотов и центристов, не может быть и речи. Коммунистический Интернационал теперь находится на лучшем пути к тому, чтобы окончательно завоевать пролетарские массы всего мира".

И еще:

„Проводя намеченную тактику, считаясь с целой массой конкретных условий, мы вместе с тем должны иметь перед собой одну цель: укрепление своей самостоятельной коммунистической партии, усиление своего собственного красного Профинтерна. Ликвидаторские стремления по отношению к Профинтерну, замечающиеся кое-где среди шатких коммунистов, которые из лозунга „единый фронт" умозаключают к лозунгу „роспуск Профинтерна", должны встретить самый решительный отпор".

Единый рабочий фронт означает, таким образом, не ликвидацию самостоятельной политической и организационной линии со стороны коммунистов, а нечто совсем иное. Ссылаясь на исторический опыт взаимоотношений между русскими большевиками и меньшевиками, тов. Зиновьев пишет, что для коммуниста лозунги единства имеют свой смысл: оппортунистическому требованию соглашательских махи-

лиций, выдвигаемому социал-предателями, мы должны противопоставить лозунг **объединения рабочих** снизу на почве массовой борьбы пролетариата с капиталом.

Крайне поучителен, напр., русский опыт 1913 и начала 1914 годов в русском рабочем движении. К этому времени среди русских рабочих замечался уже очень большой подъем. После поражения революции 1905 года и пережитых тяжких годов контр-революции, среди русских рабочих тогда тоже замечалась крайне сильная, стихийная тяга к единству рабочего фронта. Дипломаты русского меньшевизма в то время пытались воспользоваться этой стихийной тягой к единству, примерно, так же, как это ныне пытаются сделать вожди международного меньшевизма. Но мы, русские большевики, не ответили тогда простым отказом от какого бы то ни было соглашения. Мы ни в коем случае не выступали против единого рабочего фронта. Напротив, в противовес дипломатической игре меньшевистских вождей мы, большевики, выдвинули тогда лозунг **единства снизу**. Другими словами, мы требовали единства самих рабочих масс в их практической борьбе за действительно революционные требования, направленные против капиталистов. Мы призывали рабочие массы объединиться через головы умеренных меньшевистских вождей. И практика показала, что мы достигли цели. Ни на одну минуту большевики не отказывались при этом от своей полной самостоятельности, ни на одну минуту мы не ослабляли своей критики по адресу меньшевизма. Напротив, пропаганда лозунга единства снизу шла параллельно с разоблачением игры меньшевистских дипломатов.

После мартовской революции 1917 года меньшевики попытались вновь сыграть на лозунге единства. Они выступили с планом объединенного съезда всех социал-демократов, понимая под этим и большевиков, и меньшевиков. Свою знаменитую речь, впервые излагавшую тезисы в защиту советской системы, т. Ленин сказал на собрании, которое меньшевики созвали с целью подготовки этого пресловутого объединения. На это объединение мы, большевики, не пошли. Обнять нас „по этапу" меньшевикам таки не удалось. Но мы, вместе с тем, систематически и настойчиво продолжали пропагандировать идею **объединения рабочих снизу** в рамках Советов, на почве борьбы за власть Советов, на почве организации массовых политических и экономических стачек, на почве вооружения рабочих, разоружения белой гвардии и т. п. Результаты были, как известно, не плохи.

И теперь коммунисты не будут отказываться от отдельных соглашений как между отдельными секциями Коминтерна с партиями II Интернационала и Амстердама, так и в международном масштабе. Так, Исполком Коминтерна сделал уже предложение Амстердаму по вопросу о совместной помощи голодающим России. Обсуждается также вопрос о совместных шагах в связи с Вашингтонской конференцией. Всякое замалчивание, всякий саботаж, всякий срыв таких предложений со стороны реформистов будет коммунистами разоблачаться пред рабочими массами.

В тактике единого фронта есть свои опасности. Будут поползновения со стороны центристских и полуцентристских элементов в наших рядах сдать свои идейные позиции. Поэтому как Коминтерн, так и секции его должны зорко следить за всеми этими возможными уклонениями, противопоставляя им полную идейную и организационную самостоятельность.

II. Единая военная доктрина.

Новый период, в который вступила Советская Россия после разгрома белогвардейских войск, дал повод к постановке ряда вопросов о Красной армии и тех задачах, которые выдвигаются изменившейся обстановкой. В частности был выдвинут вопрос о так называемой единой военной доктрине. В № 1 военно-научного журнала „Военная наука и революция“ была помещена статья тов. Соломина — псевдоним видного военного работника коммуниста — „К вопросу о реорганизации Красной Армии“ и статья тов. Фрунзе „Единая военная доктрина и Красная Армия“ (см. также „Красная Новь“ № 2). Позиция, занятая тов. Соломиным, вызвала резкую критику со стороны тов. Троцкого, ответившего в № 2 журнала „Военная наука и революция“ статьей „Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство“ (см. также „Коммунистический Интернационал“ № 19).

В чем суть спора об единой военной доктрине и о новых задачах, стоящих пред Красной армией? Тов. Соломин утверждает, что, начиная с 1918 года, мы строили Красную армию исключительно для обороны и не для обороны вообще, а для обороны от помещичье-буржуазной контр-революции. „До победы над помещичье-буржуазной контр-революцией, — пишет т. Соломин, — эта армия, несмотря на свой преобладающий крестьянский состав была классовой армией пролетариата. После победы над помещичье-буржуазной контр-революцией эта армия частично перестала быть классовой армией пролетариата (Кронштадт, маслаковщина и др...). Отсюда и возник вопрос о реорганизации“.

Нам угрожает мелко-буржуазная стихия, нам угрожают остатки врангелевских, колчаковских войск, но, главное, нам угрожает наступление империалистских войск. Какой же стратегии мы должны держаться в случае возникновения революционной войны? Стратегии обороны или стратегии наступления? Тов. Соломин отвечает:

> „Вопрос прежде всего неправильно поставлен. В такой форме он не может ставиться и ответ на него в такой форме не может быть дан, так как выбор обороны или наступления будет зависеть от будущих условий, которых мы предвидеть не можем.
>
> Вопрос надо поставить так: есть ли у нас гарантия в том, что мы в случае революционной войны не вынуждены будем держаться наступательной стратегии.
>
> Понятно таких гарантий нет. Мы можем оказаться вынужденными к наступательной стратегии... У нас нет ни малейшего желания после 7 лет войны, в условиях чрезвычайной и транспортной разрухи, вновь начинать войну. Наоборот, наша главная задача теперь — всеми мерами и средствами добиваться „мирного жития“. Стране необходим длительный отдых, но это зависит не только от нас, а и от наших врагов...“

Мы можем быть вынужденными к войне, нас могут вызвать к наступательной стратегии. Отсюда: наша армия должна быть готова не только к обороне, но и к наступлению. Мы обязаны готовить Красную армию не только к обороне против буржуазно-помещичьей контр-революции, но и к революционным войнам (и оборонительным и наступательным) против империалистских держав. Тов. Соломин пишет в заключение:

„Вывод из всего предыдущего тот, что мы должны готовить Красную армию для наступления и воспитывать ее в духе наступления, ибо нельзя одновременно воспитывать и в духе обороны и в духе наступления. Армия же, готовая к наступлению справится и с обороной. Мы не в силах воевать и не собираемся воевать, но должны быть готовыми, а потому готовиться к наступлению,—такова противоречивая формула, к которой мы пришли.

Эта формула означает решающий поворот в строительстве Красной армии. Приходится пересмотреть все сложившиеся у нас взгляды, произвести полную переоценку ценностей с точки зрения перехода от чисто оборонительной стратегии к наступательной. Воспитание командного состава, подготовка одиночного бойца и отдельных частей, пересмотр уставов и наставлений, политработа в армии, подготовка военкомов, специальные части, изучение и подготовка (не только техническая, но и политическая) театров военных действий, вооружение — все это должно впредь проходить „под знаком“ наступления. Иначе говоря, все эти работы в своей совокупности должны составить определенный, строго согласованный во всех частях, проникнутый единством взглядов план реорганизации Красной армии. Подготовка к революционным войнам (полугражданского типа)—вот основное содержание этого плана, наступательная стратегия — вот основное направление реорганизации Красной армии“.

Под единой военной доктриной, таким образом, тов. Соломин понимает единство и согласованность методов реорганизации Красной армии, которую нужно, по мнению тов. Соломина, перевоспитать в наступательном духе, к чему нас принуждает новая обстановка.

Тов. Троцкий считает рассуждения тов. Соломина „общими местами и пустословием“. Если подойти к вопросу исторически, то надо сказать: „военная „доктрина“ предполагает относительную устойчивость внешней и внутренней обстановки; такой устойчивости и в помине нет в нашу эпоху, которая характеризуется крайней сложностью мировой обстановки, переплетением интересов, неустойчивостью и т. д. „Единственная для нас правильная „доктрина“: быть на-чеку и глядеть в оба... „Только марксистский метод международной ориентировки, учета классовых сил, их комбинаций и изменений может нам позволит в каждом конкретном случае найти надлежащее решение. Общей формулы, выражающей „сущность“ наших военных задач в ближайший период, придумать нельзя“. Если понимать под единой военной доктриной стремление определить сущность и назначение Красной армии и отсюда выводить ее организацию, ее стратегию и тактику, то такая постановка вопроса, по мнению тов. Троцкого, схоластична и безжизненна. Ничего кроме банальностей не получается. Военное дело—эмпирическое дело, практическое.

Если сторонники построения военной доктрины хотят сказать, что в прошлом Красная армия строилась без основных принципов, что таких принципов у нас нет то это — неправда. Наоборот, все попытки сторонников „единой военной доктрины“ подойти к конкретному построению таковой сводятся до сих пор к отсебятине.

В самом деле, нам говорят, что мы должны готовить армию не только для обороны, но и для наступления. В этом нет ничего нового. Вопрос этот давно разрешен в марксистской литературе.

„Насчет революционной наступательной войны для нас принципиального вопроса не существует. Но по отношению к этой „доктрине“ пролетарское государство должно сказать то же, что сказал по отношению к революционному наступлению рабочих масс в буржуазном государстве (доктрина оффензивы) последний международный конгресс: „только предатель может отрицать наступление; только простак может сводить к нему всю стратегию“.

К сожалению, среди наших новоявленных доктринеров есть немало таких простаков наступления, которые под флагом военной доктрины пытаются внести в наш военный оборот те самые однобокие „левые“ тенденции, которые ко времени III Конгресса Коминтерна получили свое завершение в виде теории оффензивы: так как (!) у нас революционная эпоха, то (!) коммунистическая партия должна вести политику оффензивы. Перевод „левизны“ на язык военной доктрины означает возведение ошибки в степень. Сохраняя принципиальную основу непримиримой классовой борьбы, марксистская тактика в то же время отличается чрезвычайной гибкостью, подвижностью или, говоря военным языком, маневренностью. Этой принципиальной выдержанности при гибкости методов и форм противостоит жесткий методизм, который из участия или неучастия в парламентской работе, из признания или отрицания соглашения с некоммунистическими партиями и организациями делает абсолютный метод, будто бы пригодный для всех и всяких обстоятельств“.

Наш поход на Варшаву показывает, что мы не отказываемся от революционных наступлений. Это наступление окончилось неудачей. Из этого вытекает, что революционное наступление—оружие, которым нужно пользоваться с большой осторожностью. Наши войны с белыми армиями были и оборонительными и наступательными. „В целом, однако, наша государственная международная политика за этот период была преимущественно политикой обороны и отступления“. К этой тактике обороны и отступления мы прибегаем и по сию пору. Наши уступки Польше, наше отступление в области хозяйственной политики общеизвестны Нужно помнить также, что развитие международной революции получило более затяжной характер.

„Чего же собственно хотят те глашатаи военной доктрины (мы называем их для краткости доктринерами —они этого заслужили), которые требуют, чтобы мы ориентировали Красную армию под углом зрения наступательной революционной войны? Хотят ли они голого признания принципа? Тогда они ломятся в открытую дверь. Или же они считают, что в международной или в нашей внутренней обстановке наступили такие условия, которые ставят для нас наступательную революционную войну в порядок сегодняшнего дня? Но тогда наши доктринеры должны направить свои удары не по военному ведомству, а по нашей партии и по Коммунистическому Интернационалу, ибо никто другой, как мировой конгресс этим летом дал отпор наступательной революционной стратегии, как несвоевременной, призвал все партии к тщательной подготовительной работе и одобрил, как вытекающую из обстоятельств, оборонительно маневренную политику советской России“.

Тов. Соломин предлагает воспитывать Красную армию в наступательном духе. Тов. Троцкий отвечает:

„Наша внутренняя политика в последний период имела одной из важнейших своих задач сближение с крестьянином Особенно остро вопрос о крестьянстве встает перед нами в армии. Думает ли Соломин серьезно, что теперь, когда непосредственная помещичья опасность устранена, а европейская революция остается потенциальной, мы можем сплотить более чем миллионную, на девять десятых крестьянскую армию под знаменем наступательной войны во имя развязки пролетарской революции? Такого рода пропаганда была бы мертва.

Конечно, мы ни на минуту не собираемся скрывать от трудящихся, в том числе и от Красной армии, что принципиально мы всегда будем за наступательно-революционную войну в тех условиях, когда она может содействовать освобождению трудящихся в других странах. Но думать, что на этом принципиальном заявлении можно создать или „воспитать" действительную идеологию Красной армии в нынешних условиях, значит не понимать ни Красной армии, ни нынешних условий. В самом деле, каждый толковый красноармеец не сомневается, что если на нас зимой и весной никто не нападет, то мы-то уж во всяком случае не нарушим мира, а будем изо всех сил залечивать раны, пользуясь передышкой. В нашей истощенной стране мы учимся военному делу, вооружаемся, строим большую армию для того, чтобы обороняться, если на нас нападут. Вот это „доктрина" ясная, простая и отвечающая действительности...

Когда говорят о революционных войнах, то вдохновляются чаще всего воспоминанием о войнах Великой Французской Революции. Там тоже начали с обороны, на обороне создали армию, затем перешли в наступление. Под звуки марсельезы вооруженные санкюлоты революционным помелом прошлись по всей Европе.

Исторические аналогии — дело очень соблазнительное. Прибегать к ним нужно, однако, с осторожностью. Иначе за формальными чертами сходства можно проглядеть материальные черты различия. Франция в конце XVIII столетия была самой богатой и самой цивилизованной страной европейского континента. Россия XX столетия является самой бедной и самой отсталой страной Европы. Революционная задача французской армии имела гораздо более поверхностный характер, чем те революционные задачи, которые стоят перед нами сейчас: тогда дело шло о низвержении „тиранов", об устранении или смягчении феодального крепостничества. Наше дело идет о полном уничтожении эксплоататорства и классового гнета".

Неверно также, что нельзя воспитывать армию одновременно и в духе обороны и в духе наступления.

„Почему нельзя? Кто сказал, что нельзя? Где и кем это доказано? Никем и нигде, ибо это в корне неверно. Все искусство нашего военного строительства (не только военного) в советской России состоит в том, чтобы сочетать международные революционно наступательные тенденции пролетарского авангарда с революционно оборонительными тенденциями крестьянской массы и даже широких кругов самого рабочего класса. Это сочетание отвечает всей международной обстановке. Уясняя смысл ее передовым элементам армии, мы тем самым научаем их правильно сочетать оборону и наступление не в стратегическом только, а и в революционно историческом смысле слова. Не думает ли Соломин,

что это угашает „дух"? У него и его единомышленников есть на это намеки. Но уж это чистейшая лево-эс-эровщина! Уяснение существа международной и внутренней обстановки и активное, „маневренное" к ней приспособление не могут угашать дух, а могут только закалять его.

Или, может быть, в чисто-военном смысле нельзя готовить армию и для обороны, и для наступления? Но и это пустяки".

Опускаем ту часть статьи тов. Троцкого, где он разбирает вопрос о маневренности, о наступлении и обороне в свете империалистской войны. Вопросы эти носят больше специально-военный характер, чем военно-политический. Заканчивает тов. Троцкий свою статью указанием, что очередная задача заключается не в сомнительных потугах реорганизовать Красную армию, а в том, чтобы улучшить ее состояние.

„Правильно доставлять в части пищу, не гноить продуктов, варить хорошие щи, научить истреблять вошь и содержать тело в чистоте, правильно вести занятия, и поменьше в комнате, побольше под открытым небом; толково и конкретно подготовлять политические беседы; снабдить каждого красноармейца служебной книжкой и правильно вести записи; научить чистить винтовку, смазывать сапоги, научить стрельбе, помочь командному составу превратить в свою внутреннюю сущность уставные заповеди о связи, о разведке, донесениях, охранении; учиться и учить применению к местности; правильно наматывать портянки, чтобы не натирать ноги; еще раз смазывать сапоги — такова наша программа на ближайшую зиму и на ближайшую весну".

III. Достоевский и революция.

Как расценивать творчество Достоевского с точки зрения нашей бурной современности? Вопрос этот является сейчас одним из самых свежих и волнующих.

Враги русской революции особенно из тех, кто сидит сейчас за границей—пытаются сделать из Достоевского пророка русской революции, вернее сказать контр-революции,— несколько десятков лет тому назад прозорливо указавшего, что русская революция будет царством антихриста, кровавого хаоса, хамства и т. д. Читайте Достоевского!— провозглашают они в надежде, что читатель в произведениях Достоевского найдет осуждение большевизма, интернационализма и других ненавистных для контр-революции вещей,—осудит все эти „измы" и... еще крепче поверит во Врангеля, Мережковского и Бурцева. С кем же, в самом деле, Достоевский? С „ними" или с нами? Каковы отношения между Достоевским и революцией?

Этому вопросу посвящена интересная юбилейная статья В. Переверзева в № 3 „Печати и Революции".

„Отношение Достоевского,—пишет Переверзев,—к революционной России оказывается чрезвычайно сложным. Было бы ошибкой, несправедливостью назвать его реакционером, ибо в нем есть несомненное понимание обаятельности революционной грозы, обаяние мятежа. Но революционером его никто не назовет уже потому только, что добрая половина его писаний борется против революционного духа, который

рисуется им в виде беса-искусителя, в виде духа тьмы. Он и не реакционер и не революционер: он и то и другое в одно и то же время...

Достоевский по утверждению В. Переверзева не в пример романтикам революции хорошо понимал, что в основе революции не сентиментальные настроения униженных и оскорбленных, а великий гнев, бунт, жажда мести.

Что такое революция по Достоевскому?

„Революция жестока и безнравственна, она ступает по трупам и купается в крови, она предпочитает мучительство, издевательство, потому что совершается теми, кого мучили и над кем издевались... В революции и обнаруживается во всей силе то страшное, что заключено в психике угнетенных и оскорбленных в виде потенции. В революции есть при всем ее ужасе, при всем имморализме, несомненный очистительный, очеловечивающий огонь свободы. Лишенный воли, униженный до положения вьючной скотины, раб поднимается до головокружительных вершин свободы, необузданный никакими нормами права и морали несвязанного своеволия. Но в той же революции куются цепи нового рабства. Оно рождается из своеволия, из опьянения свободой. Опьяненный свободой, раб становится деспотом... „Без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства", говорит у Достоевского герой революционного подполья Петр Верховенский, высказывая заветную мысль автора, в которой, математически сжато, в краткой формуле выражено представление автора о революции... В революции есть что-то дьявольски хитрое, бесовски лукавое. Ужас революции не в том, что она имморальна, обрызгана кровью, напоена жестокостью, а в том, что она дает золото дьявольских кладов, которое обращается в битые черепки, после совершения ради этого золота всех жестокостей...

В этом анализе существа, „души" революции у Достоевского по мнению В. Переверзева „чувствуется много проникновенной правды, трезвого и глубокого понимания природы революции". Революционная Россия, которую знал Достоевский, была мелко-буржуазной Россией. Революционность же мелкой буржуазии в капиталистическом обществе носит своеобразный и чрезвычайно парадоксальный характер. Капитализм „разрушает мелко-буржуазное хозяйство; отсюда революционность мелкой буржуазии; но, разрушая капитализм, мелкая буржуазия строит мелко-буржуазное хозяйство, ведущее к капитализму. Стремясь одной рукой разрушить капитализм, мелкая буржуазия другой рукой создает его. Пред нами белка в колесе, социологическое perpetuum mobile, очень похожее на переливание из пустого в порожнее... Мелкая буржуазия в одно время и революционна и реакционна. Больше: чем она революционней, тем реакционней, и наоборот". Так как наша русская революция в значительной мере движется силами мелкой буржуазии, то прогнозы Достоевского в отношении к ней художественно правдивы. Правда, руководящая роль принадлежит пролетариату и поскольку революция руководится пролетариатом она остается вне постижения Достоевского. Но она все-таки в сильной степени разбавлена мелко-буржуазной стихией и потому нужно со вниманием и чуткостью относиться к тому, что заключено в произведениях Достоевского.

„Знакомя нас с самыми интимными уголками психологии мелко-буржуазной революционности, Достоевский воспитывает в

нас чувство осторожной недоверчивости к этой лукавой силе и приучает нас быть готовыми к самым резким поворотам в ходе переживаемой революции. И именно в данный момент, когда напор мелко буржуазной стихии, особенно силен, когда пролетарская волна сильно растворилась в этой стихии, особенно уместно и своевременно вспомнить Достоевского, вновь перечитать его проникновенные, глубокие страницы, посвященные психоанализу революционной России".

Краткий очерк успехов астрономии за последнее десятилетие.

Проф. С. Блажко.

Настоящий очерк имеет целью изложение наиболее важных, по мнению составителя, открытий и исследований, произведенных в астрономии за последнее десятилетие. К сожалению, отсутствие в России почти всей иностранной научной литературы за последние три года делает его неполным. В него не могли войти, например, без сомнения произведенные на солнечной обсерватории на горе Вильсон и, вероятно, уже опубликованные исследования солнечных пятен в эпоху последнего их максимума, около 1917 года, и, конечно, многие другие исследования, которые были произведены в Западной Европе, а в особенности в Америке, в которой условия существования и научной работы, и темп жизни претерпели в последние годы, конечно, гораздо меньше потрясений, чем в Европе; некоторые вопросы изложены здесь не по оригинальным исследованиям, а по рефератам их в доступных автору журналах. Этот обзор охватывает поэтому, главным образом, годы с 1910 по 1917, а за последние годы исследования русских астрономов и лишь отчасти иностранных.

Конечно, в общем исследования этих лет теснейшим образом связаны с исследованиями предшествующего времени и, за исключением некоторых открытий, представляют дальнейшее планомерное развитие прежних работ. Как вообще в XX-м столетии, внимание астрономов и в эти годы особенно привлекали вопросы звездной астрономии и исследования ближайшей к нам звезды—Солнца, и равным образом наиболее важные исследования были произведены на астрономических обсерваториях Соединенных Штатов, на которых имеются могущественные инструменты, управляемые энергичными астрономами. Однако, прежде чем перейти к этим исследованиям, уместно будет упомянуть о некоторых открытиях и наблюдениях, относящихся к солнечной системе.

В июле 1917 года С. Никольсон, на Ликовской обсерватории, открыл нового, девятого спутника Юпитера. Никольсон нашел его на фотографической пластинке, экспонированной для 8-го спутника Юпитера, открытого в 1908 г. Мелоттом в Гринвиче. Он имеет яркость звездочки всего лишь 19-ой величины, поэтому едва может быть виден в самые сильные трубы и, конечно, исследование его движения возможно лишь при помощи фотографии. Наблюдения его в последующие месяцы позволили определить его путь относительно Юпитера. Оказалось, что, подобно 8-му спутнику, он движется в направлении, обратном направлению движения прочих семи спутников, т. е. обрат-

ном преимущественному направлению движения тел солнечной системы; расстояние его от Юпитера составляет около 24 миллионов километров, а время обращения около 2 лет (у 8-го спутника расстояние ок. 26 *милл. кил.* и время обращения немногим более 2 лет).

Приходится употреблять здесь слово „около" не потому, что эти величины не могут быть более точно определены наблюдениями, а потому, что оба эти спутника находятся так далеко от Юпитера, что притягательная сила Солнца очень сильно возмущает движение относительно Юпитера, так что уже совершенно невозможно говорить о сколько-нибудь постоянной эллиптической орбите их; вот пример: в августе 1914 г. временная (как говорят астрономы мгновенная) орбита 9-го спутника имела эксцентрицитет 0,11 и большую полуось 24,7 милл. километров, а через год эксцентрицитет стал 0,28 и большая полуось 23,2 милл. килом. В этих огромных влияниях Солнца на движение 9-го спутника Юпитера заключается интерес, который представляет он для небесной механики. С другой стороны, в нем мы имеем еще один пример ненормального направления движения; такое движение обыкновенно рассматривается, как возражение против гипотезы Лапласа и против других аналогичных гипотез о происхождении солнечной системы; может быть, вернее рассматривать эти случаи, как указание на то, что в образовании солнечной системы имели участие многие и разнообразные факторы, указанные в различных, в большинстве случаев естественно односторонних гипотезах.

Среди многих, по большей части, конечно, телескопических комет, открытых за последние годы, некоторые заслуживают особенного внимания. Прежде всего в 1910 г. всеобщее внимание привлекла к себе знаменитая Галлеева комета, зафотографированная при этом ее приближении к Солнцу М. Вольфом в Гейдельберге уже в сентябре 1909 г., за 7 месяцев до прохождения ее через перигелий. Она была найдена очень близко от того места, где она должна была быть на основании тщательного исследования ее движения, которое было произведено Коуэлем и Кроммелином. Правда, момент прохождения ее через перигелий произошел на 3 дня позже срока, предуказанного этими вычислителями, однако, нельзя с уверенностью признать эти 3 дня за ошибку вычислений или несовершенство метода исследования; возможно, что здесь мы имеем слабое указание на какие-либо пока неизвестные нам причины, влияющие на движение этой и, может быть, не только этой кометы. Специальный интерес представило прохождение ядра и головы кометы перед диском Солнца 18-го (по гражданскому счету 19-го) мая нов. ст. Несмотря на благоприятные условия наблюдения на многих обсерваториях ни ядра, ни тем более головы кометы не удалось увидать на диске Солнца—подтверждение того, уже ранее установленного взгляда, что наиболее плотные части комет не представляют сколько-нибудь значительного по размерам компактного тела, что это скорее рой сравнительно небольших, может быть, и очень маленьких телец. Большое внимание, в некоторых случаях перешедшее в тревогу и страх за судьбу всего живого на Земле, возбудило также ожидавшиеся прохождение земли через хвост кометы. Однако не только не сбылись неумеренные страхи, но и вообще на Земле, и в частности в земной атмосфере, не наблюдалось каких-либо особенных явлений, которые с уверенностью могли бы быть приписаны влиянию кометного хвоста. Стоит отметить, однако, что в последующие годы было замечено усиление метеорного потока Акварид, имеющего связь с кометой Галлея, как с его родоначальницей.

В первой половине 1910 г. наблюдалась также одна из самых

ярких комет последнего времени, бывшая особенно яркой в январе. Ее сложный хвост был подробно исследован проф. К. Д. Покровским, при чем оказалось, что наиболее существенные черты хвоста вполне хорошо объясняются теорией Ф. А. Бредихина.

В 1914 году наблюдалась при очень благоприятных условиях комета Энке, которую на этот раз удалось не только многократно зафотографировать на многих обсерваториях, но даже в темные безлунные ночи видеть невооруженным глазом,—указание на то, что эта комета очень мало, сравнительно с другими, растрачивает свое вещество в небесном пространстве.

В настоящее время благодаря исследованиям Фабри, Файе и Штрёмгрена можно почти с полной уверенностью считать если не все кометы, то громадное большинство их, членами нашей солнечной системы. Прежде то обстоятельство, что для большинства из них получались орбиты параболические, а для некоторых из них гиперболические, рассматривалось, как указание на то, что они приходят к нам из отдаленнейших частей небесного пространства, от других солнц. Однако упомянутые исследования, касающиеся специально гиперболических орбит, показали, что гиперболическими они оказались только в ближайшей к Солнцу части их пути, и именно вследствие действия на их движения планет, а что вне солнечной системы пути их были эллиптическими, хотя и с огромными периодами обращения. Исследования касались, конечно, только тех комет, у которых гиперболичность их орбит получилась достаточно уверенной вследствие достаточно большого числа точных наблюдений. Когда из вычислений получается орбита параболическая, то, строго говоря, это лишь показывает, что число наблюдений не достаточно велико, и что наблюденные места кометы располагаются на слишком малой части ее орбиты, чтоб можно было с уверенностью определить величину эксцентриситета орбиты,—который во всяком случае мало отличается от единицы; только поэтому, за невозможностью получить точное значение его, и приходится принять его за единицу и орбиту за параболу. Такие малоточные орбиты не могут иметь решающего значения при суждении о происхождении комет, и, как указано, мы можем считать их членами нашей солнечной системы.

Что касается исследований Солнца, то к наиболее интересным и важным из них следует отнести, во-первых, обнаружение общего магнитного поля на Солнце, т.-е. экспериментальное доказательство того, что Солнце, подобно Земле, представляет магнит, и, во-вторых, изучение движения газов в солнечной атмосфере вообще и в частности в солнечных пятнах.

В 1908 г. Гэль опубликовал исследования, произведенные на солнечной обсерватории на горе Вильсон, которыми было обнаружено магнитное поле в солнечных пятнах. Метод исследования заключался в том, что в линиях поглощения в спектрах пятен было обнаружено явление Зеемана, т.-е. расщепление линий на двойки и тройки, при чем линии в каждой двойке и тройке определенным образом поляризованы. Когда это исследование открыло новый путь к изучению магнетизма на Солнце, естественно было попытаться обнаружить и общее, а не только местное, магнитное поле Солнца, так как по теоретическим исследованиям всякое заряженное электричеством и вращающееся тело должно быть магнитом. Однако те огромные приборы, при помощи которых было обнаружено сравнительно сильное магнитное поле пятен, оказались недостаточно сильными для обнаружения более слабого общего магнитного поля у Солнца. Но к 1912 году на

той же обсерватории были уже устроены еще более грандиозные инструменты. На верху железной ажурной башни высотою в 50 метров был помещен объектив в 46 метров фокусного расстояния, от которого получалось изображение Солнца 43 сантим. в диаметре; лучи от любой точки Солнца могли затем быть направлены на щель огромного спектрографа; пройдя чрез щель, лучи Солнца шли в колодец глубиною около 25 метров, на дне которого они проходили через объектив, делавший их параллельными, падали на большую диффракционную решетку, затем направлялись вверх через тот же объектив, и рядом со щелью получался спектр части Солнца, приходившейся на щель прибора. Огромное светорассеяние этого спектрографа позволило, хотя и не без затруднений, обнаружить, что Солнце действительно есть магнит, при чем ось магнита приблизительно совпадает с осью вращения Солнца, и магнетизм его такой же, как и у земли, т.-е. северный магнитный полюс лежит в северном полушарии Солнца. Предполагая, что магнетизм Солнца происходит от того, что оно электрически заряжено и вращается, получаем заключение, что заряд его—отрицательный.

Дальнейшие исследования показали, что магнитная ось Солнца составляет 6 градусов с осью его вращения и вращается вокруг последней в 31,44 суток.

При всей деликатности и трудности этих исследований, которые сам Гэль считает лишь предварительными, вряд ли можно сомневаться в них, и обнаружение общего магнитного поля Солнца можно считать доказанным. Этим открывается новый путь к объяснению различных явлений, наблюдаемых на Солнце и прежде всего в солнечной короне.

Другое, заслуживающее особенного внимания, исследование касается движений в солнечных пятнах. В 1909 г. Эвершид открыл, что вокруг ядра пятна в пределах его полутени существуют потоки газов, направленные вдоль поверхности Солнца от ядра пятна к его наружным частям. Это движение газов было обнаружено путем исследования спектров пятен на основании принципа Допплера Физо. Спустя 3 года Ст. Джон на солнечной обсерватории на горе Вильсон произвел обширный ряд подобных исследований, правда, над пятнами не очень большими, так как максимум солнечных пятен уже миновал. Исследования заключали в себе наблюдения над спектральными линиями 27-и химических элементов. С другой стороны еще раньше были исследованы вертикальные движения в солнечной атмосфере и в частности вблизи от пятен; а наблюдения во время полных солнечных затмений позволили довольно хорошо изучить распределение химических элементов в ней, т.-е. распространение вверх над поверхностью Солнца различных газов.

Из сопоставления результатов всех этих исследований оказалось возможным яснее прежнего представить себе общий характер движения газов в солнечных пятнах. В общих чертах получается следующая картина: из глубин Солнца от причин, которые пока остаются неизвестными, поднимается столб газов, состоящий из смеси различных элементов; достигши некоторой высоты над той поверхностью, которую издавна называют фотосферой, эти газы растекаются вдоль нее во все стороны от ядра; при этом поднятии газов их температура вследствие расширения их понижается, поглощение ими света увеличивается, и отсюда получается темный фон ядра пятен; но в то же время из верхних частей солнечной хромосферы происходят нисходящие токи внутрь пятна немногих газов (водорода, кальция, натрия), которые расположены в хромосфере выше других. Эти исследования существенным образом допол-

няют еще раньше обнаруженные Гэлем вихревые движения в солнечной атмосфере вокруг пятен и вместе с ними должны будут послужить к детальному выяснению сложного явления пятен на Солнце, которые, можно сказать, 300 лет с начала их первых наблюдений представляли для астрономов трудно разрешимую загадку. Как будто в последнее время это сложное явление начинает быть понятным, по крайней мере, относительно строения пятна; остаются еще мало понятными причины возникновения пятен и загадочная периодичность количества их, стоящая, без сомнения, в связи со всем комплексом явлений, наблюдаемых и происходящих на Солнце.

Отметим, наконец, из результатов наблюдений полного затмения Солнца 21 августа 1914 г. лишь одну деталь. На фотографиях спектра короны, полученных в это затмение несколькими экспедициями, между прочим и экспедицией Московской университетской обсерватории, была обнаружена новая, ранее не наблюдавшаяся, яркая линия в красной части спектра с длиной волны в 637,4 миллионных долей миллиметра. Это открытие показывает, как внимательно должны относиться астрономы к этим редким явлениям, при которых еще и впредь могут обнаружиться новые факты, совершенно недоступные для наблюдения при обычных условиях.

Упомянем, наконец, об астрономическом исследовании, имеющем не только астрономическое, но более широкое и общее значение, именно об испытании во время полного солнечного затмения 29 мая 1919 г. следствий, вытекающих между прочим из развитых в последнее время А. Эйнштейном и возбудивших много споров и толков соображений о так наз. принципе относительности. Одно из следствий его заключается в том, что свет, так сказать, тяжел и что, следовательно, путь света от звезд, проходя близко от поверхности Солнца, искривляется так же, как путь движущейся мимо Солнца материальной частицы, но только гораздо менее, всего лишь на 1,75 секунды дуги. Две английские экспедиции фотографировали во время полного затмения Солнца 29 мая 1919 г. звезды в непосредственной близости от закрытого Луною Солнца; сравнение взаимного расположения этих звезд на этих пластинках с расположением их на фотографиях, полученных в другое время, когда Солнца в этом месте неба не было, обнаружило смещение их, согласное и по направлению и по величине с тем, которое вытекает из теории Эйнштейна. Но с другой стороны требуемое этой теорией смещение линий солнечного спектра к красному концу спектра, правда, на очень малую величину $1/_{200}$ миллимикрона, не было подтверждено тщательными измерениями Ст.-Джона и Эвершида.

Переходя теперь к наиболее интересным и важным открытиям исследованиям в области звездной астрономии, мы отметим прежде всего открытие второй „соседки" нашего Солнца в небесном пространстве, открытие звезды со значительным собственным движением, открытие нового оригинального способа измерений звездных параллаксов, и рассмотрим затем несколько наиболее важных вопросов, подвергнутых исследованию в последние годы.

До последних лет самой близкой к нам звездой, нашей „соседкой" в небесном пространстве, считалась Альфа Центавра; ее расстояние от нас составляет 272.000 средних расстояний Земли от Солнца соответственно ее параллаксу в 0",759; она имеет значительное собственное движение 3",76 в год и интересна также, как физически двойная звезда: главная звезда имеет видимую яркость 0,3 звездной величины, а ее спутник 1,7 звездной величины.

В 1915 г. Инс (Innes) на обсерватории в Иоганнесбурге (Южная Африка) нашел вблизи от Альфы Центавра на расстоянии от нее в 2°12′ слабую, 11-ой величины, звездочку со значительным собственным движением; ближайшее исследование показало, что это движение и по величине и по направлению очень близко согласуется с собственным движением Альфы Центавра, а затем было обнаружено, что она имеет и большой параллакс в 0″,755, т.-е. практически одинаковый с параллаксом Альфы Центавра; такие совпадения трудно приписать простой случайности и можно думать, что обе эти звезды суть члены одной и той же звездной семьи. Теперь известно уже несколько таких звездных семейств, в каждом из которых все принадлежащие к нему звезды имеют одно и то же по величине и по направлению движение в небесном пространстве. Правда, для нашей новой „соседки" вследствие ее слабости еще не определена ее скорость по лучу зрения, и об одинаковости ее движения с движением α Центавра мы принуждены пока судить лишь по одинаковости их видимых движений на небе и одинаковости их параллаксов, но и эти совпадения вряд ли можно считать случайными. По приведенным числам не трудно вычислить, что расстояние между обеими звездами составляет 10.500 астр. единиц, т.-е. 350 расстояний Нептуна от Солнца. Эта звездочка имеет для глаза яркость 11 зв. вел., но фотографически она слабее, около 13½ зв. вел.; значит, она красная. Наконец, зная ее кажущуюся яркость и расстояние от нас, можно определить ее действительную яркость, ее „абсолютную" величину. Для сравнения между собою действительных яркостей звезд нужно вычислить для них те кажущиеся яркости, которые они имели бы, если бы все находились на одном и том же расстоянии от нас. В качестве такого расстояния все чаще принимается такое, для которого годичный параллакс равен 0″,1. Для расстояния, при котором параллакс равен одной секунде, теперь по предложению Тёрнера принято название **парсек** по первым буквам слов: **параллакс** и **секунда**; один парсек содержит 206.265 астр. единиц длины, а расстояние, которому соответствует параллакс в 0″,1 есть 10 парсеков или круглым числом 2.060.000 астр. единиц. Если вообразить себе какую-либо звезду на таком расстоянии и вычислить для него ее кажущуюся яркость в звездных величинах, то получается то, что принято называть „абсолютной" величиной звезды. Если на 10 парсеков отнести наше Солнце, то оно будет светить, как звезда 5,0 зв. вел., т.-е. его абсолютная яркость есть 5,0 зв. вел.; абсолютные яркости компонентов α Центавра суть 4,7 и 6,1 зв. вел., а абсолютная яркость новой соседки для глаза 15,4, а фотографически 17,9 зв. вел.; след., на деле она представляет собою солнце на 10,4 зв. вел., т.-е. в 14.500 слабее нашего Солнца; из всех солнц, для которых можно в настоящее время определить их абсолютные яркости, т.-е. для которых известны не только их кажущиеся яркости, но и расстояние от нас, она оказывается самым слабым.

Очень слабой по абсолютной яркости оказывается и открытая Барнардом в 1916 г. на Иерксовской обсерватории в созв. Змееносца звезда с самым большим видимым собственным движением, какое известно в настоящее время, именно, 10″,3 в год. По определению Костинского в Пулкове ее параллакс равен 0″,62, и она есть самая близкая к нам звезда северного полушария неба. По его же определению ее визуальная яркость есть 9,4 зв. вел., а фотографическая 10,6 зв. вел.; по этим числам можно вычислить, что абсолютная яркость есть 13,4 для глаза и 14,6 зв. вел. фотографически. По определению Кэмпбеля и Мура она приближается к нам со скоростью 128 килом. в

секунду; это довольно большая лучевая скорость; ее полная скорость в небесном пространстве составляет 150 килом. в секунду и направлена почти параллельно средней плоскости Млечного Пути.

Параллаксы обеих упомянутых звезд получены обычным в настоящее время „геометрическим" способом; он заключается в том, чтобы у звезды, которую по тем или иным соображениям, обыкновенно по значительному видимому собственному движению, можно предполагать близкою к нам, подметить годичное перемещение ее на небе среди окружающих ее, но на деле гораздо более отдаленных от нас, звезд. Такое кажущееся годичное перемещение, происходящее от движения Земли вокруг Солнца, если оно обнаружено измерениями, дает возможность определить, во сколько раз звезда дальше от нас, чем Земля от Солнца. Таким путем определены к нашему времени с большей или меньшей точностью расстояния нескольких сотен звезд, и на основании этого в связи с их кажущеюся яркостью вычислены и их абсолютные величины; оказывается, что есть в небе как солнца в десятки, сотни и тысячи раз слабее нашего Солнца, так и такие, которые во столько же раз ярче его. С другой стороны, как давно уже известно, звезды разнятся друг от друга по цвету и по спектрам. В общепринятой в настоящее время, выработанной на Гарвардской обсерватории, классификации звезд по спектрам главнейшие типы спектров суть:

Название.	Краткая характеристика спектра.
O	Спектры со светлыми линиями.
B	Спектры с темными линиями гелия.
A	Спектры с широкими линиями водорода.
F	Водородные линии у́же, чем в *A*; много линий металлов, но не так много, как в *G*.
G	Спектры, как у Солнца; водородные линии еще у́же, а линий металлов еще больше, чем у *F*.
K	Многочисленные линии еще сильнее, чем у *G*; значительное ослабление фиолетовой части спектра.
M, *N*	Колончатые спектры с односторонне резкими темными полосами от поглощения света газообразными химическими соединениями.

Если ограничиться при классификации звезд по спектрам лишь главными чертами каждого типа, то оказывается, что в общем одинаковые спектры бывают у звезд весьма различных абсолютных величин; представляется, однако, весьма вероятным, что две звезды со спектрами одного и того же типа, но с различной абсолютной яркостью, разнятся также и по размерам, по массе, по высоте атмосфер, а потому естественно ожидать, что в их спектрах должны быть различия в напряженности и виде хоть некоторых темных линий, особенно чувствительных к физическим условиям, при которых находятся в атмосферах звезд те газы, от которых эти линии происходят. Если такие различия существуют и если бы удалось установить соотношения между их напряженностью и абсолютной величиной звезд, то по виду этих линий можно было бы определять абсолютные величины звезд, а следовательно, и их расстояния от нас. Герцшпрунг и Кольшюттер действительно подметили такие чувствительные линии, и затем это исследование в обширных размерах было произведено В. Адамсом на солнечной обсерватории на горе Вильсон. В спектрах с многочисленными линиями типов от *F* до *M* ему удалось сыскать несколько линий, напряженность которых значительно зависит от абсолютной яркости, а неподалеку от этих линий и такие линии, которые почти совсем не зависят от нее и потому могут служить эталонами для сравнения чувствительных линий.

На основании исследования этих линий в спектрах нескольких десятков звезд, для которых абсолютные величины были определены вышеуказанным способом, Адамс вывел довольно простые формулы, связывающие напряженность этих линий с абсолютною величиною звезды; и когда затем он применил этот метод к определению абсолютных величин прочих звезд с ранее известными параллаксами и вывел из полученных им абсолютных величин параллаксы, то получилось удивительное согласие между параллаксами, определенными обоими столь различными по существу способами. И теперь можно с довольно большой уверенностью определять расстояния от нас звезд по их спектрам (типов от *F* до *M*); кроме того эти исследования имеют и большое значение в астрофизическом смысле, так как они дают надежду, что в дальнейшем удастся и еще более проникнуть в тайны связи между видом спектральных линий и физическими свойствами звезды.

Различие в спектрах всеми астрономами рассматривается, как указание на различное физическое состояние звезд, и естественно должны были возникнуть попытки на основании спектров представить постепенное развитие каждой звезды от ее возникновения до угасания. Были составлены различные гипотезы, но ни одна из них не получила всеобщего признания. После создания гарвардской классификации спектров постепенно вошло в общее, однако в значительной степени условное, обыкновение рассматривать вышеприведенный ряд спектров от *В* до *М*, как указание на хронологический порядок изменения спектра каждой звезды по мере того, как она, охлаждалась, из белой становилась желтой и затем красной. Но в последние годы новые соображения были развиты Г. Рёсселем. Он привел разнообразные и достаточно убедительные доводы в пользу того, что красные звезды по своей абсолютной яркости разделяются на две совершенно обособленные группы: группа очень ярких и группа очень слабых звезд без промежуточных степеней яркости — т. наз. звезды-гиганты и звезды карлики. Среди желтых звезд намечаются такие же две группы, только менее обособленные одна от другой; при том абсолютная яркость желтых гигантов приблизительно такая же, как красных; желтые же „карлики" абсолютно ярче красных; в белых звездах таких групп не обнаружено; по своей средней абсолютной яркости они стоят между желтыми гигантами и карликами. В связи с этими результатами Рессель создал такую гипотезу развития звезд. При своем образовании они представляют громадные газовые самосветящиеся, но слабо нагретые и поэтому красные шары очень малой средней плотности; их общая яркость значительна, потому что они велики, хотя яркость поверхности их и мала, так как температура не высока, ок. 3000°. Звезда теряет тепло в небесное пространство, но вследствие взаимного притяжения ее частиц сжимается, и от этого ее температура повышается, пока плотность газа не достигает некоторого предела, особенно в центре, где плотность, конечно, наибольшая; от повышения температуры цвет становится желтым, поверхностная яркость возрастает, но так как объем уменьшен, то общая яркость звезды лишь мало уменьшается сравнительно с тем, какою она была, когда звезда была красною; этот период, когда звезда бывает красным и потом желтым „гигантом". При дальнейшем физическом развитии в том же направлении звезда достигает наибольшей температуры в 10—15 тысяч градусов, становится белой с еще большей поверхностной яркостью, но еще меньших размеров; но тут начинается иной характер изменения физического состояния звезды; дальнейшее сжатие влечет с собою не повышение температуры, потому что плотность уже достигла того предела, при котором это может и должно

происходить, а изменение физического состояния вещества звезды, звезда перестает быть в прежней мере газообразной, и дальнейшая потеря тепла в пространство сопровождается понижением температуры; а так как уменьшение объема продолжается, то звезда проходит „карликовый“ цикл ее развития: ее абсолютная яркость слабеет и от того, что объем и поверхность уменьшается, и от того, что температура ее падает; и постепенно звезда гаснет. Гипотеза Рёсселя напоминает гипотезу Локиера, развитую еще в конце XIX-го века, но не нашедшую большого признания со стороны астрономов, так как доказательства Локиера не представлялись достаточно убедительными; они основывались только на виде некоторых линий в спектрах звезд. Самым неясным в развитии звезд представляется и до сих пор самое возникновение их. Обычно принимается, что звезды возникают из туманностей, но как именно это происходит, остается очень неясным; в этой области необходимы еще дальнейшие исследования и прежде всего относительно самих туманностей, как таковых. В последние годы и в этом отношении получено несколько интересных фактов, прежде всего относительно движений. Исследованиями Костинского и фон-Маанена были впервые обнаружены движения отдельных частей в спиральных туманностях путем сравнения между собою фотографий, полученных через несколько лет одна после другой; затем на Ликовской обсерватории было у нескольких планетарных туманностей обнаружено вращательное движение путем применения принципа Допплера-Физо; этим же путем Слайфер на обсерватории покойного Лоуэля определил скорость движения по лучу зрения нескольких спиральных туманностей; они оказались громадными по сравнению со скоростями звезд; между тем как у звезд, а также и у рассеянных, бесформенных туманностей, скорости обычно составляют немного, в среднем около двух десятков километров в секунду, у спиральных туманностей они оказались в среднем около 340 килом. в секунду (у трех из 15-и туманностей скорости оказались малыми, у трех около 1.000 килом. в сек.); равным образом по исследованиям Вильсона для четырех спиральных туманностей в Большом Магеллановом облаке получились согласные между собой скорости около 275 килом. в сек. По этим пока еще немногочисленным данным было определено, конечно, лишь грубо приблизительно, что наша звездная система, т.-е. звезды, непосредственно окружающие наше Солнце, имеет скорость около 600 килом. в сек. Эти данные подкрепляют то мнение, впервые высказанное Истоном, что Млечный Путь, одну из бесчисленных звезд которого представляет наше Солнце, есть тоже спиральная туманность. Наконец, еще одно обстоятельство приводит к подобному же взгляду. Как известно, новые звезды расположены в Млечном Пути или близ него, в том числе и две последние, одна появившаяся в 1919 году в созв. Орла, другая 1920 года в созв. Лебедя. К настоящему времени известно еще около 12-и новых звезд, появившихся вне Млечного Пути, открытых по большей части лишь по фотографиям, обычно спустя несколько лет после их появления. Оказывается, что все они появились в спиральных туманностях. Отмеченные исследования туманностей представляют лишь первые шаги в детальном изучении этих небесных тел, но начало сделано, и можно надеяться, что впоследствии удастся подметить хоть некоторые намеки на связь туманностей и звезд и таким путем получить сколько-нибудь прочную основу для хоть приблизительного суждения о возникновении звезд, рассеянных во вселенной.

Успехи химии за время мировой войны.

Статья I.

Химия в России за время с 1918—1921 г.г.

Проф. Яр. Пржеборовский.

Только лишь сравнительно недавно явилась возможность до некоторой степени восстановить разрушенные связи в научном общении как в России, так и с заграницей. Конечно, не приходится говорить о том, что в этих очерках с достаточной полнотой будут освещены все более или менее важные работы в области химии, произведенные заграницей. Даже о работах, произведенных в России, не имеется достаточно полных сведений, но все же и то, что удалось собрать о научной и научно-прикладной работе в области химии в России за время с 1918 по 1921 г.г., представляет несомненный интерес. Центрами научной и научно-прикладной работы в области химии были Москва и Петроград. И в Москве, и в Петрограде основан ряд институтов. Так, в Москве институты - 1) химический институт имени Л. Я. Карпова при В. С. Н. Х. (бывш. центральная химич. лаб. химотдела В. С. Н Х.), 2) биохимический институт (научный государственный институт народного здравоохранения при Н. К З.), 3) институт для изготовления химически чистых реактивов при научно-техническом отделе В. С. Н. Х., 4) Российский научный химический институт при Нар Ком. Просв. В Петрограде за этот период работали следующие институты: 1) институт прикладной химии. 2) институт по изучению редких металлов, 3) институт физико-химического анализа, 4) керамический институт. При академии наук работает радиевая коллегия, которая преобразовывается в радиевый институт. Вопросы, выдвигаемые химической промышленностью, требуют для своего разрешения чисто научных методов. Это давно уже доказано. И наиболее ярким примером является Германия как в мирное время так и в особенности в мировую войну. В следующем очерке мы познакомим читателей с тем, как использовала Германия свою химическую промышленность во время мировой войны. Таким образом, каждое учреждение, каждый институт прикладного характера должны пользоваться чисто научными методами в своей работе, должны рассматривать проблемы, выдвигаемые промышленностью, как проблемы, подлежащие чисто научной обработке, и только там, где живет этот творческий дух научной инициативы, только там возможна настоящая работа, не только отвечающая требованиям текущего момента, но и действительно являющаяся тем катализатором, который так необходим для развития производительных сил России в данный момент. В этом отношении инсти-

тут имени Л. Я. Карпова и биохимический институт удачно соединили эти две задачи. Удовлетворяя потребностям текущего момента, эти два института в то же время развивают научную работу. И в том и в другом направлении в этих институтах получены результаты большого значения.

Из работ, имеющих важное значение для химической промышленности, можно указать на следующие: 1) Способ очистки сернокислого алюминия, разработанный Б. И. Збарским. Более пятидесяти лет искала химическая промышленность метода для очистки сернокислого алюминия от железа. Таким образом, решение этого вопроса в институте имени Л. Я. Карпова приобретает огромное значение не только для русской, но, несомненно, и для мировой химической промышленности. 2) Обширное исследование над использованием гидроторфа. Гидромасса обрабатывается коллоидальным раствором окиси железа и после такой обработки приобретает способность прессоваться и давать брикеты с выгодным содержанием сухого вещества. На основании этих исследований институтом спроектирован завод для искусственного обезвоживания торфа и изготовления торфяного порошка. Завод этот может работать в течение весны, лета, осени и часть зимы. 3) Ведутся исследования по получению глицерина из сахаристых веществ по методу Neuberg'a[1]). Выведены культуры дрожжей, хорошо растущих в растворах, содержащих свыше 20% бисульфита (присутствие этого вещества необходимо для образования глицерина). 4) Исследования над так называемым сибирским казеином, идущим на производство клея. Из сибирского казеина удалось получить приятный на вкус, годный для питания продукт, содержащий 13,96% азота. Не останавливаясь на целом ряде других имеющих большое прикладное значение работ, мы дадим их краткую характеристику.

Разработан способ использования цианистого ила с газового завода, произведены важные исследования над растительными маслами и жирами, имеющие большое значение для производства олифы, для мыловарения, разработан способ получения искусственного лака и др. Наряду с работами, имеющими прикладной характер и выдвинутыми требованиями момента, институт имени Л Я. Карпова произвел также ряд работ чисто-научного характера. Работы эти касаются главным образом процессов, связанных с действием энзим, и выполнены под руководством А. Баха, директора института. Чрезвычайно важным является метод количественного определения в капле крови энзим при их совместном присутствии (каталаза, пероксидаза и липаза). Отсутствие точного микроскопического метода, при котором только и возможна работа с минимальными количествами крови, до сих пор не давало возможности систематически исследовать работу ферментов в нормальном и патологическом состоянии организма. Метод А. Н. Баха дает возможность работать с одним кубическим миллиметром крови (капля крови, примерно, с головку небольшой булавки). По заказу института построены десять специальных калориметров, которые и предоставлены госпиталям для систематических исследований. Кроме того ряд работ, изучающих действие различных ферментов, действие перекиси водорода и пр. Биохимический институт, возникший сравнительно недавно, 6-го января 1921 г., произвел ряд работ в области энзимологии крови. Работа по определению энзим в крови по методу

---

[1]) См. ст. 2.

А. Н. Баха напечатана в Biochemische Zeitschrift. Сотрудник института, врач А. Э. Шарпенак, изучает на самом себе работу ферментов крови в зависимости от пищевого режима. Новый метод определения ферментов крови вызвал интерес среди врачей. Из большинства клиник Московского университета, а также и из провинции (Харькова, Воронежа, Пятигорска, Саратова, Томска и др.), были командированы врачи для ознакомления с методом А. Н. Баха. Через лабораторию института прошло не менее 30 врачей. В Москве исследования крови по методу Баха производятся в настоящее время в клиниках проф. Кончаловского, Федынского и Дитриха. Большой интерес представляет работа по изучению крови и молока коз, у которых удалена щитовидная железа. Целый ряд других работ отослан для напечатания в „Biochemische Zeitschrift". Кроме этих работ, в институте был проведен курс по теории и практике энзимологии для врачей. Необходимым условием для научных работ, кроме специальной аппаратуры, является также и возможность иметь необходимые для исследований препараты в так называемом химически чистом виде. До войны химически-чистые и гарантированные реактивы получались главным образом из Германии. Наиболее известны такие фирмы, как Kahlbaum, Merck. Уже во время войны стал сильно ощущаться реактивный голод, и был поставлен вопрос о необходимости организовать в России институт по изготовлению химически чистых реактивов, имеющих своею задачею организацию производства химически чистых препаратов, а также разработку методов по изготовлению химически чистых препаратов и по очищению их. Но такой институт, конечно, не может быть простой техно-химической лабораторией. Это несомненно научное учреждение. Ведь не только методы синтеза препаратов, но в неменьшей степени и методы их очищения по существу являются настоящей научной работой и при том такой, которая требует не только опытных, но настойчивых, можно сказать, упорных исследователей. Фирмы Kahlbaum и Merck приобрели в этом отношении мировую известность.

Основанный в 1918 г., в Москве, институт для изготовления химически чистых реактивов (при научно-техническом отделе В.С.Н.Х.) должен был взять на себя трудную задачу: 1) организовать производство химически чистых реактивов, нужда в которых была более чем острой, 2) выработать методы получения и очистки химически чистых препаратов Задача эта трудна даже и для нормальных условий. Но все же, насколько позволяли обстоятельства, институт этот выполнял свою задачу и немало помог и отдельным лабораториям, и научным учреждениям. Так, некоторые из работ, произведенные в Российском научном химическом институте (о нем будет сказано ниже), могли быть выполнены только при содействии института для изготовления хим. ч. реактивов (Иреа).

Работу свою Иреа ведет в следующих направлениях: 1) чисто научная работа, 2) разработка методов синтеза или очистки реактивов, 3) производственная деятельность. Кроме этого, Иреа в настоящее время организует издание „Реактивной энциклопедии". Потребность в такой энциклопедии более чем велика. Всякий, кому приходилось вести научную работу, знает высокую ценность такой энциклопедии. На русском языке было совершенно неудовлетворительное руководство Коренблита, на немецком языке руководство Bender'a, очень сжатое и несомненно неудовлетворительное. Известная книга Merck'a по испытанию реактивов на чистоту тоже оставляла желать многого. Реактивная энциклопедия, некоторые из статей для которой уже готовы, должна состоять из ряда статей, написанных специалистами. В этих

статьях будут даны подробные указания методов получения, очищения и испытания на чистоту препаратов. Указаны свойства и применения данного реактива в научной работе, в химической лаборатории при заводах и фабриках, в медицине, агрономии и пр. Значение такой энциклопедии может быть поставлено на ряду с тем значением, которое приобрело классическое руководство Оствальда. руководство по физико-химическим измерениям. Как уже было указано, работа Иреа неизбежно связана с чисто научной работой Таких работ институтом выполнено до 25. Работ, имеющих научное значение, выполнено до 140. Не останавливаясь на подробностях, мы дадим читателю краткий обзор других сторон деятельности Иреа. Этот обзор покажет, что и в этом отношении. не смотря на условия, мало благоприятные для продуктивной работы, институт сделал не мало. Выработка химически чистых препаратов доведена до 8 пудов в месяц (при теперешнем отсутствии сырья и проч. цифра достаточно высокая). Институтом разработан заказ с чертежами двум германским заводам на специальные установки для производства реактивов.

Заказ проведен через Внешторг и обеспечен валютой. Свою деятельность Иреа распространяет и вне Москвы. Так при Уральском университете организована комиссия по изготовлению химически чистых реактивов. Эта комиссия ведет выработку реактивов и чистых кислот в количестве, могущем удовлетворить потребности Урала и ближней Сибири. Из работ Иреа, получивших важное практическое значение, можно указать на работы по применению синильной кислоты, как удушливого газа при борьбе с паразитами. Этот метод успешно применялся для уничтожения зародышей вшей в вагонах, тюремных камерах, в помещениях эвакуационных госпиталей и пр. Этот же метод был применен для уничтожения вредителей, разрушавших экспонаты в этнографическом отделе Румянцовского музея. Данные всех этих работ использованы Наркомздравом для работ санитарно-дезинфекционной базы.

Но и научная работа также не была прервана за эти годы (1918—1921). При научном отделе Народного Комиссариата по просвещению, летом 1919 г. был открыт Российский научный химический институт, состоящий из пяти отделений: 1) отделение биологической химии, 2) отделение органической химии, 3) отделение физической химии, 4) отделение неорганической химии и 5) отделение электрохимии.

Как мы уже указывали, давно установлен тот факт, что современная промышленность всецело построена на чисто научном фундаменте, и мощное развитие производительных сил Западной Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов основано на тесной, организованной связи между работой научных учреждений и производственных предприятий. Так, в Германии фундаментом всей ее химической промышленности являлась работа научных химических институтов. Институты эти, с одной стороны, находились при высших школах, а, с другой стороны, являлись самостоятельными учреждениями,—как, напр., институт Вильгельма, институт для исследования углей и др. Научная работа в Германии получила характер массовой, организованной, почти фабричной работы. Целый ряд фабрик и заводов организовал при себе специальные научные лаборатории и даже целые институты, где под руководством выдающихся ученых работали, можно сказать, целые отряды химиков (т. к. в научной лаборатории известной фабрики по производству анилиновых красок работало до 200 химиков). В России давно уже ощущалась необходимость в научном центре, который объединил бы научную работу в области химии с химической

промышленностью. В этом центре научной работы, тесно связанной с потребностями химической промышленности, необходимо было создать такие условия, которые дали бы возможность ставить работы не только в обычном, лабораторном масштабе, но и в полузаводском, что особенно важно для предварительной разработки процессов, имеющих техническое значение. Если уже на Западе при гораздо более благоприятных условиях для научной работы выяснилась необходимость в создании научных институтов, то особенно ощущалась эта необходимость в России при сравнительной бедности лабораторий при высших учебных заведениях как в смысле помещения, так и в смысле оборудования. Таким центром, объединяющим научную работу по химии в стране, устанавливающим тесную связь между наукой и химической промышленностью, работающим в направлении содействия максимального развития производительных сил, и должен был явиться Российский научный химический институт. Но не только одна лабораторная работа являлась задачей института. Институт имеет своею задачею содействовать развитию химической промышленности и другими способами, как, например, изысканием и исследованием природных богатств страны, подготовкой научных работников, консультацией и пр. Институт начал свою работу с разрешения вопросов, имевших наиболее важное практическое значение, но в то же время разрабатывал и ряд проблем, имеющих не менее важное значение с теоретической стороны.

Одним из важных вопросов, имеющих большое значение для химической промышленности, является производство красящих веществ. В этом отношении до войны одно из первых мест принадлежало Германии. Среди красок, получаемых немецкими химическими фабриками, особенно знаменита синяя краска, индиго, за свою красоту и прочность названная „королем красок". Отделение органической химии Р. Н. Х. И. поставило одной из своих задач выработку метода, который дал бы возможность получать некоторые краски из материалов, наиболее дешевых и легко получаемых в России. Такими красками оказались „диметилиндиго" и некоторые из его производных. Получены краски с различными оттенками, — фиолетовый, синий и т. д. Опыты, произведенные с окрашиванием тканей, испытание прочности этих красок по отношению к свету, дали вполне удовлетворительные результаты. Особенно чистые и яркие тона дает „дибромдиметилиндиго", эта же краска отличается прочностью по отношению к свету. Одна из красок (диметилиндигосульфоновая кислота) при окрашивании шерсти является более прочной к свету и дает более чистый синий тон, чем соответствующее производное от „короля красок" индиго. В настоящее время подготовляется производство этих красок на опытном заводе Главанила. Составлен полный проект производства. Размеры аппаратуры рассчитаны на получение в каждую операцию до полпуда диметилиндиго. Метод этот премирован комитетом по делам изобретений.

Кроме того, произведен ряд исследований над получением веществ, являющихся материалом при получении красок. Результаты этих работ переданы анилиновому заводу в Кинешме.

Не менее важными веществами, чем красящие вещества, являются лекарственные препараты. В этом отношении и до мировой войны и во время мировой войны Россия в сильной степени зависела от заграницы. В отделении биологической химии разработан метод, дающий возможность получать исходный материал для таких лекарственных препаратов как теобромин, кофеин. Как известно, эти вещества находятся в близком отношении к так называемой мочевой кислоте.

Уже в 1897 г. немецкому химику Э. Фишеру удалось найти переходы от мочевой кислоты к теобромину и кофеину. Таким образом, поставлен вопрос о техническом получении теобромина и кофеина из мочевой кислоты. Мочевая кислота составляет значительную часть экскрементов птиц, рептилий, змей. В отделении биологической химии разработан метод получения мочевой кислоты из голубиного помета, материала в достаточной степени дешевого. Этот метод дает возможность получать мочевую кислоту из голубиного помета в заводском масштабе и премирован отделом по делам изобретений.

Одним из наиболее интересных вопросов химии является вопрос о строении белков. В этом отношении продолжаются работы по изучению продуктов распада желатины (так называемый кислотный гидролиз). Далее производятся исследования, направленные к выяснению генезиса кишечной интоксикации, изучаются действия на карнозин и гистидин чистых культур некоторых видов микроорганизмов кишечной флоры.

Затем произведены работы, связанные с получением так называемых аминокислот (продукты распада белков) и др. Одним из элементов, имеющих большое значение для промышленности, в том числе и для химической, есть элемент времени. В этом отношении большое значение имеют ускорители химических реакций, катализаторы, в физиологии эти ускорители получили название ферментов. Таким образом, изучение механизма каталических процессов является важным и для техники, и для физиологии и пр. Но явления катализа связаны с явлениями адсорбции (поглощения). Но помимо этой связи явления адсорбции являются не менее важными и сами по себе.

Достаточно указать, что к этим явлениям относятся поглотительная способность почвы, усвоение питательных веществ, явления крашения и пр. В отделении физической химии Р. Н. Х. И. были поставлены исследования по изучению адсорбции на перекиси марганца, окиси алюминия, окиси железа, шерсти и пр. Исследования показали, что в явлениях этого рода необходимо учитывать влияние так называемого молекулярного поля сил. Особенное большое значение получила в последнее время коллоидная химия, захватившая в сферу своего влияния и физиологию, и медицину, и технику. Исследование коллоидных растворов (осаждение различными электролитами растворенных коллоидов) также приводят к принятию молекулярного поля сил. Теория растворов, созданная за последние 30 лет, получившая ряд блестящих подтверждений, все же нуждалась в известных поправках и дополнениях.

Работы таких исследователей как Вальден, Джонс и др. внесли много ценного и вместе с тем поставили ряд новых проблем. Одним из вопросов, имеющим не только теоретическое, но и прикладное значение, является вопрос о влиянии так называемых нейтральных солей. Этот вопрос изучался в другой серии работ, поставленных в отделении физической химии. Полученные результаты, кроме теоретического значения, имеют значение и для физиологии, так как присутствие нейтральных солей в растворах кислот не позволяет применять для определения кислот метода (измерения потенциала водородного электрода), который до сих пор применялся в физиологии. В отделении неорганической химии был произведен ряд анализов минералов, среди них минералов, содержащих металл литий. Исследование литиевых минералов представляет интерес для химической промышленности, медицины и пр. Как известно, препараты лития употребляются при лечении подагры, ревматизма и каменной болезни. Углекислый литий, главным

образом, идет на приготовление искусственных минеральных вод. В России такие воды готовились, например, в Ессентуках. В большом количестве применяется литий в фотографии. Затем соединения лития применяются при заряжении эдиссоновских аккумуляторов нового типа и в военной технике. Месторождения литиев-минералов в России находятся на Урале (липовское месторождение) и в Сибири (ургучанское месторождение).

Далее были исследованы соединения вольфрама, вольфрамовые бронзы и ряд металлов редких земель. Применялись методы разделения этих металлов путем кристаллизации их солей, а также разрабатывались методы разделения их путем дробного осаждения при помощи электролиза. Как известно, металлы редких земель получили большое применение для электрических ламп, при приготовлении минеральных красок и протрав, в керамике, фотографии и т. д.

Вольфрам и его соединения имеют широкое приложение. Металл вольфрам обладает большою твердостью, тугоплавкостью и тягучестью. Наиболее важное значение имеет вольфрам для изготовления самозакаливающейся „вольфрамовой стали".

Вольфрамовая сталь обладает большею твердостью и упругостью. Идет она на приготовление рессор, режущих инструментов, снарядов и т. д. Резцы станков, обтачивающих снаряды, готовятся из быстрорежущей вольфрамовой стали. Эта сталь, нагретая до красного каления, не теряет своих свойств, своей закалки. Производительность работы таких резцов в 10 раз превышает производительность обыкновенных резцов. Соединения вольфрама идут для приготовления протрав, применяемых в красильном деле, для пропитывания некоторых сортов тканей, которые становятся при этом непромокаемыми. Способность вольфрама вытягиваться в тонкие нити и выдерживать высокую температуру нашла себе применение для изготовления нитей в лампочках накаливания. В последнее время вольфрам применяется для конструирования вольфрамовых электрических печей и для приготовления экранов для рентгеновых лучей. Месторождения вольфрамовых руд в России находятся на Урале, в Пермской губ. и в Забайкальской области. Значение электрохимии и ее приложений к химической промышленности особенно возросло за последнее время. Достаточно указать хотя бы на использование азота воздуха при помощи электрических печей. В электрических печах мы имеем возможность получать весьма высокую температуру,—в последней конструкции температура доходит до 7.000 градусов.

Большое применение получили электрические печи: получение карбида кальция, исходного материала для добывания ацетилена. Ацетилен может служить для получения уксусной кислоты и спирта (ближе об этом см. ст. 2-я). Путем электролиза расплавленных солей получают такие металлы, как натрий, кальций, магний, алюминий. Целый ряд химических производств пользуется методами, данными электрохимией: производство щелочей, соды, хлора, белильных солей, очищение меди, при чем как побочный продукт получают значительные количества серебра и золота. В 1902 г. при электролитическом очищении меди было получено в качестве побочных продуктов 750.000 килограммов серебра и 9.500 килограммов золота. Не останавливаясь на дальнейших применениях электрохимии, укажем на осаждение металлов при помощи электрического тока: никкелирование, цинкование, серебрение, золочение и т. д. Хотя осаждение металлов электрическим током давно уже применяется в технике, но все же многие стороны в этих процессах недостаточно разъяснены, а не-

которые из них ведутся с применением таких сильно ядовитых веществ, как цианистые соли, что, несомненно, отражается на здоровьи рабочих. В отделении электрохимии разрабатывались методы по выделению цинка и никкеля из растворов солей в присутствии коллоидов. Оказалось, что коллоиды влияют на свойства осадков и при том в направлении, выгодном с технической стороны. Далее, изучалось влияние коллоидов на некоторые электрохимические процессы. Полученные результаты представляют интерес не только с теоретической стороны, но и являются важными для физиологии, так как оказалось, что некоторые методы, которыми до сих пор пользовались физиологи, в присутствии коллоидов не могут быть применяемы. Российским научным химическим институтом изданы три выпуска „Известий Института“, где и помещены отчеты о произведенных в нем работах. Что касается работ в области химии, произведенных в Петрограде, то о них имеется немного сведений и почти никаких сведений нет о том, что сделано в других городах. За это время в Петрограде работали следующие институты: научный институт при В. С. Н. Х.; институт прикладной химии,—в нем производились работы по разработке методов получения сахара из древесины; институт редких металлов,—изучались соединения платины, способы ее очищения. Институт этот находится при комиссии по изучению производ. сил России. Институт физико-химического анализа,—изучались растворы солей, условия кристаллизации. Эти работы связаны с изучением природных месторождений таких соединений, как, например, соли калия имеют большое значение для удобрения). Далее, изучались бокситы, минералы, содержащие алюминий и поэтому важные как материал для получения алюминия. Керамический институт разрабатывал способы получения кварцевой посуды. Как известно, кварцевая посуда отличается чрезвычайною стойкостью по отношению к целому ряду веществ, выдерживает резкие переходы от тепла к холоду и потому является особенно ценной при научных работах.

При академии наук работала радиевая коллегия. Соединения радия за последнее время приобрели особый интерес и значение. Радий, эманация радия, актиний, мезоторий, радиоторий добываются уже на специальных заводах и создали целую индустрию. Характерной чертой этой индустрии является то, что из гигантских количеств исходных материалов она получает только милиграммы и в лучшем случае граммы радиоактивных веществ, при чем эти вещества обладают громадной стоимостью. Возрастание этих цен может быть названо „радиевой лихорадкой“. В 1902 г. один миллиграм радиевого препарата стоил круглым счетом 10 марок (около 5 руб.). Но, когда было установлено, что излучения, испускаемые радиевыми препаратами, разрушают раковые клетки, и его стали применять при лечении рака, то и частные клиники, и города, и пр. стали запасаться радиоактивными препаратами, и цены быстро поднялись.

В 1918 г. один миллиграм радиевого препарата стоил в Германии 00 марок. Для того, чтобы удовлетворить потребности всех медицинских институтов, потребовалось бы до 60 граммов радия, но такого количества в настоящее время еще не имеется. Применение радиевых препаратов в медицине все увеличивается, и, конечно, нашлись специалисты, применившие радиевые препараты и в косметике. Дальнейшее применение этих препаратов мы встречаем в земледелии, как удобрительное средство, в производстве светящихся красок и даже при устройстве громоотводов.

Еще до мировой войны существовало громадное число пред-

приятий в области радиоактивной промышленности,—в Германии, Австро-Венгрии, Франции, Португалии, Англии, в Соединенных Штатах Америки и в Австралии. Северная Америка, по последним данным, может получать в год до 6 граммов радиевых препаратов. По расчетам Петрачека запас радия на земле составляет 425 грамм. В настоящее время Америка доставляет половину всего количества мирового производства радиевых препаратов. Количество радиевых препаратов, получаемых ежегодно, все возрастает. Особенно велика потребность в этих препаратах для медицинских целей: лучи радия и мезотория применяются при лечении раковых образований на коже; этот метод имеет то преимущество сравнительно с хирургическим, что совершенно или почти совершенно не остается обезображивающих рубцов, напр., на лице; успешно применяются радиоактивные вещества при хронических заболеваниях суставов, при некоторых сердечных заболеваниях, невралгии, ишиасе и пр. Туберкулез легких пока не поддается воздействию радиоактивных веществ, но при туберкулезе суставов часто получаются хорошие результаты. В последнее время лучи Рентгена стали конкурировать с радиоактивными веществами; но нередко применяют и комбинированное действие,—на внутреннюю часть органа действуют лучами радия или мезотория и одновременно снаружи лучами Рентгена. Опыты с применением радиоактивных веществ в качестве удобрения дали интересные результаты: урожайность повышается больше, чем на сто процентов. При этом растения становятся более стойкими по отношению к влияниям погоды.

Мы не станем останавливаться на дальнейших применениях радиоактивных веществ, с этими применениями мы ознакомим читателя в одной из ближайших статей. Радиевая комиссия при академии наук поставила своею задачею получить радиевые препараты. Уже получены первые концентраты, и к весне комиссия надеется получить первые порции радиоактивных препаратов.

Не малое значение имеет вопрос о месторождениях радиоактивных минералов. У нас в России такие месторождения находятся в Туркестане и в Забайкалье, но здесь необходимы обстоятельные исследования для выяснения мощности залегания и т. д. радиоактивных пород. По примерной оценке стоимость радиоактивных веществ, которые могут быть добыты из русских месторождений, могла бы покрыть издержки всей мировой войны.

Из этого небольшого очерка видно, что за время с 1918 по 1921 г. и научная, и научно-прикладная работа не прекращалась. В эти годы создан ряд научных институтов, работа которых уже принесла ценные результаты, но, конечно, еще гораздо бо́льшее предстоит сделать. Оторванность отдельных работников и учреждений все же ощущается, и особенно необходимым является съезд химиков. Этот съезд не только освежил бы работу, но дал бы возможность теснее ее координировать, точнее учесть потребности химической промышленности в текущий момент и построить стройный, выдержанный план дальнейшей работы, объединяющей все научные институты и учреждения. Всероссийский Менделеевский съезд химиков организуется в настоящее время русским физико-химическим обществом при участии химотдела В. С. Н. Х. и отделения химии об-ва Л. Е. А. Э. Открытие съезда предполагается в мае 1922 г. в Петрограде.

Басни.

(Из Эзопа.)

Демьян Бедный.

Дуб и клинья.

Пав жертвой дровосека,
Вздохнул могучий дуб на весь зеленый бор:
— „Как ни обидно мне, друзья, на человека
И на его топор,
Но во сто крат больней мне видеть клинья эти,
Которыми меня стремятся расколоть:
Все из моих ветвей, мои родные дети
Зубами острыми впились в родную плоть.

Гермес.

Какой-то токарь, плут известный и повеса,
Состряпав наскоро из дерева Гермеса
И притащив его на рынок продавать,
Стал покупателей умильно зазывать:
— „Для лиц всех возрастов и для любого пола
Гермес за три обола! [1])
За три обола!
Купив его, нужды не будешь знать ни в чем,
Весь век свой проживешь в довольстве и в покое:
Кто беден, станет богачем,
А кто богат, разбогатеет вдвое!"
— „Ба!—кто-то из толпы, задетый за живое,
Взял на смех продавца:—Чудак же ты, видать,
Что сам сбываешь с рук такую благодать!"
— „Эх,—продавец в ответ:—Иди ты, братец, к шуту!
Ведь, то пойми: сказать Гермесу не в укор,
Он хоть отзывчив, да не скор,—
А три обола мне нужны сию минуту!"

---

[1]) Обол—монета древних греков стоимостью копейки в 4.

Боги.

Когда, среди богинь метнувши жребий, боги
Вводили жен в свои небесные чертоги,
Суровый бог войны, омытый весь в крови,
Взял в жены, чуждую отраде материнства,
Богиню грабежа и гнусного бесчинства.
Восторгов неземных и знойных чар любви
Неиссякаемый родник найдя в богине,
Бог неразлучен с ней поныне.
С тех пор, однако, для страны,
Охваченной огнем кровавого пожара,
Изнемогающей от вражьего удара,
Не так ужасен бог войны,
Как подвиги его божественной жены.

Колесо и конь.

В телеге колесо прежалобно скрипело.
— „Друг,—выбиваяся из сил,
Конь с удивлением спросил:—,
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть, ведь, везешь не ты, а я!"

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

Красномосковье.

Сергей Городецкий.

Замусленные церковенки
И игрушечные терема
О народе-рабе, о ребенке
Шепчут слезные сказки впотьмах.

Искривились кудрявые крыши
Тихой болью о старых порах,
В куполах, как летучие мыши,
Виснет серенький, слепенький страх.

Особняк в снеговой куцавейке
Вздохом сломленных ставень хрипит
О калачиках по три копейки,
О хранителе—псе на цепи.

На колоннах облупленных бродит
Мертвой барыни лунная тень.
И скрипит в упраздненном приходе
Панихидным напевом ступень.

По лабазам, застылым и лысым,
Забиваясь в пустые углы,
Обозленные голодом крысы
Прославляют хозяев былых.

Сорвалась запьянцовская тройка
В непролазный овраг с крутизны,
И тоскует сивушная стойка
О мерзавчиках звонкохмельных.

Ты пропала, Москва богатеев,
В мех укутанных бородачей,
Кутежа на поту не затеет
Воротила цыганских ночей.

И другая, другая, другая,
Трудовою росою жива,
Золотые столицы пугая,
Вырастает над миром Москва.

За громадами дремлющих башен,
За седыми зубцами Кремля,
Всходит солнце вселюдное наше,
И вселенская светит земля.

Вы искали ее по часовням,
В дыме ладана, в звоне вериг,
А она—раю вашему ровня—
Загремела из огненных книг.

Вы гадали о ней по созвездьям,
По лампадам в иконных углах,
А она ало-цветом возмездья
Из рабочего пота взошла.

Что задумался, отче Иване,
Великан захудалых рабов?
Ты не думал, что солнце восстанет
Раньше сроков и ветхих веков?

Вы проплакались, божьи старухи,
Что соборы в Кремле не звонят.
А к набатному вызвону глухи,
К звону мести, любви и огня?

Вам полушку княжую иль графью
На ленивую нужно ладонь?
Вам не знамо, что льет под Кутафью
Всех племен и народов огонь?

Кто бы ни был ты—раб Пятиречья,
Иль невольник персидских болот,—
Пропадай твоя кротость овечья.
Кремль для всех угнетенных оплот.

Руки мира! Наручник дробите!
Шея мира! Вылазь из ярма!
Вот глядите: какая обитель
Сорвала свои цепи сама!

Кто умом, кто звериной угадкой,
Все равно, здесь раздолье поймешь.
Ты вползешь сюда рабской повадкой,
Бунтарем ты отсюда пойдешь.

Из оконц протянула ресницы
По всему людоземью звезда.
И глядит на весь мир сквозь бойницы
Недреманное око труда.

Гнули русские нищие спину
У воротин Кремля-старика.
А теперь перед ним шапку скинут
Налетевшие вихрем века.

Упоенная рабскою кровью,
Родила трудовая земля
Всерабочее Красномосковье
За вселенской твердыней Кремля.

„История моего современника" В. Г. Короленко.

Том третий.

Небольшие рассказики, повестушки о том-о сем, книжечки-конфетки, погоня за формой, которой прикрывается часто скудость содержания, состязание в маленьких литературных вывертах, балаганное шутовство, порнография, вещи и вещички, хорошо „сделанные", но без нутра, душная атмосфера литературной кружковщины, „концы" имажинистов, футуристов и т. д.,—это наши литературные будни. И пусть не указывают на „зверства" большевистской цензуры (кстати, мы могли бы привести не один пример своеобразных цензурных приемов со стороны так называемой свободной „частной инициативы"), пусть не указывают на это, ибо втихомолку-то, про себя, многие поговаривают, что писатель выйти-то вышел на улицу, а сказать-то подчас ему нечего. И то надо признать: „вещи" иногда хитроумно завертываются, вуалируются, но подпимите вуаль—найдете пару замызганных мыслепок из тех, коими пробавляется русский Кобленц, либо плач на реках вавилонских...

Это—в одном лагере. В другом, в молодом, принявшем наши суровые, жесткие дни, свежие побеги, стремление осмотреться кругом после кровавых схваток, когда многое не замечалось в пылу борьбы, переработать и пережить художественно недавнее и настоящее, попытки, наталкивающиеся на старые традиции „военного коммунизма", на непонимание „духа времени",—ростки, из которых, наверное, будут алые маки, но все же только побеги, ростки, только попытки.

Книги В. Г. Короленко о прожитом, выпускаемые „Задругой", разрывают паутину серых литературных будней, запоминаются. С ними отдыхаешь, вспоминаешь лучшие времена русской литературы.

Третий том „Истории моего современника", недавно вышедший из печати, очень разнообразен по своему содержанию, а четыре части его далеко не равноценны по силе художественной изобразительности. В. Г. повествует о своих мытарствах по ссылкам и тюрьмам. Перед читателем проходит жизнь в починках Вятской губ., в вышне-волоцкой политической тюрьме; в Перми, в иркутской тюрьме, „следования" по этапам; целая галлерея политических ссыльных того времени, жандармов, царских служак и чиновников. Воскресает далекая ныне эпоха семидесятых и восьмидесятых годов. Немного по-старомодному, довольно по-либеральному подошел к этим интересным годам Владимир Галактионович; сообщено много любопытных штрихов о Мышкине, Засулич, Долгушине, Войнаральском и других, читается с интересом,

легко. И все же эти страницы—а их всего больше—не захватывают так, как привык к этому читатель, когда в руки его попадет книга Короленко. Революционная среда—не родная стихия В. Г.; художественное творчество его здесь несвободно. Революционная атмосфера, в сущности, чужда ему. Об этом он и сам дает знать читателю в своей „Истории". Борьба за законность, в рамках существовавшего тогда строя, о чем рассказывает автор,—очень симпатично и свидетельствует о большом внутреннем его благородстве, но это не революция, это протестантство, резкая оппозиция, духовная прямолинейность,—что хотите, но не подполье тех годов. Для революционера В. Г. слишком мягок, слишком много у него примиряющего юмора, нет гнева в нем, фанатизма, отрешенности, отщепенства, страстности, направленства. Недаром так холодно и, в сущности, с осуждением отнесся Короленко к начавшейся в то время террористической борьбе и к 1-му марта. Недаром Короленко казалось, что Александр II „слишком скоро изменил" делу освобождения крестьян, как будто на самом деле это освобождение было настоящим, подлинным. Неудивительно поэтому, что революционная среда в изображении Короленко лишена той яркости и сочности, той проникновенности, которыми так богат—берем для сравнения—хотя бы первый том его „Истории".

Не все подметил также автор и в том, что он называет трагедией русской интеллигенции. „Положение это было создано,—пишет он,—поразительным политическим невежеством народа, инертностью общества и проснувшимся сознанием в части интеллигенции, которая одна решилась на борьбу с могущественным государством, как ослепленный Самсон среди пирующих филистимлян". На самом деле корни этой трагедии лежали гораздо глубже. Наша интеллигенция была вообще чуждой по своей психике народным массам, была слоем, обособленным по своим чаяниям и идеологии. Октябрь вскрыл смысл и сущность этой трагедии с исчерпывающей ясностью и недвусмысленностью. Интеллигенция пошла против народа, а народ—против интеллигенции, потому что между ними оказалась пропасть, образовавшаяся в результате разного социального положения, быта, идеалов и т. д. Сводить эту трагедию к невежеству одних и к проснувшейся сознательности других—неверно, узко.

Характеристики, данные Короленко революционерам своего времени, и факты, по утверждениям некоторых знатоков революционного движения, нуждаются в поправках и дополнениях. Вероятно, так, особенно если принять во внимание, что автору многое пришлось восстанавливать по памяти. Дело знатоков исправить эти недочеты и снабдить последующие издания соответствующими пояснениями. Мы не думаем на этом останавливаться, ибо подходим к новой книге прежде всего, как к художественному произведению.

С этой точки зрения изображение политического подполья того времени нужно признать интересным, но для В. Г. далеко не первосортным.

Зато вся первая часть третьего тома, освещающая лесную глушь в починках Вятской губ., производит необычайно сильное впечатление. Здесь перед нами прежний Короленко, автор рассказов „Лес шумит", „Сон Макара" и т. д. Замечательна фигура Федора Богдана, ссыльного ходока, дошедшего до самого царя, старика Гаври, и совершенно исключительной по силе художественной изобразительности, свежести и глубине является глава XI „Трагедия лесной глуши. Как меня победила лесная нечисть". Нельзя читать этих

страниц без внутреннего напряжения, и образ старосты Якова Молосненока заслоняет собой и Мышкина, и Маликова, и Рогачева—и както покрывает собой все, о чем рассказано автором.

Яков был рослый молодец с широкими плечами, но несколько впалой грудью и не совсем здоровым цветом лица. Глаза у него были особенные: взгляд их, несколько тусклый в обычное время, производил впечатление какой-то настороженности и углубления.

Потом, стараясь объяснить себе впечатление этих глаз, я сказал себе, что взгляд их был как будто двойной: точно на вас смотрели этими глазами два человека. Один вел обычные, довольно тусклые разговоры с недоумениями и колебаниями: господин урядник приказал то-то, или из волости пришел рассылка, принес такой-то приказ, и он не знает, как с этим быть... И все время из-за обычного взгляда проблескивал мерцающе и смутно другой, настороженный, чутко притаившийся и тоскующий...

Яков жил двойной жизнью. Про него говорили, что он колдун, знается с нечистой силой и русалками. Рассказы эти оказались не лишенными некоторых оснований. Староста оказался натурой с художественными задатками. Красил дуги, расспрашивал о живописи. Дальше выяснилось, что в детстве он видел во сне или на-яву русалок, и в душе его поселился женский образ и овладел им настолько, что, когда он женился, жена несколько месяцев не знала, что такое муж. Жил он двойной жизнью. Она посещала его во сне, а на-яву он считал ее лихоманкой и верил, что когда-нибудь придет она по его душу. Вся семья была также уверена в физическом существовании „лихоманки" и утверждала, что по ночам она приходит к Якову и спит с ним.

„Лихоманка", действительно, пришла по душу Якова. Он заболел тифом, больному давали квас, хлеб, хрену, в результате—смерть.

Вот как она описана В. Г.:

Я подошел к нему и громко поздоровался. Он глядел несознательно, но, видимо, все-таки узнал меня: схватил мою руку и стал крепко прижимать к своей груди, бормоча что-то невнятно. Мне слышалось среди этого бормотания слова: „Не давай, не давай".

Понемногу он как будто начал успокаиваться. Порывистые движения стихли. Голова его лежала на подушке, глаза то закрывались, то бродили по сторонам. В другом конце, у печки светила лучина, и эта половина избы рисовалась отсюда светлым фоном.

Вдруг Яков выпустил мою руку и весь рванулся.

— Вот она, пришла за мной!..—крикнул он испуганным и диким голосом.

Я невольно оглянулся и вздрогнул. За мной стояла женская фигура, рисуясь на светлом фоне резко очерченным силуэтом. Я не сразу узнал Алену, подошедшую тихо к постели. Старуха тоже кинулась к сыну.

— Что ты, что ты! Ай не узнал родную жену?..

Но глаза Якова стали совершенно безумными. Он, видимо, ничего уже не понимал и был весь во власти завладевшего им образа. Лицо его исказилось. Скошенные глаза блуждали и сверкали белками. Сильно рванувшись, он протянул руку к косе, но я сразу уперся руками в его плечи, отвалил его на подушку и старался держать его в таком положении.

— Зарублю... посеку...—бормотал он сквозь стиснутые зубы.

...Между нами началась борьба. Он шарил руками кругом, стараясь захватить со стены серп или косу. Я хотел сказать кому-нибудь, чтобы убрали косу, но, оглянувшись, увидел себя в центре какого-то повального безумия. В избе водворился настоящий шабаш. Все члены семьи, особенно женщины, похватав заготовленные на стенах орудия, размахивали ими, как сумасшедшие, в надежде убить невидимую „лихоманку".

Мне удалось совершенно овладеть Яковом... Глаза его теперь смотрели как-то покорно и неподвижно...

— Пришла, пришла!..

Этот крик вырвался у Ефимихи сосредоточенно и печально, и она стала колотить и рубить воздух у самых ног Якова. Ей на помощь кинулась Алена с искаженным злобой лицом.

— Что вы, безумные,—крикнул я.—Видите, больной успокаивается.

— Ай, ты не видишь, Володимер?—прозвучал надо мной печальный голос матери.

Я взглянул пристально в лицо Якова, и дрожь прошла у меня по телу. Глаза его уставились в пространство с странным выражением истомы и безнадежности. Все тело ритмически двигалось под моими руками, из груди вылетали такие же ритмические, прерывистые вздохи... Он походил на человека в любовном экстазе.

...Он сделал еще несколько движений, все слабей и слабей...

— Кончается,—сказала мать.

— Ну, вот, ему лучше,—сказал я...

„Что это она говорит?.. Не может быть. Это безумие",—подумал я, но через некоторое время заметил, что пылавшее прежде жаром тело Якова начинает холодеть у меня в руках. Лицо его странно и быстро успокаивалось, и через некоторое время на него точно кто накинул покров полного спокойствия... Я взял его за руку. Она была холодна...

Алена завыла...

Да простить нам читатель длинную выписку, да еще в библиографической заметке. Страницы эти появились в печати незадолго до смерти В. Г., и свидетельствуют о неувядшей силе его художественного дарования. И как хорошо встретить это подлинное мастерство в наши дни фиглярства и внутренней пустоты. И еще эту правду о двойной жизни у людей, в лесной глуши, в починках, нужно помнить, так как обычно заметна только одна, та, которая течет на виду, тем более, что починковских жителей стараются теперь многие представить скотами.

Нурмин.

„Начала", журнал истории литературы и истории общественности, под редакцией акад. С. Ф. Ольденбурга, акад. С. Ф. Платонова, проф. Э. Л. Радлова и А. С. Николаева. № 1, Петербург 1921. Стр. 272. 3.000 экз. Моск. прод. цена 75 т. р.

Литературное оживление пока что имеет самый хаотичный и пренелепый в некоторых отношениях характер. На-ряду с немногочисленными порядочными и серьезными книгами на рынок вываливается значительное количество любительской макулатурщины, как общее правило, весьма недурно изданной. Стишки и рассказики заскучавших маменькиных сынков, то-и дело блестят на витринах; за новинку их раскупают,—надо надеяться, скоро надоест. Что касается частных журналов, то Москва пока ими похвалиться не может; несколько бульварных листков с „театральными" стремлениями и либретто являются характерными представителями „желтой" прессы; недавно вышедшее „Слово"—курьезный провинциализм. В Питере два журнала литературных „Вестник Литературы" и „Летопись Дома литераторов" серьезней московских изданий, но тон осторожного и только чуточку зловещего нытья, который принимается в этих журнальчиках просто за „хороший" тон, делает их несколько невыносимыми. В Питере же „Книжный угол", маленькие книжечки, где некоторый Ховин рассуждает о собственной персоне с собой самим и своими приятелями, весьма жизнерадостными молодыми людьми, да еще „Петербург", замечательное издание, где рядом с Ахматовой печатается ужасное для россиян известие о том, как опасна пила-рыба; это „чудовище", по словам журнальчика, „стремится пронзить лодку своим носом и перевернуть ее", и много других в том же духе, захватывающих дыхание новинок. Проще и ближе: издают журналы и редактируют их—люди, которые этого делать не умеют. Сплетни московские уверяют, что наши

театральные журнальчики влачат жалкое существование и собираются покинуть сей бренный мир; если это действительно случится, будет очень приятно, это будет похоже на начало выздоровления.

Тем приятнее видеть теперь „настоящий“ всамделишний журнал „Начала“, издаваемый в Петербурге группой академиков. Журнал ставит себе широкие культурные задачи, сосредотачивая свое внимание на истории литературы и истории общественности, надеясь вообще соединить у себя научность с „необходимою в особенности в настоящее время общедоступностью“. Задача нелегкая, и по большей части люди, берущиеся за нее, обычно оказываются в состоянии некоторой половинчатости: и не особенно научно, и не особенно общедоступно. Но „Началами“ эта задача разрешена в общем удачно с некоторым перевесом в сторону научности, окрашенной характерным для нашего времени импрессионизмом.

Две первые статьи, акад. Ольденбурга о Блоке и Нестора Котляревского о Достоевском, имеют характер лирических излияний,—кажется, это новость для наших ученых кругов и, кажется, это совсем не их дело... „Молоты молчали, скалы стояли неподвижные, и только куски их упали в море...“—пишет Ольденбург. Приятный некролог: в старое время так репортеры повествовали о кончинах опереточных примадонн. Лирика Котляревского тоже недорогого стоит. Вообще говоря человек, который всю жизнь живет литературой и в литературе, как Котляревский, мог бы хорошо... или, лучше сказать, должен бы хорошо говорить о писателе как о живом человеке, о „писателе наедине с собой“, но на деле этого пока не выясняется. Даже обратно,—видимо, ученые труды до живого человека, писавшего то-то и то-то, совершенно не доводят.

Статья Л. Карсавина „Ф. П. Карамазов, как идеолог любви“, ставит себе любопытную психологическую задачу, но разрешает (или пробует разрешать) ее в весьма приподнятом, манерном и аффектированном стиле. Весьма импрессионистически показывает автор искомую им „чистоту“ Федора Павловича, выясняющуюся из того соображения, что лучшим удовольствием этого симпатичного персонажа было — „осквернение чистоты“. Такими несложными силлогизмами рисуется... то ли Карамазов, то ли сам автор. Последний случай мог бы быть осуществлен и помимо Достоевского, наверно, даже с лучшими результатами.

Остальные три статьи посвящены формальным сторонам литературы,— В. Жирмунский „Задачи поэтики“, В. Виноградов „Сюжет и композиция повести Гоголя „Нос“ и М. Петровского „Композиция новеллы у Мопассана“. Последняя статья представляет собой ученическое „сочинение“ на заданную тему, наполненную мелкими кропотливыми замечаниями общего характера, ничего не говорящими ни о новелле, ни о Мопассане, как о „композиторе“. Жирмунский уже второй раз пытается популяризировать скромные достижения новой науки о форме литературных произведений, и это вообще ему удается. Неплохо написал он о Блоке в сборнике его памяти, неплохо пишет и здесь. Неудачная сторона его писаний с одной стороны — в полной неуверенности в своем предмете, с другой — в излишней поспешности, с которой Жирмунский все объединяет и „подводит итоги“. Нередки у него и простые ошибки. Полагаем, что время для широких обобщений в поэтике еще не наступило, это первое; а второе — метод, которого придерживается Жирмунский, метод описания и только описания, надо полагать, и не может дать материала для таких обобщений. Возможно, что в будущем такой материал появится, но это случится

только тогда, когда сам метод, как таковой, будет лишен своего теперешнего единства, и в него войдет нечто от эстетики. Ныне же получается положение: 1) исследователь всячески чурается „трудной области метафизики и философии искусств", 2) его поэтическая действительность поминутно ставит его перед задачами чисто эстетического свойства и ему приходится выкарабкиваться из создавшейся коллизии „собственными средствами", т.-е. разводить такую доморощенную эстетику, от которой волосы на голове шевелятся. Другой раз он с теми же затруднениями попадает в положения неразрешимые в его методе, тогда он поступает, как поступает всякий слабый мыслитель в таком случае: сводит конкретность на простейший афоризм, стачивает всю его индивидуальность, после чего, очевидно удовлетворенный, объясняет читателю — что вот дескать: все на своем месте. Но доказательство равенства тождеств — задача очень неблагодарная и в полной мере бессмысленная. Это особенно тем неприятно у Жирмунского и его товарищей, что им только очень редко удается остроумным передергиванием доказать, что их тождество действительно тождество, а не нечто, нуждающееся в серьезной обработке и осмысливании. Жирмунский начинает с того, что делит весь континуум произведений искусства на „материал" и „прием", приравнивая эти выражения соответственно к „содержанию" и „форме", при чем со своим „материалом" он разделывается очень просто: „материалом поэзии является... с л о в о". Это звучит „очень гордо",— очень обще, величественно даже, если хотите. Беда только в том, что неизвестно — что это значит? И когда вы ищете старательно объяснения этой фразе, вы находите только голословное (со стороны логической) и всем известное замечание: „язык поэзии построен по художественным принципам", что отлично можно заменить явно ничего-незначащим выражением: „язык художественных произведений построен по художественным принципам" или „язык художественного — художественен". Жирмунскому надо было бы знать, что это тоже „метафизика", только очень скверная.—Таким образом, существо художественных произведений разлагается на загадочное „слово" и „прием". Содержание всех исследований Жирмунского и его товарищей исчерпывается описанием „приема". Сюжет— прием, синтаксис—прием, тропы (образы и пр.)—прием, да и слово самое часто тоже прием. Поэтому Жирмунский вполне неправ, говоря, что термины „материал и прием" вводятся вместо терминов „содержание и форма" в том смысле, что понятие „содержания" нимало не исчерпывается тем смыслом, который им вкладывается в понятие „материала", а понятие „формы" очень далеко от его „приема". Деятели кружка „Поэтика" (он же „Опояз"—Общество изучения поэтического языка) весьма наивные реалисты, и общий ход их рассуждений в главном сводится к каламбуру: стихотворение есть ряд конкретно связанных между собою слов, больше там ничего нет. Из этого вывод: рассматривая стихотворный организм, как ряд диспаратных явлений, мы узнаем что это такое. Результаты оправдывают метод, разъединенные элементы целого и остаются таковыми, что же касается общих принципов, то приходится или уверять, что „художественное—художественно", или говорить, как это недавно сделал единомышленник Жирмунского, Шкловский, что автору не известно, что такое „сюжет" в первых строках книги, посвященной этому самому сюжету.

Несмотря на все это, все же мы сказали бы, что работа „Опояза" интересна и полезна. Надо надеяться, что логические несообразности, с которыми им придется встречаться все в бо́льшем количестве, заставят их изменить в некоторой мере их метод и выведут их из

порочного круга конкретностей, где они заблудились ровным счетом в трех соснах[1]). Следующая статья Виноградова о повести Гоголя „Нос" дает весьма интересный материал по поводу увлечений темой носа во время Гоголя („носология" первой четверти прошлого века). Автору, удачно подбирающему многочисленные цитаты, удается легко показать, в какой мере ходячие каламбуры о носах и разговоры о ринопластике дали серьезный материал Гоголю для его повести. Остов повести выделен достаточно ясно, но и только. Обследуя композиционные приемы Гоголя, автор ничего не говорит о сюжете, оговариваясь в начале словами Эйхенбаума, что „сюжет у Гоголя бедный, скорее нет никакого сюжета". Полагаем, что это—заблуждение, основанное на тех же методологических ошибках, что и у Жирмунского. Сюжет есть прием,—так гласит априорное положение. Но ряд приемов не де-

[1]) Для „посвященных" приведем еще несколько недоумений по поводу работы тов. Жирмунского.—Первую часть стихотворения Пушкина „Брожу ли я..." Жирмунский укладывает в „логическую формулу"—„во всякой обстановке поэта неотступно преследует мысль о смерти". Но надобно сказать, что содержанием произведений искусства никогда не бывали логические факты, содержание содержит в себе факты исключительно психологические, поэтому укладывать содержание стихотворения в „логическую формулу" (да еще такую неуклюжую)—весьма опасно и неизбежно ведет к ряду существенных ошибок.—Жирмунский так делит поэтику: I) стилистика, II) тематика и III) композиция. Стилистика распадается на 1) эвфония (поэтическая фонетика, в свою очередь распадающаяся на а) метрику, б) словесную инструментовку и в) мелодику), 2) семантику (учение о тропах,—образы, метафора, метонимия и пр.), 3) поэтическое словообразование, 4) поэтический синтаксис и 5) палеонтология языка (варваризмы, архаизмы и пр.). Тематика распадается на 1) словесные темы, 2) группировку этих тем, 3) мотив или сюжет и 4) внутренние образы. Не говоря уже, что в этом делении отсутствует единый принцип классификации, надо отметить, что, уже не упоминая о связи коренной и неотделимой ритмики со всеми перечисленными отделами нашей дисциплины,—практически невозможно отделить семантику от синтаксиса; синтаксис от группировки словесных тем, группировку эту от мотива, словообразование от словесной палеонтологии и проч. Раз так, вся схема обращается в чисто-словарное построение, совершенно ненужное, и очень напоминающее утопические „производственные планы" наших центров и главков в их медовые месяцы. Жирмунский говорит: „единство приемов поэтического произведения мы обозначаем термином с т и л ь. При изучении стиля художественного произведения, его живое индивидуальное единство разлагается нами в замкнутую систему поэтических приемов"—опять „то же изъясняется через то же": то-есть—„единство приемов есть стиль, единство стиля есть система приемов". Несомненно, если а равняется b, то и b равняется а, только при чем тут поэтика? Так логику подменяет Жирмунский тукам слов и фраз, по внешности напоминающих логические суждения. Передержка же заключается в очевидном всовывании в тождество слова „замкнутую"... и логика права: нигде этой замкнутости Жирмунский в своих суждениях и исследованиях обнаружить не может. Жирмунский всячески старается вывернуться из своего „порочного круга", говоря, напр., что „прием" только тогда прием, когда он оправдан стилистическим единством. Но это опять пустая риторика, ибо такое единство осуществлено во всяком «художественном произведении с момента его написания. Эта же мысль далее подтверждается с подкупающей наивностью указанием на то, что одинакий с формальной стороны прием „в зависимости от своей функции, т.-е. (хорошенькое „то-есть"!) от единства его художественного произведения"—„нередко приобретает различный художественный смысл". Но здесь опять „функция зависит от функции",—и вопрос никак не разрешается. Пример двух союзов „и", приводимый автором, неудовлетворителен: в одном случае (у Фета) его „и" анафора (единоначатие), в другом (отрывок старинной биографии) только союз. Описывая „метонимический" язык Пушкина автор изъясняется курьезно, ...о ставит почту в особую, видимо, заслугу то, что Пушкин вместо „возлюбленная ...ерла" говорит, что она „заснула последним сном", хорошо бы опоязникам вспомнить ...том, что и „веревка-вервие простое". Говоря о том же стиле, Жирмунский смешивает ...легорию с метонимией и перифразой. Характерно для Пушкина, говорит Жирмунский, ...потребление прошедшего несовершенного („ты покидала"), но это характерно не для ...шкина, а для русского языка. „Важно отсутствие в языке Пушкина необычных ...ных метафор", однако, Якобсон, соратник Жирмунского в своей брошюре о Хлебникове (Прага 1921) объясняет это „впечатление" хронологической аберрацией, — кто же ...в? Однако характерно, что оба автора уклоняются от обсуждения вопроса по существу.

дает еще сюжета, а, обнаружив такой ряд, нельзя обнаружить сюжета, — откуда вывод, что сюжет ищется не там, где надо. Однако Виноградов поступает проще: факты не подходят под схему,—тем хуже для фактов, автору недоставало только сказать, что сюжета вообще не существует, да и на что он нужен... Авторы „Опояза" вообще выигрывают тогда в изяществе своих рассуждений, когда имеют дело с произведениями, где приемы нарочиты, особливы и иронически все время суются в нос читателю. Не находя этого излюбленного им тропа, „опоязник" становится вялым, скучливым и чрезвычайно непродуктивным. Увы им,— Тристрам один, а литература велика; стоит же им взяться за что-нибудь совершенное и малоироническое, как им немедля приходится уверять, что „уснула последним сном" много красивее, чем „умерла" (и то чужое: некто Лукьянов уже раз хвалил, захлебываясь, Голенищева-Кутузова за то, что тот сказал „темнокудрый", когда, не нарушая благочиния, мог бы сказать „кудрявый брюнет").

Из материалов „Начал" всего интереснее автобиография графини С. А. Толстой, написанная ею в свое время для С. А. Венгерова. В биографии много ценного и интересного о Толстом и очень много живых трогательных черт. Вот как пишет мужу Толстая в 1864 году, когда он сломал себе руку и от этого ли или от чего другого сильно захандрил: „Что же это ты со всех сторон оплошал? Везде тебе грустно и все не ладится. Зачем ты унываешь и падаешь духом? Неужели сил нет подняться? Вспомни, как ты радовался на свой роман, как ты все хорошо обдумывал, и вдруг не нравится! Нет, нет, напрасно! Вот приедешь к нам, вместо кремлевских стен увидишь наш Чепыж (лес), освещенный солнцем, и поля... и ты с веселым лицом начнешь мне рассказывать темы задуманных сочинений, будешь мне диктовать и мысли опять придут и пройдет ипохондрия".—Чисто, просто, по-женски хорошо, не беда, что незамысловато,—замысловатости у Толстого у самого было больше, чем требуется, он от нее не знал куда деваться. Очень хороши примечания В. Спиридонова к этой автобиографии.

Библиография очень невелика. Стоит отметить глупейшую заметку Чудовского о стихах Радловой, третьесортной поэтессы. Рецензии Жирмунского на книги Якобсона и Шкловского вызывают, примерно, те же возражения, что и его статья [1]).

Замечательнее же всего в „Началах"—это их „Хроника интеллектуальной жизни Запада", которой отведено 40 страниц петита. Описаны Германия, Англия, Франция и Италия. Обилие материала прямо оглушает читателя. Не имея возможности даже перечислить все ука-

[1]) Характерно, что и Якобсон и Шкловский с большим вниманием останавливаются на „обнажении приема" - это едва ли не единственная область, где они—как дома. И Жирмунский прав, когда называет эти „обнаженные приемы" фокусами. Коллекционированием фокусов и занимается „Опояз" по преимуществу. Шкловский, разбирая книги Розанова, определяет их, как „роман пародийного типа с слабо выраженным главным сюжетом", на том основании, что эти Розановские дневники, вращаются постоянно около двух-трех постоянных тем. Пишущий эти строки берется теми же способами доказать, что и список московских телефонных абонентов—тоже роман пародийного типа с очень слабо выраженным сюжетом. Ведь еще не значит ничего,—если явление А вообще возможно объяснить, как некоторое следствие совокупности причин В, что причинная связь такая действительно имеется на-лицо (в статистической логике это—случай так назыв. „ложной корреляции"). Шкловский пишет очень милые романы о романах, пародируя Свифтовские пародии на ученые сочинения всерьез; научный анализ в принципиальной, а не описательной стороне—и не бывал у него.

занное хроникой „Начал“, упомянем очень интересную статью Брауде о немецкой интеллигенции (очень интересно о Шпенглере и существенно важно указание на слабый научный багаж этого автора, впрочем об этом легко было догадаться и по другим изложениям), статью Д. Шиковского из „Нейе Цейтунг“, „К смерти Вундта“ из „Прейс-Яоб.“, заметку об Бенедетто Кроче и его, видимо, интереснейшей книге о Данте.

Из книг упомянем: немецкие—Ст. Цвейга, биография М. Деборд-Вальмор, Кассирера „Идея и форма“, Гундольфа о Ст. Георге, издание труда Альберта Великого „Де анималибус“, А. Мошковского „Теория относительности по беседам с Эйнштейном“; английские—„Теория вероятности“ Кейнеса, Гернет, „Воспитание и мировая гражданственность“, А. Кейс „Части машины человеческого тела“, Содди „Наука и жизнь“, новые романы Локка и Р. Хаггарда, биографию Карнеджи, новую повесть Тагора, пародии Киплинга на ученых латинистов, окончание перевода Достоевского, Уэллс, „Спасение цивилизации“, „Очерки истории права“ нашего соотечественника, проф. Оксфордского университета, Виноградова, Близ, биография Суворова, книги о Свифте, Карлейле, Данте, Верлене, Мильтоне, новое издание Шекспира и т. д. Франция: книги „дадаистов“, Кл. Фаррера, М. Верже, Г. Когена о Декарте, письма Стендаля к Полине Бейль, переписка Ж.-Занд с Фр. Роллина, новые документы о Боделере, книга о писателях испанской Америки, сочинения П. Бореля, Карре „Гете в Англии“, переводы Пушкина, полное собр. соч. М. Деборд-Вальмор и др. В Италии—о деятельности Кроче, Папини, Гавони, Кардарелли, Чекки и др.—Общее впечатление: интенсивной жизни, пронизанной, однако, большим разочарованием и эстетическим христианизмом. Во всяком случае „Хроника“ эта интереснее всякого романа, как бы ни был слабо выражен его сюжет, даже по Шкловскому.

Бобров.

С. Е. Снесарев. „Авганистан“. Том 1-ый. Стр. 1—244. Высший Военный Редакционный Совет. Государственное Издательство. 1921 г.

Не-военному трудно оценить недостатки и достоинства военно-географического описания, рассматривающего ту или иную страну лишь как объект будущего вооруженного столкновения. Но книга Снесарева, представляющая стенографическую запись лекций, читанных ex catedra в Академии Генерального Штаба, по своему содержанию выходит из рамок узко-прикладной цели. Сама тема предопределяет это. Под понятием Афганистан мы невольно привыкли объединять естественный водораздел Инда и Аму-Дарьи с политическим барьером между Россией и Индией. Международное значение эмирства определяется не его самодовлеющим весом, а скрепивающими его интересами сопредельных государств, степенью их напряженности и остроты. Поэтому к Афганистану нельзя правильно подойти, не разрешив средне-азиатскую проблему в целом. С тем большим правом может сделать это Снесарев, знаток Индии и Туркестана, лично побывавший по обе стороны Гиндукуша.

Ось сложных экономических и политических отношений на Среднем Востоке Снесарев правильно видит в Индии. Интересам охранения драгоценнейшей жемчужины британской короны“ была подчинена политика английского империализма на Ближнем и Среднем Востоке.

в течение XIX века. Этой традиции Англия осталась верной и по сие время. В силу своей близости, сравнительной доступности, слабости власти, Афганистан является единственными воротами, открытыми для северных завоевателей. По мере распространения власти русского царизма в Средней Азии, правительство Индии все решительнее стремилось утвердить свое преобладание в Афганистане. Первоначально до 60-х годов прошлого столетия англичане мечтали о непосредственном подчинении себе эмирства. Неуспех двух войн и ряда дипломатических попыток заставил их отказаться от старого плана и, ограничившись контролем над внешними сношениями страны, перенести все внимание на Россию, удерживая ее всеми дозволенными и недозволенными средствами от вмешательства в афганские дела. Наконец, в течение последних двадцати лет британский империализм, поняв неизбежность столкновения с русским из-за Индии, стал усиленно готовиться к войне (стр. 10, 15, 194, 220—240).

Нельзя не видеть, что деление англо-русско-афганских отношений на три периода является несколько натянутым. Так война 1878—1882 гг. по времени оказывается во втором периоде, по целям—в первом, третий период поневоле обнимает лишь первые семь лет текущего столетия, так как после подписания англо-русского соглашения 1907 г. вряд ли можно говорить о решимости англо-империализма принять бой с русским, на фоне все ближе вырисовывавшейся обще-европейской войны держав „согласия“ и „союза“. Наконец, если военно-дипломатические предприятия англичан первоначально закончились неудачей, то почему их не сменила система экономического проникновения, культурного завоевания, концессионного подкопа? Нам думается, что этот способ, с успехом оправдавший себя на Персии и десятках других азиатских стран, был умышленно оставлен, а не случайно.

Казалось бы, автор мог открыть и новую страницу в среднеазиатском вопросе с момента перехода власти в России к трудящимся и провозглашения освобождения угнетенных народов Востока, как одной из целей внешней политики Р. С. Ф. С. Р. Возможно, что обзор событий последнего времени войдет во второй том исследования, дополняющий первый.

В самом изложении не всегда достаточно принято во внимание исключительное своеобразие Афганистана, сохранившего под внешним покровом английского протектората, как под оранжерейным стеклом, в неприкосновенности бытовой и социальный уклад первобытной страны. Из всех государств Азии он единственный не подвергся экономической эксплоатации европейцев. Это не могло не отложить своего отпечатка на развитии эмирства, шедшего своими особенными путями. Аналогии с Бухарой или Северной Индией поэтому не всегда удачны (стр. 165). Равным образом государственный строй Афганистана—соединение современных реформ в духе просвещенного абсолютизма с широкой автономией местных племен (чисто-афганских, кочевно)—требует к себе особо внимательного отношения.

Вредит книге различная давность приведенных фактических данных—описание Хезареджата относится к временам до прочного покорения края афганцами (стр. 125), некоторые подробности кабульской жизни обрисованы по данным 1919 г. (стр. 143—146), что не может не создавать известную пестроту.

При невероятной трудности подбора материалов по Афганистану, отсутствия сколько-нибудь современного руководства книга Снесарева послужит точным пособием и прочтется с интересом всяким, жела-

дим получить представление об Афганистане. Но от автора „Индии, как главного фактора в средне-азиатском вопросе" мы в праве ждать во втором томе более полного овладения предметом.

Несколько забавных погрешностей с местными оборотами нуждается в исправлении: „Котваль"—полицмейстер, а не дворцовый секретарь (стр. 145), в таблице на стр. 183 даны цифры различных жалований для Гератского и Мазар-и-Шерифского „сипехсаляров". Сипехсаляр—главнокомандующий и в Афганистане имеется в единственном числе.

Игорь Рейснер.

О земле. Выпуск 1-й. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. Издание Ред.-Издат. Комитета Н. К. З. Москва 1921 г. 192 стр.

Книга составлена Центральным Управлением землеустройства к IX-му всероссийскому съезду советов, на котором вопросы земельно-хозяйственного строительства в связи с новой экономической политикой должны были получить и действительно получили широкую постановку и всестороннее освещение.

Сборник открывается статьей Н. Месяцева „Ближайшие пути земельно-хозяйственного строительства", в которой констатируется рост интереса крестьянства к поднятию и расширению сельского хозяйства, наблюдающийся в связи с развитием новой экономической политики. Далее характеризуются условия и особенности землепользования, вопрос о земельной ренте в прошлом и в настоящем при национализации земли, составляющей основу земельной политики Р. С. Ф. С. Р. Пересматривая затем различные формы землепользования: коллективные, общинные и единоличные, автор признает наиболее целесообразными земельно-кооперативные товарищества, высказываясь вместе с тем за предоставление населению свободы выбора форм землепользования. Заключается статья перечнем очередных мер по земельному устроению, к числу которых относятся: усовершенствование земельного законодательства, обеспечение устойчивости землепользования, объединение землеустройства с агрономическими и мелиорационными мероприятиями и пр.

Следующая статья сборника принадлежит В. Книповичу и посвящена характеристике направления и итогов аграрной политики за период 1917—1920 г.г. Характеристика ведется, с одной стороны, по последовательным этапам изменений земельной политики, от дореволюционной до современной, и с другой—по с.-х. районам, при чем цифрами и картограммами иллюстрируются итоги распределения земель и распространение различных форм землепользования и хозяйства: совхозов, коммун и товариществ по общественной обработке земли. В результате получаются убедительные выводы о неосновательности расчетов как на искусственное насаждение коллективизма, так и на тот эффект, который может быть достигнут одной прирезкой земли, не сопровождаемой мерами поднятия производительности хозяйства.

В обширной статье „Формы землепользования" проф. П. Першина прослежено, с цифровыми и графическими пояснениями к тексту, пространственное распределение форм и видов землевладения и землепользования на территории Р. С. Ф. С. Р., учтены условия, благоприятствующие и препятствующие насаждению и развитию тех или иных форм в

различных местностях, а также охарактеризована судьба единоличных хозяйств, образованных при столыпинском землеустройстве, — в пореволюционную эпоху. В итоге исследования намечаются наиболее целесообразные, с точки зрения развития производительных сил, типы землеустройства в разнородных физико-географических и хозяйственно-экономических условиях: хуторское на севере и западе и поселковое в черноземной полосе и на юго-востоке, достигаемое расселением крупных селений. Необходимо отметить, что все эти сведения появляются впервые и разработаны по предложению Наркомзема.

Н. Огановский в своей статье „Община и земельное товарищество", проследив изменение форм общины вместе с развитием сельского хозяйства, указывает на возможность нового разложения возродившейся при разделе помещичьих земель общины под влиянием товарных отношений в деревне, при чем является опасность возникновения худших форм участкового землепользования—подворно-чересполосных. В связи с этим автор указывает на необходимость способствовать развитию в деревне земельных товариществ и обеспечить им некоторые права по переустройству своего землепользования внутри общины и, не порывая с нею, также предоставить хозяйственный, мелиоративный и земельный кредит. Образование земельных товариществ предусматривается для таких целей, как улучшения в сельском хозяйстве, связанные с общим землепользованием; подготовка к землеустройству; мелиорация, сохранение наделов от дробления; совместная аренда; переселение на новые места и пр.

Статья проф. Л. Литошенко трактует об ограничении дробимости крестьянских хозяйств. Здесь сопоставлены данные о ходе процесса дробления и измельчания хозяйств у нас и за границей, приведены и охарактеризованы законодательные меры и практические результаты борьбы с чрезмерным распылением земель, и поставлен вопрос об установлении института единонаследия в русском крестьянском хозяйстве, в связи с другими мерами предупреждения чрезмерного дробления хозяйств при их разделах и переходах.

Проф. А. Мануйлов посвящает свою статью мелкой аренде земли, как средству борьбы с недосевами, и, указывая на сохраняющуюся потребность в такой аренде между трудовыми хозяйствами, диктуемую жизненно непреодолимыми условиями, устанавливает, со ссылками на отечественный и западно-европейский опыт, те основания, на которых институт аренды может быть наиболее целесообразно построен. Сюда относятся: ограничение срока аренды и размера арендуемой земли, возмещение арендатору неиспользованных затрат, установление над арендными отношениями контроля заморганов и др.

В статье В. Вощинина „Переселение" дана характеристика переселения в прошлом, переселенческих задач в период Советской власти, приведены итоги переселения и намечены ближайшие его перспективы в свете нового курса экономической политики. Статья заключается тезисами, в которых выявляется сущность переселенческого вопроса в его современной постановке.

Итоги и ближайшие перспективы землеустройства даны в статье А. К. Берзина, носящей одноименное заглавие. Здесь указаны основы организации землеустроительного дела в республике, ход и результаты землеустроительных мероприятий за истекшее время, а также план землеустройства на предстоящий период. Изложение иллюстрировано рядом цифровых таблиц, в которых характер и объем землеустроительных работ находит себе выражение по отдельным районам и губерниям, различным видам работ и периодам их выполнения, с

приведением абсолютных числовых данных и их соотношений, очень любопытных и показательных. В заключение автор останавливается на очередных мерах землеустроительного ведомства, на отношении к землеустроительным работам со стороны населения и, наконец, на оценке народно-хозяйственного эффекта землеустройства.

Кроме перечисленных работ, в сборнике помещен еще ряд небольших статей более специального характера. Статьи проф. Е. А. Скорникова, проф. М. Шульгина, проф. И. Новицкого, проф. Н. Рудина.

Необходимо отметить, что многие из проводимых в сборнике положений уже вошли в состав резолюции IX-го съезда советов по земельному вопросу, а это делает книгу „О земле“ еще более жизненной и полезной для ознакомления с нею не только работников земельного дела, но и более широких кругов, интересующихся вопросами земельно-хозяйственного строительства, имеющими в нашей стране первостепенную важность.

С внешней стороны книга издана хорошо, снабжена большим количеством таблиц и картограмм.

М. Ш.

„Природа“. Журнал под редакцией проф. Н. К. Кольцова, проф. Л. А. Тарасевича и акад. А. Е. Ферсмана. Изд. Комиссии по изуч. произв. сил России при Акад. наук. № 1—3. 1921 г. Год издания девятый и десятый, страниц 94.

Оригинальный титульный лист журнала сопровождается характерным примечанием: „За 1920 и 1921 г. г. журнал „Природа“ выходит одним выпуском, датируемым 1921 годом“. Если к этому прибавить еще, что этот номер, датируемый 1921 годом, был мною получен чуть ли не в день его выхода из типографии 3-го января 1922 г., то этим достаточно уясняются те трудные условия, в которых находится и по сию пору этот единственный в России естественно-научный журнал. Эти же обстоятельства являются достаточным извинением за те некоторые недочеты, которые приходится отметить и на этом номере журнала.

1) Журнал открывается статьею проф. Н. К. Кольцова: „Опыты Штейнаха по омоложению организма“.

Статья передает лишь содержание известной книги Штейнаха и еще ни словом не упоминает об уже известных нашему читателю работах Воронова, Мюзама, Леви и других авторов. По существу самой статьи мы должны отметить некоторые пункты, с которыми мы бы не могли согласиться и которые, на наш взгляд, могут повести к нежелательным недоразумениям в деле толкования открытия Штейнаха.

Это касается прежде всего того места статьи, где автор ее ссылается на работы проф. Н. П. Кравкова по переживанию человеческих пальцев, как на многообещающее в деле сохранения органов в высушенном виде для последующих пересадок их по методу Штейнаха. Боюсь, что это неосторожное обещание возбудит в читателях статьи слишком неосновательные надежды: всякий, кто ближе познакомился с работами Кравкова (см. мою статью в № 4 „Красной Нови“), не может не возразить, что от мумифицирования и переживания пальцев до тех перспектив, которые рисуются в статье проф. Кольцова, „дистанция огромного размера“. Вот почему нам казалось бы более осто-

рожным не будить надежды, но, наоборот, предостерегать от поспешных выводов.

Второе наше замечание касается заключительной части статьи, где автор ее пытается дать свою „психическую" теорию старости, хорошо известную московской публике по многочисленным лекциям проф. Кольцова на эту тему. Здесь автор совершенно не удерживается на той позиции физиолога, на которую он стал первоначально, и пытается объяснить еще недостаточно выясненный в деталях чисто физиологический процесс старческого одряхления в еще менее понятных „терминах психических, как сознание упадка сил, сопряженное с разнообразными старческими настроениями".

Нам кажется, что, согласно научному мировоззрению, проблема старости в том и состоит, чтобы вскрыть те физиологические корни, из которых рождаются и старческий пессимизм и сознание упадка сил; но ведь „сознанию упадка сил" должны же были предшествовать какие-то симптомы объективно физиологического порядка, ставшие затем только предметом сознания.

Так ставил проблему Мечников, так ставит ее и Штейнах, и нам кажется, что иначе и не могут мыслить последовательные физиологи.

Вот почему этот налет ничего в конце концов не уясняющего психологизма, которым заканчивается статья проф. Кольцова, служит не к прояснению проблемы, а к ее затемнению соображениями, чуждыми научной физиологии.

Столь же сомнительно должны мы отнестись и к заключительному абзацу, который гласит: „... Но люди высоких духовных сил, умеющие держать в узде свои настроения и свои эндокринные железы, не нуждаются ни в гипнотизерах, ни в хирургии для операций Штейнаха..." и т. д.

В этих словах можно найти при желании известную долю поэзии и вдохновения, основанных на личных субъективных переживаниях автора, но нет того, чего будут искать в них читатели: ясной и строго научной оценки работ огромного значения.

Эти особенности статьи, способные возбудить в читателях недостаточно обоснованные представления о перспективах, открывающихся в связи с работами Штейнаха и дать неправильное, по крайней мере с нашей точки зрения, освещение самой проблемы старости, заставляют нас с осторожностью отнестись ко всей статье в ее целом, несмотря на все достоинства ее в той ее части, где она излагает фактическую сторону работ Штейнаха.

2) Следующая статья—проф. Я. В. Самойлова, озаглавлена: „Биолиты, как орудие постижения жизни прежних геологических эпох". Статья в значительной части своей основана на самостоятельных научных исследованиях автора ее и намечает оригинальные и новые пути изучения прошлого земли на основании химико-минералогического анализа ее ископаемых остатков, а в частности, известняков. Не будучи специалистами в этой области, трудно оценить правоту всех положений, выдвигаемых автором; быть может, в стремлении автора приписывать биогенное происхождение целому ряду минеральных ископаемых, как, например, плавиковому шпату или иоду, и есть известное увлечение и односторонность, но статья ценна уже тем, что ставит новые проблемы и намечает совершенно новые и крайне интересные пути исследований.

3) Третья статья Н. Н. Яхонтова: „Кварцевое стекло, его свойства и применения", кратко, но ясно и отчетливо освещает физико-

химические свойства, технические достоинства и недостатки этого важного продукта и некоторые стороны его применения и способов приготовления. Интересно сообщение в конце статьи, что с недавних пор изготовление кварцевого стекла налажено при Государственном керамическом институте и в России, до сих пор мы питались, как и в других отношениях, дарами западной техники.

4) Весьма интересна статья проф. Лялина: „Современное положение вопроса об искусственном приготовлении пищевых веществ".

Здесь читатель последовательно знакомится с проблемами искусственного синтеза сахаров, белков или их компонентов вроде формальдегида и аминокислот из простейших исходных веществ. Далее излагаются разнообразные попытки гидролизации клетчатки в глюкозу, которые закончились новейшим изобретением инженера-технолога А. А. Шмидта, указавшего, наконец, способ технически выгодного получения глюкозы из древесины. Далее сообщается о питательном значении и способах утилизации столь богатых азотистыми продуктами дрожжей, которые до последнего времени служили лишь продуктами отбросов; сообщается об имеющем огромное значение способе гидрогенизации жиров и целый ряд других фактов, имеющих огромное как теоретическое, так и чисто практическое значение в науке о питании. И здесь должно с сожалением отметить, что автору, повидимому, еще не были известны замечательные работы Нейберга, делающие эпоху в излагаемой области, а это значительно повысило бы и без того большую ценность статьи.

При том материале, который имелся в распоряжении у автора, выводы статьи весьма осторожны: почти по всем пунктам проблемы синтезов пищевых продуктов Лялин отмечает, что вопрос теоретически и в лабораторном масштабе может считаться разрешенным, но далеко еще не проработан для технического и массового производства.

Хотелось бы видеть в ближайших №№ журнала соображения автора о новейших достижениях германской техники, выросших на почве теоретических работ Нейберга и других ученых.

5) Минуя короткую заметку проф. Тихова об „Угловом диаметре и мерцании звезд", следует отметить некоторые интересные сообщения из „Отдела научных новостей". Здесь, на-ряду с несколькими сведениями из жизни провинциальных научных обществ и учреждений, мы узнаем о том, что неугомонный Амундсен не забыл своего плана пути к северному полюсу, который был им составлен еще около 10 лет назад, и что теперь Амундсен после двух зимовок у берегов Сибири находится накануне 5-летней экспедиции в полярные льды.

Журнал заканчивается рецензиями на ряд недавно вышедших книг.

Так „Природа" возобновляет свою прежнюю почетную роль организации научных сил России. По сравнению с предыдущим реферированным нами номером журнала за 1919 год, этот выпуск содержит более свежий и интересный материал.

Но все же еще и еще раз хочется говорить о необходимости воссоздать этот журнал в его полном расцвете, в котором его застало начало мировой войны. Тяжелые условия современности, на-ряду со всевозможными кризисами — бумажным, полиграфическим и т. д., приводят к тому, что все же материал журнала, как это нам приходится отмечать для статей проф. Кольцова и Лялина, теряет свою свежесть и значительную долю ценности.

Говорят, что с наступающим 1922 годом „Природа" вновь начинает регулярную жизнь. Хотелось бы верить, что это так. Но все же необходимо всемерное содействие со стороны соответствующих государственных органов к тому, чтобы эти планы получили реальное осуществление.

Б. Завадовский.

Д-р Ф. М. Орлов-Скоморовский. Из цикла „К человечеству" Кн. I. Голгофа ребенка. Гос. Изд. 1921 г.

Трудно сказать, для чего Государственному Издательству понадобилось издавать эту книгу.

Автор пережил тяжелое, жуткое детство в мещанской семье своего отца, полицейского чиновника. Отец — сухой, мрачный человек с несомненными наклонностями к садизму, бил своих детей, зверски истязая их за каждую ничтожную провинность.

Обо всем этом, как и о своем обучении в нескольких гимназиях Западного края, со всеми их дореформенными прелестями, автор повествует очень обстоятельно, с бесконечными деталями и мелочами.

Язык — беспомощный, наивный, местами не совсем грамотный. Но суть не в этом.

Автор твердо уверен в том, что в своей книге он скажет какое-то новое, до сих пор не сказанное слово и в своем вступлении принимает сразу тон воистину пророческий. Суть, видите ли, в том, что, по мнению автора, „человечество в данный момент нуждается в таком труде больше, чем когда бы то ни было".

„Ко всему человечеству обращаюсь,—говорит он в своем торжественном вступлении,—раскрываю свою жизнь перед всеми, все тайники ее, все язвы, все ошибки и причины всего мне неудавшегося. Пишу я, главным образом, для тех многих в России „беспартийных", содрогающихся от происходящего сейчас на земле и пожимающих от недоумения плечами".

Там же автор, демонстрируя свое невежество, говорит с презрением о всей дореволюционной литературе, беря под одну скобку „всех этих Вербицких, Арцыбашевых, Вересаевых, Куприных, Д'Аннунцио, Франсов и Келлерманов"...

„Я постараюсь,—говорит он далее,—выяснить в своем труде, какими не могут и не должны быть родители, преподаватели, студенты, врачи, профессора, писатели, артисты, художники, политики, женщины, какими не должны быть половые отношения, школьное преподавание, университетская подготовка, какие уродства во взаимоотношениях между личностью и обществом должны быть уничтожены для счастья этих антагонистов по недоразумению, и постараюсь шаг за шагом, выводя жизнь последних десятилетий, доказать необходимость коммунистического преобразования на земле".

Доказал ли это автор в своей книге?

Пока об этом не приходится, конечно, говорить серьезно, если судить по заключительной главе, где он выступает в роли „критика и бичевателя".

Может быть, автор собирается это сделать в других своих книгах, долженствующих явиться продолжением первой части (часть II— „Одиссея интеллигента", часть III—„Распятие личности"), но не знаю, явится ли у читателя желание ознакомиться с другими его книгами.

Два слова о заключительной главе.

Трудно представить себе что-либо более беспомощное, наивное и сумбурное. Автор, выступая там в роли „обличителя“, громит „трех китов“: общественное мнение, церковь и государство. Но как? Все „Америки“, которые открывает он, давно уже открыты в прекрасных, ярких книжках, которые теперь даже всякому сознательному рабочему давно знакомы.

А беспартийной интеллигенции, к которой обращается автор, я бы не мог посоветовать читать этот провинциальный лепет.

Автор много раз говорит о том, что он глубоко страдал в своей жизни. Все же не думаю, чтобы страдание давало право каждому выступать в роли донкихотствующего пророка в уверенности, что именно он скажет миру что-то новое. В нашей жизни сейчас много страдания, но не все же люди, пришедшие путем страдания к сознанию „необходимости коммунистического преобразования на земле“, должны об этом поведать миру в трех больших книгах. Есть много, много других путей, и эти пути мы сейчас видим.

В заключение, позволю себе еще два слова Госиздату.

Даже очень хорошие книжки выпускались в прежние времена богатыми издательствами в размере 2—3, не более 5.000 экземпляров, а при нашей бедности, да еще при такой острой нужде в хорошей книге, выпускать эту сомнительную книгу в 10 печатных листов (совершенно, между прочим, не проредактировав ее) в количестве 10.000 экз.,—это, по меньшей мере, неосторожное и недопустимое расходование так дорого стоящей бумаги и печати.

З. Маркович.

Анатолий Ган (А. Гутман). Россия и большевизм. Часть первая. 1914—1920. Шанхай 1921 г. 378 стр.

Где только теперь ни пишутся книги о большевиках и России. Нет, кажется, ни одного уголка земного шара, куда не залетел бы отброшенный вихрем революции белый генерал или журналист, который на досуге, вдали от России, не написал бы о ней если не книги, то во всяком случае объемистой статьи.

А. Ган долетел до Шанхая и оттуда повествует, шаг за шагом описывая этапы революции, или, вернее, контр-революции, на востоке— эсэровские восстания, чехо-словацкую авантюру, омскую директорию и т. д.

Начинается книга с выяснения отношений между европейскими странами, которые явились причиной войны. Приведенная дипломатическая переписка, газетный материал дают автору возможность сделать вывод о виновности Англии, которая могла предупредить войну, но не предприняла к этому никаких шагов. Против некоторых положений А. Гана спорить не приходится: опубликование царской дипломатической переписки еще в 1918 году дало нам более или менее ясную картину международных отношений накануне войны. Беда только в том, что русское правительство изображается у Гана невинным агнцем, а Сазонов—бесхитростным и миролюбивым человеком. Но автора нельзя обвинить в чрезмерной любви к царской семье. Характеристика, которую он дает царю, царице и группам, их окружающим, довольно верна и не в мягких тонах: „За последние годы династия сделала все возможное, чтобы оттолкнуть от себя все разумное, творческое и прогрессивное. Она приближала к себе все темное, авантюристическое и продажное. Безвольный царь, как и больная

психически царица, совершенно опустились" и т. д. (стр. 111). При такой обстановке Россия была втянута в войну, вопреки ее „национальным интересам в угоду Англии". Уже через полгода при дворе возникает течение в пользу мира, и во главе этого течения стоит... Распутин (?!). Этот авантюрист рисуется Гапом, как мудрый государственный муж, хорошо понимавший интересы России!

Февральской революции автор уделяет внимания мало, сразу переходя к борьбе между „государственно мыслящими" людьми (под такой этикеткой у него везде выступают все белогвардейцы от кадетов и правее) и „каторжниками", „профессионалами-революционерами".

Начиная с описания июльского восстания (кстати сказать, неверно изображенного), автор не перестает выкрикивать с пеной у рта по адресу большевиков ругательства, которые затем уже не сходят со страниц книги. Особенно уверенно он говорит о шпионстве большевиков, объясняя этим шпионством не только заключение мира, но и все наше политическое и экономическое строительство. Так, говоря о национализации промышленности, он объясняет национализацию хлопкового дела необходимостью вывозить хлопок для Германии.

Много яда вылито на эсэров и меньшевиков. Даже обвинение в шпионаже в пользу немцев автор распространяет на Чернова, Мартова и других. Захлебываясь от возмущения перед действиями большевиков, он не меньше, если не больше гнева обрушивает на головы эсэров, прослеживая их деятельность на протяжении всего периода. Конечно, достается Керенскому, этому „главноуговаривающему". Но особенно интересны страницы, где обрисована деятельность эсэров в „Чехо-Словакии", в Сибири и на Урале.—мы здесь немного знаем о внутренней жизни в этих „народно-демократических" республиках, и книжка Гана дает богатый материал. Увлеченный сначала перспективами чехо-словацкого восстания, автор несколько позже рисует картины, безотрадные даже для него: грабеж мирного обывателя, издевательства над населением, игнорирование органов власти, произвол. Чехо-словацкое восстание выступает перед нами, лишенное того ореола борьбы за свободу, которым пытались и пытаются окружить эсэры этот период.

Рассказывая о контр-революции внутри советской России в 1918 году, Ган останавливается на характеристике настроений буржуазии. Особенно интересны настроения и действия офицеров: „Многие шли туда (в советские штабы и полки. *В. С.*) с разведывательными целями. Многие с тем, чтобы, когда придет час, взорвать эти учреждения изнутри. Как раз в то время в Москве формировались тайные полки для предполагавшегося выступления против советского правительства" (стр. 229).

Автор уделяет большое внимание истории всех внутренних и внешних контр-революционных выступлений. Шаг за шагом прослеживает он всю борьбу, начиная от савинковского выступления в Ярославле и кончая появлением „ех oriente" Колчака. Принимая участие во всех этих авантюрах, будучи их непосредственным свидетелем, автор хорошо знаком с фактами, и его критика (конечно, критика справа) очень содержательна. Отдельные факты для нас имеют особый интерес еще и потому, что многие обвинения, которые бросали и бросают нам эсэры и прочие белогвардейцы, полностью обращаются на них самих, в значительной мере усугубленные,—все эти расстрелы, чрезвычайные суды, грабеж населения и т. п.

В этой второй части книги о большевиках говорится мало,—постольку, поскольку они являются противником. Но о настроениях

рабочих масс внутри белого лагеря говорится довольно много и в тоне, свойственном Гану: „изменники", „предатели" (кому изменили? кого предали?),—вот эпитеты по адресу уральских рабочих. Но интересно отметить, что А. Ган прекрасно понимает, почему рабочие и какие рабочие должны итти за Советскую власть: описывая ижевское восстание (против Советской власти), он говорит: „Ижевские рабочие, местные жители, владеют собственными домиками, небольшими участками земли и по своему укладу не похожи на пролетариат". Автор понимает, что настоящий пролетариат должен итти за большевиков, и не даром он так много уделяет внимания вопросу о „предательстве" рабочих в Ярославле, Казани и пр. О том же, кого предавали рабочие, А. Ган молчит. Но это и без слов ясно.

Через всю книгу, сквозь все ругательства по адресу эс-эров, проходит основная мысль, единая мечта: ни у кого не было уменья наладить твердую власть, все они были слабы. И хотя автор восторженно характеризует Алексеева, Деникина, Духонина,—он их отвергает, как претендентов на диктатуру. Всем им противопоставляется фигура адмирала Колчака, которого автор рисует смачными мазками, биографию которого передает даже каким-то величественным языком.

Мы уже отметили, что о России говорится мало по существу. Очень мало говорится о внутренней жизни, о настроениях крестьян, об армии. Все мысли автора кружатся вокруг вопроса о шпионаже, картинах террора. Вся революция изображена, как „попустительство" божье и человеческое, когда кучка проходимцев, использовав положение и потакая животным инстинктам некультурной массы, стремится нажиться, обогатиться, а затем убежать. Описывая третий съезд Советов, он рисует его, как сборище проходимцев, авантюристов, отбросов общества и уголовных каторжан.

А Ган—обыватель, лишенный всякого понимания исторического процесса и сущности социальной революции. Его оторвали от уютной квартиры, от постоянного заработка, разорвали всю его жизнь в клочки, и его обывательская душонка не может примириться с этим. Он не может допустить, что „третьей" России не будет и быть не может. И он вытаскивает старые, затасканные аргументы, лживые измышления, не чувствуя своего убожества.

Вад. Смушков.

В. Шульгин. „1920 год". Очерки. Государственное Издательство Московское отделение. 1922 г. Цена 10.000 р.

В. Шульгин, бывший редактор „Киевлянина", один из столпов монархизма и черной сотни, променял перо на винтовку и сделался офицером белой армии. „1920 год" это—отрывки из его дневника во время пребывания в деникинской армии, напечатанные в № 3—4 журнала „Русская Мысль", издаваемого в Софии Петром Струве.

О чем говорит Шульгин в своем дневнике? С большой откровенностью он рассказывает о полном развале, царившем в армии белых и явившемся причиной крушения всех белогвардейских начинаний. Автор скорбит о том, что грабежи, убийства и насилия над мирным населением сделались обычными в их среде, и что бороться с этим нет сил. Им—грабителям, „растлителям белой армии, предателям белого дела, убийцам белой мечты", он посылает свои проклятия, но каким жалким бессилием веет от них..

„В одной хате за руки подвесили комиссара,—рассказывает Шульгин, под ним разложили костер и медленно жарили... человека. А кругом пьяная банда монархистов... выла „Боже, царя храни"...

Или вот еще:

„По какой-то деревне, не внесшей контрибуции (столько-то пудов), приказано было открыть бомбардировку. Трехдюймовки работали точно, отчетливо. Но отчего так долго?—Приказано семьдесят снарядов.—Зачем так много?—А куда их деть? Все равно дальше не повезем... Мулы падают.

Значит, для облегчения мулов,—меланхолически замечает в своем дневнике Шульгин,—по своей деревне, по русскому народу, за который мы же умираем..."

Есть некоторые интересные образы тех, кого вербовали белые в свою армию. Тут и „Петрик из очень хорошей семьи", которого автор называет апашем, ибо он только грабежом мирного населения и жив... тут и пьяные, вечно пьяные офицеры, полковники („запах спирта все усиливается"), тут и „мальчишка с кокаинным лицом, на котором все пороки", который ищет жида, чтоб убить его.—„Какого жида? спрашивает автор.—А тут ходил, я видел.—Ну, ходил... А что он сделал?—Ничего не сделал... Жид..."

Таких картинок, которым нельзя отказать в жизненной правде, ибо нарисованы они с натуры, много в книжечке.

„Хоть бы орден какой-нибудь народился, — наивничает далее Шульгин,—какое-нибудь рыцарское сообщество, которое возродило бы понятие о чести, долге, ну, словом, основные вещи, ну, что хоть грабить стыдно. И религиозное это должно быть, массовое, большое, психологическое..." (стр. 10).

Нет уж, г. Шульгин, никакие рыцарские ордены не помогут...

Этот разговор о рыцарском сообществе происходил у Шульгина с генералом А. М. Драгомировым. И кончился он так:

„Принесли бутылку красного вина. И мы, „главноначальствующий области без области" и „редактор „Киевлянина" без Киева", чокнулись... В данную минуту мы равно были бывшие люди... С одинаковым основанием могли пожелать друг другу „нового счастья", ибо „старое" изменило..." (стр. 11).

Да, безвозвратно изменило и романс барона Врангеля („В душе моей зима царила, уснули светлые мечты"), который мы находим там же в дневнике, распевался, вероятно, не раз этими почтенными джентльменами...

„Le vin est tiré, il faut le boir",—кончает Шульгин свою заметку.

Да, но boir пришлось уже не здесь, а „по ту сторону", там, где Деникин пишет свои мемуары, а Шульгин печатает отрывки из дневника...

Государственное Издательство, перепечатавшее этот дневник, сделало хорошее дело. Книжке предшествует прекрасная статья тов. Н. Овсяникова—„Пусть говорят белые!"

Было бы очень желательно ускорить дальнейшие выпуски серии „Из белой печати".

З. Марнович.

Из человеческих документов

А. Воронский.

Общие замечания.

Рассказано все это человеком, находившимся в центре изложенных ниже событий недавних дней наших. Автор г. Семенов (Васильев) был в свое время начальником центрального боевого отряда партии социалистов-революционеров. Он руководил террористической организацией, совершившей убийство Володарского, покушение на Ленина, ряд экспроприаций и т. д. Помимо этого он вообще стоял в гуще партийной работы эс-эров периода 1917—1918 гг. Опубликование Семеновым фактов, о которых речь будет идти дальше, несомненно является большим политическим событием. „Человеческий документ" его принадлежит к разряду тех, которые называют сенсационными. И в самом деле, рукой Семенова наносится сильнейший политический и моральный удар прошлому и настоящему эс-эровской партии. Он подтверждает глубочайшее разложение в ее рядах и, в особенности, и в первую очередь в среде ее вождей, заправил и вдохновителей; тот переход за последнюю черту, где начинается жалкая, противная, позорно-трусливая и гаденькая игра в мелкое политиканство и низкопробное двурушничество. Только в этой атмосфере полного гниения, только в этой смрадной среде политического ничтожества, тлена, поверженности и неприкаянности, беспомощности и убожества, бессильного злобствования и оголтелости, потери всякого чутья и принципов — возможны немыслимы действия, о которых поведал автор.

Не менее знаменательно и то, что Семенов, руководитель центральной террористической организации, виднейший военный работник в рядах партии эс-эров, старый боевик, бросил ряды ее и признал диктатуру пролетариата единственной, достойной борьбы и жертв за будущее. Сожительство с Черновыми, Гоцами, Рубановичами, Донскими привело Семенова сначала к разочарованию, к тяжелому моральному состоянию, раздумью, а потом к решительному уходу. Осенью 1918 года Семенов вместе с группой террористов был арестован, затем выпущен на поруки, так как Советская власть не была осведомлена, с кем она имеет дело. Во дни, когда Деникин берет Орел и продвигается на Тулу, к представителям Советской власти является группа людей вместе с Семеновым, которая заявляет, что она вела активную борьбу с Советской властью, совершала тяжкие преступления, намерена их загладить и просит с этой целью соответствующей работы. Таковую им предоставляют. Они выполняют ее в тылу у врага. В такой работе проходит несколько лет; некоторые уже погибли мучавшей смертью, другие еще живы. И только теперь Семенов решается открыть, кто они.

Почему Семенов только теперь раздвигает темную завесу прошлого? На это трудно ответить; может быть, потому, что до поры до времени он считал неудобным рассказывать о недавних товарищах по партии,—может быть, были другие причины. Во всяком случае, опубликованное им не встречает сомнений. Кроме того убийственные показания для партии эс-эров даны им вполне добровольно, даны за рубежем, где, как известно, Советской власти нет.

Мы пользуемся в данном случае брошюрой, выпущенной на-днях Семеновым в Берлине[1]). Она довольно значительна по своему объему и потому мы воспроизводим только главное и существенное, правда довольно широко и подробно.

Главный „сенсационный" интерес документа заключается в той части его, где автор рассказывает о деятельности центрального боевого отряда, но и все остальное настолько ценно, что пройти мимо не представляется нам возможным, и потому мы будем излагать содержание документа в последовательном порядке, пользуясь почти исключительно словами автора.

I. В октябрьские дни.

„В ночь октябрьского переворота,—начинает свое повествование Семенов,—в партии социалистов-революционеров царили полная растерянность и организационный хаос. Пленум Ц. К. беспрерывно заседал, не приходя ни к каким определенным решениям. Для большинства военных работников было ясно одно: необходимо, не теряя ни минуты, организовать стоявшие под Петроградом войска и двинуть их на Петроград".

Автор далее рассказывает, что он выехал на Северный фронт, получил от Войтинского назначение и в качестве комиссара при третьем конном корпусе Краснова явился в Остров, в штаб корпуса. Керенский с Красновым и с 4-мя сотнями казаков уже выбыли в Гатчину.

„Я объехал три—четыре сотни, стоявшие под Островом; созывал собрания и, выступая от имени Ц. И. К., убеждал казаков в необходимости выступления... Подавляющее большинство казаков голосовало за выступление. На другой день четыре сотни (приблизительно) были отправлены в Гатчину. Туда же выехал и я вместе со штабом корпуса. Выяснив в Гатчине, что Керенский со своим штабом уже в Царском Селе, я направился в Царское Село.

Настроение первых двух сотен казаков, отправляемых на Петроград, перед которыми я, как комиссар корпуса, держал речь, было вялое, подъема не было совершенно. Керенский нервничал: отношение к нему казаков было враждебное.

В тот же день в Царское приехал Гоц и член Ц. К. П. С.-Р. Фейт. Оставив Фейта в Царском „организовывать общественное мнение", мы с Гоцем отправились на автомобиле на фронт. В верстах трех от Царского шло наступление на Петроград. Происходил обстрел Пулкова, и одна или две сотни конных казаков двигались на Петроград в обход Пулкова. Конная атака была отбита.

В тот же день стало ясно, что наши силы недостаточны; в нашем распоряжении были лишь две артиллерийские батареи и не более

[1]) Г. Семенов. „Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров в 1917—1918 г.г.". Берлин 1922 г.

семи сотен конных казаков. Пехота, которая якобы, по сообщению Войтинского, продвигалась к нам на помощь с Западного фронта, не подходила и не было в точности известно, где она находится; чувствовалось явное недовольство казаков своим одиночеством. К тому же Гоц получил сообщение из Царского Села, что один из стоявших там запасных пехотных полков собирается выступить против нас, ударив нам в тыл.

Гоц и я сразу же выехали в Царское с целью убедить полк в неправильных его намерениях. Гоц, будучи уверен в хорошем приеме в полку персонально его, начал свою речь перед полком уверенно, указывая, что он тов. председателя Ц. И. К., что у него в прошлом десятилетняя каторга, но сразу же начался шум, отовсюду раздались враждебные возгласы: „довольно", „не хотим". Гоц переменил тон, „сбавил", но ему с трудом удалось закончить неоднократно прерываемую речь. Чувствовалась в полку огромная враждебность к Временному Правительству, в особенности, судя по возгласам, к военной политике Керенского. После Гоца выступали разделявшие нашу позицию представители полкового комитета, пользовавшиеся в полку персональным авторитетом. С огромным трудом удалось до некоторой степени переломить настроение полка. Гоц уехал в Гатчину на свидание с находившимся там Керенским; надежда его на ликвидацию большевиков путем наступления значительно упала.

На организованном мною заседании Комитета 4-й Донской дивизии 3-го корпуса при участии моем и Войтинского было выработано воззвание: „Всем, всем..." с разъяснением мотивов нашего выступления и призывом к вооруженной поддержке его; оно было передано по радио, за подписью Войтинского, моей и Комитета. В силу недостаточности сил и пассивного настроения казаков, решено было (в тот же день) отступить на Гатчину. Отступление произошло ночью. Войтинский выехал в Псков с целью ускорить продвижение идущих к нам на помощь пехотных частей; по имевшимся у нас сведениям, пехотные части (кажется, 18-й пехотной дивизии) подходили к Пскову. Я отправился в Гатчину. Ночью в Гатчину на автомобиле приехал Виктор Чернов. Состоялось совещание Чернова с Керенским. Чувствовалось, что Чернов не возлагает больших надежд на наше выступление. У Чернова заметно было стремление не выявлять открыто своей солидарности с Керенским. Утром Чернов выехал в Псков. Дело наше все более клонилось к проигрышу. Пехоты все еще не было. Конные части начинали разлагаться. У них было настроение полной апатии к происходящему и враждебное отношение к Керенскому. Прибывшие к Керенскому делегации пятой армии и комитета Северо-Западного фронта, упрекая Керенского в том, что он вызывает гражданскую войну, предлагали ему ликвидировать выступление, войдя в соглашение с большевиками. С целью затянуть время, Керенский послал на фронт мирную делегацию для переговоров с большевиками.

Между тем запахло военным заговором. Я знал (через одного из комитетчиков 4-й дивизии), что офицеры штаба 3-го конного корпуса замышляют арестовать Керенского. В комендантской столовой, куда я отправился с целью присмотреться к настроению офицеров, в офицерских группах открыто говорилось о том, что Керенский — „мямля", что он в военном деле ничего не смыслит, что его надо арестовать. Тут же я заметил группу офицеров вокруг Савинкова, в которой велись какие-то секретные разговоры. Посланная Керенским мирная делегация неожиданно вернулась вместе с большевистской делегацией. И скоро между представителями казаков и большевистской делегацией помимо

Керенского был заключен мирный договор с условием удаления Ленина и Троцкого из правительства—с одной стороны, и выдачи Керенского—с другой стороны. Казаки на мир шли охотно.

Убедившись в неизбежности его выдачи большевикам, Керенский решил скрыться, и я организовал его побег; он бежал в автомобиле, переодетый в одежду одного эс-эрствующего матроса. Приехавший уже после бегства Керенского Войтинский привез известие, что пехотные части дальше Пскова итти не хотят. Вечером в Гатчину вошли большевистские войска. Из Гатчины я вернулся в Петроград".

Не лишен интереса рассказ Семенова о посещении им Могилева, куда он выехал, узнав, что там при ставке Чернов и Гоц ведут работу по организации военных сил.

„Я выехал в Могилев и застал там такое положение вещей: шло непрерывное заседание обще-армейского комитета, который никак не мог принять окончательного решения по вопросу о создании общесоциалистического министерства и вооруженном сопротивлении большевикам. Из ответственных активных работников там были—в ожидании этого решения—Чернов, Гоц, Гернштейн и Авксентьев. В первом же разговоре со мной Гоц, безнадежно махнув рукой, заявил, что общеармейский комитет бессильно топчется на месте, что сил в распоряжении комитета мало и, что, очевидно, ничего не выйдет. Чернов, повидимому, в полнейшем моральном и физическом бессилии лежал с компрессом на голове"...

Во всем рассказе Семенова с особенной ясностью выявляется прежде всего неверие эс-эровских вождей в свое дело. С первых шагов они убеждаются, что никакой реальной силы за ними нет, что-то пытаются сделать, но делают, „безнадежно махая рукой". В атмосфере изоляции от рабочих и солдат (офицерство шло за Красновым) эс-эровские лидеры мечутся из стороны в сторону, сочинительствуют для того, чтобы вновь и вновь остаться в нетях. Они не доверяют друг другу, брюзжат на единомышленников, дипломатничают между собой и даже больше: есть среди них прямые предатели. Чернов сторонится Керенского, а Савинков организует заговор против того и другого.

На словах разговоры об обще-социалистическом министерстве, а на деле беззубые попытки организовать отпор большевикам, опираясь... на восемь сотен красновских молодцов. Перед нами уже здесь бывшие люди, мелкие политические шарлатаны, лягушки, пытающиеся превратиться в волов, политический мусор, осколки и политические последыши. Что могло родиться в этой среде, увидим дальше.

II. „Защита" Учредительного Собрания.

Потерпев поражение в октябрьские дни, партия эс-эров старается организовать вооруженную защиту Учредительного Собрания. С этой целью реорганизуется и усиливается военная комиссия Ц. К., куда кооптируется Семенов. Военная комиссия старается восстановить связи с петроградским гарнизоном, с Красной гвардией, создает здесь свои ячейки и т. д. Для широких кругов говорили о необходимости защищать Учред. Собрание, в наиболее тесных открыто готовились к восстанию.

Был организован разведывательный отдел, „дабы быть в курсе военных дел большевиков". „С этой целью,—пишет Семенов,—мы отправили в штаб Красной гвардии с поддельным письмом офицера-фронтовика, который вскоре занял пост помощника Мехоношина и осве-

домлял нас о состоянии и настроении Красной гвардии и о местонахождении специально большевистских частей. Делались попытки завязать через делегатов партийного съезда связи с армиями, но фактически связи не было. Был задуман и стал проводиться в жизнь план создания фиктивного солдатского университета под частным флагом; целью университета было стянуть в Петроград к моменту наше о выступления некоторое количество вооруженных солдат, разделявших точку зрения защиты Учредительного Собрания".

К концу декабря в распоряжении эс-эров, по словам Семенова, находились: броневой дивизион, Семеновский полк и Преображенский. Расчеты на солдатский университет не оправдались: вместо 2–3 тысяч приехало только 20—30 человек. Кроме того имелась нелегальная боевая ударная рота. Пред выступлением был организован вместе с военным отделом Комитета спасения боевой штаб. В него вошли меньшевики: Шейн, Мазуренко, Гомзарт, эс-эры: Онипко, Сергей Маслов и эн-эс Сомов. О политических настроениях Семенов пишет. „Отмечаю, что среди активных работников Отдела уже в ту пору существовала мысль о приемлемости помощи союзников в вооруженной борьбе с большевиками. На одном заседании Отдела, на котором я присутствовал, Гумаркин и Онипко проводили идею „займа" у союзников на организацию военной работы; не отрицали они и интервенции". Канун и день выступления Семенов описывает так: „Я полагал действовать следующим образом: мы направляем ожидаемую массовую демонстрацию во главе с броневым 5-м дивизионом и нашими боевыми дружинами, инсценируя народное восстание—к Семеновскому полку. Семеновский полк, соответственно его настроению, при виде этой картины присоединяется; вместе с Семеновским полком двигаемся к Преображенскому полку, втягиваем, по возможности, дорогою колеблющиеся воинские части, примерно—электротехнический батальон. После присоединения Преображенского полка масса движется к Таврическому дворцу, откуда начинаются активные действия.

Штаб принял мой план.

В ночь накануне демонстрации, когда вновь обсуждался на гарнизонном совещании вопрос о выступлении Семеновского полка, представитель Семеновского полка заявил, что большое значение для активного выступления полка имело бы выступление на полковом собрании известного и любимого в полку с.-р. Лихача от имени фракции с.-р. Учредительного Собрания с открытым призывом к вооруженной защите Учредительного Собрания. Присутствовавший на совещании Лихач согласился. Но, когда этот вопрос был поставлен на обсуждение бюро фракции, бюро наложило свое „veto". Такова была по этому вопросу и точка зрения Ц. К.

Почувствовав в этом инциденте какие то колебания в Ц. К. Военная Комиссия обратилась к членам Ц. К. за точными и конкретными директивами.

Ц. К., взвесив положение вещей и наши реальные силы, ясно учтя необходимость открыто взять на себя руководство выступлением и тяжесть падающей на партию с.-р. ответственности, дал нам директивы не приводить в исполнение выработанного штабом плана выступления. Ц. К. предлагал нам лишь следующее: в случае активного массового выступления, когда войска сами станут на сторону восставших, когда движение выльется в стихийное вооруженное столкновение с большевиками,—взять на себя руководство движением, регулировать его

В день демонстрации 5-й броневой дивизион был наготове к выступлению и ждал лишь сигнала. Боевики наши собрались в количестве 60—70 человек в помещении городского Московского районного комитета.

В комитете Семеновского полка шло беспрерывное заседание; Комитет, не получая точных директив ни от фракции эс-эров, ни от Ц. К. П. С.-Р., начал колебаться.

Я считал, что выступление по намеченному нами плану пройдет удачно, но не считал возможным выступить без санкции Ц. К. Согласно директивам Ц. К., мы пассивно выжидали, какие размеры примет демонстрация, в какую форму она выльется.

Вооруженного, массового стихийного столкновения не произошло и мы бездействовали".

Помимо исторической ценности повествование Семенова имеет и другое, более современное значение. Штрих за штрихом пред нами восстанавливается цельная картина политической немощности и оторванности от масс эс-эровской партии. Располагая подавляющим большинством в Учредительном Собрании, имея еще большие связи в командном офицерском составе, партия эс-эров оказалась совершенно оторванной от фронта, от солдатской массы. Их боевой ударный центр располагал в сущности совершенно ничтожными силами: ударная рота и несколько десятков дружинников. Что касается броневого дивизиона, Семеновского и Преображенских полков, то хотя они и были на стороне эс-эров, но существенного значения это не имело. Во-первых, у них не доставало необходимой активности, а во-вторых, тут сказывался гипноз старых лозунгов, еще не выветрившихся в некоторой части солдатских масс. Кроме того, повидимому, эс-эры семеновцев и преображенцев считали своими потому, что головки полков — комитеты — были на их стороне. Разумеется, этого было недостаточно и Ц. К. партии эс-эров ничего не оставалось, как топтаться на одном месте и ждать у моря погоды. Лишний раз подтверждается истина, что парламентское большинство это — одно, а реальное соотношение сил в стране — нечто совсем другое. Учредительное Собрание погибло потому, что за ним не было никаких серьезных общественных сил.

Данные Семенова с отчетливой точностью подтверждают это. В то время, как учредиловские болтуны считали себя представителями „воли народа", эта „воля" была целиком за советами. Фронт был за Советскую власть, в крупных городах рабочие и воинские части были явно большевистскими. Крестьяне выгоняли помещиков из усадеб и отбирали у них землю, т.-е. делали то, против чего эс-эровские болтуны все время боролись. Сов. власть, ни в какой степени не окрепшая еще, находившаяся в первейшей стадии самоорганизации, шутя справилась с эс-эровскими попытками свергнуть ее. Вместо „воли народа" эс-эры не сумели сорганизовать даже приличной демонстрации. „Стихийное восстание масс" оказалось буффонадой, жалкой фатаморганой. Поневоле потом пришлось утешать себя криками о черни и охлосе, о массах, сбитых с толку „демагогией большевиков", хотя, как мы увидим дальше, самой позорной, трусливой, дрянной демагогией занимались именно эс-эры. Но об этом потом.

Заметим также, что меньшевики принимали активное участие в подпольных военных белогвардейских органах: они очень ведь теперь любят кричать, что большевики облыжно обвиняют их в контр-революционности.

III. „Работа“ эс-эров в Красной армии.

В связи с распадением старых полков, как боевых единиц, эс эры направляют свое внимание на Красную армию, к формированию которой приступает Советская власть. Они подбирают свой командный состав, вливая его в качестве добровольцев в штабы, создают свои парт. ячейки и организуют особый красноармейский отдел. Семенов очень подробно перечисляет, где и какие связи они имели, при чем в качестве опорных баз фигурируют те же самые: Семеновский, Преображенский и Волынский полки, броневой дивизион и некоторые штабные учреждения. В остальных полках дело обстояло плохо. В Павловском, Измайловском, Финляндском, Гренадерском настроение было определенно большевистское, и эс-эры решили на них махнуть рукой. Вливание „своих людей“ шло, однако, крайне слабо. Так в Семеновский полк было влито три-четыре человека, человек 10 в Преображенский. Работа вообще ослабела; солдаты, демобилизуясь, разъезжались по домам. Кроме того, в эс-эровских полках начало чувствоваться чье-то постороннее влияние. Далее Семенов переходит к рассказу о том, как эс-эры входили в контакт с некоей черносотенной подпольной организацией на предмет совместных выступлений против большевиков. История с этим контактом чрезвычайно интересна и поучительна, настолько, что мы остановимся на ней подробнее, предоставив слово автору.

„Мы выяснили,—пишет он,—что в Петрограде существует правая военная организация, которая и ведет свою работу в этих полках. Эта организация поручила одному из своих членов—непартийному солдату Преображенского полка (прежде активно работавшему у нас)—вступить с нами в переговоры по координированию работы и совместному выступлению; при чем, зная, что мы нуждаемся в средствах на работу, организация предлагала нам, в случае контакта, финансировать нас. Выяснилось, что это внепартийная буржуазная организация, существовавшая на средства крупной буржуазии и высшего духовенства. Во главе ее стоял бывш. правый с.-р. Филоненко. Целью ее было вооруженное свержение большевиков и создание буржуазного правительства. К этой организации и переходило постепенно наше влияние в Преображенском, Семеновском и Волынском полках. Под ее воздействием оказались полковые комитеты; в ее руках были полковые командиры, (командиры Преображенского, Семеновского полков,—старые офицеры, они были некоторое время с нами, поскольку мы шли активно против большевиков, но, как только стала проявлять себя правая организация, все их симпатии немедленно склонились к ней). Организация, как и мы, проводила пополнение полков своими людьми, добровольцами, вводила бывш. юнкеров, бывш. офицеров в качестве солдат. Я и Леппер были против контакта с организацией Филоненко. Но, учтя некоторую реальную силу организации, в виду ее влияния в указанных трех полках, мы, считая вопрос достаточно важным, передали его на обсуждение Ц. К. Перед Ц. К. мы поставили вопрос в такой плоскости: во первых, можем ли мы вообще входить в какое бы то ни было соглашение с определенно реакционной организацией, при чем я и Леппер в качестве представителей военной комиссии высказывались принципиально против; во вторых, если контакт с точки зрения Ц. К. возможен, то будет ли это политическое соглашение или только чисто военное сотрудничество; и, наконец, можем ли мы в

случае военного сотрудничества брать у правой организации деньги на нашу работу.

Ц. К. решил на политическое соглашение не итти. Но предложил мне и Лепперу, в целях конкретного выяснения планов Филоненко, вступить с последним от имени Ц. К. в официальные переговоры о политическом соглашении, делая вид, якобы это соглашение возможно. Вопрос о военном сотрудничестве и о приемлемости брать деньги от правой организации Ц. К. решил в положительном смысле. Считая факт выступления правой организации неизбежным, Ц. К. полагал, координируя практическую работу, выступить в будущем вместе с организацией Филоненко, а затем, опираясь на массу, в процессе переворота, взять власть в свои руки.

Было устроено свидание для переговоров. Присутствовали: я, Леппер, Филоненко и член правой организации (солдат Преображенского полка). Стремясь на этом свидании точно выяснить силы „союзника", мы определили, что у Филоненко помимо влияния в Преображенском, Семеновском и Волынском полках, на которое он рассчитывал больше всего, имеются какие-то ударные офицерские группы (численность их Филоненко старался замаскировать, но чувствовалось, что она не особенно велика) и какая-то домовая „гражданская охрана" из симпатизирующих обывателей, по выражению самого Филоненко. Филоненко старался выяснить наши реальные силы, дабы не „проторговаться". Мы рисовали их в преувеличенном виде. После вооруженного свержения большевиков Филоненко предполагал создать буржуазное министерство, куда предполагалось ввести: Карташова (Карташов принимал активное участие в организации Филоненко), Пальчинского, Львова (бывшего обер-прокурора Св. Синода), Пешехонова, Коновалова и „кажется" Кишкина. Как мы ни старались выяснить, кто уже намечается на пост министра-председателя, Филоненко об этом умалчивал. Мы догадались, наконец, что это место он предназначает для себя самого. Предполагалось, что правительство созовет Учредительное Собрание. Филоненко считал, что старое Учредительное Собрание не пользуется популярностью в массах. Для нас было очевидно, что самый большой дефект старого Учредительного Собрания—это отсутствие в нем самого Филоненко.

Мы заявили Филоненко, что политическое соглашение—длительная история, что мы будем делать об этом доклад в Ц. К. и ждать по этому вопросу его решения, и предложили, не теряя времени, координировать военную работу по подготовке восстания. Филоненко сразу же согласился и предложил финансировать нас. Получая субсидию в дальнейшем, мы получили от Филоненко около ста тысяч керенок. Политическое соглашение было постепенно нами замято.

План выступления организации Филоненко сводился к тому, чтобы постепенно подготовить Преображенский, Семеновский и Волынский полки и бросить их против большевиков. Готовилось разоружение Преображенского полка. Настроение преображенцев было таково, что они думали активно сопротивляться разоружению их Советской властью. Филоненко ждал попытки разоружения, полагая, что в этот момент удасться при сопротивлении Преображенского полка объединить на его защиту другие петроградские старые полки и двинуть их против большевиков. У Филоненко был боевой штаб предполагаемого выступления; в этот штаб вошел в качестве нашего представителя Леппер. Мы тоже считали, что Преображенский полк окажет активное сопротивление разоружению и думали, что это может быть моментом выступления. Полагали объедини-

вокруг Преображенского полка старые полки Петроградского гарнизона и противопоставить их Красной армии. В марте (приблизительно) мы узнали, что ночью ожидается разоружение Преображенского полка. Преображенский полк, по сообщению представителя полка (члена правой организации), был настроен не сдавать оружия. Семеновский и Волынский полки, которым представитель Преображенского полка сообщил о предстоящем разоружении, обещали поддержку и были наготове. На помощь правой организации, в решительный момент концентрации сил около Преображенского полка, рассчитывать было нечего; о правой организации, об ее штабе представитель Преображенского полка говорил, безнадежно махая рукой.

Военная комиссия решила выступать. Был сделан запрос Центральному Комитету. Ц. К. после долгих и бурных прений санкционировал наше решение.

Центром тяжести предполагаемого выступления было ожидаемое активное сопротивление преображенцев. При наличности этого сопротивления мы полагали бросить к полку броненые машины, захватив их силами нашего броневого дивизиона, и наши боевые дружины. Семеновский и Волынский полки, предполагалось, выступят и присоединятся. Броневой дивизион наш был наготове в ожидании предписаний. Я отдал приказ Кононову собрать боевые дружины. Ночью произошло следующее: одна часть Преображенского полка—на Миллионной (полк был разделен на две части) была захвачена врасплох и разоружена без попытки сопротивления; около другой части стоял броневик и стягивались большевистские части. В этой части положение вещей было таково, что солдаты, чувствуя возможность вооруженной стычки разбегались; ушли даже, по сообщению представителя полка некоторые из наиболее активных и надежных, расставленные им в караул. Настроение в Семеновском и Волынском полках, когда там узнали о положении Преображенцев, было подавленное. Наши боевые дружины по неизвестным причинам не собрались. Не явился ни один человек. (Как сообщил после Кононов, он никак не мог их собрать.) Мы сочли дело проигранным и решили не выступать. Организация Филоненко во время этого ожидавшегося выступления ничем себя не проявила, показав этим свою полную несостоятельность. После разоружения Преображенского полка Филоненко вскоре уехал из Петрограда, так как за ним следили и он ожидал ареста. Его организация вскоре распалась. Неоднократно упоминавшийся мною работник Преображенского полка уехал, изверившись в возможность выступления в Петрограде и считая нужным перенести центр работы на окраины.

Ожидалось разоружение Семеновского полка. Полковой комитет созвал полковое собрание, на котором провел, по тактическим соображениям, несоответствовавшую настроению полка резолюцию доверия Советской власти. Ввиду этой резолюции полк не был разоружен. Впоследствии полк целиком перешел на фронте на сторону Юденича".

Здесь все хорошо и характерно, начиная с мелочей. Очень колоритен Филоненко недавний правый эс-эр, оказавшийся во главе организации, существовавшей на средства крупной буржуазии и высшего духовенства. Политическая платформа его чрезвычайно проста: так как его не оказалось в старом Учредительном Собрании, то он против него и за созыв нового. И он метит на пост председателя нового контр-революционного правительства. Ему обещает это „крупная буржуазия и высшее духовенство", и он отрясает прах от ног своих, в двадцать четыре часа меняет убеждения. Ни у Филоненко,

ни у эс-эров за душой нет ни алтына, поэтому они тянутся друг к другу и еще потому, что по существу между ними нет никаких серьезных различий: и те и другие авантюристы, проигравшиеся политические шулера, жалкие „бывшие людишки", растерявшие последние остатки идейного багажа. Мелкая игра в крупную политику, политическая неразборчивость, всеравнощество и нечистоплотность, желание погреть руки, где удастся, ибо других путей нет, они заказаны. Понятно отсюда, что „мудрый" эс-эровский Ц. К. намечает такую „тонкую" политическую линию: деньги брать нужно, совместно выступать тоже, но на полит-соглашение итти не следует. Как будто дело в писаной платформе. Суть в том, что партия правых эс-эров брала деньги у крупной буржуазии и высшего духовенства—вышли в хороших людей, - и совместно с самой подлинной черной сотней подготовляла вооруженное восстание против Советской власти. Это - факты.

Далее Семенов рассказывает, что после того, как выяснился провал „коалиции" с Филоненко, эс-эры пытались „с информационными целями" получить деньги от... Людендорфа. О работе эс-эров узнала некая архи-буржуазная организация, стоящая на точке зрения немецкой ориентации. Предполагалось двинуть на Петроград несколько немецких корпусов и водворить буржуазное правительство.

Организация предложила эс-эрам деньги, требуя за то поддержки. Семенов говорит:

„Снова поставили вопрос перед Ц. К.; Ц. К. П. С.-Р. отнесся резко, отрицательно к проектируемому соглашению. Но считая нужным, чтобы мы, в целях информации, поддерживали связь с организацией, стараясь выяснить, что она конкретно делает и беря от нее деньги, но конспирируя от нее, делая вид, что мы идем на соглашение с нею.

Деньги мы брали, получили тысяч 40—50. Иванов два раза ездил в ставку начальника штаба Северного Германского фронта и через начальника этого штаба вел переговоры от имени „Русского Общества" с начальником Германского генерального штаба Людендорфом. Он предлагал Лепперу послать туда же от нас авторитетного представителя для окончательных переговоров.

Леппер довел до сведения Ц. К. об этом предложении Людендорфа. Ц. К. считал нужным, преследуя все ту же информационную цель, послать нашего представителя в ставку начальника штаба Северного Германского фронта (в Ц. К. по этому поводу были большие прения; некоторые члены, примерно, Раков, были резко против). Для поездки в ставку Ц. К. наметил кандидатуру Постникова (полковника). Я и Леппер, по поручению Ц. К., вели переговоры с Постниковым, но Постников отказался (он был принципиально против всего этого). Другого подходящего представителя для поездки в ставку мы не нашли, и поездка не состоялась.

Немецкий штаб не пошел на соглашение с организацией. Без услуг немецких штыков организация не имела никакой реальной силы.

Сущие Маккиавелли, хитроумнейшие Одиссеи, дипломатичнейшие дипломаты, государственные умы, министерские головы, современные Соломоны. И от Антанты получали, и от высшего духовенства не отказывались, и Людендорфом не побрезговали. Вот она „тонкая" политика, использование ситуаций, здоровый политический реализм. И подумать только, что ничего, из этого не вышло. Или вернее: вышло-то вышло, но получилась слякоть, дрянь, скверные пустяки, ложь, игра в бирюльки и предательство революции.

Кстати, подходящий случай для нас, поднять бы „разоблачающую" кампанию на весь мир о немецких агентах, немецких деньгах, о

связи с Людендорфом. Оставим, однако, это для Бурцева, Алексинского и Милюкова—все равно им „там" делать нечего—пусть и „разоблачают". Нас же сейчас интересует другой вопрос. Из брошюры Семенова явствует, что „работа" эс-эров в Красной армии на три четверти сводилась к соглашательским комбинациям с махровыми черносотенными организациями и к провокаторской деятельности в среде высшего командного состава. Так и запомним. В толщу красноармейских масс они проникнуть не могли и Семенов неоднократно констатирует, как все попытки со стороны эс-эров в этом направлении терпели неизменный крах: вливать свои ячейки в красноармейские части в сколько-нибудь широких размерах не удавалось, старые связи терялись, „работа" все больше и больше замирала.

IV. Экспроприации и террор.

Партия эс-эров утверждала и утверждает, что она не имеет отношения к эксам, которые время от времени производились в 1918 и 1919 годах. Семенов разрушает эту „легенду", указывая, что ряд эксов произведен был им и его группой с ведома и одобрения Ц. К. Партии. Когда выяснилось, что партия не располагает значительными денежными рессурсами, Семенов предложил Ц. К. обсудить вопрос об эксах.

„Ц. К., стоявший на точке зрения принципиального отрицания экспроприаций, принимая во внимание создавшееся в партии положение вещей в смысле полного отсутствия денег для дальнейшей работы, признал производство экспроприаций у советского правительства допустимым. Но при этом Ц. К. считал совершенно недопустимым делать экспроприации от имени партии. Экспроприации должны были производиться нашими дружинниками таким образом, чтобы имя партии никоим образом и ни в каком отношении не было связано открыто с ними. Предполагалось, что наши боевики будут фигурировать, как уголовные преступники. Военная комиссия разделяла эту точку зрения Ц. К.".

Ниже, в связи с практикой террора в отношении к представителям Советской власти мы вернемся к этой „тактике" Ц. К. партии эс-эров. Пока же ограничимся указанием, что эс-эровскими боевиками был произведен ряд экспроприаций: помимо эксов у частных лиц, был экспроприирован миллион рублей у артельщика Комиссариата продовольствия, при чем артельщик оказался „своим"; экс в губпродкоме в Москве не удался по случайным причинам: не достало кислорода в аппарате для расплавки замка; на углу Камергерского пер. и Тверской было ограблено на 100 тысяч руб. почтовое отделение. Намечался экс части золотого запаса, предназначенного для уплаты Германии по Брестскому договору, равно как и экс в Главсахаре, но оба эти проекта приведены в исполнение не были.

Переходим к террористической деятельности партии эс-эров. Отчету о терроре посвящена почти половина документа, опубликованного Семеновым. Несомненно, эта часть представляет наибольшую ценность и интерес. Здесь „тактика" эс-эровской партии очерчена „с головы до пяток". Здесь мы узнаем впервые о таких вещах, которые раньше совсем были неведомы, о действиях, по поводу коих эс-эры, бия себя в перси, твердили и твердят с благородным негодованием: „наглое измышление большевиков, непричастны, неповинны". Речь идет о таких актах, как убийство Володарского, покушение на Ленина. Но здесь не только это: тут вся глубина разложения, весь смрад, вся ложь и весь обман.

Рассказ свой Семенов начинает с того, что, прийдя к мысли о необходимости применения индивидуального террора к наиболее видным большевикам, он решил организовать центральный боевой отряд. В отряд вошли Федоров, Сергеев, Усов, Зеленков, Коноплева и Иванова. Была организована слежка за Зиновьевым и Володарским. Дальше он пишет:

„Когда мы сочли технику к покушению на Володарского достаточно подготовленной, я обратился к Гоцу с запросом, считает ли нужным Ц. К. перейти немедленно к действию. Гоц от имени Ц. К. предложил мне выждать некоторое (короткое) время. Для чего надо было выжидать это короткое время, что могло измениться в ближайшем будущем, — для меня так и осталось невыясненным. Я вынес из беседы с Гоцем определенное впечатление, что у Ц. К. просто не хватает последней практической решимости, как зачастую это бывало с Ц. К. в решительные действенные моменты. На другой — третий день после беседы моей с Гоцем — Сергеев, отправляясь посмотреть, как проедет в намеченном нами месте автомобиль Володарского, задал мне вопрос, как быть, если у него будет очень удачный случай убить Володарского. Я ответил, что в таком случае надо действовать. В этот день автомобиль Володарского по неизвестной причине остановился невдалеке от намеченного нами места, в то время, когда там был Сергеев. Шоффер начал что-то исправлять. Володарский вышел из автомобиля и шел навстречу к Сергееву. Кругом было пустынно. Вдали были редкие прохожие. Сергеев выстрелил несколько раз на расстоянии двух-трех шагов, убил Володарского и бросился бежать. Сбежавшаяся на выстрел публика погналась за Сергеевым. Последний бросил английскую военного образца бомбу, взвесив, что на таком расстоянии он никого из публики не убьет. От взрыва преследующие растерялись. Сергеев перелез через забор, повернул в переулок и скрылся. Затем я его отправил в Москву.

Рабинович от имени Ц. К. заявил мне, что я не имел права совершать акта без точной санкции Ц. К., так как Ц. К. предложил мне с совершением акта подождать (члены Ц. К. по конспиративным соображениям избегали встречи со мной).

В эс-эровских кругах, среди тех, кто считал нужным террористическую борьбу, полагали, что акт — дело партии и с напряжением ждали открытого сообщения партии об этом. Ц. К. растерялся, и все его помыслы сводились к страху, как бы не открылось, кто является действительным виновником происшествия, как бы партия не подверглась разгрому. Ввиду этого (по моему — именно ввиду этого) на другое же утро после убийства в газетах появилось категорическое заявление Ц. К., что ни партия и ни одна из ее организаций не имели ни малейшего отношения к происшедшему. Ц. К. настаивал на немедленном отъезде всех нас в Москву. Я был возмущен поведением Ц. К. Я считал необходимым, чтобы партия открыто заявила, что убийство Володарского — дело ее рук. То же думала моя Центральная Боевая группа. Отказ партии от совершенного ею акта был для нас большим моральным ударом. Моральное состояние всех нас было ужасное".

Володарский был убит партией эс-эров. Партия эс-эров трусливо отказалась и по сию пору отказывается от этого акта. Партия эс-эров

обманула своих боевиков, предала их. Дабы не мешать „цельности впечатления“, переходим ко второму акту: покушению на тов. Ленина.

Семенов повествует: „Установили, что Ленин часто выезжает на митинги. Особое значение я придавал в тот момент убийству Троцкого, считая, что это убийство, оставив большевистскую армию без руководителя, значительно подорвет военные силы большевиков. Убийство Троцкого я ставил в первую очередь, считая нужным приводить его в исполнение немедленно, при первой же практической возможности. Я мыслил это убийство не как политический акт, а как дело военное, необходимое по стратегическим соображениям. Покушение на Ленина я расценивал, как крупный политический акт, и считал, что политическая обстановка еще недостаточно созрела для подобных политических ударов, что это покушение надо производить при обстановке начинающегося развала Советской власти и что следовательно его надо отсрочить на некоторое время, ибо большевики еще пользуются популярностью, у них еще есть связи с массой. Для выяснения позиции Центрального Комитета по вопросу о практическом проведении террора, я беседовал с Гоцем. Гоц находил, что политический момент достаточно созрел и для политических ударов путем террора, считал, что убийство Ленина можно осуществить немедленно, что оно будет иметь не меньшее значение для подрыва Советской власти, чем убийство Троцкого. Гоц предлагал убить первым того, кого будет легче убить по техническим соображениям. Я указал Гоцу, что если Ц. К. намерен отказываться от актов после их совершения, как это было при убийстве Володарского, то и я и мои боевики вряд ли согласимся продолжать террористическую работу. Гоц заявил, что, в силу большой политической важности готовящихся актов, Ц. К. во всяком случае не заявит о непричастности партии к ним, возможно только, что Ц. К. по тем или иным практическим соображениям замедлит с открытым признанием актов делом партии, но с тем, чтобы через некоторое короткое время декларировать о них открыто. Я изложил точку зрения Гоца на собрании боевиков, поставив перед ними следующие вопросы. Во-первых, будем ли мы продолжать террористическую работу при условии, что Ц. К., возможно, не сразу после актов, открыто их признает своим делом. Некоторые из боевиков считали необходимым, чтобы покушавшийся сразу же, в случае ареста, заявил, что акт является делом партии, и чтобы официальное заявление об этом Центрального Комитета последовало бы немедленно. После долгих прений мы решили, что точка зрения Гоца приемлема, но что, поскольку Гоц не давал никаких официальных обещаний от имени Ц. К., у нас должна быть более определенная и более официальная гарантия в том, что Ц. К. поступит после акта именно согласно этой точки зрения.

У меня снова состоялось свидание с Гоцем, на котором я предложил ему, сообщив о настроении боевиков, дать официальный ответ: гарантирует ли он от имени Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, что Ц. К. не отречется от акта после его совершения. Гоц гарантировал от имени Центрального Комитета своим честным словом, что Ц. К. не заявит о непричастности и признает акт открыто немедленно, или

спустя некоторое время. Мы сочли честное слово Гоца достаточной гарантией".

Далее Семенов узнает, что в Москве есть террористическая группа эс-эров. Он вступает с группой в связь. Во главе этой второй группы оказывается Фаня Каплан, бывшая анархистка. Группа Семенова сливается с группой Каплан. В группе Каплан оказались: Пепеляев, Груздиевский и некая Маруся. Решили убить Ленина выстрелом из револьвера при отъезде его с какого-нибудь митинга. Покушение было произведено при следующих обстоятельствах:

„В первую неделю,— рассказывает Семенов,— когда наш план дежурств на митингах уже выполнялся, Ленин выступил только на одном небольшом митинге, на котором не было нашего дежурного (на небольшие митинги мы не посылали дежурных). В следующую неделю Усов, которому дежурный боевик, сообщил о приезде Ленина на митинг, пришел на митинг, но покушения не сделал. У нас после этого было тяжелое собрание. Мы все считали, что Усов оказался слабым, что у него не хватило решимости к действию. Усов был исключен из числа исполнителей. На следующий раз я разослал дежурных на все митинги. Лучшим исполнителем я считал Каплан. Поэтому я послал ее в тот район, где я считал больше всего шансов на приезд Ленина. Послал хорошего боевика, старого с.-р. Новикова, на завод Гужон¹), где ожидался приезд Ленина. Каплан должна была дежурить на Серпуховской площади недалеко от завода. Я считал, что бежать после совершения акта не надо, что за такой момент покушающийся должен отдать жизнь, но практическое решение этого вопроса я предоставлял каждому из исполнителей. Каплан разделяла мою точку зрения. Все-таки, на случай желания Каплан бежать после совершения акта, я предложил Новикову нанять извозчика-лихача и поставить наготове у завода (что Новиков и сделал).

Ленин приехал на завод. Окончив говорить, Ленин направился к выходу. Каплан и Новиков пошли следом за ним. Каплан вышла вместе с Лениным и несколькими сопровождавшими его рабочими. Новиков нарочно споткнулся в выходной двери, задерживая несколько выходящую публику. На минуту между выходной дверью и автомобилем, к которому направился Ленин, образовалось пустое пространство. Каплан вынула из сумочки револьвер; выстрелив три раза, она тяжело ранила Ленина. Бросилась бежать. Через несколько минут она остановилась и, обернувшись лицом к бегущим за нею, ждала, пока ее арестуют. Каплан была арестована. На Новикова никто не обратил внимания.

После покушения я стянул всех боевиков на дачи. В газетах появилось заявление Ц. К., что партия не принимала участия в акте. Это произвело на нас ошеломляющее впечатление. Увидевшись с Донским, я с негодованием сказал ему о недопустимости такого поведения Ц. К., считая его просто трусостью, указывал, на честное слово Гоца. Донской объяснил заявление Ц. К. тем, что Ц. К. считает недопустимым подвергнуть партию, в случае отсутствия такового заявления, разгрому красного террора. Новикову Донской предложил описать акт и сдать материал в архив Партии. Отмечаю, что происшедшее вскоре убийство Урицкого было произведено не нашей группой (думаю, что оно было организовано группой эн-эсов)".

¹) Семенов ошибается: покушение произошло на заводе Михельсона. [illegible]

Ц. К. партии эс-эров убил т. Володарского и отрекся от этого убийства, обманув страну, свою партию и боевиков. Ц. К. эс-эровской партии стрелял в Ленина, ранил его и опять отрекся и вторично обманул страну, свою партию и своих боевиков. Члены Ц. К.—Чернов, Гоц, Донской и другие—действовали как самые последние трусы. Они ссылались на то, что не хотят подвергнуть партию „ужасам красного террора". Но дело, конечно, не в этом. Они не смогли признать эти „акты" своими ни тогда, ни позже, они никогда не признали бы их своими, ибо они знали и знают, что их осудят русские рабочие, иностранные рабочие, красноармейцы, крестьяне, значительная часть эс-эровской партии. И вот Ц. К. втягивает боевиков в убийство, подсказывает, кого следует убить, обещает признать „акты" делом партии и обманывает. И не случайно, что виновников и обстоятельства убийства впервые раскрывает Семенов, начальник центральной боевой дружины, проклявший Черновых и отрясший эс-эровский прах от ног своих.

Какой политический смысл имели эс-эровские „акты", раз партия отрекалась во всеуслышание от них? Заметьте, что заявление о непричастности к „актам" звучит как косвенное осуждение их и так их и понимали эс-эровские боевики. Террор, к которому прибегала раньше до революции партия эс-эров, „снимая" царских сатрапов, имел в виду, главным образом, не персональное уничтожение последних,—а поднятие активного настроения в массах, поднятие престижа партии, устрашение врага. Поэтому "в доброе старое время" партия с гордостью оповещала, что министр—имя рек—покинул сей мир. Открещиваясь, косвенно осуждая „акты"—убийство Володарского и покушение на т. Ленина, Ц. К. эс-эров сводил к нулю это главное в практике индивидуального террора. В конце концов, дело сводится к мести, к сведению счетов со стороны кучки людей, политических банкротов, озлобленных своими неудачами, сброшенных на политическое дно, бессильных и неспособных к серьезной политической борьбе. Маленькие людишки. Конечно, они делали „большие дела", но эти „большие дела" свидетельствовали о разложении и полном маразме их. Так индивидуальный террор разделил судьбу партии.

Азефиада нанесла этой тактике смертельную рану, но не добила эс-эровский террор. Обстановка „актов"—убийство Володарского и покушение на Ленина,—разоблачение Семенова, его решительный разрыв с эс-эрами наносит эс-эровскому террору последний удар. Террор разделил участь всей партии. Подумайте об этой атмосфере, когда члены Ц. К. **обманом** подталкивают своих ближайших и виднейших работников-боевиков, когда боевики уже знают, что их обманывают и требуют у своего центра гарантий. Где мы? В революционной партии, или в среде жуликов, трусов, маленьких иезуитов и больших лгунов?

Эс-эры брали деньги и организовывали свои акты на средства Антанты. Это тоже устанавливает Семенов. Вот что он пишет в связи с „охотой" на т. Троцкого:

„Военная организация брала деньги на работу, с ведома Центрального Комитета П. С.-Р., от французской миссии (через датскую миссию). Мне было известно от Ильи Минора, что он по поручению Донского бывал в Датской миссии для получения денег от французской миссии. У Донского и Тимофеева бывали деловые свидания с представителем французской военной миссии. Свидания происходили в квартире, где жила **Каплан**. У военной организации была специальная подрывная группа, целью которой

был подрыв поездов, которыми производился подвоз из Москвы на фронт снарядов, амуниции, воинских частей. По словам Донского и двух активных работников этой группы, группа произвела крушение нескольких поездов и взорвала несколько маленьких мостиков по ж.-д. линии; при чем, как я узнал, после, однажды было произведено по ошибке крушение санитарного поезда. В подрывной группе было пять-шесть человек. Был химик, который приготовлял нужные снаряды. Часть подрывных материалов—пироксилин, гремучую ртуть, адские машины с часовым механизмом, как говорил мне химик, военная организация получала от французской миссии, через одного француза, работавшего в разведывательном отделе миссии.

После покушения на Ленина для нас было очевидно, что Ц. К. откажется и от всякого нового акта. Но покушение на Троцкого мы расценивали только как акт военно-стратегического характера и считали, поэтому, возможным произвести это покушение и при условии отказа от него партии. В это время ожидался выезд Троцкого в Казань вместе с вновь назначенным командующим всеми вооруженными силами Республики Вацетисом и некоторыми видными военными работниками. Я решил устроить крушение этого поезда, считая, что это может иметь решающее значение для Восточного фронта. Предполагалось, что поезд пойдет по Казанской ж. д. В ночь выезда поезда группа боевиков во главе с Ивановой и Зубковым отправилась со взрывчатыми веществами на полотно Казанской ж. д. (недалеко от Томилино) и приготовила все к крушению поезда. Я допускал, что поезд может быть переведен с Казанского вокзала на другую ж.-д. ветку. На этот случай я послал на Казанский вокзал Коноплеву и Королева, которые должны были убить Троцкого; стрелять должна была Коноплева, а в случае ее промаха Королев. Покушение не удалось, так как поезд Троцкого пошел с Нижегородского вокзала".

Тут все ясно. „Из песни слова не выкинешь".

Наша статья затянулась. В заключение необходимо, однако, коснуться одного трагического обстоятельства, которое назойливо лезет в голову при ознакомлении с воспоминаниями Семенова.

Среди этих кровавых шутов и скоморохов, разыгрывавших на политических задворках грязные кровавые водевили, были люди иного склада. Субъективно они были преданы революции, объективно они являлись орудием в руках политических прогоревших вертопрахов объективно они делали черное дело и совершили ряд тягчайших преступлений. У них была смелость дерзания, максимализм души, необлядность, а их слово было кровь и железо. Ослепленные „старыми заветами", романтики революции, не понявшие совершающегося на их глазах—они шли и убивали во имя Учредительного Собрания, „верили" что большевики—немецкие агенты и предатели революции и не замечали ни того, что их содержала французская миссия, высшее духовенство, т.-е. черная сотня, ни того, что где-то совсем близко готова показаться тень Людендорфа, а Ц. К. трусливо отрекается от них, обманывает, предает. Тут власть прошлого, гипноз имен и лозунгов, политическая наивность и незрелость, переплетенные с фанатизмом, жаждой жертвы и большого дела. Мертвецы повелевают.

Долго сожительство это в наши дни продолжаться не могло. В наши дни все потаенные противоречия вскрываются с неотвратимостью железной. Они искали поддержки у своих вождей, ибо не верили до конца в свое кроваво-нелепое дело. И когда убедились, что там медь

звенящая и кимвал бряцающий, часть из них стала искать другого выхода.

Черновы и Гоцы остались „на прежних позициях“,—а вот их гордость, их лучший боевой элемент, по крайней мере часть, кто претворял их решения в жизнь, у кого слово было кровь и железо—они отшатнулись от этих вымороченных политиков. Страшной кровавой ценой, но все-таки нашли дорогу. „Завершение с.-р. движения на Волге, — заканчивает свою исповедь Семенов,— победой реакции с одной стороны, Венгерская и Германская революция — с другой стороны — были для меня огромным толчком к коренной переоценке и характера революции, и основных позиций партии и роли в революции пролетариата и крестьян. Переоценка привела меня к взгляду на революцию как на революцию социалистическую, к признанию ошибочности позиции партии соц.-революционеров, к признанию необходимости диктатуры пролетариата“.

Знаменье нашей эпохи, целый символ, показатель обаяния правды новой,—когда в хаосе, в бурных полных трагизма сдвигах, в великом смятении душ, в чудовищных недоразумениях и ошибках, в нелепостях и срывах, в огне и крови—создается завет новый.

По последним сведениям, Семенову предложено добровольно явиться на суд.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на первую тройную (январь—март) книгу журнала литературы, искусства, критики и библиографии

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

2-й год издания

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и И. И. Степанова-Скворцова.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи и обзоры: *В. Вересаев.* Что нужно для того, чтобы быть писателем. *Ил. Кубиков.* В. Г. Короленко. *М. Павлович.* Белые и красные. *Вяч. Полонский.* Русский обыватель в эпоху революции. *М. Н. Покровский.* О мемуарах Витте. *М. Рейснер.* Интеллигенция как предмет изучения. *П. Ф. Преображенский.* Освальд Шпенглер и крушение истины. *Б. Арватов.* На путях к пролетарскому творчеству. *Сергей Городецкий.* Воспоминания о Блоке. *Анри Гильбо.* Современное движение французской литературы. *А. А. Сидоров.* Очерки по истории русской иллюстрации. *В. Я. Адарюков.* Русские граверы. А. П. Остроумова Лебедева. *Б. М. Завадовский.* Основные принципы оценки популярной литературы по естествознанию. *Г. И. Поршнев.* Библиография в Сибири за годы революции. *В. Д. Виленский* (Сибиряков). Международное Советское право. *А. Юрьев.* Обзор литературы по новой кооперации. *Н. Батурин.* Органы губэкономсовещаний (обзор). *В. А. Костицин.* Астрономические новости по английским и немецким журналам (обзор) *В. А. Костицин.* Обзор литературы по вопросу о Курской магнитной аномалии. *Н. Л. Мещеряков.* О работе Государственного Издательства. *Н. Янцкий.* О Российской Центр. Книжной Палате. *В. Городецкий.* Библиография и краеведение. *Б. Боднарский.* Российский Библиографич. Институт

Отзывы о книгах: Д. Анучина, Е. Аркина, А. Д. Архангельского, Б. Арватова, Н. Андреева, И. А. Аксенова, А. Аросева, В. Броннера, С. Блажко, С. Боброва, А. Бессера, В. Алопатского, В. Блох, В. Бебутова, Н. Богуславской, Д. Выгодского, Ил. Вардина, В. Ваганян, Б. Волина, В. Виленского (Сибирякова), И. Гельмана, Б. Горева, А. Донича, Н. Дикмана, А. Елизаровой, А. Элькинда, И. Звавича, Г. Зандберг, А. Жадовского Г. Жидкова, Б. М. Завадовского, Н. Зайцева, В. Костицина, Н. Калицкого, П. С. Когана, Н. Кубикова, В. Лебедева-Полянского, Н. Лукина Антонова, В. Михайлова М. Масленникова, Н. Мещерякова, В. Мейерхольда, В. Натали, Д. Недовича, В. Поспелова, С. Пионтковского, Вяч. Полонского, Б. Пильняка, Р. Пичета, М. Павловича, Е. Преображенского, П. Ф. Преображенского, В. Сарабьянова В. Стрелкова, М. Смушковой В. Смушкова, И. Степанова, В. Н. Сторожева, В. Трезвонцовой, Н. Тарабукина, М. Тихомирова, Е. Успенского, П. Фридлянда, Е. Херсонской, А. Чернова, С. Шамаиского, Н. Щербакова, М. Щелкунова, А. Эйхенгольца, Р. Целлера, А. Шнеерсона, Н. Эйгеса, В. Фриче, Б. Эльцина, А. Юрьева и др.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Книга иллюстрирована рисунками и гравюрами в тексте и отдельными гравюрами на вкладных листах.

Объем книги 20—22 печ. листа.

Условия подписки—с доставкой и пересылкой почтой (зак. бандеролью).

1) Для Сибири, Туркестана, Кавказа и Украины **1 руб. зол.** (150.000 р.) по январскому курсу.

2) Для остальной России **95 коп.** (142.500 руб.)

3) Для Москвы **90 коп.** (135.000 руб.) без доставки

Подписка принимается только до **5 марта.** По выходе в свет цена книги будет повышена. Книга поступит в продажу в первых числах марта. По объявлении Н. К. Ф. нового курса рубля на март подписная плата в сов. знаках соответственно изменяется.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ в редакцию журнала—Москва, Никитский бульв., дом № 8 („Дом Печати").

Вышла из печати ноябрьская—декабрьская кн. 1921 г.

Бесплатная рассылка журнала прекращена.

«КРАСНАЯ НОВЬ»

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Книга первая.

Всеволод Иванов. Партизаны. Рассказ.— *М. Пожарова*. Стихи.— *С. Подьячев*. „Голодающие". (С натуры.)— *Д. Семеновский*. Современные частушки.— *Николай Колоколов*. Стихи. Политико-экономический отдел. *Н. Ленин*. О продовольственном налоге.— *Ш. Двойлацкий*. Накопление капитала и проблема империализма.— *К. Радек*. Третий год борьбы советской республики против мирового капитала.— *А. Хрящева*. К характеристике крестьянских хозяйств периода войны и революции.— *Н. Крупская*. Система Тайлора и организация работы советских учреждений. Искусство и жизнь. *А. Луначарский*. Наши задачи в области художественной жизни.— *В. Фриче*. Ромэн Роллан. Отдел научно-популярный. *А. Тимирязев*. Периодическая система элементов Менделеева и современная физика. Научная хроника. *Вл. Архангельский*. Наши достижения в аэрогидродинамике.— *В. Баженов*. Успехи применения радио за границей. Внутри советской России. *Е. Преображенский*. Новая полоса.— *И. Вардин*. „После Кронштадта". Иностранное обозрение. *М. Смит*. Производственные и социально-политические предпосылки забастовки английских углекопов.— *М. Павлович*. Кемалистское движение в Турции.— *М. Павлович*. С. Штаты и советская Россия. Из прошлого. *Вяч. Полонский*. Вейтлинг и Бакунин. В порядке дискуссии. *М. Ольминский*. О книге т. Бухарина.— *Не-ревизионист*. О книге т. Бухарина.— *Н. Бухарин и Г. Пятаков*. Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия. Из зарубежной прессы. *Н. Мещеряков*. „Наши за границей".— *А. Воронский*. Уэльс о советской России. Критика и библиография. 1. *А. Воронский*. Об отшельниках, безумцах и бунтарях.— 2. *Нурмин*. Леонид Андреев. „Дневник сатаны".— 3. *А. Меньшой*. „Парализованные".— 4. *Нурмин*. Феликс Гря. „Террор".— 5. *А. В.* Распад идеологии.— 6. *М. Кантор*. „Народное хозяйство", ежем. экон. журнал.— *Проф. Реформатский*. Наука и ее работники.—8. *Мих. Павлович*. Мих. Лемке „250 дней в царской ставке".— 9. *Я. Шафир*. Н. Ашешов. Софья Перовская.— 10. *Я. Ш.* Л. Г. Дейч. „Русская революц. эмиграция 70-х годов".— 11. *А. Аросев*. Ген. Слащев-Крымский. Требую суда общества и гласности.— 12. *А. Аросев*. Мих. Павлович. Экономическое развитие и аграрная программа в Персии XX века.— 13. *Подземский*. „Красный журналист".

Книга вторая.

Вячеслав Иванов. Алтайские сказки.— *Дмитрий Семеновский*. Песнь песней. Стихи.— *Ольга Форш* (А. Терек). Чемодан. Рассказ.— *Мих. Артамонов*. Из полевых песен. Стихи.— *А. Аросев*. Страда. Записки.— *В. Александровский*. Из поэмы „Деревня". Стихи.— *Павел Низовой*. Крыло птицы. Рассказ.— *Борис Пастернак*. Уральские стихи. Политико-экономический отдел. *Евгений Варга*. Как строилась промышленность и разрешался земельный вопрос в советской Венгрии.— *Мих. Фрунзе*. Единая военная доктрина и Кр. армия.— *Я. Шафир*. „Экономическая политика белых". Научно-популярный отдел. *Г. Кржижановский*. Заметки об электрификации.— *Д. Прянишников*. От азота воздуха к азоту нервной и мышечной ткани.— *А. Тимирязев*. Принцип относительности (о теории Эйнштейна).— *А. Тимирязев*. Успехи физики в сов. России. Из прошлого. *Вяч. Полонский*. Крепостные и сибирские годы М. Бакунина. Искусство и жизнь. *Роза Люксембург*. В. Короленко.— *В. Фриче*. От войны к революции.— *А. Воронский*. Литературные заметки. Внутри советской России. *С. Клепиков*. Неурожай 1921 г.— *П. Месяцев*. Голодное переселение.— *Я. Яковлев*. Махновщина и анархизм.— *Ил. Вардин*. Реакционная демократия. Вопросы международного рабочего движения. *К. Радек*. Комментарии к третьему конгрессу Комм. Интернац.— *Мих. Павлович*. Восточный вопрос на III конгрессе. Отклики на зарубежную печать. *М. Покровский*. Противоречия г. Милюкова.— *Н. Мещеряков*. Легкомысленный путешественник. В порядке дискуссии. *Сарабьянов*. От примитивов к крайностям.— *Н. Бухарин*. Настоящая потеха и настоящее мучение. Критика и библиография. *Анчар*. „150.000.000".— *Нурмин*. О новой книге В. Короленко.— *П. Яровой*. Быт в произведениях А. Неверова.— *Н. Захаров-Менский*. Поэзия никитинцев.— *В. Невский*. Взаимодействие или монизм.— *Вад. Смушков*. Из эпохи „Звезды" и „Правды" (1911—1914 г.г.)— *В. Смушков*. На службе германской революции.— *А. Воронский*. От народнического утопизма к контр-революционной кулацкой идеологии.— *Нурмин*. К эволюции русского либерализма.— *Мещеряков*. Мечты, мечты.— *Дон Аминадо*. „Зеленая палка".— *П. С. Коган*. Александр Блок (некролог).

Книга третья.

Книга четвертая.

Адрес редакции: Сретенский бульвар, 6, угол Милютинского пер., 5-ый подъезд, 4-ый этаж. Прием ежедневно от 2—4 час. дня. Телеф. 4-36-81.

Государственное Издательство. Редактор А. Воронский.